

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И СУДЬБЫ НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

МОСКВА
2015

УДК 94(100)(4)"654"(4)
ББК 63.3(2)524(45–47)
П26

Редколлегия:

*Н.С. Гусев, к.и.н. Ю.В. Лобачева, д.и.н. Е.П. Серапионова (отв. ред.),
д.и.н. А.Л. Шемякин.*

Отдельные статьи редактировались при участии к.и.н.
Р.Р. Субаева.

Именной указатель составила к.и.н. *Е.Б. Лопатина.*

В оформлении обложки использована фотография из фотоальбома чехословацких легионеров (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 219. Л. 5)

П26 Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2015. – 680 с.

ISBN 978-5-7576-0349-0

Книга посвящена событиям Первой мировой войны в Центральной Европе, на Балканах и в России. Авторы уделили особое внимание формированию воинских частей, их участию в боевых действиях, ситуации в тылу, судьбам отдельных исторических личностей, отражению войны в художественных произведениях, международным отношениям и дипломатии на последнем этапе войны и сразу после ее окончания. Особый акцент сделан на проблемах изучения войны, спорных и малоизвестных вопросах историографии. Очерки основаны на разработках отечественной и национальных историографий, архивных и опубликованных документах.

Работа адресована историкам, литературоведам, культурологам, специалистам по международным отношениям и всем интересующимся периодом Первой мировой войны.

**УДК 94(100)(4)"654"(4)
ББК 63.3(2)524(45–47)**

ISBN 978-5-7576-0349-0

© коллектив авторов, текст, 2015
© Институт славяноведения РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....

РАЗДЕЛ I.

Изучение Первой мировой войны: проблемы историографии и источниковедения

- Очерк 1.** *Л.Н. Будагова.* «Десять лет спустя...»: научные результаты конференции, посвященной 90-летию с начала Первой мировой войны..... 10
- Очерк 2.** *Р.Р. Субаев.* Балканы и Weltpolitik: к вопросу о причинах Мировой войны..... 20
- Очерк 3.** *А.Л. Шемякин.* Русский дипломат в Сербии о начале Первой мировой войны. (К дискуссии о ее «подстрекателях»)..... 37
- Очерк 4.** *О.В. Петровская.* Современная болгарская историография о союзниках Болгарии в Первой мировой войне..... 52
- Очерк 5.** *О.Е. Петрунина.* Афон в годы Первой мировой войны: источниковая база и современное состояние исследований..... 69

РАЗДЕЛ II.

Военные кадры, формирование воинских частей и их участие в боевых действиях

- Очерк 6.** *А.В. Ганин.* Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.)..... 80
- Очерк 7.** *Д. Денда.* Сербский офицерский корпус в годы Первой мировой войны..... 98
- Очерк 8.** *А.Ю. Тимофеев.* Военно-партизанские действия в Сербии во время Первой мировой войны116

- Очерк 9.** *Я.В.Вишняков.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг.136
- Очерк 10.** *Д.Н.Степанов.* К истории российско-сербского военного сотрудничества: русские летчики в составе сербской авиации на Салоникском фронте в период Первой мировой войны157
- Очерк 11.** *А.А.иД.И.Муратовы.* Как создавалась Чешская Дружина. К 100-летию со дня создания Чешской Дружины169
- Очерк 12.** *М.Даниши.* Предпосылки словацкого освободительного движения и цели словаков в чешско-словацких легионах в России189
- Очерк 13.** *М.В.Оськин.* Продовольственное снабжение Румынского фронта зимой 1916/1917 г.: трудное взаимодействие союзников по Антанте207

РАЗДЕЛ III.

Положение военнопленных

- Очерк 14.** *Г.В.Рокина.* Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии: Царевококшайск и Козьмодемьянск230
- Очерк 15.** *Р.Пулко.* Война в тылу – лагерь русских военнопленных в селении Стрнишче247
- Очерк 16.** *Е.А.Ничков.* Иностранцы военнопленные в экономике Курганского уезда во время Первой мировой войны263

РАЗДЕЛ IV.

Дипломаты и политики, общественные настроения и ситуация в тылу

- Очерк 17.** *П.А.Искендеров.* Балканские корни Первой мировой войны280
- Очерк 18.** *Е.С.Скворцова.* Помощь российских дипломатов соотечественникам в начале Первой мировой войны298
- Очерк 19.** *В.В.Котов.* Чешское сокольство накануне и в начале Первой мировой войны307

- Очерк 20.** *К.В. Шевченко.* Убийство в Сараево 28 июня 1914 г. и его последствия в освещении пражской газеты «Час».....327
- Очерк 21.** *Е.П. Серапионова.* Начало Первой мировой войны и реакция чешского и словацкого общества342
- Очерк 22.** *М. Главачка.* Первая мировая война и чешский тыл355
- Очерк 23.** *А.А. Тимошинов.* Ситуация с призывом на военную службу в Царстве Польском в начале Первой мировой войны372
- Очерк 24.** *Н.С. Гусев.* «Торгующим во храме»: Леонид Андреев и обвинения русскими болгар в предательстве славянства (1914–1915 гг.).....382
- Очерк 25.** *Л.А. Кириллина.* Деятельность словенских либералов в 1914–1915 гг.397
- Очерк 26.** *К.В. Малышина.* Малый народ в Великой войне: путь словенцев к национальной государственности (1914–1918 гг.)411

РАЗДЕЛ V.

Люди и судьбы

- Очерк 27.** *О.В. Соколовская.* Драма греческой королевской семьи в годы Первой мировой войны430
- Очерк 28.** *Я. Вацулик.* Два представителя чешской диаспоры в России в годы Первой мировой войны.448
- Очерк 29.** *З.С. Ненашева.* Трагическая судьба русского протоиерея Н.Н. Рыжкова – политической жертвы Великой войны469
- Очерк 30.** *Н.С. Пилько.* Роль личности в истории: Рудольф Майстер.....489
- Очерк 31.** *Ю.В. Лобачева.* Общественная и благотворительная деятельность Михаила Пупина в США накануне и в начале Первой мировой войны.504
- Очерк 32.** *Е. Шкорванкова.* Игор Бранислав Штефаник и его воспоминания о Первой мировой войне522

РАЗДЕЛ VI.**Образование новых независимых государств
и урегулирование международных отношений
в послевоенной Европе**

- Очерк 33.** *Н.Н. Станков.* Фриц фон Гебзаттель
и становление германо-чехословацких отношений
(октябрь 1918 г. – январь 1919 г.)536
- Очерк 34.** *А.О. Пеганов.* Чехословакия в политике
Будапешта на завершающем этапе Великой войны.556
- Очерк 35.** *И.В. Михутина.* Украинская народная
республика: от замысла Украинского фронта против
Четверного союза до украинского Брестского мира
(ноябрь 1917 – февраль 1918 г.)579
- Очерк 36.** *Т.А. Покивайлова.* Российско-румынские
отношения в годы Первой мировой войны
и проблемы взаиморасчетов.602
- Очерк 37.** *Е.С. Сергеенко.* Проблема Косово
в контексте Первой мировой войны.620

РАЗДЕЛ VII.**Отражение войны в художественной литературе**

- Очерк 38.** *Л.Ф. Широкова.* Образ офицера
Первой мировой войны в словацкой прозе XX века.632
- Очерк 39.** *И.А. Герчикова.* Чехословацкие
писатели-участники Первой мировой войны: герои,
интервенты, жертвы641
- Очерк 40.** *А.В. Усачева.* Первая мировая война
в румынском романе межвоенного периода653
- Сведения об авторах667
- Именной указатель669

ВВЕДЕНИЕ

В 2014 г. мир отметил 100-летие с начала Первой мировой войны, «Великой», как ее называли современники, и вплоть до последнего времени «забытой» в нашей стране. Правда, далеко не все историки солидарны с такими определениями войны, аргументируя это тем, что она вовсе не прибавила «величия» ни Российской империи, распавшейся в ее результате, ни Советской России, возникшей на развалинах империи и сильно сократившейся территориально. Революционные события 1917 г. привели к досрочному выходу России из войны мировой, но ввергли страну в другую, Гражданскую, еще более ожесточенную и длительную. Россия, понесшая в мировой войне огромные потери, в итоге не получила никаких выгод, а ее представители не участвовали в мирной конференции, определившей европейские послевоенные границы.

Конечно же, историки и в нашей стране на протяжении прошедшего столетия изучали эту первую военную катастрофу мирового масштаба. «Забытой» она была лишь отчасти, в том, что касалось исторической политики, т.е. официально формируемой национальной исторической памяти (дни памяти, героизация и празднование побед, создание памятников павшим солдатам и офицерам и многое др., – отсутствовали). В исторических исследованиях советского периода оценочные моменты целиком определялись идеологией режима, отход от строгих клише не позволил бы авторам публиковать свои научные труды. Поэтому адекватное представление о Первой мировой мы, скорее, могли составить по художественной литературе, передававшей дух времени, ее масштабы, не только физические страдания людей, но и психологические травмы военного времени, что отразилось в романах Э.М. Ремарка и М.А. Шолохова и многих других писателей, по кинофильмам, сохранившимся музейным экспонатам.

Но история не любит пустот. Пришло время, когда этот период отечественной и мировой истории стал вызывать повышенный интерес, несомненно, что круглые даты его стимулируют и подогревают.

В октябре 2014 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Первая мировая война в судьбах народов Центральной и Юго-Восточной Европы. К 100-летию с начала войны». Доклады, прозвучавшие на этом форуме, активно обсуждались. Обмен мнениями между специалистами позволил уточнить детали, обосновать позиции, поделиться новыми архивными изысканиями.

Для региона Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) Первая мировая война имела особое значение. Начавшись на Балканах, она привела к краху и распаду Российской, Австро-Венгерской, Османской и Германской империй, созданию новых и восстановлению когда-то существовавших европейских государств. То, о чем чехи, словаки, хорваты, словенцы и поляки могли только мечтать (обретение собственной государственности), стало действительностью. Изменились территориальные границы и менталитет людей. Революционные волны про-

катились по России и ряду европейских стран. Вновь созданным государствам приходилось выстраивать отношения с соседями, причем не обходилось и без новых конфликтов.

Впервые отчетливо проявился тотальный характер войны, когда в нее были втянуты не только военные, но и все население воюющих стран. Изменилась роль и значение женщин и детей в общественной и хозяйственной жизни. Разработка и применение новых типов вооружения вели к значительному увеличению военной мощи, невиданным ранее потерям, милитаризации экономики и появлению после войны нового экономического лидера – США.

Предлагаемая читателям книга подготовлена на основе материалов указанной конференции, но значительно расширена. В работе над ней приняли участие ученые из России, Белоруссии, Украины, Чешской и Словацкой республик, Словении, Сербии.

В семи разделах представлены 40 очерков историков, архивистов, литературоведов и журналистов из Института славяноведения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО (Университета) МИД РФ, Историко-документального департамента МИД РФ, Российского института стратегических исследований (РИСИ), Волгоградского, Мариинского, Курганского государственных университетов, Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Дипломатической академии при МИД Украины (Киев), Белорусского государственного университета (Минск), Института истории АН ЧР (Прага), Университета им. Т.Г. Масарика (Брно), Университета им. Я.А. Коменского (Братислава), Исторического института (Белград), журнала «Русское слово» (Прага) и других российских и зарубежных научных и учебных учреждений.

Особое внимание при создании книги было уделено вопросам историографии и источниковедения, так как многие, казалось бы, устоявшиеся в науке положения сейчас пересматриваются и дискутируются. Этим проблемам посвящен первый раздел книги. Следующие проблемно-тематические разделы повествуют о ситуации на фронте и в тылу, о военнопленных и судьбах людей в военное время, о деятельности дипломатов и политиков, о планах послевоенного устройства Европы, о том, как строились отношения между государствами региона на последнем этапе войны и сразу после ее окончания, а также об отражении войны в художественных произведениях.

Многообразие затронутых авторами тем сочетается с их различными подходами к освещению материала. Некоторые очерки носят дискуссионный, можно даже сказать, «провокационный» характер и побуждают еще и еще раз задуматься над спорными или пересматриваемыми в историографии вопросами. Точка зрения отдельных авторов может не совпадать с мнением членов редколлегии книги, но имеет право быть высказанной, так как лишь в спорах рождается истина...

Е.П. Серапионова

РАЗДЕЛ I

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: проблемы историографии

Л.Н. Будагова (Москва)

«Десять лет спустя...»:
научные результаты конференции,
посвященной 90-летию
с начала Первой мировой войны

Время, в которое мы живем, при всех его драмах и противоречиях, хорошо хотя бы тем, что позволяет многое переосмыслить, скорректировать или поддержать укоренившиеся в отдельных людях, народах и государствах представления о событиях всемирной истории. Оно дает возможность, отказавшись от ярлыков и стереотипов, перегибов и приемов умолчания, взглянуть на них непредвзято, постигая их объективный смысл и место в судьбах человечества. Все это имеет самое непосредственное отношение и к Первой мировой войне. Изменившая ход истории, она по степени освещения отеснена на обочину исторического процесса революционным Октябрем 1917 г. в России и Второй мировой войной, ставшей для нашей страны – Великой Отечественной.

Предпосылки, события, итоги Первой мировой, ее отражение в общественном сознании и культуре анализировались в нашей стране и в странах советской сферы влияния менее активно, чем история и восприятия других эпохальных событий XX в. В результате события Первой мировой войны постепенно превращались для многих в выцветшее от времени белое (или белесое) пятно истории, потерявшее свой колорит.

Называвшаяся в СССР «империалистической», Первая мировая превращается в наше время в войну «Великую и забытую». Оба эпитета в той или иной мере оправданы. «Великая» – это возврат в научный обиход определения, принятого в дореволюционной русской и зарубежной историографии XX в., прежде всего в историографии стран, находившихся вне, или вышедших из сферы советского влияния. Определение «забытая» – тоже применимо к ней, но лишь отчасти, с оговоркой, что забыта она была в большей мере общественностью, правительственными кругами, чем учеными, профессиональными исследователями мирового исторического

процесса. О том, что российская наука о ней не забывала, говорит хотя бы вышедший в Москве в 2002 г. четырехтомник «История мировых войн», где «забытой» войне отведены два тома исследований и документов. О том, что о ней не забывали сотрудники Института славяноведения свидетельствует созданный ими труд «За балканскими фронтами Первой мировой войны» (М., 2002), а также международная конференция, организованная Отделом (тогда Центром) истории славянских литератур и посвященная 90-летию с ее начала – «Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян». Она состоялась 25–27 ноября 2003 г., в ней приняли активное участие историки и искусствоведы Института. Тема конференции привлекла к себе внимание и зарубежных ученых – поляков, чехов, сербов, македонцев. По количеству гостей из-за рубежа она превзошла более многолюдную научную конференцию, где работали две секции, организованную историками Института к 100-летию начала войны «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Первой мировой войны», состоявшуюся 21–22 октября 2014 г. Практическое отсутствие на ней иностранцев следует объяснить отнюдь не снижением зарубежного интереса к проблематике Первой мировой, а прежде всего изменением ситуации в российской Академии наук в связи с проводимыми в ней с 2013 г. реформами, резко усложнившими международное научное сотрудничество (Впрочем, дефицит зарубежных участников на конференции 2014 г. был компенсирован выступлениями ученых из разных научных центров России, хоть и расположенных в провинции, но отнюдь не провинциальных).

Сборник, изданный по материалам конференции 2003 г., «Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян» (М., 2004), тиражом в 300 экземпляров, – первая работа Отдела истории славянских литератур, опубликованная после выхода трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997, 2001), создававшейся в этом отделе. Сборник о Первой мировой возник не только после, но и по следам «Истории...», которая выявила слабую изученность и в нашей стране, и за рубежом того отклика, какой это эпохальное событие нашло в общественном сознании и духовной культуре зарубежных по отношению к царской и советской России славянских народов. У всех на слуху и на виду были и остаются произведения немецких, французских, американских писателей о той войне – Э.М. Ремарка, А. Барбюса, Э. Хемингуэя и др., а из произведений славянских авторов на ту же тему был известен лишь сатирический эпос

Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время Первой мировой войны», правда, пользовавшийся огромной популярностью. Сборник 2004 г. в какой-то мере восполнял тот дефицит знаний о восприятии этой войны славянскими народами, и внес свой вклад в процесс пересмотра взглядов на нее. Еще до столетнего юбилея Первой мировой, который, разумеется, подогрел к ней общественный и научный интерес, а именно на институтской конференции 2003 г. было во всеулышание заявлено о невнимании к ней российского общества, подчеркнута необходимость закрепить за ней название «Великой», оценить по достоинству героизм русских солдат, офицеров, генералов, с честью выполнявших свой воинский долг.

В короткой, но содержательной статье, ставшей предисловием к сборнику, известный историк и тогдашний директор Института славяноведения, Владимир Константинович Волков (1930–2005) сумел, на наш взгляд, сказать главное и о Первой мировой войне, «положившей начало всем тем процессам, которые прошли через все XX столетие», и о предшествовавших ей балканских войнах, «в ходе которых впервые проявились черты, которые потом стали характеризовать последующую эпоху: ярый национализм, ксенофобия, кризис морально-этических норм, стремительная девальвация цены человеческой жизни»¹.

В.К. Волков обратил внимание на расследование группой европейских ученых, входивших в «комиссию американского Фонда Карнеги», событий и процессов, которые происходили в 1912–1914 гг. на Балканах. Почти половину представленного ими в начале 1914 г. доклада написал российский историк и политический деятель П.Н. Милуков. Однако книга вышла в начале Первой мировой, когда было не до Балканских войн и «оказалась за пределами общественных интересов» после ее окончания. Одновременно В.К. Волков счел необходимым заступиться за Балканы, поскольку зримо проявлявшиеся после Первой мировой во всей Европе вышеупомянутые отрицательные черты стали называть «балканизацией Европы». Тем самым, по мнению исследователя, была возведена напраслина на целый регион, поскольку виноваты здесь были не Балканы, а «цивилизационный кризис, принявший глобальные масштабы», черты которого показал Освальд Шпенглер в своем знаменитом философском труде «Закат Европы» (1918).

Одновременно В.К. Волков подчеркнул и значение институтской конференции 2003 г. об отражении Первой мировой в литературе и культуре народов, оказавшихся в эпицентре военных

действий, полновесно отраженных не только в их науке но и, «а может быть и особенно», в их литературе, далеко не всегда своевременно доходившей до российского читателя. Констатируя, что события той военной поры не вошли еще глубоко в общественное сознание нашей страны (на ее территории не было ни одного памятника их участникам), историк как бы бросил вызов литераторам, отметив, что правдивых книг об этой войне читатель вправе ждать не только от ученых, но и от писателей, что лишь «совместными усилиями можно воссоздать объективный ход истории». Заглядывая в будущее, и, вероятно, надеясь, что со временем многое должно проясниться, он призывал пока расширять и углублять свои представления о той далекой войне с помощью созданных о ней литературных произведений и одновременно подчеркивал плодотворность междисциплинарных исследований мировой истории и культуры. «Через 10 лет мы будем отмечать столетие со дня начала Первой мировой войны, так изменившей развитие всего человечества [...] Пока же постижение того периода через призму художественной литературы славянских народов, созданной в то время и в последующие годы, помогут нам приблизиться к более глубокому осознанию реальности XX века. Совместная же работа историков и литературоведов открывает путь к всестороннему изучению эпохальных событий как на микро-, так и на макро-уровне»². Это заключение сделал человек, который собирался, но не успел, вплотную заняться проблематикой и последствиями войны, в частности Брестским миром, болезненным для нашего отечества. Остается лишь предположить, что, возможно, эти замыслы возникли под влиянием институтских мероприятий, посвященных 90-летию с начала Первой мировой.

Многое ли изменилось с тех пор в отношении российского общества к той войне? С одной стороны – перемены налицо. Наведен относительный порядок с возведением памятников, который, кстати, стал наводиться уже десять лет назад. В.Н. Виноградов сетовал в своей статье, вошедшей в сборник 2004 г., что «вся Европа покрыта памятниками (в ее честь – Л.Б.)», что «исключение – Россия. Ни одного связанного с войной 1914–1918 гг. монумента, ни одной ухоженной могилы ее солдат. В дореволюционной Москве массовые захоронения воинов, умерших в госпиталях, располагались вокруг нынешнего метро «Сокол». Там позднее был разбит парк, построен кинотеатр»³.

Когда уже книга была готова к печати и чуть ли не сдана в издательство, появилось сообщение, что 1 августа 2004 г. в Москве, в

Ленинградском парке у станции метро «Сокол» состоялось открытие мемориала погибшим в Первой мировой войне (редколлегия отметила этот факт в сноске к статье В.Н. Виноградова).

Наведен порядок и с «реабилитацией» царских военачальников переведенных из статуса антигероев, в герои русской истории, порой даже не без их идеализации. Так, некоторыми легендами и средствами кинематографа поднят на пьедестал романтического героя своего времени, адмирал Колчак, хотя чешские легионеры, большинство которых поддерживало Белое движение, отмечали жестокость адмирала. (см. к примеру, страницы легионерской эпопеи «Анабазе»-«Anabaze»⁴, 1921–1927, убежденного русофила, генерала и писателя Рудольфа Медека).

Как безнадежно устаревший анахронизм воспринимаются теперь гневные строфы С.К. Неймана (1875–1947) из его сборника революционной поэзии «Красные песни» – «Rudé zpěvy» (1923), клеймящие царских генералов (Врангеля, Деникина и др.), которым, наконец, заслуженно возвращено доброе имя.

Многое сделано и в наращивании новых сведений, новых знаний о Великой войне, благодаря которым «белое» или «белесое» пятно русской и мировой истории, обретает свою цветовую гамму. Не углубляясь в библиографию научных работ, исследующих ее историю, а довольствуясь лишь материалами двух институтских конференций, можно сказать, что каждая из них – существенный вклад в углубление и расширение представлений о ней.

В первой из них, по сути дела литературоведческой, есть и сугубо исторические исследования. Одни напоминают о фактах широко известных, как статья А.В. Карасева «Сараевское убийство и Балканы», которая возвращает читателя к точке отсчета первой военной катастрофы XX века, обернувшейся серьезным «цивилизационным изломом» для человечества (статья А.В. Липатова). Другие проливают свет на явления менее изученные, как, к примеру, статья Я. Прокопа (Краков) «„Умереть за Родину“: духовенство и военная пропаганда», или статья историка Б. Ироушека (Ческе-Будевицы) «Личность генерала Л.Г. Корнилова в освещении чешских авторов межвоенного периода». Основу же книги составили работы, посвященные ее восприятию и отражению в национальных историко-культурных контекстах, в отдельных литературах в целом, в разных литературных родах и жанрах (польской и хорватской прозе, чешской поэзии, словенской драматургии, сербской, словенской, болгарской мемуаристике), в творчестве отдельных писателей. В книге 2004 г. – впервые в историографии

и литературоведении – охвачен и собран воедино широчайший круг зарубежных (по отношению к России) славянских писателей разных этносов, взглядов и поколений, в чьих произведениях продолжают звучать, доносясь с уже опустевших полей сражений, отголоски Первой мировой, не давая ей кануть в Лету. Среди них – книги М. Крлежи, М. Црнянского, З. Налковской, Я. Гашека, К. Чапека, Я. Вайсса, В. Ванчуры, И. Горжейшего, Ф. Шрамека, М. Урбана, М. Разуса, И. Цанкара, Ф.С. Финжгара, М. Пугеля, И. Вазова, П. Андреевского, Й. Срезовского и других участников и свидетелей мировой бойни, или их потомков. Произведения на тему Первой мировой актуальны как ожившие страницы навсегда утраченного времени, как свидетельства и уроки истории, как предостережения против новых военных катастроф, хотя и воспринимаются они, к сожалению, как голос вопиющего в пустыне (Если бы только политики прислушивались к голосам деятелей искусства!). Многие названные (и не названные) славянские писатели, принадлежавшие к народам, разделенным линией фронта, сходились в общей ненависти к войне. Именно трагический опыт Первой мировой стал истоком антивоенных настроений, которыми отмечена литература XX века.

Авторы книги показали не только, как воспринимались и отражались военные события 1914–1918 гг. в творчестве писателей, но и как существенно повлияли они на их мировоззрение и развитие национальных литератур.

Конференция, посвященная 90-летию с начала Первой мировой войны, и созданный на ее основе труд, показали, что резонанс, вызванный войной в культуре и литературе вовлеченных в нее славянских народов, быть может, не менее эффективно, чем глубокие и объективные исторические исследования, способствует выведению Первой мировой войны из тени других великих событий XX в. Однако этот резонанс еще слабо изучен и практически не осмыслен общественным сознанием. Усилия Института славяноведения в какой-то мере корректируют эту ситуацию.

Обращаясь к пересмотру взглядов на Первую мировую войну, или, как удачно выразился в своем докладе на конференции 2014 г. А.Л. Шемякин, к ее «ревизии», хотелось бы затронуть проблему Первая мировая война и Россия, а именно, вопрос, зачем в эту войну с большим ущербом для себя и не взирая на всевозможные предостережения ввязалась Российская империя? Этот вопрос уже поднимался десять лет назад в статье В.Н. Виноградова, который писал: «В среде историков сейчас ведутся поиски альтер-

нативы участия России в Первой мировой войне. Многие считают, что наша страна могла бы остаться в стороне от нее. Для широкой публики такое мнение обнародовал Н.К. Сванидзе 5 марта 2004 г. в своей программе "Исторические хроники" (канал "Россия"). Он упомянул, что сторонником нейтралитета выступал выдающийся государственный деятель Сергей Юльевич Витте, но почему-то промолчал о Григории Распутине. Он перечислил некоторые причины Первой мировой, но почему-то не упомянул об основной – рывке Германии к мировому, и в первую очередь к европейскому господству, о чем еще в 1960-е гг. ярко и убедительно писал Фриц Фишер в своей нашумевшей книге "Рывок к мировому господству" (на нем. яз. – Дюссельдорф, 1962). Представляется, что убедительный ответ дает история Второй мировой – тогда наша страна тоже попыталась "отсидеться" и в результате подверглась в 1941 г. нападению утроенных по сравнению с 1939 г. немецких сил. То же самое могло произойти, если бы в 1914 г. Россия удалилась в нейтральные кусты. Последовал бы разгром Франции. Италия и Румыния, числившиеся союзниками Германии, перестали бы играть в выжидание, и Россия стала бы жертвой блока Германия, Австро-Венгрия, Турция. Об этом в самых доходчивых, а отнюдь не дипломатических выражениях, говорил тогда французский посол Морис Палеолог министру иностранных дел С.Д. Сазонову⁵.

На конференции 2014 г., вопрос, почему Россия не осталась в стороне от Первой мировой войны, – насколько можно судить по ее программе или по прослушанным автором этих строк докладам, – особо не обсуждался. Но он обсуждался в СМИ, предлагавших те ответы, с которыми хотелось бы поспорить.

Так, известный журналист, писатель, бизнесмен, дипломат и политический деятель В.К. Костиков (бывший спичрайтер президента Б.Н. Ельцина), констатирует, что почти 60% россиян не понимают, по каким причинам началась Первая мировая война и кто развязал мировую бойню, а, желая понять, все еще руководствуется либо советскими учебниками истории, либо эпизодами из произведений советских писателей и кинофильмов типа «Красные дьяволята» и «Неуловимые мстители» и в результате во всем винят слабовольного Николая Кровавого, Распутина, жену царя, министров-капиталистов, английских и американских дипломатов. «Все это, конечно, было», – признает в своей статье, опубликованной в августе 2014 г. в еженедельнике «Аргументы и факты», стремящийся разобраться в причинах Первой мировой журна-

лист. При этом он выдвигает и свою собственную версию причин не только этой войны, но и любой российской смуты. По его мнению, «у нас очень редко говорят (вероятно, из опасений аналогий) о таких истоках российской смуты и нестабильности, как **общее отставание страны в цивилизационном развитии**. И уж совсем не принято говорить о состоянии народа [...] А ведь и сегодня в связи со 100-летием начала Первой мировой войны было бы полезно вспомнить, с каким патриотическим восторгом одичавший от бедности и бесправия народ воспринял известие о начале войны, с каким энтузиазмом он ринулся в штыковую атаку против немцев... И как три года спустя он обратил эти штыки вначале против помещиков и министров-капиталистов, а потом, войдя во вкус, стал громить интеллигенцию, попов, зажиточных крестьян и в конечном счете стал массово писать доносы на соседей по коммуналкам...»⁶. Иными словами, по версии В. Костикова, в том, что Россия ввязалась в войну, виноват «одичавший», бедный и бесправный народ, которому не терпелось ринуться в штыковую атаку на немцев. Оставим на совести автора его мнение о русском народе, и отметим лишь, что более странной версии того, почему России не уклонилась от Первой мировой войны, чем версия В. Костикова, придумать трудно.

Обзор мнений, по каким причинам Россия вступила в войну, можно было бы продолжить, но это не входит в нашу задачу. Очевидно, что высказывались разные мнения и приводился целый комплекс причин (как весомых, аргументированных, так и весьма легковесных, сомнительных). Обращает на себя внимание, почему из этого комплекса причин, по которым Россия не уклонилась от войны, выпадает одна – самая очевидная, нравственная, альтруистическая необходимость: заступиться за сербов, за народ, попавший в беду. (Быть может, придавать ей какое-то значение считается излишним, наивным, немодным в наши времена процветающего прагматизма, когда не в чести бескорыстие, и все определяется соображениями личной выгоды?)

Именно как акт солидарности с сербским народом было воспринято населением России поведение Николая II после Сараевского убийства. Недаром в 2014 г. в Сербии ему был возведен памятник. Русский народ не понял бы своего царя, если бы тот проигнорировал объявление Австро-Венгрией 15 июля (28 июля по новому стилю) войны Сербии. О просербских настроениях деятелей русской культуры, публицистов, поэтов – широко известных (В. Хлебникова, В. Брюсова, С. Городецкого, С. Есенина,

Ф. Сологуба, Н. Клюева), и мало известных, позабытых (А. Невской, Л. Баткиса, С. Копыткина и др.) пишет сербский русист Б. Косанович (Нови-Сад) в статье «Сербия и Черногория в русской поэзии Первой мировой войны», вошедшей в сборник десятилетней давности. Он же приводит и такие сведения, которые нельзя игнорировать в решении вопроса, почему Россия «ввязалась» в Первую мировую войну: «Русский царь Николай II сразу (26 июля 1914 г.) ответил на телеграмму сербского престолонаследника Александра I словами: “Россия ни в коем случае не останется равнодушной к судьбе Сербии”. Позже он прибавил: “Я не позволю, чтобы Сербия пропала”»⁷.

В сборнике 2004 г. приводились и другие имевшие место аргументы в поддержку войны: оздоровление, духовное очищение погрязшего в разврате общества, нравственное возрождение личности, которому способствует армейская служба, восполнение дефицита героизма, которого не хватает повседневности⁸. Однако, они возникали в стане инициаторов военных действий, не имевших серьезных нравственных оправданий, для оболванивания народов, которым война была навязана властями. Ни один из этих аргументов в пользу войны не приводился в русской поэзии и публицистике. Главным для русского государства, общества, культуры было стремление не оставить в беде братский народ. Россия «ввязалась в войну», чтобы защищать.

Из всего сказанного можно сделать такие выводы. Прошедшая в Институте международная конференция, посвященная 90-летию с начала Первой мировой, и выпущенный в 2004 г. по ее материалам сборник уже за десять лет до ее столетнего юбилея внесли свой весомый вклад в поиски объективной правды об этой поистине Великой войне. Исследуя тот резонанс, который она вызвала в духовной культуре вовлеченных в нее славянских народов, участники конференции и авторы сборника способствовали ее выведению из тени других эпохальных событий XX века. Конференция и сборник десятилетней давности остаются актуальными и по сей день, т.к. помогают найти ответы на многие волнующие наших современников вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волков В.К. Вместо предисловия // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ *Виноградов В.В.* О новых подходах к истории Первой мировой // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. С. 10.

⁴ Так обозначался путь Чехословацких легионов во время гражданской войны через Сибирь к Тихому океану для возвращения на родину.

⁵ *Виноградов В.Н.* О новых подходах к истории Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах... С. 11.

⁶ *Костиков В.* В поисках Ванги. Будет ли у нас предсказуемая страна? // Аргументы и факты. 2014. 13 августа. № 33.

⁷ *Косанович Б.* Сербия и Черногория в русской поэзии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах... С. 64.

⁸ См.: *Прокон Я.* «Умереть за родину»: духовенство и военная пропаганда // Первая мировая война в литературе... С. 40–43.

Р.Р. Субаев (Москва)

Балканы и Weltpolitik: к вопросу о причинах Мировой войны*

В нашей стране историческая память о Первой мировой войне на долгие годы оказалась вытесненной, замещенной эффектом Второй мировой. Для нашей страны, потерявшей по различным оценкам от 27 до 30 млн чел., Вторая мировая война явилась гекатомбой, сформировавшей в сознании народа уже не историческую, а генетическую память. «Лишь бы не было войны...», – до сих пор можно услышать из уст россиян разных возрастов, образования и социального положения.

Две мировые войны при очевидном сходстве геополитических целей их участников и военно-политических результатов имеют одно важное различие в части их причин. Если в отношении Второй мировой вопрос не вызывает сомнений – это агрессивная политика нацистской Германии, а ее предпосылки и контекст: ревизия Гитлером Версаля, интриги и зигзаги сталинской и западной дипломатий лишь добавляют нюансы, не меняя сути – то вопрос о причинах Первой мировой остается удручающе неясен.

После книжного бума на Западе по горячим следам Второй мировой в 40–50-е гг. поток книг о ней резко иссякает, и число новых работ может быть исчислено буквально на пальцах. Но в отношении Первой мировой войны все наоборот – выход новых работ в последние десятилетия растет в геометрической прогрессии. Число монографий, статей, материалов конгрессов и симпозиумов исчисляется уже не тысячами, а десятками тысяч, а искомого ответа все нет¹. На вопрос о причинах войны не будет преувеличением сказать – сколько людей, столько мнений, и они уже никогда не будут установлены в форме безусловных непротиворечивых выводов. Несколько образно, но в целом верно, на эту тему высказался американский историк Р. Пирс: «Профессору нужно быть необычайно раскованным садистом (*remarkably uninhibited sadist*), чтобы решиться задавать студенту вопрос о причинах Первой мировой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект 15-01-00145 а.

войны»². Все же, суммируя достижения историографии за прошедшие сто лет, вопрос о ее причинах можно поставить в двух плоскостях: привела ли к войне ее фатальная неизбежность или амбиции и несостоятельность верхушки политической элиты Европы?

Давно опровергнута самой жизнью марксистская теория классовой борьбы как главной движущей силы истории. Но и не вытекающий напрямую из этой теории тезис о неизбежности мирового конфликта в силу вступления капиталистического общества в его «высшую и последнюю стадию» – империализм, тоже не выдержал проверку временем. За «вывоз капитала» как основную черту современной экономической жизни В.И. Ленин принял практику внешних займов, организуемых на главных биржах Европы крупными банками или их синдикатами в форме размещения среди, в основном, частных инвесторов государственных облигаций стран-заемщиков (России, Балкан, Латинской Америки, Турции, Китая и др.) под гарантии правительств стран-кредиторов. В этом отношении ближе к реалиям 1914 г. определение империализма, данное Л.Д. Троцким, – «военно-таможенный союз», т. е. экономические блоки, дополняющие блоки военные³.

Раздел мира между великими державами к 1914 г. действительно состоялся, но его раздел между «монополиями» был публицистической химерой. Капитал к 1914 г. в целом оставался «национальным», тяготеющим к размещению в пределах государственных границ. Таблица 1 может дать некоторые представления о соотношении внутренних и внешних инвестиций.

Таблица 1: Соотношение ВВП, капитализации национальных эмитентов (НЭ) и внешних инвестиций ведущих европейских стран в начале 1914 г. (млрд франков)

Страна	ВВП	Капитализация НЭ в % от ВВП	Капитализация НЭ в млрд. фр.	Внешние инвестиции
Великобритания	59,43	109	64,78	95,02
Франция	49,57	78	38,66	45,0
Германия	64,69	45	29,11	28,91

Рассчитано автором по: *Feis H. Europe: The World's Banker: 1870–1914. New Haven, 1930; Рубцов Б.Б. Тенденции развития мировых фондовых рынков // Мировой фондовый рынок и интересы России. М., 2003.*

Почти половина всех внешних инвестиций Англии (45 из 95 млрд фр.) осуществлялась в империи: в доминионах и колониях, т. е. в границах национального экономического комплекса. При исключении этой суммы из внешних инвестиций, «домашние» превысят их почти на 15 млрд франков (столько же Франция вложила в Россию и Турцию или Германия во всю Европу). Данные по Франции отражают специфику ее инвестиций, получившую название «ростовщический капитализм», но это не более чем клише, притом сомнительное. Ставки привлечения на парижской бирже в силу избытка капитала были ниже, чем в Лондоне или Берлине. Цифры по Германии тоже свидетельствуют об отсутствии перевеса экспорта капитала над его инвестированием внутри страны и об отсутствии мотивации у капитала «с мечом в руке» искать новых сфер его приложения за границей.

Капитал, в лице финансистов и промышленников, не подталкивал Германию к войне. Ни «классово», ни институционально, ни персонифицировано. Всем хорошо знакомы имена гамбургского банкира Макса Варбурга, представителя финансовой империи Брансвик-Варбург, соперничавшей с Ротшильдами; берлинского электрического магната Вальтера Ратенау, создавшего в годы войны в Германии плановую военную экономику, будущего министра иностранных дел Веймарской республики, убитого монархистами; или рурского угольно-стального короля Гуго Стиннеса, впоследствии дирижера инфляции 1920-х гг., организатора саботажа выплаты репараций и одного из первых реваншистов. Все эти лица были категорически против войны 1914 г., и тому есть вполне убедительные свидетельства.

За неделю до Сараевского убийства Варбург убеждал кайзера, что «с каждым еще одним мирным годом Германия будет становиться все сильнее, [...] и ожидание будет нам только во благо»⁴.

Ратенау считал совершенно очевидным неоспоримое экономическое преобладание Германии в Европе, которое способна нарушить только война, против которой он выступал⁵. 31 июля 1914 г., за день до объявления войны России, он опубликовал статью в «Берлинер Тагеблат», где были такие слова: «Правительство и народ Германии имеют право знать, о чем просит Россия, и в чем ей отказывает Австрия. [...] Такой вопрос, как участие австрийских чиновников в расследовании сербского заговора, не может являться основанием войны между народами»⁶.

Стиннес еще в 1911 г. говорил лидеру пангерманцев Г. Классу: «Посмотрите, что получается, когда я постепенно все больше

забираю в свои руки снабжение Италии углем, когда я незаметно закрепляюсь в Швеции и в Испании, чтобы обеспечить нас рудой, и когда я прочно устраиваюсь в Нормандии. Дайте мне еще три-четыре года спокойного развития, и Германия станет бесспорным хозяином Европы в области экономики. Три или четыре года мира – и я гарантирую вам господство Германии в Европе»⁷.

Война, вопреки устойчивому представлению, была не нужна германскому «большому бизнесу» в целом⁸. Однако если бизнес не был катализатором войны, то он не стал и ее ингибитором. Структура внешних инвестиций говорит об отсутствии политической «страховки» в виде риска потерь вложенных капиталов в случае возникновения войны. Взаимное инвестирование великих держав было минимальным. Доля английских инвестиций в германские фонды составляла ничтожную величину 0,17%, вложения Франции вообще отсутствовали в каком-либо исчисляемом для статистики объеме, в то время как вложения Германии в английские и французские ценности вместе составляли всего 6 %⁹. Этого было, конечно, чрезвычайно мало для того, чтобы свойственная капитализму взаимная экономическая заинтересованность, о которой, в частности, говорил Стиннес, («Интернационал капитала») могла быть переведена в плоскость политических действий.

Поиски решения следует искать в поведении представителей высших эшелонов власти при неоправданно высокой степени персонификации принятия важнейших решений и крайне низком уровне общественного контроля за ними. В тех случаях, когда этот контроль все же имел место, правящая верхушка прибегала к практике активной политической мимикрии. Таковым было объявление Германией войны России, поданное общественности как война с царизмом, с 1848 г. притеснявшим демократию Европы и Германии. Без этого, по словам Т. Бетман-Гольвега, он не получил бы голосов социал-демократов, крупнейшей фракции в рейхстаге¹⁰. Антироссийские настроения германской социал-демократии были очень сильны и разделялись Ф. Энгельсом. Россия трактовалась им как «последняя твердыня мировой реакции», «победа Германии есть, стало быть, победа революции», и «если Россия начнет войну, – вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!»¹¹.

Сходным образом воздействовал на свое общественное мнение и британский истеблишмент в ходе знаменитой «английской паузы». При этом всем было ясно, что Англия ни под каким видом не допустит разгрома Франции Германией и даже их замирения

при сохранении оккупации Германией Бельгии по стратегическим и экономическим соображениям.

И так ли уж невинна была Франция в своей оборонительной политике и стратегии? Н.П. Полетика был первым, кто вскрыл двусмысленную игру французской дипломатии. Р. Пуанкаре и М. Палеолог отнюдь не были миротворцами¹². Да и весь тон французской прессы с начала 1914 г. был оголтело антигерманский¹³.

Руководители европейских стран оказались несостоятельными. Интеллектуальный и волевой уровень верховной власти, военной верхушки и дипломатии оказались ниже всякой критики. Прежде всего, это относится к двум коронованным ничтожествам: Вильгельму II и Николаю II, но и лидеры парламентских демократий тоже не справились с вызовом времени. Что касается двух монархов, то личная неприязнь, отягощающая международные отношения, хотя и была замаскирована придворным этикетом и светскими манерами, играла самую серьезную роль в нарастании политической конфронтации России и Германии. От наблюдательных современников этот факт не укрылся уже в то время¹⁴. Мемуары Е.Н. Шелкингга, секретаря русского посольства в Берлине, описывают неприязнь и соперничество Вильгельма и Николая буквально во всем, от политических до протокольных вопросов и бытовых мелочей. Учитывая степень их властных полномочий и политический контекст, это был реальный фактор военной опасности.

Моральный облик обоих императоров был абсолютно идентичен. Один из правых членов Государственного совета, убежденный монархист, так охарактеризовал Николая: «*C'est un lâche, et un lâcheur!*»¹⁵. О Вильгельме консервативнейший председатель палаты депутатов старый юнкер фон Келлер так сказал однажды князю Гогенлоэ: «Избави нас боже от войны, пока на престоле этот государь! Его нервы не выдержат. Ведь он трус!»¹⁶. Эту оценку подтверждают обстоятельства бегства Вильгельма в Голландию. Известный военный историк Г. Дельбрюк специально приехал в ставку, чтобы вместе с депутацией померанских дворян погибнуть вместе с кайзером в последнем бою ради сохранения престижа и института монархии. Но ночью кайзер предпочел сбежать¹⁷.

О важности для Центральной Европы монархического принципа говорил Черчилль. В письме в Форин офис от 8 апреля 1945 г. он дал оценку причин Второй мировой войны, достойную быть процитированной: «Нынешней войны никогда бы не было, если бы под американским и модернистским давлением мы не изгнали бы Габсбургов из Австрии и Венгрии и Гогенцоллернов из

Германии. Создав эти вакуумы, мы открыли гитлеровскому чудовищу путь, по которому он пролез из своей сточной трубы на вакантные троны. Несомненно, эти взгляды весьма немодны...»¹⁸.

Вина и несостоятельность военной касты в развязывании войны, в узурпации права принятия решения давно и неоспоримо доказана. Недавние работы Аники Момбауер лишь добавляют важные и интересные штрихи к освещению этой проблемы¹⁹.

А дипломатия?... Какую роль сыграла она? На технократическом и на личностном уровне. Об этом исписаны сотни тысяч страниц, доказывающих ее несостоятельность, но мы все же приведем еще одну маленькую зарисовку мемуарного плана.

Летним днем 1926 г. князь Макс Лихновский, бывший посол Германии в Лондоне, совершал променады на южнотирольском курорте Мерано, когда увидел двигавшуюся навстречу высокую элегантную фигуру, в которой он узнал графа Леопольда фон Берхтольда, бывшего министра иностранных дел Австро-Венгрии. Лихновский, считая Берхтольда одним из главных поджигателей войны, попытался уклониться от встречи, но Берхтольд с отменной вежливостью, но настойчиво просил его выслушать. «Я знаю, что Вы, возможно, не захотите со мной разговаривать, но мне нужно сказать Вам что-то чрезвычайно важное», – говорил он²⁰. То, что сказал Берхтольд Лихновскому, последний сообщил в письме другу. Берхтольд, по его словам, никогда не занял бы в отношении Сербии столь жесткую позицию, если бы не испытывал постоянного давления со стороны Берлина в этом направлении. Действия Берлина, настаивал Берхтольд, не давали никаких оснований полагать, что Германия противится всеобщей войне²¹.

Речь возбужденного графа Берхтольда высветила именно ту контрверзу, которая до сих пор составляет главную трудность в постижении вопроса – какая из двух болевых точек Европы: Запад или Балканы оказалась в итоге критической для начала войны; из Берлина на запад или из Вены на юг были запущены импульсы именно *мировой* войны? Но вопрос должен быть поставлен иначе – произошла бы именно *мировая* война, не случись балканского кризиса 1914 г.? Кто же все-таки был прав: Энгельс или Сталин, и чьи противоречия были острее: русско-австрийские или англо-германские?²²

Анализ всего комплекса международных отношений кануна войны приводит к выводам о маловероятности возникновения конфликта как такового на Западе и высокой вероятности его возникновения на Балканах, как и того, что вспыхнув здесь, он уже не

мог быть локализован. На наш взгляд, решение вопроса следует искать в анализе сопряженности двух узлов европейской дипломатии: западного и балканского и в возвышении статуса балканских стран до уровня реальных игроков европейской политики. Разумеется, это произошло не без активного участия великих держав, включивших их в свою блоковую стратегию. Главным рычагом был мощный импорт капитала на Балканы, использованный в основном на военные цели, и связанный с этим рост милитаризма.

Милитаризм монархический мало чем отличался от милитаризма республиканского (германский от французского), но и балканский милитаризм также мало чем отличался от европейского, разве только превосходил его удельным весом и степенью напряжения своего намного более слабого организма. Видный французский историк, журналист и государственный деятель В. Берар еще в 1913 г. провел интересный сравнительный анализ военных расходов Болгарии и Франции.

В 1911 г. Болгария с населением 4,3 млн чел. (притом что 650 тыс. мусульман были освобождены от военной службы) имела армию мирного времени 58 тыс. чел., а военного – 235 тыс. чел. Государственный бюджет составлял 180 млн левов, из которых на военные расходы и обслуживание госдолга приходилось по 40 млн левов.

Применяя данную пропорцию к Франции с населением 40 млн чел. и бюджетом 4,5 млрд франков, Берар рассчитал, что ее военные расходы должны были бы составить 1 млрд франков, армия мирного времени 900 тыс. чел., а военного – более 2,5 млн чел. В действительности, военные расходы Франции составили 919 млн франков в 1912 г. (и то после принятия мощной программы перевооружения), армия мирного времени – 609 тыс. чел., а военного – 1 230 тыс. чел. Резюмируя, Берар отмечал, что Болгария еще в 1907 г. истратила «на Македонию» столько, сколько Франция в 1913 г. на обустройство своей границы с Германией вдоль Вогезов (половина общей протяженности)²³.

К началу 1910-х гг. балканские страны приобрели признаки государств «военно-фискального типа» Западной Европы предшествующего исторического этапа конца XVII-XVIII веков. Гипертрофированная роль этого типа государства, не очень ощущаемая политически, была, однако, очень весомой в социально-экономическом плане – в создании мощной системы формирования государственных доходов путем налогов и инструментов государственного долга. С помощью этих финансовых рычагов в та-

ких государствах как Франция, Англия, Пруссия, Австрия, Россия, Испания были созданы постоянные армии и флот в масштабах, не виданных в Европе со времен Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., когда финансирование армии осуществлялось на основе разорения территорий, на которых велись боевые действия²⁴.

В этом любопытном феномене воспроизводства на Балканах прошлой модели развития, с опозданием на целый исторический такт, проявилось переключение целей модернизации с внутренней политики на внешнюю, с развития на агрессию, с целью раздела сначала Европейской Турции, а затем и передела всей Юго-Восточной Европы. Ключевым фактором в этом процессе был рост объема государственного долга, что имело особое значение для балканских стран как для стран развивающихся, приобретающих при этом черты военно-фискальных государств.

Таблица 2: Показатели «военно-фискального государства» на Балканах (1912–1914 гг.)

Страна	Объем внешнего государственного долга на начало 1914 г. (млн фр.)	Использование займов 1878–1914 гг. на производственные цели (%)	Доля бюджетных расходов на обслуживающие займов (%)	Доля военных расходов в бюджете (%)
Румыния	1 800	35	20	15
Болгария	1 350	21	22	22
Сербия	1 150	30	30	23
Греция	1 250	26	42	16

Рассчитано на основе: *Feis H.* Op. cit. P. 241, 264, 274, 285, 289; *Dertilis P.B.* Le Problème de la Dette publique des Etats Balkaniques. Athènes. 1936, P. 50, 133, 327; *Cioriceanu G.D.* La Roumanie économique et ses rapports avec l'étranger de 1860 à 1915. Paris. 1928, P. 420; *Popoff K.* La Bulgarie Économique. Sofia. 1920, P. 489; *Тодорова Ц.* Дипломатическа история на външните заемина България 1888–1912. София, 1971, С. 469; *Милич Д.* Чуждестранният капитал в Сърбия до Първата световна война // Исторически преглед. 1965. Кн. 4. София. С. 62.

Государственный долг балканских стран формировался путем внешних займов, а обслуживался за счет налогов и государственных доходов. Весьма скоро во всех странах кроме Румынии был

установлен внешний контроль над финансами стран-должников со стороны стран-кредиторов. Марксистская школа считает подобную практику утратой странами-должниками своего национального суверенитета, попаданием их в зависимость от международного капитала, подчинением чужой политической воле²⁵. Действительно, проблема внешней задолженности в начале XX в. и особенно накануне Первой мировой войны оказывалась тесно связанной с формированием военно-политических союзов и с оказанием на отдельные страны (но при этом не только должников, но и кредиторов!) политического и дипломатического давления.

Но в отношении балканских стран проблема внешнего финансового контроля имела еще один важный аспект. Речь идет о коррупции, точнее о ее реальных масштабах в экономической жизни общества. На Балканах она была несоизмеримо выше, чем в развитых странах Европы и даже в России²⁶. Введение иностранного контроля над финансами балканских стран оказывалось эффективным средством ее пресечения. Более того, результаты деятельности международных финансовых контролеров в балканских странах в конце XIX – начале XX веков оказались настолько ответственными и важными по своим отложенным последствиям, что эта проблема заслуживает отдельного тщательного исследования. Речь может идти о самой способности балканских стран начать Балканские или вступить в Первую мировую войны при отсутствии подобного контроля. Впервые эту проблему весьма осторожно затронул Х. Фейс в 1930 г., но вероятно, не решился идти дальше по мрачному лабиринту возможных выводов²⁷. Остроту проблемы иностранного контроля в данном аспекте, поистине достойном отношений Фауста и Мефистофеля, Фейс притупляет проблемой кредитования балканских стран иностранным капиталом вообще, считая ее, однако, «подливанием горячего в бивачные костры враждующих государств»²⁸.

Став участниками «большой игры», балканские правящие круги приняли самое активное участие в выборе способа, времени и места ее начала. До сих пор остается открытым вопрос о значении Сараевского убийства – только ли поводом к войне или одной из ее причин явилось это событие²⁹? Но на Балканах не было недостатка и в других поводах к конфликту.

Если на Западе война могла и не начаться (тезис ее неотвратимости не доказан), то балканским странам для решения своих проблем (Сербии: минимум – объединение с Черногорией, максимум – Великосербия; Румынии – Трансильвания; Болгарии –

ревизия Бухарестского мира; Греции – побережье Малой Азии, Эпир, а при удачном раскладе и Константинополь с частью Восточной Фракии; Турции – Эгейские острова и Западная Фракия) требовался именно европейский пожар, из которого они вытаскивали бы свои головешки. То же в полной мере относится и к России, ибо как показали два совещания в верхах 1913 и 1914 гг., без сокрушения Германии в ходе европейского конфликта не видеть ей Константинополя как своих ушей.

В первых числах августа 1914 г., запущенные юридическим механизмом союзов, политически началось несколько долго подготавливаемых войн, каждая со своими причинами и предпосылками, лишь условно объединенные в понятие «европейская война»: 1) сербо-австрийская война за создание Великой Сербии, с одной стороны, и за возврат Сербии к статусу 1909 г., с другой; 2) русско-австрийская война за гегемонию на Балканах и Галицию; 3) русско-германская война за переустройство Восточной Европы, но прежде всего за Константинополь и Проливы; 4) франко-германская война за Эльзас-Лотарингию и французские колонии; 5) англо-германская война за гегемонию на морях и господство в Северном море, что означало для Англии нейтралитет Бельгии. Объединение отдельных конфликтов в один вместе с расширением масштабов войны, произошло после вступления в нее Турции в ноябре 1914 г.

Наибольшее значение вступление Турции в войну в плане приобретения ею мирового характера имело прежде всего для России. Но именно Россия близоручко оттолкнула Турцию в объятия центральных держав, и именно она рухнула первой под бременем *мировой* войны. С редкой проницательностью оценил в январе 1915 г. значение вступления Турции в войну американский эксперт по Балканам Р. Ашер: «Мы имеем дело с мировой политикой, с мировой войной, которая, хотя и ведется на полях Европы, но результаты ее разрешатся отнюдь не в самой Европе. Ключ к этой ситуации лежит в Константинополе, и держат его турки»³⁰. Но, несмотря на увязку целей войны стран противостоящих блоков даже в 1916 г., по мнению некоторых современных историков, Англия и Франция вели на Западном фронте две отдельные самостоятельные войны: Франция за Рейн, Англия – за Бельгию³¹.

Итак, ответ на наш главный вопрос гласит, что летом 1914 г. война, начавшаяся на Балканах, уже не могла не стать европейской. Безразлично, австро-сербская или греко-турецкая. Оба вопроса: о месте и неотвратимости войны неразрывно связаны друг

с другом – война не могла не начаться на Балканах а, начавшись здесь, не могла не стать мировой.

До сих пор нет работ, анализирующих «вероятность» других возможных поводов (или причин) войны: объединения Сербии и Черногории, греко-турецкого конфликта из-за островов. Обязательно ли эти причины-поводы вызвали бы европейскую войну? Ввиду их отсутствия представляется важным еще раз рассмотреть реальный фактор возникновения конфликта на Балканах и его эскалацию в европейский конфликт, хотя об этом уже говорилось тысячи раз. И зададимся извечным вопросом: кто же виноват?

Адепты сербской невинности не хотят видеть фактов и воспринимать аргументы оппонентов. Пользуясь тем, что Сербия, дважды в истории оказавшись в лагере победителей, избежала расследования ее прошлого и воспользовалась по праву войны преимуществами победителя; они делают вид, что действительно считают статью 231 Версальского договора, возлагающую *всю* вину на Германию и ее союзников и освобождающую Сербию даже *от постановки* вопроса о доле ее вины, нормой международного права. Поэтому любая попытка затронуть вопрос сербской вины (при этом наряду с виной других участников!) сразу объявляется «ревизионизмом». Помимо возрождения сомнительной для науки практики «наклеивания ярлыков», энтузиасты «сербского дела» еще клеют не тот «ярлык», поскольку сам термин «ревизионизм» был выдвинут в 1920-е гг. против германских историков в контексте их борьбы с чудовищными, не имеющими оправдания и, главным образом, не могущими быть взысканными репарациями. Сербам же еще в то время молчаливо, но внятно предлагалось помалкивать и не высовываться, чтобы не обнаружить скелета в шкафу³².

Свидание в Конопиште, в котором видят зловещий закулисный заговор, не представляет никакой тайны, если, конечно, не лепить ее из сплетен и мифов, игнорируя факты и документы. Почему-то с порога отвергаются версии свидания и предлагаются нелепые объяснения встречи. О каком «заговоре» Германии и Австро-Венгрии *против Сербии* могла идти речь в Конопиште? Повестка дня совещания хорошо известна из отчета барона фон Трейтлера германскому МИД от 13 июня 1914 г.³³ Оно было в основном посвящено Трансильванскому вопросу в связи с позицией Румынии. Нужно очень хотеть верить в мифы, чтобы игнорировать документы и факты. А мистификация Конопишта выглядит еще более мифической, чем бытовавшие в свое время версии о причастнос-

ти мадьярской олигархии или венской камарильи к устранению эрцгерцога.

Многовариантность схем триализма и Великой Австрии, призванных справиться с проблемой критической массы славянства в империи не принимается всерьез и объявляется сказками и химерами. Но аргументированных доказательств этого пока нет.

Известные свидетельства причастности либо информированности о планах устранения эрцгерцога упорно игнорируются. Исследование Н. Полетики «Сараевское убийство» вот уже 80 лет внесено в «индекс книг» просербской инквизиции. Ему отказывают в самой принадлежности к историографии. Данный подход восходит к академику Ю.А. Писареву, но достойно сожаления, что и многие современные видные и талантливые специалисты следуют колеей, проторенной «каретой прошлого».

Высказывания и поступки С.Д. Сазонова не принимаются в расчет. Его переговоры с И. Братиану в июне 1914 г. («В смысле вооруженного столкновения России и Австро-Венгрии по почину России я могу себе представить таковое только в том случае, если на почве албанского вопроса *или под каким-либо другим предлогом* (курсив наш. – Р.С.) Австрия пожелает напасть на Сербию»³⁴) не считаются зондажем реакции на убийство Эрцгерцога за две недели до него; встреча их обоих с Пашичем³⁵ не рассматривается как «Конопишт по-сербски наизнанку», а поездка на авто в Карпаты, в ходе которой «спортсмены» заехали на австрийскую территорию, в «ирридентную» для румын Трансильванию, – расчетливой и гнусной провокацией³⁶.

Почему-то не принимаются даже к рассмотрению свидетельства черногорского дипломата и филолога Петровича, принужденного югославской охранкой к самоубийству, об информированности сербского посольства в Лондоне³⁷ о планах покушения и о турецком следе в его подготовке и заметании следов. И это притом, что тот же Петрович весьма почитается за другое – за разъяснение Западу «правильного» названия страны: не Servia, что коннотирует с «рабством», – а Serbia.

Почему-то вместо взвешенной, непредвзятой оценки степени причастности и вины всех участников балканской драмы: Сербии, Австрии, России, Турции и Греции, переросшей в европейскую трагедию, в отношении Сербии занимает позицию, заслуживающая только гротеска: «Не виноватая я – он сам пришел!» Но ведь должна же быть хоть какая-нибудь объективная причина задуманной Австрией «экзекуции» Сербии кроме чисто эмоциональной

мести за смерть эрцгерцога. Что, Сербия в 1914 г. действительно не несла в себе никакой скрытой (или явной) угрозы существованию Монархии? Чем сторонникам сербской невинности так не нравится принцип общей разделенной вины Вены и Белграда за европейскую трагедию?

Хотелось бы поставить в этой связи несколько вопросов по существу.

Как же все-таки реагировать на многочисленные (не менее десятка) разоблачения, идущие из узкого круга сербского руководства об информированности его о предстоящем покушении и об использовании этой информации в военно-политическом планировании Белграда? Ответы, как правило, «локализуются» только одним М. Богичевичем – сам продался немцам, документы, опубликованные им, отредактированы³⁸. Но речь идет далеко не об одном Богичевиче. И вовсе не о документах. А о том, что Пашич – знал! Знал и как истый провокатор подстраховался и в Вене, сообщив лживую версию о возможном покушении на маневрах. Не пора ли дать внятный и вразумительный ответ по всему комплексу этих разоблачений!

В чем состояло действительное ущемление сербского суверенитета австрийским ультиматумом и так ли оно было уникально, как уже сто лет трубят апологеты сербской позиции? Ведь Сербия согласилась на гораздо более унижительные и оскорбительные требования, содержащиеся в ультиматуме. (Напомним еще раз, что мы абсолютно не считаем Сербию единственной виновницей, а Австро-Венгрию – нет. В этом состоит принципиальное отличие нашей позиции. И Австрия провоцировала Сербию, и та Австрию). Те два злополучных пункта (5-й и 6-й) об участии австрийских представителей не были чем-то совсем необычным в международной практике. «Младшая сестра» Сербии Черногория сама в 1912 г. добивалась присылки австрийских судебных чиновников в Цетинье в силу полной неспособности организовать нормальное судопроизводство. И отнюдь не считала это ущемлением своего суверенитета. Только под жестким давлением России она отказалась от своих намерений³⁹.

Далее. Разве не отказалась та же Сербия от собственного суверенитета в гораздо более важном вопросе управления своими финансами еще в 1895 г. в Карлсбаде в пользу консорциума банков, приняв закон, который по официальному уведомлению сербским правительством Франции стал нормой международного права. Позднее Сербия трижды подтверждала этот отказ: в

1906, 1909 и 1913 гг., ибо только на его основе она могла получать новые займы⁴⁰. Так откуда вдруг взялась подобная щепетильность в 1914 г.?

Почему сербское правительство, в июне 1914 г. отказавшись поддержать греков в конфликте с турками, не руководствовалось само в июле принципами, которым оно рекомендовало следовать грекам: 1) Греция заняла крайнюю позицию без уведомления своего союзника; 2) как бы ни тяжелы были преследования греков в Турции, дело это не столь безнадежно и не столь важно, чтобы из-за него братья за оружие, *не исчерпав всех мирных средств, включая обращение к Европе* (курсив наш. – Р.С.); 3) после Балканских войн Сербия ни в финансовом, ни в военном отношении не готова к военным действиям; 4) война с оправившейся Турцией может иметь для Греции самые тяжелые последствия, как потерю Кавалы, Салоник и всего добытого в прошлую кампанию⁴¹? Разве это не та же ситуация? Ответ – потому что за спиной была Россия, и «позиция» была согласованной.

Сравним с точки зрения ущемления суверенитета сторон австрийский ультиматум Сербии, предъявленный 23 июля 1914 г., с ультиматумом, предъявленным балканскими странами, включая ту же Сербию, Турции накануне Балканской войны, который почему-то до сих пор вовсе не считается примером международного произвола и нарушением всех существовавших правовых и дипломатических норм. Спору нет, австрийский ультиматум имел наглый и откровенно провокационный характер, но ультиматум балканцев Порте от 13 октября 1912 г. намного превосходил его и по наглости, и по нигилизму в отношении международного права, в поле которого формально находились все участники международных отношений.

От суверенной Турции требовалось установление полной автономии македонских провинций под управлением бельгийских или швейцарских губернаторов, введение пропорционального представительства всех национальностей в ее палате депутатов и создание независимой жандармерии. Для контроля над проведением этих реформ балканцы требовали создания особого органа, состоящего из равного числа христиан и мусульман и находящегося вне подчинения великому визирю. От Турции требовалось ввести указанный правовой режим в Македонии в течение шести месяцев и отменить объявленную мобилизацию. Иначе балканские страны не ручались за последствия⁴². Так что, у Сербии было что и с чем сравнивать.

Подвергнувшись дипломатическому унижению, приняв австрийский ультиматум с оговорками, Сербия прекрасно знала, что это унижение всего на несколько дней. Не настолько повышалась планка унижения при принятии ноты полностью, чтобы из-за этого идти на войну с Австро-Венгрией, зная, что за этим последует. Принципиальное различие между Бельгией и Сербией заключалось в том, что первая, действительно, стала жертвой абсолютно неспровоцированного нападения, а вторая уже в течение месяца была стороной острейшего дипломатического конфликта с великой державой, стремившейся к войне. Если Бельгию не о чем не спрашивали и ничего ей не предлагали (кроме как не препятствовать вторжению), то с Сербией было совсем не так – у нее был выбор, и она его сделала. Ее осознанное решение было – война, ибо если провокатор Берхтольд (что бы он потом не лепетал Лихновскому) сорвал планы интернационализации конфликта, спешно объявив Сербии войну 28 июля, то еще ранее провокатор Пашич сотоварищи дал ему возможность эту провокацию осуществить, приняв 26 июля ноту с оговорками.

«Темна вода в облацех» дипломатии и большой политики. Но ясно, что крах «первой глобализации» 1873–1914 гг. и *Belle Époque* в истории Европы, как казалось, сулящей миру долгий век процветания и гуманизма, произошел не без сильнейшего толчка из европейской юго-восточной периферии, так и не сумевшей модернизоваться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор провел своеобразное «полевое исследование» – по всем доступным информационным каналам он попытался подсчитать количество работ (книг и статей) *только* с названием «The Origins of the First World War» и, дойдя до двухсот, прекратил подсчет, хотя неохваченный массив еще оставался весьма большим.

² *Pearce R.* The Origins of the First World War // *History Review.* 1997. Issue 27 (March). P. 12f.

³ *Троцкий Л.Д.* Программа мира. <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl224.htm> (09.05.2015).

⁴ *Warburg M.M.* Aus meinen Aufzeichnungen. Glückstadt, 1952. S. 29.

⁵ *Hecker G.* Walter Ratenau und sein Verhältnis zu Militär und Krieg. Boppard, 1983. S. 82.

⁶ Цит. по: *Kessler H.* Walter Ratenau, His Life and Work. New York, 1930. P. 169.

⁷ *Class H.* Wieder den Storm. Leipzig, 1932. S. 217.

⁸ Тот факт, что Ратенау представлял «новые отрасли» (химия и электричество), а Стиннес – «старые» (уголь и сталь) опровергает тезис сторонников конфликта старых и новых отраслей и особой роли первых в развязывании войны. Крупп, работавший на госзаказ в области вооружений (артиллерия и корабельная броня) и лично заинтересованный в гонке вооружений, и братья Маннесманы, в стремлении овладеть рудными месторождениями провоцировавшие Марокканские кризисы в сговоре с пангерманцами и МИД, являлись исключениями.

⁹ *Feis H.* Op. cit. P. 23, 51, 74.

¹⁰ *Jarausch K.* The Enigmatic Chancellor: Bethmann Hollweg and the Hubris of Imperial Germany. New Haven, 1973. P. 87.

¹¹ *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»: Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1934 года // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 22–23.

¹² *Полетика Н.П.* Возникновение мировой войны. МЛ., 1935. С. 449–497.

¹³ См. для примера: *Le Matin*, 1914, с января по март, левую полосу на стр. 3: «Un état d'esprit en Allemagne».

¹⁴ *Schelking E.* Recollections of a Russian Diplomat. The Suicide of Monarchies (William II and Nicolas II). N.Y., 1918.

¹⁵ «Это – трус и предатель!» (*фр.*) *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. М., 1966. С. 381.

¹⁶ *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991. С. 133.

¹⁷ Там же. С. 233–235.

¹⁸ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. Триумф и трагедия. М., 1955. С. 712.

¹⁹ *Mombauer A.* The Origins of the First World War: Controversies and Consensus. London, 2002; Eadem. Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War. Cambridge, 2001; Eadem. Die Julikrise. Europas Weg in den Ersten Weltkrieg. München, 2014.

²⁰ *Jannen Jr. W.* The Lions of July: Prelude to War, 1914. Novato, CA. 1997, P. xxiii.

²¹ *Young H. F.* Prince Lichnovsky and the Great War. Athens, GA. 1977, P. 167–168, Note 27.

²² *Сталин И. В.* Указ. соч.; *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 22. М., 1962. С. 11–52.

²³ *Bérard V.* La mort de Stamboul. Considérations sur le Gouvernement des Jeunes-Turcs. Paris, 1913. P. 250.

²⁴ О государстве «военно-фискального типа» см.: *The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe. Essays in honor of P.G.M. Dickson / Storrs Cb.* (ed.) Farnham, 2009; *Brewer J.* The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783. London, 1989.

²⁵ См., например: *Тодорова Ц.* Дипломатическа история на външните заеми на България. 1888–1912. София, 1971. С. 472.

²⁶ Одним из ярких корруппантов и культиваторов коррупции был лидер сербских радикалов Н. Пашич. См.: *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. СПб., 2004. С. 40. Но и в других странах тоже были свои «асы» казнокрадства.

²⁷ *Feis H.* Op. cit. P. 268, 284, 292.

²⁸ Ibid. P. 268.

²⁹ *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Л., 1930.

³⁰ *Usber R. G.* Why Turkey Entered the War // Reynolds F. J. and Churchill A. L. (eds.). World's War Events. New York, 1919. Vol. 1. P. 140. Глава Ашера была ранее опубликована в журнале "World's Work", 1915, January.

³¹ *Greenhalgh E.* Why the British Were on the Somme in 1916 // War in History. 1999. Vol. 6. No 2. P. 147–173.

³² Реакция европейских официальных кругов на первые разоблачения и на наивные попытки Р. Сетон-Ватсона разобраться в них. См.: *Полетика Н.П.* Сараевское убийство... С. 346–347.

³³ *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette.* Berlin, 1926. Band 39. S. 365–369.

³⁴ Международные отношения эпохи империализма (Далее – МОЭИ). М., 1935. Сер. 3. Т. 1. С. 254.

³⁵ *Полетика Н.П.* Сараевское убийство... С. 348.

³⁶ К провокациям такого же рода следует отнести и грязную газетную утку о якобы инциденте с дочерьми генерала Лимана фон Сандерса в Константинополе, призванную оскорбить германских офицеров. См.: *Les filles de général von Sanders molestée par des soldats turcs* // *Le Matin*, 4 mars 1914. № 10963. P. 3. И, конечно же, само Сараевское убийство.

³⁷ В 1914 г. Сербия и Черногория имели в Лондоне общее посольство. Свидетельство В.М. Петровича см.: <http://www.hic.hr/books/blackhand/petrovic.htm> (09.05.2015).

³⁸ *Bogitschewitsch M.* Die Auswärtige Politik Sebiens, 1905–1914. Bd. 1–3. Berlin, 1928–1931.

³⁹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. С. 138–139, 161, 175.

⁴⁰ *Feis H.* Op. cit. P. 266–268.

⁴¹ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. С. 241.

⁴² *Dakin D.* The Diplomacy of the Great Powers and the Balkans states, 1908–1914 // *Balkan Studies*. 1962. No 3. P. 352.

Шемякин А.Л. (Москва)

**Русский дипломат в Сербии
о начале Первой мировой войны.
(К дискуссии о ее «подстрекателях»)**

В 2009 г. в Белграде (на сербском языке) вышли «Балканские воспоминания» Василия Николаевича Штрандтмана – первого секретаря русской миссии в Сербии, а затем поверенного в делах России в Королевстве, занимавшего эти посты в 1911–1915 гг.¹. Именно годы, проведенные автором в Белграде (сентябрь 1911 г. – июль 1914 г.) и Нише (июль 1914 г. – сентябрь 1915 г.), составляют хронологическое ядро мемуаров, что не удивительно, учитывая, как густо этот совсем не протяженный отрезок времени буквально «нашпигован» событиями континентального масштаба: Первая и Вторая балканские войны, Июльский кризис, начало Первой мировой... И все они самым непосредственным образом, хотя и по-разному, замыкались на Сербию, а потому должность представителя Санкт-Петербурга (Петрограда) в Белграде (и позднее в Нише) являлась тогда одной из важнейших, причем в двух аспектах – и политическом, и историческом. Ведь люди, ее занимавшие, имели возможность наблюдать за событиями и влиять на них из самого центра, т.е. практически изнутри, владея реальной информацией, что называется, «из первых рук»; и, соответственно, как таковые, могли донести до будущего историка правду обо всем, «что видели, слышали и знали», ту правду, которая ныне, совсем не без умысла и подчас откровенно, подвергается насилию (о чем ниже).

В рецензии на это издание российский историк В.И. Косик отметил: «Заключая свой экскурс в балканские воспоминания В.Н. Штрандтмана, могу с уверенностью утверждать, что они представляют собой ценнейший источник по многим темам и сюжетам, связанным косвенно или прямо с временем Первой мировой войны, перевернувшей страницу мировой истории». И далее,

что для нас самое важное, – «Смею надеяться, что в преддверии 100-летия начала Первой мировой войны книга о политике России, написанная на русском, переведенная и изданная на сербском, все же появится и на родном языке»².

Мы рады констатировать, что эти столь высоко оцененные авторитетным ученым, «долгожданные» мемуары, наконец-то изданы на языке автора, причем в самое нужное время – в год юбилея начала Великой войны³.

* * *

Особую привлекательность воспоминаниям В.Н. Штрандтмана придает весьма редкая историческая деликатность автора. В отличие от многих «собратьев» по цеху, а в дальнейшем и по перу, русский дипломат не помещает свою персону в центр событий («Я и нечто...»), хотя неожиданно для себя, после внезапной смерти посланника Н.Г. Гартвига, оказывается лично втянутым в самую их гущу; ни в чем не оправдывается и никого не оправдывает, в том числе – политику собственной страны и ее представителей на Балканах; откровенно повествует о своих разногласиях с не в меру воинственным шефом, защищая «пацифистское» наследие погибшего П.А. Столыпина и предвидя беды, грозящие обрушиться на Россию в случае отказа от него.

Словно киномеханик, он бесстрастно «крутит» перед публикой свой увлекательный балканский «фильм», сам оставаясь в тени и лишь изредка комментируя мелькающие на экране кадры. Причем этот его «фильм» (текст) не только «документален» по принадлежности к мемуарному жанру, но и предельно документирован по существу. Семейно педантичный, профессионально любопытный и информированный, Штрандтман на склоне лет пишет мемуары не по ускользающей памяти, но по дневникам, широко используя копии донесений в МИД, иные дипломатические документы и факты. Его записки во многом «фотографичны»: приводимые им фрагменты депеш, циркуляров, бесед почти всегда проверяемы в архивах и публикациях документов, что позволяет убедиться в их полной аутентичности, – причем не только в передаче смысла, но зачастую и по форме⁴. А потому «Балканским воспоминаниям» можно доверять, хотя мы и отдаем себе отчет в том, что для сочинений столь субъективного жанра, каковыми являются мемуары (а дипломатические в особенности) подобное заключение – редкость...

Такая «доверительность» и объективность мемуаров В.Н. Штрандмана приобретает особую значимость именно теперь – в 100-летнюю годовщину начала Великой войны 1914–1918 гг. Ведь не секрет, что, начиная с 1920-х годов, в Германии, Австрии, а затем в США не прекращаются попытки «подправить» ее историю, прежде всего, в ракурсе поиска *подлинных* «подстрекателей», каковыми объявляются Россия и исполнительница ее «имперской» воли Сербия. Одним из первых «ревизионистов» стал американский историк Сидней Фей, чья работа о «происхождении Мировой войны» впервые вышла в 1926 г.⁵ В последние полтора десятка лет эта тенденция на Западе только усилилась – в тесной связи с балканскими событиями конца XX в. В стремлении взвалить коллективную ответственность *за все* на один народ, там, образно говоря, «к штыку приравняли перо». История, таким образом, вновь оказывается служанкой политики, а «нужные» (или «политкорректные») представления о балканской реальности подменяют саму реальность. И «подвернувшийся» весьма кстати печальный юбилей используется в данном контексте в полной мере⁶. Назовем лишь три новейшие работы, вышедшие как раз в его преддверии из-под пера Шона Макмекина⁷, Кристофера Кларка⁸ и Маргарет Макмиллан⁹.

Ну, а прошедший 2014 год окончательно превратил историческую науку на Западе в некое подобие «фарса». В сентябре в престижном вашингтонском Центре им. Вудро Вильсона состоялось дискуссионное мероприятие, посвященное началу Первой мировой войны. В ходе ее вдова «творца» дейтонской Боснии и Герцеговины Ричарда Холбрука Кэтти Мертон, претендующая на лавры историка, заявила: «Франц Фердинанд был убит в результате террористической акции, спланированной в Белграде, где эти террористы и обучались. Учил их человек по имени Никола Пашич (!!! – *А. III*), некоронованный король Сербии». И далее: «Сербский экспансионизм, претендовавший на все территории, где проживают сербы, явился спусковым крючком к тому, что привело к катастрофе». И наконец: «Вторая причина катастрофы – это русские, а отнюдь не немцы...»¹⁰. Комментарии, думается, излишни!

По счастью, среди западных ученых есть и вполне объективные исследователи. Так, англичанин Макс Гастингс – с точностью и емкостью диагноза – заметил в своей последней книге: «Начало XXI-го века принесло с собой множество „свежих“ теорий и фантастических трактовок Июльского кризиса 1914 г., обнаружив при этом крайнюю скудость новых исторических источников, кото-

рым можно доверять»¹¹. И одним из таких столь редких источников, коим «можно доверять», являются «Балканские воспоминания» В.Н. Штрандтмана. Подготовив их к печати на русском языке именно сейчас, мы уверены, что они станут серьезным подспорьем в интеллектуальной дуэли с очередными носителями идеи «ревизии истории», которая, увы, чем дальше – тем больше (и уже как глобальное явление!), становится мировым трендом.

И здесь следует добавить, что советские историки (к примеру, М.Н. Покровский и Н.П. Полетика) в свое время также разделяли миф о виновности Белграда и стоявшего за ним Петербурга в развязывании Мировой войны. Но с ними все ясно – идеологическая ненависть к «Тюрьме народов», к разжиганию которой в немалой степени приложила руку сама «школа Покровского», неумолимо толкала их к ретрансляции смонтированных на Западе антироссийских версий. После Второй мировой войны, правда, Полетика отказался от прежней позиции.

Однако показательное другое – и ныне в российской историографии есть сторонники той позиции, хотя, повторимся, документальных подтверждений ее подлинности за последнее время явно не прибавилось, а фундаментальные опровержения (из пера Фрица Фишера, Иммануила Гайса, Доминика Ливена, Андрея Митровича) совсем не утратили своего научного веса. В частности, коллега С.А. Романенко пишет: «Первая мировая война началась конфликтом монархии и независимой Сербии (провоцировавшей Габсбургов в расчете на поддержку России)». И далее: «Сербия постоянно провоцировала Вену в надежде на „русский штык“»¹². То есть, заключал профессор Т.М. Исламов, она «оказалась отнюдь не безгрешной в том, что случилось в июле 1914 г.»¹³. Или же, касательно Сараевского убийства, коллега Б.А. Старков нам сообщает: «Российская военная разведка и дипломатическая служба были не только осведомлены о готовящемся покушении, но и своими действиями подталкивали к его совершению»¹⁴. Сам же выстрел Гаврилы Принципа представлен в работе Е.К. Вяземской как «акт международного терроризма»¹⁵.

Либо следующий «дуалистический» подход, предложенный коллегой Я.В. Шимовым. С одной стороны, он «далек от стремления представить Сербию в роли “поджигателя войны № 1”», но с другой, – его логическая конструкция весьма прозрачна. Раскроем ее подробнее. Итак, сначала: «После дворцового переворота 1903 г. и избавления от экономической и политической зависимости от Австро-Венгрии внешняя политика Белграда станови-

лась все более энергичной и направленной на объединение всех южных славян под властью династии Карагеоргиевичей»¹⁶. Это, так сказать, стратегическая перспектива для белградских властей (хотя говорить обо «всех южных славянах» здесь вряд ли корректно). Затем: «После того, как в результате Балканских войн Турция была фактически вытеснена из Европы, а Болгария заметно ослаблена, основным противником Сербии стала Австро-Венгрия». И далее: «Рассчитывать на осуществление великосербской мечты в результате стихийного распада государства Габсбургов в Белграде пока не могли». И наконец: «Поэтому добиться своей стратегической цели белградское правительство могло только после военного поражения Дунайской монархии. Нанести его Габсбургам в одиночку Карагеоргиевичи были не в состоянии, посему подключение России к конфликту с Австро-Венгрией являлось составной частью внешнеполитической стратегии Белграда»¹⁷. А это – уже общие рамки *новой* ситуации, сложившейся после удачных для сербов Балканских войн. А еще затем – ее (ситуации) внутренние пружины: «Победоносные Балканские войны довели националистические настроения в Сербии, можно сказать, до точки кипения». И самое важное: «Уже не Белград действовал с оглядкой на Петербург, а Петербург – чем дальше, тем в большей степени – учитывал интересы и пожелания Белграда». Что значит, по мнению автора, «хвост понемногу начал вертеть собакой», следствием чего стало (sic!) заключение в январе 1914 г. между Сербией и Россией «военно-политического соглашения», которое «юридически закрепило давно существовавшее положение дел». И, соответственно, когда грянул Сараевский выстрел, и Вена выдвинула южному соседу изначально невыполнимый ультиматум, «обязательства Петербурга перед Белградом, закрепленные январским договором 1914 г., были четки и недвусмысленны»¹⁸. Ну, а «завтра была война»!.. Логика, на наш взгляд, предельно очевидна¹⁹.

Но, что интересно, уважаемые коллеги не привели ни одного (!) источника, который мог бы доказать столь сомнительные тезисы! А мемуары В.Н. Штрандтмана тем и хороши, что убедительно их опровергают.

* * *

Зададимся элементарным вопросом, – хотела ли Сербия нового конфликта после успешных, но полностью ее обескровивших, Балканских войн? Ответ, думается, вполне очевиден, что и

подтверждает находившийся на месте событий русский дипломат: «Все сербские течения безусловно сходились на настоятельной необходимости выиграть время и притом на продолжительный срок, для приведения в порядок и организации увеличенной живыми силами, но ослабленной борьбою, Сербии»²⁰. Все взоры с опасением были обращены на Вену и Будапешт, где раздавались голоса с требованием разрешения балканской проблемы в трудную минуту для Сербии и в то время, когда Россия открыто с Думской трибуны заявляла о своей военной неподготовленности»²¹. Потому сербский премьер-министр Никола Пашич и давал понять В.Н. Штрандтману (это уже из его донесения), что «в своей уступчивости перед австрийскими требованиями Сербия пойдет значительно дальше, чем те пределы, о которых друзья ее могли смело и открыто ей говорить». Так и произошло – «сделанная Европой оценка сербского ответа на ультиматум говорит сама за себя». И, думается, уже одно это ясно доказывает, что Пашич искренне не хотел войны, а Сербия ее боялась, не будучи вовсе подготовленной»²². Всего за несколько дней до передачи австрийского ультиматума (снова вернемся к мемуарам) «Пашич просил меня довести до сведения С.Д. Сазонова, что, ввиду все громче раздававшихся со стороны австрийской печати обвинений Сербии в Сараевском убийстве, он снова подчеркивает тот неизмерный вред, который эту гнусное злодеяние должно было принести и действительно принесло в первую очередь Сербии»²³.

Соответственно, и никакого подъема националистических чувств «до точки кипения» в политике Белграда после Балканских войн не наблюдалось. Напротив, немалое значение для него имели тогда отношения с Черногорией. Разделив освобожденные территории Новипазарского санджака (Рашки), два сербских королевства наконец-то соприкоснулись границами. В начале 1914 г. между ними начались переговоры о более тесном сотрудничестве в военной, финансовой и дипломатической сферах, которые детально отслеживал Штрандтман. О том же, насколько приоритетным для Пашича в тот момент был диалог о реальном сближении Сербии и Черногории, – в сравнении с весьма абстрактным лозунгом «югославянского единения», писал в своем донесении и его шеф: «Пашич находил желательным оставить ныне в стороне все заботы о “неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве”, а подумать о мероприятиях, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов (т.е. сербов и черногорцев. – А.Ш.)»²⁴.

Но и это не все. Еще в ходе Балканских войн он приложил немало стараний для улучшения отношений с Австро-Венгрией, воспользовавшись для этой цели пребыванием в Белграде осенью 1912 г. Томаша Г. Масарика. Штрандтман описывает: «Положение Масарика в Вене и широких политических кругах побудило Пашича открыть перед ним карты относительно серьезности его опасений за взаимоотношения между Белградом и Веной. Масарик согласился попытаться быть своего рода посредником и, так сказать, адвокатом в Вене. Гартвиг при разговоре со мною вынул из письменного стола записку, по которой он прочел мне основные мысли Пашича касательного желательного улучшения отношений с Веной. Согласно его словам, Пашич считал, что более дружественные отношения с Австро-Венгрией для Сербии совершенно возможны, однако, при условии полной независимости последней и экономической и политической самостоятельности. Сербия была готова делать широкие экономические уступки и даже дать Австро-Венгрии преобладающее значение в этом направлении <...>. Пашич понимал политические интересы Австро-Венгрии, а потому был все-таки готов согласиться на образование независимой Албании, и даже более того – влиять в том смысле, чтобы сербами эта мысль была воспринята благоприятно <...>. Гартвиг мне поведал и то, что Масарик всецело воспринял идеи и стремления Пашича и намеревался осведомить графа Берхтольда о точке зрения Пашича, который охотно бы приехал в Вену для личного свидания с ним, имея в виду важность этого вопроса. Несколько дней спустя Пашич был осведомлен, что граф Берхтольд отклонил предложение о свидании»²⁵.

Через год, в октябре 1913-го, «во время поездки Пашича за границу у него возникла мысль, навеянная Масариком, снова попытаться свидеться с графом Берхтольдом». Однако, тот «во второй раз отказал в таком свидании, что могло служить дурным признаком»²⁶.

Заметим, что данные Штрандтмана о поездке Масарика в Сербию и миролюбивых шагах Пашича в отношении Дунайской монархии подтверждаются и с «той» стороны – документ с изложением предложений сербского премьера Вене, переданный будущим президентом Чехословакии Берхтольду, был обнаружен в архиве австро-венгерского МИД – его совсем недавно прокомментировал чешский историк Вацлав Штепанек²⁷. «Отказ Берхтольда заставил Масарика ждать беды, поэтому скорое нападение

Австро-Венгрии на Сербию его совсем не удивило», – подчеркивает он²⁸.

Что же до самой Австро-Венгрии, которую, современные австрийские историки представляют «вполне устроенной и цивилизованной Империей, являвшейся носителем идеи прогресса и стабильности для Балкан»²⁹, и которую, как нас уверяет С.А. Романенко, «Сербия постоянно провоцировала», то В.Н. Шtrandтман (человек умеренный и напроочь лишенный свойственного покойному Гартвигу налета «панславизма», да к тому же сам – очевидец событий) четко расставил акценты. Говоря о покушении на Франца-Фердинанда, он не без основания заметил, что «австрийская политика по отношению к Сербии могла породить не только двух, но и бесчисленное множество таких же сербских патриотов»³⁰.

* * *

Ну, а теперь обратимся к мифу о «русском штыке». Во-первых, сразу же после Сараевского атентата в австрийской печати поползли слухи о чересчур доверительных отношениях российского военного агента полковника В.А. Артамонова со знаменитым вождем сербской «Черной руки» полковником Драгутином Димитриевичем-Аписом, из чего делалось (и делается до сих пор!) заключение о причастности нашего Генштаба к этому преступлению. Шtrandтман опровергает такие слухи одним неоспоримым аргументом: «Все эти разговоры и сплетни не только были лживы, но и бессмысленны, так как трудно было допустить, чтобы наш военный агент, если он действительно играл приписываемую роль, мог в такую минуту отсутствовать в Белграде, проводя свой двухмесячный отпуск сперва в Швейцарии, а затем на берегу Адриатического моря в Аббации. Полковник Артамонов уехал задолго до Сараевского убийства, а после этого трагического дня, Гартвигом советовал не прерывать необходимого отдыха, о чем он писал ему вторично 8 июля, за два дня до своей смерти»³¹.

И, во-вторых, что более важно. Известно, что в январе 1914 г. у князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова (сына известного поэта К.Р.) и его супруги, сербской королевны Елены Петровны, родился первенец, князь Всеволод, – внук короля Петра Карагеоргиевича. Престолонаследник Александр и Никола Пашич срочно выехали в Санкт-Петербург на крестины младенца. Н.Г. Гартвигом очень хотел их сопровождать в столицу

России, но С.Д. Сазонов запретил, мотивировав, по Штрандтману, свой отказ «нежелательностью придачи особого значения этой поездке и порождения лишних толков об якобы чрезвычайной ее цели, которой она не имела»³². Посланник был очень зол. А поездка, кроме обозрения крестильной купели, и впрямь носила элемент «чрезвычайщины». Прибывшие в Россию сербские лидеры настоятельно просили «отпуска 120.000 винтовок, 24-х гаубиц, не менее 30-ти горных орудий и обмундирования на 240.000 человек. Пospешность этих требований объяснялась истощением материальных сил армии и болгарской политикой относительно Сербии, сходной с непримиримостью Австрии и Турции»³³. Дело было срочное, ибо, по признанию королевича Штрандтману, его страна «после двух Балканских войн располагала лишь ничтожным количеством пригодного вооружения, всего около 100.000 исправных винтовок, что являлось большим соблазном для врагов Королевства»³⁴. Чисто *оборонительная* мотивация сербского ходатайства³⁵, думается, вполне очевидна!

И что же? «Приблизительно в середине апреля, – пишет Штрандтман, – Гартвигом была получена телеграмма от Сазонова с отказом в выдаче Сербии из русских запасов испрошенного королевичем Александром и Пашичем военного материала. Такой отказ мотивировался реорганизацией русских войск, и министр просил Гартвига передать сербскому правительству его сожаление по этому поводу»³⁶. Но это – банальная отговорка, о подлинной причине отказа чуть ниже... И только *после* Сараевского атентата Россия согласилась-таки выделить сербам просимое ими. Но как? В то время как Пашич и Александр неоднократно молили, чтобы побыстрее, Петербург постоянно тянул время.

Лишь 30 июля, т.е. буквально накануне войны, «военным министром в Петербурге были приняты все необходимые меры и указан целый ряд военных складов для выдачи грузов, а также заготовлены поезда для их перевозки. Таким образом, и этот вопрос, переговоры о коем начались еще при жизни Гартвига, был разрешен. Неоднократно, как было сказано выше, либо королевич Александр, либо Пашич, или военный министр упорно обращались ко мне ради ускорения присылки обещанного с соизволения государя императора вооружения. Однако, несмотря на неустанные напоминания и сербской миссии в Санкт-Петербурге, и ее военного агента полковника Лонткевича, наше военное министерство медлило с исполнением этого срочного ходатайства. Так как мне в связи с этим промедлением приходилось испытывать в Нише не-

приятности, то я путем частной переписки запросил моих друзей в министерстве иностранных дел о причинах запоздания. В двух полученных ответах мне было, с ведома министра, сообщено, что, принимая во внимание желание России добиться разрешения австро-сербского конфликта мирным образом, приходилось избегать всего того, что могло дать повод противной стороне дела и обвинению России в неискренности и в подстрекательстве Сербии к сопротивлению. Вот почему отправка вооружения в ту минуту была сочтена совершенно недопустимой, и было отдано распоряжение повременить до выяснения политической обстановки». И далее – резюме: «Считаю долгом совести обратить внимание на это обстоятельство, как на доказательство искренности миролюбивых стремлений России, несмотря на серьезность риска для Сербии потерпеть решающее поражение в самом начале войны от недостатка вооружения»³⁷.

Однако, тогда разгрома Сербии не случилось. Россия (что важно – еще до формирования Экспедиции особого назначения во главе с капитаном 1-го ранга, впоследствии контр-адмиралом, М.М. Веселкиным³⁸), успела-таки перебросить по Дунаю обещанное вооружение³⁹. С его помощью в августе 1914 г. в районе горного хребта Цер 2-я сербская армия генерала Степы Степановича (получившего за эту битву чин воеводы) разгромила войска фельдцейхмейстера Оскара Потioreка. Шумадийский Давид посрамил швабско-мадьярского Голиафа. Это, подчеркнем особо, было *первым* в ходе Мировой войны поражением Центральных держав, и потому не стоит по традиции отдавать пальму первенства французскому «чуду на Марне».

Штрандтман свидетельствует: «При свидании моем с Пашичем того же 20-го августа наш разговор был посвящен главным образом сербской победе на Цере и вообще значительности сербских успехов в районе Мачвы. Видимо желая меня порадовать, Пашич особо отметил, что русское вооружение, о котором он в прошлом со мною неоднократно беседовал и об ускорении присылки которого я неустанно и настоятельно просил наше правительство, прибыло как нельзя более своевременно, причем этому обстоятельству приписывался одержанный успех на Цере. Без русского вооружения и артиллерийского снабжения, говорил Пашич, победы этой быть не могло. Военный министр мне подтвердил те же мысли и тоже горячо благодарил за содействие»⁴⁰.

Такой вот оказался «русский штык», весьма и весьма осторожный, обнаженный только тогда, когда далее ждать стало уже не-

возможно. И потому не отпускает вопрос, – а как же «хвост», что «вертит собакой»? И где «юридически закрепленные обязательства Петербурга перед Белградом», якобы содержащиеся в «январском договоре»? А их не было, да и быть не могло, ибо *никогда* не существовало и самого договора!

* * *

Завершим деталью из Штрандтмана с наглядным комментарием специалиста. На исторической телеграмме принца-регента Александра Карагеоргиевича Николаю II с просьбой о помощи, государь, вопрошая своих министров, начертал: «Очень скромная и уважения достойная телеграмма. Что ему ответить?»⁴¹. По справедливой оценке В.И. Косика, «уже сами эти строки разрушают определенный миф о якобы немедленной реакции царя по защите сербов»⁴². Что, собственно (в более широком контексте), мы и старались показать...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Штрандтман В.* Балканске успомене. Београд: Жагор, 2009.

² *Косик В.И.* В. Штрандтман. Балканске успомене // *Славяноведение*. 2010. № 5. С. 110.

³ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014.

⁴ Конкретные примеры строгого соответствия текста мемуаров историческим фактам и документам см.: *Шемякин А.Л.* В.Н. Штрандтман и его «Балканские воспоминания» // *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 11–12.

⁵ Перевод на русский язык: *Фей С.* Происхождение мировой войны. М.–Л., 1934.

⁶ Подробнее обо всем этом см. новейшие работы сербского историка Миле Белайца (*Bjelajac M.* Novi (stari) zapleti oko uzroka Prvog svetskog rata pred obeležavanje 100. godišnjice // *Tokovi istorije*. Београд, 2013. Вр. 1. С. 15–62; *Белаяца М.* Зашто ревизија? Старе и нове контроверзе о узроцима Првог светског рата. Београд, 2014), а также: *Павловић В.* Први светски рат: одговорност и дуго трајање. Поговор // *Момбауер А.* Узроци Првог светског рата. Београд, 2013. С. 211–221; *Радојевић М., Димић Љ.* Србија у Великом рату 1914–1918. Београд, 2014. С. 5–8; *Поповић Н.* Европски рат 1914. Београд, 2014. С. XVIII–XXII; *Љушић Р.* Принцип Гаврило (1895–1918). Оглед о националном хероју. Београд, 2014. С. 19–20; *Перишић М.* Сарајевски атентат. Повратак документима. Андрићград – Вишеград, 2014. С. 7–19; *Екмечић М.* Предговор трећем издању // Он же. Ратни циљеве Србије

1914. Београд – Гацко, 2014. С. XXVII–XXX; *Искендеров ПА*. Балканские корни Первой мировой войны: правда и вымысел // Славянский мир в Третьем тысячелетии. М., 2014. С. 152–169. Тот факт, что новый всплеск «интереса» к вопросу о «поджигателях» войны носит чисто политический, а не научный характер, показывает хотя бы хронология. Ведь до 1999 года, на который пришелся пик Косовского кризиса, когда для идеологического сопровождения бомбардировщиков НАТО на Западе вышла масса антисербской «историографической» продукции (как тут не вспомнить Ноэля Малькольма с его шедевром натовского агитпропа «A Short History of Kosovo») особого ажиотажа он не вызывал. Ученые радовались: «Похоже на то, что пришел к благополучному концу некогда сотрясавший мировую историографию преисловутый и порядком наскучивший всем вопрос об ответственности за войну...» (*Исламов Т.М.* Восточноевропейский фактор в исторической перспективе // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 47). Ан нет, «жив курилка!», – когда пришло время, его, и впрямь как заржавленный штык, снова вынули из ножен.

⁷ *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Harvard, 2011.

⁸ *Clark C.* Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012. Перевод на сербский язык: *Klark K.* Mesečari. Kako je Evropa krenula u rat 1914. Beograd, 2014.

⁹ *MacMillan M.* The War that ended Peace. The road to 1914. New York, 2013.

¹⁰ *Вукотич Д.* Лакрдија од историје у Центру «Вудро Вилсон» // Политика. 20. 09. 2014.

¹¹ *Hejstings M.* Katastrofa. Evropa ide u rat 1914. Knj. I. Beograd, 2014. S. 22.

¹² *Романенко С. А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 35, 314.

¹³ *Исламов Т.М.* Восточноевропейский фактор в исторической перспективе // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 46.

¹⁴ *Старков Б. А.* Охотники на шпионов: контрразведка Российской империи. 1903–1914. СПб., 2006. С. 226.

¹⁵ *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». М., 2003. С. 353.

¹⁶ *Шимов Я.В.* Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 454.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 455, 457, 471.

¹⁹ Ср. с иной логикой, куда более, на наш взгляд, отвечающей исторической истине: «Оторванные от старых социальных элит, правители монархии (Дунайской. – *АШ.*) поневоле считали, что современ-

ность им враждебна, а будущее не сулит ничего хорошего. Поэтому им казалось, что избежать катастрофы можно, только заново продемонстрировав свою силу, разорвав сжимающееся кольцо внешних и внутренних врагов и наполнив благоговейным ужасом их сердца. Все эти соображения и привели к нападению на Сербию в 1914 г». (*Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 324).

²⁰ «В наших интересах, – говорил Никола Пашич после заключения Бухарестского мира в августе 1913 г., – чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще лет 25–30, дабы мы смогли так «переварить» наши новые области на юге, что вопрос об их принадлежности уже никогда и никем не мог быть поставлен заново» (см.: *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 177). То же самое зафиксировал итальянский граф Карло Сфорца, имевший возможность часто общаться с Пашичем и написавший о нем целую книгу. Накануне Сараевского покушения, по свидетельствам целого ряда очевидцев, сербский премьер заявил: «Никак не могу понять, почему в Вене не видят, что наши непосредственные интересы требуют, чтобы на протяжении жизни по крайней мере одного, а может быть, и двух поколений, вопрос о существовании Австро-Венгрии не поднимался. У нас сейчас и так полно работы, дабы ассимилировать сербскую Македонию» (Цит. по: *Сфорца К.* Никола Пашич и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 165).

²¹ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 222.

²² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д. 532 (1914 г.). Л. 311–311 об. (В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову. Белград, 26 июля 1914 г.).

²³ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 261.

²⁴ Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. 2. М.–Л., 1933. С. 220 (Н.Г. Гартвиг – С.Д. Сазонову. Белград, 7 апреля 1913 г.).

²⁵ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 190–191. Факт данного разговора Н. Пашича и Т. Масарика, с просьбой к последнему о посредничестве в Вене и сделанных ей при этом предложениях, нашел отражение в мемуарной и научной литературе (см., например: *Сфорца К.* Никола Пашич и уједињење Југословена... С. 134–136; *Милићевић М.* Рат за море. Београд, 2011. С. 130–131).

²⁶ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 212. См. также: *Сфорца К.* Никола Пашич и уједињење Југословена... С. 137; *Казимировић В.* Црна рука. Личности и догађаји у Србији од Мајског преврата 1903. до Солунског процеса 1917. (2-го издање). Нови Сад, 2013. С. 564.

²⁷ См.: *Lazarević M. Pašić nudio nagodbu Beču. Zanimljivo otkriće češkog istoričara // Danas. 30. 11. 2012.*

²⁸ Ibidem.

²⁹ *Bjelajac M. Novi (stari) zapleti oko uzroka Prvog svetskog rata pred obeležavanje 100. godišnjice... S. 53; Bjelajac M. Зашто ревизија? Старе и нове контроверзе о узроцима Првог светског рата. С. 19–23. См. такође: Он же. Провоцирање «хуманитарне интервенције» против Србије 1913. // Балкански ратови 1912–1913: нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 312–315.*

³⁰ *Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. С. 260.*

³¹ Там же. С. 240.

³² Там же. С. 224.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 259–260.

³⁵ При общей потребности Сербии после Балканских войн в 400 тыс. стволов, выказанной Н. Пашичем в конце октября 1913 г. (см.: *Жујовић Ј. Дневник. Приредио Д. Тодоровић. Т. II. Београд, 1986. С. 44; Милорадовић Г. Предах између ратова. Односи Србије и Русије у време њихове независности 1878–1917 // Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. М.–Београд, 2012. С. 44), – «для компенсации невозвратных потерь, вооружения ново-сформированных частей и их будущего резерва, перевооружения III призыва (имевшего старые русские однозарядные берданки. – А.Ш.), замены ненадежных модернизированных (т.е. переоборудованных из однозарядных в магазинные. – А.Ш.) винтовок “Маузер-Кока” образца 1880 г. и создания резерва в 25–30% сверх необходимого на все количества» (*Ђокић Н., Надовеза Б. Топовско питање и наоружавање српске војске. Прилози за историју Србије у Првом светском рату. Београд, 2014. С. 103*), Белград в январе 1914 г. просил у России всего навсего 120 тыс. мосинских трехлинеек – для решения самых первоочередных задач, дабы не остаться безоружным перед лицом жаждущих реванша соседей: «восполнить реально существовавший недостаток оружия, создать его минимальный запас и вооружить сформированные в Новой Сербии полки» (Там же). И ничего более!.. В подтверждение чему присовокупим, что части III-го призыва, следовавшие за правительством и остатками армии в изгнание, были перевооружены французскими винтовками лишь в 1916 г. на острове Корфу.*

³⁶ *Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. С. 230.*

³⁷ Там же. С. 305–306.

³⁸ См.: *Тюриков С.В. Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в августе 1914 – октябре 1915 г. Хроника русских морских отрядов в Сербии и на Дунае. СПб., 2015. С. 47–48.*

³⁹ Первый русский транспорт с вооружением прибыл в сербский порт Радуевац на Дунае 26 июля / 8 августа 1914 г. А всего, согласно телеграмме посланника Спалайковича Пашичу от 19 августа / 1 сентября 1914 г., до этого дня в Сербию из Одессы было отправлено 119.980 винтовок и свыше 90 млн патронов (*Поповић Н.* Србија и Русија. 1914–1918. Београд, 1977. С. 118).

⁴⁰ *Штрандман В. Н.* Балканские воспоминания. С. 352–353.

⁴¹ Там же. С. 277.

⁴² *Косиќ В. И.* В. Штрандман. Балканске успомене. С. 109.

Петровская О.В. (Москва)

Современная болгарская историография о союзниках Болгарии в Первой мировой войне

Для новейшей болгарской исторической науки характерен высокий интерес к проблемам Первой мировой войны, что проявляется в большом количестве опубликованных за последние четверть века работ, а также наличии широкого спектра оценок участия Болгарии в войне, ее отношений с союзниками и противниками. Различия мнений во многом определяются политическими пристрастиями авторов и отражают состояние болгарского общества с его колебаниями между Россией и Западом.

С одной стороны, движение Болгарии в сторону Запада диктует освоение принципиально новых методов исследования, перемещающих акценты на историю повседневности, историческую антропологию и устную историю; требует включения в общеевропейскую историческую парадигму умиротворения и примирения, акцентирования внимания не на войнах, а на общем прошлом. Из уст тех историков, которые стремятся следовать этим заветам, слышатся призывы осудить болгарский максимализм, признать, что в начале XXI века национальный идеал выглядит анахронизмом, запретить военную историю в школах, так как она мешает примирению балканских народов. На Европу ориентирована и официальная историческая политика. Европеизация исторического образования ведет к тому, что Первой мировой войне в учебниках для средней школы уделяется не более 4–6 страниц текста, изложение материала мало эмоционально. Авторы пособий предлагают ученикам в основном факты и стремятся уйти от оценок, спорных и болезненных вопросов, особенно тех, что могут создать негативный образ других народов.

С другой стороны, болгарская историография сохраняет сильную национальную ориентацию и приверженность к позитивизму с методологической точки зрения¹. В новейших трудах просле-

живается тематическая и методологическая преемственность, как с исторической наукой межвоенного периода, так и с трудами социалистического периода, сохраняется много наслоений эмоционального свойства, а исследования мало критичны².

Доминирование национальных нот во многом объясняется особенностями коллективной болгарской памяти о войнах за освобождение, которые оказывают влияние на историческое сообщество. Эта память носит выраженный героический характер. Она основана на боевых победах. В коллективном сознании закрепились понимание, что болгары в бою выиграли свои маленькие войны на Балканах, но проиграли большую войну с большими союзниками против всей остальной части мира. Тот факт, что, несмотря на героизм, самопожертвование и победы на поле боя Болгария оказалась побежденной страной, рождает чувство крайней несправедливости. Ни одно из поражений и мирных договоров не запечатлелось так в национальной памяти как Нейский договор от 27 ноября 1919 г.

В результате значительная часть болгарских историков стоит на страже национальных традиций. Они считают, что нельзя забывать о судьбоносных событиях, прежде всего войнах, противостоят европейским тенденциям, направленным на умиротворение³. Среди них и ведущий исследователь Первой мировой войны академик Г. Марков, по мнению которого, глобалисты, подобно интернационалистам, извращают историю, обрекая ее на забвение⁴. Эти историки видят и новые задачи, которые поставили перед их сообществом социально-политические перемены. Они вытекают из того, что прежняя эпоха интернационализма, требовавшая добрососедства на Балканах, нанесла урон исследованиям войн и сегодня необходимо исправить положение, ликвидировать «белые пятна», расширить доступ к архивам, догнать историческую науку соседних балканских стран, снять с Болгарии имидж «пруссак» и агрессора на Балканах, показать несправедливость навязанного Нейского мирного договора.

Одной из главных задач болгарской исторической науки является доказательство того, что именно с целью реализации национального идеала, зафиксированного в Сан-Стефанском мирном договоре, Болгария до 1918 г. участвовала в 4 вооруженных конфликтах, а затем включилась еще и во Вторую мировую войну⁵.

Другая, не менее важная историографическая проблема – анализ причин, приведших к катастрофе и поиск виновных. При

этом заметна тенденция перемещать ответственность на внешних акторов событий. На трактовки взаимоотношений Болгарии с другими государствами-участниками Первой мировой войны сегодня оказывают влияние и итоги конфликта, и глубоко укоренившаяся в коллективном сознании несправедливость, и место Болгарии в современной системе международных отношений.

Выбор союзников

Точка зрения об ошибочности выбора, сделанного Болгарией в 1915 г., не общепринята, но широко распространена среди болгарских историков. Так, авторы одного из пособий для средней школы утверждают, что с учетом целей, которые ставила перед собой Болгария, выбор был правильным⁶. Другие же исследователи полагают, что исход был очевиден уже в начале войны. Р. Мишев, например, обращает внимание на то, что в Первой мировой войне участвовали 35 государств, но из них только три были союзниками Германии⁷. Б. Димитров пишет: «Только слепец не мог не видеть, что две сравнительно маленькие центральноевропейские державы и разложившаяся азиатская монархия не могут выиграть войну против всего остального мира»⁸. По мнению М. Лалкова, «именно в выборе союзной коалиции коренится историческая ошибка болгарской политики осени 1915 г., а не в принципиальном решении воевать во имя национальных идеалов»⁹.

Другими словами, такой фактор национальной катастрофы, как выбор союзников – «ошибочный и даже губительный для страны»¹⁰ – имеет многочисленных сторонников среди болгарских исследователей. В этом контексте ключевой проблемой являются причины перехода Болгарии на сторону Центральных держав.

Историки, прежде всего те, кто стремится оправдать внешнеполитические решения царя и премьер-министра В. Радославова, склонны искать виновных среди европейских держав – прежде всего Антанты, проводившей, по их мнению, недальновидную политику.

Характеризуя позицию Антанты, авторы монографии «Болгарская армия в Первой мировой войне» утверждают, что Франция и Великобритания не поддерживали желание России восстановить Балканский союз¹¹. А Б. Димитров поясняет, что Великобритания и Франция, в отличие от России, которая не могла позволить себе длительную войну, чреватую революцией¹², были равнодушны к

вопросу приобщения Болгарии к Тройственному Соглашению, так как были колониальными империями с неисчерпаемыми человеческими и материальными ресурсами, стабильными обществами и экономическими системами, которые позволяли им быть уверенными в победе над Центральными державами, даже если бы к ним не присоединилась Болгария.

Антанта, подчеркивает Г. Марков, не принимала болгарские национальные интересы, не принуждала Сербию и Грецию уступить Македонию Болгарии¹³. Ив. Илчев характеризует поведение Антанты так: «В дни поражений они были щедрыми и предлагали Болгарии взамен ее вступления в войну выполнение почти всех болгарских желаний. В дни побед они скупались и только туманно намекали о каре, ожидающей тех, кто медлил помочь Антанте»¹⁴.

Сравнительный анализ компенсаций, которые предлагались Болгарии в случае победы каждой из сторон, позволяет историкам считать более приемлемыми те, что исходили от Германии и Австро-Венгрии. Говоря об официальной ноте Антанты, которую вручили Болгарии 16 мая 1915 г., Г. Марков отмечает, что ее слабость заключалась в том, что Антанта предлагала земли, которыми не владела и которые (за исключением Восточной Фракии) не являлись территорией противника¹⁵. К. Йордан также обращает внимание на то, что в случае сохранения нейтралитета Болгария могла надеяться на корректировку добруджанской границы, но только при условии, что Румыния осуществит свои национальные устремления в Трансильвании¹⁶.

На этом фоне, как отмечает С. Станчев, предлагаемые Центральными державами компенсации в наибольшей степени отвечали болгарским национальным интересам¹⁷. В заключенной с Германией и Австро-Венгрией конвенции, подчеркивает С. Анчев, Болгария получала право вернуть аннексированную Румынией по Бухарестскому мирному договору Южную Добруджу и исправить границы, определенные Берлинским трактатом¹⁸. Германский кайзер, пишет в этой связи Б. Димитров, обещал земли, на которые болгары не претендовали ни в 1912 г., ни даже в 1878 г.¹⁹. Ив. Илчев не склонен переоценивать предложения Германии, но видит их ценность в том, что они были «гораздо более трезвыми»²⁰.

Иначе говоря, историки соглашаются с тем, что Центральные державы смогли предложить Болгарии больше – возможность завершить национальное объединение²¹. Придается значение и тому, что их обещания были подкреплены успехами в боевых

действиях. В частности, Г. Марков в их числе отмечает возвращение германо-австрийскими войсками Пшемысла, неудачи итальянской армии в Альпах, прекращение Японией поставок русской армии по Сибирской железной дороге, затягивание Дарданельской операции²². В. Александров, ссылаясь на мнение генерала Н. Жекова, обращает внимание на то, что успехи германской армии по всему восточному фронту опровергли устоявшиеся в Болгарии легенды о боеспособности и выносливости русской армии²³. П. Цветков объясняет выбор Болгарии Центральными державами следующими показателями конца 1915 г.: Центральные державы захватили у России, Франции и Бельгии 116 тыс. км², тогда как приобретения Антанты составляли только 48 900 км² (в Эльзасе и Трансильвании); численность убитых русских военнослужащих насчитывала 151 тыс., раненых – 683 тыс., пленных – 895 тыс., что составляло половину действующей армии²⁴.

Историки не могут упрекнуть в безучастности по отношению к Болгарии Россию, которая первой предложила Софии переговоры еще 23 июля 1914 г., требовала «проявить моральную солидарность» и пропустить русские войска на помощь Сербии²⁵, апеллировала к чувству славянской солидарности и предлагала Болгарии атаковать Австро-Венгрию или Османскую империю²⁶. Однако русофобы предъявляют России, которая по их мнению, несет «ответственность за все трудности, сопутствующие судьбе болгарского народа»²⁷, основные претензии в повороте Болгарии в сторону Германии и Австро-Венгрии. Этими историками берутся в расчет все накопившиеся к началу войны эмоциональные обиды к «Дядю Ивану». Прежде всего, это традиционное нежелание России подержать Болгарию в споре за Македонию, обида за то, что Болгария всегда оставалась на заднем плане в русских приоритетах на Балканском полуострове»²⁸. В. Александров утверждает, что Россия и после начала Первой мировой войны по-прежнему поддерживала Сербию²⁹. Б. Димитров уверен: «Российский император, несомненно, сделал грубую ошибку, проигнорировав болгарские желания и проявив толерантность в отношении всех мегаломанских претензий Сербии и Румынии». По его мнению, Николай II полагал, что третья часть румынской и сербской армий, сосредоточенных на болгарских границах, вместе с российским черноморским флотом принудят Болгарию сохранять нейтралитет или хотя бы принять предложение Антанты. «Эта грубая ошибка русского императора стоила ему и головы и империи», – пишет историк³⁰. П. Семерджиев считает, что Россия не могла рассчитывать

на успех, так как не сообразовывалась с болгарской позицией и желала использовать территорию и вооруженные силы Болгарии «исключительно для нужд военных действий, подчиненных российским целям»³¹.

Я. Гочев также категоричен в том, что антиболгаризм официальной России предопределил провал Антанты в дипломатической битве с Центральными державами. Он указывает, что российский посол А.А. Савинский был болгарофобом и действовал очень неуклюже, подкупая и болгарских политиков и общественных деятелей, что напомнило эпоху Каульбарса 1886 г. Делается вывод: «Своей антиболгарской политикой Россия оттолкнула ее (Болгарию. – О.П.) от себя и бросила в объятия Германии», но оценила вмешательство Болгарии в войну как «измену» славянству и «черную неблагодарность за освобождение»³². Помимо этого высказывается и точка зрения, что Фердинанда напугали успехи России и возможное соседство с ней во Фракии. К Германии, таким образом, его толкнула угроза личной безопасности династии, в случае если Константинополь станет русским³³. Поддерживает эту версию и Г. Марков, полагающий, что сильная русофильская оппозиция создавала возможность свержения болгарского царя в случае победы России³⁴.

К России предъявляются и претензии экономического свойства. Подчеркивая особую важность для Болгарии после Балканских войн финансовых средств и инвестиций, Р. Мишев приводит слова В. Радославова, сказанные в разговоре с послом Австро-Венгрии графом Тарновским 31 августа 1914 г.: «Денежный вопрос является главным условием изменения курса нашей политики»³⁵. Я. Гочев приписывает послу Савинскому уверенность в том, что время работает на Россию, и Болгария без займа обречена и подчинится ей; поэтому «он больше предавался спорту, прогулкам на автомобиле и уговорам Фердинанда»³⁶. В итоге, Россия оказывается виноватой в том, что Болгария получила внешний государственный заём от консорциума банков во главе с «Дисконто гезелшафт» и тем самым связалась с Центральными силами.

В болгарском выборе винят и соседей. Так, сербский фактор рассматривается в качестве основного препятствия Болгарии на пути к Антанте. В Софии не было уверенности, что Сербия после возможного успешного завершения войны согласится уступить часть сербской Македонии, пишет Р. Мишев³⁷. Соглашается с ним и В. Александров: вопреки симпатиям Англии переговоры с Антантой оказались безуспешными из-за сербского упорства³⁸.

Велико желание винить и вонзившую «нож в спину» Румынию, Исследователи неоднократно подчеркивают, что Болгария начинала локальную войну с намерением воевать исключительно против Сербии, главной виновницы «национальной катастрофы» 1913 г., на это был рассчитан и оперативный план, не учитывавший настроений Антанты, а также Греции и Румынии³⁹. Однако Болгария, сетуют историки, оказалась втянута в глобальный конфликт⁴⁰. В войну в 1916 г. вступил «коварный и подлый сосед»⁴¹, после щедрых, как считает Я. Гочев, территориальных обещаний и влияния «русского золота» – подкупа политиков Т. Йонеску, Й. Братиану и румынских газет⁴².

Выбор, сделанный Болгарией, по мнению исследователей, был роковым не только для нее самой, но и для Антанты. В частности, И. Лилов пишет, что если бы Болгария присоединилась к Антанте, англо-французско-болгарские войска взяли бы Константинополь за 15 дней⁴³. Б. Димитров, выстраивая альтернативную версию развития событий, утверждает, что в этом случае Сербия и Румыния выдержали бы австро-венгерский натиск, Османская империя капитулировала бы еще в конце 1915 г., а Германия и Австро-Венгрия не выдержали бы и шести месяцев совместных атак англичан, французов, итальянцев, болгар, сербов, румын, греков и русских. В результате война бы закончилась в середине или, в крайнем случае, в конце 1916 г., Россия стала бы страной-победительницей, и в ней не произошла бы коммунистическая революция⁴⁴.

Таким образом, болгарские историки, не снимая вины с собственного руководства, стараются переместить акцент на внешние факторы, обусловившие ошибочность выбора 1915 г. При этом они обращают мало внимания на то, что Болгария пошла по самому легкому пути, по выражению российского историка Г.Д. Шкундина, выбрала ту дверь, которая была «распахнута настежь»⁴⁵.

Межсоюзнические отношения

В описании отношений внутри Четверного союза болгарские историки также исходят из результатов войны для Болгарии. В связи с этим неравноправные отношения в коалиции и верность союзническому долгу, которые не позволили Болгарии отстоять свои интересы, выступают одной из причин национальной катастрофы.

При всем внимании к началу войны, болгарские историки, анализируя причины поражений, уделяют внимание и тому, что война могла бы быть в какой-то момент прекращена, и тем са-

мым национальные интересы были бы защищены. Однако невозможность подобного исхода они объясняют натиском Германии, которая не позволила Четвертому союзу воспользоваться периодически представлявшимися возможностями для достойного завершения войны без национальных катастроф⁴⁶. Для Болгарии, у правительства которой чувство верности к Германии было выше собственных интересов⁴⁷, последствия оказались наиболее трагическими из-за вассального положения в коалиции⁴⁸.

В центре внимания болгарских историков, независимо от их политической ориентации, стратегические просчеты в Македонии. Историк И. Криворов считает, что подчинение болгарских действий планированию союзников часто вело к негативным последствиям для болгар, которые надо было преодолевать по ходу, с большими усилиями и не всегда достаточно результативно⁴⁹. Так, болгарские историки дружно возлагают вину на немцев и Вильгельма II, а некоторые и на австрийское руководство, за то, что болгарская армия была остановлена на греческой границе после разгрома Сербии осенью 1915 г.⁵⁰. В то же время, как полагает М. Куманов, у Болгарии тогда существовали реальные шансы освободить Эгейскую Македонию, отошедшую по Бухарестскому договору Греции⁵¹. Согласен с этой точкой зрения и В.В. Александров, который считает, что если бы болгарская армия продолжила бы наступление в 1915 г., то вышла бы к Эгейскому морю, взяла бы Солунь (Салоники), и отбросила в море экспедиционные войска Антанты, так как они тогда еще не были готовы к боевым действиям⁵². Прекращение же наступления, по мнению болгарских историков, привело к образованию длинного позиционного Южного Салоникского фронта⁵³, и три года болгарская армия удерживала 35 различных соединений Антанты, реализуя чужие цели⁵⁴, поскольку Македонский фронт имел значение для Австро-Венгрии, но не для Болгарии⁵⁵. Неизменно подчеркивается тяжесть бремени возложенного на болгарскую армию, несоразмерные, в сравнении с другими армиями, усилия болгар: Германия с населением 72 000 000 человек в 1918 г. обороняла Западный фронт длиной 800 км, Австро-Венгрия с населением 52 000 000 удерживала Итальянский фронт длиной 250 км, а Болгария с населением 5 000 000 защищала Македонский фронт длиной 450 км⁵⁶.

Исследователи отводят важную роль Южному (Салоникскому) фронту. Так, И. Петров констатирует, что военные действия на этой территории существенно облегчали положение Германии на других фронтах, хотя и признает, что Македония находи-

лась в тени Западного и Восточного фронтов⁵⁷. Другой историк – И. Криворов, в отличие от И. Петрова, высказывает мнение, что Южный фронт, где силы Антанты удерживала болгарская армия, был основным для Центральных держав летом 1916 г. и в 1917 г. При этом он обращает внимание на то, что хотя на этом фронте болгары обслуживали австро-германские задачи, но могли рассчитывать только на собственные ограниченные возможности, на протяжении двух лет Германия выводила артиллерию из Македонии. При этом союзниками не учитывалось моральное состояние войск⁵⁸.

Очевидно, что при таком подходе Германия выступает главным виновником поражения Болгарии в позиционной войне на Южном фронте. Отмечается, что возможности его ликвидации не были использованы из-за нежелания германского политического и военного руководства⁵⁹. Так, В. Александров пишет, что в начале 1916 г. болгарская армия подготовила наступление, которое должно было ликвидировать македонский фронт. Оно сначала было встречено благожелательно, но потом Фалкенгайн заявил, что Германия завязла в боях за Верден, где решалась, по его мнению, судьба Западного фронта и Центральных держав⁶⁰.

Таким образом, в оценках современной болгарской исторической науки, болгарские войска оказались связаны выполнением обязанностей в ущерб стратегическим целям своей страны. В итоге Эгейская Македония осталась у Греции, а Болгария потерпела поражение на Салоникском фронте.

Несмотря на то, что ситуация на Добруджанском фронте складывалась более благоприятно для болгар, победы здесь, по мнению болгарских историков, происходили не благодаря, а вопреки деятельности союзников. Военные историки концентрируют внимание на доказательствах боевых заслуг и стратегических талантов болгар. Они привлекают внимание к тому, что при подготовке войны с Румынией постепенно был принят заранее созданный болгарский план главного удара, тогда как союзники больше занимались дипломатическим воздействием на Румынию в 1915–1916 гг.⁶¹. «Заслуга создания и реализации оперативного плана наступления в Румынии и овладения Тутраканской крепостью принадлежит, бесспорно, болгарскому командованию», – пишет С. Станчев⁶². Сама операция описывается как «героический, молниеносный штурм»⁶³, которым не только были остановлены русские войска, но и оказана помощь развертыванию австро-германских войск в Трансильвании⁶⁴.

Однако болгарские историки видят во время наступления в Добрудже, так же как и при военных действиях в Сербии в конце 1915 г., негативные результаты коалиционного руководства военными действиями. Предметом пристального интереса являются сложные взаимоотношения внутри союзного командования, прежде всего, постоянные неразбирательства генерала Н. Жекова с германским командованием по поводу ведения операций, применения военной конвенции и по другим вопросам. По определению С. Станчева, главнокомандующий Н. Жеков и командующий 3-й армией Стефан Тошев вынуждены были воевать не только с Антантой, но и с германским командованием и болгарским правительством в лице министерства обороны, что оказало влияние на планирование и проведение операций и в конечном итоге не позволило использовать военные победы для удовлетворения политических и территориальных претензий Болгарии⁶⁵. По мнению Д. Азманова, не всегда поддерживал своего главнокомандующего и царь Фердинанд, очень чувствительный к требованиям немцев⁶⁶.

То, что отношения между союзниками далеко не всегда были гармоничными, отмечает и Д. Канавров, исследовавший аспекты болгаро-германо-турецкого военно-морского сотрудничества по защите черноморского побережья. Он приходит к выводу, что все вопросы сотрудничества рассматривались через призму национальных интересов, а отношения характеризовались недоверием, интригами и завистью. Однако, этот историк, тем не менее, делает вывод, что взаимодействие по защите черноморского побережья было успешным и результативным. Наиболее положительный результат германо-болгарское военное сотрудничество принесло, по его мнению, в период наступательных и оборонительных действий при Балчике в сентябре и декабре 1916 г. Он высоко оценивает немецкую помощь: «Варну спасла быстрая и смелая атака немецких подводных лодок». Историк утверждает, что Германия помогла создать Болгарии подводный флот (речь идет об одной лодке, купленной у Германии), а также то, что с 1916 г. морские летчики и подводники обучались германскими инструкторами. Автор не преминул подчеркнуть преимущества взаимодействия Болгарии и Германии в сравнении с российско-румынским сотрудничеством в боевых действиях при Кюстендже, которое характеризуется им отрицательно и рассматривается как пример неумения сотрудничать⁶⁷.

Академик Г. Марков считает, что разногласия между членами Четверного союза нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать и

отмечает, что споры усиливались по мере приближения развязки⁶⁸. Основной претензией болгар к Германии является ее позиция, занятая по отношению к Добрудже, в частности разделение Добруджи после начала войны с Румынией и ее захват. С. Анчев подчеркивает, что военные действия в Северной Добрудже еще продолжались, а фельдмаршал Гинденбург уже издал указ о военном управлении этой областью; за Болгарией же была признана только Южная Добруджа⁶⁹. Г. Марков также обращает внимание на то, что в 1916 г. после взятия Кубадинской укрепленной позиции союзническое командование не закончило полное освобождение Добруджи, но спешно сформировало Дунайскую армию для взятия Бухареста⁷⁰.

Историки приходят к выводу, что вопрос о принадлежности этого региона с начала 1917 г. и до марта 1918 г. был объектом постоянных разговоров и нападок Болгарии и Германии, в том числе вооруженных конфликтов с жертвами с обеих сторон⁷¹. «Добруджанский вопрос стал основным в отношениях Болгарии с Центральными державами и Турцией до конца войны», – пишет Г. Марков⁷².

Отмечая недовольство болгар, требовавших передачи себе власти в Добрудже, историки пытаются разобраться в причинах немецкого «дразнящего снисхождения к побежденной Румынии»⁷³. В. Александров видит причину в том, что для Германии, решавшей свои политические и стратегические цели на западном и восточном фронтах, Балканы были второстепенны⁷⁴. По мнению Г. Маркова, в Германии продолжали смотреть на Румынию как «на преграду панславизма, которая должна быть сохранена и даже усилена включением Бессарабии»⁷⁵. С. Анчев, подробно исследуя комплекс антиболгарских мер, направленных на предотвращение перехода Северной Добруджи под болгарскую власть (поддержка румынского языка, агитация турецкими офицерами мусульманского населения, вмешательство турок в управление, паспортизация болгар и евреев как румын и т.д.), полагает, что болгарские победы быстро исчерпали свое значение; после революций в России и осознания бесперспективности затяжной войны для Германии важнее стала Румыния. Кроме того, по его мнению, такая политика отражала отведенную Болгарии роль в союзе Центральных сил и являлась результатом пренебрежения Германии своим меньшим союзником⁷⁶. Таким образом, заключает Г. Марков, жертвы на поле боя были заменены продовольствием и нефтью, в которых нуждалась Германия, а также стратегическими выгодами⁷⁷. Правда, не снимают вины историки и со своего царя Фердинанда, который

только после революции в России осмелился попросить всю Добруджу, но безуспешно. Поддержку же Фердинандом действий Германии в ущерб болгарским интересам объясняют тем, что сохранение его власти могло быть гарантировано только присутствием немецких войск⁷⁸.

Много внимания в последнее время в болгарской историографии уделяется Брест-Литовскому миру, где отчетливо проявились противоречия союзников и Болгария не смогла добиться основной цели – признания за собой новых земель в Македонии, Моравии и Добрудже⁷⁹. Детально взаимоотношения союзников излагаются в монографии Людмила Спасова «Болгария и СССР. 1917–1944 гг.»⁸⁰. Д. Вачева подчеркивает, что на переговорах с Румынией Болгария вынуждена была защищать национальные интересы в условиях нарастающей враждебности союзников и полного игнорирования болгарских интересов⁸¹. Противоречия, по мнению Г. Маркова, становились настолько сильными, что совместимость интересов оказалась под вопросом⁸².

При этом отмечается, что все три союзника противостояли Болгарии в добруджанском вопросе и настаивали на установлении здесь condominiuma (предварительный мирный договор с Румынией от 5 марта 1918 г. поставил Северную Добруджу под совместное управление Четверного Союза, это же подтвердила и Бухарестская мирная конференция в апреле–мае 1918 г.)⁸³. «Братья по оружию», пишет Г. Марков, настаивали на компенсациях в Добрудже (Германия), Южном Дунае (Австро-Венгрия), Фракии (Турция), что очень удивило болгарское общество⁸⁴. Однако влияние Германии оценивается как определяющее. По мнению С. Анчева, Турцию на предъявление территориальных претензий Болгарии настраивала Германия.

Представляет интерес, что для болгарской историографии характерна разная оценка турецкого политического и военного руководства, настроенного антиболгарски, с одной стороны, и турецкого населения и простых военнослужащих – с другой. Военные, подчеркивает М. Куманов, воевали вместе и похоронены в одной могиле, тем более что в болгарской армии были этнические турки, а в турецкой – этнические болгары⁸⁵. Историки привлекают внимание к тому, что и болгары, и турки, жившие в Добрудже, боролись за свое освобождение от румын и помогли болгарской армии⁸⁶.

Подписание протокола о присоединении к Болгарии всей Добруджи 24 сентября 1918 г. после прорыва при Добро поле расценивается как запоздалое и обусловленное пониманием Германии

скорого поражения Четверного Союза, тем более, что войска кайзера оставались в Северной Добрудже и после Салоникского перемирия⁸⁷.

Вступление Болгарии в Евросоюз привело к появлению в последнее время работ, направленных на формирование позитивного отношения к союзникам времен Первой мировой. Например, А. Златева пытается привлечь внимание и восстановить правду о пожертвованиях и разнообразных формах благотворительной деятельности венгров в пользу болгар в 1912–1918 гг.⁸⁸. А учебник для средней школы П. Делева и др. даже видит позитивные черты противников признавая, что «сербы сражались смело», а Э. Венизелос⁸⁹ был «исключительно способным политиком»⁹⁰.

Однако подобные исследования скорее отступление от основного тренда болгарской исторической науки, в соответствии с которым Германия в годы Первой мировой войны выступила против своего верного союзника, одержавшего победы на поле боя, строила против Болгарии Турцию и Австро-Венгрию, поддержала Румынию, сделав Добруджу «разменной монетой» в политике, чем нанесла ущерб национальным интересам Болгарии и обиду болгарскому обществу, неизжитую до сих пор.

Таким образом, несмотря на то, что в последнее время появились попытки сломать стереотипы, поставить под сомнение наличие самой «национальной катастрофы» и устранившись от поиска виновных, большинство болгарских историков по-прежнему придерживаются традиции в трактовках Первой мировой войны и ее последствий. Концентрируя внимание на анализе неудач, они, прежде всего, ищут независящие от болгар обстоятельства и внешних виновников не только среди врагов, но и союзников, подпитывая тем самым исторические обиды. Стремление же критически осмыслить причастность самих болгар к печальному исходу и проанализировать собственную вину по отношению к другим народам в этноцентричной болгарской историографии Первой мировой войны пока малозаметно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Запряннова А., Нягулов Б., Марчева И.* «Другите» за «нас» и за история: Болгарската историческа наука между приемственността и промяната // Предизвикателствата на промяната. София, 2006. С. 26.

² *Марков Г.* Равновесието на разума // България между Европа и Русия. София, 1997. С. 8.

³ *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя 1911–1913. София, 2012. С. 12–13.

⁴ *Марков Г.* «Забранената» голяма война и освободението на Добруджа // Тутраканската епопея и войната на северния фронт 1916–1918 година. Тутракан, 2007. С. 22.

⁵ *Стиридонов В.* Ньойският мирен договор в Българската национална памет и политика // България и Балканите в сферата на европейските влияния през XIX – XXI век. В. Търново, 2012. С. 109.

⁶ *Матанов Х., Даков Т., Бобев Б.* Книга по история за кандидат–студенти. София, 1996. С. 289.

⁷ *Мишев Р.* Факторът Сърбия в отношенията между Австро-Унгария и България 1879–1915 // България и Балканите в сферата на европейските влияния през XIX – XXI век. В. Търново, 2012. С. 49–50.

⁸ *Димитров Б.* Войните за национално обединение 1912–1913, 1915–1918. София, 2001. С. 130.

⁹ *Лалков М.* Между възторга и покрусата. 1912–1918. София, 1993. С. 90.

¹⁰ *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 17.

¹¹ Българската армия в Първата световна война (1915–1918). Т. 1. Септември 1915 – август 1916 / Ред. Станчо Станчев и др. София, [2006]. С. 16.

¹² *Димитров Б.* Указ. соч. С. 78.

¹³ *Марков Г.* България между Германия и Русия. 1914–1915 // България между Европа и Русия... С. 75; *Мишев Р.* Указ. соч. С. 49.

¹⁴ *Илчев И.* България и Антанта през Първата световна война. София, 1990. С. 304–305.

¹⁵ *Марков Г.* България между Германия и Русия... С. 72.

¹⁶ *Йордан К.* Румъния, Антанта и Добруджанският въпрос през периода 1914–1915 г. // Тутраканската епопея и войната на северния фронт... С. 87.

¹⁷ *Станчев С.* Участие на България в Първата световна война // Първата световна война на Балканите. София, 2005. С. 11.

¹⁸ *Анчев С.* Българо-германските отношения в Добруджа през време на етапното управление 1916–1918 г. // 80 години от Първата световна война. В. Търново, 2000. С. 174–175.

¹⁹ *Димитров Б.* Указ. соч. С. 79.

²⁰ *Илчев И.* Указ. соч. С. 305.

²¹ *Цветков П.* Европа през XX век. Политическа и дипломатическа история на европейските държави от Първата световна война до падането на Берлинската стена, 1914–1995. В 2 ч. Ч. 1. София, 2002. С. 19; *Гочев Я.* Войната на Русия против България в Добруджа (1916–1917 г.). URL: http://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=535:-1916-1917&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 (Дата обращения: 3.04.2015).

- ²² *Марков Г.* България между Германия и Русия... С. 72, 75.
- ²³ *Александров В.* Външна политика и тероризъм. Атлантатът в Сараево. Причини и последици. София, 2005. С. 193.
- ²⁴ *Цветков П.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁵ *Марков Г.* България между Германия и Русия... С. 63, 67.
- ²⁶ *Мишев Р.* Указ. соч. С. 49.
- ²⁷ *Семерджиев П.* Руската империя и Съветският Съюз в съдбата на България. Т. 1–2. Иерусалим, 2001–2005. Т. 1. С. 415.
- ²⁸ *Сечков Р.* България в балканските приоритети на Съветския Съюз. Начало на зависимостта // България между Европа и Русия... С. 126; *Димитров Б.* Войните за национално обединение... С. 76; *Марков Г.* България между Германия и Русия... С. 127.
- ²⁹ *Александров В.* Указ. соч. С. 192
- ³⁰ *Димитров Б.* Указ. соч. С. 78–79.
- ³¹ *Семерджиев П.* Руската империя и Съветският Съюз в съдбата на България... Т. 1. С. 381.
- ³² *Гочев Я.* Руската империя срещу България. Ч. III. София, 2006. С. 574, 592.
- ³³ *Цветков П.* Указ. соч. С. 19; *Гочев Я.* Руската империя срещу България... Ч. III. С. 564.
- ³⁴ *Марков Г.* България между Германия и Русия... С. 68, 76.
- ³⁵ *Мишев Р.* Указ. соч. С. 48.
- ³⁶ *Гочев Я.* Руската империя срещу България... Ч. III. С. 544.
- ³⁷ *Мишев Р.* Указ. соч. С. 49.
- ³⁸ *Александров В.* Указ. соч. С. 192.
- ³⁹ *Станчев С.* Участие на България в Първата световна война... С. 13–14, 15.
- ⁴⁰ *Баев Й.* Вътрешнополитически противоборства за външнополитическите алтернативи (1914–1915) // Първата световна война на Балканите... С. 93.
- ⁴¹ *Бойчев П.* Тураканската епопея. Силистра, 2003. С. 3.
- ⁴² *Гочев Я.* Руската империя срещу България... Ч. III. С. 582.
- ⁴³ *Лилев И.* «Освободителни» мисии на Русия–Съветския съюз във и около България. София, 2004. С. 168.
- ⁴⁴ *Димитров Б.* Указ. соч. С. 126–127.
- ⁴⁵ *Шкундин Г. Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). М., 2007. С. 128.
- ⁴⁶ *Зафиров Д.* Балканският сблъсък на воюващите коалиции (Централният съюз и Антанта). 1915–1918 // Първата световна война на Балканите... С. 102.
- ⁴⁷ *Азманов Д.* Български висши военачалници през Балканската и Първата световна война. София, 2000. С. 32; *Йорданов С.* Войните за обединение на България и поведението на Русия. София, 2000. С. 44.

⁴⁸ *Зафиров Д.* Указ. соч. С. 102.

⁴⁹ *Криворов И.* Стратегически проблеми пред българска армия в Първата световна война // Първата световна война на Балканите... С. 18–19.

⁵⁰ *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 19; *Александров В.* Указ. соч. С. 196; *Гочев Я.* Руската империя срещу България... Ч. III. С. 581.

⁵¹ *Куманов М.* Българо–турски военни отношения в навечерието и по време на Тутраканската епопея 1916 г. // Тутраканската епопея и войната на северния фронт... С. 118.

⁵² *Александров В.* Указ. соч. С. 196.

⁵³ *Гочев Я.* Руската империя срещу България... Ч. III. С. 581.

⁵⁴ *Криворов И.* Указ. соч. С. 24.

⁵⁵ *Куманов М.* Българо–турски военни отношения... С. 118.

⁵⁶ *Петров И.* Войната в Македония (1915–1918). София, 2008. С. 214–215.

⁵⁷ Там же. С. 214.

⁵⁸ *Криворов И.* Указ. соч. С. 20, 25.

⁵⁹ Там же. С. 24.

⁶⁰ *Александров В.* Указ. соч. С. 207.

⁶¹ *Криворов И.* Указ. соч. С. 20–21;

⁶² *Станчев С.* Планиране на воените действия на Българската армия в Тутраканска операция // Тутраканската епопея и войната на северния фронт... С. 31.

⁶³ *Бойчев П.* Указ. соч. С. 4, 107.

⁶⁴ *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 17–18.

⁶⁵ *Станчев С.* Стратегически анализ на българско настъпление в Добруджа през 1916 г. // Първата световна война и събитията на Добруджански фронт. Тутракан, 2011. С. 25.

⁶⁶ *Азманов Д.* Указ. соч. С. 51.

⁶⁷ *Канавров Д.* Морският бой при Балчик, декември 1916. София, 2009. С. 267, 276, 180–181.

⁶⁸ *Марков Г.* Голямата война и Българска стража между Средна Европа и Ориента, 1916–1919 г. София, 2006. С. 12.

⁶⁹ *Анчев С.* Указ. соч. С. 175.

⁷⁰ *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 19.

⁷¹ *Анчев С.* Указ. соч. С. 176, 179.

⁷² *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 19.

⁷³ *Анчев С.* Указ. соч. С. 180; *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 19.

⁷⁴ *Александров В.* Указ. соч. С. 205–206.

⁷⁵ *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 19.

⁷⁶ *Анчев С.* Указ. соч. С. 177, 181.

⁷⁷ *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 19.

⁷⁸ *Анчев С.* Указ. соч. С. 179.

⁷⁹ *Вачева Д.* Главкомандващият на действащата армия генерал Никола Жеков и Добруджанският въпрос на мирните преговори в Букурещ през пролета на 1918 г. // Тутраканската епопея и войната на северния фронт... С. 311.

⁸⁰ *Спасов Л.* България и СССР. 1917–1944 (политико-дипломатически отношения). В. Търново, 2008.

⁸¹ *Вачева Д.* Главкомандващият на действащата армия... С. 311.

⁸² *Марков Г.* Голямата война и Българска стража... С. 384.

⁸³ *Куманов М.* Указ. соч. С. 126.

⁸⁴ *Марков Г.* Голямата война и Българска стража. С. 384.

⁸⁵ *Куманов М.* Указ. соч. С. 125–126.

⁸⁶ *Попов Ж.* Тутраканският край в румынските интереси и политика (1913–1916 г.) // Тутраканската епопея и войната на северния фронт... С. 138.

⁸⁷ *Марков Г.* «Забранената» голяма война... С. 20.

⁸⁸ *Златева А.* «Ръце, преплетени през границата» (унгарските дарители за България 1912–1918 г. – «Бялото петно» в най-новата Българска историография) // Първата световна война и събитията на Добруджански фронт... С. 311–328.

⁸⁹ Элефтериос Венизелос – греческий политик с 1910 по 1933 г., несколько раз занимал пост премьер–министра.

⁹⁰ *Делев П., Бакалов Г., Ангелов П., Георгиева Ц., Митев Ц., Илчев И., Калинова Е., Баева И.* История на България. От древността до наши дни. 11 клас. Задължителна подготовка. София, 2001. С. 327.

О.Е. Петрунина (Москва)

Афон в годы Первой мировой войны: источниковая база и современное состояние исследований*

История Афона в 1914–1918 гг. представляет собой один из наименее изученных отрезков как собственно афонской, так и истории Первой мировой войны. Между тем, Св. Гора в этот период переживает один из переломных моментов своей истории. 2 ноября 1912 г. в ходе Первой балканской войны Афон, почти пятьсот лет находившийся под властью османских султанов, был занят греческими войсками. Это событие поставило много политико-правовых вопросов и стало началом перемен как в жизни афонских монахов, так и в международном положении Афонского полуострова. Поскольку афонские монастыри традиционно были святыней всего православного мира и привлекали жаждущих монашеской жизни из всех православных народов, дальнейшей судьбой Св. Горы была озабочена не только Греция, но и другие православные государства, прежде всего, Россия. Их интересовали вопросы о том, каков будет новый международный статус Афона, как будут строиться отношения между отдельными монашескими поселениями и гарантироваться права монахов разных национальностей, какова будет судьба монастырских имений за пределами Св. Горы и др. Кроме того, Афон имел выгодное геополитическое положение в средиземноморском регионе.

Переговоры по афонскому вопросу между заинтересованными сторонами и с участием неправославных европейских держав велись уже в 1913–1914 гг., но к началу Первой мировой войны обозначенные проблемы так и не были разрешены. Война перевела афонский вопрос в новую фазу развития, а после окончания войны Афон был включен в состав греческого государства.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00289.

Интересно, что в работах, посвященных истории Афона, крайне мало внимания уделяется Св. Горе в годы Первой мировой войны. В библиографии, составленной Иринею Доэнсом пятьдесят лет назад¹, работ, посвященных именно этому периоду, нет вообще, а работы, где он затрагивается, можно сосчитать по пальцам. С тех пор ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Особенно заметно это стало в последние 20 лет в нашей стране, когда церковная история в России стала возрождаться, начали появляться статьи и книги и по истории Св. Горы в XIX–XX вв.

В начале 2000-х гг. увидели свет первые основанные на архивных материалах статьи об Афоне в годы Первой мировой войны. Предметом их исследования было, главным образом, положение русского святогорского монашества². В них, кроме того, затрагивались проблемы дипломатической борьбы за Афон, обострившейся с началом Балканских войн, а также межнациональных отношений в монашеской республике.

Эти проблемы получили развитие в последующих публикациях, более масштабных и содержательных, которые уже приняли форму монографий. Одним из пионеров в этом деле стал отечественный церковный исследователь, пишущий под псевдонимом Павла Троицкого. В 2001 г. он издал книгу «Русские на Афоне. Середина 19 – начало 20 века», в следующем году – монографию «Свято-Андревский скит и русские кельи на Афоне»³. Предмет исследования указанных работ – история неполноправных русских монашеских поселений на Афоне (скитов и малых обителей). Основное внимание автора сосредоточено на истории становления этих поселений во второй половине XIX в., биографиях выдающихся русских подвижников, взаимоотношениях русских обителей с греческим монашеством. Период Первой мировой войны не является предметом специального изучения автора, поэтому о нем в этих работах имеются лишь упоминания. Материалы этих исследований, расширенные и дополненные новыми источниками, были сведены воедино в работе «История русских обителей Афона в XIX–XX веках»⁴. Несколько страниц в ней посвящено положению русских обителей в годы Первой мировой войны, которое П. Троицкий оценивает, опираясь на документы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), многие из которых были введены в научный оборот автором этой статьи⁵, материалы прессы, мемуарные источники⁶.

Некоторое внимание военным годам уделено в опубликованной чуть позже коллективной работе П. Троицкого, М.Г. Талалая и

британского исследователя Н. Феннелла, освещающей историю малороссийского Ильинского скита⁷. Совсем мало места события Первой мировой войны занимают в вышедшей в 2010 г. книге М.В. Шкаровского «Русские обитатели Афона и Элладская Церковь в XX веке»⁸, одной из первых отечественных работ о русской приходской жизни в Греции и истории Элладской православной церкви в XX в. Общее изложение событий периода Первой мировой войны в этой работе занимает полторы страницы⁹ и не представляет научной новизны, отдельные факты встречаются в других разделах книги.

Среди работ последнего времени по афонской истории интересующего нас периода особое место занимают труды Л.А. Герд. Известный специалист по истории церковно-политических отношений России и греческого Востока в XIX – начале XX вв., византийскому наследию в России, греческой палеографии Л.А. Герд скрупулезно исследовала тему российско-греческих церковных отношений во второй половине XIX – начале XX в. Афону посвящены ее монография «Русский Афон 1878–1914 гг.» и раздел в книге «Константинопольский патриархат и Россия 1901–1914»¹⁰. Прекрасное владение основными европейскими, греческим и южнославянскими языками позволило ей не только изучить большой массив литературы, но и основательно поработать в архивах Константинопольской патриархии, Греции, Болгарии, Сербии. Многие прежде лишь намеченные темы и вопросы в ее работах получили глубокое и хорошо аргументированное освещение. Но, с точки зрения нашей темы, проблема заключается в том, что монографии Л.А. Герд завершаются 1914 г., тенденции развития событий в годы Первой мировой войны в ней намечены только в общих чертах.

Особую тему в афонской проблематике представляет собой изучение имяславских¹¹ споров. Ее основательно исследовал пресв. Иларион (Алфеев)¹². К Афону периода Первой мировой войны тема имяславских споров имеет, скорее, косвенное отношение, поскольку активные сторонники имяславия были вывезены с Афона еще до начала войны и основные события вокруг имяславия теперь разворачивались в России, не оказывая существенного влияния на ситуацию на Св. Горе¹³.

В виду столетия с начала Первой мировой войны, а также приближающегося тысячелетнего юбилея русского присутствия на Афоне, исследования святогорской истории этого периода активно продолжаются. Выходят новые статьи об Афоне накануне и в

годы Первой мировой войны¹⁴. Занимающиеся данной проблематикой исследователи поделились результатами своих изысканий на состоявшейся в Софии 14–16 мая 2014 г. международной конференции «Афон и славянский мир». С докладами, прямо или косвенно затрагивающими проблемы на Афоне и вокруг него в годы Первой мировой войны, выступили диакон Петр Пахомов, М.Г. Талалай, О.Е. Петрунина, М.В. Шкаровский, А.М. Хитров. В научный оборот были введены новые источники, дополняющие и конкретизирующие уже известные факты. Так, в архиве афонского русского Свято-Пантелеймонова монастыря М.В. Шкаровский обнаружил документы о присутствии на Афоне франко-русского экспедиционного отряда, которые дополняют сведения о нем, уже известные по материалам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

И все же, основное внимание исследователей пока было сосредоточено не на событиях Первой мировой войны, а на изучении предшествующего периода. Таким образом была восполнена серьезная лакуна в отечественной историографии истории Церкви второй половины XIX – начала XX в., но эпоха Первой мировой так и осталась на начальной стадии исследований. Таково положение дел в отечественной историографии.

Рассмотрим историографию зарубежную. Здесь мы могли бы ожидать большого количества работ от греков. Как это ни странно, но для греческих историков Афон не является приоритетным направлением исследований. Посвященные Афону монографии в большинстве своем носят общий характер и охватывают большие хронологические отрезки¹⁵. Имеется лишь несколько работ, затрагивающих период Первой мировой войны¹⁶. Для греческих историков гораздо более важными представляются события периода Балканских войн, когда, по их мнению, произошло освобождение Св. Горы от многовекового османского владычества. В связи с юбилеем высадки греческих войск на Афон в ноябре 2012 г. в Салониках прошла конференция, посвященная этому событию. В сообщениях некоторых докладчиков затрагивалась проблематика актуальная и для истории Первой мировой войны¹⁷. В большинстве же своем греческие исследователи предпочитают изучать Афон эпохи средневековья и раннего Нового времени. То же самое относится к болгарским и сербским историкам. Несмотря на то, что афонская проблематика, связанная, прежде всего, с национальными монастырями, изучается на Балканах довольно интенсивно и афонские сюжеты становятся предметом исследо-

ваний крупных историков и филологов, таких как К. Павликянов, К. Иванова, М. Живойнович, П. Матеич, М. Бошков, найти работы, посвященные XX в. и, в частности, Первой мировой войне, не просто. Исследования по истории Афона ведутся и в Румынии¹⁸, но там ситуация примерно такая же.

Так что, история Афона в годы Первой мировой войны изучена еще недостаточно. Можно сказать, пока лишь намечены подходы к ее изучению. Фундаментальных работ по периоду войны нет не только в нашей стране, где по определенным причинам церковная история долгое время вообще не развивалась, но и в Греции. Общие работы по истории Первой мировой войны, даже выходящие в последнее время, не рассматривают таких узких тем, как афонская¹⁹.

Тем не менее, на сегодняшний день исследователям удалось выяснить некоторые вопросы. В частности, в годы Первой мировой войны численность афонского монашества не претерпела радикальных изменений, но наметилась тенденция сокращения числа русских монахов и увеличения греческих. Последнее происходило, вероятно, за счет прятавшихся на Афоне дезертиров.

Международный статус Афона все еще оставался неопределенным, но греческое правительство всеми силами старалось закрепить его на полуострове и включить его в состав своего государства. В этот период наблюдается значительное сокращение численности русского монашества, одна из причин которого – призыв русских иноков на фронт. Условия жизни русских монахов в это время ухудшились вследствие еще более осложнившихся отношений с греческими монастырями, от которых в большинстве случаев зависели русские обитатели (келлии, скиты, каливы). Еще одной причиной недостатка продовольствия и ухудшения условий жизни русского монашества стало ослабление связей с Россией, откуда прежде прибывало много паломников, и поступали богатые пожертвования.

Исследователям удалось получить некоторые сведения и о положении в греческих монастырях. Большинство членов Протата²⁰ и греческие господствующие монастыри поддерживали идею вхождения Афона в состав Греции и активно способствовали ее реализации. Эта позиция влекла за собой рост напряженности в отношениях с теми негреческими монахами, прежде всего, русскими, которые ее не разделяли.

Раскол в греческом обществе и последовавший фактический распад греческого государства на Грецию короля Константина со

столицей в Афинах и Грецию премьер-министра Э. Венизелоса, созданную при поддержке Антанты в Салониках, спроецировались на греческое афонское монашество. По крайней мере, часть греческих монастырей не только словом, но и делом поддержала германофильские настроения короля Константина и оказала помощь вооруженным силам Германии и ее союзников, в частности, подводным лодкам, занимаясь шпионажем. Имеются указания на то, что многие греческие монастыри служили пристанищем вооруженным дезертирам, присутствие которых дестабилизировало и без того непростую ситуацию на Афоне. Сведения о помощи Четвертому союзу со стороны греческих монастырей вынудили командование стран Антанты в начале 1917 г. направить на Афон франко-русский экспедиционный отряд. Он разоружил греческие монастыри, пресек шпионаж в пользу Центральных империй, несколько облегчил положение русских монахов. Через полгода отряд был отозван вследствие осложнившихся отношений между союзниками по Антанте.

В этих условиях царское, а затем временное правительство продолжало переговоры по афонскому вопросу. В годы войны они велись уже на двустороннем греко-российском уровне, другие заинтересованные православные государства в них фактически не участвовали. Решающую роль в окончательном переходе Афона в руки Греции сыграла Октябрьская революция: Афон более не входил в сферу приоритетных интересов России, и русское афонское монашество оказалось брошенным на произвол судьбы.

Однако ряд вопросов остается открытым, многие положения надо уточнить, некоторые из них требуют дополнительного подтверждения источниками.

Нуждается в дополнительном исследовании развитие дипломатических отношений вокруг афонского вопроса. Необходимо более детально изучить и ход греко-российских переговоров, выяснить, влиял ли афонский вопрос на политическую борьбу в Греции по вопросу о вступлении в войну. Дополнительное внимание следует уделить связи русских дипломатов с Афоном. Политическое положение русского монашества и условия его жизни также требуют более детального исследования.

Целый ряд вопросов связан с развитием ситуации в греческих монастырях. Какое число монахов в действительности поддерживало короля Константина, а какое – Венизелоса? Каков был реальный объем помощи греческих обитателей Центральным империям? Каково было количество укрывавшихся на Св. Горе дезертиров?

Была ли выработана единая политическая линия в отношении русских обителей в этот период? Как афонский Протат взаимодействовал с греческим правительством?

Особую тему исследований составляет положение в болгарском Зографском и сербском Хиландарском монастырях. Какие умонастроения господствовали там? Как сербские и болгарские монахи, а не только руководство монастырей, относились к перспективе включения Афона в состав Греции? Как строились отношения этих монастырей с зависимыми обителями, где проживали монахи других национальностей?

Совершенно не изучена жизнь афонских монахов других национальностей – румын и грузин. Об их положении мало что известно, и даже численность их оценивается весьма приблизительно.

Ответы на эти вопросы могут быть найдены при тщательном и систематическом изучении довольно обширного комплекса источников. Основной комплекс источников находится на самом Афоне. Это архивы отдельных монастырей, включающие монахологии, деловые и хозяйственные документы, переписку с Протатом – органом Афонского монашеского самоуправления, личные документы и переписку монахов с мирскими лицами и духовенством вне Афона. Монастыри также вели переписку с дипломатическими представителями православных государств, Константинопольским патриархом, который является правящим архиереем Афона. Помимо монастырских архивов, большую ценность представляет также архив Протата. К началу XX в. делопроизводство в нем было вполне упорядоченным. Как представитель всех монастырей Протат вел переписку с гражданскими и духовными властями, принимал обязательные для всех обителей решения. Значительная часть афонских монастырских архивов еще не полностью разобрана и описана, но работа в этом направлении уже ведётся и появляются публикации. Так, краткое описание архива Протата опубликовано К. Хрисохоидисом²¹. Болгарский исследователь К. Павликианов опубликовал описание архива афонского Симонопетрского монастыря, где имеются материалы и по событиям XX в.²².

Из афонских хранилищ некоторым отечественным исследователям доступны только материалы Руссика, одного из 20 афонских полноправных монастырей. К архивам других монастырей и Протата отечественные исследователи доступа не имеют. Это прискорбное обстоятельство сужает круг возможностей отечественной историографии и не позволяет провести действитель-

но компетентное исследование положения дел на Афоне в годы Первой мировой войны. В более выигрышном положении в плане доступа к источникам находятся греки: в их непосредственном распоряжении имеются архивы большинства церковных учреждений Востока, в том числе афонского Протата и обителей.

Много документов по афонской истории этого периода имеется и за пределами Афона. Это, прежде всего, архив Константинопольской патриархии в Стамбуле. К патриарху афонские обители обращались с жалобами и просьбами, он разбирал их споры, следил за церковным порядком и нравственностью монахов.

Нерешенный вопрос о дальнейшей судьбе Афона был предметом активного обсуждения европейской дипломатии, переписка о нем велась всеми заинтересованными сторонами. Так что, дипломатические архивы нескольких стран имеют документы, касающиеся положения на Афоне и шагов своих союзников и противников по урегулированию статуса Св. Горы. Документы о переговорах по афонскому вопросу, межнациональных противоречиях на Афоне и действиях иностранной дипломатии хранятся в Историческом архиве МИД Греции.

Большое количество документов по Афону имеется в нашей стране. Это документы Синода и других государственных ведомств, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Значительный комплекс документов находится в АВПРИ. Это не только переписка МИД со своими сотрудниками (послами, консулами), но и меморандумы, аналитические записки, проекты решения афонского вопроса. В архиве хранятся также материалы, связанные с пребыванием на Афоне франко-русского экспедиционного отряда в 1917 г.

Большая часть архивных документов, касающихся истории Афона не только в годы Первой мировой войны, но и на более широком историческом отрезке, пока не опубликована. Одно из немногих исключений представляет собой подготовленная прес-осв. Иларионом (Алфеевым) публикация документов из российских архивов, посвященная охватившим русский Афон имяславским спорам²³.

Относительно небольшой круг источников составляют опубликованные официальные документы, например, афонский устав 1911 г., по которому святогорцы жили в годы войны, а также публикации в прессе.

Комплексное и систематическое изучение этого массива источников могло бы пролить свет на пока еще малоизвестные

страницы церковной истории, истории международных отношений в годы Первой мировой войны, уточнить, каким образом происходил переход Афона под управление Греции и какие последствия он имел для святогорцев-негреков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Doens I.* Bibliographie de Sainte Montagne de l'Athos // Le millénaire du Mont Athos 963–1963. Études et Mélanges. Vol. II. Chevetogne, 1963. P. 337–495.

² *Петрунина О.Е.* Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников // Вестник архивиста. 2002. № 1. С. 64–82; *Талалай М.Г.* Русское монашество на Афоне в 1913–1918 гг. Отчеты А.А. Павловского в Российское генеральное консульство в Салониках // Россия и христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 595–617; *Талалай М.Г.* Переписи русского монашества на Афоне в 1915–1917 гг. // Россия – Афон: тысячелетие духовного единства. Материалы международной научно-богословской конференции. Москва, 1–4 октября 2006 г. М., 2008.

³ *Троицкий П.* Русские на Афоне. Середина 19 – начало 20 века. М., 2001; *Троицкий П.В.* Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002.

⁴ *Троицкий П.* История русских обитателей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.

⁵ *Петрунина О.Е.* Афонский вопрос в 1912–1917 гг. ...

⁶ *Троицкий П.* История русских обитателей... С. 166–174.

⁷ *Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. М., 2011. С. 53 и сл.

⁸ *Шкаровский М.В.* Русские обитатели Афона и Эладская Церковь в XX веке. М., 2010.

⁹ Там же. С. 28–29.

¹⁰ *Герд Л.А.* Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010; *Герд Л.А.* Константинопольский патриархат и Россия 1901–1914. М., 2012.

¹¹ В начале XX в. среди русского афонского монашества шли споры между сторонниками двух учений об имени Божьем – имяславия и имяборчества. Эти споры были выражением противоречия между склонным к мистике молитвенным благочестием и богословской наукой. Российское правительство взялось за разрешение богословского конфликта силовыми методами, и многие имяславцы подверглись репрессиям.

¹² *Иларион (Алфеев), еп.* Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб., 2007.

¹³ Подробнее см.: *Иларион (Алфеев), еп.* Священная тайна Церкви... С. 686–739.

¹⁴ *Петрунина О.Е.* Интеграция Афона в состав греческого государства в первой четверти XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2014, № 2. С. 107–125; *Петрунина О.Е.* Афон в годы Балканских войн: проблема суверенитета // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 44. Июнь 2014. С. 188–203.

¹⁵ См., напр.: *Μαμαλάκης Γ.* Τὸ Ἅγιον Ὄρος (Ἄθως) διὰ μέσου τῶν αἰώνων. Θεσσαλονίκη, 1971; *Χρήστου Π.* Τὸ Ἅγιον Ὄρος. Ἀθωνικὴ πολιτεία – ἱστορία, τέχνη, ζωὴ. Ἀθήνα, 1987; *Παπαχρυσάνθου Δ.* Ἡ Διοίκηση τοῦ Ἁγίου Ὄρους (1600–1927). Ἀθήνα, 1999; *Ρούσσοι-Μηλιδάνης Μ.* Το Ἅγιον Ὄρος και ἡ Δύση, 963–1963: Ἄγνωστες πτυχές της αθωνικῆς ἱστορίας. Ἀθήνα, 2013.

¹⁶ *Ταχιάος Ἄ-Α.* Τὸ γεωργιανὸν ζήτημα (1868–1919). Θεσσαλονίκη, 1962; *Παπουλίδης Κ.* Οἱ Ρῶσοι Ὀνοματολάτραι τοῦ Ἁγίου Ὄρους. Θεσσαλονίκη, 1977; *Μουζάκης Δ.* Τὸ Ἅγιον Ὄρος κατὰ τὴν περίοδο τοῦ Μεσοπολέμου. Ἀθήνα-Κομοτηνὴ, 2008.

¹⁷ Το Ἅγιον Ὄρος στὰ χρόνια τῆς Ἀπελευθέρωσης. Θεσσαλονίκη, 2012.

¹⁸ См., напр.: *Cristea LM.* Relatiile Tarii Romanesti cu Muntele Athos in secolele XVII–XIX: cazul manastirii Mihai Voda. Teza de doctorat. București, 2012; *Români și Muntele Athos.* Culegere de studii și articole, alcătuită de Prof. Gheorghe Vasilescu și Ignatie Monahul. Vol. 1–2. București, 2007.

¹⁹ См., напр.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014.

²⁰ Протат – афонский орган монашеского самоуправления, состоящий из представителей 20 полноправных («господствующим») монастырей.

²¹ *Χρυσοχοϊδης Κ.* Τὸ ἑλληνικὸ ἀρχεῖο τοῦ Πρωτάτου // Κειμήλια Πρωτάτου. Τ.Α. Ἅγιον Ὄρος, 2000. Σ. 147–167, 305–308.

²² *Παυλικянов Κ.* Ἡ δομὴ τοῦ ἀρχείου τῆς ἀθωνικῆς μονῆς Σίμωνος Πέτρας ἀπὸ τὸ 1809 μέχρι τὰ μέσα τοῦ εἰκοστοῦ αἰώνα // Τέχνη γραμματικῆ. Сборник изследвания в чест на Стойна Пороманска. Велико Търново, 2005. С. 111–149.

²³ Споры об Имени Божиим. Архивные документы 1912–1938 годов. СПб., 2007.

РАЗДЕЛ II

ФОРМИРОВАНИЕ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ И ИХ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

А.В. Ганин (Москва)

Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.)*

Популярным сюжетом советской историографии была деятельность в Советской России так называемых интернационалистов – иностранцев, участвовавших в борьбе за Советскую власть. Несмотря на повышенное внимание, этот сюжет на протяжении десятилетий освещался односторонне. Многочисленные авторы явно игнорировали ту безусловно видную роль, которую играли в рядах интернационалистов офицеры. Антибольшевистский лагерь в аспекте его иностранных союзников по сути был сплошным «белым пятном», а предыстория появления иностранных военных контингентов на территории нашей страны в годы Первой мировой войны и вовсе оставалась за пределами исследовательского интереса.

Лишь в постсоветский период (в том числе в странах Центральной и Юго-Восточной Европы) стали появляться глубокие исследования, посвященные иностранным военным служащим, принимавшим участие в Первой мировой войне в составе русской армии, а также в Гражданской войне на стороне белых. Однако и по сей день эта тема далека от того, чтобы считаться изученной. Сведения о деятельности многих офицеров приходится восстанавливать буквально по крупицам. В этой статье предпринята первая попытка создать целостную картину участия западных и южных славян (подданными Российской империи среди них считались только поляки), прошедших обучение в наиболее престижном высшем военно-учебном заведении России – Николаевской академии Генерального штаба (с 1909 г. – Императорской Николаевской

* Исследование осуществлено при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

военной академии), в событиях Первой мировой и Гражданской войн на территории нашей страны.

Одной из составляющих военного сотрудничества Российской империи со славянскими государствами была подготовка командных кадров, в том числе в Николаевской академии. Через обучение в ней прошел ряд болгарских и сербских офицеров, которым выделялись значительные квоты. Наиболее многочисленным следует признать болгарский контингент. Многие представители старшего поколения болгар – выпускников академии, бежали в Россию после того, как в Болгарии в 1886–1887 гг. в результате кризиса и смены власти начались преследования русофилов¹.

Отправка болгарских офицеров на учебу в Россию возобновилась в 1898 г. Всего к осени 1912 г. через обучение в академии прошли 123 болгарских и 14 сербских офицеров². Впрочем, далеко не все из них успешно окончили академию. Одновременно в академии мог обучаться сравнительно большой процент иностранцев. Так, на 1906/1907 г. в старшем классе академии обучались 10 болгарских офицеров из 116 или 8,6%³. Многие из них покинули Россию и вернулись на родину еще до Первой мировой войны, однако некоторая часть натурализовалась в нашей стране и отдавала свои силы служению России.

Некоторых иностранных офицеров приближение войны застало непосредственно в академии. В 1914 г. со старшего класса были отчислены болгарские офицеры: ротмистр Его Величества царя болгарского полка Златев, капитан Видинского крепостного батальона Тодоров, капитан школы для подготовки запасных подпоручиков Панов, капитан 7-го артиллерийского полка Попов, а также поручик 1-го пехотного Софийского его величества князя Александра I полка Пеев⁴. Аналогичная участь постигла сербского слушателя капитана Майсторовича, состоявшего при Генштабе сербского военного министерства.

В годы Первой мировой войны генштабисты из числа западных и южных славян проявили себя в русской армии, как правило, с самой лучшей стороны. Широкую популярность в России приобрело имя генерала Р.Д. Радко-Дмитриева (1859–1918) – болгарина по происхождению, окончившего академию в 1884 г. Свой академический опыт Радко-Дмитриев вспоминал с удовольствием, отмечая тот широкий кругозор, который давала воспитанникам академия⁵. Радко-Дмитриев представлял собой яркий тип офицера-русософила. Некоторое время он даже состоял болгарским посланником в Петербурге. После начала Первой мировой войны пе-

решил в российское подданство и был принят в русскую армию в чине генерал-лейтенанта. Командовал VIII армейским корпусом.

Радко-Дмитриев был обласкан Высочайшей милостью. 30 августа 1914 г. за бои с австрийцами на Гнилой Липе и при взятии Миколаева награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., а уже 27 сентября 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. В сентябре 1914 г. за отличие был произведен в генералы от инфантерии и назначен командующим 3-й армией. Положение его как болгарина на высоких руководящих постах в русской армии было щекотливым, особенно после вступления Болгарии в войну на стороне противников России. В дальнейшем Радко-Дмитриев командовал II и VII Сибирскими армейскими корпусами и 12-й армией. С 20 июля 1917 г. числился в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа.

Впоследствии Радко-Дмитриев оказался одной из жертв Гражданской войны. Широко известны обстоятельства убийства заложников в Пятигорске в октябре 1918 г., где среди 83 казненных оказался и он. Радко-Дмитриев был арестован, находясь на лечении в Ессентуках 11 (24) сентября 1918 г., вместе с генералом Н.В. Рузским и другими лицами. Заложники были перевезены в Пятигорск, где в ночь 18–19 октября (31 октября – 1 ноября) Радко-Дмитриев был зарублен на городском кладбище.

Свою жизнь со службой в русской армии связал еще один офицер болгарского происхождения – А.Ф. Бендерев (1859–1946). Он окончил академию в 1883 г. и еще в 1887 г. перешел на русскую службу. Участвовал в русско-японской войне. На 1914 г. дослужился до генеральского чина. С началом войны занял пост начальника штаба I-го Туркестанского армейского корпуса. Впоследствии был командующим 121-й пехотной дивизии, произведен в генерал-лейтенанты, получил несколько боевых наград. В период Гражданской войны Бендерев служил в Закавказье, перешел в грузинскую армию, а с осени 1919 г. служил в Вооруженных силах на Юге России, причем по заданию белого командования был направлен в Болгарию, где и остался после поражения белых. Умер в Софии.

Еще одним болгаринцем, окончившим академию и состоявшим на русской службе был генерал-лейтенант М.Д. Янчевич (Енчевич) (1860–1934). Академию он окончил по 2-му разряду в 1890 г. Участвовал в русско-японской войне. В годы Первой мировой командовал 62-й пехотной дивизией, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. С 1919 г. состоял на службе в РККА, занимался преподавательской работой, в 1922 г. уехал в Болгарию и умер в 1934 г.

Болгарином по происхождению был выпускник академии 1891 г. генерал-лейтенант И.К. Сарафов (1856–1935). В годы Первой мировой войны он командовал 103-й и 101-й пехотными дивизиями, а также XXXII армейским корпусом. В Гражданской войне он участия не принял. Выйдя в отставку, Сарафов в 1919 г. уехал в Болгарию, где и умер.

Генерал-майор П.С. Стаев (1870–1951) также был болгаринном на русской службе (выпуск академии 1896 г.). В годы Первой мировой Стаев командовал 1-м лейб-гренадерским Екатеринбургским полком, был тяжело ранен, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Командовал 1-й гренадерской дивизией. Имел репутацию грамотного и храброго офицера. С 1918 г. состоял на службе в РККА. Умер в 1951 г. в Москве.

Еще одним георгиевским кавалером из числа болгарских генштабистов был полковник И.Г. Пехливанов (1876–1955), выпускник академии 1909 г. С 4 сентября 1914 г. он служил помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, сражавшейся против австрийцев⁶. 24 марта 1915 г. Пехливанов был допущен к и.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. С 16 октября 1915 г. занимал пост и.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. 15 апреля 1916 г. он был назначен и.д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. На новом месте офицер блестяще проявил себя⁷. 15 августа 1917 г. Пехливанов был произведен в чин полковника со старшинством с 4 октября 1916 г. Во время корниловского выступления офицер был выдвинут армейскими организациями на должность начальника штаба фронта⁸, однако назначение не состоялось. На рубеже 1917–1918 гг. Пехливанов поступил на службу новой власти, принял участие в создании Красной армии. В феврале-марте 1918 г. руководил защитой Петрограда от немцев на самом опасном, псковском, направлении. Осенью 1918 г. Пехливанов бежал из Красной армии на белый Юг к семье, а позднее был командирован белым командованием в Болгарию и остался на родине⁹.

Служил в русской армии и сын лидера прогрессивно-либеральной партии и министра внутренних дел Болгарии К.А. Людсканов-Цанков (1886–1937), окончивший академию в 1914 г. В годы Первой мировой войны у Людсканова-Цанкова возникли сложности в связи с выступлением Болгарии на стороне противников России. Людсканов-Цанков занимал должности старшего адъю-

танта штаба Сводной кавалерийской дивизии (с 20 июля 1916 г.) и штаб-офицера для поручений при штабе II кавалерийского корпуса (с 20 мая 1917 г.). К концу 1917 г. дослужился до подполковника (произведен 15 августа 1917 г.). Начало Гражданской войны встретил в Красной армии, где занимал должность помощника начальника штаба 1-й Рязанской дивизии по оперативной части, затем стал помощником начальника штаба 2-й стрелковой дивизии¹⁰. 16 февраля 1919 г. он был командирован в Астрахань, в распоряжение штаба 11-й армии¹¹, но к месту назначения не прибыл¹². Объявился Цанков уже на белом Юге, где за службу в Красной армии предстал перед военно-полевым судом, но 15 июня 1919 г. был оправдан¹³. Летом 1920 г. Людсканов-Цанков фактически самовольно оставил службу у белых, уехал в Болгарию, где поступил на государственную службу и состоял 1-м секретарем болгарского посольства в Сербии (Белград). Не последнее место среди причин его отъезда занимало отсутствие материального обеспечения после полученного ранения. Перейдя на болгарскую службу, и, оказавшись в Белграде, Людсканов-Цанков стал выступать в сербской печати против врангелевской армии. Умер он в 1937 г.

Генштабистов-югославян было намного меньше. Сведения о них отрывочны. Выпускниками Николаевской военной академии (1899 и 1904 годов выпуска соответственно¹⁴) были сербские военные представители в России – глава военной миссии полковник Б. Лонткевич (Леонткиевич, Лонткиевич) и его соратник майор В. Максимович. Максимович в годы Первой мировой войны стал начальником штаба 1-й Сербской добровольческой дивизии. Лонткевич в то время состоял сербским военным представителем при русской Ставке и внес большой вклад в дело формирования сербских добровольческих частей в России. Острый на язык М.К. Лемке в своих пристрастных мемуарах о русской Ставке отметил: «Сербский представитель полковник Леонткиевич глуповат»¹⁵. 10 ноября 1917 г. Лонткевич вместе с другими руководителями военных миссий подписал протест против попыток большевиков заключить перемирие с противником¹⁶. В 1918 г., в том числе и после заключения Брестского мира, он продолжал вербовку добровольцев из военнопленных для участия в мировой войне, что противоречило интересам большевиков. Участвовал в секретном совещании военных представителей стран Антанты в Киеве 16 января 1918 г., на котором обсуждались перспективы восстановления Восточного фронта и использования сербских и чехословацких войск в России. В августе 1918 г. Лонткевич был

арестован в Москве вместе с сотрудниками, а осенью покинул Советскую Россию¹⁷.

Начальник штаба 1-й Сербской дивизии полковник Кушакович (Кушакевич) окончил академию в 1899 г. С 30 июля 1916 г. он стал начальником штаба Сербского корпуса. В русской армии служил и капитан Майстанович (Майстрович), отчисленный из академии в 1914 г. По данным на 1917 г. Майстанович командовал запасным батальоном 1-й Сербской дивизии¹⁸. Этот офицер отличался оригинальностью убеждений, поскольку придерживался «довольно редкого у югославян взгляда на эфемерность существования Сербии, Югославии и прочих маленьких славянских государств вне прямого включения их в состав Российской империи»¹⁹.

Генштабисты польского происхождения также служили в русской армии, хотя в старой России поляков старались не принимать в академию. Определить поляков в общем потоке офицеров-генштабистов крайне сложно – ведь даже генерал А.И. Деникин, возглавлявший Белое движение на Юге России, был наполовину поляком.

Дискриминационное законодательство можно было обойти, поменяв вероисповедание. Именно так поступил будущий генерал И.Р. Довбор-Мусницкий (1867–1937), окончивший академию в 1902 г. В Первую мировую Довбор-Мусницкий занимал должности начальника штаба 7-й пехотной дивизии, командира 14-го Сибирского стрелкового полка, генерала для поручений при командующем 1-й армией, командующего 123-й и 38-й пехотными дивизиями, и.д. начальника штаба 1-й армии. Был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. В 1917 г. он был назначен командиром XXXVIII армейского корпуса, а затем Польского стрелкового корпуса. В начале 1918 г. Довбор-Мусницкий перестал подчиняться большевизированной Ставке. В результате боев с латышскими стрелками поляки отступили от Рогачева к Бобруйску и Слуцку. После оккупации Белоруссии немцами корпус выполнял функции оккупационных войск. В мае 1918 г. Довбор-Мусницкий вывел войска в Польшу.

Довбор-Мусницкий был заметной фигурой в период создания польского государства, занимал пост главнокомандующего польской армией, но проиграл более искушенному в политике Ю. Пилсудскому, был отстранен от власти и в марте 1920 г. ушел в отставку.

Посмертно в генералы от инфантерии был произведен Э.А. Коверский (1837–1916), окончивший геодезическое отделение ака-

демии в 1862 г. и занимавший до конца жизни пост начальника топографической съемки Санкт-Петербургской губернии и Финляндии.

Среди генштабистов польского происхождения можно отметить будущего польского дивизионного генерала Е.М. де Генинга-Михелиса (1863–1939), окончившего академию в 1891 г. С 1917 г. генерал служил в польских формированиях, причем в 1919 г. руководил польской военной миссией в Сибири.

В 1899 г. академию окончил будущий польский бригадный генерал В.А. Дзевановский (1870–1944). В период Гражданской войны он служил на белом Юге и только в октябре 1921 г. поступил на службу в польскую армию.

В 1910 г. академию окончил К.К. Клещинский (1879–1927) – будущий генерал литовской армии, служивший с конца 1918 г. по весну 1919 г. в польской армии.

В 1912 г. академию окончил будущий генерал польской армии граф С.И. Соллогуб (1885–1939) – кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст., храбрый боевой офицер²⁰. В 1918 г. Соллогуб перешел в польскую армию и стал именоваться Соллогуб-Довойно (или де-Война). В том же году он возглавил польскую военную миссию на Мурмане.

Интересна биография подполковника И.М. Дарагана (1885–1977). Этот офицер родился в Калише, окончил Пажецкий корпус, служил в гвардии, окончил академию. После ранения, полученного в бою под Молодечно в 1916 г., Дараган состоял в распоряжении генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Служил при английской военной миссии генерал-фельдмаршала Г. Вильсона (1916–1917). В период Гражданской войны перебрался в Киев, где попал в антибольшевистскую Северную армию генерала графа Ф.А. Келлера. В июне 1919 г. был арестован ЧК, приговорен к расстрелу, но в связи с наступлением белых перевезен в Москву, где содержался в Андроньевском лагере. Как поляк с партией польских заложников в начале мая 1920 г. Дараган был отправлен в Польшу в обмен на арестованных коммунистов. После Второй мировой войны Дараган перебрался в США, где и умер²¹.

Целый ряд офицеров из зарубежных славян прошли обучение на ускоренных курсах Николаевской военной академии, открывшихся в 1916 г. Мировую известность приобрел дивизионный генерал польской армии, герой Первой мировой и георгиевский кавалер Владислав Андерс (1892–1970) – впоследствии герой Второй мировой войны, и.о. главнокомандующего и генерал-ин-

спектора польских вооруженных сил. Андерс окончил подготовительный класс ускоренных курсов 1-й очереди. В годы Первой мировой Андерс проявил себя как храбрый боевой офицер. Его служба проходила в рядах 3-го драгунского Новороссийского полка, в штабе 7-й стрелковой дивизии, а ратный труд Андерса был отмечен орденом Св. Георгия 4-й ст.²² В феврале 1918 г. Андерс стал начальником штаба 1-й Польской стрелковой дивизии, участвовал в боях с большевиками в Белоруссии. В июне 1918 г. уехал в Варшаву, позднее участвовал в создании польской армии. С января 1919 г. служил в штабе Великопольской повстанческой армии генерала И.Р. Довбор-Мусницкого, причем даже занимал пост начальника штаба главного командования. С весны 1919 г. по осень 1921 г. Андерс командовал уланским полком.

В списках слушателей подготовительных курсов 1-й очереди фигурирует сербский капитан, позднее – полковник Г.Б. Маркович²³. Возможно речь идет о поручике черногорской службы Марковиче, ранее обучавшемся в академии в 1913/1914 учебном году²⁴, хотя причины, по которым офицер повторно начал обучение с нуля, неясны. Курсовик Маркович служил в 211-м пехотном Никольском полку. В 1920-е гг. он проживал в Дубровнике²⁵.

Весной 1917 г. Временное правительство признало право Польши на независимость. В сентябре 1917 г. появились новые правила приема в Николаевскую академию. Если в мирное время поляков в академию старались не допускать, то теперь двери для них открылись. Начальник Генштаба генерал-майор Ю.Д. Романовский сообщил начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М.В. Алексееву 1 сентября 1917 г.: «Независимо от указанных требований, на подготовительные курсы 3[-й] очереди надлежит командировать 10 офицеров-поляков для подготовки офицеров для штабов польских войск, из них 5 по выбору генерала Довбор-Мусницкого и 5 по выбору генерала Осинского, среди последних желательно назначить полковника Ясенского, ныне состоящего при Ставке...»²⁶ К 25 сентября кандидаты должны были прибыть в академию. Аналогичные квоты выделялись осенью 1917 г. и для старшего класса 2-й очереди. Польских офицеров по ходатайствам командования польских войск в России могли зачислять на так называемую «польскую вакансию» сверх штата. Командировавшиеся на подготовительные курсы, согласно приказу по военному ведомству № 482 от 31 июля 1917 г., могли представляться к старшинству в чине по удостоению начальства²⁷. Вопрос о возможности командировать польских офицеров был поднят

генерал-майором А.К. Келчевским еще в октябре 1916 г., когда шел набор на подготовительные курсы 1-й очереди²⁸. Тогда некоторые офицеры польского происхождения действительно попали в академию (В.А. Андерс, Р.И. Воликовский).

Командир Польского стрелкового корпуса генерал Довбор-Мусницкий 3 октября 1917 г. распорядился о командировании в академию шести польских офицеров²⁹, причем некоторые (например, штабс-ротмистр граф А. Старженский, окончивший подготовительные курсы 2-й очереди) не имели права на приоритетное зачисление, если бы не существовало особой польской вакансии³⁰. По ходатайству Довбор-Мусницкого попал на курсы и штабс-капитан Р.И. Воликовский (1891–1992) – будущий польский генерал³¹. В Первую мировую он служил в 71-м пехотном Белевском полку. Отличился в бою 19 октября 1914 г., за который был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., Воликовский был несколько раз ранен и контужен. Осенью 1916 г. его как одного из лучших кадровых офицеров полка командование сочло достойным направления на открывшиеся в конце 1916 г. ускоренные курсы 1-й очереди Императорской Николаевской военной академии³². 29 января 1917 г., по окончании обучения, он был назначен на младшую должность офицера Генерального штаба – исполняющим должность обер-офицера для поручений при штабе XIV армейского корпуса, а 6 февраля вернулся на фронт.

В июне 1917 г. Воликовский изъявил желание служить в польских воинских формированиях³³. Так он оказался в штабе Польского стрелкового корпуса. До мая 1918 г. Воликовский в чине капитана служил в штабе I-го Польского корпуса в России. Весной 1918 г. он оказался на короткое время в рядах зарождавшейся Красной армии, в штабе военного руководителя Петроградского района завесы³⁴. Позднее попал на Восток России, где служил в польских формированиях при белых³⁵. Воликовский пробыл на Востоке России до 1919 г., дослужившись до ответственного поста начальника штаба польских войск в Восточной России и начальника штаба 5-й польской дивизии. Воликовский уехал из Сибири через Америку в Европу³⁶. Знания и опыт Воликовского оказались востребованы. 1 июня 1919 г. получил звание подполковника пехоты. С апреля 1919 г. он временно командовал 17-й пехотной бригадой 9-й пехотной дивизии.

В период советско-польской войны вплоть до декабря 1920 г. в звании подполковника Воликовский служил начальником штаба 5-й польской армии. В июне 1921 г. подполковник Воликовс-

кий получил новое назначение, став первым польским военным атташе в Москве, где пробыл до 1923 г.³⁷ Занимался в том числе и сбором разведданных³⁸. В августе 1941 г. Воликовский вновь стал польским военным атташе в СССР, представляя польское правительство в изгнании, позднее он возглавил польскую военную миссию в СССР. После войны он демобилизовался и уехал в Канаду (Торонто), где провел остаток жизни. Воликовский оказался одним из последних генштабистов и последним георгиевским кавалером русской армии, пережившим остальных.

Вместе с Воликовским на курсах обучался подполковник В.Э. Томме (1881–1962) – будущий бригадный генерал польской армии. Томме изъявил желание служить в польских войсках в начале ноября 1917 г. Временная комиссия при главном польском военном исполнительном комитете просила академию прислать послужной список офицера и аттестацию³⁹. Тем не менее, в 1918 г. Томме некоторое время числился в РККА, затем в украинской армии, и лишь с июня 1919 г. служил в польской армии.

Учился на курсах и будущий полковник Я.В. Окулич-Казарин (1888–1955), начавший в Гражданскую войну со службы в РККА, а позднее оказавшийся в польской армии. Среди слушателей был также штабс-капитан С.И. Вецкий (1890-?), перешедший затем в польскую армию. Подготовительные курсы 2-й очереди окончил подполковник Э.И. Кесслер (1880–1930) – с декабря 1918 г. он служил в польской армии.

Немалый интерес представляет жизненный путь их однокашника болгарского офицера И.Д. Чинтулова (1888–1931). Чинтулов родился в Варне, в семье болгарского офицера, переехав в Россию стал личным дворянином. В старой армии он дослужился до капитанского чина. Участвовал в Первой мировой войне в рядах 68-й артиллерийской бригады. За храбрость в 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. В Николаевской академии он обучался в 1917–1918 гг.

Чинтулов был активным в общественной жизни человеком, одним из лидеров своего выпуска по академии, права которого пытался всячески отстаивать. В годы Гражданской войны Чинтулов оказался на службе в Красной армии. В 1918 г. он занимал должности помощника начальника оперативного отделения штаба Северного участка и Петроградского района завесы, консультанта оперативного отдела Наркомата по военным делам. Чинтулов внес свой вклад в становление советской военной контрразведки и боролся за сохранение ее в военном ведомстве и против пере-

дачи контрразведывательных функций органам госбезопасности. Затем Чинтулов стал начальником организационного, а с 20 сентября 1919 г. – оперативного отделения штаба Западного фронта. Наряду с другими своими однокашниками, он был арестован в Смоленске на 20 дней в августе 1919 г., видимо, в связи со сфабрикованным делом Полевого штаба РВСР, но освобожден и продолжил службу. Позднее был отозван в Москву и назначен помощником начальника оперативной части оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики. По данным на апрель 1921 г. был помощником начальника оперативного отдела оперативного управления Штаба РККА. Некоторое время он провел в Средней Азии, в основном же его служба проходила на Украине. В декабре 1930 г. Чинтулов был арестован в Харькове по делу «Весна»⁴⁰. 25 января 1931 г. Чинтулов оговорил себя, заявив, что был антисоветски настроен со времен октябрьской революции, что в Гражданскую войну он и его товарищи по службе Генштаба надеялись на превращение Красной армии в армию национально-русскую⁴¹. Последнее заявление особенно удивительно из уст болгарина на русской службе, однако такие показания требовались следователям. В мае 1931 г. Чинтулов был расстрелян⁴².

Некоторое количество западных и южных славян продолжали обучение на ускоренных курсах академии и в период широкомасштабной Гражданской войны, т.е. с лета 1918 г. Еще одним польским офицером, обучавшимся на курсах академии, был К.Ю. Румша (1886–1970). Этот офицер сыграл видную роль в истории Гражданской войны на Востоке России. К.Ю. Румша родился в Прибалтике. Окончил гимназию, Виленское военное училище, Варшавскую фехтовальную школу, главную гимнастическо-фехтовальную школу (остался при ней инструктором) и курсы 3-й очереди при Военной академии. Служба Румши в основном проходила в рядах 23-го пехотного Низовского полка. Офицер был ранен и попал в плен в Восточной Пруссии. В 1915 г., благодаря занятиям спортом, сумел бежать из плена в Швейцарию, откуда перебрался во Францию⁴³, где служил при русской военной миссии, а в декабре 1915 г. вернулся в Россию и продолжил службу в родном полку, которым даже некоторое время командовал. К началу Гражданской войны имел чин капитана, у белых дослужился до полковника.

К лету 1918 г. в академии сложилась антибольшевистская подпольная организация во главе с Румшей, готовившаяся оказать помощь наступающим чехословакам. Обсуждение возможных

действий привело подпольщиков к выводу о невозможности открытого выступления силами группы офицеров. Последствия были бы губительны и для академии, и для представителей семьи Романовых в Екатеринбурге. Поэтому решено было соединиться с белыми. Отряд из 37 слушателей академии под командованием Румши, вооружившись, 21 июля ушел из Екатеринбурга на соединение с чехословаками, подходившими к городу. Соединение произошло 24 июля в районе завода Северский⁴⁴.

В дальнейшем Румша командовал полком. Его высоко ценили наиболее компетентные военачальники белого Восточного фронта. 18 декабря 1918 г. он был удостоен благодарности генерала В.О. Каппеля⁴⁵, о производстве Румши в полковники и генералы за боевые отличия 4 февраля 1919 г. ходатайствовал генерал С.Н. Войцеховский⁴⁶. Уже 9 февраля Румшу произвели в полковники. Доблестным офицером называл Румшу генерал К.В. Сахаров⁴⁷. Его решимость в бою и прекрасные командные качества отмечали и польские очевидцы⁴⁸. С января 1919 г. по январь 1920 г. Румша командовал 5-й Польской стрелковой дивизией (большая ее часть сдалась красным у станции Клюквенная в январе 1920 г.), однако сам Румша через Иркутск и Харбин эвакуировался в Польшу. 19 ноября 1919 г. был причислен к Генеральному штабу⁴⁹. В июне 1920 г. Румша прибыл в Польшу, где продолжил службу в польской армии. Участвовал в советско-польской войне, командуя сибирской бригадой из остатков своей дивизии и добровольцев. Затем окончил курс высшего командования в Варшаве (1921). За легкомысленное обращение с казенными деньгами был переведен в резерв⁵⁰. В 1964 г. в эмиграции был произведен в чин бригадного генерала. В годы Второй мировой войны перебрался во Францию, а затем в Великобританию и умер 28 января 1970 г. в Лондоне, причём был похоронен на кладбище Хайгейт⁵¹.

Однокашником Румши был штабс-капитан 2-го Польского стрелкового полка Е.К. Кронковский, перешедший позднее в штаб Чехословацкого корпуса. В рядах антибольшевистских сил на Востоке России он прослужил до 1920 г., дослужившись до генеральского чина. У белых офицер служил, в том числе в Инструкторской школе генерала А. Нокса.

Представительство поляков на курсах 3-й очереди было достаточно широким. Помимо перечисленных выше также обучались: наблюдатель 6-го истребительного авиаотряда штабс-капитан Войткевич (1887-?; позднее – капитан, офицер штаба польских войск), 11-го польского стрелкового полка штабс-капитан Волк-

Ланевский (позднее – офицер штаба Сибирской армии и штаба Польских войск), обер-офицер для поручений штаба Польского корпуса капитан Когутницкий (позднее – офицер штаба Сибирской армии и командир 2-го Польского полка), вр.и.д. помощника командира 2-го Польского стрелкового полка капитан Л.К. Лихтарович (1890-?) (позднее – в Главном управлении Генерального штаба и в штабе Польских войск), 1-го Польского инженерного полка капитан Миневский, 1-го Польского запасного полка штабс-капитан Ратушинский, Польского корпуса штабс-капитан Хлусевич (позднее – в штабе Польских войск), 12-го Польского стрелкового полка штабс-капитан Чапля (позднее также в штабе Польских войск) и 1-й Польской стрелковой дивизии штабс-капитан Ясинский.

На тех же курсах обучался и чехословацкий офицер штабс-капитан (позднее – капитан) Г.Ю. Бируля (1894–1971). Этот офицер занимал должность и.д. старшего адъютанта штаба XIII армейского корпуса, а позднее служил в штабе Чехословацкого корпуса. В 1918–1919 гг. Бируля находился в антибольшевистских формированиях на Востоке России (в том числе в должности штаб-офицера для поручений штаба Чехословацких войск), а затем уехал в Чехословакию. Бируля оказался благодарным учеником и в 1920-е гг. многое сделал, чтобы помочь с трудоустройством очутившемуся в эмиграции в Чехословакии своему преподавателю – профессору М.А. Иностранцеву⁵².

В 1919 г. оказавшаяся в белой Сибири академия возобновила подготовку кадров Генерального штаба из числа западных и южных славян, ставших союзниками белых⁵³. Среди слушателей ускоренных курсов 4-й очереди академии, функционировавших в 1919 г. в Томске, процент иностранных офицеров был ощутимым. Это были представители различных воинских контингентов интервентов, находившихся тогда в Сибири и союзных колчаковскому режиму. В академии обучались чехословацкие, сербские, польские и румынские офицеры. Еще при выделении квот на зачисление в академию представителям польских формирований было выделено 10 мест, среди дополнительных вакансий 10 выделялись для чехословаков и 2 для румын⁵⁴.

Среди обучавшихся были офицеры-югославы: 1-го Югославянского полка прапорщик К. Бремец и офицеры-аспиранты того же полка Д. Бркич, М. Май, К. Пильны (инженер); польские офицеры: капитан Э. Вернер (1889-?), подпоручик Л. Жильский, хорунжий М. Карчевский (отчислен), капитан В. Котвич-Добржанский,

майор Ю.И. Куликовский (1893-?), поручик В. Лозинский, капитан (затем – майор) И. Мосщицкий (отчислен), 1-го Польского стрелкового полка поручик Т.Ф. Новинский (1895-?) (отчислен), поручик В. Чума (1893-?); чехословацкие офицеры: старший офицер 1-го Чехословацкого полка поручик Ф. Грабчик, капитан Камм, капитан 2-го Чехословацкого стрелкового полка Б. Каня (отчислен), капитан Кашпарек, капитан 3-го Чехословацкого стрелкового полка Клуст, начальник оперативного отделения штаба Чехословацкого корпуса майор Г. Косина, 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии майор О.Я. Моравец, адъютант корпусного инженера Чехословацких войск капитан М. Новак (отчислен), в.р.и.д. начальника мобилизационного отделения штаба Сибирской армии капитан Шоурек (Шоурэк).

Всего выпущены были 154 (по другим данным, 152) офицера (в том числе 17 иностранцев – 7 чехословацких, 6 польских и 4 югославянских офицера)⁵⁵, получившие распределение в штабы колчаковских вооруженных сил (распределены после выпуска оказались почему-то только 152)⁵⁶. Иностранцев выпускников распределили по их частям. Отчислены были 22 слушателя, в том числе ряд иностранцев.

Возобновление учебного процесса в академии намечалось на январь 1920 г. 12 октября 1919 г. был издан приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1261 о приеме в академию на военно-академические курсы для подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генерального штаба в полевых штабах действующих армий к 1 января 1920 г. до 100 офицеров из белых армий Юга России, а также по 25 с фронтов генералов Е.К. Миллера (Север) и Н.Н. Юденича (Северо-Запад). Также выделялись квоты на прием не более 6 офицеров-чехов, 3 поляков и 2 румын⁵⁷. Предполагалось открытие и старшего класса⁵⁸. Но эти планы в связи с крушением колчаковского фронта остались не реализованными.

Конец Гражданской войны обозначил для офицеров иностранного происхождения и проблему плена. Пленные белогвардейцы иностранного происхождения имели возможность избежать преследований и уехать на родину. В частности, красными в январе 1920 г. на станции Тайга был взят в плен слушатель ускоренных курсов академии в Томске поручик 1-го Югославянского полка М. Май, служивший у белых в штабе Сибирской армии. Офицер болел тифом. Выдержав непродолжительное тюремное заключение и лишившись всех документов, он в 1921 г. уехал на родину⁵⁹.

* * *

Западные и южные славяне – генштабисты (поляки, чехи, сербы, черногорцы, болгары), служившие в России в 1914–1922 гг., были сравнительно немногочисленной группой офицерского корпуса. Шире остальных были представлены поляки (несмотря на ограничения при приеме в академию) и болгары. Многие дослужились до генеральских чинов и высоких должностей, были отмечены высшими наградами Российской империи. Чехи появились в академии только в годы Гражданской войны.

Революция и Гражданская война не обошли стороной этих офицеров, оказавшихся по разные стороны баррикад. В целом, эта группа офицеров разделила трагедию российской Гражданской войны и русского офицерства. Некогда популярные идеалы славянской взаимности имели мало общего с реалиями жизни на изломе истории. Неудивительно, что среди генштабистов из числа западных и южных славян нашлись как русофилы, так и русофобы.

Как и русское офицерство, пусть и со своими особенностями, западные и южные славяне прошли через раскол на непримиримых противников, прежде всего, красных и белых, метания между противоборствующими сторонами, террор и эмиграцию, становившуюся, как правило, возвращением на родину и новым, по-своему интересным жизненным этапом. Большинство генштабистов из числа западных и южных славян закономерно оказались в белых и национальных армиях. Дальнейшее углубленное изучение этих сюжетов позволит реконструировать более полную и многообразную картину службы западных и южных славян в России в драматическую эпоху войн и революций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, Р.Д. Радко-Дмитриев и А.Ф. Бендерев, участвовавшие в аресте князя Александра Баттенберга, бежали в прямом смысле этого слова, переправившись на лодке через Дунай (*Димов А. Злодеяния Кобургов в Болгарии. София, 2013. С. 20*).

² Известия Императорской Николаевской военной академии (Санкт-Петербург). 1913. № 37. Январь. С. 134–146; *Танчев И. Българи в чуждестранни военноучебни заведения (1878–1912). София, 2008.*

³ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 7. Л. 22об.

⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1280. Л. 14–17об.

⁵ *Поливанов АА. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. Т. 1. М., 1924. С. 113.*

⁶ Пехливанов отличился в октябре 1914 г. в период тяжелейших боев Варшавско-Ивангородской операции, за что впоследствии был награжден Георгиевским оружием (РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–4об.).

⁷ 30 января 1917 г. Пехливанов был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за подготовку и участие в Брусиловском прорыве (РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.). 16 августа 1917 г. награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й ст. с серебряной лавровой ветвью для офицеров (Там же. Л. 4об.–5об.).

⁸ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3Л. 11.

⁹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова //Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 255–336; *Он же.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

¹⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353Л. 9об.

¹¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 13.

¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 104.

¹³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 133. Л. 27.

¹⁴ Известия Императорской Николаевской военной академии (Санкт-Петербург). 1913. № 37. Январь. С. 146.

¹⁵ *Лемке МК.* 250 дней в царской ставке 1914–1915. Минск, 2003. С. 200.

¹⁶ *Ростковский Ф.Я.* Дневник для записывания... (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001. С. 355–356.

¹⁷ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый Цейхгауз. 2012. № 5 (49). С. 92–95.

¹⁸ *Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сб. док. М., 2014. С. 153.

¹⁹ Там же. С. 181–182.

²⁰ Подробнее о нем см.: *Снесарев А.Е.* Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012; *Он же.* Дневник 1916–1917. М., 2014.

²¹ Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1. Folder19.

²² Подробнее см.: *Васильев А.* Владислав Андерс – герой Российской императорской армии // Старый Цейхгауз (Москва). 2010. № 1 (33). С. 77–80.

²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1269. Л. 176.

²⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург). Ф. 52. Оп. 110/9. Д. 10. Л. 2об.

²⁵ *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 490, 742.

²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.

²⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 120.

²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1360. Л. 131.

²⁹ Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 254–255.

³⁰ Там же. Л. 256, 257; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 129. Старженский в итоге на курсы так и не попал.

³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 131. *Ганин А.В.* Последний генштабист. К 90-летию советско-польской войны // Родина. 2010. № 8. С. 82–86; *Он же.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 460–474.

³² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1107. Л. 324.

³³ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 468.

³⁴ Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 1160б.

³⁵ *Bagiński H.* Wojsko polskie na Wschodzie. 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 431, 543; *Radziwillowicz D.* Walki 5. dywizji strzelców polskich z partyzantką bolszewicką w obronie syberyjskiej magistrali kolejowej w 1919 roku // *Zeszyty Naukowe Akademii obrony narodowej.* Warszawa, 2007. № 3 (68). S. 299.

³⁶ *Bagiński H.* Wojsko polskie. S. 567.

³⁷ *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997. S. 29.

³⁸ *Kmieciak T.* Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939. Słupsk, 2005. S. 108; *Misiuk A.* Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1994. S. 64. Всего Воликовским было завербовано более двух десятков агентов, в том числе среди слушателей Военной академии РККА (агент «Академик»), в Штабе РККА и в штабе Приволжского военного округа (*Peplowski A.* Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 2010. S. 112–113).

³⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 471.

⁴⁰ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 11.

⁴² *Ганин А.В.* Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // *Славянский альманах* 2012. М., 2013. С. 450–467.

⁴³ В 1916 г. в типографии Николаевской академии Румша опубликовал 107-страничную автобиографическую работу под названием «Пребывание в германском плену и геройский побег из плена».

⁴⁴ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Box 1. Folder 28. Л. 7.

⁴⁵ Личное дело: Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory. Koll. gen. 517. K. Rumsza. Л. 54.

⁴⁶ Там же. Л. 70.

⁴⁷ Сахаров КВ. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 183.

⁴⁸ *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921). Przygody i wrazenia. Warszawa, 2007. S. 135.

⁴⁹ Приказ войскам Восточного фронта № 1493 от 19 ноября 1919 г. (объявлен в приказе войскам Читинского военного округа № 53 от 26 ноября 1919 г.).

⁵⁰ *Odziemkowski J.* Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004. S. 361.

⁵¹ *Kryska-Karski T., Żurkowski S.* Generałowie Polski niepodległej. Warszawa, 1991. S. 158.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 67. Л. 15, 58.

⁵³ *Ганин АВ.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

⁵⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–1об.

⁵⁵ К. Бремец, Д. Бркич, Э. Вернер, Ф. Грабчик, Л. Жильский, Камм, Ф. Кашпарек, Клуст, Г. Косина, В. Котвич-Добржанский, Ю.И. Куликовский, В. Лозинский, М. Май, О.Я. Моравец, К. Пильны, В. Чума, Шоурек.

⁵⁶ Список слушателей см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 576–582.

⁵⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 46. Л. 83.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1656. Л. 3.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 153.

Д. Денда (Белград)

Сербский офицерский корпус в Первой мировой войне

Качественное состояние любой армии всегда определялось уровнем и подготовкой ее командного состава, ибо «даже самые лучшие солдаты под командованием малоспособных офицеров могут превратиться в небоеспособную часть, в то время как весьма средние нижние чины под руководством талантливых офицеров могут стать превосходным подразделением»¹. В период 1880–1914 гг. благодаря введению современной системы военного обучения, образования и усовершенствования², а также жестким критериям отбора, сербская армия смогла вырастить способные офицерские кадры, отлично проявившие себя на полях сражений Балканских и Первой мировой войн (1912–1918). Сербские офицеры воспитывались на идеалах патриотизма, высокой морали, воинской чести, героизма, дисциплины, корпоративной лояльности, уважения и чувства собственного достоинства; на осознании необходимости постоянного профессионального, физического и интеллектуального совершенствования. Военное призвание было одной из редких сфер, которая открывала избравшему его человеку возможность карьерного роста вплоть до высших позиций в государстве и обществе, причем опираясь не на происхождение, но на личные способности. И потому столь трудно было поступить в Военную академию, еще сложнее – вступить в состав офицерского корпуса, и почти совсем невозможным считалось «пробиться» в ряды офицеров Генерального штаба³.

Формирование офицерского корпуса осуществлялось в сербской армии несколькими путями. Его пополняли кандидаты, вышедшие непосредственно из войск; а также после окончания унтер-офицерской школы; по завершении младших классов Военной академии; окончившие их и отправленные в качестве государственных стипендиатов за границу; завершившие как младшие, так и старшие классы Военной академии; они же, но посланные затем на стажировку за границу; и, наконец, перешедшие в сербскую

армию из иностранных (австро-венгерской, немецкой, русской); как и те, кто после окончания сербских гражданских учебных заведений поступал в зарубежные военные училища и после их завершения вступал в армию, получив офицерский чин⁴.

Таким образом, накануне войн, опираясь на систему позитивной селекции, Сербия располагала исключительно способными командными кадрами. Страна вступила в Первую мировую войну, имея 4739 кадровых и призванных из резерва офицеров, среди которых было 870 старших и 3869 младших⁵.

Из 3020 кадровых офицеров⁶ – участников Мировой войны, большинство (1697) обучалось в сербской Военной академии⁷, тогда как меньшее их число получило образование в военных училищах и академиях за границей (в основном в России и Австро-Венгрии), а некоторое количество было произведено непосредственно в войсках, из лучших унтер-офицеров после сдачи ими обязательного офицерского экзамена⁸. Накануне Балканских войн, а точнее на 1 (14) июня 1912 г., из 1986 офицеров Сербского королевства 1335 имели военное образование (из них 1240 человек окончили Военную академию), а 651 офицер происходил из числа бывших унтер-офицеров, сдавших экзамен на чин подпоручика; при этом непосредственно из войск было произведено 347 человек, а по завершении унтер-офицерской школы – 304⁹.

Большинство офицеров всех родов сербской армии обучалось в низших и высших классах Военной академии, в Пехотной и Артиллерийской школах (в них повышали квалификацию пехотные и артиллерийские офицеры и нижние чины), а также в военных учебных заведениях того же профиля за границей.

В низших классах Военной академии, преобразованной в 1880 г. из старой Артиллерийской школы, обучение сначала длилось три года; во время военных реформ Милана Обреновича (1897–1900)¹⁰, ввиду настоящей потребности в младших командирах, – два (30-й, 31-й и 32-й выпуски низших классов Военной академии); а перед войнами – четыре года. Они выпускали младших офицеров, подготовленных к занятию низших командных должностей во всех родах войск. Их дальнейший профессиональный рост проходил уже непосредственно в воинских частях. Однако в зимний период, когда обучение новобранцев не производилось, в пехотных, артиллерийских и инженерных подразделениях организовывались т.н. *Зимние офицерские школы*, имевшие целью подъем уровня профессиональных знаний офицера. Наряду с этим и само обучение призывников основывалось на

принципах современной войны и преобладании практических занятий и упражнений. Для отработки боевого взаимодействия частей и лучшей координации действий различных родов войск во всех гарнизонах проводились военные тренировки, а также маневры больших или меньших масштабов¹¹. Цель маневров была двойной – отработать совместные действия и взаимопомощь частей и подразделений, а также обучить командные кадры руководству войсками в боевых условиях¹².

Высшие классы Военной академии давали офицерам высшее военное образование и готовили их к занятию высоких командных должностей. К обучению в них допускались способные молодые офицеры, выдержавшие конкурс и сдавшие приемный экзамен. Обучение длилось два года¹³.

Что касается преподавания в военных учебных заведениях в целом, то в Сербии применялся так называемый «программный метод» решения задач как на карте, так и в полевых условиях (во время командно-штабных игр, учений и маневров), т.е. *без заранее определенного результата*¹⁴. Этот метод в высших классах Военной академии ввел подполковник Новак Бранкович, преподававший там в 1901–1906 гг. курс тактики. Его суть он разъяснил в своем самом значительном научном труде «Решение тактических задач» (1906)¹⁵, после чего «программный метод» стал своего рода стандартом, который был использован и преемниками Бранковича на кафедре тактики – полковником Миланом Миловановичем и другими¹⁶. Из 425 сербских офицеров, завершивших высшие классы Военной академии, 275 человек (10–20 выпуск) изучали тактику у Новака Бранковича и его последователей¹⁷. И именно они, чаще всего в должностях батальонных и полковых командиров (в званиях от капитана до подполковника), массово проявляя инициативу в тактическом звене развития действий на фронте, стали, по оценкам иностранных военных наблюдателей, главными организаторами славных сербских побед в Балканских войнах и в 1914 г.

Каждый год из завершивших образование слушателей высших классов Военной академии известное число офицеров отбиралось и прикомандировывалось к Главному Генеральному штабу для двухлетней стажировки. Эти офицеры, готовившиеся к штабной службе и занятию самых высоких военных постов, представляли собой элиту сербского офицерского корпуса. О том, насколько система отбора офицеров Генерального штаба была строга и беспристрастна, свидетельствует хотя бы следующий факт. В 1880–1911 гг. курс двухлетней подготовки при Генштабе

прошло 164 кандидата, из которых итоговый экзамен успешно сдали всего 55 человек (или 33,5%)¹⁸. Высокое качество такой подготовки, как и системы сербского военного образования в целом, нагляднее всего иллюстрирует вердикт майора Генерального штаба Любомира Марича, который в январе-сентябре 1912 г. находился на стажировке в штабе 103-го полка, 2-й дивизии, VI-го корпуса французской армии (в Орлеане)¹⁹. Так вот, после пребывания во Франции он в своем рапорте заключил: «С точки зрения практической и теоретической подготовки средний уровень французских офицеров значительно ниже, чем сербских...»²⁰. Вместе с тем, хотя офицеры-генштабисты и считались элитой сербской армии, генерал и будущий воевода²¹, Радомир Путник (стоявший с 1903 г. во главе Генерального штаба) сумел наладить четкую координацию действий его представителей и армейских офицеров в полевых условиях, определив круг обязанностей штабных офицеров и придав им значение компетентного вспомогательного органа при областных воинских начальниках и командирах оперативных частей. Благодаря этому, резюмирует М. Раденкович, во время Балканских и Первой мировой войн в действиях высших должностных лиц сербской армии и их начальников штабов наличествовала полная гармония, что стало одним из важнейших условий успешного проведения боевых операций²².

Наряду с этим Главный Генеральный штаб и командование дивизионных областей каждый год проводили штабные учения на картах или в поле, которые дополняли и так весьма обширную программу усовершенствования командирских кадров.

Для практической подготовки офицеров были организованы стрелковые курсы: Пехотные – с полигоном у села Рипань (к югу от Белграда), и Артиллерийские – с полигоном у села Команич (на северо-запад от города Лесковац, что в Южной Сербии). Эти курсы, через которые в 1909–1911 гг. прошли все сербские офицеры независимо от рода войск, сыграли позитивную роль в подготовке комсостава к обучению своих подчиненных практическому использованию пулеметов и скорострельных пушек, как только они поступили на вооружение сербской армии²³.

Меньшее число офицеров выходило непосредственно из войсковых частей, из лучших унтер-офицеров, сдававших весьма строгий экзамен. На их отбор обращалось самое пристальное внимание, а потому и они, хотя и обладая меньшими знаниями, чем выпускники Военной академии, вполне соответствовали необходимому уровню руководства низшими воинскими единицами

(взвод, рота)²⁴, а некоторые из них непрерывным упорным трудом смогли достичь самых высоких чинов и положений (например, генерал Илия Гойкович, полковники Милован Плазина и Милутин Стефанович)²⁵. В процентном отношении таких офицеров насчитывалось в 1907 г. 23,2% от общего состава сербского офицерского корпуса, или 469 человек из 2021²⁶. Немалое число сербских унтер-офицеров перед тем, как надеть офицерские погоны, завершило двухлетние средние унтер-офицерские школы²⁷, которые были такого уровня, что, по словам австро-венгерского военного атташе в Белграде майора Отто Гелинека, по степени образования, поведению и манерам кадровые унтер-офицеры сербской армии гораздо менее отличались от офицеров, чем от солдат²⁸.

Для производства в следующий чин офицер был обязан соблюсти общие и специальные условия. Под общими условиями подразумевались: твердость характера, образцовое несение службы, высокий уровень профессиональной подготовки, безукоризненное поведение. А под специальными – обязательная служба в течение определенного срока в каждом звании и сдача экзамена на чины подпоручика (это если речь идет об унтер-офицерах, ибо слушатели Военной академии сдавали выпускной экзамен в своем учебном заведении), капитана и майора²⁹.

Многие сербские офицеры обучались и стажировались за границей. Так, например, в 1900–1912 гг. во Франции обучалось 13 сербских курсантов и 70 офицеров находилось на стажировке сроком от шести месяцев до года; в России обучалось 8 и стажировалось 69; в Германии соответственно 9 и 38; а в Австро-Венгрии 60 и 32. В других странах обучение проходило 16 человек и 26 находилось на стажировке. Сербские курсанты за границей в основном получали медицинские, военно-юридические, артиллерийско-технические и инженерно-технические знания, в то время как офицеры стажировались в регулярных частях или посещали военные училища (ранга высших курсов белградской Военной академии)³⁰. Всего же в 11 иностранных государствах, в их 62 училищах или академиях (из них 16 факультетов являлись гражданскими), получило образование около 160 кадровых сербских офицеров. Больше всего за границей обучалось представителей определенных и относительно узких военных специальностей и служб – 67 из общего числа 94, процент же офицеров Генерального штаба и всех остальных родов войск был крайне мал (5%)³¹. В России в 28-ми училищах и академиях обучалось 79 человек, из которых 36 – в юнкерских училищах, во Франции в 9-ти учили-

цах и академиях – 11, в Бельгии в двух училищах – два офицера, в Австро-Венгрии в 6-ти училищах и на 4-х Медицинских факультетах – 46, в Германии в 7-ми училищах и академиях – 10, в Великобритании единственный сербский офицер учился в военной академии, в Италии в трех училищах их было четверо, в Турции в двух училищах – двое, в Швейцарии курс в училище также проходил всего один офицер. Офицеры военно-медицинской службы получали высшее образование на Медицинских факультетах в Вене (27), Граце (11), Берлине (3), Константинополе (2), Праге (2) и по одному – в Москве, Петербурге и Кракове. Все офицеры-юристы закончили Юридический факультет в Белграде, но трое, помимо того, продолжили обучение в Париже, Мюнхене и Берлине. Если к этому добавить и почти 120 офицеров, которые (каждый в среднем по 10 месяцев) повышали квалификацию в элитных подразделениях иностранных армий, и 170 – посланных за границу (в среднем на 11 месяцев) для изучения языков непосредственно в войсках, то оказывается, что около 450 кадровых сербских офицеров прошло в довоенные годы профессиональную подготовку за рубежом³². Что касается России, то большое значение для сербской армии имели офицеры, которые направлялись в Николаевскую академию Генерального штаба, Михайловскую артиллерийскую, Николаевскую военно-инженерную, Интендантскую и Военно-юридическую академии. Среди них были и несколько будущих сербских и югославских генералов, в частности, Петар Мишич, Драгутин Милутинович, Стеван Хаджич, Бранко Йованович, Стеван Бошкович и т.д.³³

Наряду с определенными (и вполне объективными) иностранными влияниями на сербский генеральский корпус, его представители в основе своей оставались приверженцами прусской военной мысли³⁴. Сам генерал Р. Путник, назначенный после Майского переворота 1903 г.³⁵ на должность начальника Главного Генерального штаба и более всех повлиявший на развитие сербской военной организации в 1903–1912 гг., из иностранных языков хорошо знал только немецкий (выучив его самостоятельно) и в своей деятельности по подготовке армии к войне активно использовал богатую и содержательную германскую военную литературу³⁶. Под влиянием немецкой мысли в сербской теории военного искусства преобладало прогрессивное мнение о тесной внутренней взаимосвязанности государства, т.е. политики и войны³⁷. Констатировалось, что изменчивые политические цели и обстоятельства могут приводить к модификации военной стратегии, но при этом

командир всегда должен быть свободен в реальном управлении военными операциями. Большое внимание уделялось также развитию критического мышления у представителей офицерского корпуса³⁸. Сербь разделяли и мнение Г. фон Мольтке о том, что догматическое стремление выполнить план операции любой ценой – это смертный грех, всячески поддерживая проявление инициативы на всех уровнях командования – сверху донизу. В основе такого подхода лежал тезис: «Приказ должен содержать только то, что командир сам сделать не в состоянии». Тем самым высшее командование демонстрировало свое нежелание подавлять самоинициативный дух армии, ограничивать самостоятельность действий или реакции нижестоящих должностных лиц³⁹. Доминирование прусской военной мысли в Сербии более всего подтверждает содержание «Устава полевой службы» 1911 г., с которым страна вступила в Балканские и Мировую войны. Многие важные положения данного «Устава» были сформулированы под влиянием немецкой школы, что вполне объяснимо, ибо Германия как победитель в войне 1870–1871 гг. считалась тогда самым серьезным военным авторитетом в Европе. В сербском «Уставе полевой службы» 1911 г. от германских «аналогов» отличались лишь положения о командовании, штабах и отправлении офицерами должности, о получении данных о противнике, разведотрядах и организации деятельности четников; все же остальные пункты с ними практически совпадали⁴⁰. Основные принципы сербской воинской службы состояли в следующем: целью всякого боя является уничтожение неприятеля; военные действия всегда следует соотносить с реальной ситуацией; принимаемые решения должны быть как можно более простыми и понятными; инициатива нижних чинов должна всячески поощряться; надлежит постоянно стремиться к достижению огневого перевеса над врагом⁴¹.

Сильное влияние немецкой военной мысли на сербский офицерский корпус косвенно подтверждает и британский военный атташе полковник Томпсон, прикомандированный в 1912–1913 гг. к Верховному командованию сербской армии. По его словам, в штабе Первой армии офицеры «рассматривали войну не как драму, а как науку, вечно ища аналогии между их собственной ситуацией в каждый конкретный момент и некоей приблизительно похожей ситуацией в карьере их любимого стратега (обычно фон Мольтке)»⁴².

Одной из специфических черт сербского офицерского корпуса являлось то, что, хотя в абсолютных цифрах он и был более малочисленным, но, благодаря военным реформам Милана Об-

реновича 1897–1900 гг., в результате которых численность кадровой армии увеличилась на 50%, в мирное время сербские офицеры были представлены в войсках в большей пропорции (8%), чем в болгарской (4,7%) или румынской армиях (6%)⁴³. С увеличением численности кадровой армии росло и общее число офицеров, что сопровождалось повышением их жалования, благодаря чему офицерская служба стала самой высокооплачиваемой в Сербии⁴⁴. При этом власти исходили из того, что, дабы «офицерский корпус мог действительно достойно отвечать своему призванию быть носителем духа нашей армии и надеждой всего сербства, он должен занимать соответствующее место в обществе и государстве»⁴⁵. Однако по причине бедности последние сербские офицеры в своих доходах все же сильно отставали от коллег даже из соседних стран. Так, например, болгарский подпоручик получал в год жалования на 100 динаров больше, чем сербский капитан II класса⁴⁶, а румынский опережал на 600 динаров уже капитана I класса⁴⁷. Болгарский капитан имел тот же оклад, что и сербский майор, а румынский превосходил по доходам сербского подполковника⁴⁸. Военный опыт 1912–1918 гг. между тем показывает, что качество командных кадров трех соседних государств оказалось в обратной зависимости от величины офицерских окладов. О том, что государство тщательно заботилось, чтобы офицерский корпус действительно стал средоточием сербской образованной элиты, свидетельствует и социальное происхождение офицеров. Согласно исследованиям Миле Белайца, большинство сербских офицеров с высшим образованием (завершивших Военную академию или факультеты в гражданских вузах), которые, как мы уже отмечали, составляли около 3/4 командного состава мирного времени, происходило в основном из крайне малочисленного среднего класса (75%). Следует также напомнить, что, кроме образовательного уровня, кадровое сербское офицерство и по своему общественному положению должно было относиться к элите. Такой порядок утверждался в соответствующих законах и постановлениях. Это положение обеспечивалось браками офицеров с девицами прежде всего из обеспеченных буржуазных семей. В государстве, где крестьянство составляло 85% всего населения, почти все офицерские жены (99,8%) происходили из буржуазной среды⁴⁹.

Численность кадровых офицеров увеличилась непосредственно перед Первой мировой войной, что было связано прежде всего с массовым производством унтер-офицеров во время Балканских войн и Албанского восстания 1913 г., а также притоком в армию

выпускников или же досрочно произведенных в офицеры питомцев низших классов Военной академии. По данным Велимира Иветича, на 10 (23) мая 1914 г. Сербия располагала 2787 кадровыми офицерами, что было на 800 человек больше, чем перед Балканскими войнами. Офицеров, закончивших Военную академию, насчитывалось примерно столько же, сколько и в 1912 г. Наибольшее число новых подпоручиков (около 700) происходило из унтер-офицерского состава (бывших наредников⁵⁰, освобожденных от сдачи части экзамена при производстве в подпоручики или произведенных вне установленного порядка, за боевые отличия). К тому же из резерва было призвано 60 офицеров, в основном также подпоручиков. Поэтому самая неблагоприятная структура по «происхождению» наблюдалась как раз в их среде: из 794 человек на 10 (23) мая Военную академию завершили всего 27, или около 3%⁵¹. Состояние дел в известной мере улучшилось благодаря досрочному производству 288 питомцев низших классов Военной академии в августе, сентябре и ноябре 1914 г. (44-й выпуск – 1911–1914 гг., 45-й – 1912–1914, 46-й – 1913–1914)⁵².

Во время войны 1914–1918 гг. в сербской армии служило в общей сложности 3712 кадровых офицеров. Из них – 43 офицера Генерального штаба, 2361 пехотных, 268 кавалерийских, 689 артиллерийских, 126 инженерных, 11 артиллерийско-технических, 6 инженерно-технических, 100 военных медиков, 27 военных юристов и 66 офицеров военной жандармерии. Во главе офицерского корпуса в конце 1914 г. состояло трое воевод и 12 кадровых генералов.

До конца войны число генералов увеличилось до 15, а генерал Петар Бойович был произведен в чин воеводы; таким образом, генералитет сербской армии в годы Великой войны, включая четырех генералов, находившихся в резерве, насчитывал 23 человека. Большинство сербских генералов завершило военные учебные заведения в Сербии (Артиллерийская школа, низшие и высшие классы Военной академии), в то время как из тех, кто стажировался за границей, основная часть пребывала в России. Но несмотря на это, сербские генералы являлись носителями и проводниками прусской военной мысли, поскольку военная организация Сербии развивалась по германско-прусской модели⁵³.

Наряду с воеводами и генералами, сербская армия включала в себя 141 полковника, 221 подполковника, 588 майоров, 698 капитанов I класса, 259 капитанов II класса, 788 поручиков, 997 подпоручиков и 5 прапорщиков⁵⁴.

Значительную роль в военной системе Сербии играли резервные офицеры. Согласно закону об устройстве вооруженных сил 1883 г., категория резервных офицеров формировалась из студентов средних и высших учебных заведений. В средних школах преподавались военная гимнастика и курс практических занятий с элементами воинской службы, а в высших – первичные основы военной науки. Законом 1886 г. предусматривалось, что юноши, закончившие низшую гимназию или реальное училище, должны пройти и курс обучения призывников⁵⁵, а завершившие высшую гимназию, высшее реальное училище, духовную семинарию или педагогическую школу – пройти и программу унтер-офицерской школы для производства в резервные пехотные поднарядники⁵⁶. Студенты Великой школы⁵⁷, согласно тому же закону, должны были изучать теоретически и упражняться в том, что было необходимо знать низшему командному составу. Наряду с преподаванием военной теории, студенты высших учебных заведений каждый год во время каникул посылались в кадровые части для тренировок и приобретения практических навыков. Таким образом, почти вся сербская интеллигенция была неплохо подготовлена в военном плане и вполне способна в военное время занять низшие офицерские должности. Поначалу резервные офицеры могли «расти» в званиях лишь до капитана I класса включительно. Однако изменения, внесенные в закон 1886 г., снимали это ограничение. При производстве в чины подпоручика и капитана они должны были сдавать экзамен по программе, идентичной той, что применялась в случае с кадровыми офицерами, а с 1886 г. – по специальной, составленной исключительно для них программе, включая и обязательную с этого времени сдачу майорского экзамена. И все же, чтобы стать резервным подпоручиком, кандидат, кроме сданного экзамена, должен был «отслужить в армии полный или сокращенный срок срочной службы, а затем, для производства непосредственно в чин, в течение двух лет служить по два месяца во время практических занятий. А также – быть хорошего поведения, иметь соответствующую профессию и отличаться ревностью к службе». Новым законом ученикам низших и высших гимназий была предоставлена возможность служить сокращенный срок срочной службы, при условии сдачи ими экзамена на чин резервного поднарядника; то же самое допускалось и студентам Великой школы, сдавшим экзамен на чин резервного пехотного подпоручика⁵⁸. Такая система комплектования командного состава позволяет констатировать, что, благодаря в первую очередь резерву, в офицерский корпус

Сербии входила практически вся мужская часть ее интеллектуальной элиты. В резерве состояли и вышедшие на пенсию офицеры, как и недавние кадровые, которые по разным причинам оставили службу. Воинский опыт, приобретенный сербскими резервными офицерами во время Балканских войн, способствовал тому, что они выросли в отличных командиров низших тактических подразделений (взводов и рот), с которыми по степени профессионализма не могли сравниться их коллеги из австро-венгерской армии. В 1914–1918 гг. в сербской армии служило 6725 резервных офицеров. В их число входили 4 генерала, 46 полковников, 31 подполковник, 250 майоров, 867 капитанов I класса, 1086 капитанов II класса, 1236 поручиков и 3205 подпоручиков. Не считая генералов, резервный офицерский корпус Сербии состоял из 3 офицеров Генерального штаба, 5292 пехотных, 350 кавалерийских, 486 артиллерийских, 251 инженерного, 6 артиллерийско-технических офицеров, 274 офицеров-медиков, 54 военных юристов и 5 резервных офицеров военной жандармерии⁵⁹.

Часть сербских резервных офицеров составляли добровольцы, а также военнопленные австро-венгерской армии – сербы, хорваты, словенцы; и, помимо них, чехи, словаки, русские, как и представители иных славянских народов. Большинство офицеров-добровольцев несербской национальности вступило в ряды сербской армии в составе Сербского добровольческого корпуса, сформированного в России⁶⁰. Согласно результатам исследования Николы Б. Поповича, на 30 мая 1917 г. в Сербском добровольческом корпусе из 779 офицеров было 411 сербов, 98 хорватов, 39 словенцев, 98 чехов, 125 русских и 8 представителей иных национальностей. До 1 августа 1917 г. в состав корпуса вошли еще 23 офицера-серба, 54 хорвата, 23 словенца и 12 представителей иных национальностей⁶¹.

Первым русским офицером, принятым в сербскую армию в звании резервного инженерного капитана II класса со старшинством с 26 октября (9 ноября) 1915 г., был Виктор Павлов, уволенный в отставку 15/28 октября 1918 г.⁶². После Октябрьской революции в состав офицерского корпуса сербской армии вступил еще целый ряд бывших российских подданных. Первыми русскими, принятыми в тот период в сербскую армию в звании резервных офицеров, были артиллерийский капитан II класса Глеб Сахаров, артиллерийский поручик Михаил Кудинов, пехотные поручики Эрик Бергбом, Сергей Уравчев, Дмитрий Оношко, Александр Ульский и пехотный подпоручик Исидор Какиашвили (по-

гиб 13 (26) июля 1918 г.), со старшинством с 8 (21) января 1918 г., а затем артиллерийский капитан II класса Николай Младов и инженерный подпоручик Владимир Стаценко – оба со старшинством с 4 (17) февраля 1918 г. Речь идет о двух группах русских военных летчиков, завершивших обучение во Франции и вступивших добровольцами в сербскую армию⁶³. После Брестского мира в сербскую армию были зачислены Николай Ухтомский – в звании резервного пехотного майора (со старшинством с 26 апреля (9 мая) 1918 г.) и бывший временный поверенный России в Сербии Василий Штрандтман – в звании резервного кавалерийского капитана I класса. Последними русскими офицерами, принятыми в сербскую армию до ее преобразования в армию Королевства сербов, хорватов и словенцев, были резервный кавалерийский поручик Алексей Шкудрин и резервный инженерный поручик Александр Кочегура (оба со старшинством с 1 (14) июня 1918 г.)⁶⁴.

Одной из негативных особенностей сербского офицерского корпуса было наличие внутри него тайных офицерских организаций. Самой известной из них являлась революционная организация «Объединение или смерть» (или «Черная рука»). По оценке академика Милорада Экмечича, речь идет об одном из многочисленных заговорщических объединений, основанных на базе масонских лож и существовавших в то время и в других европейских странах⁶⁵. В противовес ему вокруг регента Александра Карагеоргиевича оформилась группа офицеров, которая позднее войдет в историю как «Белая рука»; враждебную «Черной руке» позицию занимала и Народная радикальная партия во главе с Николой Пашичем. Большая часть сербского офицерского корпуса не принадлежало ни к одной из организаций, однако симпатии немалого числа офицеров были на стороне «Черной руки», члены которой показали себя в военное время в основном как достойные командиры. Противостояние этих организаций достигло своего пика на так называемом Салоникском процессе 1917 г., когда на основании ложных обвинений на смертную казнь было осуждено несколько видных членов «Черной руки», включая ее лидера, полковника Генерального штаба Драгутина Димитриевиича-Аписа. Десятки рядовых членов были отправлены в отставку или на пенсию⁶⁶.

Говоря о потерях в среде сербского офицерского корпуса в период Великой войны, следует отметить, что исчерпывающие данные по данной теме все еще не систематизированы. Только за 1914 г. погибло 483 сербских офицера, было ранено 1340 и контужено 26 человека, а 261 – пропал без вести (в основном, оказал-

ся в плену)⁶⁷. Согласно исследованиям М. Белайца, если посчитать процент потерь офицеров, завершивших Военную академию в 1899–1914 гг., т.е. тех, кто вступил в Балканские и Мировую войны в чинах от подпоручика до майора, то он составит в среднем 38,1% (490 из 1286). Процент же потерь между отдельными выпусками Военной академии варьируется от 16,6 до 62%⁶⁸. О попавших в плен представителях сербского офицерского корпуса историки располагают более точными данными. Из источников государств Центрального блока следует, что во время Мировой войны в плену оказалось 1216 сербских офицеров, из которых 1031 человек находился в Австро-Венгрии⁶⁹, 181 – в Болгарии⁷⁰ и четверо в Германии⁷¹. Из этого количества до 1 февраля 1917 г. 709 человек были помещены в лагеря для военнопленных в Австро-Венгрии, 181 – Болгарии⁷², а из четверых пленных сербских офицеров в Германии до конца войны дожил лишь один⁷³.

Итак, как мы старались показать, сербский офицерский корпус во время Великой войны насчитывал, включая кадровых и резервных офицеров, свыше 10 000 человек. По прибытии на Салоникский фронт⁷⁴, в армии остался всего 3921 офицер (из них 3410 в строю)⁷⁵. Количество убитых, раненых и пропавших без вести кадровых и резервных офицеров могло составлять до 60% списочного состава, а их невозвратные потери оцениваются примерно в 50%, из чего большинство состояло из резервных офицеров без высшего военного образования, занимавших низшие командные должности.

Самое объективное мнение о *качественном* состоянии армии, более всего зависящее от уровня ее командного состава, мы слышим, как правило, из уст недавнего противника. Поэтому данную статью нам бы хотелось завершить суждением австрийского генерала Альфреда Крауса, который во время кампании 1914 г. командовал 29 пехотной дивизией, а позже – Комбинированным корпусом на Сербском фронте: «Следует сказать, что мы узнали сербов как очень достойного соперника. Я их считал и считаю сильнейшим нашим неприятелем. Довольствуясь весьма малым, сообразительные и хитрые, легко передвигаясь по своей земле и зная ее как пять пальцев, хорошо вооруженные и снабженные боеприпасами, руководимые прекрасными командными кадрами, воодушевленные ненавистью и исполненные героизма, они создавали для наших войск гораздо больше неприятностей, чем русские, румыны или итальянцы...»⁷⁶.

Перевод с сербского языка А.Л. Шемякина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бојовић П.* Официрски кор // Ратник. Београд, 1892. Бр. IV. С. 416.

² О системе образования и усовершенствования офицеров в сербской армии подробнее см.: *Ратковић-Костић С.* Европеизација српске војске 1878–1903. Београд, 2007. С. 308–330.

³ Там же. С. 393.

⁴ *Миловановић М.* Неколико мисли о тактичкој обуци официра (предавање одражено официрима београдског гарнизона) // Ратник. Београд, 1912. Бр. III. С. 34.

⁵ *Стефановић Д.* Губици савезника у светском рату 1914–1918. // Ратник. Београд, 1926. Бр. XI. С. 124–125.

⁶ Ратна ранг-листа активних официра и војних чиновника 1914–1915 (стање 15. августа 1915). Ниш, 1915... В это число включены только офицеры с производством до начала боевых действий.

⁷ Споменица седамдесетпетогодишњице Војне академије 1850–1925. Београд, 1925. С. 171–200; 269–353.

⁸ *Миловановић М.* Неколико мисли о тактичкој обуци официра (предавање одражено официрима београдског гарнизона)... С. 34.

⁹ *Иветић В.* Начелници генералштаба 1876–2000. Београд, 2000. С. 101–102.

¹⁰ О военных реформах Милана Обреновича подробнее см.: *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. I–II. Београд, 1929, 1931; *Он же.* Влада Милана Обреновића. Књ. II. Београд, 1934; *Томас Р. Ratovi i armije XIX veka.* Beograd, 1968; *Вуксановић-Анић Д.* Стварање модерне српске војске. Француски утицај на њено формирање. Београд, 1993; *Милићевић М.* Реформа војске Србије 1897–1900. Београд, 2002; *Милићевић М, Поповић Љ.* Генерали војске Књежевине и Краљевине Србије. Београд, 2003; *Ратковић-Костић С.* Европеизација српске војске 1878–1903.; *Денда Д.* Српска војска у предвечерје епохе ратова 1912–1920 // Први светски рат и балкански чвор (зборник радова). Београд, 2014. С. 423–436.

¹¹ В 1901 г. состоялись крупные маневры Дунайской и Дринской дивизий, в 1902 г. – Моравской и Тимокской дивизий, в 1905 г. – Тимокской и Шумадийской дивизий, в 1908 г. – Дринской и Дунайской дивизий. В 1904, 1905, 1906, 1909 и 1910 гг. проводились и локальные учения в масштабах дивизионных областей.

¹² Први Балкански рат 1912/1913 (операције српске војске). Књ. I. Београд, 1959. С. 233.

¹³ Там же. С. 231–232.

¹⁴ *Ратковић-Костић С.* Европеизација српске војске 1878–1903. С. 341.

¹⁵ *Комненовић И.* Новак Бранковић // Српски биографски речник. Т. I. Нови-Сад, 2004. С. 796–797.

¹⁶ *Миловановић М.* Неколико мисли о тактичкој обуци официра (предавање одражано официрима београдског гарнизона)... С. 29–43.

¹⁷ Споменица седмдесетпетогодишњице Војне академије 1850–1925. С. 353–363.

¹⁸ Војни архив Београда (далеко – ВИБ). Поп. 2. Кут. 2. Фасц. 3. Рег. бр. 43/1. Л. 67–74; Ратна ранг-листа активних официра и војних чиновника 1914–1915 (стање 15. августа 1915). С. 9–11; Ратна ранг-листа резервних официра 1917–1918 (стање 1. јуна 1918). Солун, 1918. С. 8; *Милићевић М., Поповић Љ.* Генерали војске Књежевине и Краљевине Србије. С. 57, 69, 108, 134, 155, 197, 222, 250.

¹⁹ О генерале Л. Мариче подробне см.: *Ђелажас М.* Generali i admirali Kraljevine Jugoslavije. 1918–1941. Beograd, 2004. S. 203.

²⁰ *Бојић Д.* Мемоари генерала и министра Љубомира Марића (1878–1960). Београд, 2012. С. 179.

²¹ Воевода – сербски еквивалент вишег воиног звања маршал /фельдмаршал (*прим. пер.*).

²² *Раденковић М.* Церска операција 1914. Београд, 1953. С. 44.

²³ Први Балкански рат 1912/1913 (операције српске војске). Књ. I. С. 232.

²⁴ *Стојићевић А.* Права оцена вредности српског официрског кора у нашим ратовима од 1912–1918 године // Ратник. Београд, 1934. Бр. I. С. 84.

²⁵ Први Балкански рат 1912/1913 (операције српске војске). Књ. I. С. 231–232.

²⁶ *Ђелажас М.* Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom. 1918–1991. Beograd, 1999. S. 21.

²⁷ Кроме унтер-официрских школ соотвествующих родов войск (пехотной в Белграде – с 1889 г., артиллерийской в Крагуеваце – с 1890 г., кавалерийской в Белграде – с 1899 г. и инженерной в Нише – с 1896 г.), унтер-офицеры отбирались и из выслуживших срок службы призывников, которые отправлялись на специальные курсы.

²⁸ *Денда Д.* Завршни извештаји аустро-угарског војног аташеа у Београду о српској војсци у Балканским радовима 1912–1913 // Балкански ратови: нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 140.

²⁹ Први Балкански рат 1912/1913 (операције српске војске). Књ. I. С. 210–211.

³⁰ *Ђелажас М.* Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom. 1918–1991. S. 22.

³¹ *Иветић В.* Начелници генералштаба 1876–2000. С. 101–102.

³² *Он же.* Политика у војној штампи Краљевине Србије од 1903. до 1918. године (магистерски рад у рукопису). Београд, 2001. С. 139, 215–217.

³³ Подробне о сербских официрах, получивших военное образование в России в 1892–1914 гг., см.: Професор Војне академије Мак-

симовић о војним везама Србије и Русије (1806–1917) // Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата – зборник докумената. Приред. А. Тимофејев и Д. Кремић. Београд, 2014. С. 69–71.

³⁴ *Милићевић М, Поповић Љ*. Генерали војске Књежевине и Краљевине Србије. С. 14.

³⁵ 29 мая 1903 г. группа офицеров-заговорщиков во главе с Драгутином Димитриевичем-Аписом физически ликвидировала короля Александра Обреновича и королеву Драгу. Династия Обреновичей, таким образом, пресеклась. На сербский престол были «возвращены» Карагеоргиевичи в лице престарелого короля Петра I (*прим. пер.*).

³⁶ Архив Српске академије наука и уметности. Бр. 11444. *Милутиновић Д*. Војвода Радомир Путник. Успомене на наше војводе (рад у рукопису). Београд, 1939. Ј. 4.

³⁷ *Ратковић-Костић С*. Европеизација српске војске 1878–1903. С. 332.

³⁸ *Миловановић М*. Неколико мисли о тактичкој обуци официра (предавање одражано официрима београдског гарнизона)... С. 42–43.

³⁹ *Mid E. Moltke i Šlifen* // Он же. *Tvorci savremene strategije*. Београд, 1952. С. 197.

⁴⁰ *Балтић Љ*. Турска ратна служба // Ратник. Београд, 1912. Бр. 2. С. 105.

⁴¹ Први Балкански рат 1912/1913 (операције српске војске). Књ. I. С. 227–228.

⁴² *Каширин В.В.* Высший и старший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 204.

⁴³ *Калафатовић Д*. Кратка студија овогодишњих војних буџета Србије, Бугарске и Румуније // Ратник. Београд, 1912. Бр. VIII. С. 69.

⁴⁴ *Јовановић С*. Влада Милана Обреновића. Књ. II. С. 363.

⁴⁵ *Бојовић П*. Официрски кор... С. 423.

⁴⁶ В руском чинопроизводстве – штабс-капитан (*прим. пер.*).

⁴⁷ В руском чинопроизводстве – капитан (*прим. пер.*).

⁴⁸ *Калафатовић Д*. Кратка студија овогодишњих војних буџета Србије, Бугарске и Румуније... С. 68–69.

⁴⁹ *Вјелажас М*. Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom. 1918–1991. С. 21–22.

⁵⁰ В руском чинопроизводстве – фельдфебелей (*прим. пер.*).

⁵¹ Исследование проведено по: Стручна ранг-листа официра и војних чиновника за 10/23. мај 1914. године.

⁵² Споменица седамдесетпетогодишњице Војне академије 1850–1925. С. 313–320.

⁵³ Подробнее об этом см.: *Милићевић М, Поповић Љ*. Генерали војске Књежевине и Краљевине Србије.

⁵⁴ Ратна ранг-листа активних официра и војних чиновника 1914–1915 (стање 15. августа 1915); Ратна ранг-листа активних официра и војних чиновника 1917–1918 (стање 1. јануара 1918.). Солун, 1918.

⁵⁵ По русској военной терминологији – курс молодого бойца (*прим. пер.*).

⁵⁶ В русском чинопроизводстве – младшие фельдфебеля (*прим. пер.*).

⁵⁷ Велика школа в Белграде – первый и единственный в Сербии ВУЗ. Основана в 1837 г. на базе Лицея в Крагуеваце; в 1905 г. преобразована в Белградский университет (*прим. пер.*).

⁵⁸ Предлози Народној скупштине, Пројекат закона о устројству војске. Чл. 70–72 // Додатак бр. 51 «Службеног војног листа» (далее – СВЛ) за 1882. С. 2, 12–13; Закон о устројству војске од 1/13. новембра 1886. године. Чл. 85–92 // СВЛ. 1886. Бр. 43, 44. С. 1037–1039.

⁵⁹ Ратна ранг-листа резервних официра 1917–1918 (стање 1. јуна 1918.). Солун, 1918.

⁶⁰ О добровољцах в сербској армији во време Первой мировой войны подробнее см.: Споменица Прве српске добровољачке дивизије 1916–1926. Београд, 1926; Југословенски добровољачки корпус у Русији 1914–1918. Београд, 1954; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Приред. Н.Б. Поповић. Београд, 1977; Југословенски добровољци 1914–1918 – Србија, Јужна Америка, Северна Америка, Аустралија, Француска, Италија, Солунски фронт. Приред. Н.Б. Поповић. Београд, 1980; Добровољци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца. Зборник радова. Београд, 1996; *Поповић Н.* Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005; *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадовић Г.* Армия без государства – от сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. М., 2014; *Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату (1914–1918). Београд, 2014; *Popović N.* Nastanak Srpskog dobrovoljačkog korpusa u Rusiji (1914–1916) // *Vojnoistorijski glasnik.* Београд, 1974. Вр. 2–3. С. 107–137.

⁶¹ Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. С. 381.

⁶² Ратна ранг-листа резервних официра 1917–1918 (стање 1. јуна 1918.). С. 336.

⁶³ Подробнее об этом см.: *Ђорђевић Љ.* Руски пилоти добровољци у српском војном ваздухопловству на Солунском фронту // Добровољци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца. Зборник радова. С. 269–271.

⁶⁴ Ратна ранг-листа резервних официра 1917–1918 (стање 1. јуна 1918.). С. 15, 116, 236, 259, 278, 302, 310, 343. О руских в југославској армији в 1918–1941 гг. см. подробнее: *Денда Д.* Русские беженцы в югославской армии в 1919–1941 гг. К вопросу о деятельности русской

эмиграции в Югославии // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. С. 175–195.

⁶⁵ *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1789-1918. Београд, 1989. Т. II. С. 623–628.

⁶⁶ Подробнее об этом см.: *Живановић Ж.* Пуковник Апис. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Београд, 1955; *Мекензи Д.* Апис. Београд, 1989; *Казимировић В.* Црна рука – личности и догађаји у Србији од преврата 1903. до Солунског процеса 1917. године. Крагујевац, 1997; *Драшковић Р.* Преторијанске тежње у Србији – Апис и Црна рука. Београд, 2006; *Храбак Б.* Делатност чланова удружења «Уједињење или смрт» у Русији 1915–1918. // Историја XX. Зборник радова. Т. VII. Београд, 1965. С. 187–256; *Ејелажан М.* Командовање добровољачком јединицама и црнорукци // Добровольци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца. Зборник радова. С. 115–124.

⁶⁷ ВИБ. Поп. 3. Кут. 56. Фасц. 4. Рег. бр. 31/12 (преглед губитака наше војске у рату са Аустро-Угарском 1914. године).

⁶⁸ *Вјелажан М.* Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom. 1918–1991. S. 23.

⁶⁹ *Rachmaninov A.* POWs and the Great War: Captivity of the Eastern Front. L. & N.Y., 2002. P. 42.

⁷⁰ Преглед стране штампе // Краљевско-српски пресбиро Министарства иностраних дела. Год. II. Бр. 34. Крф, 26. мај (8. јун) 1917. С. 8–9.

⁷¹ *Doegen W.* Kriegsgefangene Völker. Bd. I. Der Kriegsgefangenenhaltung und Schicksal in Deutschland // Verlag für Politik und Wirtschaft. Berlin, 1921. S. 28.

⁷² Преглед стране штампе // Краљевско-српски пресбиро Министарства иностраних дела. Год. II. Бр. 34. Крф, 26. мај (8. јун) 1917. С. 8–9.

⁷³ *Doegen W.* Kriegsgefangene Völker. Bd. I. Der Kriegsgefangenenhaltung und Schicksal in Deutschland... S. 56–57.

⁷⁴ В апреле 1916 г. началась переброска переформированной после «Сербской голгофы» (декабрь 1915 – март 1916 гг.) на греческом острове Корфу сербской армии численностью 150 000 солдат и офицеров на Салоникский фронт. Здесь в сентябре 1918 г. произошли решающие сражения на Балканском театре военных действий Первой мировой войны, в результате которых Болгария вышла из нее, запросив мира. Главную роль в этих сражениях сыграли именно сербские войска (*прим. пер.*).

⁷⁵ *Ivetić V.* Struktura brojnog stanja srpske vojske na Solunskom frontu 1916–1918. godina // Vojnoistorijski glasnik. Београд, 1998. Бр. 3. С. 122–130.

⁷⁶ *Краус А.* Узроци нашег пораза. Београд, 1938. С. 166.

А.Ю. Тимофеев (Белград)

Военно-партизанские действия в Сербии во время Первой мировой войны

До Первой мировой войны как в Сербии, так и в России существовали развитые традиции партизанских операций. Стоит подчеркнуть, что в самой Сербии идеи, связанные с партизанскими действиями, в основном развивались в контексте активной борьбы в Македонии. В Первой и Второй балканских войнах 1912–1913 гг., а также в подавлении Албанского восстания 1913 г., которое отдельные современники называли Третьей балканской войной, сербские четники выступали в триединой роли «диверсантов-разведчиков-военной полиции», что было схоже с действиями комитов в болгарской армии и андартов – в греческой¹. Однако, кроме «турецкого» направления, накануне Первой мировой войны Сербия вынашивала планы, касавшиеся использования партизанской тактики и для обороны против Австро-Венгрии в случае ее нападения. К началу XX в. мы наблюдаем в Королевстве переплетение деятельности военной разведки, активной работы тайных обществ, а также частных начинаний, что воплотилось в феномене четнического движения.

В то время подготовка четников из рядов добровольцев в конспиративном порядке осуществлялась офицерами сербской военной разведки. Такой подготовкой Сербия занималась в 1903–1912 гг.² Ее получали не только выходцы из сербских районов Османской империи, но и националистически настроенная молодежь из сербских районов Австро-Венгрии. Согласно воспоминаниям члена организации «Объединение или смерть» (или «Черная рука») майора А. Благовича, в 1908 г., во время Аннексионного кризиса, т.е. в период потенциального сербско-австрийского столкновения, он привез во Вранье (центр организации сербского четнического движения в Македонии и Старой Сербии) сербских студентов Венского и Загребского университета, среди которых были

ставшие известными позже члены «Молодой Боснии» Б. Жераич, В. Гачинович и Д. Коканович. «Этих студентов я готовил в течение 4 месяцев во Вранье для действий в селах Боснии и Хорватии по подготовке восстания народа против Австрии»³. Сохранилось и описание четнических курсов 1912 г., для участия в которых группа сербской молодежи прибыла в конце июня 1912 г. через Земун в Белград и в течение шести недель проходила четническую подготовку в горах, в тех же приграничных районах на юге Сербии. Они изучали теорию и практику четнической войны, выживание в естественных условиях, учились стрельбе, изготовлению импровизированных взрывчатых средств, использованию гранат и диверсионной деятельности на мостах и железных дорогах. Проводились и ускоренные курсы по подготовке кадров в городских условиях, с использованием наставлений по минно-взрывному делу, и тактике четнической войны⁴.

Позднее часть этой молодежи была включена в состав добровольцев. Например, группа старшеклассников из Боснии (среди них и Г. Принцип) не позднее 25 сентября 1912 г. прибыла в Прокупле, где в начале октября того же года самые подготовленные из них были приняты в отряд четнического воеводы майора В. Танкосича, офицера разведки сербского Генерального штаба и одного из руководителей организации «Объединение или смерть»⁵.

Об этой деятельности стало известно и австрийским властям, которые очень настороженно относились к вербовке австрийских граждан в сербские негосударственные вооруженные формирования⁶. Австрийский генеральный штаб учитывал возможность вооруженного столкновения не только с сербской армией, но и с отрядами четников⁷.

По воспоминаниям четнического командира В. Трбича, подготовка к четническим операциям против Австрии была начата еще до Балканских войн. Уроженец австрийской провинции Славония В. Трбич, который занимался организацией четнического движения в Македонии, прибыл из Велеса в Белград весной 1912 г., где с удивлением узнал от престолонаследника Александра Карагеоргиевича о переговорах с болгарами, о совместных планах балканских христианских государств изгнать турок с Балкан и о планах справедливого раздела освобожденных территорий. Сербские военные были обеспокоены тем, что Австрия могла попытаться вмешаться и воспрепятствовать планам освободительной войны. Поэтому на следующий день после приезда в Белград состоялся разговор В. Трбича и майора М. Васича, секретаря организации

«Народная оборона» и члена организации «Объединение или смерть». М. Васич поставил перед лидером четников особую задачу – «разведать ситуацию на дунайском мосту Эрдут-Богоево и узнать, существует ли возможность вывести его из строя в случае надобности». В. Трбич вспомнил о своем родственнике Йоване, который работал стрелочником на этом стратегически важном мосту через Дунай на территории Австрии. С фальшивым турецким паспортом В. Трбич поехал в Австрию, посетил своего родственника Йована и с его помощью внимательно осмотрел мост. После этого В. Трбич объяснил своему родственнику, что при определенных обстоятельствах «пошлёт к нему человека, которого надо принять и сделать все, что он скажет, чтобы взорвать мост Эрдут-Богоево» с помощью мины или взрывчатки. После этого разговора В. Трбич вновь выехал в Македонию⁸.

Накануне и в начале Первой мировой войны в Сербии и приграничных государствах существовали различные планы партизанской и противопартизанской войны⁹. При анализе этих процессов в самой Сербии необходимо уточнить различие отрядов «четников» и «добровольцев», формировавшихся в стране. Оба вида отрядов имели добровольческий характер формирования, причем отряды «добровольцев» изредка также направлялись для выполнения «специальных заданий»¹⁰, а «четников» использовали и для ведения фронтальных боевых действий, обычных для частей оперативной армии. Тем не менее, это были боевые отряды различного типа, чье различие исходило из изначальных планов их формирования, точнее из планов ведения четнической (партизанской) войны.

Эти планы были официально сформулированы уже в первые дни Первой мировой войны, когда военный министр Сербии полковник Д. Стефанович 3 августа 1914 г. подписал «Наставление военного министерства по ведению четнической войны против Австро-Венгрии», которое на следующий день было дополнено приказом Верховного командования Сербской армии о формировании четнических отрядов¹¹. Отряды формировались под руководством сербских офицеров – членов «Черной руки», имевших опыт организации четнической деятельности в Македонии и Старой Сербии (В. Поповича – воеводы Вука, В. Танкосича, В. Вемича, К. Тодоровича). Среди личного состава также присутствовали старые четники и добровольцы. Они были вооружены не только сербскими винтовками, но и австрийскими винтовками системы Манлихера для обеспечения возможности снабжения военными трофеями.

Появившееся уже в первые дни войны наставление правительственного военного министерства требовало «действовать с огромной энергией и крайне бесстрашно» и «послужить ядром организации восстания в районах проживания сербов» на вражеской территории, для организации диверсий на линиях коммуникаций, снабжения и связи. В случае отступления сербских войск добровольцам предписывалось формировать из местного населения отряды для «выражения сильнейшего народного протеста против вражеского вторжения в нашу страну», нападать на неприятеля на бивуаках, совершать диверсии против линий связи, снабжения и коммуникации. «Из наиболее надежных людей отряда образовывать террористические группы, которые будут совершать покушения на высшее командование вражеских войск, всеми возможными способами распространять страх и вносить панику в ряды врага». Наставление подчеркивало значение «вооружения населения» и поддержания сети доверенных лиц для постоянных контактов с командованием, доставки информации, передачи приказов и помощи оружием и боеприпасами. Фактически речь шла о детальном плане ведения организованной партизанской войны, который шел намного дальше обычных специальных операций. Можно сказать, что это была революционная для своего времени идея в стратегии обороны более слабой страны против доминирующей военной силы или коалиции держав, которой в форме официально утвержденных на высшем уровне наставлений не имела ни одна армия того времени. Во второй раз на уровне общенародной обороны идея об использовании народного восстания для борьбы против более сильного внешнего противника появилась только в СССР в 20-е гг. XX в.¹²

Но до реального осуществления этого плана дело так и не дошло. И тому было несколько причин.

Возможности сербской армии по ведению этнической войны Вена воспринимала очень серьезно, заранее подготовив план борьбы против народного восстания на населенных сербами приграничных территориях (в Среме, Банате, Боснии и Герцеговине). Сразу же после Сараевского покушения по всей Боснии и Герцеговине началась волна жестоких погромов православных сербов, а с 1 июля 1914 г. вся территория Боснии и Герцеговины оказалась в зоне быстрого и сурового правосудия – чрезвычайного суда¹³. С 17 июля 1914 г. в Боснии и Герцеговине было введено «осадное положение». В начале августа 1914 г. приграничные с Сербией районы Боснии получили статус «мятежных областей».

С сентября регулярное распространение получила практика взятия заложников из рядов сербской местной элиты – учителей, священников, богатых крестьян. Заложники отвечали жизнью за целостность линий коммуникаций и важных объектов. Активно заработала сеть концентрационных лагерей. Процесс усмирения австрийские власти вели с особой жестокостью, для чего использовали религиозные противоречия, доведенные государственной пропагандой до белого каления¹⁴. Для возможной борьбы против сербских повстанцев были сформированы «защитные части» – «шюцкор» (нем. Schutzkorps) из боснийских мусульман (босняков). Речь шла о восстановленной в 1908 г. во время Аннексионного кризиса практике формирования из местных католиков и мусульман добровольческих частей – т.н. «штрафунов» (Streifkorps), которые боролись против повстанцев в оккупированной Боснии и Герцеговине еще в 1882 г.¹⁵. Действия частей «шюцкора» были направлены не только на «ликвидацию сербских банд», но и на прямые операции по устрашению и этнические чистки, в соответствии с решениями ланд-гувернмана Боснии¹⁶. В результате, сербское население пограничных территорий быстро потеряло потенциальный слой организаторов восстания, часть мужского населения (наиболее возможных участников) была интернирована, и уже в сентябре 1914 г. восстание было невозможно. Политика репрессий продолжилась и в ходе короткой оккупации западных районов Сербии в 1914 г., и во время полной оккупации страны в 1915–1918 гг.¹⁷.

С другой стороны, идея народного восстания как способа ведения войны не вызывала симпатий у сербского правительства, опасавшегося, что этническое движение граничит с терроризмом. Патриарх сербской политики Н. Пашич считал, что «не одно и то же использовать террористические методы в Турции и в Австро-Венгрии». Даже спустя несколько лет после начала Первой мировой войны, в 1917 г., он считал, что «в Турции было необходимо так действовать, так как там и болгары, и турки, и греки имели свои организации, должны были иметь их и мы. Но это Европа знала. Мы ей сказали, что в Турции можно защищаться только винтовкой и осудили Турцию на большие страдания. Этого нельзя было допустить в Австрии. Это старое государства. В нем тысячелетняя династия. Европа бы не потерпела такого, и мы бы в ее глазах выглядели очень плохо, так как нам и без того приписывают разные заговоры и убийства»¹⁸. Добровольцы и четники, по мнению сербского правительства, должны были использоваться

как род легкой пехоты, а не как организационная структура национально-освободительного восстания, что и было изложено в новом, опубликованном 22 октября 1914 г. «Наставлении о формировании добровольческих отрядов» вместо четнических отрядов¹⁹. Такого же мнения придерживался и один из наиболее важных союзников Сербии – Российская империя²⁰. Очевидно, что потенциальная «революционная» деятельность четников в тылу неприятеля выглядела сомнительной в глазах дипломатов и политиков, так как не совсем укладывалась в Гаагскую конвенцию о законах и обычаях войны от 18 ноября 1907 г. и вела к неизбежным жертвам среди гражданских лиц от актов возмездия со стороны неприятельских войск, что в тот период оценивалось как неприемлемые потери.

Таким образом, шанс на развитие четнической войны против Австро-Венгрии не был использован, и зафронтовая работа вообще быстро прекратилась. Сербская разведывательная сеть завершила свою деятельность уже осенью 1914 г. Посланник России в Сербии князь Г.Н. Трубецкой заметил 26 января 1915 г., «что боевые действия практически разделили сербов Королевства и Австро-Венгрии. Между первыми и вторыми нельзя установить никаких связей. Это объясняет и полную неосведомленность местного Верховного командования в связи с намерением неприятеля»²¹.

Кроме вышперечисленных причин неосуществления планов разворачивания партизанской войны против Австро-Венгрии, существовали и другие объективные факторы. Война началась быстрым прорывом австрийских войск, большая часть сербской армии была еще в местах постоянной дислокации или мобилизации в глубине территории. Поэтому существовавшие четнические отряды (Златиборский, Ядарский, Рудничский, Горнячский) были использованы в качестве первого заслона от прорыва австрийских войск, защищали границы Сербии и ее столицу в 1914 г. Со всей своей выучкой и решительностью они просто сгорели во фронтальных боях, дав возможность сербской армии сконцентрировать войска, перегруппировать их, отбить австрийцев и перейти в контрнаступление в августе-декабре 1914 г. И в 1915 г. сформированные из добровольцев отряды (Сремский, Банатский, Й. Бабунского, В. Поповича – воеводы Вука, В. Танкосича) также участвовали во фронтальных оборонительных боях, защите Белграда 1915 г., в отступлении через албанские горы... После возрождения сербской армии, уже с сентября 1916 г., четники снова вступили в бой на тех участках Салоникского фронта, где сербы вели

самые тяжелые бои: Горничево, Каймакчалан, Сива стена, Црна река, Грунишский вис. После этих боев четническая традиция в отрядах добровольцев сербской армии замерла.

Формальным рубежом деятельности четников и сродных им отрядов добровольцев стала гибель воеводы Вука и большей части его отряда в конце ноября 1916 г. В то же время был организован и процесс против полковника Д. Димитриевича-Аписа, закончившийся арестом этого идейного вдохновителя четнического движения, как и ряда членов организации «Объединение или смерть», которые также активно поддерживали идею диверсионно-террористических действий против врагов сербского народа. После этого добровольческие отряды были полностью сведены до уровня обычных пехотных частей. Выжившие члены четнического движения в конце войны и сразу после нее выполняли функции военной жандармерии и подавляли восстания в новом Королевстве СХС. Несомненно, бойцы четнических и добровольческих отрядов вписали свою героическую страницу в сербскую военную историю (из пяти тысяч человек, вступивших в отряды, лишь менее двухсот пережили войну и оформили свидетельства добровольцев)²². И все-таки они в большинстве случаев сражались как надежная, высоко мотивированная и закаленная пехота во фронтальных боевых действиях. Исключения австрийская армия фиксировала лишь в самом начале осени 1914 г. в Среме: «Разжигание страстей среди лиц не сербской национальности, нападения на солдат из-за угла, разрушение железнодорожных линий в ближайшем нашем тылу, – все это показывало, что и на собственной территории мы находились, как в настоящей неприятельской стране»²³.

Стоит отметить, что во втором государстве сербского народа – в Черногории – также имели место попытки организовать добровольческие отряды, чтобы начать зафронтовую деятельность и поднять восстание, а также для ведения диверсионной и разведывательной работы. Жестокие, быстрые и заблаговременные действия австрийских властей обрекли эти слабоорганизованные попытки на заведомый провал. Дополнительный вклад в безуспешность этих тщетных попыток оказала прямая зависимость черногорских добровольческих отрядов от воли командиров отдельных соединений, и без того перегруженных вопросами, связанными с фронтальными боевыми действиями. А черногорскую разведку начальник Разведывательного бюро (Evidenzbüro) Импе-

раторского и королевского генерального штаба – М. Ронге характеризовал в своем достаточно взвешенном труде, как «абсолютное убожество»²⁴.

* * *

Сербия была не только субъектом, пытавшимся организовать повстанческие отряды, но и объектом, против которого велась такая же деятельность. Эту деятельность осуществляли болгарские и албанские комитские отряды. Поверенный в делах России в Сербии В.Н. Штрандтман констатировал 13 октября 1914 г., что «в районах, которые Сербия взяла по Бухарестскому миру, пограничных с Болгарией, беспокоило. Четники и банды множатся, что вызывает со стороны местной власти репрессивные меры, которые, может быть, используются без должной осторожности, из-за естественного желания принести смирение в государство, в то время как Сербия должна напрячь все силы в борьбе с Австро-Венгрией»²⁵.

Болгария и Турция еще с 1913 г. активно работали с целью организации болгарских и албанских повстанческих отрядов для борьбы против сербских властей в Македонии и Старой Сербии²⁶. Эта деятельность получила новый виток после начала войны, т.к. Австро-Венгрия включилась в нее и в смысле финансирования, и в смысле подстрекания, и даже в смысле непосредственной организации и координации деятельности болгарских повстанцев.

По приказу Н. Пашича, сербский посланник в Софии Б. Чолак-Анич обратился с нотой протеста к премьеру В. Радославу и начальнику штаба генералу И. Фичеву, о чем и оповестил Белград 24 сентября 1914 г.²⁷. При этом, по данным из донесения сербского военного атташе в Софии от 8 октября 1914 г., деятельность по организации отрядов комитов в приграничных районах Болгарии была настолько активна, что болгарские власти закрыли для посещения всех лиц, кроме местных жителей, зону шириной в 20 километров вдоль сербо-болгарской границы. Под армейское командование были поставлены приграничные железнодорожные вокзалы и пути сообщения, въезд сербских граждан был фактически ограничен. Деятельность комитов, которой руководил глава Македонского комитета подполковник запаса болгарской армии А. Протогеров получала прямую финансовую поддержку от австрийской миссии в Софии²⁸, а точнее военного атташе полковника В. Лаксы²⁹. При этом болгарские официальные лица лицемерно

отрицали не только свою причастность к организации и деятельности болгарских и албанских комитов, но и сам факт перехода этими отрядами сербо-болгарской границы³⁰.

Вот как описывал сотрудничество австрийской разведки с болгарскими, албанскими и турецкими повстанцами в Сербии М. Ронге. Сразу же после отклонения Сербией ультиматума 25 июля 1914 г. австрийская военная разведка активизировала «меры, которыми... надеялась оказать помощь войскам. К этим мерам относились: организация восстания македонцев в Ново-Сербии, агитация против войны среди рекрутов в области, диверсионные акты и т.п. ...Проведение этих мероприятий из Софии было сравнительно легким делом, так как Болгария сама очень интересовалась разворачивающимися событиями ...»³¹.

Самых больших успехов эти группы достигли 2 апреля 1915 г., когда в страстную пятницу группа болгарских и албанских комитов напала на мосты на реке Вардар у села Удово и железнодорожной станции Струмица в Валандовской долине в попытке прервать железнодорожное сообщение на участке Скопле – Салоники. Число погибших среди нападавших и оборонявшихся было значительным. У села Удово находится построенная в 1936 г. братская могила с памятником, в которой лежат останки 261 сербского солдата, убитого в «Валандовском погроме». Оценка числа нападавших колеблется от 500³² до 3000 повстанцев³³, которые внезапно атаковали сербских солдат 3-го призыва, смогли повредить мост, но до конца его не подорвали. Действия болгарских, македонских и албанских комитов при помощи австрийской, болгарской и турецкой разведывательных служб привели к полной дестабилизации сербской Македонии.

В подавлении болгарских и албанских повстанцев сербские солдаты и четники опирались на «Положение об общественной безопасности» от 25 сентября 1913 г., одобренное сербским правительством и направленное против болгарских повстанцев и пропаганды. Положение было одним из первых сербских официальных документов по антипартизанской деятельности и давало твердые и крайне жесткие советы³⁴. Рекомендовались «внесудебные меры», которые осуществлялись в том числе и при помощи местного сербского населения, желавшего рассчитаться с противниками сербской администрации³⁵. Ситуацию усугубляли настойчивые предложения союзников передать Болгарии сербские районы Македонии³⁶. Предгрозовую ситуацию весны-лета 1915 г. очень подробно описывал В Трбич³⁷.

* * *

После того, как сербская армия отступила из Сербии в конце 1915 г., идеи об организации четнической войны на территории Сербии вновь стали актуальными. Стоит отметить, что, согласно Гаагским конвенциям, правительство, покинувшее территорию своей страны, не имело права вооружать население страны, не говоря уже о праве иностранных государств на такие действия. Однако в условиях полной дегуманизации войны, проявившейся в массовом использовании боевых отравляющих веществ, разрывных пуль и других нарушений Конвенции о ведении войны 1907 г., еще одно нарушение уже никого не пугало. Впрочем, речь шла вовсе не о немедленном общенародном восстании против оккупационных властей, а об организации сети по сбору разведывательной информации, по распространению пропаганды и по подготовке диверсий и ячеек для формирования в дальнейшем на их базе повстанческих отрядов. Однако и тут полного осуществления планов так и не произошло по ряду причин.

Первый такой проект был связан с деятельностью полковника А.А. Татарина, российского военного агента в Румынии, который до этого состоял в должности военного агента в Болгарии³⁸. С другой стороны, в этом проекте была особо значима роль группы офицеров из «Черной руки»³⁹ и прежде всего одного из них – Александра Срба⁴⁰. Речь шла о сербских солдатах и других беженцах из Краины, которые во время вражеского наступления перебежали из города Ключ в Румынию. В Турн-Северине наиболее боеспособная часть этих людей (около 60 человек) была сведена в добровольческий отряд для осуществления разведывательной деятельности в пользу русской Экспедиции особого назначения, этой работой непосредственно руководил капитан 2-го ранга С. Ратманов. Позднее с помощью прибывших из Одессы сербских добровольцев и офицеров сербской армии была образована «военно-партизанская команда» под командованием подполковника сербской службы А. Срба, которая насчитывала 5 офицеров и 300 добровольцев⁴¹. В результате, российский Генеральный штаб вновь, впервые после падения Сербии, смог получать разведывательные данные о происходившем на ее территории⁴². А.А. Татарин даже планировал передать этому отряду самолет из числа военных трофеев⁴³. Планировалось и поднятие вооруженного восстания, которое должно было координироваться с приближением союзных войск. Однако летнее наступление русской армии (Луцкий прорыв Юго-Западного фронта мая-

июля 1916 г.), несмотря на все успехи, не привело к изменению ситуации в Сербии. В начавшемся в августе-ноябре контрнаступлении австро-германские войска разбили румынскую армию в Трансильвании и вторглись на территорию Румынии. Уже 20 ноября 1916 г. четнический отряд оставил Турн-Северин и в январе 1917 г. прибыл в Одессу, где был превращен в штабную роту Сербского добровольческого корпуса. После революционных событий февраля 1917 г. некоторые офицеры-чернорукцы, среди них и А. Серб, вновь оказались во главе военно-партизанских формирований. В августе 1917 г. А. Сербу и В. Гойковичу было доверено формирование военно-партизанских отрядов из солдат, «которые оставили Корпус, но представляли собой очень хороший и подготовленный боевой материал»⁴⁴. До самой своей гибели в Таганроге 27 апреля 1918 г. А. Серб находился во главе одного из таких отрядов, который активно участвовал в Гражданской войне в России⁴⁵.

Попытки организации разведывательной и диверсионной работы на территории Сербии делались и с греческого направления. Сербское Верховное командование несколько раз с использованием французской авиации перебрасывало за линию Салоникского фронта представителей четнического движения для ведения разведывательной, пропагандистской и диверсионной работы. После короткой подготовки по использованию взрывчатых веществ, которую прошел в инженерной части В. Трбич, он был в июле 1916 г. переброшен самолетом за линию фронта. Вероятно, В. Трбич стал первым человеком в истории войн, который был доставлен самолетом за линию фронта с разведывательно-диверсионным заданием. Начальник разведывательного отдела сербского Верховного командования полковник Д. Калафатович снабдил В. Трбича карабином Маузера, боеприпасы к которому можно было легче всего найти в Македонии, восьмизарядным револьвером Гассера, 18 кг. взрывчатки, сотней метров бикфордова шнура, несколькими детонаторами и батареей для электродетонаторов. Для организационной работы ему было выдано также 10 наполеондоров (58,01 г чистого золота). Переброску через фронт осуществил французский пилот лейтенант Делакура на самолете «Nieuport». В радужном ожидании вступления Румынии в войну и глобальных изменений линии фронта от Карпат до Салоник было сформулировано задание В. Трбичу – в случае отступления болгарских и германских войск «затруднить это отступление и помешать эвакуации военных материалов через Вардар». Для этого В. Трбичу следовало «организовать в тылу четнические

отряды, вооружить их и с помощью этих отрядов организовать засады против болгарских войск, взрывать мосты и делать все, чтобы помешать организованному отступлению к их границам». В гражданской одежде, «подходящей для этой работы», В. Трбич был доставлен на удобную для посадки самолета площадку на горе Солуница ранним утром 27 июля 1916 г. Однако глобальных изменений во второй половине 1916 г. так и не произошло, и В. Трбич не выполнил ни диверсионных заданий, ни задач по формированию крупного боевого отряда, ограничившись лишь организацией небольшой группы для сбора разведывательной информации и общей пропаганды. Он перешел линию фронта и вернулся к своим командирам с двумя четниками в районе Црна река 27 декабря 1916 г. После доклада Верховному командованию о проделанной работе В. Трбич получил Звезду Карагеоргия, которую снял со своей груди сам регент Александр. Результаты миссии В. Трбича были оценены как успешные⁴⁶.

Сербское Верховное командование решило продолжить опыт с зафронтовой заброской агентов еще до возвращения В. Трбича. Уже 15 сентября 1916 г. в село Механе на горе Радан (так же, как и В. Трбич, – туда, где жил до начала войны) был переброшен К. Милованович-Печанац, также участвовавший в четническом движении до начала войны⁴⁷. С его именем было связаны трагические события Топлицкого восстания февраля-марта 1917 г. – крупнейшего выступления на оккупированной территории Сербии во время Первой мировой войны. Из сохранившихся документов и переписки⁴⁸ была видна важная, но не решающая роль К. Миловановича в организации и руководстве восстанием, организаторами которого в силу стечения обстоятельств выступили подпоручик запаса К. Воинович-Косовац и братья Влаховичи, которые сформировали Ибарско-Копачицкий и Ябланицкий повстанческие отряды. Стоит отметить, что роль единого эmissара сербского Верховного командования не была решающей, и речь скорее шла об стихийном народном восстании с зачаточными элементами организации⁴⁹. Несмотря на обширную исследовательскую литературу⁵⁰, современная сербская историография обоснованно считает этот вопрос достойным дальнейшего изучения⁵¹. Сербских повстанцев подавляли не только отряды болгарской регулярной армии, но и специально организованные «контрачеты», которые Болгария организовала из рядов болгарских комитов, албанцев и турок. Из-за кровавых расправ, убийств и поджогов, с помощью которых было подавлено Топлицкое восстание, и незначительно-

го ущерба для оккупационного режима и его аппарата, сербское Верховное командование оценило его отрицательно.

Уже 29 октября 1917 г. в Ябланицком округе в районе села Шипово приземлился самолет с новыми представителями сербского Верховного командования – капитаном Й. Иличем и сержантом С. Стефановичем – для расследования произошедших событий, которые привели к массовой гибели населения. Однако болгары быстро захватили эту группу и расстреляли всех ее членов. Изучение роли и ответственности сербского Верховного командования в событиях Топлицкого восстания волновало сербские власти и после окончания Первой мировой войны. Документация сформированного в 1919 г. после окончания войны Комитета по расследованию детально изучена и опубликована⁵². Перед комиссией Народной скупщины К. Милованович упорно оправдывался, утверждая, что не знал, когда приблизится фронт, и потому не предпринимал самостоятельно никаких мер по организации восстания.

* * *

Наконец, последняя задача, которую сербские четники выполнили в конце Первой мировой войны, была похожа на задачу четников в конце Балканских войн – зачистка пограничных территорий на границе Болгарии и Албании от повстанцев, банд и просто подозрительных элементов. С просьбой о проведении этих мероприятий при помощи летучих отрядов к четническим воеводам Й. Бабунскому и В. Трбичу обратился командующий армейской области в Скопле генерал М. Васич.

«Они должны были найти людей для летучих отрядов, а государство предоставить оружие и деньги. Каждый из них получал неограниченную власть, чтобы замирить свою территорию, и право наказывать по-своему всех, кто что-либо предпримет против властей». К этому предложению генерал М. Васич добавил, что «такого закона в государстве, конечно, нет, и на все эти действия просто будут смотреть сквозь пальцы». В. Трбич от этого отказался, заявив, что «не будет заниматься четничеством в своей стране». Й. Бабунский согласился, но после нескольких внесудебных ликвидаций ему запретили приезжать в Белград под угрозой ареста. Это стоило Бабунскому жизни. Когда после ранения понадобилась медицинская помощь, в Белград он вернуться не смог и скончался от возникших осложнений⁵³...

Таким образом, Сербия, базируясь на традициях, военной теории и наработанной практике, пыталась применить четнические отряды в продолжении всей Первой мировой войны. Ряд этих действий стал пионерским в технике специальной войны – заброска с помощью авиации зафронтовой агентуры с целью организации восстания, народное восстание в ходе современной тотальной войны. Эти приоритеты вызвали признание после окончания войны у ведущих теоретиков повстанческих и противоповстанческих операций в Европе (в СССР и в Германии)⁵⁴. И тем не менее, реальных результатов все эти шаги так и не принесли. Верховное командование Сербии было ограничено стремлением избежать массовых жертв среди сербского мирного населения, шла ли речь о Македонии, Боснии или центральной Сербии, зонах болгарской или австрийской оккупации. С другой стороны, оккупанты (австрийцы и болгары) не чурались жесточайших репрессивных мер, шла ли речь об их согражданах или о жителях оккупированных территорий. Австрийцы и болгары комбинировали организованные репрессии с активным использованием «контрповстанческих отрядов», использовавших ту же партизанскую тактику. Действия «контрповстанческих отрядов» для борьбы с болгарскими и албанскими повстанцами использовала и сама Сербия.

Активному ведению партизанской войны со стороны Сербии мешали субъективные причины (выдавливание сторонников «Черной руки» из военных структур), а также те самые традиции, которые ставили операции по организации повстанческого движения на грань бандитизма и народного восстания. Концепция использования четнических отрядов в интересах отдельных воинских соединений во фронтальных операциях, сформировавшаяся в сербской армии в ходе Первой мировой войны, стала доминировать в сербской, а затем и в югославской королевской армии до 1941 г. С другой стороны, идея о защите гражданского населения и нежелательности его вовлечения в активную борьбу против оккупантов стала догмой как для «Наставления о четнической войне 1928 г.» – основного документа, регулировавшего деятельность четнических формирований в межвоенный период, так и для офицеров Югославского войска в Отечестве (движения генерала Д. Михайловича) во время Второй мировой войны. По мнению академика М. Екмечича, был и еще один важный результат того, что «пречанские» («австрийские») сербы на территории Боснии и Герцеговины не смогли организовать восстание в годы

Первой мировой войны. Как он выразился, был ликвидирован «фактор участия обычного народа в окончательном решении судьбы нового государства, которое создавалось. В ключевые моменты истории простой народ не говорит языком избирательных бюллетеней или через политические институты»⁵⁵.

* * *

В императорской России накануне Первой мировой войны также активно развивались идеи об использовании «малой войны» и военно-партизанских отрядов⁵⁶. Имели место и примеры попыток России «экспортировать» партизанскую войну, т.е. подстрекать местное население под чужеземной властью к «малой войне» против противников российских интересов. Такие попытки предпринимались и на Балканах. Россия оказывала поддержку сербским повстанцам в Первом и Втором сербском восстании, но не теряла надежды использовать эти возможности и позднее. Те же взгляды на роль балканских христиан в борьбе с Турцией сохранились в России и в дальнейшем: «Партизаны действием малой войны воспламяют мужеством коренных жителей, сих изнуренных невольников военным деспотизмом Оттоманским: они, ободренные летучими отрядами..., могут в разных краях государства восстать и быть опасны для своих властелинов, кои равно любят и воинскую славу, и негу. Нужно стараться по возможности действовать наиболее на флангах и в тылу турецкой армии, чтобы пресекать пути сообщения и продовольствия, и... превращать в пустыни те страны, по коим надлежит наступательно проходить Оттоманской силе...»⁵⁷. Неудача в попытках использовать этот фактор во время Крымской войны принесла определенное разочарование, однако эти планы не были полностью отвергнуты. Во время правления князя Михаила Обреновича русские офицеры в Сербии еще раз обратили внимание на возможности партизанского движения на Балканах и в Сербии вообще⁵⁸. Уже в 1867 г. в Охранном отделении были зафиксированы документы с предложением по «энергическим мерам, имеющим целью поднять все горное население Балкан и начать там партизанскую войну против турок»⁵⁹. Подобные идеи особенно процветали в кругах русских славянофилов и связанных с ними дипломатических и военных чиновников во время Восточного кризиса 1875–1882 гг., последние отголоски этих идей замерли лишь с кончиной лидера московских славянофилов И.С. Аксакова в 1886 г.⁶⁰. На переломе веков Россия размышляла о ведении

партизанской войны на Балканах и силами другого сербского государства – Черногории. В донесении российского военного агента в Цетинье Генеральному штабу в 1906 г. особо уточнялось, что, несмотря на плохую организацию черногорской армии, воины сербской Спарты «не имеют себе равных по личной храбрости, патриотизму и природной склонности к горной и партизанской войне»⁶¹.

В Первой мировой войне в России идеи партизанской войны не нашли особого развития, речь в лучшем случае шла об использовании военно-партизанских отрядов для фронтовых операций⁶². Стоит отметить, что партизанские отряды способствовали формированию особого типа офицеров – будущих активных участников гражданской войны на стороне белогвардейцев (А.Г. Шкуро, С.Н. Булак-Балахович, Р.Ф. Унгерн-Штернберг, Л.Ф. Бичерахов, Б.В. Анненков, и др.). С другой стороны, и «красные» восприняли идеи партизанской войны, активно развивали их для самого широкого использования и придания народного характера своей борьбе во время Гражданской войны 1918–1921 гг.⁶³.

Несмотря на все различия в размерах государств, традиций и условий, военно-партизанские действия в Сербии и России во время Первой мировой войны представляют интересный материал для сравнения, поскольку являлись немногочисленными примерами такой деятельности на территории Европы в то время. В них проявились определенные общие черты. Выделились районы, наиболее подходящие для партизанских операций в Сербии (треугольник Босния–Черногория–Сербия, Босния и Южная Сербия) и России (линия пограничья белорусских болот и лесов). Были максимально использованы традиции прошлого, а также появились зачатки новых идей – применение авиации, взрывчатых веществ и диверсий на коммуникациях, координация деятельности зафронтовых отрядов с единым штабом. Эти новые идеи, как и районы, наиболее подходящие для партизанских операций, не были использованы с максимальной пользой и лишь намечены, словно в генеральной репетиции для Второй мировой войны. В деятельности сербских и российских организаторов партизанского движения было немало схожих проблем – непостоянство поддержки руководящих воинских структур, растрата подготовленных военно-партизанских кадров во фронтальных боях, отсутствие четкого понимания того, какие задачи могут, а какие не могут выполняться партизанскими отрядами. Еще одной общей чертой можно назвать то, что оккупантам (немцам, австрийцам и болгарам) удалось

обуздать и ликвидировать деятельность четнических и партизанских отрядов. Общим явлением было и то, что партизанские и четнические отряды превратились в сильный политический механизм в руках своих лидеров. При этом, в Сербии роль этих лидеров, да и они сами, к концу войны «свелись» на нет, в то время как в России партизанская война достигла своего апогея после окончания Первой мировой, когда в стране началась Гражданская. В этих новых условиях, в советской России рождалась новая философия партизанской войны, не как вспомогательной формы спецопераций на службе армейских соединений, а как особого способа решения стратегических задач. И в России (во время Гражданской войны), и в Сербии (во время австро-болгарской оккупации) местное население массово включалось в повстанческие действия и становилось жертвами мести со стороны неприятеля. Офицеры сербской королевской армии, как и офицеры российской императорской армии (даже писавшие уже наставления для красных) стремились во что бы то ни стало избежать гибели мирного населения в ходе карательных акций противника. Однако после прихода к власти большевиков эти ограничения больше не имели своего примата. Возникали совершенно новые идеи – организованного народного восстания как средства достижения стратегических внешнеполитических задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тимофејев А.* Српска герила у Балканским ратовима: културне, друштвене и политичке традиције четничког рата у Србији // Балкански ратови 1912–1913: нова виђења и тумачења. Београд, 2013.

² *Поповић Ч.* Четничка школа у Прокупљу // Нова Европа. Загреб, 1927. Књ. IX. С. 10–11; *Тимофеев А.Ю.* Крест. Кинжал и книга. СПб., 2007. С. 140–162.

³ *Дедијер В.* Сарајево 1914. Београд, 1966. С. 903.

⁴ *Sarajevski atentat. Pisma i saopštenja.* Sarajevo, 1965. С. 26, 88, 90, 92, 93, 95, 115, 120.

⁵ *Дедијер В.* Сарајево 1914. С. 318.

⁶ Там же. С. 694.

⁷ *Die serbische und montenegrinische Armee.* Wien, 1913.

⁸ *Трбић В.* Мемоари. Књ. I. Београд, 1996. С. 280–284.

⁹ *Екмечић М.* Планови за герилски рат године 1914 // Радови из историје Босне и Херцеговине XIX века. Београд, 1997.

¹⁰ *Станић Ђ., Килибарда З., Марчек Ј.* Обука српске војске (1804–1918). Београд, 2007. С. 636.

¹¹ Војни архив. Ратна архива Врховне команде 1914–1920. К. 93. Фасц. 1. Бр. 4/11. Впервое опубликовано в: *Павловић Ж.Г.* Битка на Јадру августа 1914. Београд, 1924. С. 619–623.

¹² *Тимофејев А.* Партија грађанског рата: припреме кадрова Коминтерне за извођење партизанског рата и револуције // Војноисторијски гласник. 2009. № 2.

¹³ *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 96.

¹⁴ *Ђоровић В.* Црна књига. Патње Срба Босне и Херцеговине за време светског рата 1914–1918. Сарајево, 1920; *Опачић П.* Политика геноцида Аустроугарске против Срба у Првом светском рату // Војноисторијски гласник. 1994. № 1–2; *Микић Ђ.* Аустроугарска ратна политика у Босни и Херцеговини 1914–1918. Бања Лука, 2011.

¹⁵ *Rottemberg G.E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1998. С. 103–104; *Sauer-Nordendorf E.* Die Strafuni: Das vergessene Grenzjäger-Streifkorps Österreich-Ungarns in Bosnien und der Herzegowina // Pallasch. 1998. № 3. С. 49–52.

¹⁶ *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973. С. 173–175.

¹⁷ *Трифуновић Б.* Живот под окупацијом: Чачански округ 1915–1918. Чачак, 2010.

¹⁸ *Живановић М.* Пуковник Апис. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Београд, 1955. С. 602; *Дедијер В.* Сарајево 1914. С. 693.

¹⁹ *Екмечић М.* Планови... С. 429.

²⁰ *Станић Ђ.* Обука... С. 637.

²¹ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия 3. 1914–1917 гг. Т. 7. Ч. 1. Л., 1935. С. 112.

²² *Станић Ђ.* Дужни смо сачинити поименични списак српским ратним добровољцима 1912–1918 // Добровољачки гласник. 2004. № 24. С. 5.

²³ *Ронге М.* Разведка... С. 96.

²⁴ Там же. С. 94.

²⁵ Международные отношения... Т. 6. Ч. 1. С. 396.

²⁶ *Влахов Т.* Отношения между България и Централните сили по време на войната. 1912–1918 г. София, 1957; *Стојанов П.* Македонија во времето на балканските и првата светска војна (1912–1918). Скопје, 1969.

²⁷ Архив Сербии. МИД. Политическое отделение (АС. МИД. ПО.). 1914. Фасц. XIII. 6. Дос. IV. С. 261–263.

²⁸ *Ронге М.* Разведка... С. 68.

²⁹ *Лакса В.* (1870–1945) – хорватский офицер, снискавший в дальнейшем недобрую славу в качестве генерала армии Независимого Го-

сударства Хорватии, много сделавшего для борьбы с сербскими партизанами.

³⁰ АС. МИД, ПО. 1914. Фасц, XIII. б. Дос. IV. С. 321–321об.

³¹ *Ронге М.* Разведка... С. 67.

³² *Трбић В.* Мемоари. II. С. 45.

³³ *Кецојевић Д.* «Рушење» мостова на Вардару – једна дипломатска превера 1914. // Вардарски зборник. 2006. №5.

³⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2003. Д. 316.

³⁵ АС. МИД, ПО. 1914. Фасц, XIII. б. Дос. VI.

³⁶ АС. МИД, ПО. 1914. Фасц, XX. 31. Дос. V.

³⁷ *Трбић В.* Мемоари. II. С. 47.

³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686.

³⁹ *Hrabak B.* Delatnost članova udruženja «Ujedinjenje ili smrt» u Rusiji 1915–1918 godine // Istorija 20. veka. Zbornik radova. Beograd, 1965. Br. 7.

⁴⁰ *Пејчић П.* Пуковник Александар Срб // Добровољачки гласник. 2004. № 24; Југословенски добровољачки корпус у Русији: прилог историји добровољачког покрета, 1914–1918. Београд, 1954. С. 122–123.

⁴¹ Там же.

⁴² *Звонарев К. К.* Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. (Репринт издания 1929 г.). Киев, 2005. С. 242.

⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686.

⁴⁴ *Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR.* Beograd, 1979. С. 42.

⁴⁵ *Поповић Н. Б.* Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005. С. 52–53.

⁴⁶ *Трбић В.* Мемоари II. С. 71–128.

⁴⁷ *Павловић М., Младеновић Б.* Коста Миловановић-Пећанац. Београд, 2003.

⁴⁸ *Младеновић Б.* Наредбе, извештаји и писма војвода и четовођа Топличког устанка. Лесковац, 1992; *Миловановић К.* Дневник Косте Миловановића-Пећанца: од 1916. до 1918. године. Београд, 1998.

⁴⁹ *Младеновић Б.* Топлички устанак – спонтана народна буна и организовани покрет отпора // Лесковачки зборник. 1988. № 28; *Илић Н. П.* Борбена искуства 1917. и њихово прилагођавање у устанку 1941. године // Там же.

⁵⁰ Классическими работами по этому вопросу являются: Топлички устанак 1917 // Ниш: Одбор за прославу десетогодишњице устанка. 1927; *Дерок Ј.* Топлички устанак и оружани отпор у окупираној отаџбини 1916–1918 године. Београд, 1940; *Перовић М.* Топлички устанак

1917. Београд, 1971; *Митровић А.* Устаничке борбе у Србији: 1916–1918. Београд, 1987.

⁵¹ *Младеновић Б.* Топлички устанак 1917. године – (не) истраженост теме и могућност даље истраживања // Баштина. Приштина, 2006. 20/2.

⁵² Топлички устанак 1917.: збирка докумената. Београд, 2007.

⁵³ *Трбић В.* Мемоари II. С. 146.

⁵⁴ Практика малой войны в оккупированной Сербии. Об. Рыбаков по данным ген. Керхнаве и кап. Маули. Москва: Военная академия РККА им. М.В. Фрунзе, 1936; *Ehrhardt A.* Der Kleinkrieg. Geschichtliche Erfahrungen und künftige Möglichkeiten. Potsdam, 1934. С. 64–78.

⁵⁵ *Екмечић М.* Планови... С. 425.

⁵⁶ *Клембовский В.Н.* Партизанские действия. СПб., 1894; *Каратыгин П.* Партизанство: начальный опыт тактического исследования. Харьков, 1924; *Дробов М.А.* Малая война: партизанство и диверсии. М., 1931; *Квачков В.В.* Теория и практика специальных действий. М., 2004.

⁵⁷ *Пушкин А.Н.* Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын отечества. 1826. № 11. С. 266–268. Интересно отметить, что автор этих строк полковник А.Н. Пушкин (1792–1831) погиб в бою с польскими повстанцами, которых, как известно, активно поддерживала Франция, преследовавшая собственные интересы.

⁵⁸ Москва – Србија, Београд – Русија: документа и материјали. Т. 2. Друштвено-политичке и културне везе 1804–1878. Београд-М., 2011. С. 378–386.

⁵⁹ Там же. С. 375.

⁶⁰ Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. М.-Београд, 2012. С. 160–161.

⁶¹ *Потанов Н.М.* Руски војни агент у Црној Гори. Т. 1. Подгорица-М., 2003. С. 285.

⁶² *Вершигора П.П.* Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 682–695.

⁶³ *Каратыгин П.* Партизанство: начальный опыт тактического исследования.

Я.В. Вишняков (Москва)

**Армия без государства.
Сербский добровольческий корпус
в России 1916–1917 гг.**

Известный лидер РСДРП Л.Д. Троцкий в декабре 1914 г., как корреспондент газеты «Киевская мысль», беседовал в одном из французских военных госпиталей с сербом-добровольцем, который, раненый в грудь, «сильно лихорадил и в поту» и говорил ему «о гибели Сербии и всего молодого поколения боснийской интеллигенции». Этот серб с горечью резюмировал: «Мы все погибли, все наше поколение. Я хотел учить боснийских детей грамоте и объединять их в кооперативы, а меня вот прострелила немецкая пуля под Суассоном, и я погибаю за дело, которое я считаю чужим делом. И Сербия погибнет: Австрия поглотит ее... А как невыносимо мне думать, что мы вызвали эту мировую войну!»¹ Собеседник Л.Д. Троцкого, испытывая горечь разочарования в идее велико-сербской пропаганды, оказался прозорлив. Несмотря на разгром австрийцев на сербском фронте в конце 1914 г., спустя почти год, 5–7 сентября 1915 г. австрийская и германская армии под общим командованием А. фон Маккензена после массовой артиллерийской подготовки начали новое наступление на Сербию. Не признавшая капитуляции сербская армия совершила беспрецедентный переход через Черногорию и Албанию к побережью Адриатического моря. С острова Корфу сильно поредевшие сербские войска были переправлены на Салоникский фронт.

Началась новая страница борьбы Сербского королевства, когда на первый план стала выдвигаться не только задача освобождения страны от иностранных интервентов и воссоздания ее территориальной целостности, но и реанимация извечного югославянского вопроса, причем сербское правительство «открыто и недвусмысленно поставило его перед правительствами союзных держав – самым непосредственным образом и на высшем уровне»². Еще в декабре 1914 г. Народной скупщиной Сербии была

принята Нишская декларация, ставившая, помимо успешного завершения «великого вооруженного противостояния», задачу освобождения и объединения югославянских народов – сербов, хорватов и словенцев. Именно поэтому, глава сербского правительства Никола Пашич ревниво относился к попыткам Югославянского комитета³ играть независимую и самостоятельную роль в этом процессе.

В то же время обстоятельства, складывавшиеся в том числе и на театре военных действий, а также на фоне крушения царской России, казалось бы, благоприятствовали разрешению этого вопроса. 20 июля 1917 г. на острове Корфу между представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана достаточно компромиссная декларация о создании государства сербов, хорватов и словенцев. Казалось, что многолетняя мечта сербов, определявшая политические ориентиры страны с первой половины XIX в., стать югославянским «Пьемонтом», наконец-то осуществилась. Однако именно в это время, как заметил историк А.Л. Шемякин, «заглушаемая „трескотней“ официальной риторики и взаимных заверений в „братстве и единстве“, неслышно тикала та самая мина хорвато-сербских противоречий, которая после более чем семидесятилетних попыток её разрядить, рванула на наших глазах»⁴.

И в этом смысле, при обсуждении вопроса о создании на обломках Империи Габсбургов новой страны, уже тогда было очевидно столкновение двух национальных концептов будущего видения формы югославянского государства: либо расширение границ Сербии за счет присоединения к ее территории населенных сербами частей Воеводины, Боснии, Славонии, части Далмации, либо «югосферическое» слияние в рамках общего государства Сербии и Хорватии, что могло произойти лишь в случае полного уничтожения Австро-Венгрии.

Заметим, что еще 1915 г. русский посол в Париже А.П. Извольский в беседах с президентом Сербской академии наук и неофициальным сербским представителем во Франции Й. Жуйовичем советовал сербам не идти по легкому пути объединения с хорватами и словенцами, а попытаться, после окончания войны как можно больше расширить границы Сербского королевства⁵. Однако уже к началу 1917 г. курс на создание именно югославской конструкции будущего государства стал проявляться все более отчетливо, причем не только среди балканских, но и российских политиков. Данная система в свою очередь вполне отвечала ин-

тересам Англии и Франции, стремившихся в том числе и таким образом нейтрализовать политические амбиции в регионе своих конкурентов – Германии и Италии⁶.

Можно констатировать, что курс на создание на Балканском полуострове искусственной наднациональной конструкции, связанный в том числе с попытками строительства нового «югославского» народа, обратился в трагедию двух Югославий XX в., поскольку в едином государстве югославы так и не смогли стать единым народом. Причем впервые эта тикающая сербо-хорватская бомба показательно взорвалась еще в конце 1916 г. в момент, казалось бы, острой необходимости консолидации усилий двух народов для вооруженной борьбы с общим неприятелем за создание «общего» государства. И случилось это в Одессе в Сербском добровольческом корпусе, ставшим, как оказалось, первым показательным примером югославского «колосса» на глиняных ногах». На эти события, как пример микромира, иллюстрирующий гибельность попыток создания «синтетического югославянства», нам и хотелось бы обратить внимание.

Участие сербских и югославянских добровольцев, в том числе прибывавших на европейскую войну из разных стран мира, в боях стран Антанты и их союзников против Австро-Венгрии и Германии получило достаточно обширное освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков. В научный оборот вовлечен значительный корпус документов, освещающих вопрос участия сербов и югославы, в целом в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны⁷. Добровольческое движение являлось одной из характерных попыток практического воплощения идеи югославизма. Добровольческие отряды югославы, прежде всего сербов, стали формироваться и в России, куда вступали, в основном пленные и дезертиры из австро-венгерской армии⁸.

Первоначально вербовка добровольцев имела целью пополнить ряды сражавшейся сербской армии, но с конца 1915 г. – разгрома Сербии и оккупации ее территории войсками Центральных держав, начался новый этап комплектования добровольческих сербских дивизий. Теперь целью ставилось использование этих дивизий на русском фронте с последующей переброской на Салоникский театр военных действий. Как отмечалось в краткой записке по истории формирования корпуса, составленной в декабре 1916 г. его командиром М. Живковичем, «еще в 1915 г. из военнопленных австрийских солдат сербской национальности собирались добровольцы в России и отправлялись

через Рени по Дунаю в Сербию на подкрепление сербской армии, обороняющей в этом году свои границы на берегах рек: Дуная, Савы и Дрины. Инициатива в этом деле была в руках сербского посланника и сербского военного агента⁹ (представителя) в Ставке. Большинство добровольцев было собрано в Сибири в г. Тюмени. Когда в сентябре 1915 г. и Болгария выступила против Сербии, отправление добровольцев из России в Сербию по Дунаю прекратилось – стало невозможным. Тяжелая обстановка, в которой находилась Сербия с начала совместного нападения с трех сторон австрийской, германской и болгарской армий, побудила идею из собираемых добровольцев в России формировать добровольческий отряд и отправить его на Салоникский фронт на подкрепление союзных войск, которые там собирались для поддержки и возможного спасения Сербии, чья трехсоттысячная армия находилась в отступлении»¹⁰.

В формировании такой дивизии активное участие принимали находившиеся в России члены офицерской сербской политической организации «Объединение или смерть» («Черная рука») – прежде всего Д. Семиз, А. Срб, В. Гойкович, М. Голубич, Б. Симич, что само по себе является темой отдельного исследования¹¹. В феврале 1916 г. намечено было сформировать одну дивизию 4-х полкового состава, по 3 батальона в каждом полку. При этом, как доносил представитель сербской армии при штабе верховного главнокомандующего полковник Лонткиевич, «зачислено на формирование сербских полков около 17 000 нижних чинов и до 70 офицеров. Для замещения командных должностей выписаны офицеры из Сербии»¹². Во главе ее был поставлен полковник С. Хаджич, а начальником штаба стал подполковник В. Максимович¹³. Всего, в течение 1916–1917 гг., по данным сербских историков, через корпус прошло около 70 тыс. движимых «стремлением к национальному освобождению» добровольцев, притом, что из-за плохой организации и различных проволочек при его создании, изначально он принял меньше людей, чем изъявивших желание вступить в его ряды¹⁴. Командный состав дивизии составили сербские офицеры, специально приехавшие с острова Корфу в Одессу в апреле 1916 г.

Летом 1916 г., вследствие ходатайства полковника С. Хаджича, было принято решение о формировании второй сербской добровольческой дивизии, а затем сведении дивизий в единый сербский корпус под командованием генерала М. Живковича, поставленного на эту должность 29 июля 1916 г. К началу осени 1916 г.

комплектование корпуса было в основном завершено, а его части были расквартированы в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Однако боеспособность корпуса русским командованием ставилась под сомнение, причем не только по чисто военным характеристикам. Еще в апреле 1916 г. штаб Юго-Западного фронта особо подчеркивал, что «сербскую же дивизию, формируемую из военнопленных, принимать в расчет пока нельзя, так как она может быть вполне пригодной к бою не по окончании ее формирования и обучения, а по выяснении надежности личного состава, как офицерского, так и нижних чинов, на что потребуются известное время»¹⁵. Но в условиях войны времени на выяснение «надежности личного состава» не оказалось, а в первоначальные планы будущего использования частей корпуса пришлось внести существенные коррективы.

После успешного Брусиловского прорыва лета 1916 г. на Юго-Западном фронте, а также из-за обещанных территорий – Трансильвании (Эрдели), Баната и части Буковины, в августе 1916 г. на стороне Антанты в войну вступила Румыния. Формируемым сербским частям пришлось принять свое первое боевое крещение в боях за Добруджу, причем в составе отдельного 47-го корпуса русской армии, командование которым было возложено на командира 30-го армейского корпуса, генерала от инфантерии А.М. Зайончковского.

Обстоятельствам подготовки Добруджинской операции посвящена обширная и весьма информативная статья В.Б. Каширина¹⁶. Отметим, что в современной отечественной историографии эта работа стала фактически первой, раскрывающей нюансы подготовки и проведения данной операции. Автор при этом справедливо отмечает, что история участия России в боях в Добрудже заслуживает написания отдельного монографического исследования.

Первоначально Зайончковский, исходя из политических соображений, не планировал ввод сербской дивизии в бой. В переписке со штабом Юго-Западного фронта в рапорте от 28 июля 1916 г. он замечал: «Вопрос о сербской дивизии меня особенно беспокоит... Посылка русского корпуса в Добруджу безусловно имеет своим главным назначением не увеличение физической силы румын, а нечто иное – политическое. Действительно, появление русского корпуса на границе Болгарии будет большой козырь в руках русофильской болгарской партии и, разумеется, у многих болгар винтовки начнут дрожать при виде русских войск. Но присутствие

под русскими знаменами и здесь же рядом сербов будет громаднейшим козырем в руках русофобской партии болгар и при виде злейших своих врагов винтовки болгарские, задрожавшие перед русскими, со злобой будут сжиматься против сербов. А политическое значение особого корпуса сведется к нулю. Мое глубокое убеждение, что сербов надо отправить на Кавказ. Я же решил их держать в резерве, пока поведение болгар не определится. Выпущу их только тогда, когда ясно выяснится, что по Болгарии мне придется идти огнем и мечом, а братушки не будут иметь поползновения сдаваться массами своим освободителям»¹⁷.

В боях за Добруджу первая сербская дивизия потеряла более 80% личного состава и была отведена в Измаил на перекомплектование. Всего в период с 25 августа по 16 октября 1916 г., сербы потеряли убитыми и ранеными 231 офицера и 8996 нижних чинов¹⁸. Однако их мужество не смогло повлиять на общий стратегический провал этой операции. К концу декабря 1916 г. румынская армия перестала существовать как организованная сила, способная к сопротивлению, а её остатки были отведены за р. Серет, за спины 500 000 русских солдат. К январю 1917 г. линия фронта стабилизировалась по линии запрутской Молдовы, растянувшись более чем на 430 верст. Действительно, по словам В.Б. Каширина, «итог этот был закономерно плачевным, поскольку являлся плодом целого ряда военных и политических ошибок, которые сплетались вместе и взаимно усиливали свои последствия»¹⁹. Остатки первой сербской дивизии были отведены в тыл и расквартированы в районе Одесса-Вознесенск-Березовка.

Неудачи боев в Добрудже не только оказали огромное отрицательное психологическое воздействие на солдат сербского корпуса, но и обострили давние межнациональные противоречия, прежде всего между сербами и хорватами, что, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о целесообразности, а главное эффективности использования «интернациональных» воинских формирований, составленных из солдат и офицеров, еще недавно воевавших на стороне противника. Заметим, что первые трудности с вербовкой новых добровольцев стали ощущаться уже в августе 1916 г. К 31 августа 1916 г., когда первая сербская дивизия уже вела активные боевые действия в Добрудже, «в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-й дивизии, и для формирования V-го и VI-го полков имелось всего 2706 человек, еще не вполне испытанных, хотя и приведенных наспех к присяге сербскому королю»²⁰. Две тысячи человек из их числа в нача-

ле сентября были отправлены в Добруджу для пополнения рядов первой сербской дивизии.

Попытки же призыва новых добровольцев, выходцев главным образом из Хорватии, осенью 1916 г. вылились в серьезные беспорядки во второй сербской дивизии, в основе которых лежала глубокая сербо-хорватская национальная неприязнь, казалось бы, близких славянских народов. Показательно, что в конце сентября 1916 г. М. Живкович издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Сны наших славных предков ныне осуществляются. Сербии, Хорватии, Славонии, Боснии и Герцеговину, Далмацию и прочие страны славянского юга, давным-давно заселил один и тот же славянский народ ... Сербия своей героической борьбой показала всему миру, что она не желает жить одна, без совместной жизни со своими сёстрами, без совместной жизни с милой Хорватией и Славонией, дивной Словенией, с гордыми Боснией и Герцеговиной, со скалистой Далмацией, с славным Сремом, с цветистым Банатом и с родной Бачкой»²¹.

Но чтобы привлечь как можно больше пленных из «милой Хорватии» и «дивной Словении» к «общей» борьбе, командование корпуса прибегло к насилию. Вопрос об избиениях при агитации к вступлению в его ряды был поднят поручиком 3-го полка 1-й сербской дивизии словенцем Г. Пекле, который поделился этими сведениями с редактором газеты «Югославия» Л. Тумой. На основании полученных от него сведений, 31 октября 1916 г. Л. Тума вместе с также находившимся в тот момент в России хорватским публицистом, основателем общества «Юрий Крижанич» К. Геруцем, направили соответствующее письмо тогдашнему министру иностранных дел России Б.В. Штюрмеру, в котором не только указывались случаи избиения добровольцев сербскими офицерами, но и подчеркивалось стремление югославян служить не в чисто сербском, а именно в «югославском» батальоне²².

На работу общества «Юрий Крижанич», а также хорватских и словенских националистов, группировавшихся вокруг его руководителей Геруца и Тумы, в связи попытками дискредитации корпуса, особое внимание обратил сербский историк Н. Попович. Он указал, что «русско-хорватское общество „Крижанич“ направило командиру корпуса меморандум о беспорядках в сербском добровольческом отряде и с критикой командования корпуса с политической и национальной точки зрения»²³. Поскольку, как замечает исследователь, М. Живкович не счел возможным вступать в дискуссию с этим обществом, то ответ был написан одним из членов

Югославянского комитета Ф. Поточняком, обвинившим составителей меморандума в необъективности и подтасовке фактов²⁴. В этом же контексте историк интерпретирует письмо Пекле, отмечая, что находившийся в то время в Петербурге публицист К. Геруц в неких своих корыстных целях сделал попытку ознакомить с его содержанием российского императора²⁵.

На основании этого письма министр иностранных дел обратился к генералу М.В. Алексееву с просьбой провести следствие, ведение которого было поручено генерал-лейтенанту С.Д. Чистякову. Он провел довольно обстоятельное расследование причин случившегося, обратив при этом внимание на недооценку ситуации одесским окружным начальством и лично генералом Н.А. Марксом²⁶. По поводу вербовки добровольцев во вторую сербскую дивизию он отметил: «Расчеты на большой прилив добровольцев не оправдались; положение еще ухудшилось с 20-х чисел августа 1916 г., когда первая сербская дивизия приняла участие в добруджинских боях, где понесла большие потери. Срочно понадобились большие пополнения (до 6500 человек). Но, несмотря на недостаток людских запасов для первой дивизии, от мысли о формировании 2-й дивизии отказаться не хотелось, почему, в нарушение принципа добровольности, ... в октябре 1916 г. была применена принудительная отправка в Одессу всех военнопленных югославян из района Одесского военного округа – по распоряжению окружного начальства – и даже из некоторых других пунктов по недоразумению, основанному на неясности распоряжений»²⁷.

И данная мера оказалась ошибочной. Многие пленные югославыне – хорваты и словенцы, находились в более привилегированном положении по отношению к другим военнопленным, выполняя в глубоком тылу несложные сельскохозяйственные работы и имея весьма сносные условия существования. Кроме того многие пленные высказывали опасение как за свою будущую судьбу, так и за положение своих семей. Поступление в корпус автоматически делало их предателями и дезертирами со всеми вытекающими отсюда последствиями как для них самих, так и для их ближайших родственников, проживавших на территории Двухединой монархии.

В этой связи, выводы, сделанные П.Е. Чистяковым, были весьма категоричны. «Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не „сербы“, а католики и до того, к чему стремятся сербы им дела нет», – отмечал он в своем рапорте. «Было бы совершенно неоп-

равданным утверждать, чтобы при югославянской горячности и в такой обстановке не было брани, ссор, драк, ударов и даже ранения и убийств... Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствии офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словенцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных»²⁸.

К концу октября – началу ноября 1916 г. ситуация во второй сербской дивизии накалилась до предела. Как выяснил Чистяков, «3 роты, сформированные при запасном б-не, отправлены были утром 23 октября в полном вооружении и снаряжении, под командою офицеров 2-й сербской дивизии на укомплектование полков, стоящих в окрестностях Одессы, но, дойдя до главного вокзала на Куликовом поле, остановились и отказались идти дальше, заявив, что они желают возвратиться в плен.

На уговоры офицеров, около 150 чел. вышли из толпы и, построившись под командою сербского офицера, с песнями, двинулись по назначению (полк. Кушакевича); остальные 543 человека продолжали стоять, поснимав частью вещевые мешки. Для прекращения этого беспорядка и обезоруживания людей, н-ком окружн. шт., около 12 часов дня, командирован был н-к 6-й запасн. бриг. ген.м. Демков, который и застал вышеуказанное положение.

По команде „смирно“, шум немедленно прекратился. Вызванные унтер-офицеры заявили, „что их заставляют воевать за сербов, что они не сербы, а хорваты, и за сербов воевать не желают“. На вопрос, зачем же они записывались в сербскую дивизию, – получился ответ: „Нас заставляли, били, издевались над нами, а потому мы и записались, чтобы избежать побоев“. При этом некоторые расстегивались и показывали действительно синяки и царапины. По их заявлению, били их „остальные военнопленные“. В сербские казармы хорваты отказались возвратиться: „там нас опять будут бить“. Были слышны крики: „Дайте нам русских офицеров; пусть нами командуют русские офицеры, все, что от нас потребуют русские офицеры, мы будем делать“. Картина получалась тяжелая, если хоть на минуту забыть, что это все-таки был отказ славян от своего же славянского дела, за которое такие же бывшие пленные готовы были идти в бой.

Ген. Демков приказал русскому шт. кап. Контчичу, знающему по-сербски, отвести хорватов в казарму одесску. в. н-ка, что и было исполнено в полнейшем порядке, по сербским командам.

Что касается 4–5 сербских офицеров (в том числе н-к шт. дивизии и кап. Майстрович), то они по показанию г.м. Демкова подошли к хорватам при его разговоре, советовали выделить зачинщиков, „а остальные пойдут как бараны“, но ген. Демков приказал им удалиться, заметив, что их распоряжения не хорошо действуют на людей.

При управлении воинск.н-ка хорваты в полном порядке сдали все снаряжение, вооружение и обмундирование, а на следующий день отправлены были в плен в Екатеринбург»²⁹.

Следствие смогло найти неоспоримые доказательства издевательств в отношении 24 человек. Но допросить их генералу Чистякову так и не удалось, поскольку 7 человек были отправлены в полки, «но находятся ли они там, выяснить не удалось», а остальные 17 – категорически отказавшиеся вступать в корпус – «в списках не значатся и по-видимому возвращены в плен»³⁰. При этом был выявлен факт убийства майором 7-го полка Николичем словенца по фамилии Тротша, а кроме того, в четвертой роте пятого полка случилась целая демонстрация, «когда принудительно набранные добровольцы кричали: „Да здравствует Австрия!“, „Долой Сербию!“, „Долой короля Петра!“ При ее разгоне было убито 3, задавлено 10, а всего пострадавших было 20 человек»³¹.

30 ноября 1916 г. от поступления в корпус отказалось 165 хорватов, находившихся в «воспитательной команде», причем «4 хорвата принесли лично генералу Живковичу жалобы на нанесение им от 60 до 125 „батога“». Живкович приказал их направить в распоряжение одесского воинского начальника для отправки в лагерь для военнопленных.

Вместе с тем Чистяков признавал: «Но все-таки, как видно из ведомостей, приложенных к объяснению ген. Живковича, действительно из 146 990 югославян, присланных в период с 1-го окт. по 20-е ноября 1916 г. главным образом по „набору“, для опроса в сербском запасном батальоне только 4850 чел., т.е. 32% (2768 чел. – немедленно, 1621 чел. – после некоторого испытания, 461 чел. – бегством) отказались от поступления, а 68% приведенных югославян действительно поступили на службу в сербский корпус, т.е. результат в количественном отношении надо признать отличным, принимая во внимание, что из Одесск. окр. всех, а из прочих округов – значительное число отправляли в Одессу, не спрашивая о желании»³².

Однако количественный успех вовсе не означал успех качественный. Далее генерал-лейтенант резюмировал: «Следует от-

метить, что и в числе принятых 68% оставлены были, в довольно большой пропорции, колеблющиеся и даже прямо враждебные нижние чины, главным образом из хорватов и словинцев, удерживаемые только страхом наказаний и при первой возможности убежавшие к одесск. воинс. н-ку или просто скрывшиеся при содействии евреев, колонистов, болгар и т.п., и настроение в полках 2-й дивизии даже в начале декабря признавалось таким, что, по заявлению ген. Живковича и полк. Кушакевича, личный мой опрос желающих и нежелающих, при существующей враждебной агитации и при известной подавленности под влиянием наших неудач на румынском фронте, представлялся неудобовыполнимым без очевидного вреда для дела существования сербских добровольческих частей»³³.

В тоже время Чистяков выявлял все новые и новые факты насилия: «Случаи эти, отмечал он, закончились 10 ноября 1916 г. убийством капитана сербского добровольческого корпуса Штольфа. По данным дознания, произведенного разведывательным отделением штаба Одесского военного округа, можно заключить, что убит ошибочно вместо командира 1-ой роты VII полка капитана Танасковича (серб из Королевства), весьма требовательного и строгого начальника»³⁴. В ноябре 1916 г. начальник Одесского военного округа приказал Живковичу удалить из корпуса всех «неблагонадежных». Однако этот приказ был фактически проигнорирован, поскольку привел бы к сокращению наполовину численности корпуса, «а между тем мысль о создании возможно большего „запаса людей“ для сербской армии, лишенной иных источников комплектования, сохраняла свою жгучесть»³⁵. Лишь в середине марта 1917 г. М. Живкович отчислил из корпуса и передал военным властям Одессы около 30 офицеров – хорватов и словенцев по происхождению, «ввиду того, что они недопустимыми путями между офицерами и солдатами корпуса вели агитацию, вредную для порядка и дисциплины в корпусе»³⁶.

О произошедших беспорядках был проинформирован и представитель сербской армии при штабе Верховного главнокомандующего полковник Б. Лонткиевич. Живкович, в свою очередь, отправил донесение сербскому посланнику в Петрограде М. Спалайковичу, в котором, не упоминая напрямую о произошедших беспорядках, особо указывал, что агитацию, направленную на дискредитацию не только корпуса, но и самой югославянской идеи, ведет итальянский консул, говоря, что словенцы будут итальянскими гражданами, и он им поможет уехать в Италию, а хор-

ватам доказывал бессмысленность совместной с сербами борьбы за новое государство, поскольку значительная часть Хорватии также должна быть передана Италии, допуская при этом возможность создания хорватского государства под протекторатом итальянской королевской династии. Живкович при этом особо подчеркнул, что такие действия итальянского дипломатического представителя согласованы с Геруцем, Тумой и другими, «кому на руку его уничтожение»³⁷. В другом своем донесении – рапорте по формированию корпуса, составленном 1 декабря 1916 г., генерал особо подчеркивал наличие в России этих, как он выразился, «шпионских австрийско-германских организаций», «между которыми пока замечена группа политических организаций, которые мешают быстрому собиранию добровольцев, и будущие против идеи объединения всех югославян, устраивают через своих агентов всевозможные махинации для бунтования и своевольного удаления из команд добровольцев... Эти политические организации не что иное, как из Австро-Венгрии перенесенная маленькая политическая партия. Хорваты, так называемая там „партия Франка“. Фракция этой партии находится в Москве под названием „Русско-Хорватское общество памяти Крижанича“, в Петрограде и оттуда, через своих многочисленных агентов, очень вредно влияет, в особенности на еще не вполне усвоивших идею объединения хорватов и словинцев»³⁸.

На основании сведений Живковича в начале января 1917 г. Спалайкович отправил соответствующее уведомление российскому военному министру, в котором указал, что «борьба, которую ведут против сербского корпуса неизвестные Геруц и Тума и другие, подобные им австрийские агенты, оказалась так хорошо организованной и планомерной, что наша первая дивизия была, вследствие их интриг и поплзновений доведена почти до полного разложения и уничтожения, и каким-то только случаем удалось вовремя ее спасти от грозившего распада»³⁹. Подчеркивая их шпионскую деятельность в пользу Австро-Венгрии, сербский посланник писал: «При отступлении первой дивизии из Добруджи эти агенты распространяли слухи среди солдат и офицеров второй дивизии, что и их Россия не пощадит и отправит их, как и первую дивизию на Румынский фронт. Среди же солдат I дивизии эти же агенты подобными денунциациями вызвали неудовольствие за то они были брошены не туда, куда они мечтали и для чего были собраны»⁴⁰. Спалайкович настаивал на немедленном расследовании шпионской деятельности Геруца и Тумы и закрытии общества

«Юрий Крижанич» и газеты «Югославия». Однако этому делу так и не был дан ход, а письмо сербского дипломата осталось без ответа.

В свою очередь генерал Чистяков, вопреки мнению сербского дипломатического агента, отмечал, что «ярких следов крупной шпионской работы не обнаружено еще», и сделал, как нам кажется, вполне здравый и объективный вывод: «Основной причиной возникновения описываемых эксцессов помимо принудительного комплектования, представляется религиозная и политическая рознь элементов, из коих комплектовались сербские формирования. Эти различные элементы искусственным образом связать было нельзя, и попытки в этом направлении вызвали естественные протесты, которые ликвидировались не всегда дозволенными действиями»⁴¹. Так, например, он особо подчеркнул, что «был случай категорического отказа 60 плен. хорватов даже от первоначальной погрузки в вагоны на ст. Балта для отправки в Одессу, с заявлением, что они предпочитают быть убитыми немедленно, чем идти к сербам, которых знать не желают»⁴². В начале февраля 1917 г. в штабе Юго-Западного фронта пришли к выводу, что «рассчитывать на достаточный приток добровольцев для формирования 2-й сербской дивизии не представляется возможным», и «что следует озаботиться лишь надлежащим укомплектованием кадров 1-й сербской дивизии»⁴³.

Усилению конфликта способствовали и разногласия в офицерской среде Сербского корпуса, вызванные тем, что офицеры действующей сербской армии, или, как их называли в корпусе «господа с Корфу», занимали более привилегированное, как служебное, так и материальное положение по сравнению с другими офицерами-добровольцами, оказавшимися ущемленными в отношении всех видов довольствия, особенно денежного. На подобную несправедливость поручик Пекле обращал особое внимание, что и подтвердил в своем рапорте генерал Чистяков: «Всего с Корфу прибыли 72 офицера сербской армии, которые и были назначены на должности бригадных, полковых, батальонных и ротных командиров, а также в штабе корпуса и дивизии... Добровольцами из бывших офицеров австрийской службы замещены в дивизии по старшинству только 14 должностей ротных к-ров и все должности взводных к-ров, что объясняется почти полным отсутствием среди добровольцев офицеров в старших чинах (только капитан и 5 поручиков)... В отношении денежного довольствия добровольцы-офицеры являются менее обеспеченными, чем офицеры сербской армии. Этим отчасти объясняется и некоторая запутанность в де-

нежных делах добровольцев и даже факт растраты солдатских денег... Об устранении этой разницы уже возбуждено ходатайство, чем значительно улучшится положение добровольческих офицеров, испытывавших затруднения, особенно при совместной жизни с коренными сербами, при довольствии в общей столовой и т.п.»⁴⁴.

Причем следствие на фоне громких заявлений югославянских политиков о необходимости, а главное о готовности сербов, хорватов и словенцев объединиться в новый «югославский дом», нашло крайне нежелательным отправку результатов расследования в российский МИД, ограничившись в этой связи лишь составлением краткой справки для министра, в которой подчеркивалось бы, что «некоторое давление на волю вербуемых было случайно, по почину местных начальников и что оно устранено»⁴⁵.

В этой связи, а также, видимо, и от желания избавиться от ненужных проблем, Ставкой было принято решение о начале переброски частей корпуса на Салоникский фронт, тем более, что по сведениям Генштаба к концу 1916 г., там находилось не более 35 тыс. штыков сербской армии, «и пополнения убыли в рядах этой армии ожидать неоткуда»⁴⁶. В этом аспекте Сербский корпус рассматривался как единственный ресурс «в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где всё мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами»⁴⁷. В этой же связи 25 декабря 1916 г. сербский военный агент полковник Лонткиевич телеграфировал генерал-лейтенанту Лукомскому, что «для вербования добровольцев», желающих поступить в действующую на Салоникском фронте сербскую армию, предполагается командировать в Донскую область шесть групп офицеров, «так как там более всего находятся пленные югославы». Лонткиевич привел список этих офицеров⁴⁸. Хотя пополнение Салоникского фронта сербскими солдатами из России не могло быть уж столь значительным. В феврале 1917 г. по сведениям Ставки в первой сербской дивизии было 12 батальонов, «в каждом батальоне в среднем по 742 нижнего чина. Всего для дивизии не хватает 3963 строевых и 167 нестроевых чинов»⁴⁹. Вторая сербская дивизия также состояла из 12 батальонов, где состояло около 820 нижних чинов. Для полного комплектования этой дивизии не хватало 3453 строевых и 330 нестроевых нижних чинов. Офицеров в первой сербской дивизии находилось 470 человек, а во второй 256. Тем не менее, в начале января 1917 г. через северный русский порт Романов на Салоникский фронт было отправлено 28 офицеров и 1157 нижних чинов.

События Русской революции смешали первоначальные планы, и дальнейшая судьба Сербского корпуса напрямую связана с трагедией русской революции и Гражданской войны. После событий февраля 1917 г. значительная часть солдат и офицеров покинула его ряды. Так, к маю 1917 г., по сведениям, которые представили русскому командованию уже упоминаемый нами Г. Пекле и еще один офицер-доброволец Шовари, «из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6000 солдат югославян. Офицеры, исключая 2 сербов, – по национальности хорваты и словенцы»⁵⁰. Показателен при этом рапорт о выходе из корпуса хорвата, поручика Г. Барабаша⁵¹, поданный командиру 4-го пехотного полка 5 (18) апреля 1917 г. Заметим, что его содержание еще раз прекрасно подтверждает тезис об изначальной недееспособности создаваемого в тот момент нового славянского государства. Барабаш отмечает, что вступил в корпус «будучи горячим сторонником идей югославянства», которые были бы «тождественны интересам сербов, хорватов и словенцев». Однако служба в корпусе и начавшиеся беспорядки вызвали у него глубокое разочарование, поскольку, по его мнению, «эти раздоры были вызваны не хорватами в силу, может быть, каких-то их особых и сепаратистских хорватских интересов, а что они родились в борьбе между югославянской идеей и идеей государства, в котором были бы объединены все сербы, хорваты и словенцы под гегемонией сербов, как народа, имеющего наибольшие заслуги в деле создания этого будущего государства». Далее поручик с горечью резюмирует: «Я вижу далее, что на нас, хорватов, смотрят с недоверием, и считаю, что будет лучше, раз уж мы не можем вместе с сербскими братьями создавать Югославию, если нас здесь не будет, если мы сойдем с дороги, ведущей к расцвету сербской идеи, по крайней мере, не будем вредить ей. Пусть процветает сербство, а мой народ пусть по-прежнему занимается своими хорватскими делами и решает их со всеми своими австрийскими и венгерскими недругами»⁵².

30 апреля 1917 г., член РСДРП, старший врач 4-го полка 1-й сербской дивизии Г. Константинович обратился с заявлением в Совет офицерских и солдатских депутатов г. Одессы, в котором указал на многочисленные бесчинства, творимые солдатами корпуса по отношению к местному населению, а также на нелестные высказывания офицеров и солдат корпуса по отношению к России и русским. Вывод его был очевиден: корпус – это контрреволюционная структура, в связи с чем, его необходимо разоружить,

сербских офицеров отправить в Салоники, а солдат в Сибирь на работы. Он подчеркивал: «К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры – извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты, и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры IV полка: известный чемпион-палач 1-ой сербской дивизии майор Хаджич, командир III батальона подполковник Цветич, командир II батальона известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги», – отмечал Константинович. В этом же рапорте он особо подчеркивал, что «к революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа, и кто арестовал нашего покровителя – это сволочь, Совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем. „В этой дряни, (т.е. Совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3000 шпионов”, – кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич»⁵³.

Значительная часть офицеров, вышедших из корпуса, в том числе и те, кто был отчислен М. Живковичем в середине марта 1917 г., ходатайствовала о принятии их в состав русской армии. Так, например, Н.А. Маркс особо подчеркивал, что из двадцати пяти офицеров – словенцев и хорватов по национальности, переданных М. Живковичем Одесскому военному начальнику, «двадцать человек подали заявление воен. начальнику с просьбой принять их на службу в русскую армию, мотивируя свое нежелание продолжать службу в Сербском добровольческом корпусе соображением, что начальствующие лица корпуса пропагандируют идею отнюдь не Югославии, а исключительно возрождения Великой Сербии, что не отвечает их целям, преследуемым ими при изъявлении согласия вступить в ряды корпуса». При этом генерал Н.А. Маркс указал, что «из числа офицеров, находящихся в настоящее время у воен. начальника, пять принимали участие в боях в составе первой сербской дивизии в Добрудже, некоторые были ранены и награждены русскими и сербскими боевыми орденами, и, таким образом, кровью засвидетельствовали верность общеславянскому делу в настоящей великой войне»⁵⁴. При этом в меморандуме М.В. Алексееву от 21 мая 1917 г., который от имени офицеров и солдат корпуса написали те же Пекле и Шовари, прямо указывалось: «Наши старания были напрасны. Сначала обмануты разными обещаниями и указаниями на препятствия державноправного и дипломатического характе-

ров (будто Россия не признает югославянского названия, потому что югославянского государства нет, а где же Чешско-Словацкое государство?), мы, в конце концов, убедились, что мы не служили нашему идеалу, но империалистическим и завоевательным стараниям сербской мегаломании»⁵⁵. В начале апреля 1917 г. генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем А.С. Лукомский уведомлял, «что Верховный главнокомандующий приказал назначить 5 офицеров из числа исключенных из Сербского корпуса, но награжденных за боевые отличия русскими орденами, в русские войска Кавказской армии, остальных же 20 офицеров зачислить в Чешские полки»⁵⁶. К лету 1917 г. уход добровольцев из корпуса принял массовый характер. К началу августа 1917 г. в нем, из 42 000 солдат осталось лишь около 18 000 человек, большая часть из которых к концу того же месяца была переброшена на Румынский фронт, составив резерв 6-й армии⁵⁷. После октябрьского переворота в ноябре-декабре 1917 г., в Одессе из бывших солдат корпуса А. Србом был сформирован батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 г. был переброшен в г. Мариуполь. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 г. был убит в Таганроге при до конца невыясненных обстоятельствах⁵⁸. Однако эта тема является предметом отдельного исследования⁵⁹. Мы же в своей статье стремились показать, что взаимоотношения сербов, хорватов и словенцев внутри Добровольческого корпуса прекрасно иллюстрируют предопределение будущей печальной судьбы Югославского государства и его армии, изначально, еще до своего официального оформления, обреченных на развал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Троцкий Л.Д.* Европа в войне. Сочинения. Т. IX. М.:—Л. 1927. С. 16–17.

² Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 199

³ Югославянский комитет, состоящий из политиков-эмигрантов из Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины возник в 1915 г. и имел свою штаб-квартиру в Лондоне. В него вошли: И. Мештрович, Ф. Супило, Ф. Поточняк, и др. Председателем комитета стал политик из Далмации А. Трумбич. Исходя из идеи единения сербов, хорватов и словенцев, члены Комитета выступали за поражение в войне Австро-Венгрии и за образование единого югославянского государства.

⁴ Югославия в XX веке... С. 198.

⁵ См.: *Джурич Дж.* Первая мировая война с точки зрения типичного сербского интеллигента (по дневнику Президента Сербской Коро-

левской академии) // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 84.

⁶ См. подробнее: *Тимофеев А.Ю.* Интересы России на Балканах и Первая мировая война // Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014. С. 45–46.

⁷ См. Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954; *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарскојреволуцији. Београд, 1962; Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977. *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977; Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976. *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М., 1977; *Петровић И.* Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001; *Лобачева Ю.В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.-СПб., 2014; *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства...

⁸ Советский историк В.В. Зеленин отмечал, что «к сентябрю 1917 г. в России было около 2 миллионов военнопленных, из которых почти 80% – солдаты и офицеры австро-венгерской армии, в том числе более 300 тысяч югославян» // Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября... С. 8–9.

⁹ Им был полковник Бронислав Лонткиевич. См. подробнее: *Ганин А.В.* Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. 2012. № 5. С. 92–95.

¹⁰ *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства... С. 188.

¹¹ О деятельности офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука») см. подробнее: *Писарев Ю.А.* Тайны перовой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. *Мекензи Д.* Апис. Београд, 1996; *Казимировић В.* Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917 године. Крагујевац, 1997; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 20–20об.

¹³ *Петровић И.* Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. С. 27.

¹⁴ *Милорадович Г.* Карантин идей. Лагерь для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010. С. 128; *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. С. 293.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 342.

¹⁶ *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 г. // *Studia Balkanica* (К юбилею Р.П. Гришиной). Сб. статей. М., 2010. С. 139–179.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 151об–152.

¹⁸ Югословенски добровольци у Русији 1914–1918. С. 111.

¹⁹ *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь... С. 179.

²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Д. 330. Л. 14об.

²¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 24об. См. также: Югословенски добровольци у Русији 1914–1918. С. 85. В связи с приказом Живковича, показательна телеграмма представителя русской армии в военном совете союзных армий генерала Ф.Ф. Палицына из Парижа о настроениях югославянской эмиграции во Франции, отправленная 9 декабря 1916 г.: «Формирование черногорского легиона безнадежно. Черногорцев, желающих поступить в легион, нет, а поступление югославян по политическим соображениям не допускается» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 26).

²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 6–7. Русско-хорватское общество «Юрий Крижанич», идеей которого стало объединение и слияние всех славянских народов, было создано в Москве в 1915 г. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарачич и словенец Л. Тума. В 1916 г. тот же Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. подробнее: *Ващенко М.С.* «Хорватский консул» в Петербурге // *Родина*. 2010. № 4. С. 59–62. Сам же Пекле, судя по всему, в феврале 1919 г. вступил в ряды Чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти (см. Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции... С. 257–258).

²³ *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. С. 291.

²⁴ Там же. С. 291.

²⁵ Там же. С. 293.

²⁶ Маркс Никандр Александрович (1861–1921) – генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа.

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 68об.

²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Д. 1167. Л. 69–69об.

²⁹ *Вшиняков Я.В., Тимофеев А.В., Милорадович Г.* Армия без государства... С. 169.

³⁰ Там же. Л. 69об.

³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 70.

³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 21.

³³ Там же. Л. 21об.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 70–71.

³⁵ Там же. Л. 70–71.

³⁶ РГВИА Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 5–5об.

³⁷ Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. С. 165–166.

³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 44–48.

³⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2156. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 7.

⁴¹ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 72.

⁴² Там же. Оп. 2. Д. 330. Л. 22 об.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 1167. Л. 74.

⁴⁴ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 13–30.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1167. Л. 72.

⁴⁶ Еще в октябре 1916 г. генерал Эбелов отмечал: «Этот корпус, в виду огромных потерь сербов на Салоникском фронте, явится, вероятно, последним ресурсом Сербии, которым страна может располагать, отстаивая свое существование, и формирование этого корпуса представляется делом не только вызываемым военными соображениями, но и глубоко государственным». В декабре 1916 г. сербская королевская миссия в секретной записке о Сербии отмечала: «Сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу приблизительно 60 000 штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает» (*Вишняков Я.В. Тимофеев А.Ю. Милорадович Г.* Армия без государства... С. 117, 122).

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 82.

⁴⁸ Там же. Л. 26.

⁴⁹ Там же. Л. 79–79об.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686. Л. 118.

⁵¹ Барабаш Густав (1889–1938) окончил Загребский университет, в 1914 г. был призван в австрийскую армию, но вскоре сдался в плен. В марте 1916 г. вступил в первую сербскую дивизию и участвовал в боях в Добрудже. Покинув корпус, Барабаш был направлен на Юго-Западный фронт в распоряжение штаба 32-го корпуса, став переводчиком при его разведывательном отделе. Незадолго до событий октября 1917 г. он был выбран в состав ВРК корпуса, затем перешел на сторону Красной армии, став командиром интернационального югославянского отряда, первоначально насчитывавшего около 1280 югославян, которые затем вошли в состав 4-й революционной армии под командованием В.И. Киквидзе. В 1918–1919 гг., будучи начальником штаба 2-й Украинской дивизии и начальником штаба Интернациональной дивизии, участвовал в боях на Украине. Летом 1919 г. он вступил в ряды РКП(б). В том же году уехал на родину. С 1924 г. был членом КПЮ. Опасаясь репрессий со стороны югославских властей, вернулся в СССР. Пал жертвой сталинского террора – он был расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности.

В 1956 г. был посмертно реабилитирован. (*Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября...* С. 40–41).

⁵² Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции... С. 31–33.

⁵³ РГВИА. Ф.2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 113–114.

⁵⁴ Там же. Л. 12–14.

⁵⁵ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции... С. 39.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 684. Л. 1.

⁵⁷ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции... С. 45–46.

⁵⁸ В.В. Зеленин утверждал, что вдохновителями убийства А. Срба – «опасного для династии человека», были принц-регент Александр и посланник Спалайкович. Устранение Срба, по его мнению, напрямую связано с Салоникским процессом над руководителями сербской офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука») (*Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. С. 110–112*). Обвиненные в убийстве А. Срба, Сремчевич и Куреш были расстреляны 28 апреля 1918 г., т.е. на следующий день после убийства, а 15 мая в Ейске по этому же обвинению были казнены Делич, Рашета и Шовлянский. (Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции... С. 113–115). В мемуарах Миливоя Секулича, воспитанника русского кадетского корпуса в г. Белграде, передан рассказ его отца, который в ходе Первой мировой войны, дезертировав из австро-венгерской армии, также оказался в гуще революционных событий в России и, будучи в начале 1918 г. в Ростове-на-Дону, был свидетелем некоего расстрела якобы офицеров «Черной руки», «которые принимали участие в заговоре и убийстве командира полка майора Благодича». (*Секулич М. Русские в Сербии. М., 2001. С. 10–11*). Автор мемуаров при этом ошибается. Майор Матия Благодич погиб в августе 1918 г. в боях под Казанью. В описании речь может идти о расстреле неких участников убийства Александра Срба. Подобное описание приводит в своей книге «Карантин идей» сербский историк Г. Милорадович. (*Милорадович Г. Карантин идей... С. 135*).

⁵⁹ 10 ноября 1917 г., т.е. уже после захвата власти большевиками, один из инициаторов формирования корпуса В. Гойкович обратился с открытым заявлением в штаб Верховного главнокомандующего, в котором содержалось требование о формировании нового югославянского батальона из всех военнослужащих, отказавшихся покидать Россию, с возможным включением его в состав чешского корпуса. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 49. Л. 1–2).

Д.Н. Степанов (Москва)

К истории российско-сербского военного сотрудничества: русские летчики в составе сербской авиации на Салоникском фронте в период Первой мировой войны

Российско-сербское сотрудничество в авиационной сфере началось практически одновременно не только с возникновением сербской авиации, но и с первыми опытами боевого применения этого нового рода войск. Как известно, аэропланы были впервые опробованы в боевых условиях еще во время Итало-Турецкой войны 1911–1912 гг., однако более массовое применение они нашли в ходе Первой балканской войны. В тот период авиация Сербии находилась еще в стадии формирования, и существенную роль в этом процессе сыграла Россия.

Историография по данной теме не является обширной, что, впрочем, характерно как для истории Первой мировой войны на так называемых второстепенных театрах военных действий, к которым обычно относят и Балканский, так и для истории российской и сербской авиации того периода. Основной вклад в изучение этой проблемы внесли сербские исследователи. Одной из ранних, но, пожалуй, самой информативной в этом плане является работа Саввы Микича (1884–1982), югославского военного и политического деятеля, авиатора, участника Первой мировой войны на Салоникском фронте¹. Его книга, во многом, основана на личных воспоминаниях автора, среди сослуживцев которого были российские летчики-добровольцы, но в то же время носит характер исторического исследования, опирающегося на документальную базу.

В независимой Сербии появился ряд новых работ, посвященных возникновению, становлению и боевой деятельности сербской авиации в период Балканских и Первой мировой войны², однако в них упоминаний о русских летчиках, воевавших в сербской армии, сравнительно немного. Одним из объяснений этому, наряду с ограниченностью выявленных на сегодняшний день источников, может являться определенная тенденция, характерная

для этих, несомненно, содержательных работ: авторы в первую очередь подчеркивают подвиги и достижения своих соотечественников. То, что сербская авиация вплоть до 1917 г. была несамостоятельна и зависела от французского командования, а также нуждалась в содействии иностранных военных специалистов, рассматривается ими как временное явление, не заслуживающее первостепенного внимания.

В отечественной историографии едва ли не единственным примером обращения к теме участия российских летчиков в боевых действиях Первой мировой войны на Балканах является краткое упоминание об этом в капитальном труде доктора технических наук П.Д. Дузя «История воздухоплавания и авиации в России». Как полагал исследователь, «французское командование, ощущая острую нехватку пилотов, зачислило русских офицеров и солдат в составе двух самостоятельных авиаотрядов в экспедиционный корпус маршала Франше д' Эспере»³. Это событие он относил к концу 1916 г., что, по его мнению, предшествовало высадке союзников в Салониках. Однако степень достоверности приводимых этим весьма уважаемым автором сведений в данном случае вызывает большие сомнения. Даже сама хронология событий в его изложении не соответствует их реальной последовательности: как известно, высадка войск Антанты в Салониках состоялась еще осенью 1915 г.⁴ (прибытие смешанных французско-сербских авиационных частей на материк произошло позже – в мае 1916 г.⁵), а маршал Л. Франше д' Эспере был назначен командующим союзными войсками на Салоникском фронте лишь в июне 1918 г.⁶ Не подтверждается известными на данный момент фактами и утверждение о наличии в составе союзной авиации двух самостоятельных отрядов, укомплектованных русскими летчиками – речь может идти лишь о полутора-двух десятках человек, распределенных между французско-сербскими и собственно сербскими авиачастями. Следует отметить, что П.Д. Дузья является крупным специалистом в области истории авиационной техники и самолетостроения, однако его высказывания по вопросам военной истории зачастую требуют проверки.

* * *

История российско-сербского военного сотрудничества в сфере авиации уходит корнями в эпоху Балканских войн, и его начало тесно связано с фактом возникновения сербской военной авиации как самостоятельного рода войск.

В период Первой балканской войны 1912–1913 гг. наибольшую помощь российские летчики-добровольцы оказали Болгарии, которой традиционно особенно симпатизировало русское общество, но некоторые из них все же предпочли Сербию и Черногорию. Вскоре после начала войны, в ноябре 1912 г., в Белград прибыл один из пионеров российской авиации А.А. Агафонов (1891 – ?). Будучи студентом Санкт-Петербургского технологического института, он в 1911 г. успешно окончил Первую русскую школу авиации в Гатчине, также известную под названием «Гамаян». В июле того же года стал участником первого авиаперелета по маршруту Петербург – Москва, однако из-за плохого технического состояния своего аэроплана, а также погодных условий, не смог достичь конечного пункта в отведенный для этого срок⁷. Тем не менее, к осени 1912 г. Агафонов стал широко известен в мире авиации, благодаря чему был тепло принят в военных кругах Сербии. В поездке на Балканы его сопровождал механик В.Ф. Савельев (1889–1960), впоследствии ставший известным советским авиаконструктором. Вместе с ними в Сербию из России прибыли два самолета «Дукс», которые, наряду с трофейными аппаратами «Виккерс» R. E. P. тип К, захваченными сербами у турецких войск в сентябре 1912 г., стали основой авиационного парка Сербии. Уже в Белграде к Агафонову присоединился корреспондент газеты «Русское слово» Н.П. Брио, который для сбора материалов о событиях на фронте добился от летчика разрешения сопровождать его в полетах на положении механика (это впоследствии привело к тому, что в сербской литературе Брио также упоминается в качестве авиатора⁸, которым он, по-видимому, в действительности не являлся).

Из российских самолетов было сформировано «отделение», которое поступило в распоряжение сербского Верховного командования и фактически стало первым действующим авиационным подразделением сербских войск⁹. На российских «дуках» летали не только русские, но и сербские летчики, в том числе один из создателей военной авиации Сербии поручик Йован Югович. В конце 1912 г. было впервые образовано сербское Воздухоплавательное командование, и 24 декабря Югович был назначен командиром подчиненной ему «Аэропланной эскадры».

Агафонов и Савельев в ходе военных действий успешно выполняли разведывательные полеты над турецкими позициями. Отметим, что в ходе Первой балканской войны воздушная разведка с использованием аэропланов только зарождалась, и легко вообразить трудности, с которыми сталкивались авиаторы. Воздуш-

ная разведка, осуществлявшаяся путем визуального наблюдения, при отсутствии специализированной оптики и фотоаппаратуры требовала особых навыков, а также серьезной подготовки и большого опыта, не говоря уже о готовности к риску. Не лишне упомянуть, что другой российский доброволец, который в те же месяцы совершал разведывательные полеты в интересах черногорской армии, отказывался летать непосредственно над расположением войск противника, что было характерно для многих первых участников «войны в воздухе».

После окончания военных действий, в начале 1913 г., Агафонов и Савельев предприняли попытку перелета на «Виккерсе» R. E. P. по маршруту Ниш – Белград, однако в конце пути самолет потерпел аварию.

В дальнейшем судьбы этих людей сложились различно. Агафонов участвовал в Первой мировой войне в качестве рядового, затем унтер-офицера, был награжден Георгиевским крестом, но после тяжелой травмы, полученной при аварии в 1915 г., был уволен со службы. Он благополучно получил техническое образование, а после революции выехал за границу, где, к сожалению, его следы теряются. Савельев в годы Первой мировой работал по специальности на Русско-Балтийском заводе (который также занимался изготовлением аэропланов) и уже тогда выступил как автор оригинальных конструкций самолетов, а в советское время трудился в различных конструкторских бюро. Был репрессирован и отбыл долгий лагерный срок...

* * *

В связи с тем, что история авиации эпохи Первой мировой, в особенности на «второстепенных фронтах», по-прежнему не относится к хорошо изученным темам, необходимо привести основные данные по авиации возрожденной в 1916 г. сербской армии.

После вынужденного отступления сербских войск со своей территории они при содействии союзников в начале 1916 г. были эвакуированы на остров Корфу¹⁰, где под руководством французского командования началось комплексное переформирование и переоснащение сербской армии, а также обучение ее кадров, пополнявшихся за счет добровольцев и австрийских военнопленных сербской национальности.

Сербская «Аэропланная эскадра», сформированная на Корфу в 1916 г., высадилась на материк 9 мая 1916 г. Первоначально она базировалась на аэродроме Микра, затем, по мере продви-

жения союзных войск вглубь Македонии, переместилась к Салоникам. 30 мая произошло разделение воздушных сил «Французской армии на Востоке» на французскую в составе 7 эскадрилий и сербскую авиацию, которая насчитывала 5 эскадрилий, распределенных между сербскими армиями и Верховным командованием. Нужно отметить, что почти все эти части по-прежнему были французскими по своей государственной принадлежности, а под «Сербской авиацией» понимались французские же эскадрильи, но приданные сербским войскам. Единственная в полном смысле сербская часть, «Аэропланная эскадра», а также сербское же «Аэропланное депо» боевых задач в то время практически не выполняли и предназначались прежде всего для обучения сербских летных кадров. «Депо» представляло собой учебно-тренировочный центр и содержало авиационный парк. Его личный состав насчитывал 124 сербских специалиста¹¹.

Затем было произведено техническое переоснащение сербской авиации: устаревшие, тихоходные самолеты «Фарман» MF 11, «Вуазен» и «Кодрон» были заменены более современными разведчиками «Фарман» F 40 и истребителями «Ньюпор». В тот период сербская авиация имела на вооружении 24 единицы F 40 и 6 «Ньюпоров». Командовал ею французский офицер Роже Витра (в недалеком прошлом командир французской эскадрильи, воевавшей в Сербии в 1915 г.). Распределялись части сербской авиации следующим образом: эскадрильи N-87 и F-84 находились в подчинении Верховного командования сербских войск и выполняли задачи по стратегической разведке (на «Фарманах») и защите от воздушного нападения (на «Ньюпорах»). Эскадрилья F-82 входила в состав 1-й армии, F-98 – 2-й, а F-99 – 3-й. Буквенный индекс в наименовании частей указывал на тип самолета (F – «Фарман», N – «Ньюпор»).

Постепенно в эти эскадрильи стали назначаться сербские летчики и летчики-наблюдатели, однако их личный состав продолжал оставаться смешанным (французско-сербским с большим численным перевесом в пользу французов) вплоть до их реформирования в 1917 г.

В ходе контрнаступления союзников на Салоникском фронте 12 сентября – 6 ноября 1916 г. ими был взят город Монастырь (Битоль), куда затем перебазировались авиационные части. Достигнутые на фронте успехи позволили союзникам сосредоточиться на реформировании авиации в соответствии с национальным принципом.

1-е полностью сербское действующее авиационное подразделение – т. н. «Ньюпорское отделение» – было создано 16 декабря 1916 г. из 3 «Ньюпоров» с их экипажами под командой капитана I класса Бранко Вукосавлевича¹².

Затем, уже в 1917 г., были сформированы отдельные сербские эскадрильи. 1-я, на базе смешанной сербско-французской эскадрильи AR-521, разместилась на аэродроме Вертекоп. Ее командиром был сначала лейтенант французской службы Михайло Маринкович, затем тот же капитан Вукосавлевич. 1-я эскадрилья насчитывала в своем составе 12 «Доранов» AR. 1 и 3 «Ньюпора» 24. Ее формирование было закончено весной 1917 г.

2-я сербская эскадрилья была сформирована на основе кадров французско-сербской эскадрильи AR-525 на аэродроме Вербена в июле 1917 г. Ее командиром был назначен майор Драгиша Вуйич.

В августе 1918 г., в преддверии решающего наступления союзников на Салоникском фронте, 1-я и 2-я сербские эскадрильи были сведены в единую авиачасть. К этому времени на вооружение сербской авиации поступили новые, современные на тот момент самолеты: разведчик и легкий бомбардировщик «Бреге» 14 и истребитель «Спад» 7.

При прорыве Салоникского фронта авиация выполняла задачи по дальней разведке, фотографированию и бомбардировке вражеских позиций, скоплений войск и объектов в тылу противника. В воздушных боях было сбито около 30 немецких и болгарских самолетов, еще 5 уничтожены огнем зенитной артиллерии.

Всего за время боевых действий на Салоникском фронте сербская авиация совершила более 2500 боевых вылетов. Ее боевой и численный состав к концу войны насчитывал более 60 самолетов современных типов, 70 пилотов, 40 наблюдателей и более 300 человек наземного персонала¹³.

* * *

Первый российский летчик прибыл в Сербию в составе французских экспедиционных сил еще в 1915 г., однако наибольшим количество русских добровольцев в рядах сначала смешанных французско-сербских, а затем и собственно сербских авиачастей, стало в 1918 г.

По-видимому, первым российским авиатором-добровольцем, принявшим участие в боевых действиях в Сербии во время кампании 1915 г., а затем и на Салоникском фронте, являлся су-лей-

тенант французской службы А.А. (для боевых товарищей-французов просто Саша) Гомберг, который служил пилотом в эскадрилье, начавшей свой боевой путь под наименованием V 90 S в сентябре 1915 г. Родившийся 1888 г. в Одессе в семье предпринимателя, Гомберг окончил Киевский политехнический институт, а затем выехал за границу для изучения автомобильного дела, однако попутно прошел и летную подготовку. Как и целый ряд других российских авиаторов, таких как В.Г. Федоров или Э. Пульпе, которых начало войны застало во Франции, он вступил во французскую армию и в боях проявил не только высокий профессионализм, но и подлинную доблесть¹⁴.

Особенностью боевого оснащения эскадрильи V 90 было то, что на ее вооружении состояли самолеты «Вуазен» LAS, вооруженные 37-мм орудием¹⁵. Этот образец аэроплана являет собой редкий для Первой мировой войны и, возможно, единственный на тот момент пример успешного применения пушечного вооружения в авиации.

В дальнейшем Гомберг был переведен за западный фронт и 11 декабря 1916 г. погиб в районе севернее Дюнкерка.

Приток в союзническую авиацию российских добровольцев из числа офицеров, состоявших на службе в Русском экспедиционного корпусе или по иным причинам находившихся во Франции и на Балканах, начался в 1917 г., что объяснимо в связи с революционными событиями на родине, отголосками чего было падение дисциплины, а затем и разложение в русских войсках за рубежом.

Уже в августе 1917 г. два русских офицера, поручики П.М. Янковский и К. Русян (Русьян) подали рапорта, в которых высказывались желания поступить на службу в сербскую авиацию, и мотивами к этому послужили волнения в русских Особых бригадах. Ходатайство офицеров было удовлетворено, и с 1 августа 1917 г. они были зачислены наблюдателями в эскадрилью N-523. В соответствующем приказе сербского командования подчеркивалось, что они должны быть обеспечены денежным и иным довольствием в размере не меньшем, чем по месту их прежней службы. Это говорит о том, что сербы были заинтересованы в переходе к ним русских офицеров и готовы стимулировать их к этому, в том числе материально.

О Русяне, к сожалению, никаких сведений нам найти не удалось, биография же Янковского, оставившего впоследствии свой след в истории Гражданской войны в Сибири, нашла отражение в работах современных российских исследователей¹⁶.

П.М. Янковский, сын одного из российских первопроходцев на Дальнем Востоке М.И. Янковского, родился в 1890 г., учился в Японии, где освоил несколько иностранных языков. В период Первой мировой войны он в рядах 2-й Особой бригады прибыл во Францию, где в 1917 г. прошел обучение в летной школе. После вступления в сербскую армию в качестве летчика-наблюдателя успешно выполнял разведывательные задачи, однако в июле 1918 г. на аэродроме Вертекоп его самолет «Доран» AR. 1 (бортовой номер 1871) при посадке скапотировал. Как известно, капотаж в начальный период существования авиации был одной из частых причин выхода из строя самолетов, а нередко и человеческих жертв. В российской периодике приводятся цитаты из мемуаров дочери Янковского, однако, к сожалению, нет указания на источник, содержащий этот, без сомнения, интересный документ¹⁷. Она, в частности, говорит о том, что Янковский в результате нескольких аварий получил сильные травмы, но продолжал летать, как и многие летчики того времени.

После окончания мировой войны Янковский возвратился в Россию, воевал на стороне белых в Сибири, в 1922 г., перед занятием Дальнего Востока красными, вместе с семьей эмигрировал в Корею, а затем в Китай. В Шанхае поступил на службу во французскую концессионную полицию и в 1940 г. погиб от руки неизвестного преступника.¹⁸

Следует отметить, что стремление русских офицеров, находившихся во Франции, продолжать войну в рядах сербской армии имело не только идеологические, но и материальные причины. К концу 1917 г. многие из них оказались в тяжелом положении и вынуждены были искать средства к существованию. Характерно, что поэт Н.С. Гумилев, состоявший в чине прапорщика адъютантом при комиссаре Временного правительства в Париже, в стихотворном рапорте на его имя также выражал желание перейти на службу в авиацию¹⁹. Хотя в тексте этого произведения нет указания на то, в чьих именно летных частях он хотел бы служить, но не исключено, что этот вариант им рассматривался как возможность, наконец, добраться до Салоник, куда он стремился попасть еще до отъезда из России. Существенно и то, что высоко чтимый Гумилевым итальянский литератор Габриэле д'Аннунцио был офицером-авиатором, и это тоже могло повлиять на Николая Степановича. Правда, никаких реальных последствий в судьбе поэта интерес к авиации не вызвал, и неизвестно, предпринимал ли он реальные шаги в этом направлении. По такому показателю, как

острота зрения, он для службы в авиации не подходил, но были примеры, когда офицеры, имевшие проблемы со зрением, тем не менее находили себе применение в авиационных частях, если не на летной должности, то в составе наземного персонала. Кто знает, как бы сложилась судьба поэта, если бы это его желание тогда осуществилось?..

Наибольшее количество русских летчиков присоединилось к сербским войскам в 1918 г. В начале этого года с подобным ходатайством к сербам обратилась целая группа русских авиаторов, прошедших обучение летному делу во Франции, и оно также встретило с их стороны полную поддержку.

Инициатором этого выступил поручик С.М. Урвачев (1893–1973), судьба которого в дальнейшем была тесно связана с Сербией и ее авиацией. Урвачев, обучившийся летному мастерству во Франции, после всех революционных событий, дальнейшую службу в распадающихся русских частях, равно как и возвращение в Россию, считал бесперспективными и рассматривал для себя варианты поступления на службу в одну из союзных армий. Однако затем ему стало известно об отправке сербских добровольцев из России на Салоникский фронт, и он считал за лучшее перейти в сербскую армию. После того, как со стороны сербских военных властей в лице их представителя в Париже генерала Михайло Рашича было дано добро на такой переход русских и определены условия, на которых они будут нести службу, сформировались две группы, которые отбыли из Парижа на Салоникский фронт в начале 1918 г. Все они успели прибыть туда до начала решающих боев осени 1918 г. и были распределены между авиационными частями.

В сербской литературе приводится поименный список российских авиаторов-добровольцев. Первую группу составили поручики Э. Бергбум, Д.Г. Оношко и сам С.М. Урвачев, подпоручик И.Д. Какиашвили и летчик-наблюдатель поручик А.В. Ульский. Вторую – военные летчики поручик И. Богданович и подпоручики В. Деркачев и В. Стеценко, а также летчики-наблюдатели капитан Н.И. Младов и штабс-капитан артиллерии Г. Сахаров, поручик М. Кудинов и подпоручик Щербаков²⁰.

Судьба тех, о ком имеются какие-либо сведения, была драматичной. По крайней мере, двое из них погибли в авиационных катастрофах: сначала, в июле 1918 г., на аэродроме Вертекоп разбился Какиашвили, затем, незадолго до окончания войны, в октябре 1918 г., та же участь постигла Богдановича. Э. Бергбум сильно

пострадал при аварии в сентябре 1918 г. и вынужден был проходить длительное лечение, после чего весной 1919 г. выехал на родину, в Финляндию, где, тем не менее, смог вернуться к летной работе.

Большинство русских офицеров-летчиков, как те, которые прошли Салоникский фронт в составе сербских авиачастей, так и те, кто оставался во Франции, в итоге возвратились на родину. Известно, что Урвачев принимал участие в Гражданской войне на Юге России, после чего вновь прибыл в Сербию. В течение нескольких лет он работал инструктором Авиационной школы в г. Нови Сад (крупнейшая база сербской авиации в межвоенный период), затем стал летчиком-испытателем ВВС Югославии²¹.

В заключение необходимо упомянуть еще об одном участнике боевых действий на Салоникском фронте. Несмотря на то, что его служба там была непродолжительной и проходила в рядах обособленной от франко-сербских эскадрилий части британских королевских ВВС, сама его личность, равно как и обстоятельства появления на Балканах заслуживают внимания. Это кавалер Золотого оружия, военный летчик М.С. Смольянинов. В конце августа 1917 г., по свидетельству современников, «желая продолжать борьбу, он принял смелое решение – перелететь на ближайший от места его службы союзный фронт, каковыми были Салоники. На своем немецком трофейном самолете, без посадок, он перелетел над неприятельской территорией и фронтом, подвергаясь обстрелу (был легко ранен) и достигнув цели, явился в распоряжение командира Особого Русского Экспедиционного корпуса в Македонии генерала Дитерихса»²².

В действительности, во время этого перелета из Кременца на Вольни в Салоники одна посадка все же была сделана, но это не умаляет заслуг русского авиатора. Как отмечается в том же тексте мемуаров, «если вспомнить все несовершенство тогдашних летательных аппаратов и всю необычность далекого беспосадочного полета над вражеским расположением, то станет понятной исключительность подвига бесстрашного летчика, подвига, который до сих пор сохранился в памяти боевых товарищей М.С. Смольянинова»²³.

Очевидно, что-то помешало осуществлению его планов, так как менее чем через месяц он возвратился в Россию. Приняв участие в Гражданской войне на территории Сибири, Смольянинов 21 мая 1919 г. погиб в самолете в результате внезапного возгорания²⁴. Причина этого происшествия осталась невыясненной, однако

то, что оно случилось вскоре после утверждения Смольянинова в должности начальника Воздушного флота Сибирской белой армии, позволяет предполагать диверсию (устранение неудобных офицеров-летчиков путем намеренной порчи аэропланов практиковалось пробольшевистскими элементами еще со времен борьбы за власть в армии летом 1917 г.²⁵).

Количество русских авиаторов, воевавших на Салоникском фронте в 1915–1918 гг. было сравнительно невелико, однако при небольшой численности летчиков и наблюдателей сербской авиации (немногим более 100 человек на ноябрь 1918 г.²⁶) оно могло достигать 10% ее летного состава. Присутствие в ее рядах российских добровольцев в период летней кампании 1918 г., в особенности же подготовки и осуществления сентябрьского прорыва союзников на Салоникском фронте, несомненно, способствовало успеху союзных войск, обеспечившему освобождение Сербии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Микић С.Ј.* Историја југословенског ваздухопловства. Београд, 1933.

² *Грујић З.* Авијација Србије и Југославије. 1901–1994. Београд, 1997; *Војиновић В.* Ваздухопловство Србије на Солунском фронту. 1916–1918. Београд, 2000; *Babac D., Thers A.* L'aviation serbe. 1914–1918 // *Armes militaires magazine*. 2001. № 189. Р. 41–47.

³ *Дузь П.Д.* История воздухоплавания и авиации в России. Июль 1914 года – октябрь 1917 года. М., 1989. С. 210.

⁴ *Корсун Н.* Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. М., 1939. С. 34.

⁵ *Грујић З.* Авијација Србије и Југославије... С. 46.

⁶ Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 399.

⁷ *Нива*. 1911. № 31. С. 573.

⁸ *Грујић З.* Авијација Србије и Југославије... С. 25.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 188.

¹¹ *Грујић З.* Авијација Србије и Југославије... С. 45.

¹² *Ibid.* С. 54.

¹³ *Babac D., Thers A.* L'aviation serbe. 1914–1918... Р. 47.

¹⁴ Вокруг света. 1976. № 5. С. 70.

¹⁵ URL: http://albindenis.free.fr/Site_escadrille/escadrille506.htm.

¹⁶ *Дьяченко Б.А.* Павел Янковский. Судьба одной ветви знаменитого рода // Янковские чтения. Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг. Владивосток, 1996. С. 32–34.

¹⁷ *Уфимцев Ю.* Авиатор из Сидеми // Конкурент. 2010. № 26. С. 22.

¹⁸ *Дьяченко Б.А.* Павел Янковский. Судьба одной ветви знаменитого рода... С. 34.

¹⁹ *Тименчик Р.Д.* Неизвестные экспромты Гумилева // Даугава. 1987. № 6. С. 115.

²⁰ *Микић С.Ј.* Историја југословенског ваздухопловства... С. 240.

²¹ *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 69.

²² *Кузнецов В., Месняев Г., Смольянинов С. и др.* Памяти друга, военного летчика полковника Смольянинова // Военная быль. 1954. № 11. С. 24.

²³ Там же.

²⁴ Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 269.

²⁵ См., например: *Botcharsky S., Pier F.* The kinsmen know how to die. New York, 1931. P. 282.

²⁶ *Babac D., Thers A.* L'aviation serbe. 1914–1918... P. 47.

Д.И. Муратова, А.А. Муратов (Прага)

Как создавалась Чешская Дружина К 100-летию со дня создания Чешской Дружины

«Нельзя отрицать того, что Россия своим согласием создать Чешскую Дружину сделала для нашего против австрийского сопротивления и для нашей революции весьма радикальный акт, на какой, например, Франция решилась только в 1917 году»

(Майор Войтех Прашек)¹.

В 2014 г. мировая общественность отметила 100-летие начала Первой мировой войны, в которую были вовлечены миллионы людей в разных странах. Эта война привела к крушению четырех могучих монархий: Российской, Австро-Венгерской, Германской, Османской и к появлению в мире новых государств. Тогда возникла Чехословацкая республика.

Исторической особенностью Чехословацкого государства было то, что за четыре года до его провозглашения, в Российской армии появился батальон «Чешская Дружина». Позже он был возвращен в армию, хотя государства чехов и словаков еще не существовало. Этот батальон стал первой чешской воинской частью, созданной в XX столетии, через триста лет после утраты Чехией своей армии и самостоятельной государственности в ходе Тридцатилетней войны в 1620 г.

Истории Чешской дружины посвящена обширная литература, однако, многие сообщения фрагментарны или лаконичны, наряду с этим, появились новые документы. Сейчас, спустя 100 лет со дня формирования Дружины считаем актуальным рассмотрение в хронологической последовательности событий, лежащих в основе создания чехословацкого войска, а затем государства. При этом мы пользовались как русскими, так и чешскими литературными и архивными источниками.

События в Петербурге, Москве и Киеве в начале войны

После убийства 28 июня 1914 г. в г. Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника короны Австро-Венгрии, и его жены сербским террористом, в Европе нависла угроза войны. Спустя месяц, 28 июля Австро-Венгрия, объявила войну Сербии, союзнице России. В связи с этим 31 июля в России объявили всеобщую мобилизацию армии и флота. Германия 1 августа объявила войну России как союзнице Сербии. Царь Николай II 2 августа провозгласил с балкона Зимнего дворца «Высочайший манифест о вступлении России в войну»². 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России.

Тогда на просторах России проживало около 100 000 чехов. Многие из них оставались гражданами Австро-Венгрии. После начала войны они невольно стали представителями вражеского государства в тылу Российской империи, к которым в соответствии с законом должны были быть применены санкции властей – интернирование военнообязанных, высылка не военнообязанных из страны и конфискация имущества. «Русские чехи», как их тогда называли, имевшие австрийское гражданство, не были патриотами монархии Габсбургов. Они мечтали о возрождении чешской государственности, утраченной 300 лет тому назад. Идеи национального возрождения вызревали в народе еще в XIX столетии. Поэтому с первых дней войны началась освободительная политическая активность чехов, на родине, в Российской империи и других государствах.

В Петербурге уже 5 августа у памятника царице Екатерине II, перед Александровским театром, собралось много чехов. Один из них аптекарь В. Эскерт, имевший кличку Вазелин Вазелинович, принес гуситский флаг с изображением чаши и полотнище на двух шестах с надписью «Братья, освободите чехов!»³. К собравшимся чехам примкнуло много горожан. С песнями «Гей, славяне!», «Где родина моя?» и «Боже, царя храни!» демонстрация прошла по Невскому проспекту к Казанскому собору⁴. Здесь к ней обратился с проповедью православный священник Орнадский, владевший чешским языком. Далее шли к Зимнему Дворцу, английскому, французскому и сербскому посольствам. Завершили ход у редакции «Вечернего времени». Затем этот поток людей снова направился к Невскому проспекту. Демонстрация чехов явилась подтверждением заявлений о принятии российского подданства,

которые были поданы накануне в «Канцелярию Государя Императора»⁵.

Не обошлось и без курьезов. Один прохожий, увидев символ чаши на гуситском флаге, спросил: «Это что, демонстрация против сухого закона?»⁶

В Москве 4 августа на собрании чешской колонии было решено корпоративно, всей общиной города принять подданство России, и провозглашено воззвание к чехам России: «Чехи! Военные события неудержимо охватывают Европу. Они свидетельствуют, что все направлено к огромной борьбе двух рас: славянской и германской. Чехи XV и XVII веков пожертвовали всем за свою свободу. Мы, их потомки, отдадим свои кровь до последней капли и жизнь за победу. Славяне, слушайте свою кровь. Чешский комитет»⁷.

6 августа в 11 часов дня, в Чешском комитете, на Кузнецком Мосту собралось много чехов, чтобы идти к Кремлю. С. Коничек получил разрешение у градоначальника Москвы А.А. Андрианова приветствовать царя, приехавшего в Москву, при въезде его в Кремль.

Чехи шли колонной по московским улицам. Во главе ее несли чешский красно-белый флаг. За ним шли руководители колонии: А. Тучек, председатель Московского чешского комитета, С. Коничек, А. Грабе и другие его члены. Далее следовали выходцы из Моравии – ганаки в национальных костюмах, члены общества «Сокол» в своей униформе, женщины в национальных нарядах и музыканты. В 12 час. 30 мин. все они стояли на Красной Площади у памятника Минину и Пожарскому. В торжественной тишине зазвенели колокола церквей. От Иверских ворот по Красной площади к Спасской башне медленно двигался царский кортеж. Все обнажили головы. Загремело «Ура!». Оркестр заиграл «Боже Царя храни!». Чешский флаг склонился. Загремело «Наздар!», «Живио!», «Ура!». Царский кортеж въехал в Кремль, а чехи пошли обратно на Кузнецкий мост и пели «Боже Царя храни!» и «Гей славяне!»⁸.

На следующий день градоначальник сказал С. Коничеку, что царь был удивлен и доволен, когда узнал, что чехи приветствовали его, а на просьбу С. Коничека о приеме царем депутации чехов пообещал помочь в этом.

В Киеве быстро узнали о петербургских и московских событиях. Здесь 8 августа в 10 час. состоялась большая манифестация против Австро-Венгрии⁹. В зале Купеческого собрания (ныне Фи-

лармонии) на Владимирском спуске и на прилегающей Александровской (ныне Европейской) площади собралось около двух тысяч чехов и иных славян, живших в Киеве и ближних уездах. Председателем митинга был гласный Городской думы, купец второй гильдии Г.И. Йиндржишек. Выступили публицист Ф. Зуман, председатель славянского объединения профессор Киевского университета Т.Г. Флоринский, гласный Волынского земства, председатель «Сокола» юрист доктор В. Вондрак и др. Резолюцию зачитал издатель В. Швиговский.

Было решено, что надо начать запись добровольцев в армию, что нет австрийских чехов – теперь все просто чехи. Также было принято решение создать больницу для раненых на 30 коек. Женщин призывали вступать в ряды Красного Креста. В. Вондрак зачитал телеграмму-обращение к болгарскому народу и к чехам Вены, Берлина, Цареграда (так называли чехи Стамбул) с призывом присоединиться к славянам.

Избрали «Киевский Чешский комитет помощи жертвам войны, вдовам и сиротам» из 13 членов, взявший на себя функции более широкие, чем те, что в названии. Ядром его были: гласный городской думы, купец второй гильдии Г.И. Йиндржишек – председатель; юрист, гласный Волынской губернской думы В. Вондрак – секретарь, заводчик Ф. Дедина; купец, поставщик Двора его императорского величества О. Червены; заводчик Ф. Паул и другие члены. Была послана делегация к генерал-губернатору Ф.Ф. Трепову и командующему Киевским военным округом генералу Н.И. Иванову. Манифестация закончилась возложением цветов к памятнику царю Александру II возле здания Купеческого собрания¹⁰. «Киевский Чешский комитет помощи» расположился на Владимирской улице в гостинице «Прага», принадлежавшей юристу В. Вондраку. Газета «Чехослован» в № 72 за 1914 г. писала, что добровольцы могут подавать заявления с 6 утра до 8 часов вечера. Молодые чехи из образованной прослойки эмигрантов начали записываться первыми. Но комитет еще не был готов к их приему. В эти дни Й. Йиндржишек поручил свое большое хозяйство управленцам, а сам включился в деятельность Чешского комитета и провозгласил девиз: «Все для войны и победы чешского дела».

Он, О. Червены, В. Вондрак, Я. Вольф и В. Швиговский делали все возможное, чтобы найти помещения для размещения приезжающих добровольцев и деньги для них. «Чехослован» опубликовал призывы к чехам вступать в Российскую армию или в Чешскую воинскую часть, которую предполагали создать.

Выступления чешских поселенцев проходили так же в Харькове, Одессе, Варшаве, Ростове на Дону, Екатеринодаре и в других городах. После манифестаций в разных городах России стихийно началась запись добровольцев. В земстве и кабинетах власти чешский «одбой» (сопротивление) начинался иначе. В один из первых дней войны в Московском земстве архитектор С.К. Родионов, славянофил и чешский «симпатик», разговаривая с возбужденными войною чехами, спросил скульптора Властимила Аморта, ученика знаменитого Йосефа Мысльбека, и будущего стародружинника: «Что, Вы не можете организовать чешскую воинскую часть?». В. Аморт ответил: «Московских чехов сагитируем». С.К. Родионов посоветовавшись в земстве, телеграфировал адъютанту верховного главнокомандующего Великому князю Николаю Николаевичу. Пришел ответ: «Пришлите чехов вместе с Амортом». Москвичи послали в Петербург скульптора В. Аморта, руководителя автомобильной фирмы «Лаурин и Климент» А. Тучека и книготорговца С. Коничека. 10 августа их и петербургского активиста, ювелира Зденека Реймана генерал А.Р. Кноринг представил военному министру В. Сухомлинову, начальнику генерального штаба М. Беляеву и начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н. Янушкевичу. Эти высокие персоны одобрили идею создания чешской воинской части в составе армии России. С 10 августа З. Рейман, житель Петербурга, зять адмирала Р.Н. Вирена, имеющий связи в военных кругах, стал постоянным посетителем Генштаба, где шла работа над проектом чешского военного формирования. 12 августа чешских представителей принял генерал М.А. Беляев, и З. Рейман как уполномоченный вел переговоры по организационным вопросам в Генштабе. В тот же день Совет министров рассмотрел и одобрил просьбу чешских общин о формировании воинской части из чешских добровольцев в составе российской армии.

14 августа начальник штаба Киевского военного округа (КВО) генерал-лейтенант Н.А. Ходорович получил из Генерального штаба телеграмму от генерала М.А. Беляева № 3468 о том, что на основании заявлений чешских обществ, проектируется создание чешских воинских формирований для военных действий против Австрии.

В эти дни манифестаций и волнений московские и петербургские представители чехов во главе со Зденеком Рейманом многократно посещали военного министра В.А. Сухомлинова и начальника генерального штаба Н.Н. Янушкевича. Его заместитель

генерал М.А. Беляев и З. Рейман завершили обсуждение деталей плана организации чешского воинского формирования и подготовили проект приказа Военного министерства № 2843 от 18 августа¹¹. Однако, окончательное решение об организации войска еще не было принято. Предстояло решить вопрос на высшем уровне государственной власти.

Аудиенции у царя

20 августа царь Николай II принял в Кремле депутацию московских чехов: А. Тучека, С. Коничека и А. Грабе, вручивших ему петицию московских чехов. В ней излагалось стремление принять российское подданство и вступить в вооруженную борьбу за освобождение Чехии от власти Габсбургов. В заключительной части было сказано: «Пусть засияет чешская корона св. Вацлава в лучах короны Романовых». Это был замысел чехов-русофилов пригласить на Град¹² королем представителя династии Романовых. Заметим, что чешская корона св. Вацлава была свободна, так как император и король Австро-Венгрии Франц-Иосиф не короновался в Праге вопреки обычаю своих предшественников.

Царь одобрил предложения депутации. Но это была встреча только с московскими чехами. Ее потом назвали «Первой аудиенцией чехов у царя». Было решено провести более широкую и представительную встречу. Она была тщательно подготовлена уполномоченными чешских землячеств, Министерством иностранных дел и Министерством Двора. Сообщения о ней не публиковались. В Петербурге, переименованном в Петроград 31 августа 1914 г., собрались одиннадцать представителей чешских общин Петрограда, Москвы, Киева и Варшавы. Это собрание назвали Советом чехов России. Его члены составили меморандум. Он был вручен царю в Царском Селе 4 сентября четырьмя представителями городов: председателем Совета О. Червеным (Киев), И. Клецандой (Петроград), С. Коничеком (Москва) и словаком из Варшавы И. Оршагом. При вручении меморандума царь внимательно выслушал чтение текста О. Червеным, обсудил его с гостями у карты, поговорил с каждым и выразил свое одобрение. Это событие назвали «Второй аудиенцией чехов у царя»¹³. Так завершились политические и административные мероприятия, а практическая деятельность по созданию воинской части уже началась в Киеве.

Киевский этап истории Чешской Дружины

20 августа командующему Киевским Военным Округом (КВО) пришло сообщение, что Генеральным штабом решено формировать чешскую воинскую часть в этом военном округе¹⁴ в связи с его удобным расположением к фронту и месту проживания многих чехов. Было предписано: чешский уполномоченный представляет списки рекомендованных добровольцев, за которых община ручается, а отбор проводит военный округ. Обязательным условием была подача добровольцем, если он гражданин Австрии, заявления с просьбой о получении российского подданства. Штабу КВО предоставлялось право выбора, какой вид воинской части формировать и с каким количеством личного состава. Киевский комитет располагал списком более 500 своих и иногородних добровольцев. Поэтому штаб округа решил формировать батальон не полного состава из двух рот, который мог бы в будущем расширяться. Такие воинские части – не полные отдельные батальоны по традиции называли «дружинами».

Начальник штаба КВО генерал-лейтенант Н.А. Ходорович приказанием № 16816 от 20 августа 1914 г. сообщил командиру дисциплинарного батальона г. Дубно подполковнику Николаю Иосифовичу Лотоцкому, что командующий КВО назначил его командиром батальона «Чешская дружина». В него вступят 540 чешских добровольцев, а из других частей будут переведены 8 офицеров, 4 чиновника и 124 унтер-офицера и солдата российской армии.

Подполковник Н.И. Лотоцкий прибыл в Киев со своими несколькими офицерами и унтер-офицерами дисциплинарного батальона. Первым приказом от 28 августа 1914 г. он объявил о своем вступлении в должность и указал места дислокации двух будущих рот. Штабу и 1-й роте предстояло разместиться в помещениях для паломников-богомольцев в гостинноприимных домах Михайловского монастыря по ул. Трехсвятительской д. 4, а 2-й роте – в 1-м Киевском реальном училище, находившемся близко от монастыря на ул. Большая Житомирская, 2. Этот день считается днем рождения Дружины.

С 29 августа по 2 сентября командир занимался приемом «русского кадра» Дружины – офицеров, чиновников и врача, а так же унтер-офицеров и рядовых из российских воинских частей. Первыми приехали в Киев 1 сентября добровольцы из Петрограда во главе с Йосефом Ваврохом, управляющим одной из дорогих гос-

тиниц. Через два дня прибыли москвичи, а потом группа из Одессы и Николаева под руководством А. Чилы. Вместе с киевскими добровольцами собралось 259 человек. Их зачислили в Дружину 4 сентября приказом № 7. 6 сентября прибыло 17 екатеринославских, 10 екатеринодарских и 24 харьковских волонтера из фирмы «Лаурин и Клемент». 8 сентября прибыли с Волынской и Подольской губерний еще 93 человека.

Первые «постояльцы» гостинноприимных домов Михайловского монастыря начали свою службу с приведения в порядок жилых помещений, уборки мусора, ремонта спальных мест, изготовления нар. В воспоминаниях добровольцев встречаются описания того, как они боролись с антисанитарией и насекомыми. Доски коек и нар выносили на улицу, скоблили и обрабатывали формалином. Самые первые добровольцы из киевлян и пригородных сел еще жили дома и только утром приходили в казармы. 2 сентября завершилось освоение казарм. Об этом генерал Н.А. Ходорович доложил в Ставку.

Из приехавших петроградских, московских, одесских и николаевских добровольцев штабс-капитан Д.Н. Зембалецкий сформировал 1-ю роту. После этого поручику Г.М. Павлову, прибывшему из 123-го Козловского полка, было приказано составить 2-ю роту из киевских добровольцев. Когда штат этих рот был заполнен, то поручик Константин Ившин начал 10 сентября формировать 3-ю роту из сверхштатного состава 1-й и 2-й рот и прибывающих. К 14 сентября их стало 160 человек. Новые добровольцы продолжали прибывать. Они ехали из Варшавы, с Урала, Северного Кавказа и других мест. 21 сентября поручик Нахтман и подпоручик В.А. Лицинский начали формировать 4-ю роту. Кроме этих четырех рот было сформировано из русских унтер-офицеров и солдат подразделение обслуживания штаба и хозяйственного обеспечения. Его разместили в реальном училище возле 2-й роты и назвали нестроевой 5-й ротой¹⁵.

Высшим командованием было предусмотрено так же комплектование Дружины офицерами чешского происхождения. Главное управление Генерального штаба решением № 2843 от 18 августа 1914 г. предписало произвести переаттестацию тех добровольцев, которые служили офицерами в австрийской армии в довоенное время, до приезда в Россию.

Провели их аттестацию, и Дружина 11 и 12 сентября пополнилась восемью офицерами чехами¹⁶. Это были первые национальные офицерские кадры, зарождающейся чехословацкой ар-

мии: надпоручик Отакар Котински и прапорщик Павел Тесарж – 1 рота; подпоручики Карел Цейп и Войтех Клецанда – 2 рота; подпоручики Карел Петржик, Йосеф Духачек и прапорщик Игорь Вилимек – 3 рота; прапорщик Шпала – 4 рота¹⁷. Они в отличие от российских офицеров имели статус офицеров ополчения. В процессе формирования рот были перемещения уже зачисленных добровольцев из одной роты в другую. Так, часть первых киевских добровольцев была переведена из 2-й в 4-ю роту. 13 сентября дружинникам выдали полевую униформу российской армии и оружие. Погоны и петлицы на шинели были малиновыми. Поэтому воины были похожи на солдат Лейб-Гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка.

В ротах было 24 музыканта, которых капельмейстер К. Долежал собирал для выступлений и репетиций. Инструменты для оркестра предоставили фирмы «Й. Йиндржишек» и «Червены и сыновья». Только позже, уже в Галиции, 12 ноября оркестр был собран в самостоятельное подразделение при штабе Дружины. Капельмейстер К. Долежал сочинил марш «Под знамя»¹⁸.

Командным языком в дружине был русский. Начались регулярные занятия строевой и боевой подготовками. Они проводились ежедневно с 8 до 12 и с 15 до 17 часов. Роты ходили на занятия в парки Владимирской горки, Купеческого сада и другие. На стрельбище шли через весь город по Львовской улице, через Кудрявец и Лукьяновку на Сырецкое учебное поле. Толпы зевак собирались смотреть на «австрияков» в русской униформе. Униформа, подобная гвардейской, иногда приводила к забавным ситуациям. Дружинник Йозеф Сланичка вспоминал: «Получили мы униформу гвардейского полка, но носили ее как гражданские, за что, разумеется, часто получали замечания от русских офицеров. Но еще были трудности. Мы не знали, где заканчивались благородия, а где начинались высокоблагородия, неговоря уже о превосходительствах и высокопревосходительствах. Случалось, что перед прапорщиком парни становились во фронт, а генералу отдавали честь лишь слабым махом руки».

Между командиром дружины подполковником Н. Лотоцким и его унтер-офицерами, привыкшими иметь дело со штрафниками дисциплинарного батальона, и чешскими добровольцами не складывались нормальные деловые отношения. Грубость, оскорбления, попытки обучать дружинников «русским» способом с рукоприкладством, вызывали возмущение. Большинство рядовых добровольцев имели высшее или среднее специальное об-

разование. Были недовольства, связанные с рядом запретов для «нижних чинов российской армии», которые по европейским понятиям считались абсурдными. Так, воинам запрещались в свободное время посещать парки, театры, рестораны, кафе, курение на улице, хождение по тротуару и др. Чтобы предупредить недоразумения, дружинники нашивали вокруг околышей фуражек национальную бело-красную ленту. Кроме того, под кокарду они нередко вставляли веточку липы – один из славянских символов. Этим подчеркивалось противопоставление австро-венгерской армии, где на головных уборах во время похода носили дубовую (а зимой еловую) ветку. Непривычные для российской армии украшения вызывали удивление, а иногда возмущение офицеров киевского гарнизона. Вскоре они стали относиться к «чуждачествам» чехов более терпимо.

Освящение знамени и принятие присяги

23 сентября командиром Дружины был назначен общевойсковой командир подполковник Иосиф Созентович. Он приехал из Москвы с добровольцами А. Тучеком и С. Чечеком. Они привезли знамя, вышитое московскими чешками А. Югнувой, М. Коничековой, Г. Шилгановой и другими дамами. На бело-красной стороне полотнища был вышит символ государственности Чехии – корона Святого Вацлава, окруженная липовой ветвью. Другая сторона полотнища знамени была российских бело-сине-красных цветов. Символов чешских земель Богемии, Моравии, Силезии и Словакии тогда еще на знамени не было. Их вышили уже после торжеств освящения и принятия присяги киевские чешки из Дамского комитета под руководством Марии Червеной. А. Тучека, председателя Московского чешского комитета, назначили уполномоченным представителем при командире Дружины¹⁹.

В эти дни в состав Дружины входило 12 офицеров и один врач российской армии, а также 8 офицеров чехов. Теперь добровольцев-чехов было 736, русских унтер-офицеров и солдат – 263, собранных в четыре стрелковые и одну вспомогательную роты. Новый командир был встречен дружинниками благосклонно²⁰.

11 октября 1914 г., (28 сентября по ст. ст), в день святого Вацлава – покровителя земли чешской, в Киеве на Софийской площади состоялось торжественное освящение знамени, принятие присяги царю и России. Для этого Дружина была построена на площади четырехугольником вокруг аналоя, на котором лежали Евангелие

и крест. Руководил торжеством начальник штаба КВО генерал-лейтенант Н.А. Ходорович. Гражданскую власть представлял депутат Государственной думы В.А. Маклаков – будущий военный министр России, городской голова И.Н. Дьяков, члены Городской Думы и Земской Думы Воыни. Были почетные гости. За рядами дружинников находилась публика²¹.

Перед строем дружины на столе лежали: древко, полотнище и навершие знамени, молоток и гвозди. Церемония началась с того, что духовенство провело богослужение в Софийском соборе, вышло на площадь, совершило крестный ход и подошло к строю воинов.

Генерал-лейтенант Н.А. Ходорович объявил начало торжества, прибил к концу древка навершие знамени в виде двуглавого орла, сделанное в Киеве на заводе чехов Унгерманна и Неедлы. Это действие генерала было не только частью ритуала, но и явилось неофициальным символом его интереса и заботливого отношения к будущим чехословацким военным формированиям. После этого полотнище прикреплял к древку каждый почетный гость, забивая по гвоздю в древко. Генерал торжественно поднял знамя. Киевский архимандрит совершил молебен и освящение знамени. Генерал произнес краткую речь и вручил знамя командиру Дружины подполковнику И. Созентовичу, который передал его знаменщику – прапорщику Я. Гейдуку, самому старшему 59-летнему добровольцу с Северного Кавказа. Началось принятие присяги. Адьютант штаба Дружины прочел параграф устава о наказании за потерю знамени. Затем он зачитал текст присяги. Его повторяла вся Дружина. Каждый доброволец подходил и целовал крест, евангелие и знамя. По щекам старого прапорщика, гордо державшего знамя, текли слезы воодушевления и радости²².

После завершения принятия присяги перед дружинниками выступил секретарь Киевского Чешского комитета Вацлав Вондрак: «Братья! Исполняется наша многовековая мечта, Вы – наше чешское войско. Это правда, что нас не много, но наша сила не в количестве. Вы идете в бой не только за чешскую землю, за славянство, ...за все человечество... Вы будете теми ангелами, которые принесут чешскому народу давно и всем сердцем ожидаемую весть о праве самим распоряжаться своей судьбой без посторонней опеки Великая цель, ради которой Вы идете в бой, требует и великого подвига. Вы истинная дружина победы или смерти. Для вас нет плена. Вы должны победить или умереть! Но Вы победите! Еще не выступая в поход, вы уже одержали бескровную победу. Вы заво-

евали сердце русского народа... Пусть же будут эти чувства наших новых друзей для вас священными. Братья, несите их в своем сердце в нашу родную Чехию и пусть будут они провозвестниками грядущих братских отношений между великой Россией и зарождающейся Чехией!»²³

Громко прозвучали команды, заиграл оркестр, и Дружина прошла по Софийской площади торжественным маршем под знаменем, на котором были корона Святого Вацлава и ветви липы – символы славянства, а на вершине древка блестел двуглавый орел Российской империи. Далее дружина шла по улицам Владимирской, Фундуклеевской (Богдана Хмельницкого), Крещатику к Трехсвятительской и по ней направилась в казармы²⁴. Так завершился начальный этап формирования первой Чехословацкой воинской части после 300-летнего отсутствия армии у чешского и словацкого народов.

В следующие дни дружинники готовились к отъезду на фронт. Дружина понесла первые не боевые потери. От брюшного тифа умерли: 18 октября – врач Лукьяненко, а на следующий день – рядовой Вацлав Кликх, сын старосты г. Здолбунова, один из пяти родных и двоюродных братьев Кликхов, из 4-й роты.

19 октября Чешский комитет устроил проводы 2 роты. Стародружинник Й. Швец, ставший в 1918 г. полковником, командиром дивизии в своем дневнике описал прощание с Киевом в 1914 г.: «Было всего много: еды (кроме спиртного), песен, музыки и торжественных речей. Собрались в актовом зале 1-го реального училища. С прощальными речами выступали Отакар Червены, заводчик Ф. Дедина, редактор «Чехослована» В. Швиговский, но лучше всех выступил учитель словесности этой реалки. Он говорил о Святогоре – праотце всех славян»²⁵.

Фонд дружины и военный налог

В Дружине шла боевая подготовка, а Киевский чешский комитет решал свои вопросы. Если вооружение, материально-техническое снабжение, все виды довольствия воинов шли за счет военного ведомства, и Чешский комитет в это не вникал, то он предвидел социальные проблемы в ближайшем будущем. Ведь из многих семей ушли кормильцы, остались их жены с детьми или престарелые родители. Ожидали приход с войны инвалидов, появление вдов и сирот. Для их поддержки нужны были деньги. Еще

в августе 1914 г. на собрании в «Соколовне»²⁶ по предложению заводчика Ф. Дедины создали «Фонд Чешской дружины» путем взимания единого для всех чехов Воинского налога. Председателем правления фонда избрали Й. Йиндржишека, кассиром – О. Андерле, владельца магазина одежды на ул. Большой Васильковской, 10, ревизорами – О. Червены и Й. Глоса. Взносы должны платить все, кто считал себя чехами, как бедные, так и богатые. Размер варьировал от 50 коп. до 200 руб. в месяц. В следующие годы, когда стали работать на предприятиях и в хозяйствах колонистов освобожденные военнопленные, то они так же платили налог²⁷.

Дружина на Юго-Западном фронте

22 октября утром добровольцы прошли колоннами с песнями по улицам города на станцию Киев-товарный. Там на протяжении дня, они оборудовали товарные вагоны, погрузились в них и вечером выехали на Юго-Западный фронт. 25 октября 1914 г. Дружина прибыла в город Радзивилов и разместилась в бывших кавалерийских казармах. Утром 27 октября она пошла маршем в занятый в сентябре российскими войсками австрийский город Лемберг. Этот город до середины XIV столетия назывался Львов. Он входил в Галицко-Волынское княжество, потом стал польским городом. На протяжении последних довоенных 140 лет был столицей австрийской провинции Королевство Галиции и Лодомерии. Теперь, после занятия российской армией он обрел свое историческое название – Львов и стал центром Галицко-Буковинского генерал-губернаторства России. Дружине предстоял пеший поход 140 километров. Возле г. Броды дружинники под звуки оркестра перешли бывшую Российско-Австрийскую границу. Поход с тяжелыми ранцами для воинов, не тренированных в походах, был очень утомительный. После двух дней марша в местечке Красном дружинники провели день отдыха. Во Львов пришли 1 ноября. Здесь 3 ноября генерал-губернатор Галиции и Буковины граф. Г.А. Бобринский провел смотр Дружины, которая из Львова на двух поездах выехала в Ярослав. 9 ноября в этом городке Дружину представили командующему 3-й армии генералу от инфантерии Радко Дмитриевичу Димитриеву, бывшему посланнику Болгарии в России. Он провел строевой смотр, распорядился разделить Дружину на отдельные роты, полуроты и взводы и придать их к штабам корпусов, дивизий и некоторых полков 3-й армии для ведения разведки на поле боя.

Следует сказать, что в некоторых изданиях, даже последних лет, встречаются ошибочные утверждения. Например, говорится, что Дружина не принимала участия в боевых действиях, а была формированием агитаторов и шпионов или пишут, что на знамени Дружины был изображен чешский лев, что она была ополчением. Нельзя согласиться с этим. Известно, что Чешская Дружина имела статус самостоятельной воинской части Российской армии – отдельного пехотного батальона. Имела собственное знамя и духовой оркестр. Ее командование издавало приказы, само управляло хозяйством и финансами²⁸. Командным языком был русский. Дружина была в прямом подчинении штабу 3-й армии Юго-Западного фронта, а ее роты и взводы так же оперативно подчинялись командирам частей, к которым были приданы для ведения разведки.

Начальник штаба армий Юго-Западного фронта М.В. Алексеев с целью поставить «на правильные начала» отношения с личным составом Дружины 16 ноября внес предложение в Штаб Верховного главнокомандующего принимать в штабе представителей чешских комитетов Л. Тучека и З. Реймана²⁹. Затем к ним присоединили В. Вондрака и Й. Осага. Теперь при командовании Дружины были представители четырех крупных региональных общин чехов и словаков в России.

Заметим, что рота «Наздар» во Франции в 1914 г. не была самостоятельной воинской частью. Она была чешским этническим подразделением в составе батальона «С» 1-го полка Марокканской дивизии Иностранного легиона Французской армии³⁰. В состав батальона входили подразделения разных национальностей: поляков, швейцарцев, испанцев, греков и др. Самостоятельной воинской частью 21-й полк Французского Иностранного Легиона, сформированный из чехословацких добровольцев, стал только в январе 1918 г. К тому времени из России прибыли через Англию два морских транспорта, около 2000 воинов: один из Архангельска во главе с поручиком Отакаром Гусаком, второй из Мурманска с подполковником Игнатием Гибишем. Это были участники боев под Зборовом и на Румынском фронте. В 21-й полк вступили также чехи и словаки, прибывшие из Великобритании, США и Канады.

Не делая здесь обзора боевых действий Чешской дружины на фронте в Галиции, отметим, что, в первые разведки подразделения вышли 14 и 16 ноября 1914 г. возле городов Тарнова и Радлова. После них командиры частей просили присылать им еще

команды чешских разведчиков, знавших языки и обычаи солдат противника. «Боевая работа» Дружины, как называют ее в литературе, обстоятельно изложена в книгах Бориса Татарова³¹, Павла Кутгана³² и др.

Первые посланцы на родину

На родине еще не знали о Дружине. В ноябре 1914 г. на фронте была создана группа добровольцев, перед которой поставили задачу перейти линию фронта и донести в Чехию и Словакию деятелям местного сопротивления сведения о том, что на фронте уже воюет Чехословацкая Дружина. После выполнения задачи группа должна вернуться через фронт обратно. Это была очень рискованная акция. Было выбрано одиннадцать человек: Черженский, Дашкевич, А. Грмела, Келлер, Й. Мюллер, Прейслер, В. Ванек, Нессы, Чижмарж, Фругауф, и Поскер³³. Их миссия в большинстве случаев оказалась драматической. Австрийские власти установили за задержание добровольца премию 5 000 крон.

Добровольцы Антонин Грмела и Йозеф Мюллер были 9 декабря 1914 г. задержаны австрийской полевой полицией, допрошены и 11 декабря осуждены воинским судом г. Вадовице, за шпионаж и предательство приговорены к смертной казни. В 14. 00 того же дня они были повешены перед строем батальона. Палача не было, приговор исполнили два солдата из этого батальона за вознаграждение 20 крон.

Добровольцу Черженскому удалось перейти фронт, пройти по неприятельскому тылу в Чехию, встретиться со старостой «Сокола», членом подпольной организации «Мафия» Йозефом Шейнером. В октябре 1915 г. Черженский проник в Швейцарию и 3 декабря вернулся на фронт в Дружину. Его наградили Георгиевским крестом и произвели в прапорщики. Доброволец Чижмарж при переходе фронта был ранен и подобран казаками. Доволец Дашкевич успешно перешел первую линию укреплений противника, но потом пропал без вести. Доброволец Фругауф прошел в Словакию, но был арестован в г. Кошице. Его принадлежность к Дружине суд не доказал. Его отпустили и мобилизовали в Австрийскую армию. Осенью 1915 г. его уволили из армии, как не годного к службе.

Добровольца Келлера арестовали австрийцы возле Змигорода. Следствие шло в г. Кошице и в Праге. Причастность к Дружине следствие не доказало. Его освободили и мобилизовали для рабо-

ты в железнодорожных мастерских. Доброволец Нессы успешно прошел фронтную линию и был арестован австрийцами в Тешине. Перед арестом он успел информировать представителя сопротивления епископа Яношка в Липтовском Микулаше и через него доктора Э. Бенеша о существовании Чехословацкой Дружины. Следствие не установило виновности Нессы. Он был мобилизован в австрийскую армию, где прослужил до августа 1918 г. Затем перебежал на русскую сторону и вернулся в Сибирь в свою часть. Доброволец Поскер прошел через фронт и дошел до Чехии, где был арестован австрийской полицией. Следствие доказало его измену, но в связи с тем, что он несовершеннолетний (не было полных 18-ти лет) приговорен к 12 годам тюремного заключения. Его пробовали приобщить к делу домашнего сопротивления К. Крамаржа и К. Клофача, но безуспешно. Он был освобожден после провозглашения Чехословацкой республики в октябре 1918 г. Взводный Прейслер прошел успешно линию фронта. Согласно некоторым свидетельствам, он был в Кракове схвачен австрийскими военными и повешен за измену и шпионаж.

Взводный В. Ванек успешно прошел через фронт и по тылам, дошел до Чехии. В декабре 1914 г. он в Праге встретился с представителями сопротивления и с К. Крамаржем. Пытался с ними обсудить проект восстания в чешских землях, разработанный Л. Тучеком. К. Крамарж считал этот план несостоятельным. Через доктора Гербена В. Ванек получил записку от профессора Масарика. Возврат в Россию начал с того, что официально оформил свое пребывание в чешских землях, поступил на австрийскую службу в 1915 г., прошел офицерский курс, попал на русский фронт, где в сентябре 1915 г. сдался в плен, идентифицировал себя и был направлен в Чешскую дружину. Награжден крестом св. Георгия 4-й степени и произведен в прапорщики³⁴.

Первые добровольцы из военнопленных

В 1914 г. военнопленных в Дружине не было. Дружина нуждалась в пополнении чехами и словаками. Только в январе 1915 г. Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич негласно разрешил под личную ответственность командующего 3-й армией Р. Димитриева прием пленных в Дружину. Приняли 259 первых добровольцев из 412 пленных, взятых в боях у Тарнова. Это было нарушением международных конвенций и делалось скрытно, с обязательным условием подачи пленными про-

шения о предоставлении российского подданства. Потом, после принятия присяги, эти добровольцы с гордостью называли себя «новодружинниками». «Стародружинниками» называли добровольцев, вступивших в Дружину до 31 декабря 1914 г.

В апреле 1915 г. произошло выдающееся событие. В результате агитации, проведенной полуротой подпоручика Войтеха Клецанды 28-й австрийский полк в почти полном составе, около 1600 человек, сдался в плен. Его потом назвали «полк пражских детей». По просьбе представителя Союза ЧС обществ при командире Дружины В. Вондрака Ставка разрешила разместить этих пленных в чешских селах на Вольни³⁵.

В 1915 г. военная комиссия союза ЧС обществ, председатель В. Вондрак, просила правительство разрешить прием добровольцев из пленных. Но разрешили только мобилизацию волынских чехов. С их приходом в Дружину стал формироваться второй батальон³⁶.

Новый командир Дружины

Командир дружины И. Созентович, так же как и его предшественник, не смог построить нормальные отношения с личным составом в силу особенностей характера, высокомерного отношения к подчиненным. В июле 1915 г. командиром Дружины назначили подполковника Вячеслава Платоновича Троянова (1876–1918), имевшего опыт командования полком на фронте с первых дней войны. С его именем связаны многие успехи Дружины, превращение ее в полки, а потом в бригаду, успешный бой у Зборова.

За тринадцать месяцев пребывания на фронте Дружина приобрела боевой опыт, постоянно выполняя разведывательные задания, и настолько выросла, что 01.01.1916 г. имела в восьми стрелковых ротах 1343, в запасной роте 107 добровольцев, в нестроевой части 165 русских воинов, в оркестре 35 и в пулеметном отделении 35 добровольцев.

После реорганизации 13 января 1916 г. Дружина была переименована в Чехословацкий стрелковый полк³⁷, а его командир А.П. Троянов – произведен в полковники. Полк состоял из двух батальонов. Воины имели 480 наград за боевые заслуги. Дружина потеряла с ноября 1914 г. 35 убитыми и пропавшими без вести, 14 умершими и 112 ранеными и больными. Так завершилась история Отдельного стрелкового батальона «Чешская Дружина», первой воинской части, сформированной из чехов и словаков в составе Российской армии.

Наследник Чешской Дружины – Чехословацкий стрелковый полк в 1916 г. продолжал расти, его два батальона стали 1-м и 2-м Чехословацкими полками, объединенными в бригаду. 21 апреля 1916 г. царь удовлетворил ходатайство Союза ЧС обществ России об освобождении пленных чехов и словаков для службы в армии и работы в промышленности, подготовленное В. Вондраком и А. Тучеком. Началось пополнение полков. В апреле из Лондона в адрес Второго съезда Союза чехословацких обществ, проходившего в Киеве, пришло приветствие Т.Г. Масарика. Это было его первое обращение к инициаторам «одбоя» (сопротивления) в России. В нем он благодарил российских чехов за создание бригады.

18 июня 1916 г. император Николай II принял в Ставке В. Вондрака и А. Тучека. Они выразили благодарность царю за освобождение пленных и подали ему резолюцию Второго съезда Союза ЧС обществ о создании чехословацкого войска. Это можно назвать третьей аудиенцией чешского руководства у царя. Через четыре дня был получен ответ: «Государь одобрил просьбу Союза ЧС обществ».

В марте 1917 г. бригада пополнилась сформированным 3-м полком. Подразделения полков продолжали вести разведывательные действия на Юго-Западном фронте.

В июне месяце их отозвали из корпусов и дивизий, свели в единое формирование – бригаду, перед которой была поставлена боевая задача – провести наступательный бой в операции «Прорыв Керенского». Успешный бой завершился прорывом участка фронта у г. Зборова. Но он не был поддержан взаимодействующими частями. Российская армия разваливалась. Этот бой ознаменовал начало нового этапа истории чехословацких воинских частей – полков, наследников батальона «Чешская Дружина».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Prašek V. Česká Družiná. Praha, 1934. S. 131.*

² Чешско – Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России 1914–1917 гг. М, 2013. Т. 1. С. 49.

³ *Čechoslovan. 1914. 12.08. Č.70. Цит по: Zuman F. Osvoboženska legenda. D.1. Praha, 1922. S. 87.*

⁴ *Štýbnar Vit. Jak jsme r. 1914 v Petrohrade manifestovali // Věstník Sdružení Čechů a Slováků z Ruska. 1924. Č. 12. S. 2, 3.*

⁵ *Čechoslovan. 1914. 12.08. Č. 70.*

⁶ *Štýbnar Vit. Op.cit. S. 3.*

⁷ *Zuman F.* Osvobozenska legenda. D. 1. 1922. S. 73.

⁸ Čechoslovan. 1914. 12 srpna. Č. 72. Цит. по: *Zuman F.* Op. cit. S. 88.

⁹ *Prášek V.* Česká družina. Praha, 1934. S. 14.

¹⁰ Ibidem. S. 18–20.

¹¹ Ibidem. S. 17.

¹² Град для Праги подобие Кремля (*прим. ред.*).

¹³ Druhé slyšení Čechoslovaků u cara Nikolaje II // Národní listy. 1924. 14 zaří. Č. 254; см. также: *Муратов А., Муратова Д.* Две аудиенции // Русское слово (Прага). 2010. № 2. С. 22–25.

¹⁴ *Prášek V.* S. 20.

¹⁵ *Prášek V.* Česká Družina. Praha, 1934. S. 23.

¹⁶ Ibidem. S. 25.

¹⁷ *Mašín E.* Česká družina. Praha. 1922. S. 139.

¹⁸ *Houra J.* Hudba České družiny // Historie a vojenství. 1999. Č. 3. S.623–630.

¹⁹ *Беляев М.А.* Телеграмма в штаб КВО 16 сентября 1914 г. // Чешско-Словацкий корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т.1... С. 81.

²⁰ *Prášek V.* Česká Družina. Praha, 1934. S. 26.

²¹ *Chodorovič N.A.* Odbojové hnutí a Čsl. Vojsko v Rusku (1914–1917) . Praha, 1928. S. 28.

²² *Prášek V.* Op. cit. S. 27

²³ Цит. по: *Лазаревский В.* Россия и чехословацкое возрождение. Париж, 1927. С. 27.

²⁴ В 2014 г. отмечалось столетие со дня создания Чешской Дружины: 28 сентября в Киеве представители чешского посольства, делегаты Чехословацкого общества легионеров и представители ответственности Украины открыли мемориальную доску в честь этого события, установленную на внешней стене Национального Заповедника София Киевская. 11 октября в Праге у Национального Памятника на горе Витков прошла реконструкция освящения знамени и принятия присяги добровольцами 11 октября 1914 г. Участвовали: министр обороны Мартин Стропницки, председатель чехословацкого общества легионеров Павел Будински, военные, ветераны и др. На товарной станции Прага-Жижков демонстрировались легионерский поезд с вооружением и действующий паровоз той эпохи.

²⁵ *Deník plukovníka Švece / K tisku připravil Dr. J. Kudela.* Praha, 1926. S.59–60.

²⁶ «Соколовна» – гимнастический зал «соколов», членов чешской спортивно-патриотической организации (*прим. ред.*).

²⁷ *Prvá valečna dan ČS. Státu // Věstník Ústředního Sdružení Čechů a Slovaků z Ruska.* 1938. Roč. XVII. Č. 10–11. S.82.

²⁸ *Mencl. V.* Svatek České družiny // Legie. 1933. R.VIII. Č. 39. S. 1–2.

²⁹ *Алексеев М. В.* Препроводительная записка к докладной записке Л. Тучека и З. Реймана. 16 ноября 1914 г. // Чешско-Словацкий корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т.1... С. 102.

³⁰ *Vavroch J.* Rusko a Čsl. Legie v letech 1914–1918 // *Věstník Ustředn. sdružení ČS z Ruska.* R.XIV Č. 1. S. 1.

³¹ *Татаров Б.* Чешская (Киевская дружина), август 1914 – декабрь 1915. М., 2009. С. 92.

³² *Kuthan P.* Česká družina 1914–1916. Hradec Králové, 2002. S. 84.

³³ Ibidem. S. 17–18.

³⁴ *Kuthan P.* Česká družina 1914–1916... S. 84.

³⁵ Телеграмма из Ставки командиру 9-го арм. корпуса А.М. Драгомирову об удовлетворении просьбы представителя Союза чешских обществ в России при командире Чешской дружины В. Вондрака о размещении полка в чешских селах Волынской губернии. 6 апреля 1915 г. // Чешско-Словацкий корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т.1... С. 157.

³⁶ *Pichlík K.* Bez legend. Praha, 1991. S.123.

³⁷ *Čechoslovačké vojsko na Rusi.* – <http://forum.valka.cz/viewtopic.php/t/14388/start/-1>.

М. Даниш (Братислава)

Предпосылки словацкого освободительного движения и цели словаков в чешско-словацких легионах в России

Перед Первой мировой войной в Америке проживало приблизительно 600 тыс. словаков. Общий патриотический настрой и желание принадлежать к какой-то организации привели к основанию в 1907 г. Словацкой Лиги, которая стала направлять деятельность американских колонистов. Лига имела возможность не только инициировать активность своих членов, но и финансировать ее¹. Уже до начала Первой мировой войны американские словаки имели согласованную программу решения словацкого вопроса в Венгрии.

Словацкая Лига 10 сентября 1914 г. приняла Меморандум с жалобами и требованиями предоставить право на самоопределение и полную самостоятельность². Этот Меморандум означал начало политической активности американских словаков. Стремления к упорядочению государственно-правового статуса и анализ различных альтернатив в конце концов привели к решению о создании общего государства чехов и словаков. Американские чехи, создавшие весной 1915 г. Чешское национальное объединение, начали сотрудничество со словаками³. Т.Г. Масарик решил использовать эти тесные двусторонние связи и совместную деятельность в Америке для своих планов, выступая в качестве представителя как чехов, так и словаков. В октябре 1915 г. был подписан Кливлендский договор, основным программным пунктом которого являлась независимость чешского и словацкого народа в федеративном государственном союзе при условии полной национальной автономии для Словакии⁴.

И хотя наибольший словацкий анклав существовал в Соединенных штатах Америки, весьма активно будущее обоих народов стало обсуждаться в России, точнее в польской части Российской

империи. Здесь уже в первые дни войны зародилось национально-освободительное движение. Его инициаторами стали «русские» словаки и чехи, которые постепенно, начиная с XIX столетия создавали там компактные поселения, а именно «самое младшее» поколение переселенцев⁵, т.е. тех, кто приехал из Австро-Венгрии незадолго до войны и хорошо представлял себе обстановку дома. Новая волна чехов и словаков появляется в России уже после начала Первой мировой войны, это были пленные, число которых вскоре составило более 200 тыс.⁶

Многие колонисты являлись подданными Австро-Венгрии, а так как они находились в неприятельском государстве, то им приходилось решать, на чью сторону встать. Они должны были явиться в полицию, и им грозили интернирование и конфискация имущества. Естественно, что участвуя в «патриотических манифестациях русской буржуазии и обращаясь с прошениями к членам Государственной Думы»⁷, они пытались обезопасить себя и свое имущество. Их политические взгляды определялись экономическим положением. Так как для своей торговой и общественной деятельности колонистам требовалась спокойная обстановка и поддержка правящих кругов, то не удивительно, что «многие из них сохраняли австро-венгерское подданство, и даже после начала войны были активными членами австро-венгерского союза «Hilfsverein и Flottenverein» («Союз финансовой и материальной поддержки»), а некоторые даже посещали приемы в австрийском посольстве»⁸. Патриотические идеи пока не играли особой роли.

Чехи были сосредоточены на Волыни, на юге России и в крупных центрах – Москве, Киеве, Петрограде, Варшаве, Харькове и Ростове-на-Дону. Чехов, естественно, было больше, и они в основном были заняты в промышленности. Некоторые из них стали владельцами крупных предприятий, торговых фирм, пивоварен и фабрик. Помимо торговцев и промышленников среди них были учителя, мельники, банковские служащие, мясники и музыканты. Они не только трудились, но занимались еще и общественной деятельностью (Йиндришек, Вондрак, Грабе, Коничек, Тучек, Чермак, Прокоп, Калина, Вольц, Рейф).

Самая крупная чешская колония находилась в уже упоминавшейся выше Волынской губернии, в ее состав входили в основном крестьяне, которые стали селиться там в 1850–1870-х гг. Другие категории переселенцев, – ремесленников, торговцев, предпринимателей, служащих в административном аппарате, – можно было встретить в разных частях огромной России. Довольно многочис-

ленным и признанным центром чешских эмигрантов был Киев, где проживало почти 20 тыс. чехов и существовала единственная чешская школа в России. С 1911 г. там печатался еженедельник «Чехослован» («Čechoslovan»)⁹.

Словаков в России было намного меньше и у них не было компактных мест расселения. Представителями словацких переселенцев стали несколько сотен торговцев, предпринимателей и бывших дротарей (ремесленников, занимавшихся изготовлением и ремонтом предметов из металлической проволоки – *прим. пер.*), разносчиков оливкового масла и шафрана, которые либо работали на себя, либо трудились на чужих фабриках по производству металлических инструментов в Москве или в Петрограде. За весь этот период здесь на постоянное жительство осело несколько десятков семей. Перед началом войны словаков было всего лишь около 600 человек¹⁰. В отличие от чехов, словаков в Киеве практически не было¹¹.

Однако словаков можно было встретить в Харькове, Одессе, Саратове и Кишиневе¹², где они участвовали в местной общественной жизни и входили в объединения и союзы. В частности, в воспоминаниях фигурируют, например, рабочие Бергер из Самарканда, Булла из Коканды, Клепая из Москвы, Йозеф Белон, имевший мастерские в Баку и Тбилиси, Ян Коренны из Омска, предприниматель Захар, живший в Варшаве¹³. Известным персонажем был предприниматель Ондрей Духай, который приехал в Россию как разносчик товаров по домам. В 1890 г. ему уже принадлежал рынок в Нерчинске, действовавший до конца войны. В Чите, Благовещенске и Харбине он основал крупные торговые дома с капиталом в несколько сотен тысяч и месячным оборотом выше ста тысяч рублей¹⁴. Упомянем еще о семейных кланах Паулины, Збинёвсков, Гунчиков и Крутошиков.

Больше всего словаков, 100–120 человек¹⁵, проживали в Варшаве, куда переселились в качестве сотрудников торгового дома братьев Орсагов, бывших дротарей из Турца. Кроме них известно еще об Иване Шипке, Юрае Грашке и Арпаде Хованчаке¹⁶.

Многие торговцы в результате многих лет кропотливого труда сумели накопить солидные капиталы и стали богатыми и влиятельными людьми. Они сосредоточились вокруг объединения «Варшавская Беседа», вскоре изменившего название на «Чехословацкую Беседу», председателем которого стал уже упоминавшийся Ян Орсаг, среди своих известный как «батяка»¹⁷. Заместителем председателя был чех Ян Гампл. Летом 1915 г., когда немецкий

фронт значительно приблизился к Варшаве, его члены, вынужденные подчиниться приказу об эвакуации, на собрании объединения определили новым местом пребывания Москву, где в середине июля Беседа начала действовать¹⁸.

После того, как Варшава была оставлена, основными центрами заграничного Сопротивления стали Киев, Петроград и Москва, которые пытались не только обеспечить финансирование освободительного движения, но и занимались набором добровольцев.

Словацкий контингент в Москве опять сосредоточился вокруг фирмы братьев Орсаг и Густава Паулины. Не менее известны были также имена братьев Гунчиков и Крутошиков, которые владели фабрикой по производству металлических столовых приборов с числом рабочих свыше двухсот, Аладара и Ивана Збинёвски и Яна Кормана¹⁹. Прибыль от предпринимательской деятельности они использовали на национальные акции, а их предприятия работали также и на войну. Благодаря доброму имени братьев Орсаг не было проблем с предоставлением кредитов, за счет которых покрывались все расходы²⁰. Словаки не только оказывали большую материальную помощь национально-освободительному движению, но и пропагандировали его, лично выступая перед российской общественностью. «Интересно, что словаки говорили по-русски лучше, чем братья чехи, по крайней мере, в том, что касалось произношения, а это в русском языке, очень важно»²¹.

Сразу же после переезда в Москву был основано Чехословацкое объединение соответственно Чехословацкая Беседа как замена прежней организации, членами которой являлись исключительно русские словаки²². Здесь всю проявилась личность Яна Орсага, представлявшего словаков на всех совещаниях в Москве и за ее пределами. Таких же взглядов придерживался и высоко его ценил и Т.Г. Масарик, который с ним часто обсуждал разные проблемы.

В Петрограде словацкая колония была слабо представлена, так как там не было словаков, подданных России.

Русские словаки, существовавшие в относительно свободной среде, сразу после начала войны поняли, что появились условия, способные принести угнетенному словацкому народу значительные перемены. Они понимали, что пришло время, когда они не просто могут, но должны содействовать его освобождению. Национальное сознание словацкой общины своим личным примером пробуждал Ян Орсаг и, благодаря своему положению, он с самого

начала занимал различные посты в организационной структуре движения.

Словаки стали чаще встречаться в Беседе²³, которая пользовалась благосклонным отношением польских кругов и российской администрации²⁴. Беседа уже в первые дни войны стала в жизни варшавских словаков и чехов весьма важным фактором, так как взяла на себя роль охраны интересов колонии. После многочисленных совещаний члены Беседы приняли решение остаться в России и не выдавать Австро-Венгрии ни одного солдата. Не прошло и месяца после начала конфликта как Беседа в журнале «Славянское эхо» опубликовала заявление, в котором говорилось: «Да будет проклято то государство, которое натравливает наших соотечественников на других славянских братьев. Покончим с Австро-Венгрией! Пусть будут свободными чешские земли и Словакия!»²⁵.

Практическое осуществление этих идей они видели в боевых действиях на стороне российской империи в рядах ее армии, которая и должна была стать решающей силой при решении чехословацкого вопроса. В том же направлении рассуждали и действовали русские чехи: в августе 1914 г. они подали в российский Совет министров Меморандум под названием «Докладная записка о чешско-словацком вопросе»²⁶. «Чешский народ, состоящий из двух частей, а именно из чехов и словаков», стремится к объединению, когда «дело дойдет до полного раздела Австро-Венгрии и создания чешского государства...»²⁷

Представители чехов и словаков из эмигрантских обществ собрались на совещание в Петрограде 7–11 марта 1915 г., куда своего заместителя председателя Йозефа Орсага направила и Беседа. Это событие приобрело известность потому, что тогда состоялась дискуссия о будущих отношениях словаков и чехов, а также из-за того, что делегатов принял во время аудиенции 18 сентября 1914 г. император Николай II, проявивший особый интерес к словацкому вопросу²⁸. Чехи с самого начала выдвигали программу объединения двух государств под российским управлением и одновременно предпринимали попытки сотрудничать в духе чехословацкого национального единства.

Йозеф Орсаг представлял словаков и в делегации, от которой император Николай II выслушал жалобы словаков и чехов, надежды, что Россия освободит эти земли и просьбу разрешить основать организацию, которая бы объединяла всех соотечественников. А до того, представителей словаков и чехов принял министр

иностранных дел Сазонов, который весьма заинтересовался словацким вопросом и, по словам Йозефа Орсага, уделил ему «много времени»²⁹.

Во время дискуссий о том, каким образом должна быть реализована идея освобождения народа, преобладали два взгляда. Большинство склонялось к чехословацкому единству, представлявшемуся в форме королевства под эгидой какого-либо князя из династии Романовых. На многих оказал влияние Чешский комитет, провозгласивший единую чехословацкую нацию. Словаки на собрании в Петрограде 11 апреля 1915 г. провозгласили: «Петроградские словаки, полные сознания славянской взаимности требуют освобождения словацкого народа от венгерского ига и присоединения Словакии к будущему чехословацкому королевству»³⁰.

Часть патриотически настроенных словаков, хотя и склонялась к мысли общего государства, но подчеркивала, что оно должно строиться на основе полного равноправия обеих наций³¹. Другие словаки ничего не имели против чехов, но хотели, чтобы Словакия была независимой³². Весной 1915 г. они объединились в словацко-русском Обществе памяти Штура. Они исходили из идеи самобытности словацкого народа и в первом же своем заявлении потребовали присоединения Словакии к России³³. Исключительный интерес России к словацкому вопросу в это время несомненно был связан с планами царской России в Галиции и идеей использовать чешско-словацкое движение в России при планировавшемся наступлении царской армии на австро-венгерскую территорию. Этим задачам отвечало и известное обращение Главнокомандующего Русской армией вел. кн. Николая Николаевича осенью 1914 г. к славянским народам австро-венгерской монархии, напечатанное на их родных языках. В нем говорилось, что Россия принесет им свободу и осуществит их национальные чаяния.

Чуть позже чешско-словацкие делегаты петроградского совещания посетили и других министров российского правительства (министра внутренних дел Маклакова, военного министра генерала Сухомлинова), причем последние позитивно отнеслись к идее чешско-словацкой государственности. Интерес царя и царского правительства к чешско-словацкому вопросу в России, однако, не перерос в серьезную поддержку созданию основ будущего независимого государства, а проявлялся в значительной мере из-за возможности использовать тысячи австро-венгерских славян-пленных в борьбе против Центральных держав. О желатель-

ности использовать пленных для службы на стороне России информировал Главное командование Русской армии командующий русского Западного фронта генерал Алексеев. Однако эта идея не нашла отклика в правительстве, и в 1915 г. русские правительственные круги постановили не создавать чешско-словацкую армию в России³⁴.

Хотя с началом войны интерес в российской периодической печати к славянским вопросам повысился, он был характерен лишь для образованных людей славянофильской ориентации, а что касается словаков, то обсуждения шли вокруг трех альтернатив: присоединить Словакию к Российской империи, оставить ее в рамках Венгрии до тех пор пока на обломках Австро-Венгрии не начнут создаваться новые государства, либо присоединить Словакию к Чешским землям, Богемии, Моравии и Силезии, и тем самым сделать возможным создание чешско-словацкого государства. Журнал «Чехослован», выходивший в России, в этой связи подчеркивал, что необходимо пропагандировать среди российской общественности идею создания общего чешско-словацкого государства, и что иные способы решения судеб чехов и словаков немислимы³⁵. Сдержанное отношение официальных российских правительственных кругов к вопросу создания независимого чешско-словацкого государства объяснялось также страхом, что это могло бы иметь негативное влияние на польский и украинский вопросы и могло бы усилить сепаратизм поляков и украинцев в отношении к России. Естественно, что России требовалось значительно ослабить позиции Австро-Венгрии, создать т.н. малую Австрию, чтобы она не могла противиться проникновению российского влияния на Балканы и овладению Россией Константинополем. Поэтому царская администрация явно симпатизировала Словацко-русскому обществу памяти Штура и его русофильской программе, которая предполагала совершенно нереальный план присоединения Словакии к царской России в качестве отдельной губернии.

Реальную политику России по отношению к пленным-славянам словаки вскоре почувствовали на своей шкуре после первых контактов за линией фронта. Это различие между представлениями словаков, которые часто добровольно перебежали на сторону русских и сдавались в плен, и российской действительностью, с которой они познакомились в лагерях для военнопленных, описал в своих воспоминаниях Й. Янчек-младший³⁶: «Мы перешли к русским и прямо попали в лагерь военнопленных. И тогда мы уви-

дели, что Россия совсем иная, чем мы представляли. Наши газеты старого направления, старая словацкая политика воспитали нас так, что мы, словаки, не смели ни на что надеяться, кроме как стать губернией в великой России, где нам все само собой с неба упадет. Словацкий народ предполагал, что в России ни о чем другом и не помышляют, кроме как вести бой с немцами и помогать нам словакам. А когда мы попали туда, то поняли, что в великой России о нас ничего, практически ничего не знают. Для русских мы были австрийцами. Что такое словак, где находится Словакия, – об этом знали лишь профессора в Петрограде, большая часть которых мечтала лишь о том, чтобы сделать из нас русских и православных»³⁷. Словацкая интеллигенция, находившаяся под сильным влиянием русофильских взглядов Ваянского на внешнеполитическую ориентацию, свой взгляд на Россию в русском плену сильно изменила. Разочарованность в России после жизни в плену выражали многие известные представители словацкой интеллигенции, действовавшие в годы Первой мировой войны в России (Я. Янчек, Янко Есенский, Йозеф Грегор Тайовский, Владимир Гурбан, Иван Маркович и другие). Первый съезд чешских и словацких обществ в России состоялся в Москве 7–11 марта 1915 г., в нем участвовали 34 делегата, представлявшие 6 обществ соотечественников в России. На этом съезде был основан Союз чешско-словацких обществ на Руси. Из словаков на съезде присутствовали Й. Грашко, Й. Шипка и Й. Орсаг. По уставу Союза, одобренному российским министерством внутренних дел, его члены должны были иметь российское подданство и место жительства в городе, в котором будет находиться Союз, поэтому на съезде разгорелась борьба между петроградской и киевской делегациями о будущем месте расположения Союза³⁸. В конце концов голосованием решили, что местом пребывания Союза станет Петроград, его председателем – Б. Чермак, а секретарем – Й. Клецанда. Из словаков членом военной комиссии стал Йозеф Орсаг. На съезде делегаты приняли постановление о создании чехословацкого королевства и чехословацкого войска, набор в которое должна была осуществлять военная комиссия, находившаяся в Киеве. Во время чешско-словацкого собрания в Петрограде (11 апреля 1915 г.) варшавские и петроградские словаки выразили поддержку недавно созданному Союзу и одновременно осудили попытки Словацко-русского общества памяти Штура созвать в Москве самостоятельный съезд словаков. В июне 1915 г. Союз стал издавать в Петрограде журнал «Чехословак» («Čechoslovák»), редактором которого стал Богдан

Павлу. В конце 1915 г. в журнале появился еще один сотрудник, Иван Маркович.

1916 год стал годом необычайной активности словаков в России, что связано с приливом новых военнопленных, среди которых было много словацких политических деятелей. Из освободившихся заключенных словаков к чешско-словацкому освободительному движению в России присоединились Иван Маркович, Йозеф Грегор Тайовский, Янко Есенский, Владимир Дакснер, Ян Янчек-мл., Иван Дакснер и другие. В новом центре словацкого движения – в Москве – в начале 1916 г. было создано Чешско-словацкое общество как противовес Словацко-русскому союзу памяти Штура, и в его программном заявлении наряду с выражением симпатии к России содержался и главный тезис о будущем совместном чешско-словацком государстве. Председателем общества стал Ян Рикса, а заместителями председателя – Ян Орсак-старший и Эмануэль Шкарван³⁹. В апреле 1916 г. состоялся второй съезд Союза чешско-словацких обществ на Руси, где было избрано новое руководство, ядро которого составила т.н. киевская группа, находившаяся до этого момента в оппозиции к прежнему руководству Союза. Председателем стал Вацлав Вондрак, несогласный с ориентацией на царский режим. Вондрак находился в оппозиции как к царефильски настроенному Дюриху, так и к мазарикоскому Чехословацкому национальному совету в Париже. После победы киевской группы местом нахождения Союза стал Киев. На втором съезде из 61 делегата 9 были словаками⁴⁰. Одной из важнейших тем съезда стал словацкий вопрос.

В петроградском журнале «Чехословак» и киевском «Чехословане» появился ряд статей словаков в России, которые призывали к сохранению словацкой автономии в рамках будущего чешско-словацкого государства. Через 2 месяца после «Киевской резолюции»⁴¹ состоялось совещание ведущих словацких лидеров в России, на котором 19 октября 1916 г. в Киеве было принято программное заявление «Наша цель», в котором впервые словацкие представители самостоятельно выразили свои представления о том, какое положение должна занять Словакия в рамках общего чешско-словацкого государства. Они однозначно высказались против идеи «чехословакизма», то есть единого чехословацкого народа, которую в России разделяло большинство чехов и М.Р. Штефаник, и за сотрудничество с чешским народом на принципе полного национального самоуправления и свободы самоопределения. Словаки в России, несмотря на конфликты между

отдельными обществами, в вопросе самобытности будущей Словакии были едины, а также подчеркивали, что окончательное решение должно быть принято на родине.

Дальнейшие события развивались так: Йозеф Дюрих в начале 1917 г. попытался создать самостоятельный ЧСНС в России, и эти попытки поддержало российское правительство, но в феврале 1917 г. пал царский режим⁴². В конфликте Й. Дюриха с парижским ЧСНС словаки встали на сторону Парижа за исключением Словацко-русского общества памяти Штура. Приезд Т.Г. Масарика в Россию в марте 1917 г. вскоре после революционного переворота означал постепенный отход некоторых словацких представителей заграничного сопротивления в России от позиций сохранения политической самобытности Словакии. Под влияние Масарика постепенно попали кроме Штефана Осуского и М.Р. Штефаника также Й.Г. Тайовский и Иван Маркович. Усилению авторитета Масарика среди словацких политических представителей в России способствовало «Провозглашение чешско-словацкого войска в России» 20 марта 1917 г., признавшего Масарика «временным диктатором чехословацкого государства, а Национальный совет в Париже под его председательством временным правительством, которому оно принесло присягу на верную службу»⁴³.

В начале мая 1917 г. прошел третий съезд Союза чешско-словацких обществ на Руси, в котором кроме представителей чешских и словацких обществ в России приняли участие еще и представители воинских частей и пленных. Съезд признал ЧСНС в Париже во главе с Т.Г. Масариком высшим органом чешско-словацкого национального политического движения. Съезд явился определенным рубежом в чешско-словацком движении в России, что выразилось в создании и всеобщем признании единой организации с общей целью – сражаться за государственную самостоятельность чехов и словаков⁴⁴.

В самом начале формирования чешско-словацких воинских частей в России возникла «Чешская дружина», ее создание российское военное ведомство одобрило 12 августа 1914 г. после аудиенции у императора делегатов Благотворительного и образовательного общества Я.А. Коменского в Киеве. Организация Дружины являлось реакцией чешско-словацких обществ в России на необходимость проявить лояльность к российским правительственным кругам с тем, чтобы обезопасить себя как бывших подданных неприятельской Австро-Венгрии. Российские военные органы позволили создать чешско-словацкое воинское

подразделение, исходя из военно-политических соображений. Во время операций Русской армии на территории Австро-Венгрии его солдатам предназначалась разведывательная функция в тылу врага. В Чешскую дружину зачислялись лишь те чехи и словаки, которые подали прошение о российском подданстве, а командирами в дружине были русские. Увеличение числа чешских и словацких военнопленных в России привело руководство Союза чешско-словацких обществ на Руси к идее создания чешско-словацких войск, о чем принял решение и первый съезд Союза. Деятели Союза обратились к официальным российским органам за разрешением организовать чехословацкие воинские части и освободить из плена чехов и словаков, пожелавших добровольно вступить в войско.

Переговоры Союза с российским правительством были длительными и неэффективными. Россия в то время еще не испытывала недостатка в военной силе и создание крупных чешско-словацких воинских подразделений заставило бы ее более внимательно отнестись к требованиям чешских и словацких политических деятелей, что в свою очередь могло бы привести к непредвиденным недоразумениям с западными союзниками. Кроме того Россия, начиная с февраля 1916 г. стала массово использовать пленных на сельскохозяйственных и общественных работах. И все-таки, несмотря на многочисленные трудности с набором пленных, Чешская дружина постепенно разрасталась, и в начале 1916 г. ее переформировали в Чешско-словацкий стрелковый полк, а через несколько месяцев он увеличился до чешско-словацкой стрелковой бригады⁴⁵. На начальном этапе создания чешско-словацкого войска в его рядах было относительно мало словаков. Ситуация изменилась после того, как в Россию в большом количестве попали словаки-военнопленные австро-венгерской армии. Агитация словацких пленных вступать добровольцами в войско была непростой задачей, так как многие из них находились под сильным влиянием своих венгерских или немецких командиров, а освобождение из плена при условии вновь воевать за чешско-словацкое государство мало кого привлекало⁴⁶. Причин, по которым в войско вступало относительно мало словаков-пленных, существовало множество. Неоднородность национального движения, представленного многими обществами, у которых не было осмысленного общего интереса; набор проводили по преимуществу чешские эмиссары, поэтому их агитация среди словаков по большей части буксовала. Были и другие причины, почему

словаки не вступали в войско, чисто прозаические, – страх либо незаинтересованность в политике⁴⁷.

Согласно нашим изысканиям на основе базы данных Военного исторического архива в Праге, число словаков в общем количестве легионеров 132 000 (в России, Италии, Франции) составляло приблизительно 10%, то есть около 13 000⁴⁸. Что касается легионеров в России, то речь шла приблизительно о шести с лишним тысячах словаков. Абсолютно точный подсчет невозможно произвести, так как о количестве словаков можно судить, исходя не только из словацкой территориальной принадлежности призванных на фронт, так как словаки проживали на всей территории Австро-Венгерской монархии, а также и на американском континенте.

В процесс формирования добровольческого войска в России вмешалась февральская революция в России. Временное правительство не особо было расположено к перспективе возникновения независимых чешско-словацких частей. Русский военный министр А.И. Гучков высказался по этому поводу в том смысле, что чехи и словаки-пленные больше пользы принесут на промышленных предприятиях, чем на поле брани⁴⁹. Его предложение не организовывать в России чешско-словацкие части не прошло только из-за вмешательства П.Н. Милюкова, которому принадлежит заслуга создания при командовании киевского военного округа т.н. комиссии по формированию во главе с генерал-майором Я. Червинкой. Организовали и новую комиссию по набору, которая могла теперь по решению Генерального штаба и военного министерства принимать простых рабочих и крестьян, а не только квалифицированных специалистов. Дальнейшее расширение чешско-словацких подразделений за счет пленных обуславливалось тем, что при наборе будут учитываться интересы российской промышленности⁵⁰.

Изменения в составе Временного правительства, где военным министром стал эсер А.Ф. Керенский, означали повторное замораживание процесса формирования добровольческих чешско-словацких частей, так как в них он усматривал их связь с дореволюционными правительственными кругами. Перед Масариком, возглавившим в мае 1917 г. руководство чешско-словацким движением в России, встала нелегкая задача преодолеть это негативное отношение. Он отправил Керенскому меморандум, при помощи которого ему удалось предотвратить приказ о расформировании чешско-словацкой бригады и скорректировать

неблагодарную позицию Временного правительства в вопросе об организации чешско-словацкого войска в России. Чешско-словацкое войско после окончания формирования предполагалось перебросить во Францию согласно франко-русскому договору об оказании Россией военной помощи на Западном фронте⁵¹.

Отношение Временного правительства к дальнейшему расширению чешско-словацких частей в корне изменилось лишь после успешных действий чешско-словацкой бригады под Зборовым 2 июля 1917 г. При помощи дипломатических усилий удалось добиться разрешения на набор солдат и офицеров в чешско-словацкие подразделения из лагерей военнопленных, где их в тому времени скопилось уже 200–250 тыс. (и из них около 30 тыс. словаков). До лета 1917 г. в воинских подразделениях находилось около 7 тыс. добровольцев, а осенью 1917 г. в чешско-словацкие части вступило еще около 10 тыс. бывших военнопленных. Таким образом, после битвы под Зборовым вокруг 1-й чехословацкой дивизии, которую отправили в тыл, стала формироваться 40-тысячная армия (1-й Чехословацкий корпус), раздумывали и насчет создания 2-го корпуса⁵². С увеличением количества словацких добровольцев-легионеров в чешско-словацком войске во второй половине 1917 г. появилась новая «словацкая проблема», которая состояла в том, формировать ли отдельные словацкие части либо отправлять словаков в общие части с чехами. Этот вопрос рассматривался на отдельном совещании 6 августа 1917 г. в Борисполе, недалеко от Киева, где было решено сосредоточить словаков в рамках самостоятельного 7-го пехотного полка (Татранского)⁵³. По мнению участников совещания, создание самостоятельных словацких частей могло бы укрепить самосознание «несознательных» словаков в лагерях военнопленных и способствовать их поступлению на военную службу. Словацкие политические представители вновь разделились на два противоположных лагеря. Петроградские руководители (Гурбан, Есенский, Янчек, Тайовский и др.) отстаивали точку зрения о том, что словаки должны быть перемешаны с чехами. Противоположных взглядов придерживался В. Дакснер, считавший, что надо создавать словацкие части⁵⁴. Командующий чешско-словацкими частями в России генерал Червинка считал этот вопрос открытым и полагал, что его должны решить словацкие политические представители. Вскоре Дакснер предложил компромиссное решение, чтобы в отдельных словацких воинских частях словаки составляли как минимум две

трети. А треть чехов могла бы таким образом способствовать установлению хороших взаимоотношений. Против концентрации словаков в отдельных частях продолжали возражать делегат американской Словацкой Лиги Г. Кошик и Янко Есенский, который высказался в таком духе, что «отдельный словацкий полк – это первая дыра в чешско-словацком единстве»⁵⁵. В конце концов, идея концентрации словаков была в основном осуществлена, но некоторые словаки и далее оставались в совместных чешско-словацких частях.

Когда в конце октября 1917 г. власть в России захватили большевики, советское правительство решило начать переговоры с Германией и Австро-Венгрией о заключении сепаратного договора. После заключения Брест-Литовского мира 3 марта 1918 г. дальнейший смысл действий чешско-словацких частей в России пропал. Т.Г. Масарик провозгласил корпус в России частью чешско-словацкого войска во Франции и отдал ему приказ готовиться к отъезду во Францию через Сибирь и Дальний Восток. Деятельностью чешско-словацкого заграничного сопротивления в России стал напрямую руководить парижский ЧСНС, и начался ее новый этап. Попытки словаков в России определить свое автономное и самостоятельное государственно-правовое развитие в духе программных заявлений о словацкой независимости в процессе создания нового чехословацкого государства остались в прошлом. Победила концепция Масарика–Штефаника о едином чехословацком государстве.

Перевод со словацкого языка Е.П. Серапионовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Jakešová E.* Americkí Slováci, zahraničný odboj a československá štátnosť (1914–1918) // *Historický časopis.* 1989. №. 5. С. 686.

² *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti.* V. I. Bratislava, 1998. S. 434–438.

³ *Jakešová E.* Op. cit. С. 692.

⁴ *Dokumenty slovenskej národnej identity...* V. I. С. 424.

⁵ *Pichlík K.* Bez legend. Zápas o československý program. Praha, 1991. С. 43.

⁶ *Kudela J.* Šest let boje za svobodu. Stručný přehled čs.revolučního hnutí v Rusku. Brno, 1923. С. 5.

⁷ *Kvasnička J.* Československé legie v Rusku. Bratislava, 1963.С. 11.

⁸ *Werstadt J.* Naše revoluce. Praha, 1931. С. 190.

⁹ *Pichlík K.* Op. cit. С. 44.

¹⁰ *Országh J.* Slováci pri kolíske „Družiny“ // Československý voják. 1919. 11.10. №. 27–28. С. 11.

¹¹ *Markovič I.* Slováci v zahraničnej revolúcii. Praha, 1923. С. 8.

¹² *Ibidem.*

¹³ *Potôček J.* Htj Slováci...! Hrst' rozpomienok slovenských legionárov / Upravil F. Písecký. Bratislava, 1933. С. 77.

¹⁴ *Čulen K.* Posledné posedenia / Zost. F. Michalovič, F. Vnuk. Martin, 2004. С. 121.

¹⁵ *Országh J.* Op. cit. С. 11.

¹⁶ *Čulen K.* Op. cit. С. 118.

¹⁷ *Paulíny C.* Sborník rozpomienok ruských legionárov Slovákov / Zost. J.G. Tajovský, F. Písecký. Praha, 1933. С. 102.

¹⁸ *Ibid.* С. 105.

¹⁹ *Ibid.* С. 106.

²⁰ Slováci v Rusku a ich boj za oslobodenie národa // Slovák. 1934. 28.10. №. 245. С. 2.

²¹ *Paulíny C.* Op. cit. С. 106.

²² Slováci v Rusku... С. 2.

²³ *Ibid.* С. 2.

²⁴ *Paulíny C.* Op. cit. С. 102.

²⁵ Dokumenty slovenskej národnej identity... V. I.C. 425.

²⁶ Записка была подготовлена Йржи Клецандой.

²⁷ *Werstadt J.* Naše revoluce. Praha, 1923. С. 33–41.

²⁸ Slováci v Rusku... С. 2.

²⁹ *Országh J.* Spomienky I, II // Petrohradský sjezd a druhé slyšení u cara Nikolaje II. Soubor dokumentu a vzpomínek / Zost. J. Kudela. Brno, 1935. С. 54.

³⁰ *Ibid.* С. 62.

³¹ Slováci v Rusku... С. 2

³² *Paulíny C.* Op. cit. С. 106.

³³ *Markovič I.* Op. cit. С. 45–48.

³⁴ *Masaryk T.G.* Světová revoluce (za války a ve válce) 1914–1918. Praha, 1925. С. 191. Эту информацию Т.Г. Масарик получил от сербского военного атташе в России Лонткевича.

³⁵ *Čechoslovan.* 1914. 04.12.

³⁶ Ян Янчек (1881–1933) – предприниматель. В 1915 г. будучи офицером австро-венгерской армии перебежал к русским и стал в России одним из основателей легионерских частей. В 1916 г. он пытался в Москве примирить взгляды членов Словацко-русского общества памяти Штура и членов варшавской Чешско-словацкой Беседы. Постепенно Янчек стал приверженцем чешско-словацкого сотрудничества и единого государства.

³⁷ *Janček J.* O našich zahraničných hrdinoch. II / Slovenský denník. 1919. 29.01.

³⁸ *Markovič I.* Op. cit. С. 60.

³⁹ Устав нового Чешско-словацкого общества был одобрен российским министерством внутренних дел 25 января 1916 г. Пытаясь привлечь в свои ряды как можно больше словаков, находившихся в России, общество обратилась к ним с призывом: «Призываем вас к активности! Чтобы нас потом дома никто не мог справедливо упрекнуть, что пока другие жертвовали и умирали за наше освобождение, мы, те которые были в России, ничего не предприняли для нашего национального дела, ничем и никем не пожертвовали. Поэтому мы основали новое Чешско-словацкое общество в Москве, которое вместе с Союзом чешско-словацких обществ на Руси будет работать над созданием чешско-словацкого государства под эгидой братской России. Согласно уже состоявшемуся соглашению между чехами и словаками в Америке, и мы чехи и словаки в России заявляем, что в будущем чешско-словацком государстве чешский и словацкий народы будут иметь абсолютно равные права, полную национальную самостоятельность и будут действовать, взаимно доверяя друг другу, на благо наших братских народов». — См.: *Hubeňák L.* Štátopravné a politické aspekty československého zahraničného odboja v Rusku v období prvej svetovej vojny // Právnické štúdie. 1970–71. R. 18. №. 2. С. 79.

⁴⁰ В Съезде приняли участие Ян Орсаг-старший, Владимир Хованчак, Ян Корман, Густав Паулины. Милош Рупшельдт, Владимир Духай, Йозеф М. Орсаг и два бывших пленных д-р Иван Маркович в качестве делегата петроградской группы и Йозеф Грегор Тайовский от варшавской Чешско-словацкой Беседы.

⁴¹ Соглашение словаков и чехов о совместном государстве на принципах федерации. См.: *Даниш М.* Словаки и Россия. Политические концепции и планы в 1900–1917 гг. «Русский сборник» Т. 3.

⁴² 02.02.1917 г. в Петрограде Й Дюрихом был основан, а министерством иностранных дел России одобрен Чехословацкий национальный совет на Руси (Národná rada československá na Rusi) с целью поддержки чешско-словацкого движения в интересах России и отделения его от парижского ЧСНС. Из словаков туда входили Й.Г. Тайовский и Я.М. Орсаг. Из-за революционных событий в России Чехословацкий национальный совет на Руси даже не начал свою деятельность.

⁴³ Это заявление опубликовали чешско-словацкие печатные органы в России и США: «Чехослован». VII/10 от 10(25).03.1917.С. 9; «Чехословак» от 21.03 (08.04).1917; «Национальная газета Питтсбурга» от 31.05.1917. С. 4.

⁴⁴ В номере 94 журнала «Чехословак» от 3 мая 1917 г. был опубликован призыв, прозвучавший на съезде: «Открыто как подданные

Австро-Венгрии мы начали свою революцию, добиваясь перед всем светом признания своего права на революцию против государства, гражданами которого мы являемся, и которое нас уничтожает... Борьба против Австро-Венгрии, как можно более эффективная, несмотря ни на какие личные жертвы, это являлось единой мыслью съезда».

⁴⁵ Российские власти разрешили набор пленных прямо на фронте. Право набирать в лагерях военнопленных получили политические представители Чешской дружины Л. Тучек, З. Рейман и Йозеф М. Орсаг. Набор проходил в Тарнове и Дамбици, где были сосредоточены главные силы 3-й и 8-й Русских армий.

⁴⁶ Иван Маркович писал, что способ, каким надо подходить к пленным словакам с тем, чтобы они вступали в войско, должен быть очень деликатным: «Их надо вначале разбудить, обучить, воспламенить, привлечь на свою сторону, влить в них человеческое, а потом национальное сознание, а уже потом, после этого, будет смысл говорить с ними о воинской повинности. К тому же, чтобы поднять словацкого пленного на тот уровень человеческого и национального сознания, который бы позволил ему добровольно решиться на вступление в революционное войско, его надо изолировать от венгерских, венгерофильских и немецких офицеров. Словаков необходимо выбрать из лагерей военнопленных, где они помещались вместе с венграми и немцами и находились под их влиянием. Среди словаков, безусловно, было много тех, кто со временем, при правильном с ними обращении вступил бы в чешско-словацкие части, и поэтому нельзя было соглашаться с киевской военной комиссией и скороспелыми выводами Союза, намеревавшегося объявить их венграми за то, что они не вступили в войско. – См.: *Markovič I. Slováci v zahraničnej revolúcii...* С. 90.

⁴⁷ Легионер Штефан Майтан так вспоминал приход эmissара: «Пришел к нам эmissар чешско-словацкого войска. Некоторые из нас очень обрадовались, другие пришли его послушать из любопытства. В войско вступать никому не хотелось, хотя призывал нас обычный солдат, который не обещал вознаграждение, а призывал к действиям из любви к своему народу и его свободе». – См.: *Sborník rozpomienok ruských legionárov Slovákov. Praha, 1933. С. 36.*

⁴⁸ *Vojenský Historický archiv (VHU). Zoznam legionárov v rámci prvej svetovej vojny. Elektonická databáza.*

⁴⁹ *Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус в России. М., 1965. С. 56.*

⁵⁰ *Pichlík K. Zahraničný odboj 1914–1918 bez legend. Praha, 1968. С. 245.*

⁵¹ Французский министр по делам вооружения и амуниции А. Тома еще до приезда Т.Г. Масарика в Россию подал прошение Временному правительству о переброске чехословацких пленных во Францию.

Россия, которая вначале согласилась послать во Францию определенное количество солдат, не могло уже выполнить это обещание и решило использовать чешско-словацкую акцию для выполнения своего обязательства. Российское правительство прошение одобрило, и Т.Г. Масарик заключил с А. Тома соглашение о переправке 30 тыс. пленных во Францию. См.: *Vávra V. Klamná cesta. Praha, 1958. С. 58.*

⁵² *Hronský M. M.R. Štefánik –organizovanie a štátotvorná úloha // Generál M.R. Štefánik – vojak a diplomat. Bratislava, 1999. С. 51.* За время существования чешско-словацких добровольческих частей в России через них прошло 71 тыс. добровольцев, а из них около 6 тыс. словаков, которые служили в основном в 7-м чехословацком отдельном «Татранском» полку и в 12-м чехословацком отдельном полку «М.Р. Штефаника». На родину в течение 1920 г. вернулись на 42 транспортных судах 67 тыс. людей, из них 56 тыс. солдат.

⁵³ В совещании приняли участие член Отделения ЧСНС в России В. Дакснер, представители добровольческого войска М. Гавора, Г. Чипка, Ш. Слезак, Б. Маница, Ф. Чатлош, Ш. Михал, П. Климо, К. Чипка и М. Гацек.

⁵⁴ *Ivičič V. Tatransci. Dějiny 7. Střeleckého tatranského pluku. Praha, 1924. С. 199.*

⁵⁵ *Jesenský J. Cestou k slobode. Matica slovenská 1936. С. 114.*

М.В. Оськин (Тула)

**Продовольственное снабжение
Румынского фронта зимой 1916/1917 г.:
трудное взаимодействие союзников
по Антанте**

Ни одна армия не может воевать без обеспечения продовольствием, ибо человек не может существовать без пищи. Продовольственные грузы всегда занимают чрезвычайно большой объем общего грузопотока, получаемого войсками на театре военных действий. Продовольственные грузы являются приоритетным материалом, за исключением случаев, когда войска могут рассчитывать на местные средства – то есть, на то продовольствие, что возможно достать на непосредственно занимаемой ими территории. Румынский фронт зимой 1916–1917 гг. в данном отношении оказался в особенно нелегком положении.

Отечественная историография русско-румынского сотрудничества в период Первой мировой войны, как правило, затрагивала политические, дипломатические и военные проблемы. Тем не менее, и в общих работах почти всегда показываются проблемы Румынского фронта – в том числе и в отношении снабжения его продовольствием и фуражом. Первые труды о Румынском фронте были созданы участниками Первой мировой войны, включая и лиц, воевавших в Румынии (особенно это касается командира 47-го армейского корпуса ген. А.М. Зайончковского)¹. Для выделенной нами проблемы – продовольственного снабжения Румынского фронта – особо ценной является работа В.И. Сухарева, в которой продовольственное положение выпукло показано на фоне санитарных проблем². В советский период, конечно, определенным преимуществом пользовались работы исследователей собственно боевых действий в Румынии³, а также издания и переиздания работ иностранных авторов (включая и мемуары участников войны), в которых в том числе фигурировал и Румынский фронт⁴. Безусловным приоритетом обладали исследования о политико-дипломатических аспектах Первой мировой войны и участия в

ней Румынии⁵. В этом отношении выделяются труды выдающегося румыниста В.Н. Виноградова, вскрывающие общие и частные проблемы русско-румынского сотрудничества в данный период, а также показывающие различные аспекты экономической ситуации в Румынии и на Румынском фронте⁶. Завершающим трудом этапа 1990-х гг. в развитии отечественной балканистики стал сборник 2002 г.⁷, также раскрывающий новые достижения в изучении процессов, происходивших в Румынии в период Первой мировой войны. Работы по экономическому положению в Румынии⁸ и в державах Центрального блока⁹ также имеют свое значение для характеристики и понимания сложившейся на Румынском фронте зимой 1917 г. продовольственной ситуации. Важными источниками для исследования данного сюжета являются воспоминания русских участников борьбы на Румынском фронте – как видных командиров, оставшихся в Советской России¹⁰ или эмигрантов¹¹, так и младших офицеров и рядовых¹². В современной историографии проблемы, связанные с русско-румынским взаимодействием, деятельностью Румынского фронта, более частными проблемами, продолжают разрабатываться, как правило, в рамках общих трудов¹³. При этом многие страницы истории Румынского фронта Первой мировой войны пока остаются малоизученными¹⁴.

Военное поражение союзников Антанты на Балканах – Сербии и Черногории, в конце 1915 – начале 1916 гг., позволили державам Центрального блока поставить под свой контроль почти весь Балканский полуостров (за исключением Греции). Также, к середине 1916 г. оставалось еще одно государство Балкан, пока соблюдавшее вооруженный нейтралитет, так называемое «вооруженное выжидание». Этим государством являлась Румыния, чье военно-политическое руководство выжидало, пока явно и отчетливо определится перелом в пользу той или иной коалиции противоборствующих держав, дабы примкнуть непременно к победителю. Ход военных действий колебался на весах мирового противоборства, а румынское правительство, не желавшее даже минимального риска, ждало того момента, в который можно было бы ударить, не особенно опасаясь последствий.

Позиция вооруженного выжидания не могла не принести своих плодов, даже только потому, что противоборствовавшие стороны постепенно истощали свои ресурсы в войне, в то время как Румыния накапливала их. Нельзя сказать, что румыны в равной степени колебались между Антантой и Центральными державами: «Сербия, Черногория и Румыния, получившие после 1878 г. статус

независимых государств, самим фактом существования представляли угрозу для Австро-Венгрии, на территории которой проживали миллионы южных славян и трансильванских румын»¹⁵. Выступить на стороне Германии Румыния могла бы разве только после разгрома и выхода из войны Франции и России. Таким образом, румынское правительство, сочувствовавшее государствам Антанты, ожидало, пока англичане, французы и русские соберутся с силами, чтобы нанести Германии и ее союзникам решительный удар, не оставляющий никакого сомнения в исходе войны. Вот тогда возможно будет и вступить в военные действия, чтобы в любом случае оказаться в числе победителей и иметь гарантию от возможного поражения.

Весь период нейтралитета, с 19 июля 1914 по 14 августа 1916 гг.¹⁶ Румыния провела с немалой для себя пользой, позволяя обеим враждующим коалициям использовать свою территорию для передвижения грузов военного назначения. Антанта поддерживала через Румынию сербов – русские караваны судов шли по Дунаю от гирла к Белграду. Германия помогала туркам вооружением, вывозя взамен сырье. Переход Румынии на ту либо другую сторону, мог покачнуть чашу весов борьбы на Балканском полуострове в частности и на Восточном фронте в целом: «Румыния превратилась в поле дипломатического сражения, продолжавшегося два года, вплоть до августа 1916 г., когда в стране была объявлена всеобщая мобилизация, и румынское правительство примкнуло к лагерю Антанты»¹⁷.

Румынское правительство, возглавляемое премьер-министром И. Брэтиану, нацеленным на создание «Великой Румынии», в 1914–1916 гг. умело лавировало между противоборствовавшими блоками, выторговывая себе новые и новые уступки в территориальных приобретениях, экономических выгодах и т.п. в случае принятия той или иной стороны в мировом конфликте. Последним доводом для определения выбора стал успех Луцкого (Брусилковского) прорыва мая-июня 1916 г. Именно он стал причиной вступления переговоров союзников по Антанте с румынами в решающую фазу. Судьба войны повисла на волоске: армии русского Юго-Западного фронта А.А. Брусилова рванулись к Ковелю и Черновцам, а севернее Полесья готовились к гигантскому наступлению армии русских Северного и Западного фронтов. Обстановка менялась на глазах: оборонительные рубежи австро-германцев на всех фронтах могли рухнуть в любой момент, и тогда Румыния могла оказаться ни с чем. Следовало решаться. Сами австрий-

цы признавали, что после разгрома первого месяца наступления русского Юго-Западного фронта «только исключительный успех в Восточной Галиции мог удержать Молдавское королевство от выступления. Однако все попытки произвести мощный контрудар не давали желаемых результатов, так как все подвезенные дивизии были употреблены для заполнения прорывов»¹⁸. И Брэтиану после долгих колебаний сделал окончательный выбор. Выбор не союзника, который был сделан сразу после начала войны, а выбор времени вступления Румынии в Первую мировую войну.

В 1914–1916 гг. Центральным державам удалось сделать в Румынии существенные закупки продовольствия, которые для румынской стороны носили вынужденный характер. Германский военный министр Э. фон Фалькенгайн после войны признавал, что немцы угрожали Румынии немедленным вторжением в случае прекращения поставок продовольствия. Уже в первый месяц войны 1914 г. из Румынии в Австро-Венгрию было вывезено около 4 тыс. вагонов хлеба¹⁹. Хороший урожай 1914 г. и превосходный урожай 1915 г. позволили румынам довести излишек зерна, предназначенного на экспорт, до 7,2 млн тонн различных зерновых продуктов. По сведениям сербского военного агента в Румынии, в мае 1915 г. – «вывоз хлеба из Румынии в Австро-Венгрию и Германию продолжается, причем железнодорожная дирекция отдала распоряжение, чтобы отправка производилась исключительно в иностранных вагонах»²⁰. По донесению русского военного агента в Румынии полковника Б.А. Семенова в Ставку Верховного Главнокомандования 5 декабря 1915 г.: в помощь румынскому населению Буковины румынское правительство отправляет 2647 вагонов с кукурузой; также производится контрабанда скотом из Румынии через деревню Миток около Бузднени²¹. В 1915 г. Австро-Венгрия и Германия поглотили 78% румынского экспорта. Только в Австрию с декабря 1915 г. было вывезено 50 тыс. вагонов зерна, а немцам с декабря 1915 по август 1916 гг. – 2,3 млн тонн хлеба²². Для душившейся британской блокадой Германии это было весьма значимо. В марте 1916 г. австрийцы купили еще 1,2 млн тонн хлеба. Следующие переговоры, шедшие в июле относительно закупки урожая нового года, были сорваны вступлением Румынии в войну в середине августа²³. Чтобы минимизировать германские закупки, в начале 1916 г. англичане купили в Румынии 80 тыс. вагонов зерна и 82 тыс. тонн бензина. Проданные Великобритании нефть и зерно, вследствие невозможности вывоза, оставались на территории Румынии, но зато в таком случае все это не могло быть про-

дано Германии. Таким образом, к моменту своего выступления Румыния практически целиком продала соседям хлебные запасы, в том числе и озимый хлеб урожая 1916 г., оставляя для себя лишь яровые хлеба 1916 г., которые еще следовало собрать.

Если в 1914–1915 гг., в период нелегких побед и досадных поражений, русская сторона была чрезвычайно заинтересована в румынской поддержке, то летом 1916 г. на вступлении Румынии в войну особенно настаивали союзники Российской империи, для которых любое увеличение общего количества штыков и сабель Антанты означало, что часть германских сил будет оттянута с Западного фронта. Полумиллионная румынская армия представляла собой значительную силу. Разумеется, французский главнокомандующий Ж. Жоффри отлично понимал, что вся тяжесть взаимодействия с румынами ляжет на плечи русского союзника. Тем настойчивей французы подталкивали Румынию к войне: все равно все издержки и итоговая ответственность возлагались на Россию.

Отказываясь подчиниться русской Ставке даже в оперативном отношении (согласование военных действий в Карпатах и Румынии), румынское правительство требовало от России посылки в Добруджу для обеспечения румынской безопасности от болгаро-немецкой группировки на Балканах 250 тыс. чел., притом что вся румынская армия имела немногим более 500 тыс. чел.; сами же румыны намеревались наступать в австрийскую Трансильванию. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексеев, понимая, что вопрос выступления Румынии уже решен, и не желая брать на русскую армию ответственность за действия спесивых и самолюбивых союзников, постарался минимизировать русское участие в румынских делах. Конвенция от 4 августа, утверждавшая основные принципы военного сотрудничества России и Румынии, устанавливала посылку в Добруджу лишь одного (47-го) русского корпуса численностью в 50 тыс. чел. (2 пехотные и 1 кавалерийская дивизии), который вступил в Румынию 14 августа 1916 г.

Соответственно, проблемы снабжения и обеспечения 47-го армейского корпуса в глазах русской Ставки не представляли собой большого затруднения. Во-первых, невзирая на слабость железнодорожного сообщения между Россией и Румынией, усугубляемую различием в ширине колеи, румыны брали на себя обязательство снабжения русских войск в Добрудже, так как те в оперативном отношении подчинялись румынскому командованию. Во-вторых, в случае необходимости 47-й корпус мог получать грузы и через порт Констанца силами Черноморского флота. Таким образом,

невзирая на то, что Алексеев понимал, что русские силы в Добрудже в перспективе и могут быть несколько увеличены, состояние проблемы продовольственного снабжения 47-го корпуса первоначально не внушало ни малейших опасений.

Расчеты Антанты на нерешительность болгар и силу румын не оправдались. Румынское наступление в Трансильвании быстро захлебнулось, а русско-румынские войска в Добрудже в сентябре-октябре потерпели ряд поражений. Российская империя соединялась с Румынией единственной железной дорогой Раздельная – Бендеры – Унгени – Яссы. В силу разной ширины железнодорожной колеи станция Яссы, находившаяся на русско-румынской границе в Молдавии, являлась разгрузочной станцией. Тупик Бендеры – Рени (у Дуная), без продолжения дороги в Румынию до ближайшей железнодорожной ветки в городе Галац имел расстояние в 16 км бездорожья. Здесь грузы перевозились гужем. Железная дорога Кюстенджи – Черноводы – Бухарест, способствовала маневру и снабжению войск, хотя от Черновод грузы приходилось доставлять гужевым транспортом. Однако с утратой этой ветки действующие в Добрудже войска были вынуждены продвигаться вглубь области, бедной, прежде всего, в водном обеспечении (вода только в селениях), а также в смысле дорог, превращавшихся осенью в непроходимую грязь. Следовательно, оперировать большими массами войск вне дорог было бы затруднительно, равно как и снабжать их. Иными словами, в случае увеличения русской группировки в Добрудже задачи ее снабжения нарастали с каждым переброшенным сюда русским солдатом, а в случае падения порта Констанца – неимоверно усугублялись.

В связи с поражениями румынской армии, уже спустя месяц после выступления Румынии русские силы здесь стали увеличиваться, причем часть их шла сразу в Трансильванию. В начале сентября в Румынию прибыла второочередная 115-я пехотная дивизия, в конце сентября – 3-я стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии, в начале октября – 265-я Оренбургская ополченская дружина. В конце октября по частям в Румынию прибыл 4-й армейский корпус, после чего русские войска стали перебрасываться на юг большими массами. В связи с падением 10 октября Констанцы, а затем и Черновод, русские войска от русско-румынской границы направлялись вглубь Румынии своим ходом, так как железная дорога была забита грузами снабжения и вооружения.

Чтобы помочь союзникам, для обеспечения румынского правого фланга была направлена новая 9-я армия П.А. Лечицкого, и

без того ведшая тяжелые бои в Карпатах, а вместо отдельного корпуса А.М. Зайончковского стала формироваться новая русская армия – Дунайская. Обе эти армии теперь были подчинены командованию Юго-Западного фронта, так как стало ясно, что передача командования румынам ничего хорошего не сулит. В Румынию прибыли 4-й Сибирский корпус из состава Юго-Западного фронта, а также 3-я и 8-я Кавказские стрелковые дивизии из состава Северного фронта. В ноябре прибыли 26-й армейский и 3-й кавалерийский корпуса из состава 9-й армии, 2-й корпус из 7-й армии, 36-й и 34-й корпуса с Западного фронта, 40-й корпус из состава Особой армии. Эти войска «размазывались» по Румынии от Бухареста до Добруджи, бросаясь в бой по частям и потому, после поражения румын под Бухарестом и падения столицы (23 ноября), вовлекались в общий отход под концентрическими ударами неприятеля.

В этот момент наиболее критическим образом сказался фактор коммуникационной системы румынской территории. Коммуникационные линии были перегружены эвакуационными мероприятиями, которые проводились уже после разгрома. Хаос на дорогах, ведущих от Бухареста к устью Дуная, усугублялся массами беженцев, шедших пешком, так как железные дороги были заняты эвакуацией военных предприятий столицы в Яссы. По некоторым данным, вместе с остатками армии от румынской столицы отступало до 1,5 млн эвакуированных и беженцев²⁴. Делом движения румынских беженцев заведовал главноуполномоченный Стерлигов, который организовал «устройство санитарных, питательных пунктов»²⁵. Соответственно, отступавшие войска только подстегивали беженцев, увеличивая общий хаос на дорогах. Выход из заколдованного круга – либо остановка наступления противника (рассчитывать на это вплоть до середины декабря не приходилось), либо закрепление на естественных рубежах (до реки Серет таковых не предвиделось). Поэтому, русские резервы и не успевали, ибо снабжение их из России проходило с невероятными трудностями, а рассчитывать на использование местных средств не приходилось, так как все было использовано беженцами.

24 ноября Верховный Главнокомандующий император Николай II повелел сформировать новый, уже 5-й по счету, фронт. К концу 1916 г. Румынский фронт, возглавляемый В.В. Сахаровым при номинальном главном командовании румынского короля Фердинанда I, включал в себя 4-ю, 6-ю и 9-ю русские армии общей численностью до 1 млн чел.²⁶.

	Офицеров налицо	Комплект	Чиновников налицо	Комплект	Солдат налицо	Комплект	Лошадей налицо	Комплект
Боевые части	15504	-1966	4 982	-1081	829072	-95260	314764	-26555
Запасные войска	1034	+707	87	-17	70833	+59096	1045	-252
Всего во фронте едоков	16584	-2	5 101	-1098	901576	-59131	315996	-26832

Таким образом, за 4,5 месяца войны в Румынии русская группировка увеличилась в 20 раз в сравнении с 47-м корпусом по конвенции 4 августа. Помимо того, к Дунаю отошли остатки румынской армии (70 тыс. чел.) и беженцы (не менее 1 млн чел.). Следовательно, после того, как противник был остановлен на рубеже реки Серет, основной проблемой Румынского фронта стало его снабжение, прежде всего – продовольственное. Рассчитывать на помощь румын, в связи с отсутствием в Румынии значительных запасов хлеба, особенно не приходилось. Телеграмма представителя русского командования при румынской Главной Квартире М.А. Беляева в Ставку от 26 ноября 1916 г. показывала: «Румынская Главная Квартира и военное министерство просят поставить в известность, что с отходом в Молдавию как армии, так и значительной части населения, войска наши не могут рассчитывать на средства продовольствия страны и должны быть обеспечены только подвозами из России»²⁷.

Даже без учета румынских беженцев, цифры тех людей, что подлежали военному довольствию, за осень 1916 г. выросли многократно. Так, 26 декабря Главный полевой интендант К.Н. Егорьев сообщал в Ставку, что с 1 сентября по 1 декабря число ртов на фронте увеличилось на 1 млн чел. – более 200 тыс. румын, рабочие на оборонных предприятиях и члены их семей, семьи офицеров и чиновников в пределах театра военных действий, семьи различных рабочих на фронте и железнодорожников, инородцы²⁸. Все это требовало чрезвычайных мер по снабжению. Накоп-

ленные запасы стали перебрасываться в Молдавию. Всего в конце 1916 г. власти только в экстренном порядке отправили на фронты 85 млн пудов хлеба. Отрицательным фактором стало то обстоятельство, что румыны при отходе перегнали в Молдавию весь подвижной состав, забив железнодорожную сеть так, что в декабре было почти невозможно подвозить грузы сражающимся в Румынии войскам²⁹.

Решающим обстоятельством в отношении продолжения борьбы в Румынии стало удержание за собой полосы Нижнего Дуная. В условиях освобождения Добруджи, русский Черноморский флот мог участвовать в снабжении Румынского фронта, и содействовать его оперативным мероприятиям³⁰. Русская флотилия кораблей Экспедиции особого назначения под командованием контр-адмирала М.М. Веселкина получила приказ содействовать снабжению войск в Румынии. Докладная записка Веселкина от 26 ноября 1916 г. на имя Алексеева: «В нынешнем году и в самое ближайшее время следует ожидать на Дунае ледохода и ледостава, тогда наша армия в Добрудже будет абсолютно отрезана от левого берега Дуная. На такой мощной и многоводной реке, как Дунай, это обстоятельство может повлечь за собой полную катастрофу, если не принять спешно самых энергичных и срочных мер к поддержанию сообщений через реку и не обеспечить армию запасами, и запасы должны быть заготовлены на срок не менее чем на два месяца, то есть на максимальный срок возможного ледостава. В ноябре грузы в Румынию перевозили 6 транспортов³¹:

Транспорт	Пункт назначения	Мука (пудов)	Овес и ячмень (пудов)	Консервы (порций)	Время отправки
«Моряк»	Измаил	50 000	—	—	22 октября
«Измаил»	Измаил	—	100 000	—	22 октября
«Продуголь»	Рени	38 000	—	—	24 октября
«Сарапул»	Галац	—	150 000	—	Под выгрузкой
«Бучач»	Галац и Рени	50 000 + 12 000	—	—	Грузится в Одессе
«Ольтул»	Рени	40 000	—	100 000	Грузится в Одессе

Только в Измаил по данным главного начальника снабжений армий Румынского фронта М.И. Кияновского до 15 января 1917 г. морем было отправлено: 8 тыс. пуд. крупы, 15 тыс. – соли, 5 тыс. – сахару, 200 тыс. – чая, 2 тыс. – табаку, 300 тыс. – мыла, 7 тыс. – сахарей и 150 тыс. порций консервов³². Пока водная артерия Дуная полностью контролировалась русскими, войска получали необходимое снабжение. Но с падением 20 декабря Тульчи и Исакчи дунайские пароходы стали обстреливаться противником – «и сразу же перед русской армией во всей трагической величине встали вопросы снабжения и подвоза провианта»³³.

Главные усилия по заготовке продовольствия для армий Румынского фронта были возложены на организацию гофмейстера С.Н. Гербеля – окружного уполномоченного Особого Сопровождающего по продовольственному делу в Одесском военном округе, чьи полномочия распространялись на Днепровский уезд Таврической губернии и Херсонскую и Бессарабскую губернии. Последняя стала ближайшим тылом Румынского фронта, благо, что Бессарабия являлась одной из шести русских областей, в которых была сосредоточена большая доля хлебных «излишков», до войны шедшая на экспорт³⁴. С.Н. Гербель, занимавший пост Особополномоченного по заготовке живого скота для армий Юго-Западного фронта, подключился к делу снабжения 47-го корпуса в Добрудже с середины 1916 г.

Организация Гербеля, закупавшая продовольствие в ближайших тыловых губерниях Российской империи, помимо того устраивала склады и хлебопекарни на станциях железных дорог Галац – Яссы – Черновицы. Гербелем были построены русские склады в Трумешти, Хуш, Бырлад, Фольгешти; хлебопекарни – в Унгени, Траянов Вал, Яссы. Склады в Раздельной и Бендерах имели до 2,5 млн пуд. хлеба каждое; на станциях Бессарабская и Троянов Вал были сосредоточены запасы хлеба в объеме до 1 млн пуд.³⁵ Сам Гербель неоднократно выезжал в войсковые тылы, пытаясь найти и закупить продовольствие на территории Румынии и Молдавии. При этом армии запрашивали хлеб и скот именно у Гербеля, а не у войскового интендантства. По докладу Кияновского, Сахаров 31 декабря 1916 г. одобрил продолжение деятельности Организации Гербеля в войсковом районе – «почему развитие закупок зерна в Румынии его организацией крайне желательно, а также поддержание тесной связи интендантства с агентами Гербеля»³⁶. Представителем Гербеля в Румынии стал подполковник Штейн. С сентября 1916 г. по 12 февраля 1917 г. агентами Гер-

беля было закуплено в Херсонской (Бессарабской) губерниях: овес – 4 млн пуд. (5 млн), рожь – 5 млн (2 млн), ячмень – 24,5 млн (12,5 млн), пшеница – 5,5 млн (7 млн)³⁷.

В связи с расширением деятельности Организации, в декабре управляющий министерством земледелия А.А. Риттих возложил на Гербеля «принятие на себя полного и безусловного распоряжения всеми мерами, которые он счел бы необходимым в отношении всех заготовок, производимых министерством земледелия в соответствии с положением на местах». 29 января 1917 г. Риттих выпустил постановление, согласно которому «для объединения заготовок для армии и продовольственного дела в пяти губерниях Одесского и Киевского округов, член Государственного Совета гофмейстер Высочайшего двора С.Н. Гербель назначается главноуполномоченным министерства земледелия по заготовкам для армии и продовольствию в названных губерниях с возложением на него руководства и направления деятельности всех уполномоченных министерства земледелия и уполномоченных Председателя Особого Сопровождающего по продовольственному делу»³⁸. Следовательно, Организация Гербеля, в случае перебоев в поставках продовольствия, могла перемещать приоритеты в снабжении различных адресатов. Именно так, отказывая внутренним губерниям страны в поставках хлеба, Гербелю удалось не допустить голода на Румынском фронте, где питание по объективным причинам не могло принять должностную характер.

Негативным явлением в деле снабжения русских армий стали трения с румынским союзником. Командармы постоянно доносили в Ставку и Сахарову, что местные власти отказываются передавать русским имеющийся у них на складах хлеб. Например, 9 декабря на станции Сикля румынский интендант отказался выдать хлеб 1-й Терской казачьей дивизии, хотя у него было 8 вагонов – «мотивируя свой отказ имеющимся у него строгим предписанием начальства не давать русским войскам продуктов». Командарм-4 А.Ф. Рагоза 9 января 1917 г. докладывал Сахарову: «На запрос интенданту румынской армии где, сколько и каких продуктов он может нам предоставить для довольствия нашей конницы, находящейся в его районе, последний сообщил, что, к сожалению, не может нам дать ничего. На запросы корпусов, получают ли они от румынского интендантства продовольствие, последовал ответ, что регулярно ничего не получают, а если и были получки, то случайные и в незначительном количестве». Из 9-й армии 19 января сообщали, что разрешение покупки всех продуктов сводится на

нет общей инструкции комиссарам правительства, согласно которой количество продуктов и скота, кои могут быть проданы, определяется особыми комиссиями, еще не сформированными»³⁹.

Дело в том, что отступающие в Румынии русские войска пытались использовать румынские склады продовольствия, но каждый раз это требовалось делать с разрешения румын и после соответствующих договоренностей. Для урегулирования трений и контроля над русскими, к каждому русскому корпусу румыны прикомандировали одного румынского комиссара по снабжению⁴⁰. И. д. начальника румынского Генерального штаба генерал К. Кристеско 31 декабря 1916 г. представил Сахарову список румынских правительственных комиссаров при армейских корпусах русских армий Румынского фронта. Для 6-й армии: майор запаса Г.-Т. Иоан (депутат) и поручик запаса И. Элефтерие (депутат). 4-я армия – Э. Захариа (главный инспектор администрации), И. Попеску (префект Романаца), Г. Мумуяну (префект Констанцы) и С. Беллу (префект Телеорман). 9-я армия – Н. Галкы (префект Сырат), М. Берцеану (префект Ялоницы), К Кыллугыреану (полицмейстер) и Н. Кынаньгу (полицмейстер). Сахаров отдал приказание командармам прикомандировать их к русским корпусам⁴¹.

Однако, и по мере урегулирования отдельных противоречий⁴², в целом ухудшение отношений между русско-румынскими союзниками по мере неблагоприятного развития ситуации на фронте, все-таки происходило. Разумеется, это сказывалось и на продовольственном снабжении войск Румынского фронта. Телеграмма от российского представителя при румынском командовании полковника В.А. Палицына из Ясс от 5 января 1917 г., утверждала, что «здесь так же, как в вопросе о железных дорогах, мы находимся в гораздо худших условиях, нежели в завоеванных областях, ибо мы в Румынии. В стране нет ни твердой власти, ни благожелательного отношения к нам. Злоупотребления полиции, среди коей много элементов нам прямо враждебных, безгранично. Правительство даже при искреннем желании нам помочь было бы бессильно... Отношение к нам и союзникам постоянно ухудшается». 18 января Палицын добавляет: «Имеются сведения, что несколько групп румынских офицеров заявили письменные и устные протесты против вывода армии в Россию, а также против подчинения армии русскому командованию»⁴³.

Значительным подспорьем в деле снабжения Румынского фронта стало присутствие в Румынии и Молдавии запасов иностранного хлеба. 28 ноября 1916 г. начальник управления путей

сообщения инженер Г.О. Паукер сообщил Егорьеву, что запасов на Румынском фронте нет, и продукты придется ввозить из России. «Между тем, запасы сербского правительства в размере около 500 тыс. пудов [пшеницы] и ячменя около 60 тыс. вывозятся из Рени в Тирасполь и другие тыловые районы для перемола на месте в Браиловских мельницах». 30 ноября Егорьев указал Гербелю «принять меры к использованию этого зерна на месте». Наконец, начальник снабжений Дунайской армии В.П. Тальгрэн дал Гербелю распоряжение сербскую пшеницу вывозить, а ячмень оставить войскам. Главноуполномоченный по закупке продовольствия для сербской армии М. Шайнович согласился уступить этот хлеб русским, с возвратом в другом месте в России в том же количестве⁴⁴.

Помимо сербского хлеба, в Румынии был складирован хлеб, закупленный англичанами, о чем говорилось выше. 16 декабря 1916 г. и. д. Начальника штаба Верховного Главнокомандующего В.И. Гурко сообщал Сахарову: «По сведениям от окружного уполномоченного министерства земледелия по Одесскому военному округу гофмейстера Гербеля, в тыловых районах армии в пределах Румынии имеются значительные зерновые запасы. В частности, гофмейстеру Гербелю предлагали свезти до 500 тыс. пуд. овса, имеющегося в тылу 9-й армии, каковой можно было бы передать на линию Черновицы – Бырлад, где имеются склады английских запасов и среди них – свободные помещения. В уступке последних, однако, румыны нам отказывают». Гурко предписывал Сахарову, совместно с русским посланником в Румынии А.А. Мосоловым «получить разрешение на уступку нам названных выше складов». В свою очередь, Мосолов 7 января 1917 г. сообщал в штаб Румынского фронта, что англичане готовы передать свои запасы пшеницы русским, а «возмещение может быть произведено или теперь деньгами по современной цене или зерном после открытия Дарданелл»⁴⁵. Учитывая итоги переговоров, Кияновский 8 февраля 1917 г. телеграфировал Сахарову, что в пределах войскового района Румынского фронта имеется около 2 млн пуд. английской пшеницы. Представитель английского правительства в Яссах капитан Питтс заявил представителю Особого Совещания по продовольственному делу Вишневному, что «вопрос об уступке ее русскому правительству принципиально решен и представлен на окончательное решение английского правительства, от которого ожидается получение полномочий для заключения договора». По сообщению румынского МВД от 10 февраля британс-

кая пшеница – в 1 тыс. вагонов – «подлежит зачету в общий ресурс румынского правительства»⁴⁶.

Представляется, что данная уступка со стороны англичан в какой-то мере объясняется тем обстоятельством, что зимой 1917 г. западные союзники потребовали от России передачи им 57 млн пуд. пшеницы. Часть заготовок, по предположению Риттиха, должна была быть произведена в Юго-Западном крае, в том числе и из стратегических запасов. Превосходно зная, что в случае реализации намерений министерства земледелия Юго-Западный и Румынский фронты окажутся в критическом положении, Алексеев запретил вывоз уже было заготовленных почти 2 млн пуд. хлебопродуктов, указав, что этот хлеб целиком идет для действующей армии⁴⁷.

Более того: на снабжение Румынского фронта вплоть до середины января работали тыловые службы Юго-Западного фронта. Телеграмма Главного интендантского управления от 1 января 1917 г. говорила: «В состав Румынского фронта входит Одесский округ, вещевые склады фронта – Одесский и Кременчугский. Но Румынский фронт пока еще не выделен, а снабжением руководит снабюз. Выделение ожидается на днях». Лишь с 14 января снабжение Румынского фронта было передано Одесскому военному округу, после создания управления интенданта Румынского фронта, но и то – снабжение всеми продуктами, «кроме скота»⁴⁸.

Окончательно Румынский фронт перешел «на довольствие собственным попечением» 21 января и должен был получать ежедневно 11 вагонов продфуража из Ясс и 63 – из Черновиц. 14 января 1917 г. Гурко приказал начальнику военных сообщений Румынского фронта А.А. Колпакову «доносить ему лично ежедневно о количестве интендантского продовольственного и вещевого довольствия, подвозимого по железным дорогам к армиям фронта: отдельно сколько подвезено с тыла к Черновицам, к Яссам и к Траянову Валу и сколько от этих последних станций переотправлено непосредственно в армии». В свою очередь, Сахаров распорядился «немедленно хотя бы за счет оперативных перевозок направить поезда с интендантским грузом, главным образом – фуражом, в 9-ю армию с тем, чтобы срочно удовлетворить ее всем необходимым и образовать в ней запас». Об этом надо докладывать Сахарову по телеграфу два раза в день⁴⁹. В то же время, часть войск стала отправляться либо в тыл, либо обратно на другие фронты, так как снабдить всех людей питанием непосредственно в окопах не было возможности.

Первой в глубокий тыл отводилась кавалерия, ибо прокормить лошадей не было возможности. Сам Гурко так вспоминал о Румынском походе: «Наши кавалеристы, в силу обстоятельств сидевшие в траншеях, не имели возможности поддерживать своих коней в состоянии, пригодном для совершения длительных маршей; на пути в Румынию лошадей приходилось кормить в основном не овсом, а кукурузой. [Наряду с отвратительными дорогами, превращающимися осенью в болото], это не могло не замедлять движения кавалерии и отрицательно сказывалось на эффективности ее действий в маневренных боях, к которым в большой степени сводились военные операции, проведение которых предполагалось в Валахии»⁵⁰.

Неудивительно, что Румынский фронт постоянно испытывал нехватку предметов снабжения, подвозимых из тыла. Юго-Западный фронт, благодаря заблаговременно принятым мерам о запрете вывоза продовольствия, смог опереться на местные запасы. Румынский фронт принять такие меры не мог, потому что, во-первых, до ноября 1916 г. еще вообще не существовал, а во-вторых, вследствие того обстоятельства, что бои шли на румынской территории, где русские не могли распоряжаться. Так, зимой 1917 г. Северный фронт ежедневно требовал подвоза 606,5 вагонов продовольствия и фуража, плюс 45 вагонов, подвозимых в пределах самого фронта. Западный фронт – соответственно 612 и 23; Юго-Западный фронт – 621 и 266; Румынский фронт – 397,5 и 295 вагонов⁵¹. То есть, 2/5 продуктов Сахаров должен был заготовить самостоятельно. Подвоз продовольствия и фуража на Румынский фронт (в вагонах)⁵²:

Месяц	Следовало подвезти	Фактически подвезено	В %% против нормы
Январь	9 951	2 108	- 78,8
Февраль	11 844	4 539	- 62
Март	19 964	8 371	- 58
Апрель	19 320	8 773	- 55

Как видно из этих цифр, в ситуации, когда требовалось кормить три русские армии плюс румынскую армию и беженцев, рассчитывать исключительно на подвоз было невозможно. В преддверии зимы штаб Юго-Западного фронта предложил несколько мер, направленных на преодоление кризиса снабжения фронта продовольствием и фуражом. А.А. Брусилowym, в частности, вы-

двигалась идея о передаче части брошенных помещичьих имений в распоряжение военных властей для организации там сельскохозяйственной деятельности силами самих войск. Пример с соседа взяли на Румынском фронте. Сахаров, поддержанный двоюродным дядей императора, великим князем Георгием Михайловичем, настаивал, чтобы воинские соединения посылали своих солдат в имения молдавских помещиков с целью заготовки продфуража на будущую кампанию. Следовательно, главнокомандование фронтом фактически поддержало такое мероприятие как отправка солдат на сельскохозяйственные работы. Участвовать в этом мероприятии первой должна была кавалерия, которая зимой была отведена в тыл, ввиду невозможности снабжения ее фуражом. Эти люди уже находились в тылу, на зимнее время они были свободны от несения фронтовой страды, и, следовательно, вполне могли оказать трудовую помощь тем войскам, что сидели в траншеях.

Поэтому уже в начале февраля 1917 г. фактический главнокомандующий армиями Румынского фронта ген. В.В. Сахаров просил прислать на фронт из России 40 тыс. рабочих для сельского хозяйства, чтобы иметь хлеб местного происхождения, так как подвоз его был затруднен, а то и невозможен. Обратим внимание на то, что в это время кавалерийские корпуса уже отошли в тылы Румынского фронта, но объемы снабжения все равно являлись непропорциональными той массе людей, что защищала Румынию. В данной просьбе Сахарову было отказано, ибо, наряду с первой просьбой, в своей телеграмме в Ставку от 21 февраля он просил разрешения отправить в деревню новобранцев последнего призыва, а также распустить на 5–6 недель по домам местных уроженцев, взятых в армию этой зимой. Иными словами, предлагалось отправить на сельскохозяйственные работы тех людей, что еще не успели обучиться военному делу, рассчитывая на их работу по снабжению фронта продовольствием. Сахаров не удовлетворился отказом. Уже 22-го числа следует новая просьба о привлечении к полевым работам частей Сербского добровольческого корпуса, то есть, тех войск, которые были сильно потрепаны в период боевых действий, понесли большие потери, и применение которых для боя в ближайшее время явно не предполагалось. Теперь, в ответе Ставки от 24 февраля все предварительные меры, намеченные В.В. Сахаровым, были, в принципе, одобрены⁵³.

Таким образом, отправляемые в Румынию русские войска, начиная с ноября 1916 г. оказались в ситуации кризиса снабжения. С каждым днем положение вещей могло лишь ухудшаться, так как

противник наступал, и для того, чтобы его остановить, требовалось все больше и больше войск. Получалось, что на Румынском фронте, во-первых, прибавлялось войск, требовавших снабжения, и, во-вторых, что эшелоны с людьми являлись до конца декабря приоритетным грузопотоком. В итоге, снабжения не хватало, так как нарастала разруха транспорта: «по отчетам санитарных врачей, войска, находящиеся в окопах, которые тянулись среди гор, получали горячую пищу зачастую только один раз в сутки, и то вечером. Тогда, как тыловые части питались более правильно – они получали два раза в день горячую пищу. Солдатский стол в большинстве случаев отличался безвкусыностью, вследствие отсутствия корректирующих веществ: лука, перца, лимонной кислоты, лаврового листа и т.д. Разнообразие круп было также невелико: за последнее время часто выдавались чечевица, горох и кукуруза, а рис, гречневая каша и перловая крупа во многих частях отсутствовали. Создавалось большое однообразие солдатского стола... Приправы, весьма необходимые для лучшей усвояемости пищи, как то овощи, картофель, капуста, также, в большинстве случаев, отсутствовали»⁵⁴. Получилось, что вместо использования местных средств, пришлось кормить то самое местное население, которое, по идее, должно было бы снабдить русские войска продфуражными средствами: «многие жители деревень кормились около солдатских кухонь, что не воспрещалось командованием и делалось и в России, и в Румынии»⁵⁵.

Наиболее образно ситуацию на Румынском фронте описал комкор-8 А.И. Деникин: «[Мы] употребляли все усилия, чтобы ослабить хотя бы до некоторой степени ужасную хозяйственную разруху, созданную нам румынскими путями сообщения. Где-то в Новороссии на нашей базе всего было достаточно, но до нас ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья, и заболели тысячами. Из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных для больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах... Местами, в особенности на фронте 9-й армии, на высоких горах в жестокую стужу в холодных землянках по неделям жили на позиции люди. Замерзавшие, полуголодные; с огромным трудом по козьим тропам доставляли им хлеб и консервы... Во всяком случае, едва ли когда-нибудь в течение отечественной войны войскам приходилось жить в таких тяжелых условиях, как на Румынском фронте зимою 1916–1917 года»⁵⁶. В целом же, румынский поход внутри России был воспринят негативно.

Очередной успех противника, как казалось, уже подломленного Брусиловским прорывом, оказался моральным ударом по тылу, что способствовало положительному восприятию Февральской революции на фронте.

Румынский фронт спасся благодаря весне. За лето удалось образовать большие запасы продовольствия и фуража (пользуясь дисциплиной в неразложившихся под ударами революции, в отличие от русских, румынских войск), что позволило румынам просуществовать до момента выхода России из войны. Падение монархии, конечно, не могло сразу же, по мановению пальца, исправить критическую ситуацию на фронте. В.В. Сахаров 11 марта 1917 г. доносил в Ставку: «Все снабжение армий фронта... 1 040 000 людей и 370 000 лошадей, основывается исключительно на подвозе по железным дорогам... подвоз по нашей сети юго-западных дорог из...тыла не может удовлетворить всех потребностей фронта...». Сахаров отметил, что скоро придется кормить и румынское население, вследствие чего единственным средством борьбы с недостаточной доставкой продовольствия представляется использование Нижнего Дуная⁵⁷. Однако изъятие излишков продовольственных запасов у населения Буковины⁵⁸ и Бессарабии⁵⁹ позволило Румынскому фронту продержаться до некоторого улучшения в работе железнодорожного и морского транспорта.

В то время как Российская империя снабжала союзную аграрную Румынию хлебом, что само по себе явилось нонсенсом, державы Центрального блока подсчитывали богатые трофеи. Помимо ранее закупленного хлеба (считая и озимую пшеницу урожая 1916 г.), оккупировавшего три четверти румынской территории неприятеля ждал еще и будущий яровой урожай. И он должен был оказаться немалым. Перед войной, по экспорту пяти важнейших хлебов (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза) Румыния стояла на третьем месте в мире после России и Аргентины. Если русские вывозили 633 млн пуд. хлеба в год, то румыны – 213 млн пудов. Именно поэтому, в силу экспортной ориентированности сельскохозяйственной экономики Румынии, австро-германцы обнаружили здесь больше продовольственных средств, нежели на территории занятой ими в 1915 г. русской Польши, части Литвы и части Курляндии вместе взятых⁶⁰. Таким образом, оккупация Румынии позволила Центральному блоку продержаться в продовольственном отношении весь следующий год, после чего, согласно условиям Брестского мира и сопутствующих процессов, он получил

новую житницу в виде западных областей уже бывшей к тому времени Российской империи (хлебородная Украина). Сам Э. Людендорф признавался: «Нам хватило продовольствия только благодаря румынским пшенице и кукурузе».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Катчев Г.И.* Современная Румыния и ее национальные задачи. Пг., 1916; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: Румынский фронт, М., 1922, ч. 6; *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002.

² *Сухарев В.И.* Краткий санитарный очерк по Румфронту за минувшую кампанию (1914–1918 гг.). Одесса, 1920.

³ *Попов В.* Операции в Трансильвании осенью 1916 года (боевые действия в горах) // Военно-исторический журнал. 1940. № 7; *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994, Т. 4; История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2; Мировые войны XX века. Кн.1: Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002.

⁴ *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях, М., 1923; *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. М., 1923; *Брандт Г.* Очерки современной конницы. М., 1924; Французские армии в мировой войне. Т. 8: Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба. М., 1940; *Эрфурт В.* Победа с полным уничтожением противника. М., 1941; Лиддел-Гарт Б. Правда о Первой мировой войне. М., 2009.

⁵ См. напр.: *Емец В.А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916 гг.) // Исторические записки. М., 1956. Т.56; *Он же.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны, М., 1977; *Нарцов В.Н.* Румыния в Первой мировой империалистической войне. Кишинев, 1959; *Френкин М.С.* Революционное движение на румынском фронте 1917 г. – март 1918 г. М., 1965; *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.

⁶ *Виноградов В.Н.* Русско-румынские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Новая и новейшая история Румынии. М., 1963; *Он же.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969; *Он же.* К оценке дипломатии Ионела Брэтиану // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

⁷ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

⁸ *Гринвальд К.К.* Румыния (экономический очерк). Пг., 1917; *Шпирт А.* Минеральное сырье и война. Л., 1941; *Савин Т.* Иностраный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). М., 1950.

⁹ *Дикс А.* Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну 1914–1919 гг. М., 1926; *Хмельницкая Е.* Военная экономика

Германии (1914–1918 гг.). М.-Л., 1929; *Рубинштейн Е.И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963.

¹⁰ *Верховский А.И.* Россия на Голгофе. Пг., 1918; *Симанский П.* Паника в войсках. М.-Л., 1929; *Брусиллов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001.

¹¹ *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. М., 2000; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Мн., 2003; *Маннергейм К.Г.* Воспоминания. Мн., 2004; *Семенов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М., 2007; *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007.

¹² *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974; *Катаев В.П.* Сухой лиман: Повести. М., 1986; Из дневников младшего офицера Бакулина. Публикация Т.К. Кудзаевой и Э.П. Соколовой // *Голоса истории.* Вып. 24. Кн. 3: Материалы по истории Первой мировой войны. М., 1999; *Трушинович А.Р.* Воспоминания корниловца: 1914–1934. М.-Франкфурт, 2004; *Гребенкин И.М.* «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // *Исторический архив.* 2007. № 4.

¹³ *Первая мировая война и проблемы политического переустройства в центральной и юго-восточной Европе.* М., 1991; *История Бессарабии (От истоков до 1998 года).* Кишинев, 2001; *Козлов Д.Ю.* Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003; *Якоб Г.* Румыны в период становления национальных государств (1859–1918) // *История Румынии,* М., 2005; *Павлов А.Ю.* Скованные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008; *Павлов А.Ю.* Проблема вступления в войну Румынии в отношениях верховных командований России и Франции // *Первая мировая война, Версальская система и современность,* СПб., 2012; *Шаццлло В.К.* Последняя война царской России. М., 2010.

¹⁴ *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // «STUDIA BALKANICA» (к юбилею Р. П. Гришиной). М., 2010. С. 140–143.

¹⁵ *Шарый А, Шимов Я.* Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2011. С. 277.

¹⁶ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

¹⁷ *Виноградов В.Н.* Русско-румынские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1916) // *Новая и новейшая история Румынии.* М., 1963. С. 230.

¹⁸ *Последняя австро-венгерская война.* Издание австрийского военного архива. М., 1929. Т. 4. С. 1037.

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3058. Л. 17.

²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3179. Л. 60.

²¹ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520. Л. 79–79об.

²² *Рубинштейн Е.И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963. С. 79; *Хмельницкая Е.* Военная экономика Германии (1914–1918 гг.). М.-Л., 1929. С. 159.

²³ *Савин Т.* Иностраннный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). М., 1950. С. 80–81.

²⁴ Балканы в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 270.

²⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 695. Л. 9 об.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1030. Лл. 115–117.

²⁷ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30. Л. 87.

²⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 249.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 674. Л. 5 об.

³⁰ Подробно см.: *Козлов Д.Ю.* Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003. С. 105 и др.

³¹ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30. Л. 42, 91.

³² РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.

³³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 674. Л. 6.

³⁴ *Островский А.В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 484.

³⁵ Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты урожая 1916 года, б.м., 1916. Ч. 2. С. 97; Журнал Сопещения в Ставке 15–16 декабря 1916 г., б.м., 1917. С. 23.

³⁶ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 8.

³⁷ Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81. Л. 268 об.

³⁸ Там же. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 222.

³⁹ Там же. Л. 29, 63, 206.

⁴⁰ Там же. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30. Л. 97 об.

⁴¹ Там же. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 113 об.

⁴² Например, в феврале румыны передали русским войскам 81 вагон сахару «из местных складов, предназначенных для гражданского населения» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 695. Л. 233).

⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2956. Л. 4, 10.

⁴⁴ Там же. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30. Л. 177.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 3, 152.

⁴⁶ Там же. Д. 45. Л. 120–121.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 57. Лл. 7–8.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1522. Л. 39, 47 об.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 53, 125.

⁵⁰ *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917, М., 2007. С. 239.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1037. Лл. 290 об.–291об.

⁵² ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 179об.

⁵³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 511. Лл. 10–15.

⁵⁴ *Сухарев В.И.* Краткий санитарный очерк по Румфронту за минувшую кампанию (1914–1918гг.), Одесса, 1920. С. 16–17.

⁵⁵ Военная быль. 1974. № 128. С. 31.

⁵⁶ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Мн., 2003. С. 61.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 523. Л. 246–246об.

⁵⁸ *Френкин М.С.* Революционное движение на румынском фронте 1917г. – март 1918 г. М., 1965. С. 58–59, 63.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 320.

⁶⁰ *Данилов Н.А.* Экономика и подготовка к войне. М.-Л., 1926. С. 74, 87.

РАЗДЕЛ III

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Г.В. Рокина (Йошкар-Ола)

Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии: Царевококшайск и Козьмодемьянск

Первая мировая война перевернула обычный миропорядок и стала трагедией в судьбе европейских народов и народов России. На долгие годы Запад и Восток погрузились в разрушительный хаос кровавой бойни. Для многонациональной Российской империи эта война закончилась фатальным исходом и стала началом ее гибели, как, впрочем, и для государства из противоборствующего военно-политического блока – Австро-Венгерской империи. В истории российско-австрийских отношений на различных этапах ее развития так или иначе вставал славянский вопрос¹, оставаясь наиболее болезненным для дипломатии обеих империй.

Известно, что славянский вопрос в том виде, как он был сформулирован в официальных правительственных кругах России, стал одной из причин вступления России в мировую войну. 20 июля (2 августа) 1914 г. император Николай II подписал Высочайший манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией. «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлимые для державнаго государства требования», – говорилось в документе².

По ряду причин Австро-Венгрия проявила себя наиболее слабым звеном в Тройственном Союзе. Император Австрии и король Венгрии Франц-Иосиф в манифестах торжественно обращался к весьма пестрому населению своей империи: «Мои народы!» В это время народы империи Габсбургов представляли весьма разнообразные по своим взглядам и политическим симпатиям, социаль-

ному составу и материальному положению этносы. Межэтнические и социальные противоречия не могли не проявиться и в действующей армии «лоскутной» империи, и в плену на территории противника. Многие славянские политические лидеры в Австро-Венгрии рассматривали начавшуюся войну как столкновение германского мира со славянством³.

Американский корреспондент Джон Рид так описывал свою встречу летом 1915 г. с колонной австрийских пленных, конволируемых двумя донскими казаками: «Их было тридцать, и между этими тридцатью было представлено пять наций: чехи, кроаты, мадьяры, поляки и австрийцы. Один кроат, два мадьяра и три чеха не знали ни слова на каком-либо языке, кроме своего родного, и, конечно, ни один австриец не знал ни звука по-богемски, кроатски, венгерски или по-польски. Между австрийцами были тирольцы, венцы и полуитальянцы из Пола. Кроаты ненавидели мадьяр, мадьяры ненавидели австрийцев, а что касается чехов, то никто из остальных не стал бы с ними разговаривать. Кроме того, все они резко отличались друг от друга по социальному положению, причем каждый стоявший на высшей ступени с презрением смотрел на низшего... Как образчик армии Франца-Иосифа, группа эта была весьма показательна»⁴.

«Отличительной чертой австро-венгерской армии являлся ее многонациональный характер, так как она состояла из немцев, мадьяр, чехов, поляков, русинов, сербов, хорватов, словаков, румын, итальянцев и цыган, объединенных только офицерским составом», – писал русский генерал А.М. Зайончковский⁵. За годы войны в Австро-Венгрии при населении в 51 млн под ружье было поставлено 8 млн человек. При этом, по венгерским подсчетам, из 8 млн мобилизованных 3,8 млн, то есть около половины, приходилось на подданных Венгрии, хотя ее население составляло 20 млн человек⁶. Жителей Венгерского королевства, среди которых кроме венгров было немало славян, бремя войны затронуло относительно больше, нежели другие территории Австро-Венгрии, да и на войне они чаще пополняли ряды не офицерского состава, а низших армейских чинов.

Первая мировая война – это первый конфликт в истории, в котором феномен военного плена проявил себя столь массово. Это было связано с тем, что Первая мировая представляла собой совершенно новый тип войны. Появились новые виды оружия: ядовитые газы, танки, огнеметы, пулеметы и т.д. Линии фронтов достигли небывалой протяженности. В такой ситуации наступле-

ние или отступление шло фронтально по огромной территории. По примерным оценкам, из 60 миллионов воюющих 8 миллионов солдат и офицеров оказались в плену. Разумеется, ни одна из стран не была готова содержать такое количество безоружных врагов. При этом все страны, участвовавшие в Первой мировой войне, обязались соблюдать статьи Гаагской конвенции о военнопленных. Около 3 млн солдат и офицеров противника были захвачены в плен русской армией. Для сравнения германцы пленили 2,5 млн человек.

В итоге, значительные по своей численности массы военнопленных Германии и Австро-Венгрии (около 2 млн 400 тыс. чел.), оказавшиеся на территории России, представляли собой довольно пестрый этнический конгломерат. Поэтому наименование «германские и австрийские пленные» носит несколько условный характер и определяет не национальность того или иного пленного, а принадлежность его к одной из неприятельских армий. Определить же национальный состав военнопленных на российской территории довольно трудно, так как при регистрации учитывалось зачастую подданство и вероисповедование.

Попытка определить национальный состав военнопленных Габсбургской монархии была предпринята в исследовании Е.С. Синявской. По ее подсчетам, этот состав был примерно следующим: австрийцы и немцы составляли 22%, венгры – 25%, чехи и словаки – 18–20%, сербы, хорваты, словенцы – 12%, румыны – 8%, поляки – 9%, украинцы – 8%, итальянцы – 2% от общего количества пленных в России⁷.

Размещение военнопленных на территории России не было равномерным. В основном они были сконцентрированы в Восточных районах (Сибирь, Урал, Туркестан) и земледельческих областях европейской части страны. При этом российские власти пытались учитывать национальный принцип; немцы, венгры, австрийцы направлялись в районы Восточной Сибири и Туркестан, представители славянских национальностей расселялись в основном в Западной Сибири и европейской части России. Следует, однако, отметить, что, несмотря на принцип раздельного размещения, лагерей только со славянским составом военнопленных или только с немецким в России создано не было.

Лагерь Сибири и Юга не вмещали весь поток постоянно прибывавших пленных. Быт и содержание военнопленных в лагерях Сибири не могли уже отвечать всем требованиям международных договоров⁸. На втором году войны пленных стали распределять

по уездным городам России и даже в деревнях. На территорию одной только Казанской губернии прибыло более двадцати тысяч военнопленных австро-венгерской, германской и итальянской армий. На берегах Волги обрели временное пристанище представители практически всех этнических групп, населявших империи Гогенцоллернов и Габсбургов: немцы, мадьяры, русины, поляки, чехи, евреи, словенцы, хорваты, боснийцы, словаки, румыны, болгары, сербы и другие народы.

В годы войны уездные города Казанской губернии Царевококшайск и Козьмодемьянск стали центрами размещения беженцев, интернированных и военнопленных, откуда часть беженцев распределялась по местным волостям. Военнопленные же оставались расквартированными в уездных центрах.

Царевококшайские узники

В начале XX в. Царевококшайск (современная столица Республики Марий Эл – Йошкар-Ола) был административным центром уезда с населением немногим более двух тысяч человек, в подавляющем большинстве русским, православного вероисповедания⁹. Веком раньше этот город вошел у российских писателей в пословицу, где нужно привести пример ничтожества, провинциального захолустья¹⁰. В городе действовало 5 церквей, две библиотеки¹¹. Царевококшайцы пользовались благами цивилизации: в конце XIX в. появились телеграф, телефон, в начале XX в. – кинематограф, фотоателье Н.В. Захарова¹², улицы освещались керосиновыми лампами. В губернский город Казань из Царевококшайска ходили конные экипажи¹³.

Накануне войны в городе было несколько бакалейных, хлебных и лесных лавок, винокуренный завод; дети получали образование в городских училищах, гимназии; были открыты библиотеки и читальни, одна городская больница и аптека¹⁴. В отчете Царевококшайского городского общественного управления за 1910 г. отмечалось, что «купцы и некоторые мещане, а также проживающие в городе крестьяне занимаются торговлей... Некоторые... вырабатывают строевой и дровяной лес, корыта, кадки и другие кустарные изделия для сплава в Казань и низовые поволжские города... Большинство же мещан, арендуя у города землю, занимается хлебопашеством и огородничеством»¹⁵.

Мирную, размеренную жизнь уездного Царевококшайска разрушило сообщение о начале войны. 30 июля 1914 года состоялось

40-е чрезвычайное земское собрание Царевококшайского уезда, на котором рассматривались вопросы об оказании помощи российскому правительству в военное время. По предложению председателя Царевококшайской управы Н. Черкасова делегатами собрания был отслужен молебен «О даровании воинству победы над дерзновенным врагом». В церквях и соборах города прошли молебны. Горожане разделили общий патриотический подъем, свято веря, что «защищая честь и славу Родины, русский народ в могучем порыве стихийно сметет вероломного врага, дерзнувшего посягнуть на достоинство Великой России».

С началом войны картины проводов в армию нарушили традиционный устоявшийся ритм Царевококшайска. В первые месяцы войны в действующую армию были призваны сотни жителей города. Все понимали, что война – это не парадный марш, а боль, кровь, слезы, смерть... Город готовился к приему раненых и увечных воинов. К октябрю 1914 г. были отведены и подготовлены 75 мест в земской больнице, арестном помещении и Богородице-Сергиевском женском монастыре. В ноябре 1914 г. на 41-м чрезвычайном уездном земском собрании рассматривался вопрос о захоронении умерших воинов. Было принято решение хоронить их «на особо отведенных огороженных... участках на приходских кладбищах, с сооружением в приходских церквях и мечетях досок в ознаменование жертв отечественной войны. ...Дабы такие особые братские кладбища, обсаженные впоследствии деревьями и обнесенные решеткой, служили напоминанием последующим поколениям о жертвах Великой Европейской войны». К сожалению, в Йошкар-Оле такие памятные доски не сохранились...¹⁶

Первая мировая война добавила в общественную жизнь и повседневность города такую проблему как забота о непосредственных участниках военных действий, о тех, кто пострадал от них. Например, из городских капиталов выделялись суммы на выдачу пособий семьям военнослужащих, мобилизованных на фронт, а семьям, оставшимся без кормильцев, оказывалась помощь в уборке урожая, их обеспечивали посевным материалом, давали во временное пользование лошадей, сельскохозяйственный инвентарь.

Еще одной приметой военной жизни города стали многочисленные беженцы, в том числе с территорий Австро-Венгерской монархии.

В журнале «Нива» № 18 за 1915 г. опубликовано стихотворение царевкокшайца, участника боевых действий, А.Е. Котомкина «Из Галицких мотивов»:

Они бежали от насилия,	Залогом дружбы неразрывной
От грозных ужасов войны...	Заря сияет впереди...
Встречает их, расправив крылья,	Заря, что в скорбную годину
Орел им родственной страны.	На небе севера горит...
Он их зовет... И клич призывный	Гуцулу, лемку и русину
Надежду будит в их груди...	Без слов так много говорит...

Это стихотворение написано в память Галицийской битвы, одного из крупных сражений Первой мировой войны, которое произошло в августе–сентябре 1914 г., в ходе которого в плен были взяты тысячи солдат и офицеров Австро-Венгрии, а тысячи местных жителей стали беженцами. Надо отметить, что наиболее характерными массовые сдачи в плен были для австрийской армии: пленными австро-венгерские части потеряли более двух миллионов человек.

Интересный факт, что именно в Царевококшайске, куда из-за боевого ранения вернулся поэт А.Е. Котомкин, он написал историческую драму «Ян Гус» и стихотворение-посвящение «Братьям-чехам». События на фронте, появление пленных славян австро-венгерской армии в родном крае, все это вдохновило его на следующие строки:

«Пришла пора! И ожил вновь
Славянский дух, о братья чехи,
На поле битв звенят доспехи
Борцов за правду и любовь...»¹⁷.

Уездным властям Царевококшайска предстояло решать сложнейшие вопросы, связанные с регистрацией, устройством и расселением беженцев, а военному ведомству – с обустройством военнопленных. На чрезвычайном заседании Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза, состоявшемся 6 августа 1915 г., постановили «организовать справочное бюро по приисканию занятий беженцам, бюро по приисканию квартир для беженцев, бюро по сбору пожертвований деньгами и вещами». Для размещения беженцев были выделены помещения в Царевококшайском городском училище, церковных сторожках при Соборной, Троицкой церквях, монастырской гостинице, в доме Булыгина, Чулкова, при земской больнице. Беженцы прибывали партиями, семьями, вели за собой скот – лошадей, коров.

В телефонограмме на имя Казанского губернатора, отправленной Царевококшайской уездной земской управой 22.09.1915 г. со-

общалось, что в город Царевококшайск «прибыло 1230 беженцев, 137 голов скота. На пути следования [еще] 1685 человек, 550 голов скота. Положение их ужасное. Голодают. Недостаток теплой одежды. Появляются заболевания... Местные средства иссякли»¹⁸. Корепов Николай Григорьевич, бывший в то время городским старостой, просил выделить городу «не менее 2000 рублей... на прокорм скота и беженцев и на выдачу им суточного довольствия». Деньги выделялись, но их не хватало на удовлетворение даже самых насущных проблем беженцев. Несмотря на финансовые трудности, в городе организовывались питательные и распределительные пункты для беженцев. В 1915 г. в Царевококшайске и прилегающих к нему окрестных волостях было размещено 5000 беженцев из Холмской и Гродненской губерний.

Большой вклад в дело устройства беженцев внесли благотворительные организации – Комитет ее императорского величества княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий, Царевококшайский уездный комитет помощи беженцам, – которые заботились о детях-сиротах, занимались выдачей пайка, организацией питательных и распределительных пунктов, регистрацией беженцев, снабжением одеждой людей, лишившихся крова. Проводили лотереи, деньги от которых поступали в пользу беженцев¹⁹.

Для международных благотворительных организаций составлялись «списки военнообязанных австрийского и германского подданства, находящихся под надзором полиции и крайне нуждающихся в пособиях, обуви и кормовых»²⁰.

Присутствие иностранных военнопленных в городе стало одной из примет военного времени. Их прибытие в Царевококшайск ожидалось в январе 1915 г., однако вплоть до октября уездный воинский начальник отчитывался в губернский центр об отсутствии пленных, за исключением австрийца Альберта Дорой, который состоял под следствием и в марте был переправлен в г. Казань, и Рудольфа Раика из команды военнопленных, следующих в г. Яранск, который заболел в пути и находился в Царевококшайской земской больнице²¹.

Первая партия военнопленных в количестве 21 человека прибыла в г. Царевококшайск в октябре 1915 г. Это были офицеры и прапорщики австро-венгерской армии – Карл Штарк, Адольберг Ласло, Александр Айзенберг, Карл Арнульд и др. В Царевококшайск была направлена телеграмма командующего войсками Казанского военного округа о содержании пленных. Офицеров

предлагалось размещать «без особой роскоши», но с предоставлением всего необходимого, в течение одного часа в сопровождении конвоя им разрешалась прогулка по улицам, где было меньше народа, общение с посторонними лицами воспрещалось. О строгости соблюдения последнего пункта говорит тот факт, что в марте 1916 г. военнопленный Александр Барто был арестован на 7 суток за разговор с женщиной немкой, а солдат, «окарауливающий пленных», получил 10 суток ареста²².

По данным на январь 1916 г. пленные офицеры были размещены в двух домах: доме Корепова в Воздвиженской слободке и доме Чернова на Кирпичной улице (территория современной Красноармейской слободы и ул. Коммунистической). Нижние чины размещались в доме Лебедева на Кирпичной улице, там же была открыта мастерская для изготовления и починки обуви и белья, в которой работали пленные.

В Царевококшайске находились офицеры и солдаты австро-венгерской и германской армий, взятые в плен в основном в конце 1915 г. и начале 1916 г. В соответствии с международным правом, которое строго соблюдалось вплоть до революционных событий, пленные офицеры получали довольно приличное по тем временам жалование – 50 рублей, имели право выходить в город на один час в строго определенное время. В ГА РМЭ в фонде «Воинский начальник Царевококшайского уезда Казанской губернии» сохранились именные списки военнопленных, ведомости об их числе и передвижении, сведения о гражданских специальностях²³.

В составе пленных, оказавшихся в Царевококшайске, число офицеров в два-три раза превышало число солдат, так как в маленьком городе негде было применить солдатскую рабочую силу и крупные партии солдат сюда не направлялись. В разные годы войны число пленных постоянно менялось, к этой категории с 1916 г. стали относить военнообязанных беженцев с занятых территорий. К концу 1915 г. в городе находилось 27 офицеров и 16 нижних чинов австрийской армии. Постепенно количество военнопленных увеличивалось, данные на 1 февраля 1918 г. были следующими: 90 офицеров и 28 солдат. Так, в мае 1916 г. в городе Царевококшайске содержались сто пленных офицеров, до войны работавших учителями, инженерами, юристами, врачами, были журналисты, геолог, бухгалтер, нотариусы. Одновременно начался массовый отток беженцев, которому способствовали распоряжения из Петрограда²⁴.

Иностранные граждане, находившиеся в Царевококшайске, принадлежали к разным слоям населения и различались по своему материальному достатку. Некоторые имели возможность получать помощь из-за границы в виде денежных переводов, первоначально поступавших из Германии и Австро-Венгрии через Генеральное консульство США в России. После вступления США в войну на стороне Антанты в апреле 1917 г. защиту интересов германских подданных в России приняло на себя шведское правительство, а австро-венгерских – датское. Об этом в апреле 1917 г. были уведомлены губернские власти в Казани, которые направили соответствующую информацию в уезды, в том числе и в Царевококшайский. В сентябре 1917 г. Казанский губернский комиссар Временного правительства извещал телеграммой Царевококшайского уездного комиссара о том, что министерством внутренних дел разрешено представителю датской миссии «посетить военных и гражданских австро-венгерских пленных, водворенных в Казанском военном округе, и оказать им помощь...». В октябре, однако, последовало предписание противоположного характера о том, что по распоряжению Генерального штаба надлежит «воспрепятствовать допуску в пункты нахождения военнопленных всех представителей нейтральных государств и русско-подданных, посещающих военнопленных в качестве представителей различных благотворительных организаций»²⁵.

Режим и условия, установленные для военнопленных, были довольно мягкими и либеральными, что также определялось международными договорами и контролировалось международной организацией Красный крест и другими благотворительными обществами. После революции 1917 г. жизнь и быт военнопленных в России изменились под воздействием потрясений и сдвигов, происходивших в стране. С одной стороны, имела место либерализация режима содержания пленных – они получили больше возможностей для самоорганизации и отстаивания своих интересов. С другой, – вместе с нарастанием экономических трудностей ухудшалось их материальное положение, стали отмечаться факты недоставки пленным писем, посылок и переводов. Военнопленные добивались облегчения условий своей жизни в плену. По ряду моментов власти шли им на встречу. Так, в конце декабря 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие особые льготы для военных поляков: более свободное содержание, большая свобода передвижения, объединения и др. Данные правила распространялись также на

военнопленных чехов, словаков и украинцев. На основании этих льгот военнопленные всех национальностей вскоре начали через своих представителей добиваться большей свободы содержания. Наряду с общими заявлениями военнопленных поступали и заявления отдельных лиц с конкретными просьбами.

Славянский вопрос заявил о себе уже с первых дней войны, когда плененные офицеры и солдаты австро-венгерской армии, с одной стороны, и лидеры чешского движения, с другой, – стали участниками создания чехословацкого легиона. Известный факт, что уже в августе 1914 г., в первый месяц войны, началось формирование чешских частей в составе русской армии. В Киеве с одобрения русского военного министерства было создано военное подразделение «Чешская дружина»²⁶. А в октябре 1917 г. стал формироваться Чехословацкий корпус из двух дивизий, которые пополняли пленные чехи и словаки, воевавшие в австро-венгерской армии и попавшие в русский плен. Еще ранее была создана добровольческая Сербская дивизия из пленных австрийских славян. В связи с этими обстоятельствами многие пленные славянского происхождения австро-венгерской армии покидали плен, добровольно подписавшись на вступление в Чехословацкий корпус. В настоящее время нет подтвержденных документальными источниками сведений, были ли среди чехословацких легионеров бывшие царевококшайские пленники.

Примечательно, что на общем собрании Царевококшайского уездного Совета солдатских и крестьянских депутатов 30 января 1918 г. присутствовал представитель от военнопленных, проживавших в городе. В духе времени он выступил с речью, в которой приветствовал Октябрьскую революцию, отметил «благодетельную деятельность» Совета депутатов, в связи с чем, по его словам, «тяжелое положение [военнопленных] сделалось выносимым». Однако документы показывают, что положение пленных не улучшалось, а скорее наоборот, стало сложнее. Уже в 1918 г. они подавали заявления о перемене места жительства в связи с невозможностью заработать на пропитание, а 50 рублей жалования в условиях роста цен и дороговизны уже не могли обеспечить достойных условий проживания²⁷.

По данным ГА РМЭ на март 1918 г. в Царевококшайске находились 77 пленных офицеров, 28 нижних чинов, из них только двое – из германской армии.

В сентябре 1918 г. была образована Царевококшайская уездная коллегия о пленных и беженцах, которая произвела учет «бывших

вражеских военных и гражданских пленных»: всего по данным коллегии за период Первой мировой войны в уезде находилось 222 военнопленных австро-венгерской и германской армий.

Точно известно, что более пятидесяти человек из числа австро-венгерских пленных и беженцев нашли свой последний приют на городском кладбище Царевококшайска, что подтверждают сохранившиеся в архиве свидетельства о смерти, а также данные археологических раскопок на территории города Йошкар-Олы в начале XXI в.

Последние пленные из Царевококшайска были отправлены в Казань осенью 1918 г.: на этом завершилась история пребывания австро-венгерских военнопленных в Царевококшайске в годы Первой мировой войны.

«Австрийский дом» в Козьмодемьянске

Похожая ситуация сложилась и в соседнем уезде городе Казанской губернии, расположенном на правом берегу Волги – Козьмодемьянске. Этот город накануне войны был не только уездным, но и торговым центром. Население города в 1912 г. составляло 5515 человек, что почти в два раза превышало население Царевококшайска. В Козьмодемьянске ежегодно в течение двух месяцев проводилась знаменитая на всю Россию лесная ярмарка, по своим оборотам уступавшая лишь Архангельской лесной ярмарке. В городе было много домов богатых купцов и чиновников, что в дальнейшем стало поводом для содержания в местном плену офицеров из высшего командования австро-венгерской армии – одного генерала, а также офицера Генерального штаба. В Царевококшайске найти подходящие дома для содержания арестованных иностранных офицеров было непросто.

Атмосфера в городе, как и в других российских уездных центрах, соответствовала военному времени. В самом начале войны в докладе Козьмодемьянской уездной земской управы земскому собранию сообщалось: «Открытие военных действий... вызвало чувство глубокого негодования к дерзкому и надменному врагу... это заставило население слиться воедино и принять твердое и искреннее желание всеми силами и средствами содействовать сохранению чести и достоинства России»²⁸.

Уже к концу 1914 г. в городе появляются раненые, военнопленные и беженцы. К 1 января 1917 г. беженцев было 307 мужчин и 409 женщин, а к 1 августа – 357 мужчин и 456 женщин²⁹. В годы

войны работе с иностранцами, особенно с подданными государств, с которыми Россия воевала, а также с военнопленными, большое значение придавалось в местных отделениях губернской жандармерии. Во время войны были изданы циркуляры министерства внутренних дел и постановления Сената, ограничившие передвижение и права подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в России. С конца июля 1914 г. мужчины – подданные Германии и Австро-Венгрии – считались военнопленными, которых необходимо было арестовывать и отсылать в определенные места.

В Козьмодемьянске был создан Беженский комитет, во главе которого стал А.П. Садовский, проживавший в д. Красногорки. Кроме него помощь беженцам оказывал Козьмодемьянский уездный комитет во главе с С. Шумовым. Для беженцев в женской гимназии открыли ковроткацкую мастерскую³⁰.

Бывшее Козьмодемьянское Романовское отделение, получившее новое название «Комитет попечения о беспризорных» (председатель – священник Пандиков, член – земский врач В.А. Протопопов) 19 июля приобретает усадьбу П.Ф. Бычкова в районе Юркино и организует там приют для беженцев.

Иностранцы военнопленные в Козьмодемьянске находились под наблюдением местной жандармерии и воинского начальника. В случае отправки, как беженцев, так и военнопленных в другие места жительства унтер-офицеры на местах должны были сразу же сообщать об этом, под контролем должна была находиться и их переписка. Но не всегда этот контроль осуществлялся квалифицированно. Иногда военнопленные шли на различного рода уловки, чтобы ослабить контроль за собой. В этом им иногда помогали местные жители. Например, 24 июля 1916 г. в Козьмодемьянске городская управа пригласила военнопленных переводчика К. Альфельди, бывшего офицера Генерального штаба австро-венгерской армии, и инженера Э. Богатого исполнить некоторые работы на городском водопроводе и др. В сопровождении конвойного они отправились на извозчике к лесничему А.С. Сапожникову и зашли к нему в дом. Лесничий предложил конвойному остаться на улице, что было нарушением правил, но тот остался. Продолжительное время пленные находились в доме у Сапожникова, до тех пор, пока гуляющая публика не напомнила конвойному о его обязанностях. Затем за городом, на месте постройки водопровода, военнопленные прогуливались, беседовали с женой и детьми Сапожникова, чем возмутили гуляющих граждан. После

дознания воинский начальник арестовал К. Альфельди на 7 суток, а конвойного поставил на 32 часа под ружье³¹.

Условия для жизни военнопленных в городе были созданы довольно сносные. Так, 1 июня 1916 г. в городе Козьмодемьянске находились 3 штаб-офицера, 83 обер-офицера и один генерал: из них 39 немцев и 47 австрийцев. 73 военнопленных офицера были расквартированы в деревянном здании женской гимназии, и в доме Горшкова 13 человек. Проверяющий Чебоксарский воинский начальник полковник Слюсаренко отмечал, что помещения оборудованы удовлетворительно. Имеется достаточное количество столов и скамеек простой работы, на стенах масса фотографий, картин и полка с необходимыми принадлежностями, но наблюдается теснота из-за изобилия чемоданов. При желании можно было пользоваться библиотекой из разрешенных книг. У каждого офицера имеется толмач (переводчик) и денщик³². Нижние чины комфорта имели поменьше, и служба их состояла в обслуживании своих офицеров. На одного денщика приходилось четыре офицера. Денщиками служили 8 чинов германской армии и 11 австрийской.

Особенно полезна для города оказалась деятельность штаб-капитана Элемира Богатого. Городской голова Павел Павлович Бычков привлек его к разработке проекта и строительства здания во дворе Ольгинского приюта. После инцидента с военнопленными во время прогулки и ареста К. Альфельди козьмодемьянский уездный воинский начальник подполковник Зеленин потребовал от Городской управы: «Не употреблять труд инженера Богатого на постройку и ремонт зданий, принадлежащих частным лицам или составляющих недвижимую собственность городского головы или кого либо из членов городской управы или думы». На что Городской голова поспешил ответить: «Спешу сообщить, что военнопленный инженер Богатый работал исключительно для города и частных поручений, сколько мне известно, не исполнял до сего времени. В настоящее время я предполагал бы поручить Богатому составление некоторых планов по водопроводу и городских угодий»³³.

Э. Богатый стал настолько уважаемым в городе человеком, что ему разрешалось присутствовать на городских спектаклях, а городская управа даже хотела выделить ему отдельную квартиру. Но воинский начальник не разрешил ему покидать помещение для военнопленных. В воспоминаниях местных жителей, которые общались с пленными, сохранились идиллические картины «козь-

модемьянского плена». Н. Крюкова, внучка городского головы П.Ф. Бычкова, писала: «Я ставлю в кавычки слово “пленные” потому, что в Козьмодемьянске они жили на свободе, получали из дома посылки, деньги. Не ограничивали себя ни в чем, и если бросить тоску по Родине и по семье, жили как на курорте. Пленные офицеры принимались и в интеллигентных домах как почетные гости»³⁴. В этих же воспоминаниях упоминаются необычные рождественские вечера, которые пленные австро-венгерские офицеры устраивали в городе: «Елка 1915 года должна была быть в новом двухсветном помещении здания, построенного для приюта “пленными” австрийцами и венгерцами по планам и под руководством австрийских и венгерских инженеров. Главным руководителем строительства был венгерский офицер, инженер Богати... Елка была огромная, вся увешанная игрушками, пожертвованными и выписанными из Казани. Венгр Богати, кроме того что был прекрасным строителем, был знатоком художественной гимнастики, и приготовил к елке с приютскими детьми “Марш цветов”, где все были наряжены цветами»³⁵.

Красивое кирпичное здание, очень необычное для «деревянной» архитектуры Козьмодемьянска, построенное австро-венгерскими пленными, уже в годы войны местными жителями называлось Австрийским домом. Сам Ольгинский приют, к которому была сделана кирпичная пристройка, разрушен и не сохранился. «Австрийский дом» как памятник ушедшей эпохе стоит на улице Советской современного Козьмодемьянска.

* * *

Таковы лишь некоторые штрихи к военному портрету двух уездных городов приволжского Марийского края. Городское население Царевококшайска и Козьмодемьянска увеличилось в это время почти на треть за счет прибывших пленных и беженцев, изменились быт и уклад городской жизни; села обезлюдели после мобилизации мужского населения. С новым опытом возвращались с фронта демобилизованные солдаты и репатриированные пленные российской армии.

Горьким уроком этой войны остается история пребывания в плену государства-противника. К ним относится и история пребывания военнопленных Австро-Венгрии в России. Сотни тысяч офицеров и солдат Австро-Венгрии пережили самый продолжительный русский плен, т.к. большинство из них оказались там уже в первые месяцы войны, когда империя Габсбургов понесла на во-

енных фронтах наиболее тяжелые потери. Надо отметить, что в период Первой мировой войны наиболее характерны массовые сдачи в плен были для австрийской армии: пленными австро-венгерские части потеряли более двух миллионов человек. О том, как австрийцы убегали с поля боя, добровольно сдавались в плен во время сражения в Галиции в феврале 1915 г., писала и уездная газета в глухой российской провинции – «Война увер». Так совпало, что именно в это время, местное население Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии получило свою первую газету на марийском языке, родном языке коренного населения края³⁶. Уже через несколько месяцев после этих известий в уездные города и волости приволжской губернии хлынули сотни беженцев и военных пленников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людевита Штура // Чтения Общества истории древностей российских. Т. 3. М., 1867; Кочубинский А.А. Наши две политики в славянском вопросе // Исторический вестник. 1881.

² Высочайший Манифѣстъ объ объявленіи военныхъ дѣйствій между Россіей и Германіей. Обнародованъ 20 іюля (2 августа) 1914 года въ № 188 Собранія узаконеній и распоряженій Правительсва (ст. 2052) [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.histdoc.net/history/ru/>.

³ См.: *Серапионова Е.П.* Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры // Запад-Восток. Йошкар-Ола, 2014. № 7. С. 17.

⁴ *Рид Д.* Вдоль фронта / Перевод с англ. И.В. Саблина и В.Ф. Корш. М.–Л., 1928. С. 83.

⁵ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 23.

⁶ *Исламов Т.М.* Крах Австро-Венгерской монархии // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 437.

⁷ *Синявская Е.С.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Вестник РУДН. Серия «История». № 4. М., 2009. С. 111–127.

⁸ Тема плена и пленников Первой мировой войны в больших лагерях Сибири и Юга России довольно подробно освещена в литературе. См.: *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленники в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180; *Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практи-

ки периферии // *Cahiersdu Monde russe*. 53/1(2012). P. 247–266; *Она же*. Военный плен в российской провинции (1914–1922). М., 2014; *Крючков И.В.* Чешские и словацкие военнопленные на территории Центрального Предкавказья в 1914–1917 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: Историческая память. М.–СПб., 2014. С. 91–102.

⁹ Обзор Казанской губернии за 1912 год: ведомость № 2 дает цифру 2032 человека, из них 48 марийских мужчин и 56 женщин (ведомость 4).

¹⁰ Из истории Йошкар-Олы. Йошкар-Ола, 1986. С. 158.

¹¹ Йошкар-Ола. 1584–1991. Документы и материалы по истории города. Йошкар-Ола, 1994.

¹² Йошкар-Оле – 425 лет: статистический сборник. Йошкар-Ола, 2009.

¹³ Царевококшайский вестник. Казань. 1917. №1.

¹⁴ Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 45.

¹⁵ *Лукиных Н.А., Попова Е.А.* Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Марий Эл. Далее – ГА РМЭ) // *Запад-Восток*. № 7. 2014. С. 92–103.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ *Котомкин-Савинский А.* Ян Гус. Казань, 1918. С. 5. Во время эмиграции в Париже в 1930 г. А.Е. Котомкин опубликовал свои воспоминания «О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920 гг.», где он делится своими впечатлениями о встречах с участниками Чехословацкого корпуса в Казани летом 1918 г.

¹⁸ ГА РМЭ. Ф. 124.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Ф. 85.

²¹ *Лукиных Н.А., Попова Е.А.* Указ.соч. С. 99.

²² Там же. С. 100.

²³ Подробно о пребывании австро-венгерских пленных в Царевококшайске см.: *Кириллов Г.И.* Иностранцы в Царевококшайске // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола, 1994; *Она же*. Австро-венгерские военнопленные в уездном Царевококшайске // Марийский археографический вестник. 1995. №5. С. 30–44; *Рокина Г.В.* Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны в Марийском крае // Социальные последствия войн и конфликтов XX века. М.–СПб., 2014. С. 102–112.

²⁴ Так, газета организации по устройству беженцев юго-западного фронта «Югобеженец» в 34-м номере, датированном 13 августа 1916 г., в разделе «О движении беженцев» публиковала следующее: «Начальник штаба верховного главнокомандующего уведомил Министерство внутренних дел, что в виде исключения допускается воз-

вращение беженцев в местности военных действий для военных и сельскохозяйственных работ на следующих основаниях: беженцам, вышедшим из занятых неприятелем местностей, разрешается следовать только лично, без своих семейств, а беженцам районов, не занятых неприятелем, разрешается следование со своими семьями; беженцы, отправляющиеся на сельскохозяйственные работы, должны получить от губернатора губернии, по месту их жительства, соответствующие удостоверения; выдача экстренных отзывов евреям нежелательна, в виду непригодности их к производящимся работам и существующих ограничений для проживания в сельских местностях».

²⁵ ГА РМЭ.

²⁶ *Даниши М.* Участие словаков в чехословацких легионах Первой мировой войны // Запад–Восток. Йошкар-Ола, 2014. № 7. С. 35.

²⁷ *Лукиных Н.А., Попова Е.А.* Указ. соч. С. 101.

²⁸ ГА РМЭ. Ф. 45. «Царевококшайская уездная земская управа Казанской губернии».

²⁹ Там же.

³⁰ Данные предоставлены известным краеведом РМЭ, кандидатом технических наук А.В. Муравьевым.

³¹ *Бойко С.И.* Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности // Запад–Восток. 2014. № 7. С. 30–31.

³² ГА РМЭ. Фонд «Козьмодемьянская уездная земская управа Казанской губернии».

³³ Там же.

³⁴ *Крюкова Н.А.* Догорающий сад: жизнеописание купеческого рода Бычковых-Климиных. Козьмодемьянск. Конец XIX – начало XX века. Йошкар-Ола, 2013. С. 100–101.

³⁵ Там же.

³⁶ Первый номер «Война увер» (Военные известия) на марийском и удмуртском языках вышел 4 февраля 1915 г. Газета информировала население о событиях на фронтах Первой мировой войны, а также печатала материалы культурно-просветительского характера. В третьем номере газеты от 30 марта 1915 г. печаталась подробная информация о сражениях на Юго-Западном фронте, в том числе о Галицийской битве и захваченных в плен десятках тысяч офицеров и солдат австрийской армии.

Р. Пулко (Кидричево, Словения)

Война в тылу – лагерь русских военнопленных в селении Стрнишче

События первой половины бурного XX в. оставили свой след в Стрнишче (совр. село Кидричево), селении на северо-западе Словении, недалеко от г. Птуй. Со времен Первой мировой войны до конца 1940-х гг. здесь неоднократно располагались различные лагеря: для военнопленных, для беженцев, трудовые и тюремные.

О прошлом этого края долго умалчивали, оно мало исследовано и неизвестно широкой общественности. Возможно, одна из причин этого кроется в том, что научные и политические круги социалистической Югославии не проявляли особого интереса к событиям Первой мировой войны. А после распада Югославии внимание словенских исследователей больше привлекали события на полях сражений (например, на Сочанском фронте), а не в тылу. Главная же причина недостаточной изученности истории Стрнишча, вероятно, кроется в том, что по окончании Второй мировой войны в этом селении было создано несколько югославских концлагерей, и правящий режим наверняка был заинтересован максимально скрыть следы того, что там тогда происходило. Воспоминания о том времени и сейчас могут быть кое-кому неприятны.

10 апреля 2013 г. группа заинтересованных лиц основала «Историческое общество Кидричева», целью которого является изучение истории села. За время своей деятельности общество занималось, прежде всего, сбором материалов о событиях в Стрнишче во время Первой мировой войны и сразу после ее окончания. Также оно проводило различные мероприятия, чтобы привлечь внимание научных кругов и общественности к необычному прошлому села. Конечно, полтора года – слишком короткий срок для того, чтобы достичь удовлетворительных результатов. Все еще остается множество открытых вопросов и очень мало ответов на некоторые из них.

О происхождении названия села

Этот населенный пункт перед Первой мировой войной назывался Штернталь (Šterntal)¹, по ее окончании был переименован в Стрнишче (Strnišče)². После Второй мировой войны его некоторое время именовали Гитлеровский рейх (Hitlerjev rajh)³ и Стрнишче у Птуя (Strnišče pri Ptuj)⁴ – до тех пор, пока 24 апреля 1953 г. село не было переименовано в Кидричево (Kidričevo)⁵ в честь председателя первого послевоенного Народного правительства Словении Бориса Кидрича.

Существует несколько версий происхождения названия «Штернталь», впервые упомянутого в исторических источниках в 1823 г. Согласно одной из них, оно переводится с немецкого языка как «хлев для овец»⁶. Есть и более романтическое объяснение этого названия – «Звездная долина» (сочетание немецких слов «Stern» и «Tal»)⁷. Имеются и другие версии⁸. Еще в начале XIX в. эта территория не была заселена и использовалась, главным образом, для выпаса овец. Первое крупное здание, дворец Штернталь, построил здесь около 1870 г. граф Шендорф на основе фермы, основанной графом Адольфом Шенфельдом в 1830 г.⁹. Свой современный облик дворец получил около 1900 г., когда им владел дворянин Франц Хеллин из Птуя. При Хеллине к дворцу была проложена узкоколейка, соединившая его с железнодорожной линией Птуй-Прагерско¹⁰. Эта узкоколейка выполняла во время Первой мировой войны важную транспортную функцию, обеспечивая связь между австро-венгерскими военными объектами в Штернтале.

Австро-венгерский лагерь для русских военнопленных в Штернтале

Через несколько месяцев после начала Первой мировой войны австро-венгерские власти стали искать подходящее место для строительства лагерей, в которых можно было разместить русских военнопленных. В Штирии для этой цели были выбраны Фельдбах и Книттельфельд, а затем – еще и Штернталь. На решение начать строительство лагеря в Штернтале повлияло, прежде всего, то обстоятельство, что этот населенный пункт был расположен вблизи важных железнодорожных путей. К тому же Штернталь находился на территории Дравской равнины, далеко от линии Восточного фронта, и рядом с городом Птуй, где были размещены саперные отряды австро-венгерской армии¹¹.

Австро-венгерская армия 1 января 1915 г. взяла в аренду у местных жителей землю сроком на десять лет без возможности расторжения договора по желанию одной из сторон¹². Помимо этого, армия ежегодно платила за использование железной дороги, жилых и хозяйственных сооружений, а также за ущерб, наносимый ее действиями полям и лесам¹³. Любопытно, что, хотя решение о строительстве лагеря в Штернтале было принято в апреле 1915 г., первые известия о том, что он, возможно, будет там построен, были опубликованы еще 12 января 1915 г.¹⁴. В марте и апреле 1915 г. в прессе сообщалось, что в лагере хватит места для 20 000, 30 000, 40 000 и даже 60 000 военнопленных¹⁵. Конечно, это были просто предположения. По приблизительной оценке Я. Фишер, во всех словенских землях за все время Первой мировой войны находилось от 20 до 30 тыс. русских военнопленных¹⁶.

Уже с конца марта 1915 г. в газетах сообщалось о том, что строительство барачков ведется ускоренными темпами¹⁷. Во второй половине апреля появилась информация, что бараки подготовлены для приема военнопленных. Начальником лагеря назначили полковника в отставке Антона Пругтмайера, охрана военнопленных была поручена венгерским солдатам¹⁸. 30 мая 1915 г. в лагерь привезли 1 тыс. русских военнопленных, и, скорее всего, это была уже не первая группа, размещенная в Штернтале¹⁹. Планировалось во второй половине мая 1915 г. перевести из Фельдбаха в Штернталь 500 русских военнопленных, в основном ремесленников, для строительства дополнительных барачков²⁰. Действительно ли они прибыли в Штернталь? Достоверных источников, подтверждающих этот факт, не найдено. Однако скурые упоминания в печати о несчастных случаях на строительстве лагеря в Штернтале свидетельствуют о том, что русские военнопленные на самом деле были заняты там на тяжелых работах²¹. В октябре 1915 г. лагерь располагался на территории площадью более 7,4 гектаров, в нем находилось 24 барака с 2400 спальными местами, 18 барачков для санитарных и других целей²².

О том, в каких условиях жили русские военнопленные, рассказывает в воспоминаниях Франц Чучек, торговец, доставлявший в 1916–1917 гг. в лагерь Штернталь вино для австро-венгерской армии. По его словам, с русскими военнопленными обращались чрезвычайно грубо. Во время работы они находились под строгим надзором, и стражники не проявляли к ним ни малейшего снисхождения. Жестокость стражников особенно проявлялась тогда, когда русские военнопленные работали на крестьянских

полях. По завершении работы им не разрешалось получать никакого вознаграждения от хозяев. Иногда местным жителям все же удавалось передать им что-нибудь тайно. Обычно это был табак²³.

Кормили русских военнопленных очень скудно, обычно картофельным, реже фасолевым супом и хлебом. Дневные порции хлеба для заключенных были чрезвычайно малы – четвертушка, или 250 г., в то время как надзиратели ежедневно получали по килограмму хлеба. Поэтому русские военнопленные из-за недоедания слабели и даже умирали²⁴. Об общих проблемах спродовольствием в то время свидетельствуют сообщения в словенских газетах о многочисленных жалобах местных жителей на то, что у них «крадут кур, у работающих в поле – хлеб, питье и даже картошку»²⁵.

До наших дней дошло несколько редких фотографий, на которых отражено, какие крестьянские работы приходилось выполнять русским военнопленным. Так, сохранились фотография русских военнопленных на принудительных работах у землевладельца Пенна вблизи Тржеца и фотография русских и сербских военнопленных на работах в винограднике в Халозах²⁶. В одной из записей упомянуто, что русских военнопленных использовали в качестве разнорабочих в замке Турнишче²⁷. Грубая эксплуатация русской рабочей силы в лагере Штернталь приводила к несчастным случаям на работе. Например, в мае 1915 г. вагонетка, перевернувшаяся на узкоколейке, сломала ногу одному русскому военнопленному, а другой упал в ров, где пролегли водопроводные трубы²⁸.

В июне 1915 г. в словенской печати было опубликовано известие о побеге из лагеря четырех русских военнопленных, двое из которых являлись студентами. На побег их подвигли, прежде всего, тяжелые условия жизни в лагере Штернталь²⁹.

Для военных нужд в Штернтале 14 апреля 1915 г. было открыто местное почтовое отделение (центральный офис находился в Прагерско)³⁰, а затем 27 мая 1915 г. – новый телеграф, возглавил который почтмейстер Франьо Млинарич³¹. На основании немногих дошедших до нас источников можно сделать вывод, что пользоваться услугами почтового отделения дозволялось не только австро-венгерским воинам, но и русским военнопленным. Сохранилась почтовая карточка, совершившая весьма необычное путешествие. Она была послана из Севастополя 15 февраля 1915 г. и переслана из Москвы в Штернталь. Приводим ее текст: «Дорогой Максим! В феврале мы получили две почтовые карточки. Из них мы узнали, что ты жив и здоров, и желаем тебе продержаться до

конца. Дай тебе Бог удачи во всем! На днях пошлем тебе пакет и немного денег. Когда получишь, ответь нам. Мы пока живы и здоровы, чего и тебе желаем от Господа Бога. Твоя жена Елизавета уехала домой к своей маме. Как там, не знаем. Дела идут, выделяем кожи. Мама была больна, но, слава Богу, выздоровела. Федин брат тоже служит с августа 1915. Близко к местам сражений. Елизавета уехала, несмотря на [запрет на передвижения]. Т.е. без ведома в Полтаву. Привет от всех твоих родных, Федор и Галя Постол»³².

В почтовых карточках, посланных русским военнопленным в Штернталь, нашли отражение не только переживания родственников о близком человеке, находящемся в плену, но и тяжелые условия жизни гражданского населения в военные годы. Можно привести в пример содержание карточки из Оренбурга от 11 ноября 1915 г.: «Письмо дорогому брату Александру Никифоровичу от его дорогой сестры Христины Никифоровны. В первых же строчках моего письма спешу сообщить Вам, дорогой братец А. Н., что я жива и здорова, чего и Вам от всей души желаю. Приветствую Вас, и выражаю свое глубокое уважение, и глубокий поклон с любовью, также и мой супруг Ефим Леонтьевич шлет Вам привет, мы оба желаем Вам всего наилучшего в жизни. Дорогой братец А. Н. посылаю Вам 3 рубля. Васька тоже шлет Вам привет. У нее забрали мужа Димитрия Петровича. Дорогой братец А. Н., когда получите деньги, сразу напишите ответ. Простите, что посылаю так мало денег. Посылаю, сколько могу. До свидания, дорогой братец А. Н. Напишите, какие продукты Вам нужны. Если Вам что-нибудь нужно, мы пришлем. Напишите обо всем подробно. С уважением к Вам, Ваши родственники Дураковы»³³.

В июне 1915 г. в газетах сообщалось, что строительство барачных в Штернтале прекратилось, военнопленных переселят, а бараки используют в других целях³⁴. Однако обстоятельства сложились иначе, и есть свидетельства, что даже в самом конце войны, в октябре 1918 г., в этих бараках еще находилось более 1000 русских и итальянских военнопленных³⁵. Как видно из записей в сохранившихся метрических книгах, в годы войны в лагере Штернталь были размещены не только русские и итальянские, но также сербские, французские и румынские военнопленные³⁶. Многие из них трагически закончили свой жизненный путь и похоронены на австро-венгерском военном кладбище, сохранившимся до наших дней. Среди них – не менее 50 русских военнопленных³⁷.

Комплекс австро-венгерских военных госпиталей

Вскоре после вступления Италии в войну назначение лагеря Штернталь изменилось. В связи с открытием Сочанского фронта в Австро-Венгрии увеличилось количество раненых и заболевших воинов, которым нужно было обеспечить лечение в тылу. Поэтому было решено расширить комплекс и использовать его для резервных военных госпиталей. Для осуществления этой задачи было необходимо построить соответствующую инфраструктуру. Чтобы улучшить возможности транспортировки раненых, в 1915 г. параллельно уже действовавшей железнодорожной линии Птуй-Прагерско построили еще двухкилометровую колею. Для передвижений в пределах запланированного военного комплекса достроили еще 6–7 км узкоколейки. Электрификацию лагеря обеспечила частная электростанция с тремя паровыми турбинами общей мощностью 300 л.с.³⁸. На основе резервных колодцев, выкопанных на глубину от 8 до 10 метров, по всему комплексу до каждого объекта военных госпиталей была построена водопроводная система³⁹. Ввели в действие и современную систему канализации⁴⁰.

Деревянные бараки-«близнецы» и столовые были наиболее крупными объектами военных госпиталей⁴¹. Согласно проекту, хранящемуся в Историческом архиве города Птуй, в бараках-близнецах площадью 11,60x44,20 м² имелись два спальных помещения площадью 15,80x11,60 м², разделенных коридором шириной 3,80 м. В каждом из них размещалось по 48 лежанок, изолятор и комната для охранников с тремя спальными местами. В пристройке барака находились купальня, кухня (для приготовления чая), кладовка для грязного белья и два туалета⁴².

К осени 1915 г. в Штернтале построили пять резервных госпиталей⁴³. Для обеспечения безопасности и ограничения свободы передвижения больных каждый из них был окружен двухметровой оградой из колючей проволоки⁴⁴. Функционировали они лишь на протяжении срока найма их помещений основными госпиталями, и названия получили по тем госпиталям, откуда из-за нехватки мест перевозили раненых и больных⁴⁵. Первых больных и раненых резервные госпитали в Штернтале приняли в июле – сентябре 1915 г. Некоторые госпитали были специализированными. Так, «Санок» и «Лукавац» предназначались для лечения венерических заболеваний, «Младо Болеслав» сначала был инфекционным госпиталем, позже стал санаторием для туберкулезных

больных. Осенью 1915 г. в лагерях Штернтале находилось 14100 человек, из них примерно 9700 раненых и больных, 2400 военнопленных и 2000 человек персонала (охрана, медицинские работники, чиновники и др. специалисты и рабочие)⁴⁶. Всего в лагере насчитывалось 295 барачных корпусов, расположенных на площади свыше 230 га. Для персонала лагерей и выздоравливающих раненых в военном комплексе были построены столовые, кафе, барак для культовых обрядов (заменивший церковь), кинозал, библиотека и даже купальня с бассейном⁴⁷. Местное население в поисках заработка также не обошло вниманием лагерь. В печати сообщалось, что около Штернтале «корчмы вырастают, как грибы после дождя», причем многие предприниматели даже не спрашивали дозволения у местных властей. Из владельцев этих заведений упоминаются Готтлих из Марибора, владелец Штернтале Хеллин и Хуттер⁴⁸.

Лагерь беженцев из словенского Приморья

Помимо резервных военных госпиталей и лагерей для военнопленных австро-венгерские власти разместили в военном комплексе в Штернтале лагерь для беженцев из словенского Приморья. Из-за ожесточенных сражений в Посочье гражданское население оставляло свои дома и неорганизованно бежало в Горицу, Крас, Випавскую долину, тем самым создавая препятствия для продвигавшихся к месту боя подразделений австро-венгерской армии. Это побудило власти двуединой монархии принять решение о переселении беженцев из Приморья во внутренние области страны, в том числе и в Штернталь⁴⁹.

Приморские беженцы приезжали сюда и после распада Австро-Венгрии в ноябре 1918 г., когда лагерь в Штернтале (переименованном по-словенски в Стрнишче) перешел в ведение Отдела социальной политики словенского Провинциального правительства⁵⁰. В бараках в Стрнишче поселились те беженцы из Приморья, которые во время войны находились в лагерях «Брук на Лейте» и «Вагна у Липницы». До осени 1919 г. в бывших резервных госпиталях разместилось 4600 человек⁵¹. По окончании войны приморские беженцы приезжали и из Чехии. По воспоминаниям беженки Марии Ловишчек, в середине лета 1915 г. австро-венгерские власти выселили всех жителей из Канала у Сочи и окрестных деревень и отправили их в Чехию. Там их расселяли по разным деревням (максимум по 1–2 словенские семьи в каждую

из них). О своей жизни в эмиграции и о приезде в Стрнишче Ловишчек вспоминала: «Мою семью распределили в деревню Видице... В Чехии я и моя семья провели более трех лет. На пропитание нам выдавали продовольственные карточки и 1–2 кроны в день... Помимо этого мы помогали крестьянам обрабатывать поля. После распада Австро-Венгрии мы оставались там еще два месяца без всякой помощи. Вскоре мы получили оповещение, что мы, все беженцы, должны собраться в Будейовицах, где сербские, т.е. югославские солдаты встретили нас и отвезли в лагерь в Стрнишче. Это было где-то летом 1919 г... Ранней весной 1920 г. мы, наконец, вернулись домой в Канал. Дома все было уничтожено и разрушено войной. Мы начали с самого начала»⁵². Многие приморские беженцы так никогда и не вернулись к себе домой. Когда в 1922 г. большинство из них покинуло Стрнишче, 230 человек решили переселиться в Прекмурье⁵³.

Лагерь русских эмигрантов в Стрнишче

По окончании Первой мировой войны новые власти использовали бывший австро-венгерский военный комплекс для размещения русских эмигрантов, бежавших из России во время Гражданской войны. В 1921 г. в Стрнишче располагался крупнейший на территории Словении лагерь для русских эмигрантов. Согласно данным переписи населения, состоявшейся в Королевстве СХС в конце января 1921 г., в Ловренце на Дравской равнине (к нему относился и лагерь Стрнишче) проживало 1013 русских⁵⁴. Все они являлись эмигрантами, так как в Стрнишче к тому времени уже не осталось никого из военнопленных. Крупнейшие группы эмигрантов состояли из представителей бывших Крымского и Второго Донского им. императора Александра III кадетских корпусов. В Стрнишче они прибыли 23 декабря 1920 г.⁵⁵. Один из кадетов так описал свое прибытие в бывший австро-венгерский лагерь и первые впечатления о нем:

«Рано утром поезд остановился на станции “Св. Ловренс на Дравском поле” недалеко от бывшего лагеря для военнопленных “Стрнишче у Птуя”. Бесконечные аллеи посадок соснового бора, глубокий снег до колен и потрескавшиеся бараки. Заботу о нашем пропитании взяли на себя католические монахини, мы сразу же прозвали их “аэропланами” из-за их головных уборов... Еда была такой: кукурузная каша, суп из пареной репы, жидкая фасоль и чай. Прости их, Господи, чай заваривали как суп: у него был вкус разваренного веника, а сверху еще плавал густой слой жира»⁵⁶.

В Стрнишче оба кадетских корпуса разместили в бараках бывшего австро-венгерского резервного госпиталя «Клатови», к западу от дворца Штернталь⁵⁷. Жилищные условия были очень плохими – бараки уже пришли в негодность. В стенах появились большие трещины, сквозь которые дул ветер и залетал снег, крыши прохудились, полы сгнили, водопровод и канализация не функционировали, электропроводка сгнила⁵⁸. О трудных условиях жизни в лагере сохранился следующий рассказ русского эмигранта: «В помещениях каждого отряда находились по две железные печки, они топились день и ночь, но согревали лишь маленькое пространство вокруг себя, а далее царствовал вечный мороз... Спали мы на деревянных нарах, каждый получил по два тяжелых военных одеяла, на нары мы клали военные шинели, так как матрасов не было. Иначе говоря, было очень холодно, особенно тем, кому досталось место далеко от печи. Те часто не выдерживали лютого холода. Посреди ночи то один, то другой выскакивали из постели и бежали греться к ближайшей печке. Снаружи часто бушевали вьюги, и все было покрыто глубоким снегом»⁵⁹.

По приезду в Стрнишче кадеты из разных школ сначала не находили общего языка, но со временем отношения между ними стали улучшаться. «Донцы» ближе всех сошлись с учениками бывшего Владикавказского кадетского корпуса, которые тогда находились в составе Крымского корпуса. Среди них было много «кубанцев» и «терцев», которые, как и «донцы», являлись казаками. Хуже сложились отношения у «донцов» с «полтавцами»⁶⁰.

Главной задачей, стоявшей перед руководством корпусов, было продолжить обучение кадетов. Образовательная программа в Крымском кадетском корпусе была составлена в соответствии с учебной программой кадетских корпусов 1915 г. Система оценок была 12-балльной. Первый школьный год в Стрнишче начался 2 января 1921 г. и продолжался до 15 октября следующего года⁶¹. Из-за нехватки помещений в каждом бараке обучалось по 3–4 группы кадетов 2–8 классов. Раздельное обучение стало возможным лишь тогда, когда потеплело и занятия перенесли на улицу. Тогда удалось разбить семь классов на двадцать групп⁶².

В корпусах по возможности проводили и культурные мероприятия. Помимо читальни, духового оркестра и церковного хора эмигранты открыли любительский театр (в бараке № 20). Инициатором создания театра стал воспитатель бывшего Петровско-Полтавского кадетского корпуса подполковник Виталий Михайлович Гончаренко. Хотя организация пространства была

примитивной, в ней имелись все главные элементы настоящего театра. Кадеты наладили освещение сцены, сделали подходящие кулисы и кабину для суфлера. Женская и мужская гримерные были отдельными, и гример из Марибора иногда приезжал помочь актерам накладывать грим. Женские роли в представлениях играли дочери русских офицеров, преподавателей кадетского корпуса. Театр работал два школьных года, и за это время Гончаренко осуществил сценическую постановку 7 пьес⁶³.

Количество русских эмигрантов, приехавших в Штернталь, в 1921 г. продолжало расти. По сведениям от 6 февраля 1921 г., численность одних только представителей кадетских корпусов увеличилась уже до 1095 чел. В печати того времени были опубликованы сведения о том, что в Стрнишче находятся 1500 и даже 3300 русских эмигрантов (последняя цифра явно завышена). Эмигрантам оказывали разнообразную помощь гуманитарные организации, прежде всего, Всероссийский Земский союз и русское общество Красного креста. В лагере открылись стоматологическая амбулатория, кухня с дешевой едой и – для детей школьного возраста, не имевших отношения к кадетским корпусам, – так называемая школьная группа⁶⁴.

Судьба бывшего военного комплекса в Стрнишче после 1922 г.

31 января 1922 г. Областное правительство Словении приняло решение ликвидировать лагерь для эмигрантов в Стрнишче из-за больших расходов на его содержание⁶⁵. После этого вся материальная помощь лагерю была прекращена, кухню и больницу закрыли⁶⁶. К тому времени там еще оставалось 1541 чел., из них 186 местных жителей, 32 железнодорожных служащих, 819 русских эмигрантов, 503 беженца из Приморья и 1 итальянец⁶⁷. Большинство приморских беженцев в 1922 г. покинуло Стрнишче, однако некоторые из них, несмотря ни на что, оставались там до 1928 г.⁶⁸ Крымский кадетский корпус прозябал в Стрнишче в условиях крайней нужды до 20 октября 1922 г., затем он переехал в город Бела Црква. Тогда же покинули лагерь и остальные русские эмигранты⁶⁹.

В последние годы существования лагеря Стрнишче местные власти много размышляли о его дальнейшей судьбе. Мнения расходились главным образом по вопросу о том, закрыть ли лагерь полностью, или же на основе бывшего военного комплекса про-

вести индустриализацию этой местности. В мае 1921 г. упоминавшийся выше Франц Чучек представил план индустриализации Стрнишча, в котором предлагал открыть на территории бывшего военного госпиталя «Млади Болеслав» фабрику по производству железнодорожных вагонов. Этот проект был отвергнут министерством⁷⁰. В 1922 г. Чучеку удалось открыть фабрику по производству фруктовых консервов «Слива»⁷¹ (самое удачное его начинание), а затем еще несколько предприятий, не имевших успеха. В результате в 1926 г. Чучек объявил себя банкротом, а в 1928 г. бывший лагерь в Стрнишче отошел во владение Народной ссудной кассы в Любляне⁷². Все предприятия и бараки были снесены, водопроводные трубы выкопаны и за полцены проданы Городской общине Любляны. Электростанцию тоже продали, и после 1931 г. от всего лагеря осталась лишь закопанная в землю семикилометровая канализационная сеть. Затем Народная ссудная касса продала лесистую часть территории Стрнишча д-ру Бонче из Любляны, который планировал использовать ее как лесное хозяйство⁷³.

Впрочем, на этом история лагерей в Стрнишче не закончилась. После оккупации Югославии в 1941 г. немцы начали здесь строительство лагеря, рассчитанного на 4500 военнопленных. В 1942 г. оккупанты стали сооружать в этой местности алюминиевый завод⁷⁴, в связи с чем было открыто еще несколько трудовых лагерей, просуществовавших до 1945 г.⁷⁵ После окончания Второй мировой войны до сентября 1945 г. тут находился еще югославский лагерь, в котором содержались оккупанты и их приспешники⁷⁶. С 1949 г по 1950 г. в Стрнишче вновь функционировал лагерь для осужденных на принудительные работы, так наз. штрафная «трудовая группа». С ликвидацией этого лагеря и закончился период лагерей в Стрнишче, нынешнем селе Кидричево⁷⁷.

Сохранение памяти о Первой мировой войне в Стрнишче-Кидричево

Из важных объектов некогда крупного военного комплекса до наших дней сохранилось только заброшенное и полуразрушенное военное кладбище. Сколько людей здесь похоронили, точно не известно, предположительно – 2250, 2340 или даже 3000 воинов⁷⁸. Согласно данным Франца Стеле от 1922 г., на этом кладбище тогда находилось всего 965 захоронений⁷⁹. При этом, конечно, не исключено, что в некоторых из них лежит по несколько тел воинов.

После Первой мировой войны на кладбище в Стрнишче захоронили еще 128 приморских словенцев и 12 русских кадетов из лагеря беженцев. Известно также, что во время Второй мировой войны здесь было похоронено 18 человек, умерших в фашистском трудовом лагере, а в 1945 г. еще 43 немецких военнопленных из лагеря в Хайдине⁸⁰. Из сохранившейся документации явствует, что в первом десятилетии после Второй мировой войны кладбище заросло лесом, ограду и несколько памятников растащили местные жители – и использовали их для строительства личных домов⁸¹. Городской музей Птуя и Профсоюзная организация строительного предприятия GRADIS в 1953 г. выступили с инициативой восстановить территорию кладбища. Сейчас кладбище занимает территорию площадью 20 000 м². Сохранились военная капелла, (реставрированная в 1991 г.), двое ворот и 4 могилы⁸².

23 мая 2014 г. Община села Кидричево вместе с Историческим обществом Кидричево в честь памяти о 100-летию Первой мировой войны открыли дорогу памяти. В тех местах, где во время войны располагались важнейшие комплексы лагеря, были поставлены информационные стенды с оригинальными фотографиями объектов лагеря Штернталь из личной коллекции Александра Кумра и их кратким описанием. Кроме того, Историческое общество Кидричево в начале 2014 г. произвело раскопки фрагментов еще не известного научным кругам австро-венгерского памятника времен Первой мировой войны, находившегося рядом с дворцом Штернталь. В июне того же года Российский центр науки и культуры в Любляне при профессиональной поддержке Исторического общества Кидричево в память о русских военнопленных и эмигрантах установил на военном кладбище деревянный русский православный крест высотой 2,6 м. Рядом с ним находится информационный стенд, на котором размещены сведения о похороненных тут русских гражданах и их фотографии. Деятельность по охране наследия Первой мировой войны в Кидричево продолжится и в 2015 г.

Перевод со словенского языка ЛА. Кириллиной

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Šterntal // Slovenski gospodar. 20. 05. 1915. S. 6.

² Šterntal – Strnišče // Slovenec. Št. 30. 6. 03. 1919. S. 3.

³ Dokumenti in pričevanja o povojnih koncentracijskih taboriščih v Sloveniji // Koncentracijska taborišča Strnišče, Hrastovec, Brestrnica in

Filovci. Ur. Mikola M. Ljubljana, 2007. Št. 17. S. 85 (Далее: Koncentracijska taborišča Strnišče, Hrastovec, Brestrnica in Filovci).

⁴ Ibid. S. 91.

⁵ Boris Kidrič človek za izjemne čase // Glavni odbor ZZB NOB Slovenije, Komisija za informativno, propagandno in promocijsko dejavnost. Ljubljana, 1996. S. 17, 25; Uredba o preimenovanju naselja Strnišče // Uradni list Ljudske republike Slovenije. Št. 12. 24. 04. 1953.

⁶ *Masten M.H.* Zgodovina prostora občine Kidričevo s prikazom nekdanje občine Sveti Lovrenc na Dravskem polju // Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 127, 128.

⁷ Например, см.: *Zupanič K.* Upravnoteritorialni, gospodarski in družbeni razvoj na kidričevskem območju od leta 1945 do nastanka samostojne občine Kidričevo // Zbornik Občine Kidričevo. Občina Kidričevo, 2010. S. 225.

⁸ Например, версия о том, что название Стрнишче происходит от слова «стерня», считается недостоверной.

⁹ Register nepremične kulturne dediščine // <http://giskd2s.situla.org/rkd/Opis.asp?Esd=23737>, 16. 01. 2013; Krajevni leksikon dravske banovine. Krajevni repertorij z uradnimi topografskimi, zemljepisnimi, zgodovinskimi, kulturnimi, gospodarskimi in tujskoprometnimi podatki vseh krajev dravske banovine. Ljubljana, 1937. S. 513; *Slekovec M.* Župnija sv. Lovrenc na Dravskem polju, Krajepisno – zgodovinske črtice. Maribor, 1885. S. 111.

¹⁰ *Pulko R.* Zgodovina dvorca Sternthal // Dvorec Sternthal. Kidričevo, 2014. S. 7.

¹¹ О маневрах на Дравском поле. См.: / *Kolar N.* Vojaške vaje in manevri na Dravskem in Ptujskem polju v 18. in 19. stoletju // Časopis za zgodovino in narodopisje (далее – ČZN). № 40=75. 1 zv. Ljubljana, 2004. S. 91–103.

¹² *Kolar N.* Prispevki k zgodovini Kidričevega v luči prve svetovne vojne // Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 143, 145.

¹³ *Rojic V.* Iz zgodovine Strnišča in Kidričevega // ČZN. № 20=55. 1 zv. 1984. S. 61.

¹⁴ Vjeti Rusi v mariborski okolici // Slovenski narod. Št. 8. 12. 01. 1915. S. 4.

¹⁵ Ruski tabor pri Sterntalu na Štajerskem // Slovenec. Št. 90. 22. 04. 1915. S. 5; Sterntal // Slovenski gospodar. 01. 04. 1915. S. 6; Nov ujetniški tabor na Štajerskem // Slovenec. Št. 73. 01. 04. 1915. S. 5; Drobne novice s Štajerskega // Slovenski narod. Št. 71. 30.03.1915. S. 3; Ujetniški tabor pri Pragskem // Slovenec. Št. 62. 17. 03. 1915. S. 5.

¹⁶ *Fischer J.* Ruski vojni ujetniki na ozemlju Republike Slovenije 1914–1918 // Zgodovinski časopis. Št. 3–4. Ljubljana, 2009. S. 350.

¹⁷ Drobne novice s Štajerskega // Slovenski narod. Št. 71. 30. 03. 1915. S. 3.

- ¹⁸ Ruski tabor pri Šterntalu na Štajerskem // Slovenec. Št. 90. 22. 04. 1915. S. 5; Drobne novice s Štajerskega // Slovenski narod. Št. 92. 24. 04. 1915. S. 5.
- ¹⁹ Šterntal // Slovenski gospodar. 17. 06. 1915. S. 6.
- ²⁰ Ibid. 20. 05. 1915. S. 6.
- ²¹ Ibid. 17. 06. 1915. S. 6.
- ²² *Rojic V.* Op. cit. S. 61–65.
- ²³ Zasebna zbirka Franca Mlakarja. Franc Čuček. Zgodovinski podatki o Strnišču. Ptuj, 24. 04. 1962. S. 3–4.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Sv. Lovrenc // Slovenski gospodar. 22. 04. 1915. S. 6.
- ²⁶ Fotografije ruskih vojnih ujetnikov se nahajajo v zasebni zbirki Aleksandra Kumra in zasebni zbirki Franca Mlakarja.
- ²⁷ *Topolovec R.* Kraj prišlekov. Ptuj, 2002. S. 49.
- ²⁸ Šterntal // Slovenski gospodar. 17. 06. 1915. S. 6.
- ²⁹ Ibid. 10. 06. 1915. S. 5.
- ³⁰ Sv. Lovrenc // Slovenski gospodar. 22. 04. 1915. S. 6.
- ³¹ Iz poštne službe // Slovenski narod. Let. XLVIII. Št. 131. 11. 06. 1915. S. 3.
- ³² Zasebna zbirka Radovana Pulka.
- ³³ Zasebna zbirka Borisa Bavdka.
- ³⁴ Šterntal // Slovenski gospodar. 10. 06. 1915. S. 5.
- ³⁵ *Miaster R.* Vojaški transporti in naše Podravje ob prevratu leta 1918 // Spominski zbornik ob 60-letnici bojev za severno slovensko mejo 1918–1919. Maribor, 1979. S. 33.
- ³⁶ *Rojic V.* Op. cit. S. 71.
- ³⁷ Письмо въ редакцію // Возрожденіе. Органъ русской національной мысли. № 4173. 3 марта 1939 г. С. 13.
- ³⁸ Zasebnazbirka Franca Mlakarja... S. 1–3.
- ³⁹ Šterntal // Slovenski gospodar. 20. 05. 1915. S. 6; Zasebna zbirka Franca Mlakarja... S. 3.
- ⁴⁰ Zasebna zbirka Franca Mlakarja... S. 6.
- ⁴¹ *Rojic V.* Op. cit. S. 64.
- ⁴² Zgodovinski arhiv na Ptuj. Krankenbaraken für 100 Kranke. Plan Lit.: Kr/100. No XX.
- ⁴³ *Kolar N.* Prispevki k zgodovini Kidričevega v luči prve svetovne vojne. S. 143.
- ⁴⁴ Zasebna zbirka Franca Mlakarja... S. 3.
- ⁴⁵ *Rojic V.* Op. cit. S. 60.
- ⁴⁶ Ibid. S. 65.
- ⁴⁷ *Šuligoj L.* Primorski begunci med svetovnjima vojnama na ptujskem območju. S. 160, 161; *Kolar N.* «Oj fanti kaj pa zdaj?» Vojaška taborišča in rezervne bolnišnice v Strnišču med letoma 1915–1918. Pokrajinski muzej Ptuj, 2007. S. 16.

⁴⁸ Sv. Lovrenc // Glas naroda. List slovenskih delavcev v Ameriki. New York. 4. 06. 1915 S. [5].

⁴⁹ Šuligoj L. Op. cit. S. 155, 156.

⁵⁰ Iz seje Narodne vlade SHS dne 23. novembra 1918 // Slovenski narod. Let. LI. Št. 282. 27. 11. 1918. S. 2; Zapisnik 22. seje Narodne vlade SHS v Ljubljani z dne 23. 11. 1918. // Sejni zapisniki Narodne vlade Slovencev Hrvatov in Srbov v Ljubljani in Deželnih vlad za Slovenijo 1918–1921. 1. del: od 1. nov. 1918 do 26. feb. 1919. Arhiv Republike Slovenije. Ljubljana, 1998. S. 130.

⁵¹ Šuligoj L. Op. cit. S. 156, 161–163.

⁵² Zbirka Jožeta Šafranka. Pismo Marije Lovišček. Kanal. 25. 2. 1987.

⁵³ Šuligoj L. Op. cit. S. 165, 168.

⁵⁴ Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31. januara 1921 godine. Sarajevo, 1932.

⁵⁵ Rojic V. Op. cit. S. 80.

⁵⁶ Кадетские Корпуса за Рубежом 1920–1945. Издание Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов. Нью Йорк, [1970]. С. 243. (Далее: Кадетские Корпуса за Рубежом 1920–1945.).

⁵⁷ Rojic V. Op. cit. S. 81.

⁵⁸ Кадетские Корпуса за Рубежом 1920–1945. С. 53, 299.

⁵⁹ Карамеев М. Белогвардейцы на Балканах. Воспоминания белого офицера. Буэнос Айрес, 1977. С. 34.

⁶⁰ Кадетские Корпуса за Рубежом 1920–1945. С. 246.

⁶¹ Там же.

⁶² Извештај о ревизији руских кадетских корпуса који је донео господину министру просвете министарски изасланик, професор београдског универзитета, Радован Кошутин, Прештампано из «Просветног гласника» (свеска 7–8 за 1922 год.). Државна штампарија Кралјевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1922. С. 7.

⁶³ Бертельс–Меньшой А. Кадетский театр в Стрнише // Кадетская Переключка. Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью Йорк, 1973. С. 30–33; Кадетские Корпуса за Рубежом 1920–1945. С. 55, 57, 300.

⁶⁴ Pulko R. Taborišče ruskih beguncev v Strnišču // Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 158–173.

⁶⁵ Šuligoj L. Op. cit. S. 165.

⁶⁶ Rojic V. Op. cit. S. 79.

⁶⁷ Šuligoj L. Op. cit. S. 165.

⁶⁸ Ibid. S. 165, 168.

⁶⁹ Rojic V. Op. cit. S. 79–83.

⁷⁰ Šuligoj L. Franc Čuček v zgodovini Strnišča // Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 442–445; Veliko vagonsko tovarno // Ptujski

list. Let. 3. Št. 8. 20. 02. 1921. S. 3; Veliko vagonско tovarno // Nova doba. Let. III. Št. 19. 12. 02. 1921. S. 4.

⁷¹ *Ogrizek E.* Območje občine Kidričevo in njeni ljudje v gradivu okrožnega sodišča v Mariboru 1898–1941 // Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 196–198; *Šuligoj L.* Franc Čuček v zgodovini Strnišča. S. 445, 446.

⁷² *Ogrizek E.* Op. cit. S. 196–198; *Šuligoj L.* Franc Čuček v zgodovini Strnišča. S. 445, 446.

⁷³ Zasebna zbirka Franca Mlakarja... S. 22.

⁷⁴ *Ferenc T.* Gradnja Tovarne glinice in aluminija Strnišče med drugo svetovno vojno // ČZN. 32=67. 2 zv. Maribor, 1996. S. 158, 182, 183, 194.

⁷⁵ *Penič L.* Taborišča v Strnišču // Ptujski zbornik II. Ptuj, 1962. S. 153–166.

⁷⁶ *Mikola M.* Koncentracijska taborišča Strnišče, Hrastovec, Brestrnica in Filovci. S. 13, 24; *Mavrič Žižek I.* Zgodovina Kidričevega // Kidričevo. Zbornik referatov s posvetovanja Slovenskega umetnostnozgodovinskega društva, ki je potekalo 25. oktobra 2001 v Kidričevem. Slovensko umetnostnozgodovinsko društvo, Tovarna aluminija Talum, 2003. S. 13.

⁷⁷ Dokumenti in pričevanja o povojnih delovnih taboriščih v Sloveniji. Ministrstvo za pravosodje Republike Slovenije. Ljubljana, 2006. S. 24, 25, 30, 31.

⁷⁸ *Rojic V.* Op. cit. S. 69, 72.

⁷⁹ Konservator Fr. Stele. Vojaški grobovi // Slovenec. Let. L. Št. 83. 11. 04. 1922. S. 2.

⁸⁰ *Rojic V.* Op. cit. S. 72.

⁸¹ Republika Slovenija, Ministrstvo za kulturo. Informacijsko-dokumentacijski center za dediščino (INDOK). Št. 239 – 1953. Kidričevo pri Ptuj, Vojaško pokopališče; INDOK, ŠT. 312 – 1959. Javorca in ostali spomeniki iz 1. svetovne vojne (vojaška pokopališča).

⁸² INDOK. Ministrstvo za delo, družino in socialne zadeve. Popis vojnih grobišč v Republiki Sloveniji. Pregled vojnih grobišč v upravni enoti: Ptuj 41. S. 6/1–6/4.

Иностранные военнопленные в экономике Курганского уезда во время Первой мировой войны

В 2014 г. по всему миру прошли различные мероприятия, приуроченные к столетию начала Первой мировой войны. Первая мировая война началась для России 1 августа 1914 г. и продлилась без малого четыре года до 3 марта 1918 г. по новому стилю. С первых дней войны враждующим державам пришлось столкнуться с проблемой размещения и обеспечения на своей территории значительного количества военнопленных, многие из которых оставались на территории стран участниц войны и после ее окончания.

До Февральской революции 1917 г. регистрацией и учетом военнопленных в Российской империи занимался целый ряд органов: 1) Центральное справочное бюро; 2) Генеральный Штаб; 3) Штаб Московского военного округа; 4) Российское общество Красного Креста¹. При этом дополнительно учет военнопленных занимались и на местах военные и гражданские чиновники. Отсутствие единой системы учета военнопленных приводило к тому, что реальное их число как, в общем, по стране, так и на местах установить довольно проблематично. Говоря о Курганском уезде, историки приводят следующие цифры. По данным Крыловой Н.В., осенью 1914 г. в Кургане находилось 4000 военнопленных, в том числе 25 офицеров². Зимой 1914–1915 гг. их число возросло до 5000 человек³. На 10 апреля 1915 г. по старому стилю там было размещено 6597 и в уезде – 6247 человек⁴. Но точное количество военнопленных на территории курганского уезда все еще нуждается в уточнении. Однако следует оговориться, что в любом случае, какую бы цифру мы не брали в расчет, количество военнопленных было значительным по сравнению с числом жителей всего уезда. Для их размещения на момент прибытия в сентябре 1914 г. не было подготовлено ни одного специально отведенного помещения. Военнопленные разделялись «на взводы, полуроты, роты и даже более крупные части, если число пленных

будет значительно»⁵. Во главе этих подразделений стояли сами военнопленные. Размер помещений, отводимых для военнопленных, определялся городскими властями. Мест для размещения и средств для обеспечения военнопленных в Кургане, по словам курганского городского головы, не хватало. Это было типично, по его заявлению, для всего региона⁶. В 1914 г. и зимой 1915 г. военнопленных размещали в учебных заведениях Кургана, но уже весной 1915 г. часть из них была переведена на частные квартиры по селам уезда⁷. Всего нами установлено 6 волостей Курганского уезда, куда отправляли военнопленных: Чернореченская, Долговская, Звериноголовская, Михайловская, Ниже-Алабугская, Лапушинская⁸. Все они располагались в непосредственной близости от железной дороги, что в целом характерно для всего Западно-Сибирского региона. Зимой 1914–1915 гг. в Кургане началось строительство концентрационного лагеря для военнопленных⁹. Он размещался на месте военного городка и городских воинских казарм. Всего за первый год войны городские власти потратили на размещение пленных, строительство печей, нар, заборов и колодцев 63 000 рублей. Как было отмечено I-м Областным съездом представителей городов Западной Сибири, прошедшем в 1915 г., «городские самоуправления... сделали все возможное для приема и расквартирования военнопленных и потратили на это слишком значительную часть своего бюджета. Военное ведомство, наоборот, мало заботилось об участии военнопленных и не возвратило городам следующий им квартирный оклад»¹⁰.

Городские и военные власти стремились переложить заботу по размещению и обеспечению военнопленных на предприятия города и на заинтересованные в рабочей силе ведомства, прежде всего сельскохозяйственное и железнодорожное. Также стоит отметить, что и в довоенное мирное время Курганский уезд испытывал материальные затруднения по обеспечению даже собственных войск. Так, еще в 1908–1910 гг. всем губернаторам, градоначальникам и начальникам областей был разослан циркуляр от главного управления по делам местного хозяйства о том, что во многих городах возникают проблемы с расквартированием новобранцев и действующих войсковых частей¹¹. Более того, те помещения, что уже были предоставлены под размещение войск, не соответствовали нормам жилья. И министерство внутренних дел, и главное управление по делам местного хозяйства фиксировали что «приходится наблюдать безучастное отношение к расквартированию войск со стороны учреждений, ведающих этим делом»¹².

Именно этим объясняется то, что большинство военнопленных, размещалась не в концентрационном лагере, а было рассредоточено по Курганским предприятиям и сельской округе. Следует также упомянуть, что еще до утверждения Положения о военнопленных 20 августа (2 сентября) 1914 г. был издан рескрипт, устанавливавший «желательность принудительного обращения военнопленных на казарменные и общественные работы, притом без какого-либо особого за выполнения таких работ вознаграждения, с предоставлением им лишь установленного казенного пайка»¹³. Лагерь же использовался скорее для наказания военнопленных, а не как место их обычного пребывания. Кроме того запрещалось нахождение в одной волости пленных славян и военнопленных немецкого и венгерского происхождения¹⁴.

Для отправки на работу военнопленных существовали особые «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств», утвержденные Советом министров 7 октября 1914 г.¹⁵

В феврале 1915 г. начальник штаба Омского военного округа в официальной переписке рекомендовал Акмолинскому губернатору при определении военнопленных на работы немцев, мадьяр, и прочих заключенных неславянских национальностей отправлять на железнодорожные работы, а славян – на сельскохозяйственные. Такую рекомендацию он пояснял тем, что представителей «враждебных наций» на железнодорожных работах будет легче охранять и обеспечить им более жесткие условия содержания. Если допустить их к посевной, они, по его мнению, могут саботировать ее, а за отсутствием надлежащей охраны – еще и бежать. В то же время, военнопленным-славянам это обеспечило бы более хорошие условия труда, что согласуется с политикой царского правительства по покровительству военнопленным славянских национальностей, попавших в плен в составе воевавших с Россией армий¹⁶. Но 26 февраля 1915 г. главноначальник полосы отчуждения Омской железной дороги генерал-лейтенант от кавалерии Шмит издал постановление о привлечении военнопленных к работам на железной дороге исключительно из числа славян, желательного православных по вероисповеданию, работавших ранее на железных дорогах или сельскохозяйственных работах. Данное постановление предписывало не только применять данные требования к военнопленным, работающим на Омской железной дороге, но и определяло правила организации работ. Согласно им

утверждался перечень работ: 1) смена шпал и рельс; 2) земляные работы; 3) переустройство станций; 4) нагрузка балласта земли и его разгрузка в карьерах; 5) забивка свай; 6) очистка русел и канав от снега; 7) строительство и ремонт гражданских сооружений. Данное постановление предписывало не допускать пленных к ремонту военных мостов, водокачек, плотин, водоемов, а также работать ближе одной версты к указанным объектам. Работать военнопленные должны были партиями по 20 человек. Следует также упомянуть, что 24 января 1915 г. вышел приказ начальника Омского военного округа за № 2031, разрешавший привлекать славян к работам на материальных складах Омской железной дороги. Также особым постановлением он допускал привлечение военнопленных к погрузочным работам¹⁷. Охрана, обеспечивавшая надзор, должна была набираться из жандармерии из расчета 1 охранник на 20 пленных.

Еще зимой 1914–1915 гг. ведомственные начальники озаботились привлечением военнопленных в качестве рабочей силы для проводимых ими работ. Так, начальнику управления железных дорог 23–24 января 1915 г. был подан конфиденциальный «Рапорт о привлечении на работы славян»¹⁸. В нем начальник Омской железной дороги инженер Л.Н. Любимов и начальник мобилизационного отдела Омского военного округа Шабулин рапортовали о том, что 1200 ополченцев, выполняющих в данное время работы на железной дороге, в скором времени убудут на фронт. Весной, чтобы заместить ополченцев, требовались военнопленные на ремонт и обслуживание путей, погрузку грузов. Авторы рапорта предлагали привлечь к работам всех пленных без различия национальности, предоставить военнопленных из расчета: на каждую сотню нижних чинов одного пленного офицера. Оплату военнопленным предписывалось выплачивать согласно «Положению о военнопленных». Ответ начальнику Омской железной дороги последовал только 6 февраля 1915 г. В нем говорилось, что возражений со стороны управления железных дорог не имеется, и Любимов может действовать согласно «Правилам о порядке предоставления военнопленных...». После направленного запроса о предоставлении военнопленных в Военное министерство 1 апреля 1915 г. Омскому начальнику железной дороги поступила телеграмма о том, что ему выделяется 5660 пленных славян без офицеров. Эти пленные прибыли в распоряжение начальника Омской железной дороги 26–27 июля 1915 г. в полном составе, о чем Любимов уведомил начальника штаба Омского военного округа.

При этом он указал, что объемы работ значительно возросли, и присланных военнопленных будет недостаточно, – по его расчетам потребуется еще не менее 500 человек. Таким образом, на то, чтобы пройти всю бюрократическую процедуру от запроса военнопленных начальником работ 23–24 января, до их прибытия к месту их проведения 26–27 июля 1915 г. прошло полгода, что говорит о сложности и длительности любых крупных перемещений военнопленных. В июне–июле 1915 г. управление Омской железной дороги обращалось с просьбами о присылке дополнительного числа военнопленных в штабы Казанского и Омского военных округов, прося 1 тыс. и 2 тыс. человек соответственно¹⁹. Однако 21 июля 1915 г. из Петроградского Центрального отдела пришла телеграмма о том, что пленных больше предоставить не могут, и в ближайшее время появление новых партий не предвидится, а потому начальника Омской железной дороги просили больше не отправлять запросов об их присылке.

23 октября 1915 г. Департамент полиции рекомендовал командующему войсками Омского военного округа, губернаторам, начальникам областей и градоначальникам принять меры по обеспечению раздельного содержания славян и остальных пленных, так как немцы, мадьяры, австрийцы всячески притесняют славян военнопленных²⁰.

К началу 1916 г. общее число военнопленных, занятых на железнодорожных работах на территории Курганского уезда, составляло 264 человека, но уже весной 1916 г. это число сократилось до 26 человек. В связи с уменьшением количества военнопленных 23 января 1917 г. было издано постановление, отменяющее приказ от 1 апреля 1916 г. за № 98 о запрете проведения работ во время праздников²¹. Из оставшихся 26 военнопленных, работавших на территории станции Курган, сбежали двое.

30 сентября 1915 г. отдел по устройству и службам войск Главного управления Генерального штаба (ГУШ) издал секретный приказ за № 7914 по допуску на работы славян по происхождению. В нем оговаривалось, что пленные не могут руководить работами, а преимущество при устройстве на работы следует отдавать славянам, хорошо зарекомендовавшим себя²². В городе военнопленные работали на заводе Сорокина и Балакшина «Унион», винокуренном заводе Смолина, крахмально-паточном заводе Ванюкова, мельнице Дунаева, в Товариществе «Сибирская клепка»²³. Пленные трудились в Обществе поощрения рысисного коннозаводства и на артельных маслозаводах, активно использо-

вались в лесном хозяйстве (неквалифицированная работа в лесничестве по заготовке дров для железной дороги, мелиорация), в военном ведомстве в оружейных мастерских²⁴. Их труд был востребован земским и городским хозяйством – ремонт дорог, приведение в порядок сточных канав и другое²⁵. При этом военнопленные родом из сельской местности по возможности старались остаться в деревнях и селах уезда, так как там условия проживания были значительно лучше, чем в городе, не говоря уже о концентрационном лагере. По мере установления более тесных контактов с местным населением, военнопленные устраивались у частных лиц домашней прислугой или приказчиками и конторщиками²⁶. Дабы предотвратить уход военнопленных в частные хозяйства Тобольский губернатор постановлением от 29 февраля 1916 г. запретил использование военнопленных в качестве прислуги, а лиц виновных в нарушении этого запрета подвергать тюремному заключению или штрафу²⁷. «Работодатель обязан иметь за пленными постоянный надзор, как личный, так и из своих доверенных лиц (совершеннолетних мужчин). На улицу без сопровождающего не должны выходить, после 8 часов вечера выход военнопленным на улицу безусловно запрещен. Замеченные в нарушении изложенного военнопленные арестовываются военными властями и полицией, а работодатель взамен арестованного не только не получает другого военнопленного, но по усмотрению уездного воинского начальника у него могут быть сняты с работ прочие военнопленные»²⁸.

В отношении пленных применялись не только постановления, принятые в ходе Первой мировой войны, но и юридические документы, принятые задолго до нее. Такие документы дополнялись и перерабатывались в соответствии с новыми постановлениями и распоряжениями. Так, по постановлению главноначальствующего по чрезвычайной охране от 14 декабря 1905 г., утвержденному Пермским губернатором, доработанному и принятому на территории Омского военного округа 17 декабря 1915 г., по охране военнопленных предписывалось следующее²⁹. Они подчинялись правилам внутреннего распорядка предприятия. Все, что касалось военнопленных, должно было соответствовать «Положению о военнопленных» от 7 октября 1914 г. В отношении вознаграждения за труд все должно было быть строго согласно условиям, предоставленным начальником работ, и положению, любые требования большего вознаграждения со стороны пленных считались незаконными. В свободное от работы время пленные должны были

находиться в специально отведенных помещениях отдельно от остальных рабочих. Покидать их разрешалось только под охраной и только для определенной необходимости, будь то посещение церкви, лечебницы, конторы и т. д. Пленным запрещалось разговаривать с гражданами, получать корреспонденцию не на свое имя или отправлять ее через третьих лиц. Гражданским лицам запрещалось передавать, получать, отправлять корреспонденцию военнопленных. Надзор за пленными призваны были осуществлять жандармы. Гражданским лицам также запрещалось напрямую подавать подношения, пожертвования, ухаживать за военнопленными, проявлять к ним симпатию, знакомиться с ними. Кроме общего уголовного и гражданского законодательства на пленных распространяются и особые меры наказания за следующее: 1) за проступки и неподчинение; 2) за нарушение данных предписаний; 3) за отказ от выполнения работы и уход с работ.

Примечателен тот факт, что ввиду убыли мужского населения в сельской местности и необходимости их замены рабочими руками пленными крестьяне боролись за то, чтобы военнопленных разместили именно в их хозяйстве. В волостные правления к июлю 1915 г. в адрес уездного руководства поступило 3440 ходатайств солдатских семей на привлечение в хозяйства 4772 военнопленных³⁰. Вот один из примеров подобного заявления из соседней Омской губернии. Зимой 1917 г. Лукерья Васильевна Добрышина обратилась с заявлением к Новокаменскому станичному атаману с просьбой вернуть ей военнопленных, переданных Иосифу Заболотскому, так как она не имеет в своем хозяйстве мужчин-работников, а у него есть взрослые сыновья, и он сам тоже может работать. Также она ссылается на распоряжение, по которому предписывалось распределять военнопленных, находящихся на сельскохозяйственных работах, исключительно по казакам и казачкам, не имеющим в своих хозяйствах работников³¹. По этому распоряжению предписывалось следующее: использовать труд пленного «первым долгом в хозяйствах призванных нижних воинских чинов и ратников ополчения, затем у беднейших крестьян и только при наличии избытка военнопленных – у зажиточных крестьян и частных владельцев. Главным условием предоставления военнопленных было наличие в хозяйстве не менее 15 десятин посевных площадей. Чтобы получить в свое хозяйство пленного, крестьяне писали заявления-расписки такого типа: «Я, нижеподписавшийся крестьянин д. Редькиной Иковской волости Чулков Иван, выдал настоящую подписку К.О.М.О.С.Х. в том,

что весной сего года обязуюсь посеять в своем хозяйстве не менее 15 десятин, для коева посева мною взят из Курганского отдела К.О.М.О.С.Х. один военнопленный»³².

Согласно распоряжению Тобольского губернатора от июня 1915 г. о труде военнопленных, находившихся в распоряжении Курганского воинского начальника, для распределения по волостям были переданы 2850 человек, а 650 были постоянно расквартированы в самом Кургане. Кроме того, Тобольским губернатором в июне 1915 г. было отпущено еще 500 военнопленных для нужд Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства³³.

Военнопленные трудились и в лесничествах Курганского уезда. Среди них следует назвать Введенское, Курганское, Чаусовское. В них пленные занимались заготовкой и доставкой дров для железной дороги, починкой саней и телег, ремонтом дорог, прожиганием молодняка и расчисткой противопожарных полос, сплавом леса³⁴. Работа в лесничестве носила сезонный характер, всего в Курганском уезде в 1914–1915 гг. в лесничествах работало до 97 человек. В декрете Тобольского управления земледелия и государственных имуществ, указывалось: «Согласно высочайше утвержденного 31 мая и 29 июня с/г журналом Военного Совета о содержании военнопленных, продовольствие всех военнопленных нижних чинов должно ныне производиться по нижеследующим нормам: провиант довольствия – хлеба 2 ф. и крупы 24 золотника, приварочного довольствия мяса баранины, свинины или рыбы, при условии довольствия пленных 2 раза в неделю обязательно постной пищей, 2,5 коп. на все приварочные запасы»³⁵. 4 февраля 1916 г. Тобольское управление земледелия и государственного имущества в лице начальника управления Н.Г. Грибанова затребовало отчет о состоянии дел от Курганского лесничества. 13 февраля 1916 г. Курганским лесничим Тихомировым был составлен отчет, довольно подробно отражавший положение дел в лесничестве за 1914–1915 гг. В частности, в нем отмечалось что «влияние войны на состояние лесного хозяйства Курганского лесничества было малозаметным», и значительной разницы в развитии лесных мероприятий не было. Среди главных недостатков, вызванных войной в 1915 г., он отмечал то, что в виду недостатка рабочих рук осенью не были выполнены работы по подготовке почвы для культур следующего года, не были закончены по той же причине операции по распродаже леса лицами, купившими лес на сруб. В отчете была указана в числе прочих и роль военнопленных в Курганском лесничестве. «Для выполнения разного

рода лесных работ, главным образом сельскохозяйственной расчистки леса, в виду недостатка рабочих рук были привлечены военнопленные. Результаты от этого получились удовлетворительными»³⁶.

Зарплата рабочим в связи с убылью работоспособного населения была выше, чем до войны, отмечал Тихомиров. Тобольское управление земледелия и государственного имущества 24 февраля 1916 г. издало циркуляр, предписывавший, согласно постановлению Штаба Омского военного округа от 23 февраля 1916 г., военнопленных, находящихся на работах лесничества: словенцев, хорватов и сербов в случае требования военного начальства незамедлительно сдать и заменить их военнопленными других славянских национальностей. С 1916 г. в связи со сменой политики царского правительства по отношению к военнопленным начинается их массовый отток из Западной Сибири и из Курганского уезда в частности. Вследствие этого кризис рабочей силы коснулся и Курганского лесничества, который уже было «нельзя покрыть привлечением к труду военнопленных и беженцев». «При таких условиях оказалось нужным обратить внимание, с одной стороны, на реорганизацию работ, с возможно широкой заменой физического труда машинным, а с другой – на привлечение к производству лесных заготовок женской рабочей силы»³⁷.

Оставшиеся военнопленные использовались в основном на сельскохозяйственных работах. Например, по правилам Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства (далее – МОСХ), выданные им военнопленные предназначались к отправке исключительно на сельскохозяйственные работы. Работодатель должен был содержать, охранять и лечить пленных за свой счет, выдавая не менее 25 коп. за рабочий день, который длился с 6 часов утра до 6 часов вечера с двухчасовым перерывом. Предусматривались не только штрафы за «нерадение», но и премии за старательную работу. Отдел оставлял за собой право при необходимости перемещать и отбирать отпущенных им пленных³⁸. Однако указанный строгий режим содержания военнопленных не всегда соблюдался. Так председатель Уездного съезда крестьянских начальников К.П. Нилов писал в августе 1915 г.: «Со стороны членов попечительства, а равно волостных и сельских должностных лиц, нет никакого надзора за отпущенными для сельскохозяйственных работ военнопленными, не установлено между нуждающимися в рабочих руках сельскими хозяйствами порядка пользования трудом военнопленных. Пленные... свобод-

но разгуливают в нерабочее время по селам, допускают самовольную отлучку в город и другие селения без всякого надзора, ...было много случаев побега»³⁹.

Спрос на военнопленных был достаточно велик и значительно превышал их количество. Курганский отдел МОСХ указывал, что трудом военнопленных удастся «покрыть лишь часть потребности в рабочих..., да и то часть весьма незначительную»⁴⁰. Таким образом, военнопленные были распределены, прежде всего, между волостными сельскими обществами и крупными землевладельцами Курганского уезда (Кропаниными, Карчевскими, Смолиными, Кочешевыми и др.)⁴¹. Об обеспечении пристойной жизни военнопленных нанимателем сказано в циркуляре КОМОСХа: «Хозяин, взявший военнопленного, обязан выплачивать ему по 25 копеек за рабочий день (в зависимости от соглашения и старательности военнопленного возможна и добавочная приплата), ...содержать его в течение 4 месяцев и дать ему необходимую одежду... Обязан хозяин обеспечить заболевших медицинской помощью»⁴². В Курганском уезде поденная оплата труда в 1915 г. составляла 30 копеек, 5 из которых шли волостному, сельскому и уездному руководству. В 1916 г. плата увеличилась до 35 копеек с отчислением из этой суммы 5 копеек в Курганское казначейство⁴³. Вообще, стоит отметить, что на территории Курганского уезда было довольно благожелательное отношение к пленным со стороны мирного населения. Так, в докладе члена правления КОМОСХа И.А. Михайлова в июле 1915 г. отмечалось следующее: «С самого начала... обнаружилось, что во многих селениях между военнопленными и мирным населением создались весьма тесные связи. С особенной резкостью это проявляется там, где и представители военного ведомства в лице старших наблюдающих за военнопленными принадлежали к мирным жителям. Так, в селе Ниже-Дубровском, несмотря на распоряжения Курганского военного начальника об отпуске на работы 17 военнопленных, из 100 военнопленных, расквартированных там, не удалось получить ни одного: все категорически отказались работать где-либо, кроме "своего села". В более мягкой форме то же проявлялось и в других местах. Случаи отказа от работ многочисленны, но часто этот отказ вызывается действительной непригодностью военнопленного к крестьянской работе (например, попадались бухгалтера, скрипачи, портные). При легкости, с какой Отдел относится... к желанию военнопленных перемениться хозяевами, самовольный исход является угрожающим симптомом, обнаруживая, как полное непо-

нимание военнопленными их положения, так и готовность населения потворствовать таким проявлениям „привязанности”⁴⁴.

Главное управление по делам местного хозяйства (далее – ГУМХ) разработало отдельные правила по содержанию военнопленных на сельскохозяйственных работах⁴⁵. В них устанавливалось, что питание военнопленных не должно быть лучше рабочих тех же хозяйств, где работали военнопленные. Однако продукты должны быть одного с ними качества. Рабочий день устанавливался такой же, как и у остальных работников хозяйства. В праздники и выходные военнопленные обязаны были работать, если работали работники хозяйства, но хозяин должен был компенсировать эти дни выходным в ближайшую неделю. За нерадение, отказ от работ и т. д. следовал арест на семь суток на хлебе и воде или устанавливался штраф по два часа работы на каждые сутки ареста сверхурочно в зависимости от вины. Если хозяин отказывался работать с военнопленным из-за его нерадения, то последнего возвращали ближайшему воинскому начальнику, а не передавали другому хозяину. Хозяева обязаны были сообщать о болезни пленного, находившегося у них в хозяйстве и доставлять его на ближайшую станцию или в больницу. Для надзора за военнопленными в каждое селение назначались ратники народного ополчения: один унтер-офицер на 250–300 военнопленных и по одному рядовому в качестве взводного на каждые 50 человек. В каждое селение назначался также пленный офицер, а по возможности – двое. Военнопленные разделялись на роты по 200–250 человек, в каждой роте назначались взводные, отделенные и десятские. Сельский староста обязан был вести список учета домохозяев, у которых есть военнопленные, а также самих военнопленных. Последние обязаны были ночевать у тех домохозяев, к которым были назначены на проживание, а если пленный не являлся на ночлег, хозяин обязан был немедленно заявлять об этом сельскому старосте или кому-либо из ратников⁴⁶.

К концу 1916 г. в официальных документах признавали, что сведения, поступавшие от различных ведомств, зачастую противоречили друг другу и не позволяли составить четкой картины, где и сколько всего размещено военнопленных, и чем они занимаются. Так, например, 31 декабря 1916 г. ГУМХ, обращаясь к губернаторам Российской империи, предписывало предоставить сведения обо всех военнопленных на 1 февраля 1917 г. с указанием работ по следующим группам: 1) сельское хозяйство; 2) общественные работы; 3) промышленные предприятия; 4) железно-

дорожные работы; 5) иные работы; 6) в распоряжении воинских начальников⁴⁷. В 1916–1917 гг. также фиксировалось увеличение числа побегов военнопленных.

В 1917–1918 гг. в связи с Февральской революцией и началом Гражданской войны в России многие документы по военнопленным, хранившиеся в Кургане, были утеряны. Среди новых явлений в жизни военнопленных можно отметить создание «революционной группы или кружка» в Курганском концентрационном лагере⁴⁸, но в архивных делах этот факт не находит подтверждения. Большинство пленных все так же были размещены по волостям Курганского уезда и были заняты на сельхозработах. 9 августа 1917 г. Временное правительство определило новые размеры минимальной и максимальной оплаты труда пленных от 20 до 50 копеек. Все, что они зарабатывали сверх этого, шло на покрытие содержания пленного и в казну⁴⁹. Со следующего 1918 г. оплата труда пленных определялась следующим образом: с каждого заработанного рубля пленного удерживалось 15 копеек в пользу казны, точные же размеры оплаты труда устанавливались волостными земскими собраниями⁵⁰. Постепенно с ростом дефицита рабочих рук в уезде расценки на труд пленных повышались, а отчисления из волостей в казну приходили либо с задержкой, либо и вовсе переставали поступать⁵¹.

После победы Октябрьской революции и очередной смены власти военнопленные передавались в ведение местных комиссариатов по национальным и религиозным или по гражданским делам. В декабре 1917 г. их уравнили в правах с гражданами нейтральных государств. Они получили возможность свободно без охраны проживать на частных квартирах. Это привело к уходу военнопленных с работ. Однако с другой стороны вместе с уходом пленных с работы они лишались и довольствия продовольствием и одеждой. Такая ситуация еще более ускорила отъезд оставшихся пленных из Курганского уезда, многие из них за свой счет начали свое возвращение домой.

Численность военнопленных в уезде продолжала снижаться и далее. Причиной тому было окончание войны – по условиям Брестского мирного договора, все военнопленные, желавшие вернуться на родину и не участвовавшие на тот момент в войне на стороне Антанты, могли беспрепятственно покинуть Россию.

Среди одного из важнейших шагов советского правительства было создание Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), образованного в составе Наркомата по

военным делам. Именно это учреждение заменило собой все царские органы и органы временного правительства, занимавшиеся проблемой пленных. Эта коллегия обязала местные власти ликвидировать самоличное перемещение военнопленных. В своём циркуляре Центропленбеж отмечал, что «некоторые местные власти присвоили себе право освобождать военнопленных и приравнивать их к совершенно свободным гражданам, тогда как порядок перехода пленных в русское гражданство установлен декретом ВЦИК от 1 апреля 1918 г., и никакие иные виды освобождения из плена не должны допускаться»⁵². Советское правительство в отличие от своих предшественников не делало ставку на привлечение на свою сторону только пленных-славян, одной из главных черт его политики была ставка на интернационализм. «Вы, томящиеся в плену, – писал В.И. Ленин, – не можете остаться безучастны. Вы должны быть готовы и к тому, что и на вашу долю, быть может, уж скоро выпадет важная задача... Завоевавши республику, рабочие России соединятся с рабочими всех других стран и смело поведут все человечество к социализму...»⁵³. И действительно в этот период значительная часть военнопленных была вовлечена в революционные события и Гражданскую войну. Так, в Кургане весной–летом 1918 г. под руководством Франтишека Грабчика был создан добровольческий отряд военнопленных чехов, всего около 100 сабель⁵⁴.

Желавших получить советское гражданство в Курганском уезде не было. Всего с 27 августа 1919 г. по 3 ноября 1923 г. по архивным документам зафиксировано 76 военнопленных, ни один из них не подал заявление о получении гражданства, несмотря на то, что агитация пленных местными властями путем распространения листовок и публикации объявлений в газетах велась вовсю.

Для содержания части военнопленных был использован старый концлагерь, всего в нем было размещено 48 человек. С просьбой о выделении средств на обеспечение текущего ремонта комендант лагеря обращался к председателю Курганского городского уездного исполкома Самоданову 11 июня 1920 г.⁵⁵. В связи с плохим материальным обеспечением и невозможностью в связи с этим содержать военнопленных на территории лагеря, им было предложено размещение на частных квартирах при условии их работы по сбору продналога. При медицинском обследовании выяснилось, что 18 пленных больны или настолько ослаблены, что не пригодны ни к какому труду. Их перевели в Курган на лечение. Остальные 30 военнопленных изъявили согласие работать

на условиях, что они, во-первых, будут переведены на частные квартиры вне лагеря, а во-вторых, им по окончании Гражданской войны будет оказана помощь в возвращении на родину. Все 76 человек, зафиксированные в документах в период с 1919 по 1923 гг., были крестьянами или чернорабочими.

В лагере пленные пробыли недолго – с 11 июня по 23 ноября 1920 г.⁵⁶, после чего были переведены в Челябинск⁵⁷. Оставшиеся 19 военнопленных продолжали оставаться на территории Курганского уезда вплоть до роспуска и преобразования в Курганский округ в составе Уральской области 3 ноября 1923 г.⁵⁸. Надо признать, что абсолютное большинство иностранных военнопленных в 1918–1919 гг. выезжали на родину самостоятельно. При этом лишь немногие обращались в местные органы Центроплембежа за удостоверениями, чтобы не быть остановленными в пути, что еще более усложняет подсчет числа пленных в уезде⁵⁹. В дальнейшем проследить их судьбы весьма сложно, можно лишь сказать, что многие из оставшихся в России пленных обзавелись к этому времени семьями и имели постоянную работу в пределах уезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М. 1967. С. 14.

² Крылова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны в Курганском уезде // Емельяновские чтения. Курган, 2007. С. 69.

³ Сибирская Советская Энциклопедия. Том 1. М., 1929. С. 517–518.

⁴ Жизнь Алтая. 1915. 24 апреля, С. 11.

⁵ Высочайшее утвержденное Положение о военнопленных. 7 октября 1914 года. Сборник узаконений о проведении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военных. Пг., 1916.

⁶ Курганское слово. 1914. 3 сентября. С. 16.

⁷ Государственный архив Омской области (Далее – ГАОО).Ф. 172. Оп. 1. Д. 248. Л. 49.

⁸ Государственный архив Курганской области (Далее – ГАКО). Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 156. Л. 14–239.

⁹ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 596. Л. 96.

¹⁰ Вестник Омского городского общественного управления. 1915. № 6–7. С. 41.

¹¹ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–7.

¹² Там же. Л. 19.

¹³ ГАКО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 8. С. 16–17.

¹⁴ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 500. Л. 129.

¹⁵ ГАОО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ ГАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 63. Л. 8–10.

¹⁸ Там же. Л. 6–7.

¹⁹ ГАОО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 18. Л. 13–15.

²⁰ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 106. Л. 84.

²¹ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 106. Л. 180.

²² Там же. Л. 77.

²³ ГАКО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 24. Л. 189.

²⁴ Там же. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 38. Л. 14

²⁵ Там же. Д. 45. Л. 1–2; 10. Л. 139–141.

²⁶ Там же. Д. 38. Л. 13.

²⁷ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 500. Л. 187.

²⁸ Там же. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23-а. Л. 79.

²⁹ Там же. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 45. Л. 100.

³⁰ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 500. Л. 1–2.

³¹ ГАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 75. Л. 24.

³² ГАКО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23-а. Л. 66.

³³ Там же. Л. 369.

³⁴ Там же. Ф. 167. Оп. 1. Д. 185. Л. 42.

³⁵ ГАКО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 185. Л. 54.

³⁶ Там же. Д. 189. Л. 13–14.

³⁷ ГАКО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 189. Л. 28.

³⁸ *Кротт И.И.* Использование труда военнопленных в сибирской деревне в годы Первой Мировой войны // Publishing house Education and Sciences. r.o.: сетевой журнал. 2014. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2011/Istoria/1_77625.doc.htm (дата обращения 14.04.2014).

³⁹ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 500. Л. 221.

⁴⁰ *Шишкина С.Ю.* Трудовые ресурсы как фактор стабилизации экономического развития сельского хозяйства Зауралья в годы Первой мировой войны // Тюменский исторический сборник. С. 112.

⁴¹ Известия курганского городского общественного управления. Вып. 13. 1914. 20 сентября.

⁴² ГАКО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23-а. Л. 396.

⁴³ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 500. Л. 1–2.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23-а. Л. 229–230.

⁴⁵ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 106. Л. 127.

⁴⁶ *Жарова А.С.* Положение военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Известия Уральского Государственного Университета. № 4(66). Екатеринбург. 2009.

⁴⁷ ГАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 75. Л. 45.

⁴⁸ Интернационалисты... С. 70.

- ⁴⁹ Новый мир (г. Курган). 1917. 30 сентября.
- ⁵⁰ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 596. Л. 96.
- ⁵¹ Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 20. Л. 48.
- ⁵² *Белова И.Б.* Военнопленные центральных держав и советская действительность // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 63–68.
- ⁵³ Интернационалисты... С. 7.
- ⁵⁴ *Кузьмин А.* Чехословацкий легион, 1918 // Зауральская генеалогия: сетевой журнал. 2014. URL: <http://www.kurgangen.org/local-finding/grajdanskaya/cheh18/> (дата обращения 14.04.2014).
- ⁵⁵ ГАКО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- ⁵⁶ Там же. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 11. Л. 226–229.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–94.
- ⁵⁸ Там же. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 156. Л. 8–108.
- ⁵⁹ *Белова И.Б.* Военнопленные центральных держав и советская действительность // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 63–68.

РАЗДЕЛ IV

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И СИТУАЦИЯ В ТЫЛУ

П.А. Искендеров (Москва)

Балканские корни Первой мировой войны*

В последнее время в западноевропейской и отчасти балканской историографии активизировался процесс так называемого «переосмысления» проблемы истоков Первой мировой войны – причем в совершенно определенном смысле. В частности, предпринимаются попытки объявить (вопреки положениям Версальского мирного договора) Сербию и стоявшую за ее спиной Россию главными виновниками общеевропейского военного конфликта, раздуть сербо-австрийские противоречия до уровня глобального геополитического узла, увести в тень собственные планы Берлина, Вены, Лондона, Парижа и других мировых игроков по переделу сфер влияния в мире, реформатированию колоний, захвату источников сырья, установлению контроля над транспортными путями.

Наиболее заметно данная тенденция прослеживается в Германии. Следует напомнить, что с 1960-х годов в этой стране, в сфере исследований мировой политики, существует признанная «школа Фишера», названная так по имени одного из крупнейших германских историков, профессора Университета Гамбурга Фрица Фишера. В своей хрестоматийной книге «Схватка за мировое господство» он убедительно доказал, что именно Германия толкнула человечество в Первую войну мировых масштабов, желая перераспределить соотношение сил в мире, захватить новые колонии и природные ресурсы. Фишер доказывает «глобальный аспект немецких притязаний стать мировой державой и добиться мирового положения»¹.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 14-01-00264 «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»).

Действительно, вряд ли есть основания сомневаться, что «в борьбе кайзеровской Германии за мировую гегемонию ее колониальные цели накануне и во время Первой мировой войны играли очень видную роль»². Однако в последние два десятилетия в германской историографии наметилась четкая тенденция отказа от наследия «школы Фишера». Показательно, что никаких новых документов, позволяющих снять с Берлина ответственность за развязывание Первой мировой войны, найти так и не удалось. Зато активно используются более чем сомнительные исторические параллели с сегодняшним днем. Этим, к слову, грешат и американские, и британские историки. К примеру, британский ученый Крис Кларк в вышедшей в 2013 г. нашумевшей монографии под названием «Лунатики: Как Европа в 1914 году вступила в войну» в качестве аргумента в пользу пересмотра устоявшейся концепции исторических корней Первой мировой войны приводит трагические события в боснийском городе Сребреница летом 1995 г., в которых Запад сразу же обвинил местных сербов. По мнению Кларка, «после Сребреницы» о Сербии и сербах якобы нельзя писать, как раньше, необходимо пересмотреть всю сущность сербского национального движения на протяжении многих веков – разумеется, в обвинительном духе³.

Между тем, анализ развития ситуации в треугольнике Белград-Вена-Петербург осенью 1913 – весной 1914 гг. отнюдь не дает оснований определять их в качестве чуть ли не решающего фактора возникновения Первой мировой войны. Наоборот, к июню 1914 г. Сербия и Австро-Венгрия при активном посредничестве России смогли урегулировать или по крайней мере смягчить многие разногласия и противоречия. И хотя коренные расхождения в целях и задачах монархии Габсбургов и сербского национального движения никуда не делись, считать их главной причиной начала общеевропейской войны представляется необоснованным.

В этой связи справедливыми представляются оценки тех исследователей, который говорят о «системном кризисе», поразившем в преддверии Первой мировой войны всю систему международных отношений в Европе. Вряд ли можно отрицать тот факт, что хотя события лета 1914 г. застали большинство европейцев врасплох, «высшее военное руководство великих держав загодя готовилось к возможному и вполне вероятному конфликту между собой. К этому их подталкивали и постоянные международные кризисы, буквально захлестнувшие мир в начале XX в., грозившие в любой момент выйти из-под контроля, и логика развития

военной мысли в предшествовавшие десятилетия. Еще со времен Гельмута фон Мольтке-старшего в менталитете военных элит европейских держав достаточно прочно укоренилась мысль о необходимости тщательного планирования предстоящих военных кампаний»⁴. Как обоснованно отмечают в коллективном труде «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» российские исследователи А.С. Манькин и В.И. Терехов, уже «с 1910 г. участники противостоявших друг другу коалиций выступили в стадию непосредственной подготовки к войне. В 1910–1912 гг. везде был отмечен рост ассигнований на военные цели, приняты новые законы о воинской обязанности, позволявшие основным действующим лицам европейской политики резко увеличить численность кадровых частей»⁵.

При этом более сложный и противоречивый характер, нежели это видится сторонникам упрощенных концепций происхождения Первой мировой войны, носила расстановка сил не только между двумя ведущими военно-политическими блоками того времени, но и в их рядах. Британский исследователь Дж. Киган в этой связи указывает на «особое мнение» в разгоравшемся в июле 1914 г. предвоенном дипломатическом конфликте Великобритании, которая пыталась выступать в роли посредника-миротворца и, в частности, выступила за проведение международной конференции великих держав для предотвращения военного конфликта⁶. Тем не менее, развитие событий в Европе летом 1914 г. определялось скорее не хитроумными дипломатическими расчетами, а цепной реакцией «распространения зоны конфликта на всю Европу и даже мир». Более того, «хотя в предвоенных планах, имевшихся в ведущих европейских державах, такой сценарий в принципе предусматривался, в реальной действительности изначально конфликт стал развиваться в ином режиме, чем это представлялось военным планировщикам»⁷.

С другой стороны – разумеется, нельзя отрицать и субъектные аспекты развития предвоенной ситуации в Европе, которые в определенные конфликтные моменты способны играть значительную – если не решающую – роль в динамике развития обстановки. Эту сторону событий июня–июля 1914 г. в максимально сжатой квинтэссенции отметил в своих воспоминаниях тогдашний поверенный в делах России в Белграде В.Н. Штрандтман: «Участие серба (боснийский серб Гаврила Принцип. – П.И.) в Сараевском убийстве, при до крайности натянутой политической атмосфере, было чревато последствиями»⁸.

Кроме того, понятие балканских корней Первой мировой войны включает в себя более широкий аспект развития международной обстановки в предвоенные годы. Балканский геополитический ландшафт носил потенциально взрывоопасный характер не столько сам по себе (хотя остроту региональных противоречий нельзя отрицать), сколько «в привязке» к интересам великих держав, многие из которых не только не были особенно заинтересованы в эффективном и прочном урегулировании региональных проблем, но и осознанно поддерживали Балканы в подспудно «бурлящем» виде. Как следствие – «с приближением мировой войны Балканы стали ареной вербовки сторонников и для Антанты, и для блока Центральных государств»⁹. При этом следует особо отметить, что в сложившейся ситуации и в неблагоприятных внешних обстоятельствах особенно сдержанную роль пыталась играть Россия, стремившаяся «по возможности отдалить сроки военного конфликта между Австро-Венгрией и Сербией, ибо этот конфликт неизбежно должен был привести к вступлению в войну на стороне Сербии России»¹⁰.

Говоря о проблеме подлинных и мнимых балканских корней Первой мировой войны, следует подчеркнуть, что наибольшего накала наиболее часто упоминаемые в данном контексте сербо-австрийские отношения достигли еще осенью 1913 г., на пике очередного албанского кризиса. Тогда, в соответствии с постановлениями Лондонской конференции послов великих держав 1912–1913 гг., представители этих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективной декларацией, в которой подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ глава сербского правительства Никола Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяснениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата 1878 г., касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедных групп¹¹, а кроме того, в стране

действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны¹².

Кроме того Пашич заверил иностранных представителей, что сербские войска уже покинули Албанию, за исключением Орошской области, где продолжались антисербские выступления по причине, по его словам, отсутствия в этом районе организованной местной власти. Позднее, однако, глава кабинета сделал сообщение уже в существенно ином смысле, указав, что хотя главнокомандующий сербской армией уже отдал своим войскам категорическое распоряжение об их выводе с оккупированных албанских территорий, тем не менее, данная операция еще не завершена, так как ее осуществление требует определенного времени¹³.

Одновременно, как телеграфировал 17 августа 1913 г. из Белграда российский посланник Н.Г. Гартвиг, «сербское правительство обращает внимание на то, что по самым достоверным сведениям после недавнего посещения Вены Иссой Болетинацем (Иса Болетини. – *ПИ.*) и другими албанскими главарями, австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки в 30–40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны производить нападения на новую сербскую границу, вызвав волнения среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их сербским режимом. При таких условиях, по мнению Пашича, отозвание последнего сербского отряда с пограничных мест послужит сигналом к возбуждению крайне опасных осложнений»¹⁴.

Ситуация в соседней Албании действительно не могла внушать оптимизма сербскому правительству. Ведь албанские лидеры также не сидели сложа руки. Они решили не дожидаться начала работы разграничительных комиссий и уже в августе снарядили депутацию в Италию и Австро-Венгрию. Как сообщал в Санкт-Петербург 26 августа 1913 г. российский посол в итальянской столице А.Н. Крупенский, «в Рим приехала на днях албанская депутация в составе албанского министра Муфид-бея и некоторых других правительственных лиц. Эти господа были приняты в Консульте парламентским товарищем министра иностранных дел, князем ди Скалеа, и были также у министра иностранных дел в Валломброза.

По сообщенным мне сведениям, албанцы благодарили итальянское правительство за его поддержку в вопросе о южной грани-

це Албании и настаивали на необходимости, чтобы долина Аргирокастро (Гирокастра. – *П.И.*) и разные другие спорные местности были присуждены Албании». Характерно, однако, то, что, оказав, по словам Крупенского, албанской депутации «предупредительный» прием, «обещаниями итальянское правительство себя не связало»¹⁵.

Дипломатические усилия албанские лидеры пытались подкрепить вооруженными акциями. В течение всего августа по наущению австро-венгерских агентов и на деньги Вены албанские отряды осуществляли нападения на передовые сербские части – в первую очередь, в районе Дебара. Целью являлось создать у великих держав впечатление о широком недовольстве албанцев намеченной на Лондонском совещании послов великих держав сербо-албанской пограничной линией и побудить их пересмотреть принятые решения по разграничению¹⁶.

Красноречивые данные содержались в российской дипломатической переписке. Так, 3 октября 1913 г. российский посланник в Афинах князь С.В. Урусов направил в Санкт-Петербург примечательную подборку документов. Как отмечалось в сопроводительном письме, речь шла о выдержках «из очередных донесений вице-консула нашего в Авлоне (Влера. – *П.И.*), свидетельствующих об усилившемся расколе среди албанского правительства и об анархическом состоянии в создаваемом албанском государстве»¹⁷.

Российские призывы к сдержанности оказали определенное влияние на настроения в Белграде, однако не заставили правительство пересмотреть свои приоритеты в отношении Албании. На экстренном заседании Совета министров Сербии было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории (в том числе и из Ороши), с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания секретарь сербского МИД Мирослав Спалайкович встретился с Штрандтманом (информация о данной беседе была немедленно сообщена российским поверенным в делах в Санкт-Петербург секретной телеграммой от 12 сентября) и на замечание последнего о возможности для Сербии защитить свои границы путем перевода войск на позиции, находящиеся на сербской территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии, возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании», и что до «установления порядка в Албании сербское правительство не считает себя вправе оставить безза-

щитной эту границу, постоянно подвергающуюся нападениям и к тому же Комиссией (по разграничению. – *П.И.*) окончательно еще не установленную»¹⁸. Он также заявил о том, что подобный же ответ сербское правительство намеревается дать и на новое коллективное представление великих держав, представители которых в Белграде уже получили от своих правительств соответствующие инструкции¹⁹.

Однако после дополнительных консульгаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании Совета министров. После указанного обсуждения Пашич обратился к Штрандтману с просьбой довести до сведения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета (что было сделано российским поверенным в делах в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.): «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нареkania со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каком смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно, однако, не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обуславливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную»²⁰.

Неудивительно, что в подобных условиях в Сербии усилились антиавстрийские настроения. Вену обвиняли (и не без оснований) во всемерной поддержке албанцев. К тому же в правящих сербских кругах действительно существовали представления о грядущем крахе Австро-Венгрии. На них особо указал посетивший в июле–августе 1913 г. все югославянские области монархии Габсбургов представитель Санкт-Петербургского телеграфного

агентства В. Сватковский. По его словам, рассуждения активистов югославянского освободительного движения строились следующим образом.

Распад Австро-Венгрии при первом же серьезном вооруженном столкновении является predetermined. Тем не менее, данного столкновения следует попытаться избежать в течение ближайших шести–семи лет, чтобы Сербия могла спокойно урегулировать свои внутренние проблемы и качественно укрепить армию (на необходимость чего неоднократно указывал и глава сербского кабинета Н. Пашич). В военных действиях против Турции и Болгарии в ходе Балканских войн принимала участие преимущественно сербская молодежь; на борьбу же против Австро-Венгрии поднимутся самые широкие народные массы, причем, не только самой Сербии, но и всех югославянских областей монархии Габсбургов. Кроме того, на стороне Сербии выступят представители других славянских народов, в частности, чехи. Этим силам Австро-Венгрия сможет противопоставить немцев, венгров и поляков. Но первые два народа составляют далеко не самую боеспособную часть австро-венгерской армии, а что касается поляков, то они занимают второе место после хорватов по числу дезертиров и уклонившихся от исполнения воинской повинности (за предыдущие 12 лет – то есть с начала XX века – полмиллиона поляков эмигрировали в Америку). Таким образом, по мнению идеологов югославянского движения, ожидаемая война должна закончиться полным поражением и как следствие этого – расчленением монархии. В результате раздела, по их оценкам, к России отойдут Галиция, Карпаты и часть Венгрии до Дуная включительно, вместе с частью Будапешта (Пешт). Другая часть Будапешта (Буда) отойдет к Сербии, вместе со всей южной и западной Венгрией, а также югославянскими землями Австро-Венгрии вплоть до середины Штирии и Каринтии на севере. Чешские земли (Чехия, Моравия и Силезия) должны будут объединиться с единоплеменными словацкими землями Северной Венгрии, образовав единое государство северо-западных славян с населением в 11 миллионов человек. Что же касается поляков, то они, независимо от области проживания – как галицкие и силезские, так и познанские – должны непременно войти в состав России, «ибо Россия наконец поймет же, что русско-польский вопрос может быть так или иначе разрешен только при условии объединения всех польских земель под русской властью и отсутствия заграничной ирреденты, подобно тому, как малорусский, или украинский, вопрос не разрас-

тется до опасных размеров только при присоединении Восточной Галиции, Северной Буковины и Угорской Руси к России»²¹.

Другие области Австро-Венгрии, а также Германии, окажутся в результате поделенными между Румынией, которой достанется Трансильвания и Южная Буковина, Францией (она получит Эльзас и Лотарингию) и Данией, к которой будут присоединены Шлезвиг и Гольштиния. Что же касается земель с собственно немецким населением, а именно Нижней и Верхней Австрии, Зальцбургской области, северной части Штирии, Каринтии и Тироля, то они могут объединиться с южногерманскими и западногерманскими территориями в «особую католическую Германию в противовес разбитой и приуменьшенной со всех сторон протестантской Германии»²².

Не добавляли Вене уверенности и распространившиеся в Австро-Венгрии после завершения Балканских войн слухи о формировании югославянской молодежи особого «легиона смерти», члены которого готовились осуществить целый ряд покушений, а также взрывов арсеналов, мостов, железнодорожных путей и других стратегически важных объектов в случае начала австро-сербской войны. Косвенное подтверждение данных слухов исходило, в том числе, и от депутатов парламента. При этом район предполагаемых акций не ограничивался югославянскими областями, а включал в себя и крупные центры в других районах страны, в том числе и Вену. Основным лозунгом, под которым объединялись югославянские группировки, являлось провозглашение Великого Сербского королевства с границами от Адриатического моря до Будапешта²³.

Что касается общей ситуации в Австро-Венгрии в конце 1913 – начале 1914 гг., то как начавшееся оживление экономической и финансовой жизни страны, так и в целом спокойный тон публикаций в местной прессе свидетельствовали о наступлении определенной стабилизации во внутривластной жизни монархии. По сообщениям российских дипломатических представителей и информационных служб, несмотря на военные маневры вокруг Сараево, а также приготовления в Галиции, общественное мнение страны и биржа, всегда хорошо осведомленная и чутко реагирующая на любое изменение обстановки, оставались спокойными²⁴.

Тем не менее, как в правительственных сферах, так и в самом обществе преобладали серьезные сомнения в длительности и прочности нынешнего внешнеполитического положения госу-

дарства. Разногласия в этой связи касались, главным образом, сроков наступления будущих осложнений: от весны 1914 г. до ближайших пяти-шести лет. Представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства отмечал, что «все верят в новые грядущие осложнения на Ближнем Востоке и неминуемое вовлечение ими Австро-Венгрии рано или поздно в войну на один, два или три фронта»²⁵.

В этой связи представляется интересным мнение ряда чешских депутатов-аграриев, а также лидера чешских национальных социалистов Вацлава Клофаца, которые, объясняя проводимую ими политику обструкции в парламенте, отмечали, что, хотя указанные действия и не преследовали каких-либо конкретных целей, тем не менее, они осуществлялись на основании убеждения в том, что «ввиду неизбежной в будущем войны, спокойная парламентская работа даже в лучшем случае не может дать чешскому народу прочных выгод. Для чехов после их глубокой деморализации поражениями России на Дальнем Востоке и русской революцией необходимо поддержание духовного подъема, вызванного балканскими событиями... Чехов надо-де приучить к мысли, что им нечего ждать от этого парламента и от самого государства, что все надежды на будущие внешние события»²⁶. Еще в большей степени подобными убеждениями были проникнуты депутаты от югославянских земель²⁷.

В самой Сербии в связи с обострением ситуации на сербоалбанской границе значительная часть общественного мнения и политических кругов призвали правительство предпринять самые решительные меры против албанцев. Это привело к возникновению серьезного внутривластного кризиса. Оппозиционные депутаты в скупщине потребовали от кабинета Н. Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Реальная возможность отставки нависла над военным министром полковником Милошем Божановичем и министром финансов Лазаром Пачу, не пожелавшим в свое время ассигновать необходимые кредиты на содержание дополнительных воинских контингентов в южных областях Сербии. Правительство нашло, однако, возможность возложить всю ответственность за кризис на бывшего начальника штаба Верховного главнокомандования сербской армии воюды Радомира Путника генерала Живоина Мишича, подготовившего, по мнению правительственных кругов, непродуманный

план размещения сербских гарнизонов вдоль сербо-албанской границы, имевшей протяженность около 500 км.²⁸ Король Петр издал указ о его увольнении, что, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападок на кабинет Пашича, положение которого, в свете предстоящего открытия заседаний скупщины и готовившихся оппозиционными партиями целого ряда запросов по вопросам внутренней и внешней политики, потеряло прежнюю устойчивость²⁹.

В сербском правительстве существовали два взгляда на стоящие перед страной насущные задачи. С одной стороны, присутствовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, систему судебной власти, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, а с другой стороны, – и этот взгляд превалировал, – среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании, и что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы»³⁰.

Не все однозначно было и на внутривластной сцене Австро-Венгрии. В середине ноября 1913 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Леопольд Берхтольд подвел принципиальные итоги внешнеполитического курса, проводившегося правительством Австро-Венгрии в период Балканских войн 1912–1913 гг., а также обрисовал его основные направления в будущем. Он сделал это в своем выступлении в комиссии по иностранным делам венгерской делегации 19 ноября 1913 г. Характеризуя международное положение и внешнюю политику Австро-Венгрии, глава дипломатии монархии Габсбургов подчеркнул, что для нее «уже десятилетия, наряду с традиционной формулой о сохранении, насколько возможно, существующего порядка, стало аксиомой – не оказывать препятствий свободному развитию балканских государств»³¹. По его словам, Австро-Венгрия, после приобретения Боснии и Герцеговины, «считает свое территориальное расширение на Балканах законченным»³². Министр указал, что существующие у Австро-Венгрии особые интересы в этом регионе, которые «можно свести к самостоятельности Албании, недопущению изменения в соотношении сил на Адриатическом море и к созданию прочных порядков на Балканском полуострове»

ве, причем имелись в виду, по возможности, одни мирные средства для осуществления всего этого, – с данного времени стали предметом усердного нашего внимания и нашей дипломатической работы»³³.

Позиция монархии на Лондонском совещании послов великих держав при обсуждении албанской проблемы, продолжал граф Берхтольд, определялась тем обстоятельством что «необходимость создания автономного Албанского государства не должна быть подвергаема сомнению», а Сербии может быть разрешен «исключительно коммерческий выход на Адриатическое море»³⁴. Что же касается вопроса об установлении границ Албании, которые, по мнению Вены, должны были обеспечить «жизнеспособность» данного государства, то переговоры по этому вопросу в рамках Совещания послов великих держав в Лондоне завершились, по словам министра, принятием компромиссного решения, которое предусматривало, что «за наш отказ от включения Джяковицы в границы автономной Албании, сюда включено будет Скутари (Шкодер – *П.И.*), даже в случае занятия его Черногорией, и что католическому албанскому меньшинству на территориях, расположенных вне нового государства, будет сохранена религиозная и национальная свобода, а равно, что албанская территория будет очищена от иностранных войск»³⁵.

Говоря об основных принципах, в соответствии с которыми будут строиться взаимоотношения Австро-Венгрии с балканскими государствами, Берхтольд отметил, что «мы находим соответственным развивать по отношению ко всем им дружественные отношения и в равной мере будем стремиться к этому, чтобы, по мере возможности, считаться с их экономическими потребностями»³⁶. При этом, продолжал Берхтольд, «по отношению к соседней Сербии мы считаем установление хороших экономических отношений залогом доброго соседства. С нашей стороны сербское правительство уже получило соответствующие сообщения и теперь мы ожидаем от него, в качестве доказательства, что и оно желает подобных отношений, представление нам таких предложений, которые необходимы для начала более детальных переговоров о взаимных экономических отношениях»³⁷. Далее в своем выступлении министр иностранных дел Австро-Венгрии выразил надежду, что с изменением карты Балканского полуострова наступит новая эра во взаимоотношениях между его страной и балканскими государствами – «эра тесного и живого хозяйственного обмена, взаимного доверия и дружбы».

Мы окажем лучшую услугу этой эволюции, если мы беспрерывно будем укрепляться в политическом смысле, будем находиться постоянно в боевой готовности и не будем вдаваться ни в какие заблуждения относительно того, что только дружная согласная работа и готовность на жертвы может нам обеспечить могущество и уважение в час опасности, а равно спокойствие и веру в себя. Тогда мы сможем беспрепятственно использовать блага мира в видах хозяйственного и культурного развития, а также устранить весь тот экономический ущерб, который вполне естественно произошел вследствие наступившего у наших границ исторического переворота»³⁸.

Данная речь министра иностранных дел Австро-Венгрии, призванная проанализировать внешнюю политику монархии в период Балканского кризиса и наметить основные направления ее будущего внешнеполитического курса в изменившихся условиях, была неоднозначно, но во многом и негативно, встречена в политических кругах и средствах массовой информации как самой Австро-Венгрии, так и других государств. В то время, как орган влиятельной политической группировки эрцгерцога Франца-Фердинанда газета «Райхспост» дала в целом положительную оценку выступлению Берхтольда и выразила свою поддержку содержащимся в нем идеям³⁹, венский правительственный орган газета «Нойе фрайе прессе» указала в этой связи, что «редко бывало, чтобы какой-либо министр после столь продолжительного и решительного кризиса так много говорил и тем не менее ничего определенного не сказал»⁴⁰.

Еще более категорически высказалась в своей передовой статье под заголовком «Несерьезно» газета «Цайт», подчеркнувшая, что «речь министра иностранных дел может послужить очень интересным памятником, в смысле показа интеллектуального уровня руководителей австро-венгерской внешней политики», продемонстрировав полное отсутствие у него здравых мыслей⁴¹.

С мнением большинства австро-венгерских печатных органов солидаризировалась и влиятельная французская газета «Сьекль», охарактеризовавшая выступление Берхтольда как «документ, преисполненный показного оптимизма». По ее словам, «граф видно предпочитает обходить молчанием сделанные ошибки, нежели снискивать для себя оправдания»⁴².

Различные и порой прямо противоположные оценки звучали и в выступлениях депутатов, принявших участие в прениях по бюджету министерства иностранных дел Австро-Венгрии. Так,

11 декабря 1913 г., выступая на заседании австрийской делегации, депутат Чайковский подчеркнул огромное значение положения Австро-Венгрии как великой державы и признал успехи австро-венгерской дипломатии, выразившиеся, по его мнению, в первую очередь в создании самостоятельной Албании. Далее в своем выступлении он отметил, что «одобренное Европой объявление самостоятельности Албании не могло не произвести глубокого впечатления на польский народ. За нас говорят наши традиции и численная сила и, тем не менее, только в Австрии мы встречаем признание нашей национальной индивидуальности и защиту наших прав»⁴³. По мнению же сербского депутата доктора Д. Бальяка из Задара, Австро-Венгрии, «следует не только из экономических, но также и из национальных причин, ввиду большого числа хорватов и сербов в наших южных землях, поддерживать добрые отношения с Сербией и Черногорией»⁴⁴. Он выразил сожаление по поводу той политики, которую министерство иностранных дел Австро-Венгрии проводит по отношению к этим государствам, и которая «разве только соответствует политике, преследуемой по отношению к местным хорватам и сербам»⁴⁵. В связи с этим, по его мнению, в интересах самой монархии необходимо коренное изменение указанной политики⁴⁶.

В тот же день на пленарном заседании венгерской делегации, посвященном обсуждению того же вопроса, член Партии независимости А. Аппоньи указал, что заявление Берхтольда о сохранении статус-кво ни в коем случае не может быть названо невинной вещью, а, напротив, являлось ясно выраженной угрозой. По его словам, внезапный отказ от статус-кво весьма сильно повредил престижу Австро-Венгрии в глазах балканских государств; кроме того, «было заплачено слишком дорого за создание нежизнеспособной Албании»⁴⁷.

Оратор подчеркнул, что он всегда был горячим сторонником Тройственного союза и союзнических отношений с Италией. Создание же Албании способно породить возможность столкновения внешнеполитических интересов двух стран⁴⁸.

Одновременно бывший австро-венгерский министр-президент барон Бек заявил в Вене 11 декабря 1913 г., что доброжелательная политика Австро-Венгрии по отношению к балканским государствам всегда имела более бескорыстный характер, нежели доброжелательство России. В своем выступлении он отметил, что создание самостоятельной Албании представляет собой внешнеполитический успех Австро-Венгрии, в связи с чем между ней и

Италией может быть достигнуто соглашение по вопросу об Адриатическом море. Говоря о балканской политике Австро-Венгрии, Бек подчеркнул, что ее роль в делах данного региона «является и на будущее время столь же мирной, какой она была раньше. Мы горячо желаем политической, экономической и культурной независимости балканских государств и должны завоевать их дружбу. Никакая другая держава не должна иметь преобладающее влияние на Балканах. Важнейшей предпосылкой нашей восточной политики является Тройственный союз. Тройственный союз есть лучшая гарантия мира»⁴⁹.

Коснувшись влияния балканских событий на положение югославянских народов, проживающих на территории Австро-Венгрии, оратор указал на первоочередную необходимость окончательного разрешения национальных вопросов как в Австрии, так и в Венгрии, которые, в результате указанных событий, получили особую остроту. Это, по его мнению, особенно важно, ибо продуманная национальная политика монархии должна служить предпосылкой внешней политики Австро-Венгрии на восточном направлении⁵⁰.

С другой стороны, по мнению чешского радикала В. Клофача, внешняя политика Австро-Венгрии представляла собой нечто иное, как сожжение собственной, притом не застрахованной, риги. Он подчеркнул, что, если правительство Вены своевременно не осуществит радикальных изменений во внешней политике и внутреннем государственном устройстве, то страна неизбежно придет к всеобщей экономической катастрофе⁵¹.

Неутешительные прогнозы Клофача подтверждались тревожной статистикой. Как явствовало из экономического обзора Австро-Венгрии за 1913 г., подготовленного российским генеральным консулом в Вене Молавиным в начале 1914 г., в результате последнего балканского кризиса, потребовавшего от австро-венгерского правительства преимущественного внимания к вопросам внешней политики монархии в ущерб экономической стратегии, эмиграция из Австро-Венгрии составила в 1913 г. около 350 000 человек, покинувших страну (в первую очередь, Галицию) вследствие неблагоприятных последствий войны, усугубившихся случившимся неурожаем. Кроме того, из-за обострения обстановки на Балканах, за предшествующие два года значительно сократился австро-венгерский экспорт в страны этого региона, при одновременном укреплении в них экономических позиций Германии. В частности, австро-венгерские металлургические заводы

лишились ожидавшегося ими крупного заказа со стороны Сербии на поставку в эту страну железнодорожных рельсов, которая была поручена французским предприятиям при посредничестве соответствующей берлинской фирмы⁵².

Такова была в самых общих чертах расстановка сил во взаимоотношениях Сербии и Австро-Венгрии накануне начала Первой мировой войны. По многим направлениям она носила четкие конфликтные признаки. Однако данные признаки по своему составу и накалу сами по себе не могут считаться причинами общеевропейского военного пожара. «Балканские» корни первой мировой войны существовали в контексте противоречий между самими великими державами, и именно противостояние Антанты и Тройственного союза и «запустило» механизм первой общеевропейской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Dusseldorf, 1962. S.792.

² *Машикин М.Н.* Колониальные цели кайзеровской Германии в 1918 г. // Вестник Московского Государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 5. С. 51.

³ Подробнее см.: *Clark Ch.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. Harper, 2013.

⁴ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014. С. 46–47.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ *Киган Дж.* Первая мировая война. М., 2004. С. 77.

⁷ Первая мировая война и судьбы... С. 65.

⁸ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 237–238.

⁹ В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 28.

¹⁰ *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 253.

¹¹ Имелась в виду, в частности, статья XXXV, гласившая следующее: «В Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо... правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и

никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 197).

¹² Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 531. Л. 315, 317.

¹⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 337.

¹⁵ Там же. Д. 75. Л. 157.

¹⁶ Документи о спољној политици Краљевине Србије. Т. VI. Св. 3. Београд, 1986. С. 294–295.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 332. Л. 129.

¹⁸ Там же. Д. 531. Л. 340. Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании послов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как признавался в беседе с российским посланником в Белграде Пашич, «в виду топографического характера местностей работы Комиссии могут затянуться на многие месяцы, в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11). В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав Комиссии входили шесть делегатов – по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также из-за наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению (подробнее см.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530, 531).

¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 340.

²⁰ Там же. Л. 343.

²¹ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 278. Л. 2.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 1.

- ²⁴ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3392. Л. 66, 70.
- ²⁵ Там же. Л. 70.
- ²⁶ Там же. Л. 70–71.
- ²⁷ Там же. Л. 71.
- ²⁸ Там же. Д. 530. Л. 171, 180 а.
- ²⁹ Там же. Л. 163.
- ³⁰ Там же. Д. 531. Л. 350.
- ³¹ Там же. Д. 3392. Л. 37.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 38.
- ³⁵ Там же. Л. 38–39.
- ³⁶ Там же. Л. 41.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 41–42.
- ³⁹ Reichspost. 1913. 21. Nov.
- ⁴⁰ Neue Freie Presse. 1913. 21. Nov.
- ⁴¹ Zeit. 1913. 21. Nov.
- ⁴² Siècle. 1913. 21 Nov.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 159. Л. 49.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 278. Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Политархив. Оп. 482. Д. 3392. Л. 49.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Л. 50.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Л. 46.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Ф. Канцелярия. 1914. Оп. 470. Д. 159. Л. 2, 5.

Е.С. Скворцова (Москва)

Помощь российских дипломатов соотечественникам в начале Первой мировой войны

Несмотря на усилия Министерства иностранных дел России во главе с Сергеем Дмитриевичем Сазоновым предотвратить Первую мировую войну, она все же разразилась¹. Тысячи российских граждан, поехавших отдохнуть, лечиться, работать или путешествовать оказались застигнутыми войной вдали от родины. Паника, растерянность, отчаяние, горе охватили их. Первые мысли были о доме, о стране. Люди стремились как можно быстрее вернуться обратно.

Во всех тяжелых случаях на помощь соотечественникам всегда приходят сотрудники загранучреждений. Так было и в 1914 г. Очень много российских граждан нуждалось в помощи. Консульства в ряде стран перешли на усиленный режим работы с 8 до 22 часов. Нагрузка на дипломатов была колоссальной. Так, например, в генеральном консульстве в Вене работало в начале войны два человека – вице-консул и внештатный сотрудник, а соотечественников, обратившихся в консульство, было так много, что, как писал в своем донесении вице-консул в Вене Евгений Сергеевич Протопопов, «когда мне для частных переговоров с императорским послом приходилось покидать канцелярию, я мог это делать, лишь выбираясь через окно во двор и должен был тем же путем и возвращаться»². Причем, если иностранцы накануне войны перестали приезжать в Россию, то «наши соотечественники с непонятною беспечностью все продолжали прибывать в пределы Австрийской империи, и так до самого дня объявления Австрией войны России»³.

В условиях военного времени перед загранучреждениями России встали следующие важнейшие задачи:

- содействие в возвращении на родину соотечественников и облегчение им условий возвращения;

- оказание им денежной помощи;
- наведение справок о родных, близких и их поиск;
- при необходимости, выдача документов, удостоверяющих личность.

Принимая во внимание сложную международную обстановку, генеральное консульство России в Вене после объявления Австро-Венгрией войны Сербии, настойчиво рекомендовало соотечественникам немедленно возвращаться в Россию и выдавало пособия на обратный проезд нуждающимся. «Благодаря этому, за период десяти дней до официального разрыва наших сношений с Австрией, многим сотням наших соотечественников удалось избежать ужасов вражеского плена»⁴.

Здесь же заметим, что российские дипломатические представители в Австро-Венгрии взяли на себя защиту интересов и граждан Сербии. Генеральное консульство в Вене выдало 5000 крон нуждающимся, а вице-консул Е.С. Протопопов по поручению посла Николая Николаевича Шебеко посетил министра внутренних дел Австро-Венгрии и обсудил с ним вопросы отправления сербских женщин и детей на родину⁵.

С момента объявления Германией войны России в Австро-Венгрии начались аресты российских граждан. Протесты посольства цели не достигали⁶. Всем, кто мог и хотел уехать на родину, но не имел средств, генеральное консульство в Вене выдавало талоны на получение на вокзале билетов до российской границы⁷. Попытка посла России в Австро-Венгрии при отъезде посольства и консульства из этой страны вывезти в железнодорожном составе из 11 вагонов как можно больше российских граждан не увенчалась успехом. Несмотря на то, что список желающих уехать был одобрен Министерством иностранных дел Австро-Венгрии, к моменту отъезда полиция задержала всех перечисленных в нем лиц, в связи с чем с дипломатическим составом смогли выехать только четверо россиян⁸.

Для возвращения граждан на родину дипломаты уточняли способ проезда в Россию, но не могли гарантировать безопасность в пути. Так, например, посольство России во Франции «вошло в сношения с норвежской и шведской миссиями в Париже и в телеграфные сообщения с Лондоном и Римом»⁹.

После прекращения единственного пассажирского сообщения с Россией через Або¹⁰, миссия в Стокгольме договорилась с правительством Швеции о железнодорожном сообщении с Россией на Карунги – Торнио. Не имея необходимых средств и возможности

получения денег в банках в первые дни войны, миссия обратилась к управлению шведских железных дорог с просьбой о предоставлении бесплатного проезда до Торнио¹¹. Для российских граждан бесплатно было выделено помещение в казармах, работало несколько пунктов по выдаче питания на дорогу, а больных, прибывших из Германии, отправляли в больницу¹².

Желающих поехать на Торнио было так много, что отправить всех по железной дороге не могли. Поэтому было установлено пароходное сообщение из Стокгольма на Раума. Причем официальные лица и мужчины от 17 до 45 лет направлялись сухопутным путем на Торнио, остальные – морем на Раума, из-за угрозы остановки пароходов германскими военными судами¹³. Был установлен еще один путь из Засница и Мальмё на Гёфле, а дальше на пароходе в Раума.

В Венеции дипломаты договорились с двумя гостиницами, которые в долг по карточкам консульства содержали российских граждан, а долг оплачивался консульством¹⁴.

В Салоники прибыло пять пароходов Добровольного флота и Русского общества пароходства и торговли, зафрахтованных Министерством иностранных дел, для вывоза соотечественников. В Салониках генеральный консул Виктор Федорович Каль разместил ожидающих отъезда на стоящий на рейде пароход «Императрица Екатерина II», где было недорогое питание. Число возвращающихся через эту страну российских граждан к началу 1915 г. составило до 15 тыс. человек¹⁵.

Большое количество соотечественников направлялось в Россию через Бухарест. Миссии удалось договориться с управлением румынских железных дорог о 50% скидке для россиян, возвращавшихся домой¹⁶. Такую же скидку предоставляли болгарские железные дороги, а сербские перевозили российских граждан бесплатно¹⁷.

Как прослеживается во многих консульских отчетах, представители загранучреждений присутствовали при отправлении и прибытии поездов и пароходов, даже если там ехали всего два-три российских подданных.¹⁸ Консульские работники помогали российским гражданам в качестве переводчиков, решали таможенные вопросы, подключались к поиску багажа или владельцев багажа, размещали прибывших.

В начале войны все российские граждане, находящиеся за границей, оказались в крайне затруднительном финансовом положении. Даже те, кто имел аккредитивы или наличные деньги, не мог-

ли воспользоваться ими, т.к. банки отказывались выдавать деньги по русским чекам и аккредитивам, производить обмен или производили его по крайне невыгодному курсу. Поэтому загранучреждения оказывали денежную помощь в виде:

- выдачи ссуд, подлежащих возвращению, и безвозвратных пособий;
- обмена денег;
- выдачи денег, переводимых через Министерство иностранных дел, от родственников или учреждений.

На все перечисленные операции Министерство иностранных дел было уполномочено положениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г.¹⁹.

В союзных или нейтральных странах деньги выдавались российскими дипломатами, в Германии и Австро-Венгрии, за исключением Будапешта, – испанскими, в самом Будапеште – американскими, в Турции – итальянскими и частью американскими, в Болгарии – нидерландскими представителями²⁰.

Министерство иностранных дел переводило деньги российским гражданам, оказавшимся за границей, от их родственников или учреждений, которые вносили определенные суммы в Первый департамент МИД. Департамент сообщал загранучреждениям о выдаче адресатам сумм в иностранной валюте по курсу, установленному Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов. Выдача производилась за счет специальных кредитов, открытых Кредитной канцелярией загранучреждениям в местных банках²¹.

Денежные ссуды выдавались российским гражданам, имеющим доход на родине и желающим как можно быстрее уехать домой, не дожидаясь получения денег. В загранпаспорте делалась запись, а в России, при обмене загранпаспорта на внутренний, ссуды подлежали возврату. Ссуды могли выдавать под залог ценностей и под пенсии²². Списки должников передавались губернаторами Первому департаменту МИД и в Казенные палаты. Взыскание ссуд было возложено на Казенные палаты.

Министерство иностранных дел оказывало финансовую помощь для проживания за границей тем, кто не мог вернуться на родину: принудительно задерживаемым в неприятельских странах в качестве военнообязанных, больным гражданам²³.

Для отправления на родину выдавались и безвозвратные кредиты неимущим, больным людям.

Тем российским гражданам, кто имел деньги, заграничные учреждения производили их обмен по тому же курсу, что и перевод денежных сумм. Так, например, в самом начале войны в Бельгии «по настоянию посланника Брюссельское отделение Петроградского Международного коммерческого банка согласилось выдавать 200 франков за сто рублей, но лишь на основании выдаваемых консульством удостоверений о том, что предъявитель – русский подданный и заслуживает просимого содействия банка, причем принималось не больше ста рублей от каждого отдельного лица. Находя эту операцию для себя невыгодной, некоторые русские подданные вносили русские деньги с оговоркой, что они оставляют за собой право впоследствии выкупить деньги из отделения банка по тому же курсу; на это банк соглашался и выдавал соответствующие расписки с тем, однако, что в таком случае банку будут причитаться проценты за выданную сумму»²⁴.

Сотрудники заграничных учреждений нередко вносили свои личные средства, чтобы содействовать отправлению людей домой²⁵. Чтобы помощь российским гражданам была более эффективной, дипломаты привлекали к работе с соотечественниками благотворительные организации или входили в их состав. Так, проживающие в Брюсселе российские граждане создали организацию для помощи соотечественникам, избрали комитет и предложили миссии и консульству России в Брюсселе свою помощь. Миссия предоставила денежные средства комитету (полученные от частных пожертвований) для устройства ночлежного дома и столовой. Комитет взял «на себя попечение о всех неимущих русских подданных», консульство выдавало только купоны на проезд в Лондон и Париж²⁶.

В Дании было создано при церкви миссии Попечительство о бедных русских подданных, в которое вошли члены миссии, священник и некоторые датчане. Почетным председателем Попечительства был посланник миссии. Попечительство открыло временный приют для российских граждан, а так же размещало их до отъезда на родину в богадельне и приюте «Армии Спасения», организовало бесплатные обеды от «Общества кухни датских женщин», привлекало частных лиц к денежным пожертвованиям, размещало российских граждан в частных домах бесплатно, в гостиницах – договариваясь о предоставлении кредита²⁷.

Во Франции был создан Комитет для выдачи пособий, подлежащих возврату, под председательством бывшего секретаря посольства князя В.Н. Аргутинского-Долгорукова и Благотворитель-

ное общество под председательством супруги посла России во Франции М.К. Извольской, которое оказывало помощь по предоставлению пособий нуждающимся российским гражданам²⁸. Посольство передало Благотворительному обществу для раздачи пособий 27 500 франков, и Комитет раздал 21 000 франков²⁹.

Сотрудники генерального консульства России в Великобритании активно участвовали в частных учреждениях в пользу соотечественников, как, например, в Британском комитете для оказания помощи русским, спасающимся от войны (The Anglo-Russian Committee for the Assistance of Russian Refugees), в Комитете для военных беженцев (War Refugees Committee) и в Русском благотворительном фонде (Russian Benevolent Fund)³⁰.

К февралю 1915 г. общая сумма открытых в 16 странах кредитов составила 7 221 539 рублей. Распределение этой суммы по странам было следующим:

- Австро-Венгрия – 886 687 крон – 349 088 рублей;
- Великобритания – 31 000 ф. ст. – 293 167 рублей;
- Германия – 4 867 617 марок – 2 253 219 рублей;
- Франция – 2 200 000 франков;
- Бельгия – 225 000 франков;
- Греция – 450 000 франков;
- Италия – 1 000 000 франков;
- Испания – 90 000 франков – 3 009 906 рублей;
- Португалия – 25 000 франков;
- Румыния – 95 000 франков;
- Швейцария 3 941 417 франков;
- Дания – 1 000 000 крон;
- Норвегия – 125 000 крон;
- Швеция – 950 000 крон – 1 080 672 рублей;
- Нидерланды – 170 000 гульденов – 132 787 рублей;
- Египет – 102 700 рублей³¹.

К началу 1915 г. было возвращено приблизительно 3,5 млн рублей³². В Министерство иностранных дел стали поступать многочисленные просьбы от лиц, получивших за границей ссуды, об их отсрочке и даже списании³³.

В письме 13 апреля 1915 г. в Совет министров министр иностранных дел С.Д. Сазонов просил открыть Министерству иностранных дел чрезвычайный сверхсметный, за счет наличных средств государственного казначейства, кредит в размере трехсот пятидесяти тысяч рублей на оказание помощи русским подданным за границей³⁴. 4 декабря 1915 г. Сазонов опять просил Совет

министров выделить Министерству иностранных дел чрезвычайный сверхсметный кредит в размере 445 тыс. рублей³⁵. Представители Министерства финансов и Государственного контроля возражали против этого, полагая, что за «15 месяцев с начала войны, русские подданные, застигнутые войной за границей, имели возможность вернуться в Россию, задержанные же во вражеских странах военнообязанные содержатся в концентрационных лагерях и не пользуются пособиями от Министерства иностранных дел»³⁶. С.Д. Сазонов убеждал, обосновывая свои просьбы следующими аргументами: «Застигнутые войной в неприятельских странах, русские подданные далеко не все и не отовсюду имели возможность, за истекшие 15 месяцев с начала военных действий, вернуться на родину. Если в Германии и Австро-Венгрии принудительно задерживались, в качестве военнопленных, определенные категории лиц, то в Турции подверглись задержанию поголовно все русские подданные. Лишь часть бежала, преимущественно из Палестины, в Египет. Для совершенно незначительного числа удалось добиться разрешения на выезд из турецких пределов. В Германии и Австро-Венгрии военнообязанные отчасти размещены в концентрационных лагерях. Но условия пребывания в них настолько невыносимы, что русским военнопленным императорским правительством признано необходимым оказывать посильную помощь из казны, и на нее ассигнуются значительные средства»³⁷. Помощь русским гражданам требовалась в нейтральных и союзных государствах. В Россию возвращались соотечественники из США, Канады, Аргентины и Бразилии. «Большая часть отправляется в путь без средств, оплатив лишь проезд и пропитание на пароходах до ближайшего транзитного порта. Нельзя таких возвращающихся в Россию людей оставлять без помощи на промежуточных этапах. Приходится озаботиться их прокормлением и отправкой далее по пути в Россию. Кроме эмигрантов, следует предусмотреть помощь и военнопленным нашим, убегающим из плена через Нидерланды и Швецию. Нуждаются в помощи по пути следования в Россию и высылаемые в последнее время из Германии некоторые категории русских подданных. В Швейцарии помощь необходима, лишившимся получений из России, по случаю войны, больным, престарелым людям и детям, для которых не представляется возможным трудный путь в Россию. В Египте сосредоточились бедствующие беженцы наши из Турции. Возвращение их в Россию, с закрытием Салоник, крайне затруднительно и потребовало бы весьма крупных расходов.

Часть нашла заработки в Египте. Но имеется много неспособных, по преклонности лет или по болезни, к труду. И им приходится оказывать ту или иную материальную поддержку. В Греции нуждаются во вспомоществовании часть беженцев из Турции, ранее прибывших в Салоники, а равно неимущие русские подданные, попавшие в Грецию из Италии, Болгарии и Сербии»³⁸.

В заключении, хотелось бы обратить внимание на еще один очень важный аспект в работе с соотечественниками – информационный. Путь на родину для большинства российских граждан в условиях военного времени был очень тернистым. При возвращении домой приходилось переезжать из одной страны в другую. Родственные связи, разорванные войной, пытались восстанавливать с двух сторон: из России шли запросы от родственников, а из-за границы через консульства сообщали о нахождении российских граждан. Так, например, к февралю 1915 г. посольство во Франции ответило на 1040 запросов. Для этого посольство обращалось к местным властям, производило публикации в печати и по мере получения ответов оповещало заинтересованных лиц³⁹.

С начала военных действий во втором департаменте Министерства иностранных дел было создано Бюро справок для розыска за границей российских подданных. МИД издал пять выпусков со списками российских граждан, застигнутых войной за границей. Директор Второго департамента Министерства иностранных дел Альфред Карлович Бенгковский направлял эти документы губернаторам, прося использовать списки при обращении к ним за сведениями о соотечественниках, находящихся за границей⁴⁰.

Как видим, российские дипломаты делали все от них зависящее, чтобы облегчить тяжелое положение соотечественников, оказавшихся во время войны за границей, и способствовали их возвращению домой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Скворцова Е.С.* Деятельность министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова накануне Первой мировой войны // «Россия в Первой мировой войне: Балканский аспект. Итоги и перспективы». Материалы Международной научной конференции. Тула, 2013. С. 88–95.

² Известия Министерства иностранных дел. Пг., 1915. Кн. II. С. 56 (Далее – «Известия МИД»).

³ Там же. С. 53.

⁴ Известия МИД, 1915. Кн. II. С. 53.

- ⁵ Там же. С. 53, 55.
- ⁶ Там же. С. 56.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Известия МИД, 1915. Кн. II. С. 57.
- ⁹ Там же. С. 135.
- ¹⁰ Або – шведское название финляндского города Турку.
- ¹¹ Известия МИД, 1915. Кн. II. С. 142. В 1915 г. было заплачено по счетам шведских железных дорог за провоз возвращающихся на родину русских подданных 22 451 руб. – АВПРИ. Ф.159. Оп. 664/1. Д. 229. Л. 2.
- ¹² Известия МИД, 1915. Кн. II. С. 142.
- ¹³ Там же. С. 143.
- ¹⁴ Известия МИД, 1915. Кн. II. С. 108.
- ¹⁵ Там же. С. 74.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Там же. С. 72.
- ¹⁸ Там же. С. 62, 63, 75, 88, 120, 123, 128.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 726. Д. 163. Л. 2 об.
- ²⁰ Там же. Оп. 664/1. Д. 229. Л. 1.
- ²¹ Там же. Оп. 726. Д. 163. Л. 1 об, 2.
- ²² Там же. Л. 6.
- ²³ Там же. Оп. 664/1. Д. 229. Л. 1.
- ²⁴ Известия МИД, 1915. Кн. II. С. 64–65.
- ²⁵ Там же. С. 73, 85, 110.
- ²⁶ Там же. С. 66–67.
- ²⁷ Там же. С. 79.
- ²⁸ Там же. С. 134.
- ²⁹ Там же. С. 138.
- ³⁰ Там же. С. 138. 1915. Кн. IV. С. 172. (В источнике употреблен термин «беглецов», а его англ. оригинал в ед. числе – «refugee»).
- ³¹ АВПРИ. Ф.159. Оп. 726. Д. 163. Л. 2 об, 3.
- ³² Там же. Л. 4.
- ³³ Там же. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Д. 64. Л. 28.
- ³⁵ Там же. Оп. 664/1. Д. 229. Л. 3 об.
- ³⁶ Там же. Л. 2 об.
- ³⁷ Там же. Л. 2 об, 3.
- ³⁸ Там же. Л. 3.
- ³⁹ Известия МИД, 1915. Кн. II. С. 140–141.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 709. Д. 2216. Л. 38–38 об.

В.В. Котов (Москва)

Чешское сокольство накануне и в начале Первой мировой войны

Начавшаяся 100 лет тому назад Первая мировая война стала вехой в мировой истории и изменила жизнь почти во всех частях света, в том числе и в чешских землях, входивших в состав Австро-Венгрии. В связи с началом войны попробуем проанализировать деятельность одной из самых массовых чешских организаций, Чешского Сокольского союза (ЧСС), в состав которого накануне войны входило 1180 обществ и 128 097 членов¹.

Исследователи Первой мировой войны в чешских землях, преодолевая сохраняющийся гипертрофированный интерес к т.н. «чешскому вопросу» и образованию Чехословакии², пришли в последние годы к ряду интересных выводов³. На наш взгляд, одной из перспективных задач остаётся создание фундаментальной работы о сокольстве в этот особый период чешской истории. Существуют отдельные работы по данной тематике, в частности, была начата разработка таких проблем как сокольский слёт⁴ в Брно в июле 1914 г.⁵, участие «соколов» в легионерском движении⁶ и событиях 28 октября 1918 г.⁷ Однако большинство обобщающих работ о сокольстве обрывается 1914 г. или же ограничивается лишь кратким описанием событий военных лет⁸. Современные представления об этих проблемах во многом сформированы послевоенной сокольской публицистикой, подчёркивавшей, в условиях вновь образованного государства, антиавстрийскую деятельность «соколов»⁹. 100-летняя годовщина с начала Первой мировой войны может послужить новым творческим импульсом для историков.

В этой связи интересно обратиться к кануну и начальному периоду войны, когда лишь постепенно становилось ясно, что эта война не будет похожа ни на одну другую в силу своего тотального характера¹⁰. Восстановить историю сокольства в этот пери-

од позволяют материалы Моравского земского архива в Брно и Отдела истории физической культуры и спорта Национального музея Чешской Республики, а также ряд других дошедших до нас источников. В первую очередь нас интересуют как сами события лета 1914 г., чешский военный и тыловой опыт, так и свойственные этому периоду представления о чешской и немецкой нациях и их взаимоотношениях, а также эволюция этих представлений в дальнейшем¹¹.

К 1914 г. ни одна другая организация не могла сравниться с ЧСС по своему мобилизационному потенциалу, хотя сокольство давно утратило монополию в развитии спорта среди чешской нации и принцип «что ни чех – то сокол», выдвинутый основателем движения Мирославом Тыршем¹², не был претворён в жизнь. Со времён появления в 1862 г. сокольства и прихода в регион немецкого движения «Турнферайн», в чешских землях возникли также католические («Орёл»), рабочие, еврейские и иные спортивные общества. Ещё одним сдерживающим развитие движения фактором было то, что к началу «Великой войны» в чешском обществе уже давно завершился процесс политической дифференциации, разделение в обществе проходило отнюдь не только по линии чешско-немецкого разлома¹³. Ярким свидетельством партийного размежевания является ничем, впрочем, не закончившийся мартовский инцидент, когда руководство партии национальных социалистов вопреки другой установке Тырша «наше дело – не для партий, но для всей чешской нации»¹⁴ призвало начать обсуждение возможного выхода своих членов из ЧСС, якобы управляемого «младочехами», т.е. представителями Национальной партии свободомыслящих¹⁵. Особенно велико было неприятие сокольства среди католиков: так, газета «Чех» («Čech») язвительно называла «Сокол» филиалом антиклерикальной организации «Вольная мысль»¹⁶.

С 1906 г. ЧСС возглавлял адвокат Йозеф Шейнер (1861–1932)¹⁷, он же в 1908 г. стал старостой нового Союза славянского сокольства (ССС)¹⁸. Организация была призвана объединить «соколов» всех славянских земель, однако в итоге, несмотря на определённые успехи на волне неославизма, стала ареной русско-польского противостояния, местом решения украинского и русинского вопросов и сербо-болгарских трений¹⁹. Успешной демонстрацией силы чешского сокольства стал шестой Всесокольский слёт или же Первый слёт славянского сокольства 1912 г.²⁰, попавший в центр внимания всей мировой прессы²¹.

Ещё не зная, что принесёт миру 1914 г., один из авторов «Сокольского бюллетеня»²² провожал 1913 г. со смешанными чувствами, с одной стороны, его огорчали ход и итоги Второй Балканской войны и внутривосточная ситуация в чешских землях, с другой, – он позитивно оценивал результаты работы «соколов» (успешный слёт в Остраве и победы в международных соревнованиях) и находился в предвкушении слётов в Брно и Любляне²³. Особым событием должно было стать также участие в готовящемся слёте в России, намеченном на июль²⁴. Для слёта были подготовлены вольные упражнения и музыка²⁵, однако он был отложен из-за отсутствия поддержки со стороны государства²⁶.

О стремлении поставить занятия на научную основу свидетельствовали результаты работы отдельной секции Пятого съезда чешских естествоиспытателей и врачей в Праге, посвящённой физическому воспитанию в конце мая 1914 г.²⁷

Уже в 1914 г. во всю шла подготовка «соколов» к наступавшему через год 500-летию со дня смерти Яна Гуса (6 июля 1415 г.)²⁸, однако война внесла свои коррективы в масштаб этих празднеств²⁹. В июле же 1914 г. в противостоящих католическому «Орлу» сокольских обществах был прочитан ряд лекций, распространялись печатные издания (в том числе историка Йозефа Пекаржа)³⁰, а также была организована специальная двухдневная «Школа Гуса», в работе которой принял участие другой историк и будущий министр иностранных дел ЧСР Камил Крофта³¹. «Соколы» участвовали в финансировании создания знаменитого памятника Яну Гусу авторства Ладислава Шалоуна в Праге (1915 г.)³².

Ещё одним заметным для «соколов» событием лета 1914 г. стал 60-летний юбилей Ренаты Тыршовой (31 июля), жены Мирослава Тырша и дочери еще одного основателя движения, Йндржиха Фигнера³³. Используя каждую памятную дату для своих пропагандистских целей, «соколы» готовились отметить 8 августа 30-летие со дня смерти Тырша³⁴.

Убийство австрийского эрцгерцога Франца–Фердинанда и его супруги, графини Софии Хотек, 28 июня 1914 г. в Сараево совпало с началом сокольского слёта в Брно, по своему значению не уступавшему готовившимся слётам в Словении и России и ставшему последней большой акцией чешских «соколов», которую они провели до образования Чехословакии. Слёт стал одним из проявлений чешско-немецкого противостояния в чешских землях, так как проведение такой масштабной акции за пределами Праги являлось демонстрацией мощи ЧСР. Как образно писал один из со-

кольских публицистов, «праздничный шум внезапно был прерван резким скрипом колёс истории, ужасным звуком, от которого сердце человека тревожно сжимается»³⁵. В последующие дни ЧСС принял решение отменить лишь увеселительные мероприятия, в отличие от «серьёзных», вроде публичных выступлений, съездов и т.д.³⁶.

В свете сербофобии, вспыхнувшей в Австро-Венгрии после событий 28 июня³⁷, проведение вышеупомянутого слёта в Любляне стало невозможным³⁸. Слёт словенских «соколов» был назначен на 15–17 августа³⁹, в его подготовке участвовали ведущие местные политические деятели, в том числе Иван Тавчар, Петер Грасселли и Лука Светец⁴⁰. Чехи вели серьёзную подготовку к слёту, была организована школа словенского языка в Праге, в сокольской периодике излагалась народная легенда о словенском заступнике, короле Матьяже (Матиаше Корвине), чью роль решили взять на себя «соколы»⁴¹, формировались поезда из Праги в Любляну⁴². Праздник 50-летия словенского сокольства⁴³ был, однако, отменён в середине июня, в отличие от съезда местного католического «Орла»⁴⁴. Подобное произошло и за год до того⁴⁵, причём в чешской прессе утверждалось, что в обоих случаях решающую роль сыграло возможное участие в слёте сербских «соколов»⁴⁶. Непосредственным поводом для отмены слета, по мнению одного из журналистов петербургского «Нового времени», стало участие словенских общественных деятелей, в том числе и «соколов», в открытии памятника писателю Досифею Обрадовичу 27 мая в Белграде⁴⁷. Однако, определённая надежда на проведение слёта, хотя бы в урезанном масштабе, сохранялась⁴⁸, так как на его подготовку было затрачено более 100 000 австро-венгерских крон⁴⁹. Но дальнейшее развитие событий сделало это невозможным⁵⁰.

Отмена слёта была воспринята как удар по всему сокольству⁵¹ и означала, что напряжённая внешнеполитическая ситуация начала негативно влиять на отношение государства к сокольству. Последний посол Австро-Венгрии в США, Константин Теодор Думба, опубликовавший летом 1914 г. статью «Почему Австрия находится в состоянии войны с Россией», писал, что «многочисленные сокольские слёты в и за пределами монархии [Габсбургов. – В.К.] были внешними признаками интенсивного характера постоянной опасной агитации» России⁵², страны «в высшей степени реакционной в своей внутренней политике и в высшей степени революционной во внешней»⁵³. На реальные планы российской дипломатии относительно чехов проливают свет воспоминания

Йозефа Шейнера о состоявшемся во время его визита в Россию весной 1914 г. диалоге с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, который якобы заявил: «Вы – интересный народ, однако у нас нет к вам никакого особого интереса. Не рассчитывайте на нас, вы не фигурируете в наших военных планах». Шейнер рассказал об этой беседе лишь в 1926 г., на что Карел Крамарж ответил, что несомненной обязанностью любого дипломата является не раскрывать истинные планы своего государства⁵⁴. В своих вышедших в 1927 г. воспоминаниях Сазонов, с одной стороны, отвергал реальность существования «панславизма» как «политической формулы, которой прикрывалась честолюбивая политика России, мечтавшей объединить под своей властью все славянские народы», но, с другой стороны, утверждал, что «Россия отдавала себе отчёт, что в славянах Австро-Венгрии она находила драгоценных союзников в борьбе с германизмом в лице Империй Гогенцоллернов и Габсбургов», и что «навряд ли был в Европе народ, который имел более прав на свободу, чем чехи»⁵⁵.

Негативное отношение государства к чешскому сокольству было вызвано также активными связями с гимнастами из Франции, страны-участницы Антанты⁵⁶: в начале июля 1914 г. пльзенские и пражские «соколы» встречали у себя русских офицеров во главе с осевшим в России Франтишеском Эрбеном, принявших участие в соревнованиях в Ренне⁵⁷, однако сами чешские спортсмены также не раз посещали мероприятия своих западных коллег (например, в Нанси в 1892⁵⁸ и 1893 гг.⁵⁹ и в Париже в 1913 г.⁶⁰) и всегда ожидали их на своих слётах⁶¹. Впрочем, главной причиной недовольства Вены всё же была деятельность этой организации непосредственно во вражеской Сербии. Сокольство презентовало себя как национальную чешскую и славянскую организацию, однако степень нелояльности чешских «соколов» к политическому режиму Австро-Венгрии часто преувеличивалась, чтобы было вызвано, в том числе и контактами с сербами.

В многочисленных официальных заявлениях австрийской дипломатии накануне войны содержится информация о связях между сербскими «соколами», «Народной обороной», стрелковыми обществами⁶² и другими спортивными организациями⁶³, а также распространении ими агрессивной националистической пропаганды. В частности, в имевшем широкое хождение «сербском досье», т.е. сборнике документов австрийского внешнеполитического ведомства об агрессивной политике королевства Карагеоргиевичей⁶⁴, цитируются следующие заявления сербских «соко-

лов»: «наша главная цель... – это подготовка к борьбе с опасным, бессердечным, бесстыдным, полным ненависти и жадным врагом на севере,... отбирающим у миллионов сербских братьев их права и свободу и держащим их в рабстве и цепях»⁶⁵; «братья в Боснии... не забыты, крылья «соколов» Шумадии всё ещё сильны»⁶⁶. Особое беспокойство вызывали связи сербских «соколов» и соколов из Австро-Венгрии: австрийская «Красная книга», сборник дипломатических документов, подобный российским «Малиновой» и «Оранжевым» книгам, сообщает, что «сербские “соколы” и их друзья распространяют разрушительные идеи среди обманутых и сбитых с толку людей в монархии»⁶⁷.

В этой связи следует также упомянуть, что в 1914 г. ещё были свежи воспоминания о знаменитом Аграмском (Загребском) судебном процессе 1908–1909 г., в котором 53 серба, в том числе и члены сербских соколовских обществ в Хорватии, обвинялись в государственной измене на основе секретных документов. Защищавший их Т.Г. Масарик в результате стал весьма популярным⁶⁸.

Чешским «соколам» было хорошо известно о настороженном отношении австрийских властей к межславянским связям и неославистскому движению, поэтому с началом войны сразу же был уничтожен ряд писем, приветствий и иных документов, связанных с Всеславянским слётом 1912 г.⁶⁹. Ряд источников, при этом, позволяет предполагать, что отношение властей к антироссийски настроенному польскому и украинскому соколовству было более благосклонным⁷⁰. Это не удивительно, учитывая, что польские и украинские «соколы» в годы войны приняли участие в боевых действиях на стороне Центральных держав⁷¹.

25–26 июля в день святой Анны началась мобилизация⁷², а 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Ее начало сопровождалось ограничением ряда прав и свобод граждан, введением военной цензуры и новых обязанностей и общим ужесточением правового режима, развернулась шпиономания. Прошли уличные демонстрации в поддержку союза монархии Габсбургов и Германской империи. Если в 1866 г. была «война немцев против немцев», в 1914 г. уже ряд чехов решал моральную дилемму идти ли на войну против «славянских братьев»⁷³. Антивоенные и прорусские демонстрации и действия вели к жестким репрессиям⁷⁴.

Как вспоминал оломоуцкий «сокол» Франтишек Шмида, несмотря на то, что большинство испытывало симпатии к Сербии, чехи послушно уходили в армию. При этом следует учитывать и проявившееся у молодых людей «влечение к далёким странам».

Никакого массового сопротивления, о котором писали в послевоенной литературе, он не наблюдал, так как «никто не хотел рисковать своей жизнью из-за чистого упрямства», и поэтому жертвами репрессий были лишь те, кто вёл откровенные беседы в присутствии работников служб безопасности⁷⁵.

Как известно, с 21 декабря 1867 г. на территории Цислейтании, австрийской части дуалистической монархии, действовала т.н. «Декабрьская конституция», т.е. семь основных законов государства, которые не оставляли большого простора для критики военных действий чешскими политическими деятелями. В частности, отдельные статьи 5-го закона, гласили, что император, который «является главнокомандующим вооружёнными силами, объявляет войну и заключает мир... – священен, неприкосновенен и неподотчётен»⁷⁶.

В этой ситуации большинство чешских политических представителей после некоторых колебаний избрали оборонительную тактику «пассивного сопротивления», избегая открытой поддержки Австро-Венгрии⁷⁷. В подобном ключе была сформулирована и официальная позиция «Сокола», которая явно не давала оснований предполагать, что члены этой организации позднее станут активнейшими членами движения за государственную независимость, хотя из уст «соколов» не звучало и пожеланий победы австрийскому оружию.

В начале августа ЧСС призвал своих членов к благоразумию и спокойствию⁷⁸. Руководство организации выступило против того, чтобы запрет слёта в Любляне и чешско-немецкие столкновения в Брно использовались в политических целях⁷⁹. Затем руководство ЧСС выпустило специальное предупреждение о нежелательности в условиях действия военных судов «необдуманных высказываний» и «распространения ложной и внушающей тревогу информации»⁸⁰. В качестве реальной угрозы воспринимался роспуск организации⁸¹.

С начала войны следует различать официальную и подпольную деятельность «соколов», о последней, вероятно, было известно лишь узкому кругу лиц и поэтому она представлена в первичных письменных источниках лишь в малом объёме.

Наместник Богемии князь Франц Антон Тун в разговоре с Йозефом Шейнером в первые дни войны заявил ему, что на сокольство в Вене «косо смотрят»⁸². Пожалуй, у государства были на это определённые основания, так как в последствии Шейнер будет участвовать в подпольном сопротивлении, о чём свидетельствуют,

в том числе и донесения русского консула в Праге В.Г. Жуковского и агента В.П. Сватковского⁸³. Однако, масштабы этой деятельности в исследуемый нами период не стоит преувеличивать. Как вспоминал Т.Г. Масарик: «Восстания в Чехии мог ожидать только тот, кто не имел представления о положении дел»⁸⁴. Подробнее эту мысль развивал в 1919 г. главный инструктор ЧСС Йиндржих Ваничек, отвечая на чью-то критику по поводу того, что «соколы» не подняли восстания в самом начале войны: по его мнению, после подобного мятежа «от наших городов и деревень остались бы только дымящиеся руины», большими бы были и людские потери⁸⁵.

Из чешских политических деятелей за использование «соколов» в качестве вооруженной силы выступали Лев Борский и Вацлав Клофач. Борский, главный идеолог Чешской прогрессивной партии, в начале июля 1914 г. в разговоре со своим однопартийцем Алоисом Тучеком⁸⁶ предложил едва ли осуществимую на практике идею организовать сокольский слёт в Белграде и отправить туда большую чешскую делегацию, которая осталась бы там и стала основой чешской заграничной армии⁸⁷. Вацлав Клофач, лидер партии национальных социалистов, также как и Шейнер, посетил Россию в 1914 г. и контактировал с Жуковским по поводу создания разведывательной сети в чешских землях⁸⁸.

Квартира Шейнера стала одним из центров подпольной деятельности⁸⁹, а ее хозяин вместе с другими ведущими чешскими политиками участвовал в работе созданной позднее «Маффии», о чём свидетельствует в том числе и хрестоматийная «История Маффии» Милады Пауловой⁹⁰. Это секретное объединение занималось сбором разведанных, поддержкой связей с заграницей и пыталось предотвратить проявления оппортунизма в чешском политическом лагере⁹¹.

В основном следует говорить лишь о большом потенциале антиавстрийской деятельности «соколов» в этот период: например, есть сведения, что и Карел Крамарж, и Т.Г. Масарик и другие политики в своих ранних проектах рассчитывали на чешских «соколов» как на силу, которая возьмёт на себя военные и полицейские функции в случае скорого прихода русских войск из Галиции⁹².

Уезжая в Швейцарию, Масарик наставлял Эдуарда Бенеша, что вся дальнейшая деятельность должна осуществляться в сотрудничестве с Шейнером⁹³. Последний обещал Масарику финансовую поддержку его деятельности заграницей за счёт сокольских фондов, а также помощь американских сокольских обществ преследуемым австрийскими властями и их семьям⁹⁴. Вначале 1914 г.

на счетах ЧСС было около миллиона крон, тогда как к его концу осталось лишь около 40 000. Дело в том, что, опасаясь возможного закрытия, ЧСС отдал 1 сентября 1914 г. большую часть своих средств Пражскому городскому страховому обществу. Официально это было сделано с целью возможных выплат в страховом случае с любым членом ЧСС в период до конца 1915 г. В случае роспуска ЧСС страховой договор разрывался, и эти деньги должны были быть потрачены так, как решит специальный комитет, в который входили ведущие сокольские деятели во главе с Шейнером⁹⁵. В итоге, после состоявшегося через год роспуска ЧСС эти деньги действительно были использованы как на уставную, т.е. в тот момент официально запрещённую, сокольскую деятельность, так и на поддержку освободительной борьбы⁹⁶.

Однако, несмотря на участие части «соколов» в нелегальной деятельности, следует признать, что большая часть не призванных в армию «соколов» скорее занималась деятельностью, способствовавшей стабилизации обстановки в австро-венгерском тылу. Так, 25 августа руководство ЧСС выступило с призывом сформировать при сокольских обществах специальные комитеты для сбора средств, профилактики эпидемий, организации лазаретов, патрулирования улиц, трудоустройства безработных и заботы о семьях призывников⁹⁷.

Речь шла о централизации усилий по этим направлениям, так как сокольство занялось этими проблемами уже с первого дня войны, заявив о готовности предоставить гимнастические залы под лазареты для раненых. Это предложение было впоследствии успешно реализовано⁹⁸. Были организованы медицинские курсы для «соколов»⁹⁹. На обустройство лазаретов и проведение соответствующих работ была брошена вся организационная мощь огромной сети обществ, затрачено 50 000 австро-венгерских крон¹⁰⁰, и результаты не заставили себя ждать: к сентябрю 1914 г. появились четыре современно оснащённых лазарета в Праге и один в Брно, готовых принять 550 раненных. Они действовали под эгидой «Красного Креста». Медсестёры – «соколихи» обучались русскому, венгерскому и сербскому языкам¹⁰¹. К концу года число лазаретов достигло 55, другие сокольские здания стали использоваться для беженцев из Галиции и иных военных нужд¹⁰². Общая сумма потраченных на военную акцию средств осенью 1914 г. достигла полутора миллиона крон¹⁰³. Обо всём этом ежедневно сообщали чешские газеты, а сокольские лазареты можно было также видеть на многих открытках¹⁰⁴.

Мотивация «соколов» трактовалась по-разному. Ряд сокольских зданий был конфискован для военных целей¹⁰⁵, поэтому добровольная организация лазаретов могла быть истолкована и как попытка сохранить недвижимое имущество ЧСС. В своём интервью чешским газетам 20 сентября Йозеф Шейнер заявил, что «военная акция» сокольства не является каким-то временным манёвром, а отражает истинные задачи движения, идеи братства, любви к ближнему и защиты национальных интересов¹⁰⁶. Он опроверг подозрения в том, что речь шла о стремлении предотвратить роспуск самой организации¹⁰⁷.

В католическом издании «Чех» анонимный публицист критиковал преувеличенное, с его точки зрения, внимание прессы к «военной акции» сокольства, говоря, что ни один номер «Национальной газеты» («Národní listy»), «Национальной политики» («Národní politika») и «Нашего слова» («Naše slovo») не обходился без подробной информации о сокольских лазаретах, «соколах»-призывниках и различных благотворительных фондах. Это, по его мнению, противоречило Нагорной проповеди Иисуса Христа, гласившей: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Матф. 6:3). Там же утверждалось, что «соколы» не только игнорировали благотворительность верующих и духовенства, но порой и присваивали себе её успехи¹⁰⁸. Сами «соколы» считали, что эти обвинения продиктованы завистью¹⁰⁹. Уже после войны член Правления ЧСС д-р. Урбан подчёркивал, что «военная акция» велась не в поддержку войны, а в поддержку тех, кто больше всего страдал от неё¹¹⁰.

О сокольских лазаретах писала и немецкая пресса, например, «Пражская вечерняя газета» («Prager Abendblatt») и др.¹¹². Однако в некоторых изданиях можно было прочесть о якобы имевшихся связях сербских «соколов» с убийцами эрцгерцога¹¹³. Помимо активной пропаганды в прессе своей благотворительной деятельности и её финансового обеспечения, ЧСС постарался обезопасить себя, добровольно распустив в начале августа 1914 г. СССР¹¹⁴.

Серьёзную проблему для организации представлял призыв части «соколов» в армию: ряд обществ лишился своих руководителей, семьям «соколов» требовалась помощь на полевых работах, в магазинах и мастерских¹¹⁵. К сентябрю 1914 г. было призвано 60% «соколов», принимавших активное участие в занятиях (а ещё 30% ожидали повесток). Призвали также 30% «членов-меценатов», – всего 35–40 000 человек¹¹⁶, к концу 1914 г. число призванных в армию «соколов» достигло 50 000¹¹⁷. «Соколы» вели подробную

статистику раненных и павших.¹¹⁸ На войну пошёл и сын Йозефа Шейнера, сравнивавший в своих письмах отцу увиденное им на южном фронте с «Севастопольскими рассказами» Л.Н. Толстого¹¹⁹. Хорошая физическая форма и опыт строевой подготовки «соколов» порой сразу же обеспечивали им ефрейторское звание¹²⁰.

И хотя часть «соколов» позднее дезертирует с фронта, многие из них погибли, сражаясь за Австро-Венгрию. Это явно не вписывается в ту картину, что нарисовал в 1931 г., незадолго до своей смерти, Йозеф Шейнер в своей лекции в пражском зале «Люцерна» по случаю 13-й годовщины образования государства 1918 г.¹²¹ В ней он заявил о том, что чешский народ, «тесно связанный с монархией Габсбургов, уже при первом чтении манифеста Франца-Иосифа, объявившего Сербии войну не на жизнь, а на смерть, был охвачен мощным отпором к жестокому насилию, открыто и бесстрашно встал на защиту подвергшегося нападению славянского брата»¹²².

Другой крайностью является картина, нарисованная Зденеком Тоболкой и Франтишекком Станеком, членами активистского, т.е. проавстрийского, «Чешского союза», когда в их запросе премьер-министру Цислейтании «Отношение правительственных кругов к чешской нации во время войны» от 6 июля 1917 г., ЧСС предстает аполитичной транспарентной организацией, заинтересованной лишь в повышении уровня физического и духовного развития чешской нации, потратившей огромные средства на лазареты, а в итоге подвергшаяся преследованиям по «надуманным» причинам¹²³.

В дальнейшем, уже в сентябре 1914 г. множество «соколов» вступило в состав чехословацких легионов в России¹²⁴ и в Париже¹²⁵, затем к ним присоединились эмигранты из Америки¹²⁶. Ужесточилась и политика государства: изымались отдельные сокольские издания, солдатам запрещалось иметь при себе сокольские удостоверения¹²⁷, закрывались отдельные общества¹²⁸, распространявших прорусские издания «соколов» ждал расстрел¹²⁹. Вместе с тем росли регулярно публикуемые списки «соколов», погибших за Австро-Венгрию¹³⁰. Из-за нехватки мужчин одно из обществ впервые возглавила женщина¹³¹. 21 мая 1915 г. одновременно с Карелом Крамаржем был арестован староста «Сокола» Йозеф Шейнер, не успевший выехать в Голландию¹³², а 24 ноября 1915 г. ЧСС, ставший одним из символов нации, был распущен¹³³. В качестве причин указывались позитивное отношение к России и Сербии и проантантовская деятельность американских «соколов»¹³⁴.

После 28 октября 1918 г. «соколы» стали основой новых органов правопорядка и армии¹³⁵, особенно большую роль они сыграли в Словакии, примерно такую же, как словенские «соколы» Рудольфа Майстера в Мариборе¹³⁶.

* * *

В целом, если взглянуть на деятельность чешских «соколов» в начальный период войны, то ей сложно дать однозначную оценку. С одной стороны, невозможно отрицать подрывной потенциал, который осознали как сами соколы, так и власти, и который в конце концов был реализован. С другой стороны, невозможно согласиться и с заявлением Йозефа Шейнера о том, что «весь ход войны является свидетельством дисциплины, смелости и упорного сопротивления чешского народа австрийской монархии»¹³⁷. Подобно Карелу Крамаржу, с одной стороны, разработавшему проект Славянской империи, а с другой, – боровшегося за австрийский государственный заказ на пошив военной формы на своих предприятиях¹³⁸, так и чешское сокольство не было полностью последовательным. Даже если его «военная акция» и имела тактическую цель – сохранить самую большую национальную организацию, объективно она работала на укрепление австрийского тыла, причём следует учитывать не только её экономический и военный эффект, но и определённое сдерживающее психологическое воздействие на сторонников активного сопротивления. Впрочем, возможно, в этом отчасти заключалась стратегия сокольского движения.

Отношение государства к сокольству также носило противоречивый характер, что было вызвано неясными масштабами и перспективами начавшейся войны, а также тем, что политика Австро-Венгрии определялась различными центрами влияния на международном, имперском, земском и местном уровнях, имевшими порой прямо противоположные цели. Война создала совершенно новые внутривнутриполитические условия, требовавшие иных моделей поведения, которые вырабатывались постепенно.

Послевоенные интерпретации деятельности «соколов» во многом были продуктом своего времени («Сокол» как «проповедник стремлений к освобождению народа и носитель идеи сопротивления ненавистной Австрии»¹³⁹), сегодня же требуется при анализе ее сложного и противоречивого характера, отделить национальную мифологию от реальных событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Činnost České obce sokolské v X. období (od ledna 1912 do 31. prosince 1913). 1912–1913. Praha, 1914. S.5. (Moravský zemský archiv v Brně (далее – MZA). Fond Sokol – krajský výbor Brno (G106), 1862–1953. Kart. 221). ЧСС отличался активной издательской деятельностью, напечатанные им материалы можно разделить на те, что были предназначены для пропаганды сокольства и подпадающие под категорию «для внутреннего пользования», последние являются ныне библиографической редкостью, поэтому в этой статье при первом упоминании подобного источника мы будем приводить помимо библиографической ссылки также архивную. Численность ЧСС относительно быстро росла, в 1911 г. в нём состояло 106 377 членов, а в 1912 г. уже 119 183 (Činnost České obce sokolské v X. období... S. 73).

² *Šedivý I.* Češi, české země a Velká válka: 1914–1918. Praha, 2001. S. 5. Этот фундаментальный труд Ивана Шедивы был переиздан в 2014 г.

³ *Блюмлова Д.* Первая мировая война в чешском историко-культурном контексте // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 184–197.

⁴ Следует разделять региональные слёты различной степени значимости, проходившие относительно часто, и знаменитые Всесокольские слёты в Праге (1882, 1891, 1895, 1901, 1907, 1912, 1920, 1926, 1932, 1938, 1948, 1994, 2000, 2006, 2012).

⁵ *Čejka J.* Brněnský sokolský slet roku 1914 // První světová válka a česká společnost. Sborník z vědecké konference – Brno 14. června 1994. Brno, 1994 S. 62–66.

⁶ *Čest je víc než život.* Plukovník Josef Jiří Švec, československé legie a sokolství. Jihlava, 2008.

⁷ *Koukal P.* Sokolové u zrodu Masarykové republiky. Ústí nad Labem, 2008; *Waic M.* Sokol Josef Scheiner // Muži 28. října 1918. Osudy aktérů vzniku republiky československé (k vydání připravil R. Kučera). Praha, 2011. S. 81–94.

⁸ *Nolte C.E.* The Sokol in the Czech Lands to 1914. Training for the Nation. Palgrave Macmillan, 2009. P. 179–180; Pod křídly Sokola: katalog k výstavě ke 150. výročí založení nejvýznamnější spolkové organizace v našich dějinách v Armádním muzeu Vojenského historického ústavu 19.6.2012–31.12.2012. Praha, 2012. S. 22–25; *Pelc M.* Struktury opavského sportu 1850–1938. Opava, 2009; *Waic M.* Byli jsme a budem. From the past we'll stand forever. 150 let Sokola. Praha, 2012. S. 208–209; *Waic M.* Sokol za války // Sokol v české společnosti 1862–1938. Praha, 1996. S. 93–99; *Waic M.* Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace. Praha, 2013. S. 97–99.

⁹ Oddělení dějin tělesné výchovy a sportu Národního muzea (Далее – ODTVS). Fond Josef Scheiner 1885–1932 (NAD 107), 1890–1939. Kart. 2. Inv. č. 16.

¹⁰ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 31–65.

¹¹ Импульсами к такому подходу послужила книга социологов Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности» (*Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* (пер. Е. Д. Руткевич). М., 1995) и работы участников дискуссии о природе национализма во второй половине XX века (Эрнест Геллнер, Мирослав Грох, Эрик Хобсбаум).

¹² Sokol. №3. Praha, 1873. S. 19. Отношение к работам Мирослава Тырша носило сакральный характер, филолог-славист Томаш Гланц определяет сокольство как «секуляризованную религию» (*Гланц Т. «Сокол»: физкультура как ностальгия по несуществующему национальному телу // Неприкосновенный запас. № 3 (89). М., 2013. С. 24–36*).

¹³ Подробнее: *Malíř J., Marek P. Politické strany: vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. I. díl. Období 1861–1938. Brno, 2005.*

¹⁴ Sokol. №11. Praha, 1871. S. 86.

¹⁵ Věstník sokolský. №4–5. Praha, 19.III.1914. S. 57–61 (MZA. G106. Kart. 450).

¹⁶ Čech. 1914. 20.III.

¹⁷ ODTVS. Josef Scheiner. Kart. 1. Inv. č. 1.

¹⁸ Ibid. Inv. č. 7.

¹⁹ *Nolte C.E. All for one! One for all! The Federation of Slavic Sokol and the failure of Neo-slavism // Constructing Nationalities in East Central Europe* (Ed. Pieter M. Judson and Marsha L. Rozenblit). New York, 2005. P. 126–140.

²⁰ Památník sletu slovanského sokolstva roku 1912 v Praze. Praha, 1912.

²¹ Caras y caretas (Buenos Aires). 1912. 17.VIII.; Hojas selectas (Barcelona). 1912. XI; The Adelaide Chronicle. 1912. 12.X.; The Advertiser (Adelaide). 1913. 22.II.; The Daily News (Perth). 1912. 25.X.; The Dominion (Wellington). 1912. 07.IX.; The Hawera and Normandy star. 1912. 31.VIII.; The Kalgoorlie Western Argus. 1913. 16.IX.; The Maitland Daily Mercury. 1912. 05.X.; The Maitland Weekly Mercury. 1912. 12.X.; The Maryborough Chronicle, Wide Bay and Burnett Advertiser. 1912. 21.VIII.; The Mercury (Hobart). 1912. 09.X.; The New York Times. 1912. 21.VII.; The Poverty Bay Herald (supplement). 1912. 11.IX.; The Press (Christchurch). 1912. 19.VIII, 1913, 11.IV, 1913. 22.IX.; The Spectator (London). 1912. 06.VII.

²² Скорее всего за псевдонимом «Včk» стоял Йиндржих Ваничек, старший инструктор ЧСС.

²³ Věstník sokolský. № 1. (Praha). 1914. 26.II. S. 1–4.

²⁴ Činnost České obce sokolské v X. období (od ledna 1912 do 31. prosince 1913). 1912–1913. Praha, 1914. S. 6; Věstník sokolský. № 2. (Praha). 1914. 5.III. S. 37–38.

²⁵ Věstník sokolský. № 4–5. (Praha). 1914. 19.III S. 91.

²⁶ Ibid. № 7. (Praha). 1914. 16.IV. S. 127; Sokolice. № 4. (Praha). 1914. 01.VI S. 122–123 (MZA. G106. Kart. 436).

²⁷ Národní listy. 1914. 1.VI.

²⁸ Ibid. 1914. 3.VII.

²⁹ Zápisy výborů ČOS, cvičitelských sborů ČOS, mužů a žen a župních vzdělavatelů r. 1919. Praha, 1919. S. 6. (MZA. G106. Kart. 221); *Žipek A.* Husův rok // Domov za války: svědectví účastníků. Díl II. Sešit 13. Praha, 1930. S. 7–11. За указание на журнал «Родина во время войны» как источник по истории чешской повседневности во время Первой мировой войны благодарим историка Милену Лендерову из Пардубицкого университета.

³⁰ Národní listy. 1914. 4.VII.

³¹ Věstník sokolský. № 7. (Praha). 1914. 16.IV. S. 128.

³² Ibid. № 1. Praha, 1914. 26.II S. 3; *Galandauer J.* 6.7.1915 – pomník Mistra Jana Husa: Český symbol ze žuly a bronzu. Praha, 2008.

³³ Národní listy. 1914. 28.VI.; ODTVS. Fond Tělocvičný spolek paní a dívek pražských (Далее – TSPDP) (NAD 182). 1869–1948. Kart. 2. Inv. č. 17. В 2005 г. была издана монография Ирены Штепановой о нетипичной для своего времени жизни Ренаты Тыршовой (*Štěpánová I.* Renáta Týršová. Praha-Litomyšl, 2005).

³⁴ Věstník sokolský. № 19. (Praha). 1914. 01.X. S. 438.

³⁵ Věstník sokolský. № 13. (Praha). 1914. , 09.VI.S. 308. Скорее всего за псевдонимом «Štpk» стоял Винценц Штепанек, член Правления ЧСС. Подробнее о слёте см.: *Котов В.В.* Слёт чешского сокольства в Брно 27–28 июня 1914 г. // «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения». 2014. № 5.

³⁶ Národní listy. 1914. 02.VII.

³⁷ Ibid. 1914. 1–3.VII.

³⁸ Věstník sokolský. № 14. (Praha). 1914. 23.VI. S. 339.

³⁹ Národní listy. 1914. 16.VI.; ODTVS. TSPDP. Kart. 1. Inv. č. 4.

⁴⁰ Věstník sokolský. № 2. (Praha). 1914. 05.III. S. 29.

⁴¹ Ibid. № 8. (Praha). 1914. 30.IV. S. 167–168.

⁴² Národní listy. 1914. 23.VI.

⁴³ Věstník sokolský. № 8. (Praha) 1914. 30.IV.

⁴⁴ *Dýk V.* Vzpomínky a komentáře 1893–1918. Кн. 1. Praha, 1927. S. 322; Národní listy. 1914. 23.VI.

⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ Ф. 541. Оп. 1. Д. 32. Л. 35.

⁴⁶ Národní listy. 1914. 23.VI.

⁴⁷ ГАРФ Ф. 541. Оп. 1. Д. 34. Л. 90. О чрезвычайно важной роли искусства в политической культуре «долгого XIX века», в частности, установления скульптурных памятников Яну Гусу и Досифею Обrado-

вичу, см. каталог выставки Архива Праги: *Metamorfózy politiky. Pražské romníky 19. století*. Praha, 2013. 28 июня 1914 г. украинские «соколы» присутствовали при открытии памятника Тарасу Шевченко во Львове.

⁴⁸ *Věstník sokolský*. №13. (Praha). 1914. 9.VII. S. 311.

⁴⁹ *Národní listy*. 1914. 23.VI.

⁵⁰ *Věstník sokolský*. № 14. (Praha). 1914. 23.VII. S. 339.

⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Dumba C.T.* Why Austria is at war with Russia // *The North American Review*. 1914. IX. P. 351.

⁵³ *Ibid.* P. 350.

⁵⁴ *Borský L.* Znovudobytí samostatnosti. II. vydání. Praha, 1929. S. 15–16; Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (33). М.-Л., 1929. С. 4.

⁵⁵ *Саонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927. С. 335–339.

⁵⁶ *Waic M.* Sokol Josef Scheiner... S. 86.

⁵⁷ *Národní listy*. 1914. 06–08.VI.; *Zápisy výborů ČOS*... S. 37.

⁵⁸ Славянское обозрение. Т. II. Май-июнь. Спб., 1892. С. 145–146.

⁵⁹ Мир Божий. Т.4. Апрель. Спб., 1897. С. 144–145.

⁶⁰ *Věstník sokolský*. №1. (Praha). 1914. 26.II S. 2.

⁶¹ *Památník sletu slovanského sokolstva roku 1912 v Praze*. Praha, 1912. S. 227–228.

⁶² *Goschen E.* German Memorandum and Documents with Regard to the Outbreak of the War in Europe in 1914 // *The American Journal of International Law*, Vol. 8, № 4. Supplement: Official Documents. Oct. 1914. P. 394–395.

⁶³ From the Rupture of Diplomatic Relations (July 25, 1914), to the Declaration of War by Austria on Servia (July 28, 1914) // *The American Journal of International Law*, Vol. 9, № 2. Supplement: Official Documents. Apr.–Jul. 1915. P. 216.

⁶⁴ *The New York Times*. 1914. 24.VIII.

⁶⁵ *Austro-Hungarian Red Book* // *The American Journal of International Law*, Vol. 9, № 4. Supplement: Official Documents. Oct. 1915. P. 338.

⁶⁶ *Ibid.* P. 340.

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Вишняков Я.В.* Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии в начале XX века. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук: 07.00.03. М. 2014. С. 300–303.

⁶⁹ *Zápisy výborů ČOS*... S. 15.

⁷⁰ ГА РФ Ф.541. Оп. 1. Д.28. Л. 117, 155, Д. 32. Л. 4, 33, 58, Д. 35. Л. 2.

⁷¹ *Dělnické listy (Víděň)*. 1914. 02.X; *Linzer Volksblatt*. 1914. 03.X; *Vorarlberger Volksblatt*. 1914. 04.X.

⁷² *Šmída F.* *Vzpomínky z vojny 1914–1919*. Olomouc, 2014. S. 10.

⁷³ Драматизма этой ситуации добавляло то, что ещё год назад чешские «соколы» собирали средства «в поддержку славянских братьев на Балканах, вступивших в бой не на жизнь, а на смерть с извечным цареградским угнетателем» (речь шла о Балканских войнах 1912–1913 года) (*Činnost České obce sokolské v X. období (od ledna 1912 do 31. prosince 1913)*. 1912–1913. Praha, 1914. S.5.).

⁷⁴ Подробнее про начало войны в чешских землях: *Šedivý I. Češi, české země a Velká válka: 1914–1918*. Praha, 2001. S. 29–38, 54–56; Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 44–48.

⁷⁵ *Šmída F. Vzpomínky z vojny 1914–1919*. Olomouc, 2014. 12–15.

⁷⁶ 145. Staatsgrundgesetz vom 21. Dezember 1867 über die Ausübung der Regierungs- und der Vollzugsgewalt. Artikel 1, 5 // Reichsgesetzblatt für das Kaisertum Österreich. Jahrgang 1867. Wien, 1867. S. 400.

⁷⁷ *Šedivý I. Češi, české země a Velká válka: 1914–1918...* S. 166–167; Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 51.

⁷⁸ *Věstník sokolský*. № 15–16. (Praha). 1914. 6.VIII S. 365.

⁷⁹ *Ibid*. S. 381.

⁸⁰ *Sokolice*. № 8–9. (Praha). 1914. 25.IX. S. 168.

⁸¹ *Věstník sokolský*. № 19. (Praha). 1914. 01.X. S. 438.

⁸² *Paulová M. Dějiny Maffie. Odboj Čechů a jihoslovanů za světové války 1914–1918*. Praha, 1937. S. 268.

⁸³ *Понов А. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 // Красный архив. Исторический журнал. Том 2 (33). М.–Л., 1929. С.3–33* (В связи с политической ангажированностью составителей этого сборника, есть основания предполагать, что они не всегда соблюдали научные принципы публикации исторических источников); Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 52–53. На данный момент эти побольшей части неопубликованные донесения временно недоступны для исследователей в связи с реконструкцией здания Архива внешней политики Российской империи.

⁸⁴ *Čapek K. Novory s T. G. Masarykem*. Praha, 1937. S. 142.

Šedivý I. Češi, české země a Velká válka: 1914–1918... S. 166–167; Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 51.

Věstník sokolský. № 15–16. (Praha). 1914. 6.VIII S. 365.

Ibid S. 381.

⁸⁵ *Zápisý výborů ČOS...* S. 35.

⁸⁶ Алоис (Луис Владимирович) Тучек (1881–1925) – чешский политик, журналист и управленец, в изучаемый период – представитель автомобильной компании «Laurin & Klement» в Москве и член Чешской прогрессивной партии.

⁸⁷ *Borský L. Znovudobytí samostatnosti. II. vydání*. Praha, 1929. S. 21; *Dýk V. Vzpomínky a komentáře 1893–1918*. Кн. 2. Praha, 1927. S. 19–21;

Tomeš J. Dusno před bouří – česká politická realita v předvečer války // *Klaus V.* Sto let od počátku první světové války. Praha, 2014. S. 117–131. За помощь в поиске источников по этой теме благодарим историка Йозефа Томеша из Института Масарика и Архива Академии наук Чешской Республики.

⁸⁸ *Попов А.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917... С. 4–5; *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 189; *Vušný P.* Neo-Slavism and the Czechs, 1898–1914. Cambridge, 1977. P. 240.

⁸⁹ *Zápisy výborů ČOS...* S. 4.

⁹⁰ *Paulová M.* Dějiny Maffie... Отметим, что работы этого автора постепенно переходят в разряд вторичных исторических источников. Дело в том, что, в силу своего полуофициального статуса главного историографа чехословацкого движения сопротивления в годы Первой мировой войны и близких отношений Пауловой с Пржемыслом Шамалом, ее работы во многом основаны на устных свидетельствах современников, а ряд письменных источников она приводит без сокращений. – См. об этом: *Brádrlerová D., Hálek J.* Milada Paulová a její reflexe vzniku republiky // *Muži* 28. října 1918. Osudy aktérů vzniku republiky československé (k vydání připravil R. Kučera). Praha, 2011. S. 121–130.

⁹¹ Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 54.

⁹² *Попов А.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917... С. 14–16; *Tobolka ZV.* Můj deník z první světové války. Praha, 2008. S. 19.

⁹³ *Beneš E.* Z historie Maffie // *Domov za války: svědectví účastníků.* Díl II. Sešit 13. Praha, 1930. S. 11–18.

⁹⁴ *Čapek K.* Hovory s T. G. Masarykem. Praha, 1937. S. 143–144.

⁹⁵ *Zápisy výborů ČOS...* S. 15.

⁹⁶ *Ibid.* S. 16.

⁹⁷ *Věstník sokolský.* № 17. (Praha). 1914. 03.IX. S. 385–387.

⁹⁸ *Šedivý I.* Češi, české země a Velká válka: 1914–1918... S. 266.

⁹⁹ *Věstník sokolský.* № 15–16. (Praha). 1914. 6.VIII. S. 366.

¹⁰⁰ *Ibid.* № 19. (Praha). 1914. 01.X. S. 441.

¹⁰¹ *Ibid.* S. 442.

¹⁰² ODTVS. Fond Sokol (NAD 170), 1869–2012. Kart. 5. Inv. č. 116.

¹⁰³ *Věstník sokolský.* № 22. (Praha) 1914. 12.XI. S. 531.

¹⁰⁴ ODTVS.F Sokol. Kart. 5. Inv. č. 248.

¹⁰⁵ *Zápisy výborů ČOS...* S. 6.

¹⁰⁶ *Věstník sokolský.* № 19. (Praha). 1914. 01.X. S. 440–443.

¹⁰⁷ *Ibid.* S. 443.

¹⁰⁸ *Čech.* 1914. 13.XI.

¹⁰⁹ ODTVS. F. Sokol. Kart. 5. Inv. č. 248.

¹¹⁰ Zápisy výborů ČOS... S. 7.

¹¹¹ Prager Abendblatt. 1914. 4.VIII., 16.IX.

¹¹² Pilsener Tagblatt. 28.X.1914; Wiener Zeitung. 1914. 3.VIII.

¹¹³ Böhmerwald Volksbote. 1914. 22.X; Bregenzer Tagblatt (vormals "Vorarlberger Tagblatt"). 1914. 27.X; Der Tiroler. 1914. 24.X; Pilsener Tagblatt. 1914. 20, 24.X; Prager Abendblatt. 1914. 17, 24.IX; Vorarlberger Landes-Zeitung. 1914. 22.X; Wiener Zeitung. 1914. 23.X; Vorarlberger Volksblatt. 1914. 17, 24.X.

¹¹⁴ Věstník sokolský. № 19. (Praha). 1914. 01.X. S. 443.

¹¹⁵ Ibid. № 15–16. (Praha). 1914. 6.VIII. S. 365–366.

¹¹⁶ Ibid. № 19. (Praha). 1914. 01.X. S. 442.

¹¹⁷ ODTVS. F. Sokol. Kart. 5. Inv. č. 116.

¹¹⁸ Věstník sokolský. № 19. (Praha). 1914. 01.X. S. 443.

¹¹⁹ ODTVS. F. Sokol. Kart. 17. Inv. č. 248.

¹²⁰ Skopal J. Zápasy s totalitou a úteky za svobodou. Přerov, 2013. S. 14.

¹²¹ ODTVS. F. Josef Scheiner. Kart. 2. Inv. č. 25.

¹²² Ibid. Inv. č. 16, S. 1–2. Сторонники этой концепции существуют и сегодня, в первую очередь среди популярной литературы. См., напр.: Sobota J. Sokol sehrál významnou roli při obnovení naší státnosti // Legionářský směr. № 1. (Praha). 2012. S. 10–11.

¹²³ Havránek J. Politické represe a zásobovací potíže v českých zemích v letech 1914–1918 // První světová válka a vztahy mezi Čechy, Slováky a Němci. Brno, 2000. S. 39, 41–43; Chováí se vládních kruhů k českému národu za války: dotaz poslanců Františka Staňka, Dr. Zdeňka Tobolky a soudruhů na Jeho Excellenci pana ministerského předsedu v příčině chování se vládních druhů k českému národu za doby válečné. Praha, 1917. S. 12–22.

¹²⁴ ГА РФ Ф.541. Оп. 1. Д. 6. Л. 32., Д. 30. Л. 68; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М. 1965. С. 20–21.

¹²⁵ Šedivý I. Češi, české země a Velká válka: 1914–1918... S. 173.

¹²⁶ The New York Times.. 1917. 3.VII.; 1918. 30.VI.

¹²⁷ ODTVS. F. Josef Scheiner. Kart. 1. Inv. č. 7.

¹²⁸ Zápisy výborů ČOS... S. 8.

¹²⁹ Tobolka Z.V. Můj deník z první světové války... S. 23.

¹³⁰ Sokol. (Praha). 1914. № 11. S. 275; № 12. S. 294–297; 1915. № 1. S. 23; № 2. S. 46–48; № 3. S. 71; № 4. S. 94–96; № 5. S. 116–119; № 5. S. 143–144, № 7–8. S. 165–167; № 9–10. S. 189–191; № 11. S. 206–207; № 12. S. 223–224.

¹³¹ Čech. 1915. 15.IV; Dělnické listy (Viedeň). 1915. 17.IV.

¹³² ODTVS.F. Josef Scheiner. Kart. 1. Inv. č. 2.; ГА РФ Ф. 541. Оп. 1. Д. 6. Л. 23, 24.

¹³³ *Šedivý I.* Češi, české země a Velká válka: 1914–1918... S. 173.

¹³⁴ *Dělnické listy* (Víděň).1915. 30.XII.

¹³⁵ *Borský L.* Znovudobytí samostatnosti. II. vydání. Praha, 1929. S. 130, 139, 142; ODTVS. F. Josef Scheiner. Kart. 1. Inv. č. 7.

¹³⁶ *Rychlík J., Tonková M., Hladký L., Kozár A.* Dějiny Slovinska, Praha 2011. S. 154. Об этом также можно прочесть в статье Н.С. Пилько в данном сборнике.

¹³⁷ ODTVS. F. Josef Scheiner. Kart. 2. Inv. č. 16. S. 7.

¹³⁸ *Tobolka ZV.* Můj deník z první světové války... S. 11–12.

¹³⁹ ODTVS. F. Josef Scheiner. Kart. 2. Inv. č. 16. S. 1–2.

К.В. Шевченко (Минск)

Убийство в Сараево 28 июня 1914 г. и его последствия в освещении пражской газеты «Час»

Политика Австро-Венгрии на Балканах, положение в Боснии и Герцеговине и особенно убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги в Сараево привлекали колоссальное внимание чешской общественности и прессы. Интерес к данным сюжетам усиливался тем фактом, что чехи активно присутствовали в Боснии и Герцеговине после ее оккупации Австро-Венгрией в качестве австрийских чиновников, военнослужащих, архитекторов, врачей, учителей и предпринимателей. Так, по переписи 1910 г. в Боснии и Герцеговине проживало всего 7095 чехов, из них 1702 в Сараево¹. Колоссальный вклад в развитие Сараево в 1890-е годы внес известный чешский архитектор К. Паржик, реализовавший более 100 различных проектов в столице Боснии и построивший здесь ряд школ, административных зданий и культурных объектов². Важным обстоятельством, стимулировавшим интерес чехов к Балканам, было и то, что убитый в Сараево наследник престола был женат на представительнице чешского аристократического рода Хотек и постоянно проживал на территории Чехии в замке Конопичште к югу от Праги.

До начала Первой мировой войны «все влиятельные политические силы в Чехии рассматривали Австро-Венгрию как весьма удобное государственное образование для достижения своих политических, социально-экономических и культурных целей... Как финансово-промышленные круги, так и социал-демократы... считали Австро-Венгрию экономически жизнеспособным и выгодным государственным образованием, в рамках которого было возможно достижение прогресса»³. По этой причине большинству чехов была чужда мысль о возможности краха Австро-Венгрии. Радикализм чешских политиков отличался строго дозиро-

ванной «умеренностью и аккуратностью», ограничиваясь лишь планами демократизации и федерализации дунайской монархии, что в полной мере отразилось на страницах чешской прессы накануне войны. 13 июля 1914 г. чешская пресса в качестве курьеза упомянула опубликованное одной сербской газетой предсказание о гибели австро-венгерской империи в 1917 г.⁴ Между тем, показавшееся тогда чехам фантастическим пророчество ошиблось лишь на один год в предсказании судьбы империи Габсбургов, которая исчезла с политической карты Европы в 1918 г.

Одним из главных объектов критики чешской прессы была политика Австро-Венгрии на Балканах. «Из всех европейских государств Австрия больше всех пострадала от балканской войны, – утверждал либеральный пражский «Час» 1 января 1914 г. – Единственным успехом, но успехом весьма сомнительным..., является Албания, независимое государство, основанное искусственно на выдавливании сербов из Адриатики. В целом же балканская политика Австрии испытала такие удары, что разговоры об их катастрофических последствиях для всей монархии были справедливы»⁵. Мрачные предчувствия чешских публицистов, ожидавших «катастрофических последствий» австрийской политики на Балканах, оправдались очень быстро. 29 июня 1914 г. чешские газеты поместили на первых страницах большое траурное объявление в черной рамке, извещавшее читателей об убийстве 28 июня 1914 г. в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги. Газеты подробно информировали об обстоятельствах гибели эрцгерцога и его жены, которые, уцелев при взрыве бомбы, брошенной Неделько Чабриновичем, вопреки предостережениям, продолжили поездку и вскоре стали жертвами пуль Гаврило Принципа. «Когда автомобиль поворачивал на проспект Франца Иосифа, раздался два выстрела. Первой жертвой стала пани эрцгерцогиня, опустившаяся на колени своему мужу.. Пану эрцгерцогу пуля прострелила шейную артерию. Смерть наступила почти мгновенно. Все произошло молниеносно, – сообщал 29 июня 1914 г. близкий к партии реалистов и будущему президенту ЧСР Масарику пражский «Час». – Поскольку в месте нападения улица очень узкая, нападавший мог стрелять с очень близкого расстояния. Несколько дам обратили внимание на подозрительную внешность Принципа, стоявшего на углу улицы, засунув руку в карман»⁶.

Причины трагедии в Сараево с самого начала привлекали особое внимание чешской прессы. Анализируя предысторию убийс-

тва эрцгерцога, чехи подчеркивали, что наследник престола был заранее предупрежден об опасности поездки в Боснию сербским посланником в Австрии Йовановичем, который, «прибыв на прошлой неделе из Белграда, посетил министерство иностранных дел, сообщил, что у сербского правительства имеются сведения об интригах в Сараево. По этой причине сербское правительство рекомендует воздержаться от поездки наследника в Боснию. Эрцгерцогу была сообщена эта информация, но он настоял на поездке»⁷. Вину за гибель наследника престола чешские публицисты в значительной степени возлагали на балканскую политику Вены. «Смерть наследника относится к балканскому вопросу. наших собственных политиков... нельзя освободить от вины за происшедшее... – утверждал «Час». – Мы не можем не остановиться в этой связи на положении в югославянских землях... Иностранцы, писавшие об австро-венгерских условиях, ужасались абсолютистскому слепому произволу, в условиях которого была отменена конституция, подавлен сейм, нарушен закон..., депутаты стонали в тюремных застенках, а свобода слова и собраний была задущена. Сегодня, 28 июня, вероятно, весь мир видит, что означал загребский процесс, в ходе которого было возведено 54 виселицы для сербо-хорватских государственных изменников... Полицейское правление в Боснии и Герцеговине... слепо, глухо и безмозгло. Трудно было найти более неудачное время для отправки наследника на юг»⁸. Столь негативная оценка австрийского правления в Боснии пражским «Часом» вполне разделялась и современниками данных событий в России. Так, известный русский славист А.Л. Погодин полагал, что после 1908 г. политика Австрии в Боснии была направлена на то, чтобы страна «разорилась, обезлюдела и открыла простор для немецкой колонизации и католичества»⁹. Современные чешские историки и публицисты, напротив, склонны подчеркивать цивилизирующее и культуртрегерское влияние Австрии на Боснию¹⁰.

Негодование чешской общественности вызывала личность генерала Потioreка, главы земского правительства и начальника военной администрации Боснии. Имя Потioreка, по мнению чешских журналистов, будет всегда вспоминаться в связи с событиями в Сараево, которые вызвали изумление не только самим фактом преступления, но и преступно халатным поведением властей. «С одной стороны, Чабринович и Принцип со своим покушением; с другой стороны, генерал Потioreк со своим легкомыслием и опрометчивостью, – писал «Час» 7 июля 1914 г. –

Убийство было бы невозможно, если бы были предприняты все необходимые меры. Генерал Поттиорек несет главную ответственность за катастрофу 28 июня не только как глава земского правительства, но и как начальник военной администрации Боснии и Герцеговины»¹¹.

Личность эрцгерцога Франца Фердинанда чешские публицисты характеризовали довольно осторожно. По их мнению, главная забота наследника престола состояла в наращивании военной мощи империи; при этом его основные принципы заключались в консерватизме, католицизме и великоавстрийской идее. Весьма сочувственно о погибшем наследнике престола высказался общественно-политический еженедельник партии младочехов «Ческе ревью», которому импонировало критическое отношение Франца Фердинанда к австро-венгерскому дуализму и к положению в Венгрии. «Покойный наследник... стремился к внутренней консолидации государства и поэтому ненавидел дуализм, – утверждало «Ческе ревью». – Было известно, что наследник неодобрительно относится к азиатским методам правления в Венгрии, что ослабляет империю и вызывает к ней ненависть, особенно на Балканах... Окружение наследника даже поговаривало о триализме, о создании югославянской области на юге империи, что, впрочем, осталось лишь эпизодом, с которым покончила вторая балканская война»¹².

На отношение чехов к личности Франца Фердинанда накладывал сильный отпечаток то обстоятельство, что эрцгерцог был женат на представительнице чешского аристократического рода Хотек и что его резиденцией был известный замок Конопичте к югу от Праги. В сожалениях чехов в связи с гибелью Франца Фердинанда угадывались нотки разочарования по поводу нереализованных ими выгод, которые можно было бы извлечь из близости наследника престола к Чехии. «Чешский народ связывают с покойным эрцгерцогом особые воспоминания, – писало «Ческе ревью». – Его любимая резиденция находилась в центре чешских земель. Его любовь к памятникам старины и искусства выразилась в поддержке стремлений сохранить ценные памятники чешского прошлого... Постоянное нахождение наследника в Чехии рождало предположения о его привязанности к чешскому королевству и поддержке его исторических прав... Сейчас остается лишь сожаление над загубленной жизнью...»¹³.

Касаюсь отношения эрцгерцога к России, чешская пресса констатировала, что его взгляды «по-видимому, не всегда совпадали с

официальной политикой. По крайней мере, всегда утверждалось, что он является другом России, желает договора с Россией и стремится возобновить союз трех императоров, австрийского, российского и германского. В целом это соответствовало его характеру: он испытывал явные симпатии к царизму и абсолютизму...»¹⁴. Впрочем, сообщая о реакции на убийство Франца Фердинанда в России, чехи отмечали, что российская пресса не относила эрцгерцога к числу тех, кто симпатизировал России. Скорее, эрцгерцог Франц Фердинанд был реалистом, отдавая себе отчет в крайне неблагоприятных последствиях для Австро-Венгрии в случае ее военного конфликта с Россией. В 1913 г., комментируя идею генерала Конрада фон Гётцендорфа о целесообразности превентивной войны Австрии против Италии и Сербии, наследник престола пронизательно заметил, что война с Сербией повлечет войну с Россией, которая, по его словам, станет «нашим концом», способствуя «свержению с трона как австрийского императора, так и русского царя»¹⁵.

В первые дни после убийства в Сараево основное внимание чешской прессы было приковано к многочисленным деталям, имевшим непосредственное отношение к покушению. Анализ внешнеполитических последствий в широкой общеевропейской перспективе был редким и весьма поверхностным. Одним из немногих чешских политиков, которому удалось предугадать трагический масштаб международных последствий сараевского убийства, был лидер младочехов К. Крамарж. «Мы предсказывали, что из сербского конфликта разовьется конфликт европейский; что из проблемы убийства, которое каждый осуждает, и из вопроса о наказании может возникнуть вопрос равновесия в Европе, который призовет к оружию весь мир...»,¹⁶ – констатировал Крамарж 4 августа 1914 г., когда маховик Первой мировой войны раскручивался все сильнее.

Хотя после событий в Сараево общественность быстро успокоилась, «за дипломатическими кулисами между Берлином и Веной велась оживленная подготовка к решающей акции»¹⁷. Однако чешская общественность, сосредоточившись на текущих событиях, плохо представляла себе, что в действительности происходит за кулисами дипломатической сцены.

Убийство в Сараево стало новой порцией масла в костер традиционной полемики венских и чешских газет по поводу ситуации на Балканах и австрийской политики в Боснии. В условиях разгоравшейся антисербской истерии в Австро-Венгрии чешская

пресса выступала в роли адвоката Сербии и сербского населения Боснии и Герцеговины. «Сараевское покушение вновь оживило пугало великосербской пропаганды. Венские газеты вновь повторяют фантастические сообщения и слухи, – констатировал «Час», полемизируя с венской прессой. – При этом они самым грубым образом злоупотребляют патриотическими чувствами населения империи, танцуя циничный канкан над огромным династическим и человеческим горем... Пока что мы констатируем пустоту в сведениях о нападавших и задаем вопрос: возможно ли на основе собранного материала... сделать вывод о том, что преступление Чабриновича и Принципа является делом рук Сербии, как намекают сараевский староста и сараевская полиция и что категорически утверждают венские газеты? Трагедия сараевская слишком печальное и слишком серьезное событие для того, чтобы извлекать из него политический капитал и подозревать другие государства без достаточных на то оснований»¹⁸.

Бюрю негодования в чешской прессе вызвали антисербские выступления хорватов и мусульман, прокатившиеся по Боснии и Герцеговине в первые дни после убийства в Сараево при демонстративном попустительстве австро-венгерских властей. «В Сараево, Мостаре и других городах... прокатились погромы сербского населения. Около сотни сербских лавок и магазинов было разграблено фанатичным хорватско-мусульманским сбродом; здания сербских обществ и школ были разрушены; нападению подверглось и жилище сербского митрополита, – сообщил корреспондент «Часа» 1 июля 1914 г. – Поступают сведения об антисербской резне, о раненых и убитых... Мы не понимаем, как могли вспыхнуть антисербские насилия... После покушения на улицах Сараево находились войска и должны были быть предприняты необходимые меры безопасности... Сербское население Боснии и Герцеговины, искренне преданное династии Габсбургов, не виновато в том, что в его среде нашлись преступники... Многим хотелось бы, чтобы сербы были исключены из позитивного политического процесса, но если сербский народ, составляющий большинство населения Боснии, будет загнан в лагерь врагов империи, пострадают интересы монархии...»¹⁹.

Об антисербских погромах, вспыхнувших в Боснии на следующий день после убийства эрцгерцога, чехи отзывались как явлении не менее ужасном, чем события 28 июня. «Тысячи мирных сербских граждан стали жертвами преступлений мусульманско-хорватского сброда... Если боснийская администрация считает,

что можно терпеть преступления, совершаемые из патриотических соображений, то это превратное толкование права»,²⁰ – заключал «Час».

Недоумение и возмущение чехов вызывало то, что волна антисербских насилий прокатилась в Боснии при генерале Потioreке, который был оставлен в должности главы администрации Боснии и Герцеговины после сараевского убийства. Пристальное внимание чешской прессы к положению в Боснии сталкивалось с жесткими ограничениями, затруднявшими получение информации. «Сообщения из Боснии подвергаются строгой цензуре, что объясняет почти полное неведение о нынешнем состоянии в Боснии, прежде всего о безопасности сербского населения. Единственной сербской газетой, продолжающей выходить после разгрома сербской типографии в Сараево, является «Истина», орган проправительственной партии Димовича, – сообщалось в заметке под красноречивым заголовком «Из пашалыка Потioreка». – Информация этой газеты свидетельствует о том, что даже после введения военного положения не прекратились грабежи и анархия...»²¹.

Заметный резонанс в чешской прессе вызвала смерть русского посланника в Сербии Н. Гартвига, умершего в Белграде 11 июля 1914 г. во время беседы с австро-венгерским посланником Гизлом. По мнению чехов, считавших Гартвига «одним из самых способных русских дипломатов», смерть посланника России в Сербии явилась «большой и горестной утратой не только для России, но и для Сербии и, вероятно, для Славянства в целом. Гартвиг был одним из основателей балканского союза; он определял балканскую политику России... Сербы уважали его не только как сторонника своих усилий, но и как опытного советника... Он хотел видеть сплоченные Балканы и поэтому не мог одобрять австрийский лозунг “разделяй и властвуй”»²².

«Час» постоянно и основательно информировал чешскую аудиторию о реакции сербской общественности и прессы на происходящие события. «Сербские газеты отстаивают ту точку зрения, что Австро-Венгрия не имеет никаких правовых оснований требовать чего-либо в связи с сараевским убийством, – писал «Час» 13 июля 1914 г. – Вмешательство во внутренние дела Сербии никто в Сербии не одобрит и не допустит»²³. 19 июля 1914 г., незадолго до предъявления австрийского ультиматума Сербии, чехи сообщали о том, что сербская пресса публикует статьи с острой критикой австро-венгерского посланника Гизла. По сооб-

щению чешской прессы, сербский «Мали журнал» опубликовал информацию о том, что «Принципа склонял к покушению некий австро-венгерский агент. В Вене будто бы ходят разговоры о том, что истинного виновника происшедшего можно отыскать только в австро-венгерском посольстве в Белграде»²⁴.

В своей полемике с венскими и будапештскими изданиями чешские газеты нередко давали слово представителям Сербии. Незадолго до австрийского ультиматума Белграду «Час» предоставил свои страницы министру внутренних дел Сербии С. Протичу, который под псевдонимом «Сербикус» выступил с критикой наиболее расхожих обвинений в адрес Сербии со стороны австро-венгерской прессы. Комментируя обвинения сербов в великосербской пропаганде, что было одной из излюбленных тем венских газет, Протич указывал на распространенность ирредентистских идей в самой Австрии, которые «сами по себе не являются преступлением. ...В собственном рейхсрате Австрия спокойно внимала речам пангерманистов, которые были полны открытого и дерзкого желания отделиться от Австрии и присоединиться к Германии. Выступления пангерманистов, – иронично замечал Протич, – содержат в себе все признаки оскорбления Его Величества, но, тем не менее, они были оставлены без наказания... Венская и будапештская пресса говорит только о великосербстве, подчеркивая его опасность для Австро-Венгрии. При этом она ни слова не упоминает о великоавстрийских идеях... На Берлинском конгрессе Австро-Венгрии с помощью Бисмарка удалось реализовать предложение Радецкого – получить в управление Боснию и Герцеговину, которые вопреки международным договоренностям были аннексированы в 1908 году. Что же это: великосербская или великоавстрийская идея? – задавал риторический вопрос сербский министр внутренних дел Протич и заключал. – ... Великосербство обороняется и защищается; великоавстрийство нападает и стремится проникнуть еще дальше... Мы стремимся защитить свой народ, в то время как Вена и Будапешт вынашивают имперские планы и стремятся завладеть тем, что им не принадлежит»²⁵. Касаясь сараевского убийства и обвинений Сербии в причастности к организации покушения, Протич изложил всю историю покушений на высокопоставленных чинов Австро-Венгрии, включая несколько неудачных попыток убийства императора Франца-Иосифа. Суммируя сказанное, Протич не без иронии заключал, что «рекорд в покушениях принадлежит самой Австро-Венгрии... Приведенные факты указывают, что сараевское поку-

шение имеет местные корни, не являясь импортированным из-за рубежа, в чем стараются убедить мир венские и будапештские газеты... Дабы скрыть местные корни сараевского убийства – а именно этого, судя по всему, больше всего добиваются наши соседи в Вене и Будапеште – вину должна нести Сербия»²⁶.

Слова сербского министра внутренних дел оказались пророческими. На следующий день, 23 июля 1914 г. в 6 часов посол Австро-Венгрии вручил в Белграде австро-венгерский ультиматум Сербии, содержащий унижительные и заведомо невыполнимые условия. Несколько успокоившаяся после сараевского убийства чешская общественность восприняла ультиматум с явной растерянностью; было заметно общее стремление чехов убедить самих себя в том, что его предъявление еще не означает войну. «Положение, в котором оказалась наша империя, проявилось уже вчера в массовой конфискации всех сообщений независимой прессы о готовящейся австрийской акции в Белграде. Наступают часы исторического значения для судеб народов, – с тревогой писал «Час» 24 июля 1914 г. – Ультиматум не означает войну; он означает проявление силы, опирающейся на мощь оружия. Ультиматум призван принудить Сербию дать Австро-Венгрии полную сатисфакцию не только за Сараево, но и за все остальные события со времени аннексии»²⁷. Далее следовал добросовестный и подробный пересказ венских газет, главной темой которых были военные приготовления Сербии, тайная мобилизация сербской армии и переброска сербских войск к границе, что отражало возросшую жесткость австрийской цензуры.

Чехам не хотелось верить в реальность скорой войны. Сообщения, ставившие под сомнение неизбежность войны, были особенно востребованы. Так, в заметке об оптимистической реакции русской дипломатии говорилось о том, что «дипломатические круги России считают все циркулирующие по Вене тревожные сообщения крайне преувеличенными и оценивают ситуацию спокойно»²⁸. Однако уже на следующий день тон чешской прессы становится намного тревожнее. 25 июля 1914 г. титульные страницы газет пестрели тревожными заголовками: «Объявление войны?», «Разрыв дипломатических отношений с Сербией подготовлен», «Переполох и совещания в Петрограде» и пр. Ссылаясь на венскую «Нойе Фрайе Прессе», «Час» сообщал о готовности австро-венгерского правительства официально объявить войну Сербии в том случае, если Белград нарушит сроки ультиматума или отвергнет австрийские требования. «В дипломатических кругах пола-

гают, что война неизбежна, – говорилось в заметке о ситуации в Белграде. – Утверждается, что сербское правительство вообще не даст никакого ответа на ультиматум. Существует мнение, что при наступлении на Белград австрийская армия не встретит никакого сопротивления. Сербское правительство рассчитывает на вмешательство великих держав после занятия Белграда австрийскими войсками»²⁹. Если еще 24 июля пресса сообщала о спокойной реакции российской дипломатии на обострение австро-сербских отношений, то 25 июля тон резко изменился. «Нота Австрии Сербии вызвала здесь большую тревогу, – сообщал «Час» о реакции в России. – Дипломаты прерывают отпуска и возвращаются в Петроград. Первое впечатление состояло в том, что война неизбежна. В петроградских кругах осознают, что дальнейшее развитие событий зависит только от России... Сербский посланник Спалайкович несколько раз встречался с министром иностранных дел Сазоновым. «Новое время» опубликовало острую антиавстрийскую и просербскую статью»³⁰.

Между тем, отношения Вены и Белграда продолжали ухудшаться. 25 июля глава сербского правительства Пашич посетил посольство Австро-Венгрии в Белграде и передал ответ Сербии на австро-венгерский ультиматум. Австрийская сторона сочла сербский ответ недостаточным. Посол Австро-Венгрии в Сербии барон Гизль объявил Пашичу о разрыве дипломатических отношений и «вместе с сотрудниками посольства покинул Белград в 18:30. Еще ранее, в 3 часа дня, сербское правительство объявило мобилизацию»³¹.

За день до официального объявления войны тон прессы стал еще тревожнее. Ссылаясь на частные источники, «Час» сообщал о перестрелке у г. Смедерево, где, по утверждениям чехов, сербы обстреляли австрийский корабль; в ходе инцидента жертв не было. Описывая положение в Сербии, чешские газеты отмечали активные военные приготовления и высокий боевой дух сербских войск и населения. «Улицы заполнены призывниками, спешащими к своим полкам. Все сербские железные дороги отданы в распоряжение военных властей... Воодушевление армии неописуемо, – делился впечатлениями чешский корреспондент. – Только жители Белграда, ожидая скорого занятия города австрийской армией, ожидают развития событий с опасениями...»³².

28 июля 1914 г., спустя ровно месяц после убийства в Сараево, Австро-Венгрия официально объявила войну Сербии. В специальных выпусках газет был опубликован манифест императора

Франца Иосифа «Моим народам». «Надежды на то, что сербское королевство оценит снисходительность и миролюбие моего правительства, не оправдались, – говорилось в манифесте австро-венгерского императора. – Пламя ненависти против Меня и Моей династии поднимается все выше; стремление насильственно отторгнуть от Австро-Венгрии неотделимые от нее территории проявляется все более открыто... Сербия отвергла умеренные и справедливые требования моего правительства... Поэтому я принужден прибегнуть к силе оружия, дабы добиться необходимых гарантий внутреннего спокойствия и внешнего мира... Я полагаюсь на Свои народы, которые всегда во всех невзгодах объединялись вокруг Моего престола в верности и единстве»³³.

С предъявлением ультиматума Сербии и особенно с объявлением войны тон чешской прессы становится более сдержанным; количество критических материалов на текущие темы резко снижается, уступая место официальным материалам. «О событиях, в эпицентре которых мы внезапно оказались, мы имеем возможность писать только в качестве хрониста, лишь фиксируя происходящее, – признавал чешский журналист, как бы оправдываясь перед читателями. – Война глубоко вторглась во все сферы общественной и частной жизни, изменив обычные условия работы прессы. Предварительная цензура, ограничение информационных услуг... меняют характер журналистской работы...»³⁴. О жесткости и эффективности работы австрийской цензуры свидетельствовали периодически появлявшиеся на страницах чешских газет «белые полосы» и пустые колонки; время от времени цензура конфисковывала целые номера чешских печатных изданий.

Реакция чешской прессы на объявление войны во многом отражала поведение чешского населения. На следующий день после начала войны, 29 июля 1914 г., руководство пражской полиции в донесении о реакции жителей Праги на манифест императора об объявлении войны сообщало, что «настроение населения характеризуется полным спокойствием; каких-либо антипатриотических выступлений нигде до сих пор зарегистрировано не было. Под впечатлением многочисленных призывников, отправляющихся на службу, у всего остального населения возникает определенная депрессия... В данный момент неимущая часть общества в большей степени озабочена текущими жизненными проблемами, опасаясь возникновения дефицита важнейших товаров и резкого скачка цен»³⁵.

Международные последствия начавшейся сербо-австрийской войны были предметом особого внимания чешской прессы, стремившейся убедить общественность в возможности локализации конфликта. На второй день после объявления войны «Час» писал: «В суматохе последних дней европейская политика представляла собой хаос... Сегодня... в политике великих держав стала проявляться определенность... Англия выступает за локализацию конфликта. Ее позиция имеет решающее влияние на Францию, которая не будет нарушать совместные действия Антанты... Россия сохранит сдержанность, если речь не будет идти о ее жизненных интересах... Таким образом, – оптимистично заключал «Час», – война Австрии с Сербией необязательно достигнет европейского масштаба... Война с Сербией не должна стать международной катастрофой»³⁶.

Однако оптимистичные предсказания не оправдались. Уже в ближайшие дни события стали развиваться по совершенно иному, гораздо более трагическому сценарию. Объявленная Россией мобилизация и последовавшее за этим резкое обострение российско-германских отношений широко освещалось чешской прессой. Сообщая об обмене телеграммами между германским императором Вильгельмом II и российским императором Николаем II, «Час» обращал внимание читателей на последнюю телеграмму Вильгельма Николаю, в которой германский император утверждал, что «мир в Европе еще может быть сохранен в случае, если Россия прекратит угрожать Германии и Австро-Венгрии»³⁷. Пражские газеты информировали о том, что 1 августа 1914 г. в центре Берлина на Унтер ден Линден состоялось массовое шествие к дворцу имперского канцлера, участники которого распевали патриотические песни. Канцлер, приветствуя собравшихся, заявил, что «если нас вынудят взять в руки меч, то мы отправимся на битву с чистой совестью... Мы будем сражаться за свое существование и за свою честь до последней капли крови»³⁸.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. Эскалацию российско-германского конфликта чехи освещали исключительно на основе германских информационных источников, выставлявших российскую сторону виновницей конфликта. «Когда стало известно о русской мобилизации, немецкий посол в Петрограде получил указание призвать русское правительство прекратить мобилизацию... – писал «Час» 3 августа 1914 г., цитируя сообщение берлинского информационного агентства Вольфа. – По сообщению графа Пурталеса, этот приказ был выполнен им в

полночь с 31 июля на 1 августа. Сообщение посла об ответе русского правительства... не поступало. Однако этой ночью к 4 часам утра Генштаб получил следующую информацию: сегодня ночью последовала атака со стороны русских патрулей, которая была отражена. Потери немецкой стороны составили двое легкораненых. Потери русских неизвестны. Таким образом, – цитировал «Час» немецкое информационное агентство, – Россия напала на территорию Германии и начала войну»³⁹.

Начало войны между Россией и Германией означало, что надежды чехов на локализацию конфликта потерпели крах. Война между Австро-Венгрией и Сербией молниеносно перерастала в мировую войну, одним из последствий которой должен был стать распад Австро-Венгрии и образование независимой Чехословакии. Однако предсказать подобный итог в то время чешские политики были не в состоянии. До окончания Первой мировой войны оставалось более четырех лет, принесших кровь, страдания и миллионы жертв.

В условиях нараставшего военного психоза и подозрительности, охвативших чешские земли, весомо и достойно прозвучал голос лидера младочехов К. Крамаржа: «Наступил исторический момент, которого так боялись и ожидали... Европа бросит все, что есть у нее молодого и здорового, на поля сражений, и наступят ужасы, о которых грезили только авторы военно-фантастических романов... Сейчас ничего не остается, как мужественно и бесстрашно смотреть навстречу будущему... Наше будущее заключается в нас самих! Если мы себя не погубим, никто нас не уничтожит!»⁴⁰.

* * *

Начало Первой мировой войны стало роковым конечным пунктом «длинного» XIX века, который начался Великой французской революцией и «подошел к концу в 1914 г. под радостные крики европейцев, которые слишком долго жили в мире».⁴¹ В этом стройном хоре голосов, приветствовавших начало войны, чешский голос был одним из самых слабых, робких и неуверенных. Несмотря на то, что в Европе ждали войну и деятельно к ней готовились, она вспыхнула внезапно, поскольку «масштабные события, которых долго ждут, имеют свойство приходить неожиданно».⁴² Из всех народов Европы чехи, пожалуй, дольше и больше всего отказывались верить в неизбежность мировой войны, пребывая в заблуж-

дении, что последствия убийства в Сараево ограничатся лишь локальным конфликтом; при этом по отношению к Габсбургам «чешские политические элиты вплоть до 1917 г. стояли, за редким исключением, на безоговорочно лоялистских позициях».⁴³ По иронии истории, однако, именно чешские политики, продемонстрировав изрядный прагматизм и дипломатическую гибкость, сумели извлечь из итогов «Великой войны» максимум дивидендов, не только восстановив, но и значительно расширив чешскую государственность в виде амбициозного «Чехословацкого» проекта, который превратился из талантливого PR-продукта в реальность в огромной степени в результате Первой мировой войны⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ježek M., Trojan P.* Tak nám zabili Ferdinanda. Praha, 2014. S. 112.

² *Ibidem.* S. 113.

³ Sborník dokumentů k vnitřnímu vyvoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Sv. I. Praha, 1993. S. 3.

⁴ Čas. 1914. 13. 07. Číslo 191.

⁵ *Ibidem.*

⁶ Čas. Zvláštní vydání. 1914. 29. 06. Číslo 177.

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Ibidem.*

⁹ *Лантеева Л.П.* Русский историк-славист А.Л. Погодин. Жизнь и творчество. Москва, 2011. С. 61.

¹⁰ См.: *Ježek M., Trojan P.* Tak nám zabili Ferdinanda. Praha, 2014.

¹¹ Čas. 1914. 07. 07. Číslo 185.

¹² České revue. 1914. Č. 10.

¹³ *Ibidem.*

¹⁴ Čas. 1914. 07. 07. Č. 185.

¹⁵ *Pernes J.* O trůn a lásku. Dramatický život a tragická smrt Františka Ferdinanda d'Este. Praha, 2007. S. 211.

¹⁶ Národní listy. 1914. 04. 08. Č. 211.

¹⁷ *Urban O.* České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000. S. 263.

¹⁸ Čas. 1914. 30. 06. Č. 178.

¹⁹ Čas. 1914. 01. 07. Č. 179.

²⁰ Čas. 1914. 02. 07. Č. 180.

²¹ Čas. 1914. 14. 07. Č. 192.

²² Čas. 1914. 12. 07. Č. 190.

²³ Čas. 1914. 13. 07. Č. 191.

²⁴ Příloha Času k Č. 199.

²⁵ Čas. 1914. 21. 07. Č. 199.

²⁶ Čas. 1914. 22. 07. Č. 200.

²⁷ Čas. 1914. 24. 07. Č. 202.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Čas. 1914. 25. 07. Č. 203.

³⁰ Ibidem.

³¹ Čas. 1914. 26. 07. Č. 204.

³² Čas. 1914. 28. 07. Č. 209.

³³ Čas. Zvláštní vydání. 1914. 29. 07.

³⁴ Čas. 1914. 29. 07. Č. 208.

³⁵ Sborník dokumentů k vnitřnímu vyvoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Sv. I. Praha, 1993. S. 31.

³⁶ Čas. 1914. 30. 07. Č. 210.

³⁷ Čas. 1914. 02. 08. Č. 215.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Čas. 1914.03.08. Č. 217.

⁴⁰ Národní listy. 1914. 04. 08. Č. 211.

⁴¹ *Айрапетов О.Р.* Участие России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. I: 1914 год. Начало. М., 2014. С. 5.

⁴² Там же. С. 8.

⁴³ *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 16.

⁴⁴ Там же. С. 36.

Е.П. Серапионова (Москва)

Начало Первой мировой войны и реакция чешского и словацкого общества

Прошло более столетия с начала Первой мировой войны, но до сих пор историки нередко прямо противоположным образом оценивают реакцию чешского и словацкого обществ на убийство наследника престола Франца Фердинанда и начало Первой мировой войны. Мало что изменилось с того времени, когда легионер, писатель В. Каплицкий в своих воспоминаниях, написанных в конце 1960-х гг., восклицал: «От Первой мировой войны нас отделяет более полувека, а сколько в мире на нее взглядов! Русский историк пишет одно, немецкий – другое, различные точки зрения у английских, французских либо американских историков, и чешские историки высказывают диаметрально противоположные мнения»¹.

Первый президент Чехословакии Т.Г. Масарик в своих воспоминаниях писал о том, что все чехи и словаки с самого начала были настроены антигабсбургски, всячески сопротивлялись мобилизации², организовали на родине и за границей мощное национальное движение за самостоятельное государство. В межвоенной Чехословакии с его легкой руки именно эта точка зрения утвердилась в историографии. С этим же связана оценка чехов и словаков как солдат и офицеров. Так как во вновь образованной Чехословацкой республике к власти пришли деятели антигабсбургского сопротивления, создававшие за границей воинские части (легионы) для борьбы на стороне Антанты, естественно, что после войны именно легионеры стали чехословацкими героями, а о большинстве чехов и словаков, сражавшихся в годы войны «за императора и отечество» старались не вспоминать. Основной акцент делался на то, что сражаться чехи и словаки на стороне Австро-Венгрии не желали, массово добровольно сдавались в плен. Сатирический роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» способствовал утверждению мифа о сплошной «швей-

ковщине», нежелании воевать, уклонении от службы чехов и словаков.

В последнее двадцатилетие и в Чехии, и в Словакии вышло много работ, посвященных Первой мировой войне, в которых специалисты рисуют более сложную картину общественных настроений и их эволюцию.

На конференции под названием «Российская империя и Австро-Венгерская монархия в годы Первой мировой войны», состоявшейся в культурном центре Венгрии в Москве 15–17 октября 2014 г., венгерский коллега Янек Иштван (Институт истории Центра гуманитарных наук ВАН, Будапешт) дал свою интерпретацию событий начала войны. Он, можно сказать, противопоставил общественные настроения чехов и словаков, говоря о том, что в Словакии в начале войны все были охвачены шовинистическим угаром, тогда как в Чехии с самого начала существовал отпор по отношению к войне. В доказательство он показал фотографию демонстрации в г. Кошице с ура-патриотическими транспарантами, а также подчеркнул, что мобилизация словаков прошла спокойно и организовано.

Но так ли все было на самом деле? Насколько распространены были в Словакии и в чешских землях ура-патриотические настроения сразу после объявления войны? Действительно ли существовал массовый отпор уже во время мобилизации? Какие позиции заняли ведущие чешские и словацкие политические партии и политики в начале войны (официально и неофициально)? Как воспринимали войну простые чехи и словаки, мобилизованные на войну, их родные и близкие? Как воевали чешские и словацкие бойцы на фронтах?

Представляется, что резкое противопоставление чехов и словаков не оправдано и не совсем верно. В доказательство можно привести следующие аргументы:

1) Мобилизация у чехов в целом прошла также, как и у словаков без особых эксцессов, что отмечали многие чешские историки³.

2) Демонстрация в г. Кошице, где проживало значительное число венгров и немцев, вряд ли может полностью и адекватно отражать настроения словаков (в массе своей сельских жителей) в связи с началом войны.

3) К тому же демонстрации в поддержку династии нередко специально организовывались властями и в центре, и на местах.

4) Чешский историк И. Шедивы обращал внимание на демонстрации в поддержку войны, прошедшие в первые дни после объявления мобилизации в чешских городах, в частности в Праге⁴.

Правда, по его мнению, чехи могли быть настроены проавстрийски, но не прогермански.

Скорее можно согласиться с мнением словацкой коллеги Г. Дудековой, которая считает, что отношение к войне зависело не от национальности (чех/словак), а от социального положения, вероисповедания и политических взглядов⁵.

По сообщению в МИД управляющего российским консульством в Праге коллежского асессора М. Казанского от 27 июня (10 июля) 1914 г., известие о трагической гибели наследника престола в чешском обществе было встречено с живейшим интересом, но политические последствия оценивались весьма сдержанно. По его наблюдениям, событие не произвело на чехов «особо горестного впечатления». Он отмечал, что, наряду с официальным, в большинстве случаев искренним, порицанием убийства, среди чешских партийных кругов высказывалось скорее удовлетворение относительно возможного изменения политики в желательном для славян смысле. По его словам, даже опытные чешские политические лидеры не предусматривали войну как возможное последствие убийства престолонаследника⁶.

Словацкие политики связывали с Францем Фердинандом надежды на изменения в политике Австро-Венгрии в свою пользу, и поэтому расценили его смерть как большую утрату⁷. В заявлении руководства Словацкой национальной партии, опубликованном 6 августа 1914 г., говорилось: «Реорганизатор нашей армии, прославленный великий наследник престола, Его императорское и королевское высочество эрцгерцог Франц Фердинанд, наиболее способный и компетентный знаток доблести отдельных воинских подразделений, неоднократно высказывался по поводу словацких полков, насколько нам известно, и в последние месяцы своей жизни, что он ими *гордится*. Наша молодежь докажет, что достойна этой великой похвалы, доставшейся ей из уст такого знатока, любившего армию»⁸.

Обычные люди в Словакии предчувствовали после этих событий крушение мирной жизни. В своем дневнике молодой словак Й. Клемпа весьма красочно описал тот момент: «Был солнечный летний день 29 июня 1914 г. С самого утра светило солнце и улыбалось каждому, как бы желая показать, что готово со всеми поделиться своим теплом. Я рано утром вышел на свежий воздух, чтобы погреться в лучах восходящего солнца. Состояние моего здоровья было не лучшее, я приехал из Вены, чтобы его поправить, но я радовался жизни. Я от души верил, что этот Божий свет

прекрасен и никак не предполагал, что могу в этом разочароваться. Человек предполагает, а Бог располагает, – говорится в пословице. На юге Балкан уже начали сгущаться черные тучи. Прошла неделя после праздника св. Петра и Павла. Мы шли из костела, когда пришло судьбоносное известие, что в Сараево в Герцеговине (На самом деле в Боснии. – *Е.С.*) убили наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда. Сразу же все поняли, что последствия будут плохие. В газетах было полно всевозможных сообщений. 30 июня⁹ уже объявили мобилизацию...»¹⁰.

Объявленная мобилизация в чешской и словацкой деревне и в городах воспринималась скорее как неизбежное зло, но вместе с тем необходимость, долг, и прошла она, как уже упоминалось, и в чешских землях, и в Словакии вполне организовано и спокойно. Чех Й. Йирасек записал в своем дневнике: «26 июля 1914 г. на праздник св. Анны была объявлена частичная мобилизация, и среди названных армейских корпусов был и 9-й корпус, к которому я был приписан. Настал мой черед в кратчайшее время явиться в расположение 18-го пехотного полка. С тяжелым сердцем покидал я родную деревушку под плач родных и близких. Каждый выполнял свою повинность и отправлялся к своему полку. Я часто вспоминаю, как в последний раз окинул взором родную деревушку... Вернусь ли я когда-нибудь обратно? Это вопрос моей судьбы. Я повернулся и зашагал выполнять свой долг»¹¹.

Война воспринималась как справедливое возмездие Сербии за убийство престолонаследника. В печати создавался образ мученика, убиенного наследника престола, и война трактовалась как оборонительная¹². Значительная часть населения сразу после объявления войны оказалась под влиянием военной шовинистической пропаганды¹³.

Относительное спокойствие в связи с объявлением войны объяснялось и жесткой политикой военно-бюрократического режима, который целиком контролировал общественную и политическую жизнь в обеих частях Австро-Венгерской монархии. Составлялись списки русофильски настроенных лиц, организаций и печатных органов¹⁴. В ситуационной информации Полицейского управления в Праге от 29 июля 1914 г. сообщалось о спокойствии всех слоев населения, с которым они восприняли манифест императора о провозглашении войны, считая это единственно возможным выходом для монархии. Газеты «Право лиду» («Pravo Lidu») и «Чешске слово» («České Slovo») призывали население к спокойствию и порядку. Бедняки опасались нехватки

продуктов из-за роста цен¹⁵. Отдельные антиавстрийские выступления на местах фиксировались четническими отделениями, и информация передавалась в президиум чешского наместничества. Сообщалось, например, об антиавстрийском поведении рекрутов в Бенешове и Градце Кралове при явке на призывной пункт¹⁶, о «предательском» поведении некоторых граждан в Марианских Лазнях и в Бору у Тахова¹⁷, а также об аресте братьев Йозефа и Винченса Яноушков, которые во время принятия солдатами присяги на площади в Литомержицах 2 августа 1914 г. выкрикивали «Да здравствуют сербы!»¹⁸. Однако массовый характер антиавстрийские выступления в чешских землях не имели.

Австрийский парламент до весны 1917 г. не функционировал, легальная деятельность чешских политических партий была весьма ограничена, печатная продукция подлежала цензуре, многие газеты и журналы закрывали на время, либо они полностью вынуждены были прекратить свою деятельность¹⁹. Начало войны означало крушение всех существовавших до того чешских политических концепций и программ, необходимость поиска путей выхода из войны и послевоенного развития.

В начале войны чешские политики заняли различные, можно сказать, противоположные позиции: часть из них считала необходимым сохранять лояльность монархии и поддерживать военную политику Австро-Венгрии, другие верили в победу Антанты, искали контактов с ее представителями²⁰ и начали нелегальную антиавстрийскую деятельность, создав тайную организацию «Маффия». Причем часть из них, например лидер младочехов К. Крамарж, ориентировалась на Россию, другие (во главе в будущем президентом ЧСР Т.Г. Масариком) постепенно решили опереться на западных союзников (Францию, Великобританию).

Большинство партий и лидеров были настроены оппортунистически, проявив хоть и формальную, но лояльность правительству. Чешская социал-демократия не осудила войну, а приостановила свою деятельность. Аграрии заняли прагматическую позицию, готовые в случае необходимости заявить о своей лояльности, но одновременно поддерживали связи с Маффией и заграничным сопротивлением. Откровенную поддержку монархии выразили партии политического католицизма в силу традиционных связей династии с католической церковью.

Военно-бюрократический режим не доверял чехам и преследовал любые проявления национальных чувств. Осенью 1914 г. превентивному аресту подверглись лидеры национальных со-

циалистов В. Клофач и Э. Шпатны²¹, а в мае 1915 г. последовала еще одна волна арестов, когда осуждены на смертную казнь были К. Крамарж, А. Рашин и др.²²

Чешская реакция на начало войны в силу всех этих обстоятельств была «спонтанной, фрагментарной и несогласованной»²³.

Но в записке на высочайшее имя чешских политических деятелей в России от 24–25 октября 1914 г. цитировалось высказывание наместника Чехии графа Туна о том, что якобы «все чешские партии без исключения имеют славянскую программу и славянские сентименты. Нация русофильская и сербофильская, и это нельзя изменить»²⁴. На родине чешские политические лидеры были лишены возможности высказывать свои позиции, наоборот, часто им приходилось делать «вынужденные» заявления. По сообщению российского агента в Берне В. Сватковского от 5 (18) декабря 1914 г., чехи просили «не придавать значения вынужденным заявлениям пражского головы Гроша, который действовал под угрозой учреждения в Праге императорского комиссариата»²⁵. По его словам, младочехи признают, что Грош «недостаточно тактично использует свою задачу, благодаря чему немецкая печать дополняет его измышления, опровергать кои чехам нет возможности»²⁶.

Лишь чешские и словацкие эмигранты, жившие в странах Антанты и с началом войны превратившиеся в подданных «враждебного государства», стремясь избежать репрессий, сразу заявили о своей антигабсбургской позиции. Уже 31 июля (13) августа 1914 г. киевские чехи послали телеграмму на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова такого содержания: «Следуя с захватывающим вниманием за развитием мировых событий и генеральным выполнением Вашим превосходительством предначертаний державного вождя земли русской, киевские чехи приемлют смелость почтительнейше приветствовать Вас и выразить преклонение перед мудростью и изумительным искусством с коим Вы изолировали исконных врагов славянства, поставили Россию на недостижимый пьедестал защитницы поправленных прав всего культурного человечества»²⁷. В статье «Чешский вопрос», опубликованной в газете «Русское слово» 10 (23) августа 1914 г., представители Чешского комитета в Москве Л. Тучек и С. Коничек писали о богатой истории Чехии, ее выгодном географическом и стратегическом положении как западного оплота славянства, моста с южными и восточными славянами, о 8 млн населении, способном выставить 1 млн армию, экономическом значении Чехии (железо, уголь, серебро, целебные источники, высокоразвитое земледелие, богатая промышлен-

ность: сахароварение, машиностроение, пивоварение и пр.). Они высказывались за таможенный союз славянских государств, за свободное чешское государство, ссылаясь на чешских и словацких славянофилов Добровского, Коллара, Юнгмана, Шафарика, Палацкого, Ригера, поэта Святоплука Чеха и национальных деятелей Крамаржа и Клофача, которые устремляли свои взоры на «великую славянскую Россию». В этой же статье они подчеркивали, что чешские дружины пойдут вместе с доблестной Русской армией в бой с вековым врагом – германизмом – для «торжества идеи великого, свободного, единого славянства под сенью Святой Руси»²⁸.

В связи с активностью чехов и словаков в России, создавших Союз чешских обществ, Чешскую дружину, и развернувших антиабсбургскую деятельность, российские гражданские и военные власти выражали определенное недоумение – в донесении начальнику штаба Верховного главнокомандующего говорилось: «В то время, как чешские общества в России выносят целый ряд резолюций о необходимости добиться политической самостоятельности, чехи и словаки, подданные Австро-Венгрии, продолжают спокойно выполнять свой верноподданнический долг перед монархией и не выказывают никаких стремлений к активным выступлениям с целью добиться своей независимости с оружием в руках»²⁹. Даже первое открытое выступление против Австро-Венгрии эмигрировавшего на Запад Т.Г. Масарика состоялось лишь 6 июля 1915 г. в Женеве в речи по случаю 500-летия со дня казни чешского религиозного реформатора Я. Гуса, хотя нелегальная деятельность Масарика началась еще осенью 1914 г.³⁰

Введение военного положения в Венгрии, частью которой являлась Словакия, вело к ограничению гражданских прав и свобод, передачу власти военным органам, делало невозможным осуществление политической деятельности³¹. В этих условиях уже 5 августа 1914 г. Словацкая национальная партия приняла решение о приостановке своей деятельности. Руководство партии выразило лояльность государю и родине³², но, выбрав пассивную тактику, как бы оградило себя от дальнейших вынужденных действий в поддержку Австро-Венгрии. Словацкая печать подвергалась жесткой цензуре, около 600 деятелей словацкого национального движения власти зачислили в разряд «неблагонадежных».

Отправка на фронт вызывала скорбь, плач, грусть расставания. В дневнике Й. Клемпы читаем: «Чем дальше, тем хуже приходили известия. Австро-Венгрии объявили войну такие великие державы как Россия, Англия, Франция. Теперь уже все понимали, что пред-

стоит что-то серьезное. Поезда шли один за другим, не успевая забирать солдат. На станциях разыгрывались душеспитательные сцены. Жены и дети провожали своих мужей и отцов, и остальная семья – своих близких»³³. Правда, многие были уверены в том, что война будет быстрой и закончится через 2–3 месяца. После объявления мобилизации в июле 1914 г. во многих деревнях призывники уходили на фронт с уверенностью, что быстро побьют сербов и до начала осенних работ на полях успеют вернуться домой³⁴. Отдельные случаи проявления несогласия очень быстро были подавлены, массового отпора войне в Словакии не наблюдалось³⁵. Размышляя о войне, Клемпа пришел к выводу, что словаки хороши для венгров лишь как «пушечное мясо», газеты, по его словам, писали о подвигах выдающихся словаков, а в парламенте не разрешалось даже говорить по-словацки. Поэтому он чувствовал отпор по отношению к Венгрии, но вначале надеялся, что словацкий вопрос поможет решить... Австрия³⁶.

Позднее уже через несколько месяцев после начала войны российский агент В. Сватковский сообщал, что в войну никто из чехов не верил. Для них она была полной неожиданностью. Первые успехи Германии и Австрии вызвали подавленность. Аресты чешских политиков еще больше ее усилили. Далее он писал об эволюции настроений в чешском обществе: о том, что к декабрю 1914 г. чувствовались уже недовольство Германией, втянувшей Австро-Венгрию в войну, пораженческие настроения после прибытия в Вену беженцев из Галиции, наблюдались вспышки русофильства, которые он связывал с успехами русской армии. Австрофильские настроения чешских аграриев и социал-демократов в начале войны к концу года полностью улетучились. Что касается настроения в Словакии, входившей в состав Венгрии, то оно, по его словам, было более бодрое, но и там прошли демонстрации против дороговизны, на которых иногда выдвигались антивоенные лозунги.

Ура-патриотические настроения в Чехии и в Словакии специально преувеличивались официальной пропагандой. В самом начале католическая церковь всячески поддерживала боевой дух отправляемых на фронт солдат и офицеров. Отношение церкви к войне сильно влияло на население, в то время в подавляющем большинстве своем верующее, особенно сильным это влияние было в Словакии. Но и отношение Святого престола к войне менялось. Папа Римский Пий X после объявления войны занял однозначную позицию в поддержку Австро-Венгрии. Но 20 августа 1914 г. он скончался, и его преемником стал скорее франкофил

Бенедикт XV, заявивший о нейтралитете католической церкви и обратившийся к католикам с призывом прекратить кровопролитие и разрушение Европы³⁷.

Большую часть чешских и словацких солдат и жителей Австро-Венгрии составляли крестьяне, которые дольше сохраняли лояльность в отношении к властям и династии. И только с течением времени в результате кризисной ситуации в тылу и ухудшавшегося снабжения менялась их позиция в отношении режима³⁸. В конце декабря 1914 г. В. Сватковский сообщал из Цюриха о кризисном хозяйственном положении Австро-Венгрии: нехватке хлеба, картофеля, чечевицы, продолжавшимся вывозе хлеба из Австрии и особенно из Венгрии в Германию, мерах по ограничению потребления хлеба (примесью маисовой муки) и прекращению спекуляции хлебом, цены на который возросли в 2 раза (а в некоторых областях в 5–6 раз). В сообщении говорилось о возможном голоде в мае, но приводилось и мнение главы аграрной партии А. Швеглы, что до голода не дойдет, так как увеличилась площадь озимых на 30%. Правда чешские аграрии были весьма встревожены намерением Вены обеспечивать свои нужды хлебом из Чехии. Сватковский в секретной депеше писал: «Моравские крестьяне усердно приберегали до сих пор запасы хлеба и фуража для русских войск. Теперь этим запасам угрожают беженцы, для которых выстроены обширные лагеря в восточной Чехии и Моравии»³⁹. В послании констатировалась нехватка металлов и рост цен на них (олово, цинк, свинец, никель, медь). По словам Сватковского, существовал даже проект секвестрировать в случае необходимости медные котлы пивоваренных заводов, число которых в монархии очень велико. Не хватало селитры для производства взрывчатых веществ. «Две динамитные фабрики в Чехии, – сообщал российский агент, – уже прекратили работы, часть их персонала была направлена на завод близ Прессбурга (Братиславы–E.C.), но, по-видимому, и там дело не ладится. Возвращающиеся из Прессбурга чехи заявляют, что не могли там работать, ибо на заводе чего-то не хватает»⁴⁰. Для экономики шерсти, в которой предвидели недостаток, суконным фабрикам разрешалось при военных поставках примешивать к шерсти 25% бумаги. На 20% сократилась добыча каменного угля, не хватало вагонов для перевозки грузов, чрезвычайно возросли цены на жировые продукты и смазочные масла, ощущался недостаток резины и автомобильных шин. Общий итог дефицита и убытков за 1914 г. равнялся 2 250 000 крон, был введен военный заем, принудительно к нему привлечены все общественные, корпоративные,

церковные и сиротские фонды, все высшие и средние чиновники, у которых вычиталось 30% из жалования.

До конца 1914 г. Австро-Венгрия мобилизовала 3–3,6 млн мужчин до 42 лет. К тому времени, по полуофициальным данным, 900 тыс. числились убитыми и ранеными (в это число не входили пропавшие без вести и взятые в плен). Первоначальная армия перестала существовать после битвы у Равы Русской. Согласно статистическим данным из Праги и других городов, на воинскую службу стали зачислять ранее признанных негодными, их число составило 25–35%⁴¹. В австро-венгерской армии ощущался недостаток в винтовках, но работы на оружейных заводах велись днем и ночью, разрабатывалось новое вооружение. По сообщению Сватковского, хвалили русскую артиллерию, путиловские орудия, но снаряды разрывались не всегда. Меньше похвал доставалось русской пехоте, которая стреляла хуже австрийской, но чаще. Противник хвалил снабжение нашей армии одеждой, обувью и пищевым довольствием, которое было обильнее, чем у австрийцев⁴².

Что касается соотношения воевавших на стороне Центральных держав и Антанты, то весьма показательные цифры привел И. Шедивы: число павших «За Бога, императора и родину» солдат и офицеров, призванных из чисто чешских областей, за годы войны составило 138 128 человек, а число павших легионеров равнялось 5 405⁴³.

Он же справедливо отметил различную степень готовности чехов и словаков воевать против неприятеля на разных фронтах. Если на Итальянском фронте в 1915–1918 гг. чехи и словаки зарекомендовали себя как стойкие бойцы, то война на Сербском и Восточном фронтах в 1914–1915 гг. была непопулярна, и массовая добровольная сдача в плен действительно имела место⁴⁴. Правда и здесь свидетельства весьма противоречивы. В некоторых из них утверждалось, например, что «чехи и словаки сдают в плен лишь тогда, когда все средства сопротивления исчерпаны»⁴⁵. Ситуация менялась с течением времени. Если вначале сопротивление проявлялось в распевании чешских национальных патриотических песен, то уже к весне 1915 г. массовыми стали дезертирство с фронта и перебежки на сторону противника⁴⁶. Это подтверждается и запиской председателя Союза чешских обществ в России Б. Чермака от марта 1915 г., в которой читаем: «Массовые сдачи чешских солдат наводили нас на мысль, что явление это нельзя считать последствием трусости, а только как сознательную пассивную помощь братскому оружию»⁴⁷.

И. Шедивы убедительно показал, что о пассивном сопротивлении Габсбургам применительно к чешским землям можно говорить лишь с 1916 г., а в активном сопротивлении участвовала лишь очень небольшая часть населения.

Как мы видим, отношение к войне в чешском и словацком обществе несколько отличалось, но и там, и там оно эволюционировало – от достаточно лояльного к властям до антивоенного сопротивления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kaplický V. Hrst vzpomínek z dospělosti / K vydání připravil M. Kučera. Praha, 2010. S. 5.*

² В беседах с К. Чапеком Т.Г. Масарик, в частности, вспоминал о том, как проходила мобилизация в чешских землях: «...Призывники шли в армию с отвращением, как на бойню; были случаи неповиновения, отказов, начались преследования» // *Chanek K. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 111.*

³ См., напр.: *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Česko-slovenští legionáři (1914–1920). Praha, 1996. S. 12.*

⁴ *Šedivý I. Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001. S. 34–35.*

⁵ *Дудекова Г. Социальные последствия Первой мировой войны – импульсы и результаты новейших исследований // Социальные последствия войн и конфликтов XX века историческая память. М.; СПб., 2014. С. 27–28.*

⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Политический архив. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 170. Л. 40–41.

⁷ Члены словацкой делегации на похоронах Франца Фердинанда возложили к его усыпальнице венки в траурной ленте, на которой было написано: «Великой надежде, ожидаемой сильной защите глубоководные словаки» – *Slovensko v 20.storočí. druhý zväzok Prvá svetová vojna 1914–1918. Bratislava, 2008. S. 16.*

⁸ *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. I. Bratislava, 1998. S. 432.*

⁹ Либо опечатка в книге, либо ошибка автора дневника, так как всеобщая мобилизация в Австро-Венгрии была объявлена 31 июля 1914 г. – См.: *Vojenské dejiny Slovenska a Slovákov slovom a obrazom / Vedúci aut. kol. V. Segeš. Bratislava, 2013. S. 165.*

¹⁰ *Klempa J. Moje skúsenosti za svetovej vojny. Denník československého legionára z rokov 1914–1920 / Text elektronicky spracovala a upravila vnučka V. Melišková. Bratislava, 2014. S. 11.*

¹¹ *Jirásek J. Můj zápisník od počátku světové války r. 1914 a doba mého zajetí v Rusku a v Sibiři. Červený Kostelec, 2009. S. 17.*

¹² Надо сказать, что все три императора: российский, австро-венгерский и германский подчеркивали вынужденный, оборонительный характер войны. Так, например, германский император Вильгельм открыл чрезвычайную сессию Рейхстага чтением следующей тронной речи: «...С тяжелым сердцем вынужден был я мобилизовать свои войска против соседа, с которым эти войска в стольких боях сражались бок о бок. С чувством искреннего сожаления я видел, как разбивается столь верно поддерживаемая со стороны Германии дружба, императорское русское правительство, уступая ненасытному национализму, вступилось за государство, которое своим содействием преступным покушениям вызвало все бедствие этой войны». (АВПРИ. Ф. 134. Архив Война. Оп. 473. Д. 7. 1914. Л. 4). В манифесте Николая II от 20 июля 1914 г. говорилось: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбы безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последующие дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования... Венское правительство объявило России войну за то, что Россия, верная своим историческим заветам, не могла оставить беззащитной Сербию и допустить ее порабощение» (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 18. Л. 3, 4, 8, 15). Франц Иосиф в манифесте к народам от 14 июля 1914 г. заявлял: «Происки преисполненного ненавистью противника вынуждают меня ради охранения чести моей монархии, для защиты ее престижа и ее державного положения, а равно для охраны ее достояния после стольких лет мира взяться за меч» (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 18. Л. 26).

¹³ *Кодаева Д.* Война – это смерч. Чрезвычайное положение и стратегия выживания в период Великой войны (на примере Словакии) // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.* СПб., 2011. С. 111–112.

¹⁴ *Soupis dokumentů k vnitřnímu vývoji v českých zemích za 1.světové války 1914–1918.* Sv. 1. Léta 1916–1916. Praha, 1997. S. 26.

¹⁵ *Národní archiv (NA). F. Prezídium Českého místopředsedství (PM) 1911–1920.* Sign. 8/1/92/19. Čj. 15804/1914.

¹⁶ *Ibidem.* Čj. 15816/1914.

¹⁷ *Ibid.* Čj. 15866/1914.

¹⁸ *Ibid.* Čj. 16677/1914.

¹⁹ *Urban O.* České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000. S. 264.

²⁰ *R.W. Setton-Watson and His Relations with the Czechs and Slovaks. Documents 1906–1951/ J. Rychkík, Th. D. Marzik, M. Bieik. I. Banská Bystrica, 1995. S. 201–209.*

²¹ *Harna J.* České země v letech první světové války (1914–1920) // *Dějiny českých zemí / J. Pánek, O. Tůma a kol. Praha, 2008. S. 302.*

²² Смерть Франца Иосифа в 1916 г., не успевшего подписать смертный приговор, спасла им жизнь, подробнее см.: *Serapionova E.P.* Карел Крамарж и Россия 1890–1937 годы. М., 2006. С. 241–261.

²³ *Pichlík K., Klípa B., Zabloudivá J.* Českoslovenští legionáři... S. 10.

²⁴ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 204/120. Л. 23–24.

²⁵ Там же. Л. 30.

²⁶ Там же. Л. 32.

²⁷ Под телеграммой стояла подпись: от имени всех киевских чехов Комитет по оказанию помощи жертвам войны председатель Й. Индржишек и секретарь В. Вондрак (АВПРИ. Ф. 134. Архив Война. Оп. 473. Д. 18. Л. 15).

²⁸ Русское слово. 1914. 10 (23). 08. // АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 204/120. Л. 8.

²⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (3). Л. 157.

³⁰ См.: R.W. Setton-Watson and His Relations with the Czechs and Slovaks. Documents ... I. S. 209–215.

³¹ *Podrimavský M.* Postoj slovenskej spoločnosti k vojne // Slovensko v 20.storočí. druhý zväzok Prvá svetová vojna 1914–1918... S. 21.

³² Текст заявления Словацкой национальной партии см.: *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti.* I. S. 430–433.

³³ *Klempa J.* Moje skúsenosti za svetovej vojny... S. 11–12.

³⁴ *Кодаева Д.* Указ. соч. С. 108.

³⁵ *Hronský M.* Mobilizácia rakúsko-uhorskej armády a účasť Slovákov na bojiskách // Slovensko v 20.storočí. druhý zväzok Prvá svetová vojna 1914–1918... S. 33.

³⁶ *Klempa J.* Moje skúsenosti za svetovej vojny... S. 9.

³⁷ *Kečka R.* Benedikt XV. A veľká vojna. Mirotvorca, ktorého nebrali vážne // *Historická revue.* 2014. N 7. S. 68–71.

³⁸ *Дудекова Г.* Социальные последствия Первой мировой войны... С. 28.

³⁹ АВПРИ. Ф. 134. Архив Война 1914–1915 гг. Оп. 473. Д. 43. Л. 2, 2об., 3.

⁴⁰ Там же. Л. 2 об.

⁴¹ Там же. Л. 6–7.

⁴² Там же. Л. 7об.

⁴³ *Šedivý I.* Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001. S. 149.

⁴⁴ *Ibidem.* S. 150.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323(3). Л. 157 об.

⁴⁶ *Harna J.* České země v letech první světové války (1914–1920) ... S. 300.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323(2). Л. 120.

Первая мировая война и чешский тыл

28 июня 1914 г. выпало на воскресенье. Спокойное течение выходного в три часа дня нарушило шокирующее сообщение об убийстве в боснийском Сараеве наследника императорского престола Франца Фердинанда д' Эсте и его супруги Софии. На официальных зданиях появились траурные знамена. Немцы публично выразили соболезнования в связи с этим преступлением. Чехи по большей части сохранили молчание. Концерты и другие культурные мероприятия были прерваны. Подготовку к летнему сезону отпусков ни политики, ни военные, между тем, не прекратили. Целый месяц практически ничего не происходило. 23 июля, воодушевленная поддержкой вильгельмовской Германии, Австро-Венгрия отправила ультиматум Сербии, жестко сформулированные пункты которого оказались для последней неприемлемыми. Сербия по совету России, которая не была готова к войне, во многом уступила, но в полном объеме ультиматум не приняла. В день св. Анны в Австро-Венгрии объявили мобилизацию. Чехи являлись на сборные пункты с песней, в которой были такие слова: «Красный платочек на себе повяжи, мы идем на серба, но зачем, скажи». Через месяц после покушения, 28 июля 1914 г., Австро-Венгрия объявила войну Сербии. На следующий день австрийская дунайская флотилия обстреляла Белград. Так началась Первая мировая война, которая продлилась более четырех лет и которую историки назвали Великой. Позднее первый чехословацкий президент Томаш Г. Масарик определил ее как мировую революцию.

Чехи и немцы в начале войны: боевой дух
или осторожность?

Объявление войны жители чешских земель восприняли по-разному: для чешских немцев это рождало надежды на укрепленные положения в Габсбургской монархии, и потому было встречено

но большинством из них с воодушевлением. Немецкое население Праги и других городов высыпало на улицы. На патриотических собраниях прославлялся австро-немецкий союз, а в сопровождении военных оркестров исполняли, например в Либерце, «Wacht am Rhein» («Вахта на Рейне» – немецкая патриотическая песня. – *Е.С.*). В подобной атмосфере проходила частичная, а потом и всеобщая мобилизации. Немецкое население так же, как и солдаты, верило, что Сербия скоро будет побеждена и что война кончится победой Центральных держав еще в том же году.

Чехи не радовались войне, хотя победа русских могла изменить их государственно-правовое положение. Отказ чешских новобранцев идти на войну никак не представлял собой массовое явление, но некоторые происшествия можно отметить. Например, в Чешске-Будеёвице отмечались отдельные случаи выступлений против войны и представителей правящей династии, а именно: распевание запрещенных песен, оскорбления в адрес его высочества, антигосударственные высказывания и уклонения от военной службы. Антивоенные настроения проявились также во время осеннего призыва новобранцев, который проходил с 16 ноября по 5 декабря 1914 г.

Его спокойный ход в Чешске-Будеёвице был нарушен неожиданными действиями новобранцев, которые выразили свое нежелание воевать за Австрию в том, что дополнили форму траурной символикой, а также распевали песни «Гей славяне!» и «Шестое июля». Власти, не колеблясь, жестко подавляли любое сопротивление: виновных ждали зачисление в боевые части и отправка на фронт¹. В целом достаточно часто бывало, что чешские представительные органы выражали свой патриотизм, посылая протесты районному гетману против недостаточного снабжения и подорожания продуктов питания.

Первой чешской жертвой австро-венгерской военно-бюрократической машины и особого военного (чрезвычайного) положения, введенного в Моравии, Галиции и на Буковине после первых поражений на Восточном фронте, стал журналист, член сокольской организации Славомир Кратохвил из моравского Пршерова, который вместе со своими тремя помощниками был арестован за распространение антигосударственных листовок. Чрезвычайный военный суд приговорил С. Кратохвила к смерти (один из распространителей листовок получил 8 лет тюремного заключения, а два других были освобождены). Расстрел был произведен 23 ноября 1914 г. Следующей «австрийской» жертвой был журналист Йозеф

Котек, с 1913 г. работавший редактором журнала «Прогресс» в Простейове. За подстрекательские антигабсбургские речи он был приговорен австрийским военно-полевым судом к смертной казни и 23 декабря казнен.

Усиление контроля над населением и регулирование потребления

Начало войны застало главные законодательные органы Габсбургской монархии в состоянии паралича. Земский сейм Королевства чешского не заседал уже год. Земский комитет, являвшийся исполнительным органом земского сейма, с июля 1913 г. был распущен, а имперский совет с весны 1914 г. не собирался. Всю решающую и исполнительную власть взяло на себя венское правительство, которое выполняло, прежде всего, те задачи, которые ему ставила никем и ничем не контролируемая военно-бюрократическая машина. С началом войны ограничилась также деятельность районных и общинных органов самоуправления. Эти органы в течение войны практически не работали, вся их деятельность после мобилизации сводилась к обеспечению населения продуктами питания. Поэтому решающее слово в населенных пунктах принадлежало так называемым снабженческим комиссиям. Снабжение зависело от наличия достаточных финансовых средств. Недостаток продуктов, ростовщичество и стремление ограничить черный рынок заставляли руководство на местах закупать и доставлять муку или картофель за собственный счет.

Война радикально изменила жизнь населения в тылу. Большая часть мужчин в возрасте от 18 до 50-ти лет была отправлена на фронт. Освободившиеся места занимали женщины. Жизнь в тылу превратилась в ежедневную борьбу за выживание и поиск жизненно необходимых товаров в плохо снабжаемых магазинах. Бесконечные постановления центральных властей представляли собой в основном запреты и ограничения. Довоенная гражданская жизнь сменилась выживанием, как выразился Рудольф Кучера, «жизнью на пределе»².

Бюрократические основы военной экономики для сельского хозяйства определило установление 25 июля 1914 г. максимальных закупочных цен и объема обязательных поставок сельскохозяйственных товаров. С осени 1914 г. государство старалось найти выход из тяжелой ситуации со снабжением введением максимальных рыночных цен на продукты питания. С 28 ноября 1914 г. были установлены максимальные цены на разные сорта пшеничной, ржаной

и кукурузной муки. Однако эти меры оказались безрезультатными, так как даже за максимально установленную цену ничего нельзя было купить, а если вы хотели что-либо приобрести, то должны были заплатить в несколько раз больше. Цены на основные продукты питания повышались не только в силу их нехватки, но и из-за спекуляции. И хотя власти наказывали за ростовщичество и завышение цен штрафами и тюремным заключением, черный рынок процветал. Большинство торговцев использовали кризисную ситуацию в целях собственного обогащения. Они часто припрятывали товары до выгодного момента, а это означало, что товар выкладывали только тогда, когда цены на него взлетели уже до небес.

В мае 1915 г. вышло постановление министерства внутренних дел об ограничении продажи мяса и мясных продуктов в розничной торговле пятью днями в неделю. Постными днями объявлялись среда и пятница, а позднее к ним добавили еще и понедельник³. Это постановление распространялось на все рестораны и домашнюю кухню, а нарушителей ждал штраф до 5 000 крон и полугодовое тюремное заключение. В мае 1917 г., когда были введены карточки на свинину и говядину, значительно возросло употребление конины. Мясники могли делать только так называемые колбасы из трешушки с примесью говядины и хлеба⁴. Магистраты одновременно постановили, что в трактирах в мясные дни нельзя готовить и подавать мясные блюда с 8 до 12 часов дня.

В целом же можно констатировать, что в тылу ощущался недостаток практически всего вследствие того, что большая часть продуктов шла на фронт. И это уже во второй год войны привело к введению распределительной системы на все жизненно важные продукты. Со 2 апреля 1916 г. были введены карточки на сахар, с 18 июня 1916 г. – на кофе, а с 15 сентября 1916 г. – на жиры. С 5 ноября 1917 г. вводились продуктовые карточки на картофель. Регулировалось потребление молока и мяса. По мере углубления кризиса снабжения росли и цены на продукты. Власти реагировали на эту кризисную ситуацию ограничительными мерами, пытаясь регулировать цены. Однако эти мероприятия были малоэффективными. Усиливалась нужда, а потом и голод, а позиции черного рынка только укреплялись. В последний год войны снабжение населения стало ужасающим. В пищу шло все, что можно было «найти и поймать». Делали салаты из крапивы и одуванчиков, фруктовые супы, из остатков фруктов готовили твердый мармелад, корни некоторых растений заменяли мясо, обычным стал сбор грибов и других даров леса⁵.

В этих условиях появились так называемые военные повара, они обучали народ «готовить дешевые блюда, требующие небольшого количества муки, мяса и соуса». Перед поварихой, о которой рассказывала Мария Соучкова, в 1915 г. стояла задача научить хозяек в военных условиях «обеспечивать выживание семей скромными средствами», еще имевшимися под рукой, да еще так, чтобы «регулярное утоление голода не было однообразным». Целью военных поваров было «научить и опытных хозяек, как готовить экономно и одновременно питательно, преодолевая трудности и удовлетворительно справляясь с задачей»⁶.

В связи с углублявшимся кризисом снабжения тыла продуктами питания и как следствие хронического недоедания у большей части детей из бедных семей в 1918 г. по инициативе императора Карла началась благотворительная акция «Дети – гости». Ее проведение было поручено немецкой *Landeskommission für Kinderschutz und Jugendfürsorge* (Земской комиссии по защите детей и попечении о молодежи), которая находилась в Праге, и районному школьному совету. Этой акцией был охвачен 28 871 ребенок в основном из немецких областей, из них 17 572 ребенка совершили оздоровительную 6–8 дневную поездку в Венгрию, где меньше ощущался недостаток продуктов⁷.

Поскольку недоставало основных продуктов, население городов прибегало к недельным выездам в деревню за провизией или «хамстрованию» (*Hamster* – по-немецки «хомяк». – *прим. пер.*). В деревне за провизию расплачивались монетами, золотом, ее также меняли на одежду, мебель, украшения. С течением времени торговля с денежным обращением сменилась простым обменом. Закупки («хамстрование») касались не только продуктов питания, но и других необходимых предметов обихода, например, мыла, свечей, материи и бумаги. Органы власти против неконтролируемых закупок продуктов боролись. На границах районов дежурили четники, задачей которых было конфисковывать так дорого доставшуюся пищу. Наиболее тщательные проверки проводились на вокзалах крупных городов⁸.

Реквизиции

Составной частью попыток ограничить черный рынок стали реквизиции продуктов при помощи войск. В течение всей войны проходили реквизиции, то есть бесплатная конфискация излишков продовольствия и других предметов потребления необходи-

мых в военных целях. Согласно списку засеянных площадей, который должны были с весны 1915 г. ежегодно составлять органы самоуправления, они подготовили и перечень обязательных поставок излишков продуктов для сельских общин и единоличников с обозначением времени, до которого надо их сдать. Если в эти сроки поставок не поступало, проводили реквизиции. Они проходили в основном при содействии войск. В марте 1917 г. в деревне действовала так называемая венгерская комиссия, которая безжалостно и «без разговоров» просматривала хозяйства, стремясь найти спрятанные запасы провизии. Крестьяне же прятали продукты от комиссии в соломе, под сеном на земле, в кронах деревьев, под полом, а некоторые особо изобретательные – складывали их за ложной стеной или в колодце. Другие из опасений реквизиции закапывали продукты в землю. Реквизиционная комиссия состояла из комиссара по выкупу, назначаемому районным гетманством (часто им становились государственные служащие, учителя или охранники на пенсии), а также старосты общины и эксперта по экономическим вопросам. В Писке, например, вместо преподавания в реквизиционных акциях должны были принимать участие учителя гимназий, которые вели документацию по изъятым продуктам. Позднее реквизиции проходили при участии четников или военных патрулей со штыками на винтовках для пущего уважения к комиссии. В некоторых населенных пунктах реквизиции проходили спокойно. В других деревнях председатели комиссий поступали опрометчиво, и зачастую случались конфликты, когда у людей отбирали последнее, что у них было, или даже то, что они приготовили себе на обед. Больше всего страдали крестьяне, которые вынуждены были оставлять определенное количество продуктов для того, чтобы прокормить семью и близких, а все остальное продавать по фиксированным ценам. Эти реквизированные товары затем сдавались в закупочные отделы государственного военного института, который в основном распределял их на фронте.

Устройство народных столовых

Одной из форм непосредственной помощи местного самоуправления бедному городскому населению стали народные столовые и полевые кухни. Первая из таких кухонь была организована по инициативе старосты и нескольких дамских кружков в Либерце 3 декабря 1914 г. Каждый день с 6 до 8 часов вечера здесь можно было получить суп и хлеб за 6 галержей (галерж – денежная

единица, 1 крона=100 галержам. – *прим. пер.*). В Праге в 1916 г. по венскому и берлинскому образцу устроили общественную столовую «У воеводы» в старом городе, а затем и в голешовских скотобойнях. Также в Праге работали «народные кухни» для безработных и неимущих с условием, что те являлись членами городской общины. Их устроители руководствовались т.н. таблицами калорий Рубнера. В 1916 г. в Праге была открыта и общественная столовая для среднего класса с системой предоплаты и строгим отделением от народных столовых. Их устройство свидетельствовало о значительном ухудшении положения средних классов за годы войны. На крупных заводах были открыты заводские столовые для рабочих и членов их семей. Подобные столовые устроили в Либерце, например, такие фирмы как Йоган Лейбиг и К°, С. Нойманн и сыновья, С.С. Нойманн или объединенные красильни⁹.

Дефицит одежды

В 1917 г. стал сказываться и недостаток одежды. Цены на новую одежду подскочили до такой степени, что для бедных ее приобретение стало недостижимо. Население использовало старую одежду для пошива новой. Поэтому через несколько лет войны серьезно снизились первоначально обильные выручки от сборов старой одежды. Новые материалы были не очень качественные и недолговечные. В производстве одежды и белья из-за дефицита хлопка использовался эрзац пряжи из крапивы и бумаги. Качественная довоенная одежда стала новым платежным средством при обмене на продукты. Продавцов одежды контролировала администрация, и они должны были давать точный отчет о происхождении и движении товаров. Торговцы старой одеждой могли свободно продавать только пятую часть своей продукции. В феврале 1918 г. начало свою деятельность Районное отделение по обеспечению одеждой, создав места сдачи и замены старой одежды.

Военные сборы и займы

В годы войны проходили многочисленные сборы с целью поддержания военных усилий монархии, во время которых апеллировали к австрийскому патриотизму и призывали население жертвовать деньги и дарить драгоценные металлы. Одновременно предлагались разные мелочи: медальоны с портретами императора, фигурки немецких и австрийских солдат, металлические и

стеклянные чашки, открытки, календари и т.п., выручка от продаж которых шла на обеспечение раненых солдат, вдов и сирот.

В ноябре 1914 г. был объявлен первый военный заем, второй – в мае 1915 г., третий в ноябре того же года, а четвертый – в апреле 1916 г. В немецких городах создавались агитационные комитеты для рекламы военных займов. Организовать подписку на военный заем означало, как писалось в официальных циркулярах, «проявить в отношении нашей славной монархии преданность» и одновременно «предоставить родине средства для окончания войны», а также «предотвратить падение курса нашей валюты». Районные гетманы призывали комитеты на местах включиться в организацию подписки на займы и «склонить имущие слои населения активнее подписываться на займы». Больше всего денег выручали у банков и местных финансовых учреждений на немецкоязычных территориях, поскольку там привлекали средства, которые итак находились на хранении, а кроме того, обладатели вкладов ожидали обещанную 5% комиссию на все средства по займам, которые должны были выплатить в течение 40 лет. Например, в 1914 г. в г. Писек удалось оформить заем у городского сбербанка на 119 000 на покрытие самых необходимых мобилизационных расходов и расходов на содержание, а через год – еще на 100 000 крон в качестве военного займа¹⁰. Только восьмой по счету заем вызвал затруднения и у немецкого населения. Неудачу этого мероприятия можно приписать окончательному краху снабжения населения, огромной инфляции и общему упадку финансовой системы. Избытки финансового обеспечения и драгоценности использовались теперь просто для выживания, особенно для покупки продуктов в деревнях. Но и так с трудом верится, что, например, г. Либерец за 8 военных займов собрал 11 280 000 крон¹¹. Чешские органы самоуправления смогли мобилизовать гораздо меньшие суммы.

В августе 1915 г. все домовладельцы обязаны были сдать все предметы из меди и никеля. Исключение составляли лишь предметы, являвшиеся художественной или исторической ценностью. В январе 1917 г. принудительный сбор металлов коснулся самих производителей и торговцев, которые должны были сдать из своих запасов все предметы из латуни и бронзы, которые передавались в Центр сбора металлов в Вене. Не удалось избежать конфискации даже крестильным чашам и металлическим трубам органов в церквях.

Кроме металлов, государство нуждалось и в других «стратегических материалах». Собирали, например, шерсть, из которой де-

ляли теплое белье для солдат. В октябре 1915 г. проходил большой сбор каучука. Вскоре после того вышло министерское постановление о сдаче шин от повозок и автомобилей. Учащиеся школ под руководством учителей ездили на природу собирать лесные дары. В мае 1916 г. скауты организовали большой сбор костей, из которых можно было варить мыло для военных госпиталей.

Сборов в пользу государства за годы войны было много. Немецкое население сначала относилось к этим акциям с воодушевлением. Гражданским долгом каждого было способствовать победе немецкого и австрийского оружия. Большинство чешского населения войны не хотело и в сборах участвовало по принуждению. Первоначальная активность немецкого населения, охотно сдававшего металлы, одежду и другие необходимые предметы обихода, постепенно к 1916 г. сошла на нет. Оказалось, что, несмотря на прогнозы, война продлилась не недели и не месяцы, а годы, и что общие бедствия могут частично ликвидировать национальную рознь. Применявшийся метод государственных займов и сборов для военных нужд свидетельствовал об изменении отношения населения к государству и его бюрократической машине, главной задачей которой являлось исчерпать все средства тыла для нужд фронта. «Дороговизна очень велика, и во многих городах начинаются волнения, так как много чего нельзя достать, или это страшно дорого», – записала в своем дневнике 28 мая 1916 г. уроженка Тршебича Августа Новакова и продолжала дальше: «Мясо стоит 1 кг 3 золотых и 60 крейцаров, 1 л молока – 15–16 крейцаров, одно яйцо – 7–10 крейцаров, одна небольшая колбаса, которая раньше стоила 4 крейцара, теперь стоит 20 крон, и это все цены здесь в Тршебиче, в больших городах все гораздо дороже. Люди толпами рыщут по деревням, но достать там ничего невозможно»¹². 36–52% всей сельскохозяйственной продукции чешских земель шло на нужды войск и голодающей Вены. Так как до войны чешские земли покрывали нехватку зерновых частично экспортом из Венгрии, который теперь отпал, и во время войны снизились урожаи пшеницы и ржи, то ситуация со снабжением и в чешских землях стала весной 1915 г. критической.

Реквизиция колоколов

Одним из наиболее болезненных бюрократических вмешательств в жизнь населения в тылу стала реквизиция церковных колоколов на военные нужды. Война означала невозможную

утрату множества церковных колоколов. С давних времен колокола имели двойные функции в обществе: во-первых, созывали крестьян к совместным духовным и ритуальным действиям, а во-вторых, оглашали Божье время. В сентябре 1916 г. чешские, моравские и силезские земли вдруг онемели. Колокола были сняты, тут же на месте разбиты на куски и увезены, чтобы перелить на пушки. Например, в Либереце были сняты колокола с архиепископского костела, костела Св. Креста и костела Винченса из Паолы. Монастырь урсулинок сдал 3 колокола, часовня замка утратила 2 колокола (1604 и 1657 гг.). Снимали не только церковные колокола, но и небольшие колокола на кладбищах. Сняли даже колокола в часовнях и школах. При сдаче колоколов нередко разыгрывались душеспасительные сцены, так как и «церковные колокола тянули на войну». Уже сам факт, что колокола использовались в военных целях, для массового убийства, оказывал деморализующее действие¹³.

Милитаризация промышленности

Война, кроме всего прочего, привела к милитаризации трудовой деятельности и ухудшению условий жизни рабочих. Сразу после начала войны были изменены законные нормы продолжительности рабочего дня и отдыха в конце недели и на праздники. Рабочий день был продлен до 13 часов. Ночной труд женщин и несовершеннолетних, запрещенный еще в 1885 г., вновь узаконивался. Принципиальные изменения в экономической области представляло собой уже распоряжение от 25 июля 1914 г., вводившее в действие принятый за два года до этого закон о конфискации и реквизициях в военное время (т.н. «Kriegsleistungsgesetz»). Согласно этому закону, военное командование имело право тут же подчинить наиболее важные промышленные предприятия нуждам фронта. Особо чувствительно это затронуло не столько структуру самого производства, сколько трудовые права рабочих заводов. В 1917 и 1918 гг. эти изменения коснулись только в Цислейтании 1,3 млн рабочих (из них 363 000 женщин), работавших на 4500 заводах, которые в дисциплинарном и уголовном отношении были поставлены в прямое подчинение военного руководства предприятий. В случае отказа от работы на этих предприятиях им грозило 30-ти дневное заключение на хлебе и воде. Рабочие де-факто оказались на казарменном положении. Для владельцев такого рода предприятий

это приносило огромную выгоду, так как они в первую очередь снабжались сырьем, забастовочное движение на них было ограничено (вплоть до 1917 г.), фиксировались отношения на рынке труда в условиях нехватки мужской рабочей силы. Милитаризацию производства можно рассматривать и как объявление войны «внутреннему неприятелю», социал-демократии и профсоюзному движению¹⁴.

Забастовки и голодные бунты

В чешских и моравских городах со второго года войны, прежде всего, из-за недостатка продуктов стали возникать голодные волнения. Первая мощная протестная акция с человеческими жертвами произошла в Простееве 25 апреля 1915 г. Когда местные жители узнали, что им не будут выдавать продуктовые карточки, 8 тыс. рабочих и работниц собрались на демонстрацию перед районным гетманством. Протестная акция закончилась выстрелами войск в толпу. «Простеевская резня» вылилась в бессмысленную трагедию. Было застрелено 24 демонстранта, среди них 11 женщин и 6 детей.

В Либереце 31 июля и 1 августа 1916 г. тамошние рабочие послали к районному гетманству делегацию с требованием улучшить ситуацию со снабжением. 2 августа в городе собрались толпы фабричных рабочих и женщин со всего района. Дошло до оскорбительных выкриков и разграбления нескольких близлежащих магазинов. Площадь и прилегающие улицы были позднее очищены армией и пожарными. Зачинщиков беспорядков в последующие дни ждал арест и наказание. Небольшие беспорядки вспыхнули там и 20 апреля 1917 г. из-за нехватки хлеба в магазинах. На этой демонстрации, кроме требований улучшения снабжения и повышения заработной платы, был выдвинут лозунг прекращения войны. Самые крупные рабочие волнения произошли в 1917 и 1918 гг. в Пльзене, где грабили магазины и напали даже на старосту города. Трагическим образом закончились и пльзенские голодные бунты в июне 1918 г. Население города осталось тогда на пять дней без муки и хлеба. Дневное потребление хлеба в Пльзене в то время составляло 25 тыс. батонов, а 18 июня их выдали только лишь 3550. Настроения рабочих Пльзеня радикализировались, и 19 июня начались грабежи магазинов. 300 женщин и детей разграбили на улице Пуркине склад с пшеничной и кукурузной мукой. Через день толпа из нескольких сотен женщин набросилась

на грузовик с кукурузной мукой на улице Прокопове. Дальнейшие беспорядки произошли на Вальштейновой улице у пекарни Яна Фаберы и магазина Матильды Арнштайновой. 21 июня около 6 часов вечера на углу Котеровской и Барандовой улиц, у пекарни Франтишка Шоллара, собралась тысячная толпа – в основном из женщин и детей. На месте появилась и рота 69-го пехотного полка. Люди бросали в солдат камнями, и командир подразделения поручик Отакар Вюрфель отдал приказ стрелять. 12-летний учащийся скончался на месте, и еще 5 детей оказались в больнице. На следующий день Пльзень забастовал. В забастовке участвовало более 30 тыс. человек. Во вновь открывшейся палате депутатов имперского совета в Вене депутат Людек Пик в связи с событиями в Пльзене произнес гневную речь, назвав Австрию «самой страшной тюрьмой, где морят голодом». Протесты в Пльзене не утихали вплоть до конца войны: в августе бастовали 30 тыс. рабочих заводов Шкода, требуя улучшения условий жизни. Зачинщицами этих протестов стали женщины.

Недостаток топлива и энергии

Зимой на рубеже 1916 и 1917 гг. впервые проявился недостаток угля. В школах в январе и феврале были объявлены «угольные» каникулы. Населенные пункты закупали уголь и выдавали пекарням, а небольшое количество – и беднякам. С 11 ноября 1918 г. вводились карточки на уголь. Снижение поставок газа вело к ограничению освещения и более раннему закрытию магазинов. Каждый вечер города погружались в темноту. В домах из-за ограниченной продажи керосина возвращались к использованию лучинок и свечей. В целях экономии энергии в 1916 г. стали переходить на летнее время. В этой связи доходило и до абсурдных распоряжений. Было запрещено освещать могилы в день Всех святых.

Женский труд

В 1915 г. и в последующие годы мужская безработица снизилась за счет призывов следующих возрастов, часть рабочих устроилась на предприятиях, работавших на военные заказы. Новым социальным явлением стало трудоустройство женщин, даже представительниц среднего класса. Женщины начиная с 1916 г. поступали на военное производство, работали сестрами и ня-

нечками в госпиталях или вожатыми трамваев. Они стали носить форму из такой же ткани, как и их коллеги мужчины. Женский труд находил применение и на государственной службе, на почте, железной дороге, телеграфе. Кроме забот о семье, женщинам надо было думать и о средствах к существованию. В последние годы войны женщины составляли костяк рабочих демонстраций, направленных против недостаточного снабжения. За время войны женщины эмансипировались, перенимали мужские роли, впервые становились жертвами полицейского и военного произвола. Еще одним социальным явлением стало расширение использования детского труда. По просьбе матери или обоих родителей дети часто прекращали ходить в школу и помогали в сельском хозяйстве или работали на военных заводах и фабриках.

Школы во время войны и военная подготовка

Значительную часть учёбы стало составлять трудовое обучение, особенно у девочек, которых учили шить белье для солдат на фронте. Часть учебного времени приходилась и на организацию сборов. Ученики вместе с учителями выходили в город и ходили с носилками и тележками от дома к дому, спрашивая ненужные металлические предметы, бумагу, одежду, белье, отходы от каучука, шерсть и кости. Другие ученики под присмотром учителей ходили в лес собирать листья земляники и ежевики, каштаны или крапиву. Обучение перестало быть просто получением образования, а стало все больше ориентироваться на патриотическое воспитание и военное обучение. Кроме физических упражнений, уроков гигиены и лекций о патриотизме практиковалась широкая агитация в пользу многочисленных государственных благотворительных сборов. С большим успехом в школах проходили акции «золото за железо». Дети должны были также помогать выживать семьям, вместо школы они стояли в очередях за хлебом, мукой, мясом и углем¹⁵.

Война постоянно требовала новых молодых солдат. Поэтому государство постановило ускорить получение аттестатов зрелости и ввести военную подготовку для учащихся 16–18 лет. Военная подготовка состояла в совершенствовании физической формы, воспитании любви к отечеству, маршировке и стрельбе. Для военной подготовки были задействованы также немецкие военно-патриотические спортивные «турнерские» общества. Чешский Сокол

был объявлен наместничеством политически неблагонадежным обществом, и военная подготовка молодежи была ему запрещена. Проведение спортивных упражнений было доверено лишь немецкому спортивному обществу (Deutscher Turnverein). Политически благонадежные общества участвовали в патриотических собраниях, маршах по поводу побед на фронтах либо по случаю именин императора.

Для чешских школ война имела и другие последствия: учителя, признанные политически неблагонадежными, увольнялись без конкретной причины, была проведена тщательная цензура учебников, даже букварей, учебников чешского языка, французского, истории, а также песенников. Главное внимание уделялось букварям и учебникам истории, где цензуре подверглись отрывки из произведений Франтишека Палацкокого, Карла Гавличека Боровского, Алоиса Ирасека и Яромира Челаковского. Из поэмы Коллара «Дочь славы» были вырезаны следующие слова: «Сам свободен тот, кто признает свободу другого, и тот раб, кто имеет рабов»¹⁶.

Столкновение с военной действительностью

Население лицом к лицу столкнулось с реалиями войны, когда раненых солдат стали отправлять в госпитали в тыл. Мест в больницах скоро перестало хватать, и раненых размещали не только в городских зданиях, но и в помещениях общественных организаций, школах, физкультурных залах, монастырях, корпоративных учреждениях, гостиницах и частных домах. В пользу раненых проводились денежные сборы, благотворительные концерты, театральные представления и лотереи. Существовали специальные пункты, в которых можно было сдать табак и сигареты для раненых, а в качестве платы за билеты на благотворительные концерты нередко принимали сигареты, которые тоже шли раненым. В их пользу был устроен и сбор «золото на железо»¹⁷.

Не забывали и о пострадавших от войны. Средства, полученные от сборов, шли на организацию домов для инвалидов. Те из них, кто находился на излечении, постепенно включались в жизнь общества. В помощи нуждались не только сами военные инвалиды, но и их семьи, лишившиеся кормильцев и оставшиеся без средств к существованию. Поэтому в 1915 г., например в Либерце, объединили Красный крест, немецкое Общество по оказа-

нию помощи (Hilfsverein) и немецкую Вспомогательную службу военного ведомства («Kriegshilfsstelle»), создав объединенный комитет поддержки военных инвалидов.

Заключение

Паралич общественной и политической жизни, закрытие законотворческих учреждений и их замена военно-бюрократической машинной, массовая отправка на фронт, шок от огромного количества смертей, введение контролируемой экономики и переход промышленности на военные рельсы, работа женщин в мужских профессиях, вспышки дефицита, голод и последующая эскалация уличных голодных бунтов, включая грабежи, – стали характерными последствиями войны, проявившимися в тылу. На эти новые реалии отреагировало и народное творчество, переделав слова имперского гимна и отразив в них существовавшую в годы войны социальную ситуацию, рождавшую революционные настроения. Зажигательный текст, конфискованный полицией в 1916 г., звучал следующим образом¹⁸:

«Сохрани нам, Господи, терпение и спокойствие,
чтобы не выплеснулся подавляемый людской гнев.
Милитаризм, картели губят во множестве бедный народ,
рушат деревни, земли, все государство, и трудно уже молчать.
Дороговизна все больше, дороже мясо, дороже картошка.
Кто же повинен в этой чуме? – Монстры-картели.
Дороже квартиры, дороже мука, сахар, табак и кофе,
Народ с грустью смотрит на это и проклиняет их.
Проклинает, матерится и вкалывает в поте лица,
а капиталисты смеются, грабя миллионы.
Дети умирают от голода, а отец и мать лишь клянут виновных.
Пока только проклиняют, но настанет день и для действий.
Что заработал прилежный работник, все проглотит армия.
На сильное сопротивление граждан отвечает лишь канонада.
Не хватит ли собирать налоги на оружие, солдаты?
Только не любя можно посылать детей своих на штыки.
Если так будет продолжаться еще пару месяцев,
То за отечество, императора, короля у нас заберут последний грош.
Придет нужда, за ней голод, а с голодом революция,
Пролетарии, становитесь в ряд, выходите на улицы!».

Перевод с чешского языка Е.П. Серапионовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Talíř J.* Deníky Josefa Taschka (1914–1920), bakalářská práce FF JU. České Budějovice, 2009. S. 35. URL:http://theses.cz/id/4bik0j/downloadPraceContent_adipIdno_13832 (12. 5. 2014).

² *Kučera R.* Život na příděl. Válečná každodennost a politiky dělnické třídy v českých zemích 1914–1918. Praha, 2013.

³ *Ibidem.* S. 18. Речь шла о постановлениях № 218/1916 от 14. 07. 1916 и № 285/1016 от 1. 09. 1916 о постных днях.

⁴ *Jíleznická J.* Každodenní život německého obyvatelstva v Liberci za první světové války, magisterská diplomní práce FF MU. Brno, 2006. S. 12. – См.: http://is.muni.cz/th/64646/ff_m/ (12. 05. 2014).

⁵ *Ibid.* S. 13.

⁶ Knihovna Památníku národního písemnictví, «Hofmanův fond», sign. HOF.

⁷ *Jíleznická J.* Každodenní život německého obyvatelstva v Liberci za první světové války... S. 26.

⁸ *Ibid.* S. 13.

⁹ *Ibid.* S. 25; *Kučera R.* Život na příděl. Válečná každodennost a politiky dělnické třídy v českých zemích 1914–1918. S. 48–52; Státní okresní archiv Beroun. Fond Archiv města Hořovice. Kartony vážící se k činnosti městské a okresní samosprávy k období první světové války.

¹⁰ *Koubová L.* Zásobování města Písku během první světové války, magisterská diplomová práce na FF MU. Brno, 2006. S. 12–14; URL: http://is.muni.cz/th/64646/ff_m/ (12. 05. 2014).

¹¹ *Ibid.* S. 28. Государство от своего населения уже не требовало финансовых средств, а проводило всевозможные сборы. Собирали все, что потом можно было обратить в деньги и направить на работу военной машины. В сборе металлических предметов участвовали ученики школ и учителя, а также скауты, которые ходили с носилками и тележками от дома к дому и собирали металлическую посуду и все предметы из железа, меди, цинка и олова.

¹² События с 01.07. 1915 г. по 01.10. 1938 г., дневниковые записки Августы Новаковой из Тршебича, страницы пронумерованы, хранятся у Марцела Кошацкого из Клецан. Автор выражает признательность д-ру Марцелу Кошацкому за возможность ознакомиться с дневником.

¹³ Таков же был и конец легендарных величких колоколов с церковной башни св. Марии Магдалины 1743 и 1848 гг., которые были сняты и вывезены в марте 1917 г. См.: *Paměť velických zvonů.* // *Malovaný kraj.* 2009. № 2. S. 7.

¹⁴ *Hautmann H.* Die ökonomische, soziale und politische Lage der österreichischen Industriearbeiter im Ersten Weltkrieg. – <http://>

www.klahrgesellschaft.at/Referate/Hautmann_Industriearbeiter.html (12. 05. 2014); *Kučera R.* Život na příděl. Válečná každodennost a politiky dělnické třídy v českých zemích 1914–1918. S. 124–127.

¹⁵ *Jíleznická J.* Každodenní život německého obyvatelstva v Liberci za první světové války... S. 39.

¹⁶ *Havránek J.* Politické represe a zásobovací potíže v českých zemích v letech 1914–1918 // Hans Mommsen a kol.: První světová válka a vztahy mezi Čechy, Slováky a Němci. Brno, 2000. S. 37–52.

¹⁷ *Ibid.* S. 39.

¹⁸ *Otáhalová L.* Souhrnná hlášení presidia pražského místodržitelství o protistátní a protiválečné činnosti v Čechách 1915–1918. Praha, 1957. S. 108; *Malíš J.* Materiály ke studiu vývoje české společnosti v letech 1848–1918. Brno, 1986. S. 196–197.

Тимошинов А.А. (Москва)

Ситуация с призывом на военную службу в Царстве Польском в начале Первой мировой войны

К началу Первой мировой войны территория Царства Польского являлась одной из частей Российской империи, присоединенной по решению Венского конгресса 1815 г. На протяжении всего XIX и начала XX вв. русское правительство проводило там политику государственной ассимиляции, тем самым вызывая недовольство и протест польского общества. Помня попытки поляков добиться независимости с помощью вооруженной борьбы, российские власти перед началом Первой мировой войны серьезно опасались, что местное население в условиях военного времени станет активно поддерживать противников России и Антанты – Австро-Венгрию и Германию.

Однако первые же дни войны показали, что эти опасения не оправдались. При этом те, кто симпатизировал Центральным державам, объясняли этот феномен распространением среди населения провинции русофильских настроений, ставших основной причиной благожелательного отношения к российским войскам и официальным властям. Подобной же точки зрения придерживались и некоторые российские публицисты периода Первой мировой войны.

Одним из важнейших вопросов в связи с начавшейся войной был вопрос мобилизации поляков в российскую армию, и необходимо показать, как на самом деле проходил процесс набора в армию, а также с какими проблемами сталкивались рекруты и военное командование.

С самого начала мобилизации представителями российского командования отмечалось ее образцовое проведение на территории Царства Польского. Учитывая ее блестящее завершение, варшавский генерал-губернатор получил «высочайшую телеграмму»

от Николая II, в которой император высказал слова восхищения результатами мобилизации.

«Рад был узнать о блестящем ходе призыва запасных чинов варшавского военного округа и патриотическом подъеме духа всего населения края, свидетельствующем о повсеместной его готовности стать по первому моему призыву в ряды русской армии на защиту общего нашего отечества против исконных врагов наших и всего славянства. Поручаю вам объявить мою благодарность всем жителям губерний Царства Польского за проявленные ими в настоящее, трудное для государства время непоколебимую любовь и преданность Мне и России. Николай», – говорится в тексте телеграммы¹.

Примечательным является взгляд противников российской армии на ход мобилизации. Так, один из бывших солдат 1-го полка легиона на стороне Австрии, находившийся в начале войны в окрестностях Ченстоховы и наблюдавший реакцию на провозглашенную Россией мобилизацию, писал, что все без исключения местные жители считали вступление в русскую армию своим священным долгом. По его словам, «население с большим энтузиазмом шло на призывные пункты, и никому в голову не приходило о хотя бы слабом сопротивлении приказаниям законных властей»². Ход мобилизации на польских территориях не встречал сопротивления и со стороны крестьян. Лишь в единичных случаях военнообязанные, связанные с организациями, боровшимися за независимость, уклонялись от призыва. В итоге в первые месяцы войны крестьянство Царства Польского трактовало российские войска исключительно как «свои»³.

Конечно, об отношении к мобилизации следует говорить скорее как об обязанности, которую каждый законопослушный подданный должен был исполнить. Будет преувеличением утверждение, что призыв на военную службу рассматривался населением Царства Польского как священный долг, который каждый новобранец был просто счастлив выполнить и сделать все возможное и невозможное, чтобы попасть в российскую армию. И все же реквизиция лошадей и набор в армию воспринимались как сами собой разумеющиеся обязанности в военное время⁴.

Следует отметить высокую дисциплинированность при явке подлежавших призыву людей на сборные пункты, их полную готовность оказаться в рядах российской армии, а не попытаться добиться от медицинской комиссии признания в непригодности к действительной военной службе. Так, к примеру, отмечалось,

что при объявлении мобилизации многие проживавшие в пограничных с Германией местностях воинские начальники бежали, боясь восстания. Между тем, польские запасные сами явились на призывные пункты, находившиеся на занятых неприятелем местностях (к примеру, так обстояло дело в Калишской губернии, одной из первых оккупированной неприятелем), и были захвачены и расстреляны немцами. В других случаях запасные, не найдя на призывных пунктах русских должностных лиц, шли толпами к Варшаве, иногда на весьма большие расстояния, и на вопросы встречавших их губернских властей, куда они идут, заявляли о своем желании «двинуться под русскими знаменами на врага». Обо всех этих фактах, равно как и о случаях отказа польских жителей от вознаграждения за забираемых для русских войск лошадей, часто можно было услышать непосредственно от царских властей⁵.

Известный русский поэт Валерий Брюсов после своего пребывания в Польше в начале войны вспоминал, что имели место случаи, когда запасным из числа жителей Царства Польского приходилось преодолевать громадные трудности, чтобы добраться на сборные пункты и быть принятыми в русские войска. И это несмотря на опасность попасть в руки к немцам и с большой вероятностью быть расстрелянными в соответствии с приказом германского командования. Он отмечал, что иногда приходилось ждать по несколько дней соответствующих чиновников, которые могли дать нужные указания⁶.

Многие призывники, будучи не в состоянии добраться до призывного пункта, просто шли к русским войскам в надежде (и, следует заметить, вполне обоснованной) на зачисление в полки. Так, к примеру, Кароль Мордашевский, призывник из Цеханова Плоцкой губернии, в виду близкого нахождения неприятеля был вынужден просить принять его для отбывания воинской повинности в Варшаве⁷. Призывники шли и поодиночке, как видно из приведенного выше примера, и группами по несколько десятков человек⁸.

Подобную практику официально утвердил приказ от 27 января (9 февраля) 1915 г, предписывавший не чинить препятствий приему на службу в войска призывных как 1914 г, так и более ранних возрастов, прибывших из местностей, занятых неприятелем. Непринятые же были обязаны вновь являться в воинские присутствия по месту приписки после возобновления их деятельности⁹.

Для чиновников, ответственных за призыв новобранцев, большой неожиданностью стал приток в армию добровольцев. Хотя добровольчество было возможным только для тех, кто не состоял на действительной службе и не являлся резервистом или ратником первого разряда¹⁰, это движение после начала войны приняло значительный размах. Государственные и военные должностные лица, как сказал военный министр В.А. Сухомлинов через несколько дней после начала мобилизации, просто не предусмотрели того, что в военное время вообще могут быть добровольцы¹¹.

Как чиновниками присутствий по воинской повинности, так и жандармами отмечался ажиотаж по поводу вступления в ряды российской армии добровольцев. В начале августа 1914 г. служащие канцелярии обер-полицейстера зафиксировали «огромный наплыв молодых людей, пришедших для получения необходимых документов для поступления в охотники»¹². По некоторым сведениям, с начала мобилизации до середины осени 1914 г. в русскую армию добровольцами отправились 4 тысячи варшавян. Правда, боевая ценность такого пополнения не всегда была высокой¹³.

При этом стоит отметить, что такая активность наблюдалась только в первые месяцы войны, затем приток добровольцев стал уменьшаться, и уже к концу 1914 г. практически прекратился. Так, к примеру, в период с декабря 1914 по июль 1915 гг. в Варшавское уездное присутствие по воинской повинности поступило всего девять прошений о зачислении в действующую армию добровольцем¹⁴.

Конечно, призывная кампания не всегда и не везде проходила гладко. Один из очевидцев вспоминал, как под Ново-Александрией собралось несколько тысяч запасных. Подчеркивалось, что это произошло из-за «большого количества работы» и недостатка времени у призывной медицинской комиссии для «внимательного и полноценного» осмотра. Поэтому встречались и такие случаи: «У меня сильный ревматизм, катар кишок, порок сердца, проблемы со слухом», – жаловался призывник. «Годен», – звучало заключение врача. В результате резервистов местных гмин (наименьших административных единиц в Королевстве Польском) определили в дислоцированный в уезде пехотный полк, но он был быстро укомплектован и оставшиеся тысячи людей должны были добираться до Люблина¹⁵.

Совершенно очевидно и то, что далеко не все поляки оценивали ход мобилизации столь же восторженно, как российское военное командование. Так, к примеру, В. Глинка, крестьянин Лом-

жинской губернии, отмечал, что если бы при мобилизации не звучали антигерманские лозунги, и если бы не шла война именно против Германии, крестьяне предпочли бы сбежать за границу, чем идти в русскую армию¹⁶.

Весьма иронично, в свойственной ей манере, отзывалась о мобилизации княжна М. Любомирская. «В газетах появилась заметка со словами благодарности от генерала Самсонова польскому населению за спокойствие и порядок во время проведения мобилизации. Я думаю, что причиной этого спокойствия был лишь недостаток водки. Правительство очень умно поступило, что приказало вылить восемьдесят тысяч ведер самогона», – вспоминала она¹⁷.

Если говорить о поляках, изначально придерживавшихся выжидательной, а уж тем более антироссийской позиции, то у них участие в войне на стороне России вряд ли вызывало энтузиазм. Тем не менее, и ими все предписания о мобилизации были полностью выполнены, и лишь немногие решились на то, чтобы не подчиниться российским властям¹⁸.

Определенную дезорганизацию в ход призыва внес набор добровольцев в польские легионы на стороне России, создававшиеся сначала по частной инициативе местного помещика В. Горчинского, а впоследствии под эгидой Национального комитета в Варшаве. В документах варшавского уездного призывного присутствия в начале 1915 г была отмечена неявка значительного числа призывников. Отчасти это связано с использованием многих из них на крепостных и других работах в интересах действующей армии.

Однако кроме таких людей к начальнику Варшавского уезда стали являться призывники, заявлявшие о том, что они поступали в формируемые польские легионы. В подтверждение этого они предъявляли удостоверения, выданные командирами эскадронов, кроме того, последние высылали в уездное присутствие по воинской повинности соответствующие уведомления. Являвшимся призывникам объясняли, что, так как никаких распоряжений об освобождении от явки в присутствие желавших поступать в легионы не существовало, то они должны были явиться к освидетельствованию перед набором в регулярные части¹⁹.

Из изученных документов варшавского по воинской повинности присутствия можно сделать вывод о том, что были случаи уклонения от отбывания воинской повинности молодежи, особенно еврейской, нанесения себе травм или симуляции различных болезней, бегства в другие районы страны или за границу, исчезновения с призывных пунктов и во время транспортировки.

Розыск беглецов, проводившийся управлениями, чаще всего заканчивался ничем²⁰.

Тем не менее все эти случаи не имели массового характера. Если верить сведениям варшавского губернского жандармского управления, то за первую половину 1915 г. во всей Варшавской губернии было обнаружено лишь четверо поляков, уклонявшихся от отбывания воинской повинности²¹. При этом из списка новобранцев призыва 1914 г. по Варшавскому уезду, не явившихся на сборный пункт в начале 1915 г., следует, что таких было всего восемь человек²². Много это или мало? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере Варшавского уезда. На 10 ноября 1914 г. в общие призывные списки 1914 г. (если брать лиц всех вероисповеданий кроме иудейского, поскольку подсчет и учет подлежащих призыву лиц иудейского вероисповедания велся отдельно) было внесено 1386 человек. В числе внесенных в общие призывные списки не имеющих льгот было 738 человек²³. А это означает, что из вышеупомянутых 738 человек на тот момент уклонялись от призыва на военную службу только вышеупомянутые восемь человек, т.е. чуть больше 1 процента.

С большой охотой, можно даже сказать, с радостью, от призыва на военную службу уклонялись некоторые представители аристократии. По всей видимости, это было связано с политической ориентацией данной категории населения, поскольку некоторые из них были настроены германо- или австрофильски, или же являлись «убежденными пацифистами». Однако в последнее предположение верится с трудом. К примеру, князь Кароль Радзивилл писал в своих воспоминаниях, что после начала войны его близкие и дальние родственники в количестве нескольких десятков человек собрались в Варшаве в особняке его тетки, Розы Рачиньской. Все были убеждены, что война продлится всего лишь несколько недель, и в это время совместное проживание в ее особняке вдали от мобилизации и фронтов будет самым лучшим решением, да и проживание в Варшаве казалось в то время самым безопасным²⁴.

Что касается дезертирства, то за первую половину 1915 г. в Варшавской губернии обнаружено 22 поляка, самовольно покинувших ряды российской армии²⁵. Конечно, сама по себе эта цифра не выглядит катастрофической, однако это только пойманные варшавской жандармерией дезертиры. Как подчеркивали жандармские начальники, процент задержанных был ничтожно мал по сравнению с общим количеством дезертиров. Есть сведения, что, к примеру, в Плоцком уезде в течение первой недели мобили-

зации из примерно 2 тысяч призывников, явившихся на сборный пункт, более 200 тут же дезертировали²⁶. Количество дезертиров заметно возросло после поражений российской армии в Восточной Пруссии.

Несколько иная ситуация сложилась с призывом на военную службу евреев. Достаточно многочисленными были попытки их уклонения от службы в армии, для чего они прибегали к членовредительству и другим приемам. Показателен в этом отношении случай в Ново-Минском уездном по воинской повинности присутствии, где проходил прием и освидетельствование ратников ополчения. Большой процент евреев явился на него с растравленными ранами на руках и ногах, причем все они имели идентичный характер. Ни у врачей, ни у остальных членов присутствия не было никаких сомнений в их искусственном происхождении, как и в том, что это было сделано с целью уклонения от военной службы. «Можно с уверенностью сказать, – говорил один из свидетелей, – что подобных ран у других лиц, не подлежащих призыву, не найдется. Воинское присутствие таких лиц не брало, так как считало, что отсылка их в войска или ополченские части загрозит лишним балластом лечебные заведения, а потому давало этим больным отсрочки, ко времени окончания которых раны у больных, конечно, не заживали и получались отсрочки на дальнейший период времени»²⁷. Таким образом, немалое количество призывных совершенно безнаказанно освобождало себя от отправки в российскую армию. Аналогичная ситуация имела место и в воинском присутствии Варшавского уезда. Было задержано семь призывных, получивших отсрочку до призыва 1916 г., причем у нескольких обнаружилось на ногах нарочно нанесенные раны, чтобы освободиться от воинской повинности²⁸. Кроме того, было известно, что освобождение некоторых призывников делалось за взятки²⁹.

Известно довольно много случаев неявки на повторное освидетельствование призывников еврейского происхождения, ранее признанных негодными к прохождению воинской службы по состоянию здоровья³⁰. Таковой имел место с Израилей-Гойне Сметанкой и Нухимом Зеленавой Сметанкой, за что их приговорили к четырем дням ареста³¹. Скорее всего, это связано с тем, что они были незаконно освобождены от военной службы, и если бы это раскрылось, служба в армии стала бы для них неминуемой.

Еврейские родители были готовы на любые хитрости, чтобы избежать призыва в армию их сыновей. К примеру, в присутствии вызвали для определения возраста одного молодого еврея,

поскольку его отец значился холостым и, соответственно, бездетным³².

Если верить данным по Варшавскому уезду, имевшему особое городское по воинской повинности присутствие, о числе лиц, внесенных в призывные списки 1914 г. на 10 ноября 1914 г., то получается, что всего насчитывалось 248 человек иудейского вероисповедания, из них 241 не имели льгот³³. При этом за ноябрь 1914 г. на территории Варшавского уезда было установлено 85 лиц еврейского происхождения, уклонявшихся от призыва в армию³⁴. То есть фактически каждый третий призывник еврейской национальности всяческими способами старался избежать военной службы. По призыву 1915 г. на территории Варшавского уезда было выявлено 90 евреев, уклонявшихся от призыва³⁵, что свидетельствует о стабильности этого показателя среди еврейского населения уезда. Розыск лиц иудейского вероисповедания, не явившихся на призывные пункты, велся недостаточно эффективно. Так, за первую половину 1915 г. в Варшавской губернии было обнаружено лишь четверо евреев, уклонившихся от несения военной службы³⁶.

Что касается масштаба дезертирства лиц еврейского происхождения из рядов русской армии, то он практически не отличался от данных о дезертирах среди, скажем, солдат польской национальности. За первую половину 1915 г. в Варшавской губернии выявлено всего лишь 15 дезертиров-евреев³⁷.

* * *

Итак, на основании приведенных выше данных можно сделать некоторые выводы относительно поведения польского населения царства Польского в условиях мобилизации и призывов 1914–1915 гг.

Несмотря на то, что в официальных кругах российского руководства и высших кругах общества Царства Польского всячески подчеркивалось, что мобилизация была проведена успешно и все поляки Привислинского края с горячим сердцем шли в ряды российской армии, считая своим святым долгом отдать жизнь (или, как минимум, здоровье) за Россию вместе с Царством Польским, на практике дело обстояло несколько иначе.

Все обязанности, связанные с мобилизацией и призывом, считались поляками логичными и обязательными для исполнения, более того, в первое время даже наблюдался определенный патриотический порыв, причиной которого чаще всего становились антигерманские настроения. Его результатом стало доброволь-

ческое движение, «захватившее» русские власти врасплох. Но уже осенью 1914 г. настроение сменилось на довольно спокойное, если не безразличное. Следует уточнить, что в данном случае речь идет лишь об отношении к призыву на военную службу или к добровольческому движению, поскольку в остальных аспектах польское общество практически полностью более чем благожелательно относилось к российским войскам. Уклонение от военной службы не стало особо распространенным явлением, не приобрело массового характера и дезертирство, хотя нельзя говорить и об отсутствии подобного рода явлений.

Однако еврейское население Царства Польского во время мобилизации всеми силами старалось уклониться от призыва. Скорее всего, это было вызвано не антироссийскими настроениями среди евреев (хотя этот фактор, несомненно, оказал определенное влияние), а негативным отношением к службе в армии как государственном институте, им не столько чуждом, сколько враждебном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русские ведомости. 1914 . 4 августа. Экстренное приложение к № 178. С. 2.

² Oettingen U. Społeczeństwo Królestwa polskiego w świetle „źródeł legionowych” w 1914 roku. // Dzieje najnowsze. 2004. № 3. S. 122.

³ Molenda J. Chłopi polscy w 1914 roku // Dzieje najnowsze. 2004. № 3. S. 121.

⁴ Ibid. S. 122.

⁵ Archiwum Akt Nowych (AAN). Z. 53. Sygn. 27. S. 77.

⁶ Ледницкий А. Польша и война // Русские ведомости. 1915. 17 марта. С. 7.

⁷ Archiwum państwowe miasta stołecznego Warszawy (далее – APmstW). Z. 1098. Sygn. 188. S. 159.

⁸ Ibid. Sygn. 215. S. 154, 184–190

⁹ Ibid. Sygn. 188. S. 97.

¹⁰ Физически годные к несению военной службы или отслужившие в действующей армии мужчины, зачисленные в ополчение, – в отличие от ратников второго разряда, физически негодных к службе в регулярной армии, но способных носить оружие.

¹¹ Курцев А.Н. Беженство // Россия и первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 207.

¹² APmst W. Z. 1160. Sygn. 3944. S. 27 об.

¹³ Нелипович С.Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914. М., 2006. С. 57.

¹⁴ APmst W. Z. 1098. Sygn. 203. S. 1,11,20,23–28.

¹⁵ Dzwonkowski W. W ogniu armat. Wrażenia naocznego świadka z linii bojowej w Opolszczyźnie Liubielskiej (sierp.-list.1914). Warszawa, 1915. S. 3–4.

¹⁶ Korzeniowski M. Polacy wobec Rosji i Rosjan w latach I wojny światowej // Społeczeństwo polskie w dobie I wojny światowej i wojny polsko-bolszewickiej. Kielce, 2001. S. 50.

¹⁷ Lubomirska M. Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej: 1914–1918. Poznań, 1997. S. 19.

¹⁸ Konefał J. Działalność A. Zawadzkiego w Królestwie Polskim 1876–1917. Lublin, 2000. S. 130.

¹⁹ APmst W. Z. 1098. Sygn. 188. S. 40.

²⁰ Ibid. S. 7.

²¹ APmst W. Z. 1160. Sygn. 4110. S. 19–185.

²² APmst W. Z. 1098. Sygn. 214. S. 133–134.

²³ Ibid. Sygn. 188. S. 178.

²⁴ Radziwiłł K. Pamiętniki. Warszawa, 2000. S. 35.

²⁵ APmst W. Z. 1160. Sygn. 4110. S. 19–185.

²⁶ Курцев А.Н. Указ. соч. С. 207.

²⁷ APmst W. Z. 1160. Sygn. 4657. S. 27.

²⁸ Ibid. Z. 1098. Sygn. 188. S. 314.

²⁹ Ibid. Z. 1160. Sygn. 4657. S. 29.

³⁰ Ibid. Z. 1098. Sygn. 188. S. 348–360.

³¹ Ibid. S. 132–133.

³² Ibid. S. 378.

³³ Ibid. S. 178.

³⁴ Ibid. Sygn. 185. S. 1–99.

³⁵ Ibid. Sygn. 197. S. 2–91.

³⁶ Ibid. Z. 1160. Sygn. 4110. S. 19–185.

³⁷ Ibid.

Гусев Н.С. (Москва)

«Торгующим во храме»: Леонид Андреев
и обвинения русскими болгар
в предательстве славянства
(1914–1915 гг.)

В 1912 г. против Турции совместно выступили Болгария, Сербия, Греция и Черногория. Заявляя о защите православного населения, они фактически стремились к захвату и разделу европейских владений султана. При этом София и Белград предварительно оговорили будущее македонских земель. Однако все карты балканским союзникам спутали великие державы, принявшие под давлением Вены решение о создании независимой Албании, чем отрезали Сербию от вожденного выхода к морю. Требование Белграда о пересмотре соглашения по разделу Македонии не нашло понимания в Софии; обе стороны искали поддержки у предусмотренного болгаро-сербским договором арбитра – российского императора, фактически развязав информационную борьбу за симпатии русского общества¹. Но в итоге вопрос был решен при помощи оружия: в 1913 г. Болгария потерпела сокрушительное поражение, *sancta sanctorum* ее общественной жизни – Македония – в значительной части перешла под скипетр сербского короля Петра. «Болгария, счастливая сознанием предстоящей близости реального осуществления своей мечты, силой сложившихся обстоятельств оказалась вдруг лишенной всего, что в течение целого столетия было для нее наиболее дорогим в ее жизни»², – писал тогда ученый-славист и будущий советский академик Н.С. Державин.

Когда год спустя разразилась Первая мировая война, болгары еще не успели «простить» сербов за нанесенное им поражение и смириться с гибелью «своей мечты». По этой причине в Софии не спешили вставать на защиту «интересов южного славянства», желая из сложившейся ситуации извлечь максимум выгоды: добиться передела Македонии мирным путем. Как точно подметил немецкий военный атташе в Болгарии К. фон дер Гольц, «общий

балканский идеал состоит в том, чтобы получать, но ничего взамен полученного не давать»³.

Ключ к сговорчивости Белграда в отношении Македонии и болгар опять следовало искать в Петербурге (Петрограде) – в русском общественном мнении с новой силой разгорелись дискуссии сторонников Болгарии и Сербии. Причем «стартовые позиции» последней изначально казались выгоднее, поскольку виновницей Второй балканской войны считалась Болгария, с 1913 г. носившая клеймо предателя интересов славянства.

В том же 1913 г. российская пресса стала активно противопоставлять правящую верхушку и население Болгарии, говоря об отсутствии у «австрийца на славянском престоле» и «правительства, которое сердцем передалось Вене», народной поддержки, а также давать советы по удалению их от власти, намекая болгарам о необходимом условии для счастливого будущего славянства⁴.

После Сараевского убийства и последовавшего международного кризиса эта тема не исчезла. Уже 29 июля (11 августа) 1914 г. газеты писали, что «болгарское общество переживает тяжелый кризис. Большинство требует поддержать Россию. Болгарское правительство теряет авторитет. Возможны внутренние осложнения в Болгарии»⁵. Уверенность русских в таких сообщениях была столь велика, что болгарская миссия в России столкнулась с необходимостью официально опровергать «сведения о беспорядках, революции и о военном положении»⁶.

С началом мировой войны в России стали выходить различные брошюры «для разъяснения сути происходящего», в которых также утверждалось, что существует расхождение мнений болгарского народа и его политических лидеров. Наиболее отчетливо эта мысль была выражена в небольшом издании, изданном в Ярославле в 1914 г.: «Болгарский народ, который всегда был враждебно настроен против своего правительства, заискивающего у европейских держав, рвется в бой на помощь к своим братьям-славянам и требует немедленной войны»; он помнит, какую роль в его истории сыграла Россия, и желает оказать ей помощь⁷. Еще откровеннее был И.Е. Иванов – автор брошюры «Возрождение сербского государства и интриги Австрии». Следуя тенденции к противопоставлению стремлений различных слоев болгарского общества, он утверждал, что болгарский царь Фердинанд начал Вторую балканскую войну, «подчиняясь австрийским внушениям... вопреки желанию болгарского народа и наперекор совету покровителя славян, нашего государя». Далее он называл объявленный

Болгарией нейтралитет позорным и выражал надежду-призыв, «что благодарный к своей освободительнице болгарский народ и доблестная болгарская армия сумеют сбросить с себя иго немецкого принца» и присоединится к России в войне⁸. Тем самым автор не просто поляризовал интересы власти и народа в Болгарии, но и фактически указывал последнему его задачу. Отметим важную лексическую особенность: в данном сочинении Фердинанд лишь при первом упоминании называется болгарским царем, во всех остальных же случаях – немецким принцем.

Забегая вперед, укажем, что тот же мотив присутствует и в «Русском правительственном сообщении в связи с разрывом дипломатических отношений с Болгарией»: «В тот роковой час, когда злосчастная Болгария поднимает свой меч против возродившей ее России и становится под немецкие и турецкие знамена, русский народ отдает на суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены». В «Сообщении» подчеркивалось, что с момента своего восхождения на болгарский престол Фердинанд Кобург устанавливал в стране германское влияние. В заключительных строках документа говорилось о неизменных симпатиях русских к болгарам, а также констатировалось, что «и ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не поднимется на сыновей русских воинов, легших костями за Болгарию»⁹.

Нельзя, однако, отрицать и того, что в действительности многие в Болгарии были недовольны занятой правительством позицией. Как писал советский историк М.А. Бирман, руководство страны вынуждено было использовать нейтралитет как маскировку, которая «была нужна и для того, чтобы сбить с толку общественное мнение страны»¹⁰. Но вся любовь к России простиралась лишь до того предела, за которым начиналась горечь по утраченной Македонии. Так, в болгарском левом издании «Заря» в статье «Обращение к русской печати» заявлялось, что народ скорбит от того, что его «смешивают с Радославовым (министром-председателем. – Н.Г.), против политики которого он протестует». Но при этом позиция, занятая Болгарией, обуславливалась решением македонского вопроса. На что газета «Русский инвалид» нравоучительно реагировала: «„Заря“ забывает мудрую истину, что „сор из избы выносить не следует“, ссору славян не надо мешать в общее дело, показывая ее врагам»¹¹. Тем самым орган Военного министерства советовал болгарам не заниматься, как ему казалось, не-

значительными «внутренними» спорами и выступить в защиту общего славянского дела.

Хорошо известный в Болгарии писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко написал письмо-обращение: «Болгары! Где вы? Отчего в этот светлый и радостный час общей великодушной жертвы вы не с нами? Спешите! Завтра, может быть, будет уже поздно»¹².

К тому же призывало и введение к брошюре ученого-слависта В.И. Пичеты «Драма болгарского народа. Борьба за объединение Болгарии», вышедшей в серии «Мир и война. Библиотека общедоступных очерков, посвященных войне 1914 г.». Следует отметить, что сам текст, принадлежащий перу Владимира Ивановича, научен и вполне нейтрален. Однако не совсем ясно, почему профессиональный полонист выступил на эту тему. Возможно, причина тому – обещанный гонорар, что для ученого было отнюдь нелишним. Как бы то ни было, нам кажется, что книга и задумывалась ради одного предисловия, которое представляло собой ярое обличение позиции Болгарии. «Славянство переживает сейчас решительный момент истории», – утверждал автор, возмущенно вопрошая: «И что же делают в это время болгары?!». Ответ следовал незамедлительно – пропускают из Германии в Турцию оружие и солдат, грозят напасть на сербов. Но это, на его взгляд, было меньшим злом по сравнению со следующим: «Среди болгар даже нашлись люди, провозгласившие себя татаро-болгарами и отрекшиеся от славянства!»¹³. После чего на нескольких страницах цитировалась статья писателя Л.Н. Андреева о позиции болгар, к которой мы обратимся ниже. Заканчивалось предисловие более примирительно – признанием того, что Россия совершала ошибки в отношении Болгарии, но теперь их осознала и надеется на возвращение этой страны в дружную семью славянских народов¹⁴.

Удостаивалась Болгария в прессе и откровенной дезинформации, крайне негативно влиявшей на имидж страны и уничтожавшей малейшую мысль о правомочности требований Софии. Так 11 (24) сентября 1914 г. газета «Трудовая копейка» сообщала, что на Дунае болгарские суда нападают на пароходы Русско-Дунайского общества, и что в тот день было совершено нападение на один из них, «Святой Сергей». В связи с данным «фактом», со страниц газеты обрушился праведный гнев: «И это делают болгары! Те болгары, за которых в 1877 году русские солдаты проливали свою кровь, гибли десятками тысяч и купили ценой сво-

ей жизни свободу и независимость от турецкого ига. Если бы не Россия, болгары и до сих пор жили бы под игом турок, которые при всяком случае распарывали животы тысячам болгар. Болгары направили предательский удар в спину своей защитнице и освободительнице – России. Болгария поступает предательски по отношению к России и с ней должно быть поступлено, как с предательницей. Предательство не может быть оставлено без наказания»¹⁵.

После вступления Турции в Мировую войну в болгарских СМИ были откровенно изложены условия, на которых София соглашалась принять сторону одного из воюющих блоков. Вынесенные на страницы газет обиды и восхваление Германии произвели сильное впечатление в России. Это вынудило болгарского военного атташе в Петрограде, майора Преславского, предупредить свое руководство, что софийская печать «наносит страшный вред стране». И действительно, болгарская пропагандистская кампания произвела обратный ожидаемому эффект. Она настолько изменила отношение русского общества, что, как докладывал Преславский, «есть даже болгары в России, которые, чтобы понравиться русским, хулят все болгарское; встречаются и студенты, которые за 5 рублей пишут статьи против Болгарии и Его Величества царя»¹⁶.

* * *

В данной полемике, на наш взгляд, наиболее интересны статья упомянутого выше Л.Н. Андреева и вызванная ею реакция со стороны болгар. В начале ноября 1914 г. в русской прессе появилось довольно краткое открытое письмо знаменитого литератора «Торгующим во храме»¹⁷. И здесь стоит вкратце остановиться на личности автора.

Хорошо известно, что Леонид Николаевич был психически нездоров, не единожды находясь на лечении. В то же время он часто и самозабвенно играл в жизни различные роли, перевоплощаясь то в художника, то в моряка и т.д. К.И. Чуковский осторожно намекал, что Андреев это делал, чтобы справиться со своими маниями. Как утверждает американский литературовед Ф. Уайт, «описываемые Чуковским персонажи, в которые перевоплощается Андреев, по своему характеру полностью соответствуют периодам маниакального поведения их автора... Мания обычно выражается в высоком уровне комбинаторного мышления, более высокой степени художественной чувствительности, временами – в мучи-

тельных головных болях и чрезвычайно напряженной умственной деятельности»¹⁸.

С началом мировой войны Андреев начал играть новую роль – роль ярого защитника родины. Как пишет его биограф Н.С. Скороход, «писатель Леонид Андреев оказался в первых рядах „трескучих барабанщиков“, с первой недели этой войны он – исключительно по собственной инициативе – открывает личную кампанию „ура-патриотизма“ и германофобии»¹⁹. Его готовность идти на «жертвы» ради победы не знала границ – в письме знакомому, например, читаем: «Интеллигенту и писателю надо добровольно наложить на себя трезвость и воздержание, иначе будет стыдно перед мужиком»²⁰. Андреев начинает активно выступать в прессе: пишет обращения (к бельгийцам, французам, сербам, болгарам), призывает любить солдата, рассуждает о сущности человека и судьбе России. Затем эти статьи были изданы в виде сборника «В сей грозный час»²¹, вся чистая прибыль с которого должна была поступать «на нужды русских и сербских воинов»²². Говоря об этом периоде жизни писателя, Н.С. Скороход замечает: «Симптоматично, что именно в это время – в ноябре и декабре 1914 г. – Андреев лежал в клинике Герзони»²³. Согласно другим данным, под наблюдением доктора Иосифа Герзони писатель находился в октябре того же года. Лечение состояло в строгой диете: манная каша и не более четырех стаканов слабого чая в день. Однако Андреев утверждал, что диета не оказала на него сколько-нибудь заметного воздействия. Он по-прежнему страдал от уныния и не чувствовал себя здоровым²⁴. Ф.Ф. Фидлер, активный участник литературной жизни столицы, записал в дневнике 6 октября 1914 г.: «Андреев не пишет и лечится дома, ему запрещено общаться с людьми»²⁵. Таким образом, можно подозревать, что во время написания статьи «Торгующим во храме», которую сам автор датировал 2 ноября, он мог с упоением играть свою очередную роль.

В статье Андреев сразу же обозначил свою позицию: «Как писатель, я говорю прямо, за мной нет иного авторитета, кроме чувств негодования и жгучей скорби». И далее он изливал их: «Что вы сделали и что вы продолжаете делать, болгары? Славянский мир стыдится и потупляет глаза, когда слышит имя болгарин... У вас славянское сердце, болгары, но немецкие мозги, и язык ваш раздвоен как у змеи». Главное обвинение не выходило за рамки господствующей с 1914 г. антиболгарской риторики – автора возмущал отказ болгар выступить на стороне Антанты, не по-

лучив прежде четко зафиксированных обязательств союзников произвести передел Македонии: «Над стонами раненых, над могилами братьев разносится торгашеский голос ваших вождей. Когда в отчем доме, который и ваше жилище, болгары! – бродит смерть, и слезы осиротевших поднимаются к небу, вы торопливо предъявляете старые счета, не прочь обшарить и карман своего брата-должника».

Мы наблюдаем у него и тот же традиционный антиправительственный мотив: «Не жалуйтесь, что ваш народ – стадо баранов, которое немецкий пастух держит в загороже. Я этому не верю. Если же вы действительно несчастны и безвинны, если ваша родная нам душа стонет под игом немецких мозгов – восстаньте, как восстают народы! Не бойтесь, что это будет трудно и опасно. То, что кажется немецкими мозгами – только шляпа на вашей голове, и малейший порыв свободно ветра унесет ее назад, в ее немецкое отечество... или склонит низко перед русскими знаменами. И тогда я поверю вам». Заканчивалась статья предложением быть до конца неблагодарными: «Но если, как баранов, вас будут держать в немецкой загороже, пока вопиет к небу братская кровь, – или поведут вас пастухи на предательство, и вы, подобно всем воюющим, начнете выселять русских из Болгарии, то самым первым удалите бронзовый памятник Александру Второму, который вас создал: ведь он тоже был русским».

Стиль Л.Н. Андреева, эмоциональность и страстность, с какими был написан этот текст, произвели впечатление на читателей. Великий князь Константин Константинович писал по этому поводу А.Ф. Кони: «заметка Леонида Андреева действительно очень образна и написана как бы огненным языком. Сердце сжимается от мысли, что Болгария поддается австро-германским дипломатическим козням и наущениям»²⁶. Слова Андреева затронули «за живое» и болгар, на его статью посыпались отклики, на которые он отреагировал своим «Ответом болгарам-македонцам», где указывал им, что они стоят на краю духовной гибели.

В Софии на русском языке была издана брошюра с двумя ответами Андрееву. Болгарин Д. Мишев превозносил писателя: «Любимец и идеолог русской интеллигенции, беллетрист, который поднимается до звезд, ища устоев человеческой свободы, права и совершенства». Он попытался разъяснить значение Македонии для болгар, утверждая, что никогда ни сербы, ни греки не жертвовали собой ради ее свободы, но «наоборот, греки и сербы в союзе с турками истребляли болгар». А потому нельзя считать последних

Иудами «за то, что Болгария не пошла заодно с кровавыми пала- чами Македонии». Далее следовало предположение, что Андреев, не зная всего этого и попав под влияние сербов, не сообразил, что имеет дело «с ненормальными типами в лице государственных людей Сербии (а не с ее народом) и рецидивистами». Как утверж- дал Д. Мишев, болгарская интеллигенция верит, что Андреев оду- мается²⁷.

Второй ответ – С. Чилингилова – также начинался с дифи- рамбов: «Вы – кумир болгарской молодежи, учитель болгарской интеллигенции». Автор разграничивал отношения с Сербией и отношения с Россией: «Славянство еще не в опасности, ему еще гибель не грозит. А для нас славянство Россия, а не Сербия. Первая нам дала свободу, а вторая рабство». Указывалось и на эгоизм последней: «нынешняя борьба России является борьбой за спасение Сербии, которая в своих великосербских стремлениях, присвоив часть Македонии, отдав другую часть Греции и подарив Румынии нашу Добруджу, решила покончить раз навсегда свои счета с Австрией, не дождавшись того, чтобы наша и ее освободительница, Россия, достаточно подготовилась для такой войны». Дележ Македонии Чилингилов сравнивал с судом Соломона²⁸ – как видим, на апелляцию Андреева к Новому Завету следовало обращение к Ветхому.

Заканчивалась брошюра списком изданий сочинений Леонида Андреева на болгарском языке – писателю явно желали польстить.

В столь же благоговейном тоне выдержано «Письмо 32-х македонцев Леониду Андрееву по поводу его выступлений в печати». Его (как и приводимые ниже) болгары посылали в русскую печать, задействуя в этом П.Н. Милюкова. Отметим использование в письме лестных слов и выражений: «Ваш блистательный художественный талант», «Ваш гений поэта», «свойственные Вам прекрасные формы». Македонцы явно хотели не спорить с ним, а превратить при помощи восточной лестницы в своего единомышленника. Приведем частично текст их обращения.

«Великий писатель!.. Острой болью в наших сердцах отозва- лись те обвинения, с которыми Вы, великий русский писатель, тонкий знаток душевных влечений и проповедник правды, обрушились на наших братьев-болгар... Вместо апостола правды и свободы Вы, помимо своей воли, только потому, что по непонятной на для нас причины (так в тексте. – *НГ*) не проверили правильности своих идей, стали защитником угнетателей и певцом идеи ярма... Когда мы, македонцы, осмеливаемся говорить на сво-

ем родном болгарском языке, то сербский жандарм, да, Леонид Андреев, сербский жандарм разлучает нас с нашими семьями и волочит в тюрьму». Авторы рассказывали писателю, как болгары проливали кровь за свободу Македонии, «боролись против жестокости мучителей, поработителей и угнетателей болгарской национальности», теперь же сербские жандармы за волосы вытаскивают болгарских священников и бросают в реки, жгут книги на болгарском языке, «в том числе и Ваши сочинения». Просто, по мнению 32-х македонцев, Андреев этого не знал, а иначе бы воспел «высшее благородство болгар, которые не набрасываются с силой на сербов, угнетающих их братьев, чтобы освободить этих последних, только потому что они готовы скорей пожертвовать собой, своей кровью и своими идеалами, лишь бы не действовать в руку врагам славянства – немцам». Согласно письму, болгары ждали, когда «сербы одумаются», после чего выступили бы вместе против врага. Не осталось без ответа и использование образа Александра II Леонидом Андреевым. Ему посоветовали призвать сербов «к исполнению заветов ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ славян, который лелеял идею „Целокупной Болгарии“ и содрогнулся бы от ужаса, если бы увидел, что гибнет дело его рук, и один из священных для него идеалов так грубо попирается не мусульманскими турками, а христианскими славянами»²⁹.

Аналогичным, по большому счету, был ответ «поэту-проповеднику правды» и других болгар-македонцев, под которым поставили подписи 25 человек. В нем говорилось, что македонцы «фантастически» любят Россию и желают, «чтобы мы как свободный народ могли стать в ряды не своих угнетателей, а в ряды своих братьев–болгар, и совместно с ними ринуться в эту священную борьбу за свободу и торжество всего славянства». Андрееву советовали изучить македонский вопрос по «правильным» источникам: «Для того, чтобы разобраться и понять Болгарию, мы умоляем Вас обратиться к серьезным статьям солидных беспристрастных органов русской печати, а не прислушиваться к завываниям разных корреспондентов несуществующих, которыми, к сожалению, кишат некоторые органы [ру]сской печати», прочесть «титанов русской повременной печати»: «Русскую мысль», «Вестник Европы», «Речь», «Русские ведомости», «Современное слово». Назывались и «апостолы свободы Македонии» («ак. Кондаков, Буэ, Пуквини, Гризобах, Анна Комнина, Харж, Веркович, Облак, проф. Лавров, проф. Калина, проф. Нидерле, проф. Вейганд, П. Милюков, проф. Ковалевский, Сперанский, проф. Державин, Брусиловс-

кий»), которые «признали наше право и этим освятили нашу борьбу за свободу».

Но в этом ответе Андрееву уже высказывалось и требование – доказать: «1) Что во время Балканской войны сто пятьдесят тысяч убитых и раненых пятимиллионной Болгарии не убиты и не ранены снарядами с клеймом сербско-болгарской таможни[;] 2) что сербы в праве угнетать болгар в Македонии, и гнет сербов над ними не осуществляется силами германских пушек и снарядов, ныне сербских, с клеймом сербской таможни[;] 3) что Сербия, также обязанная своим существованием России, воевала бы ныне совместно с Россией, если бы не имела объектом своих завоеваний Боснию и Герцеговину[;] 4) докажите, что члены всемирной комиссии Корнеги (так в тексте. – *НГ.*), увидевшие раны Болгарии и Македонии неправы, выска[за]в свое авторитетное слово о правоте Болгарии[;] 5) докажите, что фактические редакторы журналов «Русской мысли» (так в тексте. – *НГ.*), «Вестник Европы», газет «Речь», «Русские ведомости», в которых часто помещаются статьи не только о правоте Болгарии, но и о ложной позиции Румынии, Сербии и Греции (предложение не завершено. – *НГ.*) [;] 6) докажите, что если Вас грабят, отнимут у Вас при содействии христианской Европы, Святую Македонию, житницу Добруджу, плодороднейшую Фракию, Вы не явитесь опасностью для ограбивших Вас политических мародеров Румынии, Греции, Сербии и Турции». В конце обращения его авторы приглашали Андреева лично посетить Македонию и лицезреть там «корни всего восточного славянства», а на Болгарию взглянуть «не с точки зрения четвертого измерения, а с точки зрения человеческой справедливости международной этики»³⁰.

Схожие мотивы звучали и в письме членов болгарской колонии в Одессе, где Андреева именовали «великим писателем земли русской». Авторы выражали надежду, что «близкий нам великий народ русский снимет со своего младшего брата тяжкое и в большей части незаслуженное обвинение в нарушении интересов и идеалов славянства». Как и в других посланиях, болгары помимо самозащиты нападали на сербов: «И так кто находится на краю духовной гибели, тот ли который борется за освобождение своих братьев, не притесняя других, или тот, кто одной рукой борется за свободу одних, а другой рукой угнетает других славянских братьев». При этом они пытались оправдать позицию нейтралитета: «Неужели Болгария с ее пятимиллионным населением, истощенная двумя кровопролитнейшими войнами, в которых она потеря-

ла 180 000 убитых и раненых, может иметь такое влияние на судьбы мира в нынешней войне, в которой принимают участие шесть великих держав с населением в несколько сот миллионов и с неисчислимыми материальными средствами».

И далее декларировалась любовь болгар к России, подтверждением чего служили вступившие в русскую армию добровольцы. «В душе каждого болгарина живет одно желание, чтобы справедливое разрешение болгарского вопроса дало возможность Болгарии во главе с Россией бороться против общих врагов славянства. Но, увы, пока на пути к этому страстному стремлению болгар к национальному объединению и исполнению своего долга перед Россией стоят доблестные к защите своей независимости сербы, которые, к несчастью, не могут понять, что славянство не только для них, но и для болгар, и что как им дорого объединение с сербскими землями Боснии и Герцеговины, так и болгарам не менее дорого и необходимо объединение со своими братьями в Македонии, которая является очагом болгарской культуры... А Вам, великий писатель, мы со скорбью можем сказать, что мы по-прежнему ждем, что время и данные истории изменят Ваше мнение о болгарях, и что мы не милости и жалости ищем у вас, а правды и справедливости». Заканчивалось письмо пометой, где авторы просили газеты, печатавшие обращение Л.Н. Андреева, разместить и их ответ³¹...

Прямо противоположным по настрою было «Письмо Вазова Ивана от имени болгарских писателей Леониду Андрееву по поводу его выступлений в печати о болгарях». Обращение, очевидно, набиралось на болгарской печатной машинке, так как несуществующая в болгарском алфавите буква «ы» заменена сочетанием «й». Знаменитый болгарский писатель, видимо, не испытывал особого пиетета перед Андреевым: «Мы еще не видели Вашей любви, но уже чувствуем Вашу ненависть... Да кто вы такой, и что дает Вам право обливать бранью и клеветой целый народ, которого Вы не знаете и никогда знать не хотели, о котором Вы судите по словам самых ярых его клеветников и зложелателей – по словам братьев-изменников?.. Где были Вы с Вашим возмущением, когда рвали на части болгарское отечество и злорадствовали братья-сербы, союзные с греками и румынами? Где были Вы с вашим возмущением, когда сербы уничтожали болгарскую народность в Македонии самыми варварскими средствами? [Болгары] часто забывали прошлое и брались за дело [со]обща, помогали им, чтобы снова быть обманутыми, и чтобы наши собственные братья-славяне из-

девались над нашей наивностью». Вазов обвинял Андреева и в желании подыграть сербам: «Чтобы услужить им, Вы вооружились всеми копиями и стрелами клеветнической риторики». Еще один упрек касался незнания поднятой темы: «Предвидите нашу духовную гибель? Опомнитесь! Не Вам осуждать нас за грехи наши и не Вам заглядывать в наше будущее. Вы не знаете нас и не имеете права говорить о нас». Заключалось послание, как и ранее, уверенностью, что со временем Андреев поймет свою неправоту. Однако здесь это выглядело отнюдь не примирительно: «Я убежден, что со временем Вы сознаете свои преступления и заблуждения, и будете краснеть за свои клеветы. Этого мы теперь не видим у Вас потому, что Вы в своей злобе и ненависти не можете вникнуть в смысл того, что говорите и делаете. От имени болгарских писателей с выражением искренней горечи Ив[ан] Вазов»³².

Заметим, что, несмотря на столь жесткую полемику с Андреевым, Вазова сложно причислить к сторонникам ориентации Болгарии на Центральные державы, если вспомнить, что в январе 1915 г. он вместе с другими деятелями культуры подписал обращение к царю против прогерманской политики страны.

Уже вне спора с Л.Н. Андреевым болгарское общество «Братство» из Одессы направило в СМИ воззвание «К братьям-славянам». В нем утверждалось, что болгары готовы и намерены идти совместно с Россией против врагов славянства – немцев. Но путь туда пролегает через Македонию. В данной ситуации выступление болгарских солдат против Австрии было бы невозможным, поскольку «на пути через Македонию их сестры, братья, обиженные сербами, не позволят им идти дальше... Македония для каждого болгарина – это храм, перед алтарем которого он денно и ночью молится и готов в любую минуту жертвовать свою жизнь (так в тексте. – *НГ*)... Мы обращаемся к братьям-сербам во имя славянства, во имя России и вечного мира на Балканах, скорее дать свободу Македонии... Мы, болгары, умоляем всех славян... искренне посоветовать братской Сербии скорее дать свободу Македонии: свобода Македонии сейчас же вылечит глубокую рану Болгарии и вдохновит ее вступить еще с большим рвением в эту великую священную борьбу во имя славянства... Сербии нечего терять, ее ждет большое наследство после разгрома Австрии... Обращаемся ко всем славянским деятелям, кружкам и обществам, мы убедительнейше умоляем их воздействовать на братьев-сербов и болгар, помирить их и внушить им пойти по пути, предначертанному заветами Царя-Освободителя»³³.

* * *

Стратегическое положение Болгарии на Балканском полуострове вынуждало участников Первой мировой войны стараться привлечь ее на свою сторону. Однако для России нейтральная позиция Софии представлялась изначально неверной – здесь война рассматривалась в контексте идеи борьбы славянства с германизмом, почему и казалось, что выбор предрешен. Но романтика начальной фазы «неославизма», будучи подорванной еще в 1908 г., в 1913-м подошла к финалу. И в 1914 г. противоречия между Болгарией и Сербией уже не могли разрешить ни нравоучения Леонида Андреева, ни просьбы болгар к России «образумить» сербов. Однако имевшая место дискуссия позволяет предположить, что надежды на то были. Реакция болгар на статьи Андреева говорит, как минимум, об их внимании к настроениям русского общества, нежелании растерять оставшиеся в нем симпатии. И тем не менее, повторимся, время политики чувств прошло, а потому «болгарское лето» 1915 г. стало временем борьбы профессиональных дипломатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гусев Н.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // *Родина*. 2014. № 6. С. 82–85.

² *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С. 8–9.

³ Цит. по: *Искендеров П.А.* Балканское направление политики Николая II // *Императорский дом Романовых и Балканы*. М., 2014. С. 253.

⁴ См.: *Гусев Н.С.* Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // *Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.* М., 2014. С. 126–141.

⁵ Мариупольская жизнь. 1914. 29 июля. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43043> (Дата обращения: 25.12.2014).

⁶ Новое время. 1914. 7 августа. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43189> (Дата обращения: 25.12.2014).

⁷ *Карпов С.* Болгария и последние Балканские войны. Ярославль, 1914. С. 5.

⁸ *Иванов И.Е.* Возрождение сербского государства и интриги Австрии. М., 1914. С. 31–32.

⁹ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 172–173.

¹⁰ *Бирман М.А.* Двухлетняя мирная передышка // *Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней*. М., 1987. С. 307.

¹¹ Обзор печати // Русский инвалид. 1914. 2 ноября.

¹² Цит. по: *Григорова Д.* «Время славянофильства». Первая мировая война и русские ожидания: между иррационализмом и прагматизмом // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность... С. 157.

¹³ *Пичета В.И.* Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии. М., 1914/1915. С. 1.

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ Трудовая копейка. 1914. 11 сентября. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43674> (Дата обращения: 25.12.2014).

¹⁶ *Астарджиева Т.* Русия и българският неутралитет (1914–1915) // Дриновський збірник. Т. III. Харьков-София, 2009. С. 237.

¹⁷ *Андреев Л.Н.* Торгующим во храме // *Он же.* В сей грозный час. Пг., 1915. С. 27–31; *Андреев Л.Н.* Торгующим во храме // *Мишев Д., Чилингиров Ст.* Леониду Андрееву два ответа на его статью «Торгующим во храме». София, 1914. С. 3–6.

¹⁸ *Уайт Ф.* Леонид Андреев: лицедейство и обман // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. С. 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/fr10.html> (Дата обращения: 25.12.2014).

¹⁹ *Скороход Н.С.* Леонид Андреев. М., 2013. С. 335.

²⁰ Там же. С. 340.

²¹ *Андреев Л.Н.* В сей грозный час. Пг., 1915.

²² Несколькими днями после написания обращения к болгарам Андреев посвятил статью Сербии. В ней он говорил о положении страны, вечно находившейся на грани гибели из-за своего окружения, но героически отстаивавшей свою независимость. «И вот еще чего не забудьте, думая о Сербии: в Сербии нас лю б я т – горячей, искренней, почти нежной любовью», – указывал писатель (*Андреев Л.Н.* Слово о Сербии // *Он же.* В сей грозный час. Пг., 1915. С. 38). После этого великий князь Константин Константинович писал А.Ф. Кони: «Статья Л. Андреева о Сербии написана так пламенно, что наверно найдет себе отклик в обществе». (*Романов К.К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. URL: http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_letters_to_koni.shtml (Дата обращения: 25.12.2014)). В Белграде это также не прошло незамеченным, депутаты скупщины послали Андрееву телеграмму, в которой поблагодарили его «за выступление на защиту Сербии в печати и за сочувствие, выраженное сербскому народу в его несчастье и его страданиях» (*Мариупольская жизнь.* 1914. 4 декабря. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=44807> (Дата обращения: 25.12.2014)).

²³ *Скороход Н.С.* Указ. соч. С. 343.

²⁴ *Уайт Ф.* Указ. соч. С. 3.

²⁵ *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008. С. 645.

²⁶ *Романов К.К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. URL: http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_letters_to_koni.shtml (Дата обращения: 25.12.2014); Матонина Э. Баловень судьбы. Великий князь Константин Константинович в письмах и воспоминаниях // Новый мир. 1994. №. 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/4/otgolos.html (Дата обращения: 25.12.2014).

²⁷ *Мишев Д.* В Славянском храме // *Мишев Д., Чилингилов Ст.* Леониду Андрееву два ответа... С. 8–24.

²⁸ *Чилингилов Ст.* Леониду Андрееву // *Мишев Д., Чилингилов Ст.* Леониду Андрееву два ответа... С. 30–42.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1716. Л. 1–4.

³⁰ Там же. Д. 1730. Л. 1–5.

³¹ Там же. Д. 1718. Л. 1–3.

³² Там же. Д. 1717. Л. 1–4.

³³ Там же. Д. 1731. Л. 1–1об.

Л.А. Кирилина (Москва)

Деятельность словенских либералов в 1914–1915 гг.

Накануне Первой мировой войны словенское либеральное движение не было ни сильным, ни единым. В политической борьбе либералы проиграли католикам – Всесловенской народной партии (ВНП), которую поддерживало большинство словенского (крестьянского) населения. Они сохраняли сильные позиции лишь в ряде городов, прежде всего, в Любляне и в приморских центрах – Триесте и Горице. Помимо Национально-прогрессивной партии (НПП) в либеральном движении существовал ряд более радикальных, по преимуществу молодежных течений. Большинство словенских либералов накануне Первой мировой войны поддерживали выдвинутую лидерами католиков триалистическую программу преобразования Австро-Венгрии, предусматривавшую образование в ее составе особой югославянской единицы. В 1913 г. исполнительный комитет НПП выступил за культурное и политическое объединение габсбургских славян в рамках империи и более тесное сближение с южными славянами¹.

Однако не всем либералам импонировала эта программа. Лидер национальных радикалов Г. Жерьяв в 1912 г. выдвинул «малоягославистскую» программу, предусматривавшую в составе Австро-Венгрии федерацию словенских, хорватских и сербских (Босния и Герцеговина) земель². Приморский либерал В. Кнафлич предлагал преобразовать монархию в «союзное государство», находящееся в «политическом союзе с балканской федерацией»³. Словенские гимназисты создали в Любляне политическую группу «Препород», которая уже в самом начале Балканских войн – единственная из всех словенских групп – выступила за образование независимого югославянского государства вне рамок Австро-Венгрии.

Деятельность словенских либералов в 1914–1915 гг. освещалась в трудах ряда историков. Наиболее подробно она рассмотрена в монографии видного словенского исследователя

Я. Плетерского «Первое определение словенцев за Югославию»⁴. Хорватский исследователь Д. Шепич охарактеризовал значение адриатического вопроса для словенцев⁵. Кратко затронули в своих работах эту тематику и словенские ученые В. Лукан⁶, У. Липушек⁷, А. Ара⁸. Однако благодаря более полному привлечению источников, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), становится возможным дополнить картину первых политических инициатив словенских либералов в эти годы и добавить новые акценты в ее интерпретацию.

То, что вскоре после двух Балканских войн разразилась Первая мировая, явилось полной неожиданностью для словенских политиков. «Мы ... были совершенно не готовы к такому развитию событий», – отмечал в своих воспоминаниях один из лидеров приморских либералов, редактор газеты «Соча» (Soča) А. Габршек⁹. Несомненно, что либералы, в среде которых были широко распространены идеи объединения югославян (правда, в рамках империи Габсбургов), менее всего желали войны против Сербии, победами которой в Балканских войнах они совсем недавно так восхищались. Военная истерия, охватившая поначалу большинство городов империи, вызвала омерзение у многих из них. Например, один из либеральных лидеров, русофил И. Хрибар охарактеризовал ее в своих воспоминаниях как «гнусность», высказав озабоченность судьбой Сербии, аналогично высказывался и национальный радикал И. Лах¹⁰. Большинство либеральных изданий вынужденно поддержали правительственную пропаганду войны. Так, например, орган Национально-прогрессивной партии газета «Словенски народ» (Slovenski narod) писал: «Великое воодушевление, с которым все австрийские народы сплотились вокруг своей монархии, укрепляет надежду на то, что наша монархия выйдет из этой гигантской войны с победой и славой»¹¹. Глава партии, в то время являвшийся жупаном Любляны, И. Тавчар в личных беседах с И. Хрибаром сетовал, что «наступают плохие времена, которых он боится», и что «нужна осторожность»¹².

Словенские либералы, как и католики, восприняли войну как неизбежное зло, которое нужно некоторое время перетерпеть – ведь в начале войны они не сомневались, что она быстро и без особо тяжелых последствий закончится победой¹³. Как впоследствии отмечал А. Препелух, «среди наших тогдашних активных политиков не было никого, кто бы сомневался в победе Центральным силам»¹⁴. Ни о каком противодействии правительственной политике не было и речи.

За день до начала мобилизации, во все сгущающейся атмосфере предвоенной истерии, газета «Соча» писала, что у словенцев осталось «единственное оружие» – их «газеты и национальные организации»¹⁵. Но и этого оружия они вскоре были лишены. Политические репрессии, обрушившиеся на словенцев после введения военного положения, затронули практически все слои населения и представителей разных политических направлений, однако в наибольшей степени они задели круг либералов – сторонников идей югославизма, дружественно относящихся к Сербии. Хотя правительство официально не распустило политические партии, деятельность их была ограничена исключительно внутрипартийными делами. Были запрещены многие газеты (среди них либеральные «Дан» (Dan), «Наш глас» (Naš glas), «Соча») и общества, занимавшие антиправительственные позиции либо просто имевшие югославянскую направленность. Аресту или высылке подверглись многие национальные деятели словенцев, среди них такие видные либералы, как идеолог неоиллиризма, председатель Словенской матицы Ф. Илешич (а сама Матица была распущена), И. Хрибар (затем сослан), А. Габрщек (до конца 1914 г. он представлял перед судом 4 раза), Г. Жерьяв, Р. Пустослемшек (редактор «Словенского народа» и тайный осведомитель, работавший под крышей Петроградского Телеграфного Агентства) и многие другие. Поредели ряды прогрессивной молодежи. Состоялся суд над препородовцами, некоторых осудили на тюремное заключение. Многих молодых либералов отправили на фронт, среди них югославистов Б. Вошняка, И. Лаха, ряд препородовцев и др.

Словенский историк В. Лукан справедливо характеризует первые два года войны как «период колебаний словенской политической линии»¹⁶. Политическая активность либералов (как и социал-демократов) в словенских землях практически сошла на нет из-за правительственных репрессий. Только Всесловенская народная партия благодаря своей прогабсбургской ориентации могла как-то функционировать. Большинство политиков выжидали, опасаясь репрессий и пытаясь сориентироваться в стремительно меняющейся политической ситуации. В 1914–1916 гг. лишь словенские эмигранты, бежавшие в Западную Европу, продолжали открыто выступать с югославянскими идеями. Четверо словенцев (Б. Вошняк, Й. Едловский, Н. Жупанич и Г. Грегорин) стали членами основанного в мае 1915 г. в Париже Югославянского комитета. Рассчитывая на победу Антанты, Комитет выдвигал цели – освобождение югославян из-под австро-венгерского ига и

их объединение с сербами и черногорцами. Деятельность комитета поддержали словенские эмигранты в США.

Но и в словенских землях в конце 1914 г. возник очаг сопротивления. Примечательно, что инициаторами первых политических акций словенцев в период войны, о которых преимущественно и пойдет речь в данной статье, стали приморские либералы, группировавшиеся вокруг двух крупнейших либеральных органов словенцев в Приморье – триестской газеты «Единост» (Edinost) и горицкого журнала «Веда» (Veda). Почему борьба началась именно в этих периферийных центрах, а не в Любляне? Словенский историк Я. Плелерски выделяет два основных фактора, способствовавших этому:

1. Руководство НПП в Любляне во главе с И. Тавчаром официально поддержало политику правительства и не помышляло о каком-либо сопротивлении.

2. Главную роль тут сыграл внешний фактор, а именно, опасность, что приморские словенцы при неудачном раскладе в ходе войны попадут под власть Италии¹⁷. Старания Австро-Венгрии добиться поддержки Италии или хотя бы ее нейтралитета в войне, готовность пойти ради этого на уступку Приморья беспокоили словенских патриотов. Еще хуже была для них вероятность (вскоре ставшая реальностью) того, что страны Антанты привлекут Италию на свою сторону, пообещав ей в случае победы еще большую часть австро-венгерских территорий, населенных словенцами и хорватами (по оценке хорватского историка Д. Шепича, опасность оказаться под ее властью угрожала почти трети словенского населения¹⁸).

На наш взгляд, к этим факторам можно добавить еще два:

3. Репрессии австрийских властей по отношению к словенцам и другим югославянам в Приморье в целом проводились менее жестко, чем в смешанных словенско-немецких областях и в Крайне – ведь им приходилось подавлять еще и итальянское ирредентистское движение.

4. В Приморье традиционно, уже с 1870-х гг. сформировалось сильное либеральное течение, причем среди приморских либералов особенную популярность имели югославянские и русофильские идеи. Возможно, это связано с тем, что там, особенно в многонациональном Триесте, политический кругозор был шире, словенцы, хорваты и сербы находились в постоянном контакте и сплачивались в борьбе за свои национальные права против националистического давления со стороны не только немцев, но и,

прежде всего, итальянцев. По справедливому замечанию словенского историка Й. Пирьевца, словенцы, жившие на краю словенской этнической территории, больше чем те, кто жил в центре, нуждались в ощущении, что являются «частью великого славянского мира»¹⁹.

Слухи о том, что Италия собирается вступить в войну на стороне Антанты, стали распространяться уже осенью 1914 г. Многие итальянцы из приморских городов начали нелегально переправляться в Италию. Среди приморских словенских либералов зрело убеждение в необходимости предпринять какие-нибудь действия, чтобы предотвратить нависшую угрозу присоединения к Италии. В соответствии со старыми русофильскими традициями они обратили свои надежды к России.

Первой акцией (Я. Плелерски справедливо считает ее также наиболее самостоятельной²⁰) стал меморандум о словенском вопросе, составленный 9 октября 1914 г. редактором триестской газеты «Югославия» (к тому времени уже закрытой) и сотрудником этой газеты священником Л. Ленардом²¹. Этот меморандум А. Мюнх отвез российскому генеральному консулу в Венеции для дальнейшей передачи его сербскому правительству. Текст меморандума, его перевод и секретное донесение консула российскому послу в Италии А.Н. Крупенскому сохранились в АВПРИ. Эти документы, до сих пор еще мало изученные и упоминавшиеся исследователями лишь вскользь, следует рассмотреть подробнее.

В меморандуме Мюнх и Ленард объявили себя «неофициальными представителями Словенского народа», высказывающими то, «что думает и чего желает вся мыслящая часть словенской народности». Выразив убеждение в том, что «все словенские земли составляют одно географическое и национальное целое», они очертили границы словенской территории, причем их притязания включали всю Штирию и Каринтию, Приморье с Венецианской Словенией и Триестом, Прекмурье и, естественно, Крайну. Подчеркнув огромное значение словенских земель «для всей центральной Европы», поскольку они являются для нее «дорогой к морю и воротами в Балканы», авторы меморандума предложили соединить их «в одно целое и дать им достаточно широкую внутреннюю автономию, и соглашением с соседними Державами обеспечить мирное культурное развитие этих земель».

По мнению Мюнх и Ленарда, «все мыслящие словены, без различия партий, убеждены, что словены, хорваты и сербы есть единая народность и что они должны когда-нибудь соединиться

в одно политическое и культурное целое. Все словены были бы довольны, если бы они могли присоединиться к будущей Южной Славии... Если же теперь политическое положение не допускает такого соединения – то словены желали бы быть под покровительством Держав /Тройственного Согласия/, а, когда наступит момент, слиться с другими южными славянами»²².

В секретном донесении А.Н. Крупенскому от 1/14 октября 1914 г. консул в Венеции сообщил, что согласился выполнить просьбу авторов меморандума и вручить его сербскому правительству «через посредство Императорского Посольства в Риме». Консул обратил внимание на то, что меморандум подписан «лишь двумя лицами», но его уверили, «что собрать тысячи подписей было бы очень легко», если бы не трудная обстановка, сложившаяся в Австрии. На вопрос консула о средствах, «к которым они могли бы при случае прибегнуть для поддержки своих притязаний...», словенцы ответили, «что война застала словенов врасплох, совершенно неорганизованными в политическом смысле и что о восстании, пока, не может быть и речи...» из-за политического террора. «Славянское население... уверено в близком распадении двуединой монархии... надежды возлагаются на оккупацию войсками Держав Тройственного Согласия. Русские, французы и англичане будут приняты с распростертыми объятиями; что же касается до возможной оккупации адриатического побережья итальянцами – то эта оккупация представляется словенцам, как конечная гибель». Консул пришел к верному выводу, «что само выступление словенских деятелей вызвано страхом перед предполагаемой ими оккупацией Италией адриатического побережья»²³.

Ряд тайных политических собраний провели в начале 1915 г. в Триесте бывшие участники либеральных молодежных движений. Еще в ноябре они узнали о том, что группа политических эмигрантов в Риме, в основном хорватов из Далмации, предлагает, чтобы словенцы послали своих представителей в будущий Югославянский комитет. Возглавлявший группу хорватский политик А. Трумбич написал письмо председателю триестского либерального общества «Единость» О. Рибаржу. Упомянув об угрозе вступления в войну Италии для приморских славян и о неизбежности поражения Австро-Венгрии, он подчеркнул, что Югославянский комитет будет настаивать на том, что все австрийское Приморье и Далмация должны принадлежать югославскому народу. О. Рибарж и Г. Грегорин далее находились в переписке с Трумбичем. По его просьбе они установили связи с Хорватско-сербской коалицией и обещали прислать своих представителей в Югославянский комитет.

Тем временем молодой либеральный политик и публицист, сотрудник «Веды» Б. Вошняк, в начале войны мобилизованный на фронт, после ранения, в декабре 1914 г. вернулся в Любляну. Там состоялась его встреча с друзьями и единомышленниками Г. Жерьявом и А. Крамером, на которой было решено, что Вошняк отправится в эмиграцию и начнет в странах Антанты пропагандистскую акцию в защиту словенских интересов в Приморье. Приехав затем в Триест, он получил подробную информацию о деятельности группы Трумбича и о его предложении. В феврале 1915 г. Вошняк эмигрировал в Венецию, затем в Рим, где включился в подготовку к образованию Югославянского комитета.

В конце 1914 г. – январе 1915 г. словенские либералы в Триесте находились в смятении. С одной стороны, стремясь к югославянскому объединению, они желали скорейшего поражения Австро-Венгрии в войне, и с этой точки зрения вступление в войну Италии на стороне Антанты ускорило бы распад империи Габсбургов. С другой стороны, это означало бы, что Антанта согласилась удовлетворить территориальные претензии Италии на Триест, Горицу, Истрию и часть Далмации, т.е. часть словенских земель будет оккупирована, а Триест наверняка потерян. Сходные настроения, по воспоминаниям И. Лаха, появились в то время и среди либералов-югославистов в Любляне. В книге «В борьбе за Югославию» он отмечал, что «глаза всего славянства внимательно смотрели на Россию... Австрийские славянские народы осознавали, что их судьба в ее руках»²⁴.

В январе 1915 г. в Триест прибыл эмиссар итальянского правительства, бывший вице-консул Италии в Триесте Карло Галли. Целью его было наладить контакты с триестскими словенцами и истринскими хорватами и выяснить их отношение к возможной итальянской оккупации. 10, 15 и 18 января состоялись тайные встречи. Со стороны словенцев на них присутствовали О. Рибарж, Г. Грегорин, Вилфан. Галли сообщил, что в марте Италия вступит в войну против Австро-Венгрии, и если словенцы согласятся с ее территориальными требованиями, то итальянское правительство обеспечит им широкие национальные права, подкрепленные международными гарантиями. Условие предоставления таких прав – словенцы не должны оказывать сопротивления итальянской оккупации. Словенские и хорватские политики рассказали Галли о своем стремлении к распаду Австро-Венгрии и образованию югославянского государства, насчет всего остального отвечали уклончиво, что их никто не уполномочил давать обещания от лица словенского народа.

Галли сообщил итальянскому правительству об успехе своей миссии. Тем временем триестские словенцы срочно направили в Рим хорватского адвоката Й. Мандича, являвшегося тайным осведомителем российского Министерства иностранных дел, сообщить Трумбичу о переговорах с Галли. Трумбич прислал ответ: он резко выступил против согласия с итальянскими претензиями на югославянские территории и посоветовал словенцам организовать в этих землях вооруженное сопротивление оккупантам, показать Европе, что они не желают быть под Италией. Эмиграция, со своей стороны, поддержит требования словенцев и хорватов и начнет популяризировать их в Европе.

Триестские политики прислушались к советам Трумбича. В апреле они провели два собрания, достаточно подробная информация о которых имеется в донесении от 18.06 (01.07) 1915 г. из Берна В.П. Сватковского, русского журналиста, осведомителя МИД, корреспондента Петроградского Телеграфного Агентства под названием «Новый курс южного славянства Австро-Венгрии?»²⁵. Сведения о собраниях Сватковский получил из первых рук, от участника съезда Й. Мандича. Сватковский пишет об этих собраниях, как о «съезде» южных славян, проходившем в два этапа, но, пожалуй, это слишком громкое название.

Первое собрание словенских и хорватских либералов прошло в Триесте 11 апреля 1915 г. Участников было 16, среди них несколько триестских словенцев, членов общества «Единост» (О. Рибарж, Г. Грегорин, К. Подгорник, И. Чок, И. Брезигар) и из «молодых» либералов Г. Жерьяв, В. Равнихар, Ф. Новак. Из хорватских либералов присутствовали А. Павелич, В. Спинчич, Д. Тринайстич, М. Лагинья, Й. Мандич. Ни католиков, ни маститых либеральных вождей из Любляны на собрание не позвали. Все участники собрания, по словам Сватковского, «были снабжены полномочиями соответствующих партийных клубов и политических обществ. Целью съезда было выразить пожелания южных славян в официальной программе и между прочим занять положение по отношению к переговорам тройственного согласия с Италией». Все участники собрания высказались за отделение от Австро-Венгрии и присоединение к Сербии, причем в их постановлении было указано, что «хорваты и словенцы видят своих защитников в России и Сербии и подчиняются последней». Упомянул Сватковский и о решении послать за границу «несколько активных политиков», чтобы расширить свое представительство в Югославянском комитете.

И – самое важное: «Все ораторы заявили, что словенцы и хорваты не могут допустить перехода части их территории и населения под власть Италии, что означало бы не только смертельный удар южнославянскому единству, но и национальную гибель славян, которые попали бы под итальянскую власть, гораздо более опасную, чем австро-венгерская». Это собрание приняло постановление, которое очень не понравилось российскому правительству, – издать и распространить при помощи городских управлений в момент вступления итальянских войск на славянскую территорию воззвание к населению, заявляющее, что южные славяне, «ожидая от справедливости держав Согласия исполнения их заявлений о принципе охранения и объединения национальных групп, никогда не согласятся попасть под власть Италии. Если будет нужно, южные славяне воспротивятся силою присоединению к Италии: мы провозглашаем, что считаем себя самостоятельными, провозглашаем объединение трех югославянских народов».

Мандич немедленно доставил сообщение об этом собрании Сватковскому в Рим. Согласно директивам, полученным от МИД, Сватковский поручил Мандичу «поспешить с возвращением в Триест и передать знакомым Сватковскому участникам съезда его опасения, что призыв к сопротивлению силой Италии порвет контакт части южного славянства с тройственным согласием и Россией, произведет раскол в славянстве и вообще будет вполне отвечать лишь интересам и планам Австрии».

Мандич исполнил это поручение, и 18 апреля состоялось второе собрание в Триесте. На нем было постановлено, что об уступках Италии не может быть речи, что словенские и хорватские земли представляют единое целое, частью которого является Триест. Лишить их «естественной гавани, значит задушить их». Много внимания участники съезда уделили тому, чтобы заинтересовать Россию решением вопроса о Триесте в пользу словенцев. «Даже для России адриатические гавани должны иметь громадное значение при условии выгодного железнодорожного соединения». «...Представители хорватско-словенского народа ожидают, что исконная защитница славян великая Россия всю свою мощью предотвратит грозящую им катастрофу».

Принимая во внимание резкую реакцию России на постановления, принятые на первом собрании, текст воззвания был пересмотрен. Решено было предложить населению «отнестись к вступлению итальянцев спокойно, в надежде, что справедливая Европа не заставит южных славян прибегнуть позднее к оружию за освобождение от чужеземного ига».

На втором собрании в Триесте также было принято решение «поспешить с отправкой за границу избранных сынов хорватского и словенского народа» для пояснения важности вопроса о Триесте «русскому и английскому правительствам», т.е. послать своих делегатов для участия в работе Югославянского комитета.

Привлечь внимание мировых держав, входящих в блок Антанты (Великобритании, Франции, России, США), к нуждам югославянских народов Австро-Венгрии и заручиться их поддержкой стало одной из важнейших задач Югославянского комитета. Уже весной 1915 г. его членами был предпринят ряд попыток «достучаться» до русских – убедить российское правительство поддержать идею создания независимого югославянского государства, а также словенские притязания на Триест. О них подробно написал в своем дневнике и в книге «В борьбе за объединенное национальное государство» Б. Вошняк.

На следующий день по приезде в Женеву (14 апреля 1915 г.) Вошняк посетил Сватковского, с которым он познакомился ранее в Вене. Со Сватковским, имевшим обширные связи среди австрийских славян и сочувствовавшим идеям лидера младочешской партии К. Крамаржа, у Вошняка и его коллег по Югославянскому комитету состоялся весьма доверительный разговор о будущем объединении югославян. Вошняк подчеркнул, что хорваты и словенцы стремятся объединиться с сербами, не жертвуя при этом «своей самостоятельностью во внутренних делах». Создание централизованного государства с широкой автономией областей «сделало бы возможным в будущем присоединение Болгарии». Сватковский счел эти идеи разумными и дал членам Югославянского комитета ряд советов по поводу того, как им вести пропаганду в Париже и Лондоне. По его мнению, австрийским югославянам нужно было подчеркивать, что они стремятся «к своей независимости, но ни в коем случае не желают попасть под влияние России». Сватковский высказался также за заключение персональной унии между чехами и югославянами, во главе которой встал бы сербский престолонаследник Александр. Решение вопроса о будущей государственной принадлежности Триеста Сватковский вполне обоснованно ставил в зависимость от того, насколько нужна Антанте поддержка Италии. Эмоциональный ответ Вошняка, что «будет странно, если словенцы станут первой жертвой «освобождения» Россией», задел Сватковского. Он заявил, что говорить об освобождении Россией – «романтизм». Югославянские патриоты ушли от русского журналиста с неприятным ощущением, что их «продадут»²⁶.

Это ощущение только усилилось после беседы с бывшим российским министром иностранных дел (1906–1910), а позже российским послом в Париже А.П. Извольским 26 мая 1915 г. Извольский произвел на Вошняка впечатление «дипломата старой школы, для которого православие превыше всего». Члены Югославянского комитета покинули российское посольство с убеждением, что о малых славянских народах Австро-Венгрии Извольский мало что знал и судьбой их не интересовался²⁷.

Тогда они еще не знали, что судьба Приморья уже решена. В апреле 1915 г. был заключен Лондонский договор, согласно которому предусматривалась передача Италии, в случае, если она вступит в войну на стороне Антанты, Триеста, Горицы, Истрии и др. югославянских земель. 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. Военные действия переместились на словенскую территорию. К осени 1916 г. итальянцы захватили уже всю Горицу и Посочье.

Б. Вошняк зафиксировал в своем дневнике беседу с далматинским либералом Ф. Супило, посетившим Россию по поручению Югославянского комитета. Он вернулся из Петрограда в июне 1915 г. и уже был осведомлен о заключении Лондонского договора. Записывая свои впечатления от рассказа Супило, Вошняк выражает полное согласие с его оценкой ситуации: «Сазонов (министр иностранных дел России. – ЛК) и официальная Россия вели себя просто бесстыдно при заключении договора». Они препятствовали попыткам Супило «расположить к нашему делу русское общество». «У официальной России перед глазами только православие, она желает объединения балканских церквей в цариградском патриархате. Она не желает объединения южных славян, не верит, что хорваты могут и хотят объединиться с сербами»²⁸.

Как видно, уже к середине 1915 г. Вошняк совершенно разочаровался в возможности Югославянского комитета хоть как-то повлиять на русскую политику. Официальная Россия не принимала в расчет «австрийских и балканских славян» в своих внешнеполитических планах, хотя, по мнению Вошняка, в ее же собственных интересах было бы «позаботиться» о них²⁹. Лишь осенью 1916 г. члены Югославянского комитета (среди них и Б. Вошняк) вновь решили организовать поездку в Россию с целью пропаганды идеи объединения всех югославянских земель, однако эта поездка так и не состоялась.

Следует признать справедливым вывод Я. Плетерского, что «замысел о самостоятельном выступлении словенцев и хорватов

против итальянского вооруженного нападения распался из-за прямого вмешательства российской царской дипломатии»³⁰. Для приморских словенцев, традиционно настроенных русофильски, поддержка Россией их национальных требований была делом первостепенной важности, и, получив резкую отповедь со стороны российского представителя, они отказались от дальнейшего сопротивления.

Сообщая о реакции южных славян на объявление войны Италией и на уступки, сделанные ей странами Антанты, Сватковский отмечал: «Словенцы, более уравновешенные, чем хорваты, отнеслись к событиям, насколько можно судить по отрывочным пока данным, сдержанно». Независимых политических акций словенские либералы действительно более не предпринимали.

Можно сделать вывод о том, что полностью независимой словенской акцией в этот период, действительно, являлся лишь меморандум А. Мюниха и Л. Ленарда. Впрочем, помимо того, что в нем весьма вольно были определены границы словенской этнической территории, этот документ выражал позицию прежде всего двух подписавших его журналистов. Инициативы триестских и горичких либералов были совместными – словенскими и хорватскими. Они важны тем, что этому кругу словенских и хорватских политиков удалось достичь единого мнения по вопросу о будущей судьбе югославян и впервые с начала войны ясно высказать свою волю к объединению и образованию независимого югославянского государства. В них также проявились сильные колебания словенских либералов и их (вполне обоснованная) неуверенность в своих силах. Решения и акции предпринимались ими в согласии с советами А. Трумбича, высказанное же В.П. Сватковским мнение российского правительства практически свело их на нет. Вся дальнейшая работа по пропаганде югославянских идей и по защите словенского Приморья была переложена на плечи Югославянского комитета и делегированных в него словенских представителей.

Характерно, что многие приморские словенские либералы и эмигранты, ставшие членами Югославянского комитета, уже в начальный период войны решительно высказались за создание независимого югославянского государства, в чем немалую роль, несомненно, сыграла угроза захвата словенских земель со стороны Италии. Либеральные инициативы словенцев имели локальный характер, были разрозненны и отчасти несамостоятельны, что вполне естественно, учитывая слабые позиции либерального движения в словенских землях. Вместе с тем, если утверждения

словенских либералов о том, что все словенцы якобы мечтают объединиться с хорватами и сербами в единое целое, выражали их идеалистические представления и совершенно не соответствовали реальному положению дел, то их борьба в защиту словенского Приморья действительно отражала общий настрой словенцев, свидетельством чему стало героическое сопротивление словенских и хорватских солдат итальянской оккупации в боях на Сочанском фронте.

Известно, что главную роль в движении за объединение югославян в словенских землях сыграли католики. Хорватско-словенский клуб после роспуска рейхсрата стал политическим клубом югославянских депутатов, центром их политической жизни. Первое его собрание состоялось в Мариборе 28 октября 1915 г. На втором заседании клуба 16 декабря 1915 г. было принято решение установить связи с югославянскими депутатами, не входившими в клуб, прежде всего с либералами В. Равнихаром и О. Рибаржем. Те восприняли предложение о сотрудничестве положительно, но процесс объединения сил тормозился из-за раскола в ВВП.

Энергичную деятельность по сплочению национальных сил для борьбы за права словенцев и объединение югославян ВВП начала вести в лишь конце 1916 г., когда на престол вступил император Карл. 28 ноября 1916 г. в Граце состоялось общее собрание Хорватско-словенского клуба, на котором депутаты дали присягу верности новому императору. Было решено ради дальнейшей национальной консолидации югославян наладить сотрудничество со всеми политическими силами, в том числе с либералами. Г. Жерьяв стал секретарем Югославянского клуба во вновь начавшем работу рейхсрате. Либералы активно поддержали и стали пропагандировать составленную лидерами католиков Я.Е. Креком и А. Корошецем Майскую декларацию. Б. Вошняк стал единственным словенцем, принявшим участие в подписании Корфской декларации. И только в мае 1918 г. произошло объединение словенского либерального движения и образовалась Югославянская демократическая партия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dolar F.* Odsotnost slovenske državne misli v prevratu 1918 // Zrenja in uvidi: Zbirka. II. Buenos Aires, 1971. S. 11.

² *Prunk J.* Žerjav Gregor (1882–1929) // Slovenski biografski leksikon 1925–1991. Elektronska izdaja. Ljubljana, 2009. // <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi898500/>

³ *Knaflič V.* Jugoslovansko vprašanje. Politična razmišljanja o priliki balkanske vojne. Ljubljana, 1912. S. 89–90.

⁴ *Pleterski J.* Prva odločitev slovencev za Jugoslavijo. Politika na domačih tleh med vojno 1914–1918. Ljubljana, 1971.

⁵ *Šepić D.* Slovenci i jadransko pitanje u prvom svjetskom ratu // *Zgodovinski časopis* (далее – *ZČ*). Ljubljana, 1969. Št. 3–4.

⁶ *Lukan W.* Habsburška monarhija in slovinci v prvi svetovni vojni // *ZČ*. 2008. Št. 1–2.

⁷ *Lipušček U.* Sacro egoismo. Slovenci v krempljih tajnega Londonskega pakta. Ljubljana, 2012.

⁸ *Ara A.* Italijani in slovinci v avstrijskem Primorju 1880 – 1918. // Melikov zbornik. Ljubljana, 2001.

⁹ *Gabršček A.* Goriški slovinci. Narodne, kulturne, politične in gospodarske črtice. Knj. II. Od leta 1901 do 1924. Ljubljana, 1934. S. 469.

¹⁰ *Pleterski J.* Op. cit. S. 15.

¹¹ Slovenski narod. (Ljubljana). 1914.03.08.

¹² *Hribar I.* Moji spomini. II Del. Ljubljana, 1984. S. 97, 104.

¹³ *Ibid.* S. 104.

¹⁴ *Prepeluh A.* Pripombe k naši prevratni dobi. Ljubljana, 1938. S. 73.

¹⁵ *Gabršček A.* Op. cit. S. 470.

¹⁶ *Lukan W.* Op. cit. S. 96.

¹⁷ *Pleterski J.* Op. cit. S. 33.

¹⁸ *Šepić D.* Op. cit. S. 262.

¹⁹ *Pirjevec J. M. F.* Raevskij in slovenski rusofili // *Jezik in slovstvo*. № 1. 1977. S. 23–26.

²⁰ *Pleterski J.* Op. cit. S. 33.

²¹ Л. Ленард ранее сотрудничал в католических изданиях и много писал в них о русско-польском вопросе. Подробнее о нем см.: *Gantar Godina I.* Dr. Leopold Lenard // *ZČ*. 1992. Št. 3.

²² АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 208. Л. 2–5об.

²³ Там же. Д. 281. Л. 20–22.

²⁴ *Lab I.* V borbi za Jugoslavijo. II del. Svetovna vojna. Ljubljana, 1929. S. 36.

²⁵ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 432. Л. 5–8.

²⁶ *Vošnjak B.* Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana, 1994. S. 44.

²⁷ *Ibid.* S. 48–49.

²⁸ *Ibid.* S. 60.

²⁹ *Ibid.* S. 116.

³⁰ *Pleterski J.* Op. cit. S. 45.

К.В. Мальшина (Киев)

Малый народ в Великой войне: путь словенцев к национальной государственности (1914–1918 гг.)

Словенские земли исторически находились под франкским, а затем австрийским господством с IX в., и за последнюю тысячу лет в административном отношении их делили на феодальные марки, графства и епископства несколько раз. Последнее деление словенцев в 1815 г. отражало скорее их географическое и традиционное феодальное состояние, которое, в свою очередь, влияло на состояние этническое: условно чисто словенской оставалась только Крайна, во всех остальных частях словенцы составляли примерно треть населения¹, в основном сельского, благодаря немецким, итальянским или венгерским миграциям времен позднего средневековья в словенские города.

Согласно официальной линии трактования и преподавания истории в Австро-Венгерской империи, словенцы, подпавшие под гнет франкского королевства еще в 828 г., и в связи с истреблением и окончательной ассимиляцией собственной феодальной аристократии к XV в., были «негосударственным», «неисторическим» народом, который никогда не имел своего собственного государства и не должен был никогда его иметь², поэтому словенцам следовало беспрекословно подчиняться всем решениям и реформам, принимаемым в государстве.

В словенском самосознании, безусловно, одной из старейших и наиболее устойчивых составляющих является представление о том, что словенцы – малый народ. Это чувство неполноценности параллельно с ростом национального самосознания снова и снова будило дилемму о смысле и шансах на выживание столь малого народа среди более агрессивных и более многочисленных соседей³. И первой угрозой «утонуть в море германства» стала идея объединения Германии и вовлечения в этот процесс Австрии во время революции 1848 г. Тогда в Вене, Граце и Любляне словенс-

кая городская интеллигенция создала первые общественные объединения, программы которых получили политическую окраску. Наиболее четко разработанную политическую программу выдвинуло Венское общество «Словения». Так называемая программа Объединенной Словении включала в себя 3 главных требования по поводу государственного устройства Австрийской империи: «1. Политически раздробленный народ словенцев в Крайне, Штирии, Приморье и Каринтии как единый народ объединить в единое государство, чтобы он имел свое собственное провинциальное собрание; 2. Чтобы словенский язык у нас имел полностью те же права, какие имеет немецкий язык в немецких землях; 3. Чтобы Словения была неотъемлемой частью Австрийской, а не Германской империи»⁴.

Программа была первым словенским политическим протестом как против существовавшего государственно-административного устройства, так и против германизации, став отправной точкой восстановления словенской государственности в XX в.

Следующим наступлением на целостность словенского народа стала передача Фриулии – Венецианской Словении – Королевству Италии в 1866 г. Разочарование в Австрии как многовековой «защитнице» национальной целостности (даже имея ввиду меркантильные соображения) стало толчком к «таборскому» движению и к переходу словенцев к идее югославизма; к началу XX в. во взглядах словенских политиков на будущее государственное устройство Словении идея автономии, высказанная еще в Программе объединенной Словении, приобрела вид общей идеи государственного триединства, которая в ходе дебатов приобретала различные формы.

Накануне Первой мировой войны в Словении уже существовало три основных политических лагеря – консервативный, либеральный и социалистический, которые оформились в партии с середины 1890-х гг. Политики были разделены не только идейно, но и географически, и опирались на соответствующую социально-экономическую базу каждой словенской провинции.

Консервативный лагерь составляли клерикалы, Всесловенская народная партия (ВНП) (создана в 1895 г.), имевшая свои организации по всей Словении, с основной базой в Крайне; регионами, где позиции ВНП были слабы, стало Приморье с г. Триестом и Истрия, где преобладали социалисты; в прилегающей же Гориции сильнее были либералы. С 1902 г. партию возглавлял И. Шуштершич⁵. С 1910 г. к ним примыкал Югославянский профессиональ-

ный союз, образованный рабочими – христианскими социалистами под руководством Я.Е. Крека.

Национально-прогрессивная партия (НПП) (создана в 1894 г.), во главе с И. Тавчаром и И. Хрибаром и национальная либеральная партия Штирии во главе с В. Куковцем составляли либеральный лагерь. Ориентируясь на защиту национальной культуры, они базировались на поддержке словенцев в городах со смешанным населением, в основном в Каринтии и Штирии, пытаясь приостановить этническую ассимиляцию и борясь с так называемым «немшкурством» – германофильством. К ним в 1912 г. присоединились национальные радикалы, большей частью студенты – венское общество «Словения», во главе с Г. Жерьявом и В. Равнихаром, оформив в НПП «младолиберальное» крыло. Также с 1907 г. действовала «Национальная рабочая организация Приморья, Крайны, Каринтии и Штирии» либерального толка.

Социалистический лагерь составляла Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП), созданная в 1896 г., возглавлял ее до своей эмиграции в 1914 г. Э. Кристан. Партия объединяла словенских, а также хорватских и сербских рабочих Истрии и Далмации, и тесно сотрудничала с итальянскими и австрийскими эсдеками. Центрами рабочего движения, возглавляемого социалистами, были города Любляна, Триест (там шло сотрудничество с итальянскими социал-демократами) и Марибор (здесь в основном преобладали австрийские социал-демократы), кроме того, социал-демократическое влияние было сильно в Каринтии и Истрии, где капиталистические предприятия развивались значительно быстрее.

На развитие идеи словенской государственности накануне войны влияло несколько факторов. Одним из важнейших – стало направление хорватской политики. Все словенские политические течения пытались выработать общую линию в борьбе за триализм. Хорватские «младоправаша», либеральное крыло, поддерживали идею триализма-австрославизма. Наиболее известными среди них были политик Ф. Супило и адвокат А. Трумбич, авторы новой партийной стратегии: объединить Боснию и Герцеговину с Далмацией и Хорватией на основе хорватского национального и государственного права и открыть дверь воеводинским сербам в деле создания югославянского единства⁶. В этой связи они больше сотрудничали с итальянскими ирредентистами, упуская из виду словенцев, и это стало основной проблемой для словенских государственных устремлений.

Не менее важным фактором были династические трансформации. Накануне войны политические круги Австро-Венгрии жили в ожидании перехода в скором времени императорского скипетра в руки эрцгерцога Франца-Фердинанда, по общим предположениям, – сторонника реформ, официально объявленного наследником в 1896 г. Это с каждым годом все более напряженное ожидание, а также Балканские кризисы 1908 г. и 1912–1913 гг. (аннексия Боснии в нарушение Берлинского договора 1878 г. и Балканские войны) обостряли политические дебаты о предстоящих реформах и трансформации государственного устройства империи.

Также на развитие югославизма в целом оказал влияние государственный переворот в Сербии 1903 г. Трансформация Сербии в конституционную монархию с новым направлением внешней политики дала толчок развитию идеи решить словенский национальный вопрос, действуя против Габсбургской монархии при опоре на Сербию⁷.

Идея словенской государственности, выраженная в программе Объединенной Словении, являлась камнем преткновения в спорах политических сторон. Внутри каждого лагеря по этому поводу также существовали расхождения между отдельными группами или политиками.

Накануне и в период войны СНП «держала под своим влиянием по крайней мере 80% всех словенцев»⁸. Клерикалы представляли себе будущее словенской государственности в виде Триединого королевства – Австрии-Венгрии-Югославии, где третью часть представляли бы объединенные габсбургские славяне; аннексию Боснии в 1908 г. они восприняли с воодушевлением, полагая, что это усилит славянский элемент в империи. В своих государственных устремлениях они надеялись на реформы после вступления на престол Франца-Фердинанда, сторонника «Великой Австрии» на началах «централизованного федерализма»⁹. Однако при общей ориентации клерикалов на католическую политическую доктрину, которая включает принцип династической лояльности, они не придавали политического характера национальному вопросу и не представляли будущее Словении вне пределов империи, которая одна, как они считали, могла защитить словенские земли от территориальных притязаний Италии.

Накануне Балканского кризиса 1912–1913 гг. триалистическая концепция, а также национально-демократические принципы и политико-экономические взгляды С. Радича окончательно привлекли И. Шуштершича к более тесному сотрудничеству с Хорватской партией права, и в октябре 1912 г. на общем собрании в Люб-

ляне было провозглашено хорватско-словенское национальное единство и объединение обеих партий.

С другой стороны, при обсуждении состава будущей Югославии нельзя было обойти положение сербов Воеводины, входившей в состав Королевства Венгрия. В этом члены партии расходились, что затем, уже во время войны, повлекло за собой серьезные последствия для ее руководства. Демократическая часть ВВП – христианские социалисты, вместе с Я.Е. Креком, позитивно смотрели на консолидацию с православными сербами и с мусульманами, рассматривая конфессию как вопрос политический. Однако консервативная часть во главе с И. Шуштершичем с недоверием воспринимала некатолические объединения, причем такого рода отношение было характерно не только в отношении имперских сербов, но и Сербии. Весной 1914 г., накануне войны, расхождения по вопросам государственного устройства и союза с сербами¹⁰ привели к отставке президента парламентского клуба И. Шуштершича и выборам на его место А. Корошца, единомышленника Я.Е. Крека. Важность этого шага затем наглядно проявилась в образовании Югославянского клуба в рейхсрате в 1917 г.¹¹

Внутри социал-демократии, оформившейся в Югославянскую социал-демократическую партию в 1896 г., также шли дискуссии по поводу дальнейшего государственного устройства Словении. Единой была позиция о возможности национального развития только в условиях социализма и о праве наций на самоопределение. В сфере осуществления этого права социал-демократы имели довольно удобную точку зрения: требуя права на самоопределение, они не требовали государственного отделения и полной независимости, что давало возможность при политической необходимости менять акценты. Вопрос о языке и в целом о национальной культуре ставился тоже, но при этом социал-демократы разделяли понятия национальная и государственная идея, не считая национальный вопрос политическим: национальный язык и культура, как они считали, могли свободно развиваться в будущей социалистической федерации, для их защиты не требовалось создание независимого государства.

На югославизм словенских социал-демократов в историографии существуют различные взгляды. Однако можно утверждать, что именно с Югославянского конгресса, прошедшего в Любляне в декабре 1870 г., вся балканская социал-демократия Австро-Венгрии перешла на общие позиции югославистского государственного устройства в союзе с сербами (в разных вариантах административного устройства¹²); все были согласны с тем, что основой

будущего единого государства должен быть интернационализм и социализм, а главным и единственным условием его возникновения должна быть социалистическая революция.

Либеральный лагерь сам не составил какой-либо точной программы государственного строительства¹³. Основной государственной идеей либералов до 1906 г. оставалась избирательная реформа Австрии. Либералы выступали за всеобщее, но не равное избирательное право: упразднение куриальной избирательной системы и всеобщее равное право принесло бы пропорциональное представительство словенцев в государственных органах и вместе с тем политическое преобладание политического католицизма в Словении. Либеральная партия из своих меркантильных партийных интересов выступила против равного права и таким образом прослыла «более реакционной, чем клерикальная»¹⁴. Кроме того, либералы боролись за экономические интересы словенской буржуазии и против германизации, в защиту словенского языка, в этом их поддерживала национально-радикально настроенная студенческая молодежь. Хорватские политики, следуя «новому курсу», отказывались сотрудничать со словенскими либералами. Поэтому постепенно либералы, особенно после международного кризиса 1908 г., также склонились к идее югославянства¹⁵. В 1913 г. Исполнительный комитет партии выступил за культурное и политическое объединение габсбургских славян в рамках империи и сближение с южными славянами¹⁶.

В 1913 г. журнал «Знание» («Veda») провел на своих страницах дискуссию и последующее анкетирование о языковой проблеме югославизма, т.е. о сохранении культурных особенностей или согласии на ассимиляцию. Против ускоренного или замедленного слияния словенского и сербско-хорватского языков, несмотря на единство мнений о необходимости политической интеграции народов, выступило две трети респондентов. Почти 1/4 словенских респондентов не возражала против постепенного слияния двух языков. На примере лингвистических дебатов в «Знании» можно видеть, что среди словенцев энтузиазма относительно объединения югославян перед Первой мировой войной, при этом независимо от различий в политической ориентации, было достаточно. Они расходились во мнениях о степени единства – либо чисто политическое, либо с тому же и языково-культурное, – а также о путях достижения этого слияния. О необходимости политической интеграции габсбургских южных славян словенцы высказались практически единогласно¹⁷.

* * *

Начало мировой войны переменяло многое в расстановке политических сил в Словении уже осенью 1914 г. Тогда положение словенцев начали определять два особых условия (в дополнение к основному – самой войне): внешнее – территориальные притязания Италии на все восточное побережье Адриатики, и внутреннее – политические преследования словенских югославистов.

Словенское Приморье стало ареной военных действий итальянско-австрийского Сочанского фронта, и с открытием Сочанского фронта в 1915 г. часть Гориции была оккупирована итальянцами (населенные пункты Баньшице, Солкан, Горица, Опатье-село, Добердоб)¹⁸.

Со смертью Франца-Фердинанда рухнули надежды на его реформы. Согласно официальной версии, в его убийстве обвинялась Сербия, и позиции югославизма в Словении резко ослабли. Было введено военное положение, экономику начали переводить на военные рельсы, начались политические репрессии: роспуск имперского рейхсрата, введение жесткой цензуры, запрет любого проявления сепаратизма-югославизма и высылки, аресты и суды словенских национальных деятелей, без различия их политической окраски: клерикалы, социал-демократы или либералы. Австрия использовала войну как возможность порвать все югославянские связи словенских партий (как видно из заявления графа Штюргка)¹⁹. В словенских землях, особенно в этнически наиболее уязвимых провинциях – Штирии и Каринтии усилился немецкий национализм.

В феврале 1915 г. приморские словенцы и младолибералы из Крайны, вместе с хорватскими политиками, передали полномочия эмигрантским деятелям во главе с А. Трумбичем в Риме. Они уполномочили его заручиться согласием Антанты на создание Югославии. На двух секретных конференциях в апреле 1915 г. в Триесте были обсуждены возможные действия против притязаний Италии на Приморье и Далмацию. Двух бывших депутатов рейхсрата в качестве представителей отправили в Югославянский комитет, возглавляемый Трумбичем.

СНП вновь возродила хорватско-словенскую программу государственного объединения. Крек присутствовал на тайной конференции хорватских священников в марте 1915 г. в Риеке, где был составлен меморандум к папе с требованием неделимого сообщества хорватов и словенцев. Участники конференции были также готовы принять – как средство против итальянских

притязаний на словенские и хорватские земли – даже союзное государство с Сербией во главе с династией Карагеоргиевичей. Об этом было тайно передано русским представителям в Риме и Трумбичу. Но добиться содействия Антанты не получалось: Антанте надо было втянуть в войну Италию, а «Югославия» как целостный проект представляла этому угрозу²⁰ – территориальные претензии Италии простирались на все адриатическое побережье будущей Югославии.

Уже через месяц Антанта тайно договорилась с Италией в Лондоне 26 апреля 1915 г.²¹. Этот секретный договор определил условия вступления Италии в войну на стороне Антанты. Италия обязалась не позднее чем через месяц объявить войну Австро-Венгрии, а также выступить (без указания точного срока) против «всех... врагов» Антанты. В качестве «платы за кровь» Италии были обещаны: Трентино (Цизальпийский Тироль), вся Юлийская Крайна (с Горицей и Градишкой), вся Истрия, почти вся Далмация с островами, ряд территорий в Эгейском море, в Малой Азии, в Африке (исправление границ в Ливии и Сомали) и английский заем в 50 млн ф.ст.

Как мы видим, договором с Италией предусматривался раздел территории Словении. Апатичное отношение к войне словенского населения изменилось в сторону большей готовности к войне из-за Сочанского фронта, но в то же время круги, ориентировавшиеся на Антанту, особенно младолибералы, были политически парализованы.

С другой стороны, политической инициативе ВВП мешал раскол в ее рядах, между христианским социалистом Я.Е. Креком и руководителем партии, консерваторм и австрофилом И. Шуптершичем, который призывал к борьбе против Сербии и настаивал, чтобы партия во время войны оставалась политически бездеятельной²².

Новый австрийский премьер-министр граф Карл Штюргк, как и сам император, не имел программы оздоровления монархии. Штюргк понимал войну не просто как продолжение внешней политики иными средствами, а прежде всего как возможность реализации внутренней политики иными средствами. Его государственной идеей было разрушение связей между славянскими партиями, уничтожение любого вида югославизма – даже весьма лояльного триализма. Штюргк был твердо настроен не созывать парламент до конца войны и внести поправки в конституцию Австрии в соответствии с пожеланиями крупной австрийской бур-

жуазии. Эти пожелания были выражены в известной программе «Немецкие интересы» (Die Deutsche Belange), опубликованные перед Пасхой 1916 г. В отношении государственного строительства австрийской половины империи предполагалось передать Далмацию Венгрии (тогда бы она имела все хорватские земли). Дело было не в благотворительности по отношению к Венгерской короне, а в получении немецкого большинства в венском рейхсрате. Остальные требования программы, в отношении словенцев, касались объявления немецкого языка государственным и дальнейшей консолидации немецкого господства в словенских землях, чья единственная работа заключалась бы в обслуживании германского пути в «южный немецкий порт» Триест; будущим словенцев являлась бы германизация²³.

Убийство премьер-министра Штюргка социал-демократами 21 октября 1916 г., смерть старого императора Франца-Иосифа 21 ноября 1916 г. и приход к власти нового императора Карла возновили надежды на перемену политики в отношении парламента. Однако вскоре стало ясно, что смена личностей на высших постах в империи никак не отразилась на попытках реализации немецких требований. Новый император не разделял идеи своего предшественника эрцгерцога Франца-Фердинанда, который планировал отложить принятие присяги венгерской и австрийской конституциям для того, чтобы «освободить руки» для общегосударственной реформы. Карл намеревался присягнуть венгерской конституции и тем самым подтвердить дуалистическую систему, но при этом отложить присягу конституции Австрии и таким образом получить возможность внесения конституционных изменений в пользу австрийцев.

Если проследить факторы влияния на развитие идеи словенского государственного строительства за весь период с самого начала войны вплоть до февральских событий 1917 г. в России, очевидно, что на политическую мысль влияли больше внутриимперские причины, чем внешние.

В последующий военный период, начиная с марта 1917 г., главным фактором стали события за рубежом и ход военных действий. Под влиянием февральской революции в России и вступления США 6 апреля 1917 г. в войну с Германией, опасность внешнего, военного поражения заставила императора возобновить работу рейхсрата, но при этом опасения внутривосточной нестабильности привели к тому, что в середине апреля 1917 г. император и правительство Клам-Мартинеца отказались от мыс-

ли о возможности конституционной реформы в Австрии: император вообще отказался от присяги австрийской конституции, получив возможность отложить реформу на более подходящее время после войны. На заседании правительства 16 апреля министр иностранных дел О. фон Чернин объяснил это тремя основными причинами: 1. учитывая революцию в России, не делать ничего, что противоречило бы демократическим тенденциям; 2. когда надо будет послать представителей социал-демократии в Стокгольм, не делать ничего, что было бы неприемлемым для них, или что доказывало бы русским, что славяне Австрии угнетены; 3. так как война стала крестовым походом против Германии, необходимо избегать всего, что может указывать на тесные отношения с Германией²⁴. Идея пересмотра конституции, таким образом, перестала быть актуальной.

В этих условиях, публикация и последующее обсуждение в обществе «Немецких интересов», возобновление работы рейхсрата способствовали консолидации словенских партий, ускорили подготовку собственной политической программы и объединение всех югославянских депутатов в единый Югославянский клуб в рейхсрате, который видел единственный путь выхода из сложившейся ситуации в активной борьбе за триализм.

30 мая 1917 г. на заседании рейхсрата глава ВВП и президент Югославянского клуба А. Корощец от имени всех его членов зачитал «Майскую декларацию». Это программное заявление требовало государственного объединения всех габсбургских словенцев, хорватов и сербов и шло вразрез с австро-венгерским дуализмом, но в одном пункте совпадало с политикой двора и правительства: в признании за Габсбургско-Лотарингским домом прав на императорский скипетр. Это согласовывалось с фундаментальной правительственной политической целью достижения целостности империи Габсбургов путем мирных переговоров. И в тот момент двор и правительство удовлетворились основным фактом, что Югославянский клуб признал югославянский вопрос внутренним делом империи, рассчитывая вести политику на прежних основах.

Еще до середины июля 1917 г. этот компромисс укрепляла уверенность, что новый правитель стремится к скорейшему мирному соглашению империи и к немедленным фундаментальным внутриполитическим реформам как неотъемлемой части своей мирной политики.

Однако в Словении началось «Декларационное движение» в поддержку программы Югославянского клуба, выразившееся в за-

явлениях партий, объединений, муниципальных общин, сборе сотен тысяч подписей, больших народных собраниях во всех словенских землях кроме Каринтии, где такие митинги были запрещены²⁵.

Югославянский клуб перешел к оппозиционной политике и заявил, что Майская декларация является минимальной программой, которую любое правительство, рассчитывающее на поддержку Югославянского клуба, должно принять полностью как свою собственную программу. Такой радикализации способствовало сотрудничество с чехами, а также деятельность эмиграции (работа Югославянского комитета и Корфская декларация июля 1917 г., многочисленные словенские добровольцы в сербской армии)²⁶, а затем Октябрьская революция в России.

К весне 1918 г. «Декларационное движение» превратилось в мощную социальную силу, поскольку в нем отражалось общее желание закончить войну, оно защищало идею югославянского государственного единства и независимости «до последнего горного гнезда»²⁷. После определенных колебаний, частично обусловленных опасениями левых социалистов, к этому движению присоединилась ЮСДП. В то же время ВНП также преодолела свой внутренний раскол, постепенно политически изолируя И. Шуштершича. Эта партия, таким образом, под руководством президента Югославянского клуба А. Корошеца также успешно присоединилась к растущему движению.

Заявление премьер-министра Э. Зайдлера 3 мая 1918 г. о том, что словенские земли должны остаться безусловно связанными с немецкими провинциями, запрещение «Декларационного движения» – все это указывало на необоснованность ожидания реформ. Окончательное разочарование всех тех, кто еще доверял Габсбургам, вызвало обещание императора немцам, живущим на словенских землях, что эти территории никоим образом не будут отделены от немецко-австрийских земель и эффективную борьбу против югославянского движения среди словенцев²⁸. Реально с этим движением были связаны три важнейшие на австрийской земле восстания словенских солдат в долине реки Мура в середине мая 1918 г., в которых ведущую роль сыграли словенские солдаты, вернувшиеся из русского плена²⁹.

Сразу же после этого последовало заявление всех словенских партий 27 мая 1918 г. о том, что словенский народ настаивает на своем праве на самоопределение.

Началом конца правления Габсбургов на словенских землях стало создание первого элемента собственной государственно-

сти, Национального совета в Любляне (16 августа 1918 г.) и его региональных комитетов в Мариборе, Целовце (Клагенфурте), Горице и Триесте, а также местных комитетов. Национальный совет в Любляне сразу же объявил себя частью будущего совместного Национального совета в Загребе³⁰. Создание Национального совета явилось частичным осуществлением Программы объединенной Словении: словенские земли Австрии были объединены под единым руководством. Но под итальянской оккупацией находилось Приморье; два прекурских округа оставались в Венгрии; Каринтия и Штирия оказались в сложном положении, эти провинции, со словенским селом и немецким городом, требовали раздела по этнически размытым границам. Для осуществления полного объединения всех словенских земель в условиях распадающейся империи требовались значительные усилия.

Национальное вече в Загребе было сформировано только 6 октября 1918 г., его председателем стал словенец, президент Югославянского клуба и глава ВВП А. Корощец. Это предопределило принадлежность словенцев «Государству словенцев, хорватов и сербов», провозглашенному 29 октября 1918 г. в Загребе. В тот же день 29 октября в Любляне, на большом народном собрании, было провозглашено отделение Словении от Габсбургской империи и ее вхождение в союзное государство с хорватами и сербами, а также создание национального правительства в Любляне, объединившем все ключевые ветви исполнительной власти, за исключением иностранных дел. Национальное правительство 31 октября 1918 г. признало загребское Национальное вече высшим органом Государства словенцев, хорватов и сербов». Внутреннее устройство Государства СХС было конфедеративным, и словенцы впервые в своей национальной истории получили суверенитет. Правительство стало коалиционным, и в бурное время распада империи и фронтовой неразберихи ему пришлось решать насущные внутривнутриполитические задачи и пограничные проблемы. Как доказывает Ю. Перовшек, правительство действовало согласованно и слаженно в решении всех вопросов³¹.

* * *

Европа летом 1914 г. еще не понимала, что с началом Первой мировой войны закончился великий век либерализма, и что оптимизму, характерному для буржуазной политической мысли этого времени, был нанесен серьезный удар. Принцип национального равноправия, родившийся в век либерализма, привел к

двум противоположным тенденциям – с одной стороны, к росту национального самосознания и стремлению к самоопределению одного народа, а, с другой стороны, к объединению с этнически родственными народами в борьбе против угнетателей. На Западных Балканах национализм как либеральный лозунг не мог сразу объединить все слои населения, для этого потребовалось бы быстрое развитие капитализма, невозможное в рамках существовавшего положения, поэтому, осознавая свою слабость, здесь национализм еще с 1820-х гг. стал приобретать форму югославизма, причем не только в политическом, но и в этническом смысле, особенно в 1870-е гг., после Югославянского конгресса в Любляне, когда в обществе открыто заговорили о «едином югославянском народе» как этнической общности; однако, эта тема требует отдельного разговора.

Таким образом, накануне войны 1914–1918 гг. словенские католические политики основывали свой югославизм на историческом хорватском государственном праве, отчасти на этническом естественном праве. Для либералов, которые придавали первоочередное значение национальному вопросу, на первом месте стоял этнический принцип, и сочувствия идеям перестройки государства в духе югославизма до 1908 г. они проявляли мало. Лишь позднее ввиду Балканских кризисов начала XX в. они перешли все-таки на позиции югославизма, и к ним примкнула радикальная молодежь. Социал-демократы в целом пришли к югославизму из соображений интернационализма. Однако они, имея определенное влияние во всех частях Австро-Венгрии, были расколоты в связи с сербским вопросом. СНП, которая имела подавляющее влияние в Словении, не интересовала хорватов из-за упорного клерикализма ее руководства и отношения к сербам, а либералы были им не интересны из-за своей политической слабости. Проблема словенской государственности стала отчасти зависеть от отношения словенских политиков к православным сербам и определять компоненты в разнонаправленных политических блоках.

Главным внешним фактором развития событий с начала войны стало то, что словенские земли рассматривались обеими воюющими сторонами как разменная монета, в данном случае между западно-европейским (франко-английским) и центрально-европейским (германо-австрийским) лагерями, причем существенную роль играла Италия. Изменение внутренней обстановки: смерть престолонаследника, мобилизация, введение военного положения, перестройка экономики на военный лад, роспуск имперского рейхсра-

та, введение жесткой цензуры, запрет оппозиционных обществ и печатных изданий, политические репрессии против словенских национальных деятелей, высылки, аресты и суды, а также широкая волна немецкого национализма в словенских землях, – оказали сильное влияние на развитие словенской государственно-политической мысли. Все это еще раз убедило колеблющихся словенских политиков в собственной слабости и острой необходимости югославянской коалиции; политические репрессии против югославян любой этнической принадлежности, в том числе и хорватов, сплотили их в эмиграции в Югославянском комитете.

Рассматриваемый период можно было бы разделить на следующие этапы:

- сентябрь 1914 г. – ноябрь 1916 г. – период раздела политических сил на внутренние группировки и эмиграцию, под влиянием угрозы со стороны Италии и внутренних репрессий согласие активных словенских политиков-югославистов на будущее государственное устройство в виде союза габсбургских славян с Королевством Сербия;

- ноябрь 1916 г. – март 1917 г. – пассивная позиция и возобновление надежд на триалистические реформы в Австро-Венгрии;

- март – июль 1917 г. С марта 1917 г., в отличие от предыдущих периодов, главным фактором стало бурное развитие международных отношений, что ускорило политизацию широких социальных масс и разработку программ государственного устройства словенскими партиями («Майская декларация») и югославянской эмиграцией («Корфская декларация»);

- июль 1917 г. – август 1918 г. – расширение «Декларационного движения», включение в него католического и социалистического лагерей под влиянием дополнительного, внутреннего австрийского фактора угрозы;

- 16 августа – 1 декабря 1918 г. – практическое выполнение требований Майской декларации: достижение автономии, сначала в рамках Австро-Венгрии, а затем Государства СХС. Впервые осуществились тысячелетние чаяния словенцев иметь собственную государственность, хотя и в виде автономии в рамках Государства СХС. Ориентиры словенских политиков резко изменились: клерикалы окончательно избавились от консервативного клерикализма и перешли на позиции национального государственного строительства, либералы и социалисты после колебаний склонились к югославистской позиции. Лишь в этот период словенская полити-

ка действовала как единое целое, вынужденная защищать границы и внутривосточное спокойствие в Словении.

Первой словенской идеей государственного строительства являлась программа Объединенной Словении, где национальная идея – в форме защиты языка – совместилась с государственной идеей – этно-территориальной парламентской автономией. Однако затем национальная идея теряется, «выпадает» из словенской политической мысли: словенские политики, начиная с 1890-х гг., перестают считать национальный фактор политическим; единственным слабым защитником национальной идеи становится либеральный лагерь, который перед войной также переходит на позиции югославизма.

Если до Первой мировой войны словенская политическая мысль следовала за политической практикой, находя теоретические обоснования политическим действиям, то во время войны она развивалась гораздо быстрее практической политики, разделившись на внутреннюю, которой приходилось лавировать под давлением военного положения, и эмигрантскую. Только в конце войны, в том числе и под воздействием внешних факторов, особенно обеих революций в России, словенская политическая мысль, все еще ориентированная на югославизм, начала приходить в соответствие с политическими действиями, требующими государственного строительства на национальной основе – создания своих национальных органов законодательной и исполнительной власти.

То есть, если в середине XIX в. для создания национальной идеи словенцам требовалось защищать свой язык и выступать за единую территориально-этническую автономию, то для обретения самостоятельного государства защиты языкового принципа оказалось недостаточно. Необходим был единый политический лагерь, четко осознающий задачу национального самоопределения, единства национального и политического принципов. Но клерикальный и социалистический лагерь, т.е. большинство словенских политиков, «разводили» эти принципы, и государственная идея развивалась слабо, а идея автономии демонстрировала неуверенность в собственных силах и делегирование части государственных функций центру. К концу войны словенцы оказались не готовыми к стремительным изменениям внешне- и внутривосточной ситуации и к захвату государственных полномочий в свои руки, выступая лишь в защиту своей автономии.

Национальная идея – т.е. объединение народа, разделенного какими-либо границами, или факторами, – учитывает прежде

всего главенствующий этнический принцип – язык. Кроме того, национальная идея характеризует народ с точки зрения его национальной истории, исторической миссии и смысла существования. Государственная идея, главным образом, призвана защищать национальную идею и сформировать политические, юридические, социально-экономические условия для ее осуществления; а политика призвана на практике осуществлять государственную идею. В целом можно сделать вывод, что создание Первой Югославии в 1918 г. стало крупным культурно-цивилизационным прорывом в новейшей истории Словении и переломом в словенском самосознании. После осуществления мечты о своем, славянском государстве, пусть даже при таком политическом режиме, с которым словенцы и хорваты не были согласны, начался постепенный спуск «с неба на землю», рост национального самосознания и борьба за собственную государственность, которую возглавили, как ни удивительно, словенские клерикалы, и к которой примкнули после 1923 г. словенские коммунисты. Через десять лет была окончательно похоронена идея этно-культурной унификации югославян. Либералы же сразу после войны перешли на прямо противоположные позиции – административного централизма и национальной ассимиляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 1815 г., в рамках Австрийской империи: Австрия – провинции Крайна, Каринтия, Штирия и Австрийское Приморье; Венгрия – округа Ваш и Зала; Ломбардия-Венеция – Фриулия (Венецианская Словения). Петер Козлер провел детальное исследование словенских национальных границ. Его перу принадлежат первый в своем роде этно-географический обзор Словении в целом и первая карта Словении (1853 г.). Крайна была полностью словенской провинцией, Штирия, Каринтия и Приморье имели каждая примерно по 1/3 словенского населения. Вне этой территории жили лишь 6% словенцев. Это были венгерские и венецианские словенцы. В 1866 г. Италия получила Венецианскую Словению. Таким образом, первая часть словенцев перешла в чужую страну. (*Melik V. Ideja Zedinjene Slovenije 1848–1991 // Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti. Ljubljana, 1998. S. 15.; Kebe D., Šiško A. Peter Kozler in zemljovid slovenske dežele. Ljubljana, 2013 – карта прил.*)

² *Moritsch A. Koroški plebiscit // Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti. S. 267.*

³ *Dolenc E. Narodna dilema pri slovenskih intelektualcih v prvi Jugoslaviji // Slovenci in država: zbornik. Ljubljana, 1995. S. 201.*

⁴ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina: od konca 18. stoletja do 1918. Ljubljana, 1966. S. 102.

⁵ *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. Спб., 2011. С. 251–284.

⁶ *Podgoršek N.* Hrvaška Stranka prava in njen odnos do Slovencev v devetdesetih letih 19. stoletja // *Zgodovinski časopis*. 2005. № 3/4. S. 430.

⁷ *Pleterski J.* Politika „novog kursa“, jadranski kompromis i Slovenci // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1975. № 3/4. S. 49.

⁸ *Густинич Д.* Национальное движение словенцев накануне и в период войны 1914–1918 гг. // *Историк-марксист*. 1941. № 5. С. 86.

⁹ *Rabten A.* Trialistične zamisli slovenskih in hrvaških politikov v letih pred prvo svetovno vojno // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 1999. Letnik 39. Št. 2. S. 66.

¹⁰ «Укрепление позиций направления Крек-Корошец ... – это не только критика безусловно династического и исключительно хорватского национализма правашей, но и критика априорной абсолютной лояльности И. Шуштершича по отношению к католической Габсбургской династии в качестве основы всей словенской политики. Шуштершич встал в те предвоенные месяцы на политически-оборонительную позицию, и свое открытое несогласие позволил себе выразить после убийства в Сараево. Только тогда Шуштершич смог выступить со своей пресловутой антисербской речью и заставил газету „Словенец“ 23 июля 1914 г. заявить: „Только в Великой Хорватии, в рамках крепкой империи Габсбургов лежит наше национальное будущее, а вовсе ни в каком бы то ни было сербстве или в туманном югославизме“».– *Pleterski J.* Trializem pri Slovencih in jugoslovansko zedinjenje // *Zgodovinski časopis*. 1968. Št. 3/4. S. 174; *Slovenec: političen list za slovenski narod*. 1914. 23.07. Letnik 42. Št. 165. S. 1.

¹¹ *Pleterski J.* Trializem pri Slovencih in jugoslovansko zedinjenje... S. 172–173.

¹² *Kristan E.* Narodno vprašanje in Slovenci // *Knjižnica Čas. «Naprej» v Ljubljani*. Št. 11. Ljubljana, 1908; *Pleterski J.* Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. Maribor, 1981. S. 114–115; *Klopčič F.* Slovenska socialna demokracija in makedonsko vprašanje pred prvo svetovno vojno // *Prispevki za zgodovino delavskega gibanja*. 1971. Št. 1–2. S. 289; *Tuma H.* Jugoslovanska ideja in Slovenci. Gorica, 1907.

¹³ *Pleterski J.* Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 259.

¹⁴ *Gestrin F., Melik, V.* Slovenska zgodovina: od konca 18. stoletja do 1918. S. 273, 289.

¹⁵ *Lončar D.* Politično življenje Slovencev: (od 4. januarja 1797. do 6. januarja 1919. leta). 2. izd. Ljubljana, 1921. S. 80.

¹⁶ *Dolinar F.* Odsotnost slovenske državne misli v prevratu 1918 // Zrenja in uvidi. Zbirka. II. Buenos Aires, 1971. S. 11.

¹⁷ *Dolenc E.* Narodna dilema pri slovenskih intelektualcih v prvi Jugoslaviji. S. 202.

¹⁸ Slovinci skozi čas: Kronika slovenske zgodovine. Ljubljana, 1998. S. 213–216.

¹⁹ *Valiani L.* The end of Austria-Hungary. London, 1973. P. 127.

²⁰ *Paulová M.* Tajná diplomatická hra o Jihoslovany a světové války: Úřední listy bar. C. Hoetzendorfa, hr. Tiszy, bar. Buriana, hr. Clama-Martinice, gen. pluk. Rhemena, gen. pluk. Sarkotiče a j. Praha, 1923; *Šepić D.* Italija, saveznici i jugoslavensko pitanje 1914–1918. Zagreb, 1970.

²¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Серия III: 1914–1917. Т. VII, Ч. II. М.-Л., 1936. С. 253–258.; Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 436–441.

²² *Pleterski J.* Prva odločitev Slovencev za Jugoslavijo: politika na domačih tleh med vojno 1914–1918 Ljubljana, 1971. S. 11–12, 33, 49, 56.

²³ *Pleterski J.* Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 231.

²⁴ Ibid. S. 234.

²⁵ *Stavbar V.* Deklaracijsko gibanje // Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti. S. 257–261.

²⁶ *Janković D.* Srbija i jugoslovensko pitanje 1914–1915. godine. Beograd, 1973.

²⁷ *Pleterski J.* Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 263.

²⁸ *Rumpler H., Hussarek M.* Nationalitäten und Nationalitätenpolitik in Österreich im Sommer des Jahres 1918. Graz, Köln, 1965. S. 87.

²⁹ *Picblík K.* Iz ruskega ujetništva v boj proti vojni. Ljubljana, 1968; *Ude L.* Upori slovenskega vojaštva v avstro-ogrski armadi // Zgodovinski časopis. 1968. Št. 3/4. S. 185.

³⁰ *Pleterski J.* Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 264.

³¹ *Perovšek J.* V zaželjeni deželi: slovenska izkušnja s Kraljevino SHS / Jugoslavijo : 1918–1941. Ljubljana, 2009. S. 24–25.

РАЗДЕЛ V

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

О.В. Соколовская (Москва)

Драма греческой королевской семьи в годы Первой мировой войны

«В балканском небе, – писал Милорад Павич в замечательной новелле «Атлас ветров», – столько опасных ветров, что из смертоносной игры, которую они затевали в небесах и днем, и ночью, испокон веков очень трудно было вырваться невредимым. Посему великим и важным искусством было вникнуть во все хитрости и ловушки небесного устройства... всегда выбирать верную масть, которая приведет к добыче и успеху, ... никогда на перекрестках, где встречаются западный и северный ветры, не терять дороги и добраться до цели...»¹

Королевский дворец в Афинах еще за год до начала Первой мировой войны ощутил на себе яростные потоки перекрестных ветров, которые постепенно охватили всю греческую землю.

Все началось с убийства 5(18) марта 1913 г. короля эллинов Георга I² во время его послеобеденной прогулки по набережной только что завоеванных и присоединенных Салоник. Король был убит выстрелом из пистолета, направленного на него почти в упор, а убийцей оказался душевнобольной грек А. Схинас, назвавшийся монархистом. Вскоре он, при попустительстве тюремных властей, покончил жизнь самоубийством. Кто стоял за спиной убийцы, так и не удалось выяснить до сих пор, однако подозрения тогда пали на Германию.

Георг I был родным братом вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны (датской принцессы Дагмар) и супругом королевы эллинов, великой княгини Ольги Константиновны. Королева Ольга³, глубоко верующая, посетила убийцу в его тюремной камере и нашла в себе силы простить больного человека.

Видный российский сановник В.Ф. Джунковский в своих «Воспоминаниях» пишет, что известие об убийстве короля эллинов «произвело удручающее впечатление в кругах, близких царской

семье; в Государственном Совете и Думе произвело негодующее впечатление. 7 марта состоялось торжественное заупокойное служение в греческой посольской церкви. Служил патриарх Антиохийский Григорий на греческом языке. Присутствовали все особы императорского дома»⁴.

Дипломат Ю.Я. Соловьев, служивший в Афинах и хорошо знавший короля, вспоминал, что вся «жизнь Георга I (легкого и умного человека) плохо вязалась с этим трагическим концом». Посетив в 1915 г. Салоники и увидев памятник королю Георгу I на том месте, где он был убит, Соловьев заметил, что король «вероятно, никогда не представлял себя кончающим жизнь не в изгнании, как король Оттон⁵, а как искупительная жертва торжествующего эллинизма»⁶.

В Европе только император Франц Иосиф и королева Виктория правили дольше Георга I, который вскоре собирался отметить 50-летний юбилей своего весьма удачного правления Грецией. «Великий скачок», совершенный Грецией под руководством короля и выдающегося политического деятеля премьер-министра Э. Венизелоса в 1910–1911 гг. позволил Греции в XX в. занять достойное место среди европейских держав. Георг был сторонником Балканского союза, и начал весьма успешную для Греции Первую балканскую войну.

Потеря одного из выдающихся европейских конституционных монархов – в такой критический момент была невыгодна державам-покровительницам Греции, входящим в Антанту. Георг I являлся ставленником и последовательным сторонником Великобритании и Антанты, а его супруга, русская великая княгиня Ольга Константиновна, – убежденной сторонницей России, которая была защитницей греческой королевской семьи.

Трагические события в Салониках привели на греческий трон 45-летнего наследного принца Константина, профессионального военного, который завоевал симпатии греков, участвуя в двух победоносных Балканских войнах.

Успешная кампания в Эпире, завершившаяся взятием Янины, и почетная роль в захвате Салоник сделала его популярным в армии, на которую он мог теперь рассчитывать. 17 (30) мая – были подписаны условия Лондонского договора об окончании войны, по которым Крит стал частью Греции. В ходе Второй балканской войны, начавшейся в конце июня 1913 г., в сражении с болгарами при Килкисе 19 июня (2 июля) Константин достиг вершин своей славы. Не будь этой победы, не иметь грекам ни Салоник, ни большей части Македонии. 28 июля (10 августа) 1913 г. Бухарестский

мир увеличил население и территорию Греции в два раза. Это был настоящий триумф, а новый король, прибыв 5 (18) августа 1913 г. в Фалиро на крейсере «Авероф» в сопровождении всего флота, а также Э. Венизелоса были встречены овациями. 8 (21) марта Константин официально присягнул короне. Новый король, не обладая достоинствами своего отца, мудрого и терпимого политика, был, однако, православным, родился в Греции и был воспитан в греческом духе, что импонировало грекам, мечтавшим об осуществлении «Великой идеи». Военное образование он получил в Германии и был без сомнения поклонником германского милитаризма и свято верил в его непобедимость.

С самого начала войны Константин, провозгласивший политику нейтралитета, стремился действовать таким образом, чтобы ни на йоту не повредить интересам Германии и другим державам центральной коалиции. При этом активизировавшиеся контакты с прусской королевской семьей, не приносили каких-либо политических плодов для Греции. Король Константин, благодаря своему в целом германофильскому курсу политики, отличному от политики Георга I, обзавелся весьма опасным противником в лице Венизелоса. Конфликт между ними возник сразу по восшествии Константина на трон.

Предложение Венизелоса о необходимости союза с Великобританией и Антантой, сделанное им после начала войны, являлось неотъемлемым фактором конфликта между ним и Константином, который ратовал за нейтралитет в войне, полагая, что народ нуждается в длительной передышке после Балканских войн. Историк Дж. Леон пишет, что «новый король, менее осторожный политик, более чувствительный к мнению окружения, менее уважавший конституцию и более реакционный, чем его отец, был предопределен судьбой отстаивать «новый курс», который был диаметрально противоположен курсу Венизелоса»⁷.

Борьба между Венизелосом и королем Константином привела к политическому расколу нации в годы Первой мировой войны, ответственность за который легла на династию.

Король Константин был женат на родной сестре кайзера Вильгельма II Софии⁸, с которой познакомился в Потсдаме во время своей учебы. 27 октября 1889 г. в Афинах состоялась их свадьба. София после рождения первого ребенка перешла из лютеранства в православие, кайзер был этим возмущен и грозил, что никогда более не примет их в Германии. У Софии сложились очень плохие отношения с греками – она не только не принимала

их у себя и не ездила к ним, но избегала появляться в иностранных миссиях, в тех случаях, когда на приемы приглашались члены греческого правительства и особенно представители военных кругов. Даже премьера Венизелоса, вполне европейского человека, София избегала. Она была высокомерна, мелочна и злопамятна, но Константин, обожавший свою жену, отклонял все жалобы Венизелоса на поведение Софии и в результате рассорился с ним⁹. Особенно Софии не нравилась ее русская свекровь и все ее благотворительные начинания в Греции, которые она старалась игнорировать, став неожиданно королевой. София резко изменила жизнь афинского двора.

С кончиной Георга I закончилась целая эпоха в жизни греческой королевской семьи, большой и дружной. Со смертью мужа навсегда кончился счастливый и относительно спокойный период жизни королевы Ольги, и впереди были тяжелые испытания. «Господь помогает изо дня в день, – писала она подруге в Россию, – без него не вытерпеть бы муки!» Не только уход любимого супруга мучил королеву, но она сразу почувствовала резкую перемену, которая произошла в королевской семье. Несмотря на завещание Георга I, в котором он просил наследника до конца дней «любить и защищать свою святую мать», Константин не воспротивился распоряжению Софии о том, чтобы немедленно выселить вдовствующую королеву из ее любимых комнат и убрать созданный ею Морской музей, располагавшийся в одной из галерей дворца. Находиться в Афинах становилось все унижительнее. Вместе со старинной подругой и родственницей по мужу, принцессой Терезией Баварской¹⁰ Ольга вначале уехала на все лето в летнюю резиденцию Татой, затем в Германию лечить глаза. В середине сентября Ольга приехала в Россию «на короткое время отдохнуть от пережитого». В Петербург она решила не заезжать. По дороге на родину Ольга объясняла своей подруге С.Н. Угрюмовой (жене контр-адмирала А.П. Угрюмова) в письме от 5 (18) сентября 1913 г. это тем, что «всё так болезненно изменилось для меня... Хотелось бы спрятаться от всех глаз!». Сначала она поехала в родной Павловск, «ее рай земной», затем в Стрельну, и только потом в Петербург к любимому младшему брату великому князю Константину Константиновичу¹¹ в Мраморный дворец. Ольга съездила в Москву к великой княгине Елизавете Федоровне, с которой дружила. В ноябре по пути в Грецию она заехала в Крым в Харак к младшей дочери Марии (жене великого князя Георгия Михайловича). В Ливадии она также гостила у царской семьи, а 30 нояб-

ря вышла из Ялты на яхте «Алмаз», предоставленной государем, в Грецию. В Афины она вернулась в начале декабря 1913 г. и находилась там до середины апреля 1914 г., живя то в Афинах, то в Татое. Особенно тяжело было принимать гостей, съехавшихся на годовщину убийства ее мужа, короля Георга I. В январе 1914 г. Ольга совершает краткое путешествие в Ассуан, где находился брат Константин, лечивший почки. Гаршину она говорила позже, что побывать с братом было для нее большой радостью и утешением, т.к. в Афинах стало очень грустно и тяжело и «такая перемена». А брату великому князю Константину Константиновичу писала: «Было так хорошо и тихо, быть с тобой мне всегда приносит пользу. Спасибо тебе, прелесть моя!»¹² В апреле королева София задумала делать капитальный ремонт в Афинском дворце, который должен был растянуться на несколько лет. В связи с этим Ольга писала брату 9 (22) апреля 1914 г.: «Кажется, скоро приступят к перестройке дворца, и является новая мучительная забота, оставаться ли мне с детьми здесь, т.к. наше присутствие, безусловно, должно мешать, хотя мне никто не давал это почувствовать, нанять-ли дом, чтобы там жить несколько лет во время работ и вернуться опять на старое, насиженное гнездо, или выехать навсегда... Это ужасно тяжело! Меня, пожалуй, и даже наверняка пустят обратно и Христо тоже, но Андрея с многочисленным семейством вряд ли!!! А я без них жить не могу... Волей неволей, таким образом, мне придется выехать навсегда... Ради Бога только никому ни слова, ты знаешь, как все переиначивают и чего доброго, что меня отсюда выгоняют. А это было бы отвратительная ложь и клевета. Прежде, чем решиться на окончательный шаг надо еще долго и хорошенько продумать»¹³.

В апреле 1914 г. с глазами у нее стало еще хуже, и она едет опять на лечение в Германию. Затем две недели Ольга проводит у Терезы в Баварии, потом в Лондоне у своих английских родственников, а в июле планирует ехать «домой в Россию!!!» на все лето и начало осени до октября 1914 г. «Мне так хотелось отдохнуть, так как я совсем измучилась за последнее время в Афинах», – объясняла Ольга своему брату желание находиться вне Греции¹⁴. Из Лондона 25 апреля 1914 г. она напишет своему секретарю капитану М.Ю. Гаршину: «Меня нестерпимо тянет в Россию, довольно я живу за границей, далее – это невтерпеж». Гаршин считал, что королева, как бы предчувствовала, что эта поездка будет какой-то особенной или последней. Она прибыла в Россию за два дня до начала Первой мировой войны.

В России она первым делом едет в село Выбуты, недалеко от Пскова на закладку храма во имя святой Ольги, что было ее давней мечтой. Вернувшись в Петербург, она немедленно включается в благотворительную деятельность, которая закипела в Мраморном дворце¹⁵. Этому помогало ее громкое имя, опыт госпитальной работы в Греции¹⁶ и большой авторитет в семье Романовых¹⁷. Она участвовала в организации и работе Комитета Мраморного дворца, под руководством которого был немедленно создан склад для сбора пожертвований, организован «летучий лазарет Мраморного дворца». В октябре 1914 г. имя Ольги было присвоено передовым отрядам Красного Креста № 5 и № 15, «снаряженным на средства вдовы отставного гвардии корнета Елизаветы Михайловны Терещенко с детьми, с разрешения императрицы Марии Федоровны»¹⁸. Ольга Константиновна стала постоянным участником заседаний Российского Красного Креста, разъезжала по госпиталям, в том числе в г. Сарны Волынской губернии, где находился «Второй греческий этапный лазарет Общества святой Евгении имени ее вел. королевы эллинов», созданный и содержащийся на средства греческих колоний Юга России, с большим уважением относившихся к Ольге Константиновне. Имя королевы эллинов было присвоено также лазарету на 20 кроватей для раненых и больных воинов в Петрограде на Галерной, д. 75, который был создан подругой королевы С.Н. Угрюмовой на средства председателя правления Петроградско-Тульского поземельного банка А.Ф. Масловского. Об этом сообщал вдовствующей королеве Ольге А.А. Ильин, председатель главного управления Красного Креста.

В начале октября 1914 г. (как раз, когда она ранее планировала вернуться в Грецию) они с братом великим князем Константином Константиновичем похоронили в Осташёво его сына князя Олега, которой добровольно ушел на фронт и был убит в первом же бою. Сердце ее сжималось от жалости к родным и друзьям, чьи дети погибали на фронте. После этого несчастья Ольга, стремясь быть ближе к брату, приняла решение остаться в России и «ни на единственный день не оставлять работу в лазарете до окончания войны», о чем сообщила Гаршину в действующую армию. В июле 1915 г., не пережив смерти любимого сына, скончался и ее брат, самый близкий человек, великий князь Константин Константинович. С его смертью мир для Ольги стал совершенно другим, она страшно постарела внешне, но деятельная натура заставляла ее действовать. Она решает открыть в Павловске в память о брате лазарет его имени и приют для увечных воинов и «ни на

единственный день не оставлять работу в лазарете до окончания войны». Гаршину весной 1915 г. она писала: «Я добросовестно провожу время, ежедневно в лазарете перевязываю, держу руки и ноги и бедную раненую голову во время перевязки врачом. Страшно люблю это дело и мне так отраднo сознавать, что и я делаю одну миллионную частицу общего русского женского дела»¹⁹. Лазарет стал частью ее жизни, и каждый день по несколько часов Ольга проводила в нем. «В лазарете я чувствую себя в своей стихии и на время забываю свои горести... Время, которое я провожу в лазарете среди раненых – истинное для меня утешение и успокоение», – писала королева Гаршину²⁰. В Павловске она прожила до конца 1917 г. вплоть до закрытия лазарета большевиками.

Все годы войны связи со своими сыновьями, находившимися в Греции, у Ольги Константиновны практически не было, а известия, которые приходили оттуда были всё тревожнее. Решение премьера Венизелоса о необходимости союза с Антантой, сообщенное им сразу после начала войны послу Великобритании, вызвало конфликт между ним и королем, который ратовал за нейтралитет в войне, весьма выгодный Германии, а также полагая, что народ нуждается в длительной передышке после утомительных Балканских войн 1912–1913 гг. Державы Антанты стремились вовлечь укрепившийся флот Греции и ее армию в войну еще при подготовке Дарданельской операции в конце 1914 г. Однако, позиция короля, выбравшего нейтралитет, оставалась неизменной. В октябре 1915 г. без согласия Константина I союзный десант высадился в Греции и был открыт Салоникский фронт. В королевстве все более обострялась внутривосточная борьба между венизелитами и роялистами, которая привела к политическому расколу нации, затем к расколу страны на две части и к трагическим для династии последствиям.

Изменение в феврале 1916 г. военной обстановки на фронтах в пользу Антанты побудило греческий двор изменить тактику. Константин I направил своих братьев с дипломатическими миссиями: принца Андрея в Париж, Лондон и Рим, а принца Николая, женатого на великой княгине Елене Владимировне, – в Петроград, «в Царское село с поручением к государю императору». Второй сын Георга I и Ольги Константиновны принц Георг Греческий, женатый на принцессе Марии Бонапарт в это время проживал в Париже и был постоянным представителем Греции во Франции, фактически послом. Он ненавидел Венизелоса еще со времен Крита, когда он был с 1898 по 1906 гг. Верховным комиссаром четырех

великих держав, а Венизелос – видным критским революционером и политиком и его ярким врагом. Принц Георг безоговорочно считал более выгодным при этом сохранение нейтралитета в войне, так как всегда был против великодержавных идей греков.

В 1916 г. борьба за вступление Греции в войну между воюющими группировками великих держав – Антантой и Центральными державами – становится все острее. Газета «Новое время» в апреле 1916 г. писала: «Петроград, 9 апреля. Целый ряд нейтральных государств занял все более... кристаллизирующуюся за последнее время позицию, могущую быть изображенной в виде формулы: когда вы победите немцев, мы станем на вашу сторону». «Но можно ли будет серьезно говорить о помощи греков, – продолжала газета, – если греческие войска начнут оперировать после уже выяснившегося окончательного разгрома центральных империй? Бежать за колесницей победителя, значит ли помогать ему? ...Сейчас в Греции не существует правильно действующей конституции, ибо она заменена единоличным королевским режимом. Последние выборы шли под сплошной припев «такова воля короля», «вотируйте за лиц, поддерживающих короля», боритесь с врагами короля» и т.д. Военная лига возрождена королем Константином, но в скрытой форме и с тенденцией, направленной в противоположную сторону... Недаром, по личному приказанию короля, всем греческим офицерам удвоено жалованье... Таким образом, во имя германских интересов Греция сейчас расстанется даже со своими конституционными свободами, возвращая себя к тому режиму, который себя показал в 1908–1909 гг.» Газета предлагала применить в отношении Греции ультимативные меры, и тогда «дней через семь после объявления блокады, настоящей, хорошей блокады, греки поймут, куда их ведет король Константин»²¹.

12 июля 1916 г. случилось некое символическое событие – большой пожар в Татое, который стал еще одним испытанием для королевы Ольги, так любившей построенную королем Георгом I летнюю резиденцию. К счастью, ни король, ни его семья, находившаяся там, не пострадали²².

27 июня (10 июля) российский посланник в Афинах Е.П. Демидов писал в МИД России о политике греческого короля: «Для меня представляется ясным, что партия дворца и штаба пытается под влиянием последних военных событий исправить принятый им ошибочно курс и заменить, пока не поздно, в глазах держав ненавистного им Венизелоса». Демидов считал, что «следует отнестись со вниманием к этому шагу и не обязательно делать ставку только

на Венизелоса»²³. Посланник России в Стокгольме А.В. Неклюдов в телеграмме министру иностранных дел России С.Д. Сазонову 4 (17) июля 1916 г. сообщал: «Лично. Весьма доверительно. Я имел долгий разговор с принцем Николаем греческим. Из всего сказанного мне принцем я мог заключить: во-первых, его высочество послан в Россию королем Константином с особой миссией; во-2-х, что его высочество представит разъяснения, якобы опровергающие обвинения в германофильстве, возводимые на короля; в 3-х, его высочество будет горько жаловаться на поведение союзных посланников, в особенности на французского, а также на генерала Саррайля²⁴; в 4-х, его высочество будет в особенности обвинять Венизелоса, попытается выставить этого государственного человека как врага династии и искать защиты нашей для короля и королевской семьи. – Я не счел уместным входить в сущность этих вопросов, затронутых его высочеством с большой страстностью, и ограничился лишь двумя замечаниями. Во 1-х, что Греция имеет в лице болгар врага непримиримого и ожесточенного; во 2-х, что нынешняя война между Германией и державами Согласия – есть борьба не на жизнь, а на смерть, и что в настоящую минуту должно самым серьезным образом предусматривать победу нашу. С обоими этими положениями его высочество согласился. Принц сообщил мне, между прочим, самым доверительным образом, будто бы союзные войска в южной Македонии не представляют достаточной силы: настоящих и хороших французских войск только де 50 000, остальные – разные сенегальцы, аннамиты, тонкинцы и т.п. Кажется, английские войска тоже носят сборный характер, а сербы де не представляют более прежнего духа, ибо утомлены четырьмя годами войны и норовят убежать поодиночке на родину к погибающим семьям. Если эти сведения правдивы, то политика греческого двора и греческих военных объясняется: движимые, прежде всего, мудростью страха, они не ощущают в союзных войсках достаточной силы для принуждения Греции и для ее защиты»²⁵.

В свою очередь министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в секретной телеграмме посланнику в Афинах, переданной также в Париж и Лондон. 4 (17) августа 1916 г. писал: «Пребывающий здесь королевич Николай, от имени короля, жаловался на непрекращающиеся нападки и затруднения, чинимые ему и греческому правительству союзной дипломатией и печатью, несмотря на добросовестное исполнение Грецией принятых на себя обязательств. В частности он указывал на враждебные и вызывающие по отно-

шению к королю действия союзных посланников в Афинах и их активное участие в поддержке предвыборной агитации в пользу Венизелоса; впрочем, при этом он сделал оговорку относительно Вас, как российского представителя, отметив Вашу умеренность и корректность. Цель этих жалоб, очевидно – добиться коренной перемены в отношении держав Согласия к Греции и к политике ее короля. Сообщая Вам об этом, считаю долгом прибавить, что наша точка зрения на необходимость держать под контролем политическую жизнь Греции, в смысле предъявленных ей 8-го июня требований, остается неизменной. Вместе с тем я вполне одобряю проявляемую Вами сдержанность и осторожность и надеюсь, что Ваши коллеги признают соответственным придерживаться такого же образа действий, щадя, в интересах дела, личное самолюбие короля»²⁶.

Е.П. Демидов также передавал в МИД России, что королевичи Николай и Андрей внезапно выехали 27 июня (10 июля) 1916 г. под предлогом дела по имуществу короля Георга в Данию, в Париж и Лондон, а по сведениям – сначала поедут в Петроград. «Политический характер поездки королевича Николая оставляет мало сомнений, – писал Демидов, – Следует полагать, что его высочеству поручено рассеять в столицах Согласия негативное мнение о положении дел в Греции и в связи с благоприятным оборотом, принимаемым событиями союзников и соответствующим изменением настроения здешних правящих кругов. Действительно, в последнее время враждебная нам греческая печать начинает проявлять склонность в сочувственном Согласию направлении. Королевич будет, по всей вероятности, убеждать союзные правительства, что Греция, в сущности, единодушно предана Согласию и, что державы могли бы вполне рассчитывать на искренность, лишь бы они отказались отождествлять свою политику с участием Венизелоса. Для меня представляется ясным, что партия Дворца и штаба пытается под влиянием последних военных событий исправить принятый им ошибочно курс и заменить, пока не поздно, в глазах Держав ненавистного им Венизелоса... Наши союзники несколько преувеличивают свои интересы в Греции исключительно на торжестве Венизелизма». Король Константин поручил поверенному в делах в Афинах князю Л.П. Урусову уверить российский МИД, что не существует никакого соглашения между Грецией и центральными державами²⁷. Российский военный агент Гудим Левкович передавал из Афин: «Принц Николай поехал в Петроград. Цель – играть на струнах родства и влияния матери. После двух лет

явного германофильства и покровительства всему, что против Согласия, нынешний король, испуганный возникновением вопроса о династии в Греции, разослал братьев по родственным дворам убедить в преданности Согласию и необходимости поддержки династии против якобы происков Венизелоса. Принц Николай, будучи самым умным и хитрым из семьи, наиболее вероломный, не имея принципов, способен на всякие происки. Он ярый враг России, особенно в вопросе Константинополя. Характерно, что ища помощи в Петрограде, он едет через Берлин. Здесь уверены, что ему удастся провести всех в Петрограде с помощью матери и ее влияния на государя»²⁸.

Великий князь Гавриил Константинович вспоминал позже, что дядя, принц Николай, во время своего длительного пребывания в России неоднократно посещал российского императора в Ставке. В России находился также принц Христофор (жил в Павловске, потом даже побывал на передовой уже в начале 1917 г.). Однако, пишет Гавриил Константинович, «миссии не увенчались успехом; кроме царя им никто не верил»²⁹. Тем более что король Греции по-прежнему заявлял, что скорее «рискнет трон и жизнью, чем примет политику Венизелоса»³⁰. Королева Ольга вела полемику с российскими газетами, не доверявшими не только Константину, но и принцам. Так, в телеграмме в редакцию петроградского «Нового времени» 16 июля 1916 г. она писала: «Ваша сегодняшняя передовая статья под заглавием «Греческие посланцы» с первого до последнего слова представляет беззастенчивую гнусную ложь и клевету».

К этому времени в России, особенно в военных кругах, крепло убеждение в необходимости укрепления Салоникского фронта и начала там активных действий в помощь Сербии, а поэтому – радикального разрешения греческого кризиса путем свержения Константина I и поддержки Венизелоса.

На этот раз находившаяся в России королева Ольга вынуждена была отказаться от главного правила всей ее жизни – не вмешиваться в политику. Ведь дело касалось ее детей, внуков, династии!!! И проявила чудеса дипломатического искусства, побывав на аудиенции у всех необходимых в России лиц. Она действовала и, что интересно, тщательно сохраняла все документы и черновики, касавшиеся этого дела, как будто для истории. В ГАРФ хранятся дешифрованные телеграммы некоего Залокостаса из Афин, письмо Венизелоса в Салоники от 30 (13) декабря 1916 г. Коракасу, и другие копии дешифрованных телеграмм из Афин за конец 1916 г. за

подписью Залокостаса, посланные в греческое королевское посольство в Петрограде³¹.

Ольга возмущалась, узнав о создании в Салониках в июле 1916 г. под покровительством держав Антанты Временного правительства (после чего страна оказалась разделенной на две части), называя Временное правительство «позорным Солунским триумвиратом», а Венизелоса – «революционером и изменником». Потрясением для Ольги стала поддержка греческих колоний России республиканского движения в Греции. Королева Ольга писала политическому деятелю, графу С.С. Татищеву из Павловска 24 ноября 1916 г.: «Многоуважаемый Борис Алексеевич! Посылаю Вам телеграмму моего сына Николая, с просьбой показать ее члену Госсовета гофмейстеру А.А. Нератову. Все, что произошло 13 ноября³², кажется бессовестною «провокацией», чтоб иметь предлог еще больше все забрать в свои руки и окончательно лишить короля свободы действий; и все это в пользу революционера и изменника. Прилагаю телеграмму позорного «Солунского триумвирата» и мой ответ: с просьбой вернуть мне эти бумаги. Примите мой сердечный привет Ольга»³³. Через два дня, 28 ноября 1916 г., Ольга телеграфирует греческому посланнику Панасу в Петроград за подписью «О.» о своем удивлении и «возмущении без границ» позицией греческих колоний, «поведение которых обнаруживает поддержку революционеров в Салониках»³⁴.

Сохранилась и телеграмма, посланная из Салоник королеве Ольге в Павловск за подписью Венизелоса, адмирала Кундуриотиса, генерала Данглиса, т.е. членов «Триумвирата», возглавившего Временное правительство в Салониках, написанное по-французски 27 октября (9 ноября) 1916 г. по случаю четвертой годовщины взятия Салоник: «Благоговеем перед памятью нашего благочестивого покойного короля Георга I, который в течение 50 лет управлял страной, проявляя мудрость, преданность и верность конституции, и принес свою благородную жизнь в жертву величия и справедливости родины, которая сегодня находится в опасности. Мы обращаемся к достойной и величественной спутнице его жизни, которая помогала ему в его большой патриотической работе, требующей от его народа примера благочестия и утешения, милосердия православного, чтобы просить Ваше Величество соизволить соединить мольбы наши для блага родины и свидетельствовать глубокую и неизменную преданность». Подписи: Венизелос, адмирал Кундуриотис, генерал Данглис. Не желая иметь дела с «предателями», она в тот же день обратилась из Павловска

с письмом к митрополиту Салоникскому, в котором просила Митрополита «передать мсье Венизелосу, а также Кундуриотису и Данглису», что она также испытывает гордость по случаю годовщины взятия славного города Салоники ее сыном. Но указывала на возмутительную анархию, которую они развязали в стране, забыв свои обязательства перед государством и народом. «Все, что они пишут про короля – клевета»³⁵.

Она также вела обширную переписку с греческими дипломатами, которые, по ее просьбе, присылали ей все дешифрованные послания Венизелоса. Ольга негодовала, читая их, так как главной целью Венизелоса стало свержение короля. Русская пресса также дружно осуждала единоличный режим, созданный Константином I, его пренебрежение конституцией и создание Военной лиги, которая вела активную пропагандистскую кампанию в поддержку монархии. В это время в Греции росло республиканское движение, а социалисты вошли в палату и также осуждали королевский режим.

Накануне Февральской революции 9 февраля 1917 г. Ольга обращается с жалобой на союзников к императору Николаю II, ее племяннику. «Дорогой мой Ники! Сегодня вечером приезжал греческий посланник ко мне и привез мне «дешифрованную» им телеграмму Тино (Константина. – *О.С.*) на твое имя... Придирам и клевете французов, по внушению Венизелоса, нет пределов. Тино все исполнил, что от него требовали; спрашивается, что им еще нужно; если бы он был тем нечестным человеком, которым его постоянно выставляют, то и тогда он был бы бессилён чем бы то ни было вредить союзникам, которые отняли у него все средства сопротивления их неслыханному произволу. Революция и анархия всеми силами ими поощряется. С ужасом спрашиваю себя, чем все это кончится?».

После Февральской революции в России, участь Константина I была предрешена. «Новое время» 1 (14) июня 1917 г. писало: «Падение русской монархии лишило короля Константина его главной опоры, и он оказался вынужденным отречься от короны». Новым королем стал его второй сын Александр, при котором Греция вновь объединилась в одно государство и 2 июля 1917 г. объявила войну Центральным державам. Газета описывала происходившие события в Греции так: «Вместо защиты Греции греческий монарх приказал пограничным войскам сдать болгарам и немцам пограничные форты и арсеналы с огромными запасами оружия, артиллерии, снаряжения и продовольствия. Войскам, стоявшим на болгарской границе, было приказано сверх того сложить оружие

и сдаться в плен. Король Константин знал, что делал. Несмотря на все превратности судеб, в Греции не перевелись люди, любящие родину. Часть пограничных войск не подчинилась королевскому приказу, не сдалась болгарам и отошла к Солуни (Салоникам. – *О.С.*). Несколько островов низложили власть афинского правительства и провозгласили республику. В Солуни образовалось новое правительство, решившее защищать Грецию. К нему присоединились отдельные части войск, стоявшие внутри Греции, и значительная доля греческого флота. Для предупреждения успеха национальной обороны греческий монарх предписал пограничным войскам сдать укрепления, боевые запасы и артиллерию врагам. Тыловая деятельность германских слуг известна нам по нашему собственному горькому опыту. Бывший греческий монарх не ограничился разоружением греческой границы. Он отдал на служение врагам греческого народа весь аппарат государственной власти. Правительственный телеграф обслуживал сеть шпионажа, раскинутую в тылу европейского десанта. В многочисленных бухтах греческого побережья создавались убежища для германских подводных лодок, топивших как союзные, так и греческие торговые суда. Создавались шайки, тревожившие союзные войска. Устраивались нападения на европейских посланников и охранявшие их отряды. Никаких серьезных мер против этой деятельности нами не предпринималось». (Т.к. царская Россия защищала Константина и монархию. – *О.С.*). Далее «Новое время» от 1 (14) июня 1917 г. писало: «Дворцовые влияния спасали короля Константина от естественных последствий его деятельности. Он оставался у власти, отдавая греческое государство на служение императору Вильгельму. Греческие патриоты, сомкнувшиеся около главы истинно национального греческого правительства Венизелоса, были лишены возможности направить всю силу греческого народа на защиту его национальных интересов. Падение русской монархии лишило короля Константина его главной опоры, и он оказался вынужденным отречься от короны... Греческой демократии открывается возможность сказать теперь свое решительное слово». «Зять германского императора отказался от престола за себя и за своего наследника Георга. Корона перешла ко второму сыну отрекшегося монарха королевичу Александру. Если его признает демократическое правительство Греции в Солуни, королевич станет монархом. Если же греческая демократия предпочтет устроиться без монархии, союзные с Россией демократии окажут ей всяческое содействие».

В небольшой передовице московской газеты «Русское слово» от 1 (14 июня) 1917 г. за № 122 говорилось так: «...Получая от России ежегодное пособие на правах бедного родственника и, сделав попытку оказать воздействие в свою пользу на русские газеты через министра двора Фредерикса, Константин уступил туркам греческие пушки, выставленные потом против нас на Кавказском фронте».

Королю Константину I, строго следовавшему путем нейтралитета, не удалось вырваться «из смертоносной игры балканских и европейских ветров», о которых писал М. Павич. Тем более, что его политика во многом была выгодна Германии. Отрекшемуся королю с семьей пришлось покинуть Грецию. А 28 июня (11 июля) 1917 г. Е.П. Демидов передавал из Афин, что «по требованию Франции королевич Андрей, последний из оставшихся здесь членов королевской семьи, покидает с семейством Грецию»³⁶.

Ольга оставалась в России до 1918 г. В октябре 1917 г. она писала своему хорошему знакомому, военному и дипломату Михаилу Рощаковскому: «Я знаю, что есть люди, ставящие мне в вину, что я не повлияла на своего старшего сына, чтобы он воевал в союзе с Россией: их ведь не переубедишь, что я на политику никогда влияния не имела...»³⁷.

Отрекшийся император Николай II, ее племянник Ники, и Аликс писали: «Переживаем все с тобою... молимся, да утешит, подкрепит тебя Господь Бог. Больно за тебя и за твоих дорогих! Сколько везде страдания! Но Господь не оставит...»³⁸. Вскоре перед отправкой бывшего императора с семьей в 1917 г. (навсегда!) начались аресты и в самой семье «Константиновичей». Мраморный и другие дворцы были объявлены народной собственностью.

В канун Февральской революции Ольга Константиновна, страшно постаревшая и измученная, вступила в ряды сестер милосердия Красного креста. Это облегчило ей выезд из большевистской России с датским поездом Красного Креста с военнопленными. Ольга покинула свою любимую родину Россию 14 мая 1918 г. Она уже никогда туда не сможет вернуться...

Королева писала своему секретарю (уже бывшему) Гаршину, когда и он был уже в эмиграции: «Я теперь осталась последней из нашей семьи... Как сердце мое болит... все, все прошло безвозвратно..., ни братьев, ни родного очага..., я осталась одна из нашей семьи, как жалкий осколок прошлого... А было так хорошо!»³⁹.

В 1920 г. вдовствующей королеве было позволено ненадолго приехать в Грецию, но без посещения Афин. Однако и здесь

ее ждало несчастье: после укуса взбесившейся обезьяны умер ее внук – король Александр. До приезда, возвращенного в результате монархического переворота к власти, короля Константина, Ольга оставалась в Греции, где ей был дан титул: «королева-мать и правительница». В это время она много помогала русским эмигрантам, оказавшимся в Греции. Ее верной помощницей была великая княгиня Елена Владимировна, жена ее сына принца Николая. Елена Владимировна стала основательницей «Русского дома» в Афинах, где окончили свой путь позже многие русские эмигранты.

В феврале 1922 г. Константин I вынужден был вторично отречься от престола после поражения Греции в Греко-турецкой войне 1919–1922 гг., приведшей к Малоазиатской катастрофе и массовому исходу греков из Малой Азии, что окончательно дискредитировало монархию. Король отправился со всей семьей в изгнание, где вскоре умер. В 1923 г. был низложен и ее внук Георг II. В 1924 г. в Греции была провозглашена республика. Ольга Константиновна теперь покидала Грецию навсегда...

После нескольких лет, которые Ольга прожила у различных родственников в Европе, пожилая и почти совсем слепая Ольга Константиновна поселилась в Риме у младшего сына Христофора на купленной им вилле, которую он назвал в честь умершей жены «Анастасия». Здесь Ольга Константиновна, прожив всего год, тихо скончалась. Раскол нации, произошедший по вине короля Константина I, Венизелоса и великих европейских держав, определял политическую жизнь Греции все 1940-е годы, способствовал постоянной драматической смене режимов в Греции и возникавших внутривнутриполитических кризисов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павич М. Русская борзая. М. 2009. С. 104–105.

² Георг I (Вилли) (1845–1913), греческий король (1863–1913), уроденный принц датский Вильгельм, брат императрицы России Марии Федоровны, жены Александра III.

³ Ольга, королева греческая (или эллинов), урожденная великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926), внучка императора Николая I, старшая дочь великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала русского флота. Греческий король Георг I и королева Ольга – родоначальники второй и последней греческой династии Глюксбургов, родили восьмерых детей, но одна девочка, Ольга, умерла в возрасте восьми месяцев. Остальные дети – пятеро сыновей: Константин (1868–1923), Георг (1869–1957), Николай (1872–1938), Анд-

рей (1882–1944) и Христофор (1888–1940) и две дочери: Александра (1870–1891) и Мария (1876–1940).

⁴ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 159.

⁵ Оттон I (1815–1867) – первый король Греции в 1832–1862 гг. из династии Виттельсбахов. Второй сын короля Людвига I Баварского. Процарствовал 29 лет (1833–1862), был свергнут и последние пять лет жизни провёл в изгнании, на родине, в Баварии. Был женат с 1835 г. на принцессе Амалии. Брак был бездетным.

⁶ *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. М. 1939. С. 120.

⁷ *Leon G.* Greece and the Great Powers. 1914–1917. Thessaloniki, 1974. P. 60.

⁸ София Доротея Ульрика Алиса Прусская (1870–1932) – принцесса Прусская, королева-консорт Греции.

⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Ф. Д. 330. Л. 42–45.

¹⁰ Принцесса Тереза Шарлотта Марианна Августа Баварская (1850–1925) – немецкая путешественница, ботаник, зоолог и этнограф, принцесса Баварского королевского дома.

¹¹ Константин Константинович (1858–1915), великий князь, родной брат греческой королевы Ольги. Морской офицер, затем генерал от инфантерии, президент Академии наук (с 1899 г.), поэт-романтик, писавший под псевдонимом «К.Р.»

¹² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 244. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 79.

¹⁴ Там же. Л. 82.

¹⁵ См. подробнее: *Соколовская О.В.* Благотворительная деятельность греческой королевы Ольги в России в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2004. №5. С. 223–233.

¹⁶ Ольга к этому времени имела огромный опыт благотворительной работы в Греции, где при ее содействии были открыты многочисленные медицинские учреждения: крупнейшая в свое время на всем Ближнем Востоке больница в Афинах «Эвангелизмос», «Русский госпиталь» в Пирее, в котором бесплатно лечились русские моряки и военные, различные приюты, лазареты и т.п.

¹⁷ См. подробнее: *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга // Под молотом судьбы. М., 2011. С. 180–191.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 686. Д. 33. Л. 2.

¹⁹ *Гаршин М.Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна // Русская морская зарубежная библиотека. № 44. Прага, 1937. С. 11.

²⁰ Там же.

²¹ Новое время. 1916. 10 (23).04.

²² ГАРФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 124. Письмо Веры Бутаковой Ольге Константиновне Романовой, вдовствующей королеве эллинов, 12 июля 1916 г.

²³ АВПРИ. Ф. Политархив 1916 г. Оп. 484. Д. 5382. Л. 12.

²⁴ Саррайль Морис (1856–1929), французский дивизионный генерал. 12.10.1915 назначен командующим франц. экспедиционными силами в Салониках, а в янв. 1916 г. – главнокомандующим Восточной армией. Одновременно ему были подчинены все войска союзников в этом регионе. На 12 октября в распоряжении Саррайля находились всего две англо-франц. дивизии. Постепенно Восточная армия была усилена контингентами различных стран, в т.ч. России и Греции.

²⁵ АВПРИ. Ф. Политархив 1916 г. Оп. 484. Д. 5382. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 28.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ *Великий князь Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 207–208.

³⁰ “Daily Graphic”. 1916. 17.06; «Новое время». 1916. 22.05.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 75. Д. 76, Д. 77.

³² Венизелос лично прибыл в Салоники, чтобы возглавить Временное правительство.

³³ ГАРФ. Ф. 686. Д. 62 а. Письма и черновики Ольги Константиновны. 1913–1917 гг.

³⁴ Там же.

³⁵ ГАРФ Ф. 714 Д. 71. Л. 1. (Перевод с французского языка.–О.С.)

³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив 1917. Д. 22. Л. 328.

³⁷ ГАРФ. Ф. 686. Д. 94. Л. 3.

³⁸ *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга... С. 197.

³⁹ *Гаршин. М.Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна... С. 1–21.

Я. Вацулик (Брно, Чешская республика)

Два представителя чешской диаспоры в России в годы Первой мировой войны*

В довоенной России, согласно переписи 1897 г., проживали 50 тыс. чехов – российских подданных, из них более половины (27 тыс.) – в Волынской губернии. Кроме того, там работало много чехов, которые сохранили австрийское подданство. После начала войны российские подданные были мобилизованы в русскую армию, а австрийские, – не успевшие вернуться в Австро-Венгрию, подлежали интернированию как представители вражеского государства. Чтобы показать свое отличие от австрийских немцев, чехи проявляли лояльность к России и враждебность к Габсбургской монархии. В крупных российских городах, где проживало много чехов, они устраивали антиавстрийские манифестации. В Петрограде уже 5 августа у памятника Екатерине II собрались местные чехи, чтобы пройти по Невскому проспекту до Казанского собора и далее до Зимнего дворца. Они просили скорейшего предоставления им российского подданства. Из-за гуситского знамени с изображением чаши, под которым шли чехи, некоторые очевидцы думали, что демонстранты протестуют против введения сухого закона.

На следующий день в Москве состоялась демонстрация московских чехов, которые шли к Кремлю под чешским национальным бело-красным знаменем во главе с представителями местных чешских обществ Сватоплуком Коничеком и Алоисем Тучеком.

Масштабное собрание против Австро-Венгрии прошло и в Киеве в зале Купеческого дома и на прилегающей Александровской площади, в самом конце главного проспекта – Крещатика. Было решено, что австрийские чехи будут записываться в доброволь-

* Статья выполнена в рамках проекта Грантовой агентуры Чешской республики (GAČR) P410/12/0142.

ные чешские воинские части, а женщины – в Красный Крест. Избрали Чешский комитет помощи пострадавшим от войны, вдовам и сиротам во главе с предпринимателем Йиндржихом Йиндржишком в качестве председателя и д-ром Вацлавом Вондраком, в роли секретаря. Комитет разместился в отеле Вондрака «Прага» на Владимирской улице в центре города. Туда же должны были являться чешские добровольцы. Чешская газета «Чехослован» («*Čechoslovan*»), издававшаяся в Киеве Венцеславом Швиговским, призывала чехов вступать либо в русскую армию, либо в чешские части.

Антиавстрийские демонстрации имели место также в Харькове, Одессе, Варшаве, Ростове-на-Дону и Екатеринодаре (нынешнем Краснодаре). 20 августа 1914 г. император Николай II принял в Кремле депутацию московских чехов, которая передала ему петицию. В ней чешские колонисты просили предоставить им российское подданство и выражали желание, чтобы «чешская корона св. Вацлава засверкала в лучах короны Романовых»¹. Вторая аудиенция русских чехов у царя состоялась 4 сентября 1914 г. в Царском селе под Петроградом.

Уже 20 августа 1914 г. Генеральный штаб разрешил формирование чешского воинского подразделения при Киевском военном округе. Условием вступления в часть было прошение о предоставлении российского подданства. Предполагалось набрать 500 чешских добровольцев, которые бы подчинялись русским офицерам. Первыми в Киев прибыли представители Петрограда, Москвы, Одессы и Николаева, за ними последовали чехи из Екатеринослава, Екатеринодара, Харькова, Варшавы, а также с Волыни, Подолья, Урала и Северного Кавказа. 11 октября (28 сентября по старому стилю) на Софийской площади в Киеве добровольцы приняли присягу российскому императору и России.

Далее наш рассказ пойдет о двух основателях Чешской дружины – д-ре Вацлаве Вондраке и редакторе Венцеславе Швиговском.

Вацлав Вондрак принадлежал к главным организаторам чешской культурной и политической жизни в России и являлся сторонником Конституционно-демократической партии (Народной Свободы, кадетов). После русской революции 1905 г. он начал издавать в Киеве еженедельник «Русский чех» («*Ruský Čech*»), защищавший чешские интересы в России. Редакция располагалась в принадлежащем ему отеле «Прага» на Владимирской улице. Газета придерживалась либерального направления и сталкивалась с цензурными ограничениями в отношении свободомыслящей прессы.

Издателя Вондрака не раз штрафовали за опубликованные материалы. На страницах еженедельника печаталось много статей, направленных против деятельности ультраправых клерикальных монархических сил и националистически настроенных черносотенцев. В редакционной статье «Черносотенцы и чешский земледелец» говорилось, что черная сотня провоцирует чехов, число ее приверженцев на Волыни быстро растет, и лозунг «Россия – русским!» создает конфликтную ситуацию там, где ее прежде не было. Статью специально опубликовали на русском языке². В том же номере напечатали текст царского манифеста от 10 июня 1870 г. «О расселении чехов на Волыни», и читателям разъяснялось, что чехи имеют право на землю, которую они обрабатывают. Характерной являлась и статья о том, что чехи на Волыни уже не колонисты, а обычные подданные славянского государства.

Газета Вондрака сыграла большую роль в объединении чехов, она их призывала, защищала и предупреждала. Этот печатный орган стремился сплотить соплеменников, разъяснить им их значимость и способствовал тому, чтобы они проявляли единство при любой возможности. К сожалению, газета не имела такого распространения, как этого можно было бы ожидать. У достаточно консервативных чехов на Волыни бесстрашная позиция нового печатного органа в отношении руководства реакционной Почаевской лавры³, ее сторонников в рядах губернской администрации и некоторых русских помещиков вызывала смятение и ужас. Вокруг редакции «Русского чеха» объединился лишь цвет чешской интеллигенции в России.

Издатель Вондрак, который также являлся представителем Национального чешского совета (Národní rady české) в России, в 1908 г. сообщал в Прагу, что благодаря этому еженедельнику у чехов в России наблюдается культурный прогресс – возникло большое количество любительских кружков и читален. Одновременно он обращал внимание на «ужасно консервативный, тяжелый на подъем характер» русских чехов⁴. Вондрак предложил Живнотенскому банку купить за 10 млн австрийских крон имущество графини Шуваловой на Волыни, он также просил рассмотреть возможность канонизации Яна Гуса католической церковью, что, по его мысли, должно было бы ликвидировать противоречия между сторонниками различных религиозных верований. Однако Национальный чешский совет довольно скептически воспринял предложения Вондрака. Он отказался от участия чешского капитала в новой чешской колонизации Волыни, так как «к этому мало

кто проявляет интерес»⁵. Подобным же образом он отнесся к канонизации Гуса, по поводу которой «нет единого взгляда чешских политических партий»⁶.

В 1911 г. русское правительство разрешило организацию уездных и губернских земских учреждений на западных окраинах. На выборах в волыньское губернское земское собрание 22 июня (4 июля) 1911 г. чехи поддержали так называемый земский блок, состоявший из различных либеральных политических групп, в котором от помещичьей курии выставил свою кандидатуру д-р Вондрак. Чехи решительно отвергли кандидатов клерикально-националистического монархического Союза русского народа, основой программы которого являлись православное вероисповедание, абсолютная монархия и русский национализм. Единая позиция волыньских чехов привела к поражению русских националистов: «Волынь должна быть признательна чехам за то, что они освободили ее от ретроградного абсцесса», – писал киевский чешский еженедельник «Чехослован»⁷. Д-р Вондрак прошел в члены губернского земства и был избран председателем его школьного комитета, но министерство внутренних дел наложило на это вето. Он не стал принимать участия в повторном голосовании, чтобы избежать конфликтов с государственными органами⁸. В губернском земстве он занял критическую позицию по отношению к царскому правительству и твердо защищал чешские интересы на Волыни.

Пиком политической карьеры Вондрака стали 1914–1917 годы. После начала Первой мировой войны его отель «Прага» в Киеве стал местом, где формировалась Чешская дружина. Вондрак, будучи членом земства, имел свободный доступ в кабинеты гражданских и военных чиновников. Он предполагал, что военные действия приведут к тому, что в России появятся австрийские пленные и среди них будут чехи, а потому предпринял первые шаги к тому, чтобы их не высылали в Сибирь, так как поначалу российские ведомства не видели никаких различий между австрийскими чехами и немцами. Он провел переговоры с киевскими военными деятелями, прежде всего с Главнокомандующим Юго-Западного фронта ген. Николаем Иудовичем Ивановым и начальником штаба ген. Михаилом Васильевичем Алексеевым. Во время торжественной присяги Чешской дружины 28 сентября (11 октября) 1914 г. д-р Вондрак подчеркнул: «Нас пока еще немного, но наша сила не в нашей численности»⁹.

С началом войны д-р Вондрак стал развивать чрезвычайную активность. Он ездил в ставку Верховного главнокомандующего,

побывал в ставке Юго-Западного фронта, отправился в Петроград с тем, чтобы добиться отмены различных ограничений, касавшихся чехов – австрийских подданных, и скорейшей организации чешских войск.

Как председатель военной комиссии Союза чехословацких обществ на Руси д-р Вондрак приступил к набору чешских пленных австро-венгерской армии на оборонные заводы. В апреле 1915 г. д-р Вондрак встретился с чешскими пленными 28-го пехотного полка австро-венгерской армии, который полным составом перешел на сторону России. В своем обращении к ним он рассказал об обещании российского правительства освободить из плена и приравнять в правах к российским подданным тех славян, которые пожелают сражаться на стороне России.

На втором съезде Союза чехословацких обществ на Руси, проходившим в Киеве в 1916 г. на Пасху, д-ра В. Вондрака единогласно избрали председателем руководства Союза. Съезд направил телеграмму Томашу Гарригу Масарику, в которой Национальный чехословацкий совет (ЧСНС) в Париже признавался ведущим органом заграничного сопротивления. Военная комиссия Вондрака представила съезду предложения относительно дальнейшего развертывания чехословацкой бригады. Предполагалась ее последующая трансформация в самостоятельные войска с возможной (в случае согласия императора) всеобщей мобилизацией военнопленных и колонистов¹⁰.

Заявление о лояльности Масарику, который из-за своего труда «Россия и Европа» в российской империи являлся персоной *non grata*, вызвало неудовольствие российского министерства иностранных дел. Референт по чехословацким делам, камергер М.Г. Приклонский обвинил Союз чехословацких обществ на Руси в стремлении подчинить всю массу чехов в России «абсолютно неконтролируемой, тайной власти киевского комитета (сообщение Вондрака Союзу. – *Я.В.*), а через него – лондонскому комитету Масарика (ЧСНС. – *Я.В.*), который своевольно представляет интересы Чехии в России и во всем мире»¹¹. Оба комитета якобы намеревались обеспечить будущему революционному правительству Чехии армию, созданную с помощью России. По словам Приклонского, в России известна антирусская ориентация Масарика и также как, вероятно, антирусская и антимонархическая ориентация подданного России д-ра Вондрака. Его «киевский комитет является слепым орудием в руках Лондона». Усиление влияния этих двух комитетов было нежелательным с точки зрения интересов Рос-

сии, как во внешней, так и во внутренней политике. Предполагавшееся киевским руководством Союза объединение чехов и словаков воспринималось как противоречащее интересам России, «преждевременное и насильственное».

Предложение об организации чехословацкой армии в России было подано от имени Союза д-ром Вондраком 4 (17) июня 1916 г., а через три дня его принял император. На следующий день после этого в Киев пришла телеграмма о том, что царь в принципе одобрил предложение.

В августе 1916 г. в Киеве завершились переговоры между представителями ЧСНС в Париже Йозефом Дюрихом и Миланом Растиславом Штефаником, с одной стороны, и Союза чехословацких обществ на Руси Вацлавом Вондраком и Яном Вольфом – с другой. В так называемом киевском протоколе значилось, что чешский народ «испытывает полное доверие к России, которая благородно проявила решительную волю продолжать свою историческую миссию защищать и освобождать славянство»¹². Представители Союза вынуждены были согласиться с тем, что вопросы военные и проблемы военнопленных являются частью политико-дипломатической сферы, за которую отвечает ЧСНС в Париже. Его представителем в России стал депутат Дюрих, пользовавшийся полным доверием царского правительства.

Заместитель министра иностранных дел России А.А. Нератов требовал ограничить влияние руководства Вондрака в Союзе и обеспечить в нем главную роль Дюриху: «Так как под влиянием группы Масарика, Вондрака и Штефаника... Дюрих стал вызывать опасения»¹³. Секретный меморандум российского МИД о чехословацком вопросе от 16 (29) сентября 1916 г. требовал поставить руководителем чехословацкого движения в России депутата Дюриха, который располагал бы правом контроля за деятельностью Союза чехословацких обществ на Руси.

Председатель Славянского благотворительного общества академик А.И. Соболевский писал в октябре 1916 г. министру иностранных дел: «В настоящее время среди русских чехов идет борьба. С одной стороны стоит чех В. Вондрак, представитель центрального совета чешских организаций, существующих в России. Он уроженец России и больше русский, чем чех. Как русский он принадлежит к прогрессистам и известен как ярый сторонник украинства и в значительной мере русофоб... Такой представитель находящихся в России чехов... среди русских, которые его знают, вызывает различные сомнения»¹⁴. Соболевский

представлял Дюриха как полную противоположность Вондрака, как якобы давно известного русофила: «Вондрак не хочет знать Дюриха. А это означает, что он выражает не только взгляды своих сторонников из числа чехов, а позицию той политической партии, к которой принадлежит. Естественно, Вондрак не желает уступить свою роль лидера чешских организаций и чешской печати в России. Учитывая грозящую опасность, необходимо, чтобы российское правительство занялось этим вопросом и выполнило пожелание Дюриха – перестало уделять так много внимания Вондраку и выделять ему денежные средства, а передало бы их в распоряжение Дюриха»¹⁵.

Дюрих прервал континуитет чехословацкого национально-освободительного движения в России. Согласно киевскому пакту, д-р Вондрак был лишен политической и представительной власти в отношении правительства и военного командования. План Вондрака по мобилизации чешского элемента в России был свернут. Главный принцип его проекта – созыв сейма всех чехов и словаков в России – был переставлен с ног на голову признанием Дюриха в качестве единственного официального представителя чешского народа в России¹⁶. Кроме того, по словам одного русского чеха, д-р Вондрак был «пожалуй, единственным чешским интеллигентом, родившимся в России, получившим образование в русских школах, сохранившим в чистоте свою национальность. Сам национально сознательный, он пробуждал и других. Своим выдающимся ораторским даром и темпераментом он часто вызывал воодушевление у масс. Он являлся дипломатом, способным предвидеть события. Вондрак был самым радикальным политиком среди переселенцев, что ему, несмотря на искреннее русофильство и славянофильство, вредило в высших кругах, где принимались решения. Он отстаивал революционный, демократический и национальный характер чехословацких войск и представлял прогрессивный стержень руководства Союза. Желая сберечь военный проект Союза, он пошел на компромисс с Дюрихом, к которому ЧСНС прямо вынудил Союз своим легендарным киевским протоколом, за который потом тем же советом был обвинен, а безответственными агитаторами прямо предан»¹⁷.

В начале 1917 г. киевский пекарь Йиндржих Зивал как председатель местного Союза чехословацкого единства писал главе особого политического отдела министерства иностранных дел М.Г. Приклонскому о том, что главным виновником хаоса в чешских делах является сторонник кадетов д-р Вондрак, и требовал

отстранения его от руководства Союзом¹⁸. По словам Эдварда Бенеша, недоверие царских органов власти к сторонникам Т.Г. Масарика распространилось и «на Союз чехословацких обществ (особенно в 1916 г., когда им руководила киевская группа), который упрекали за то, что он подчинился проф. Масарику, что он недостаточно русофильский и что им руководит д-р Вондрак, либерал и украинофил»¹⁹.

Вондрака критиковали с разных сторон. Прежде всего, это были люди, объединившиеся вокруг русской националистически ориентированной газеты «Киевлянин», – Йиндржих Зивал, Франтишек Дедина и другие. Его обвиняли в неславянской, антирусской, антимонархической и проукраинской позиции. С другой стороны, он подвергался критике и со стороны петроградских чехов, группировавшихся вокруг еженедельника «Чехословак» (Čechoslovak), за его якобы монархические и недемократические взгляды. Такова была ситуация, когда в Россию приехал Й. Дюрих со своими претензиями на руководство чехословацким национально-освободительным движением, а российские власти, желая ограничить влияние Союза во главе с Вондраком, поддержали Дюриха. Свою роль играли также требования пленных и legionеров, недовольных медленным ходом освобождения из плена и создания армии.

6 (19) февраля 1917 г. председатель руководства Союза чехословацких обществ на Руси д-р Вондрак направил письмо заведующему дипломатической канцелярии Главного штаба Н.А. Базилю о состоянии чехословацких дел в России. Он указывал, что сразу после начала войны чехословацкие общества объединились в Союз, который организовал военную бригаду на фронте, а в тылу пленных для работы на оборону, вел пропаганду в печати и проводил однозначно пророссийскую политику: «Неужели же мы, российские подданные, здесь родившиеся, здесь выросшие и воспитанные, в массе пережившие на русских, связанные имуществом, служебными и общественными интересами – неужели мы нелояльны?» – вопрошал он²⁰.

После Февральской революции 1917 г. Союз чехословацких обществ продолжал свою деятельность, но его руководство во главе с Вондраком стало объектом критики за прежнее сотрудничество с царским режимом. Сам Вондрак адресовал Временному правительству меморандум, в котором объяснял, что если бы не препятствия со стороны старого режима, то чехи и словаки имели бы уже не бригаду, а армейский корпус.

На III съезде Союза чехословацких обществ в 1917 г. д-ра Вондрака выбрали уже как почетного председателя²¹. Свою позицию при создании политической организации русских чехов, чешского войска и решения вопроса о пленных Вондрак защищал в брошюре «Почему у нас до сих пор нет войска?», которую опубликовал накануне съезда²². В своем выступлении Вондрак сказал, что согласно депеше Генерального штаба, набор добровольцев в чехословацкие войска из числа пленных был совершенно однозначно разрешен. После съезда бывшие руководящие деятели чехословацкого сопротивления, прежде всего д-р Вондрак, были оттеснены на задний план и отошли от политической деятельности. Вондрак не нашел возможности каким либо иным способом участвовать в национально-освободительном движении. На последовавшие предложения о сотрудничестве он не отреагировал.

Вондрак принял участие в выборах в российское Учредительное собрание в ноябре 1917 г., выставив свою кандидатуру в списке русских конституционных демократов. После оккупации Украины немцами весной 1918 г. Вондрак был арестован и избежал смерти лишь благодаря заступничеству православного киевского архимандрита. Он поехал в Новороссийск в Добровольческую армию Антону Ивановичу Деникину, который отправил его своим представителем во вновь созданную Чехословацкую республику.

В ЧСР Вондрак стал председателем Объединения чехов и словаков из России²³. 17 мая 1925 г. он выступал на национально-демократическом собрании на Старогородской площади в Праге с речью в честь Карела Крамаржа²⁴. До своего отъезда во Францию в 1927 г. он опубликовал два документа. Первый из них представляет собой открытое письмо министру юстиции проф. д-ру Роберту Маир-Хартингу, в котором он возражал против некоторых тезисов Т.Г. Масарика в его труде «Мировая революция». В нем не называлась фамилия, но присутствовала следующая фраза: «Генерал Штефаник поделился со мной по секрету своими подозрениями относительно одной киевской личности – это был единственный случай предательства»²⁵.

Как руководитель киевской группы русских соотечественников д-р Вондрак был крайне уязвлен этим пассажем: «Я не могу не принять этого высказывания на свой счет»²⁶. Он хотел потребовать судебного разбирательства, но выяснил, что согласно Конституции, президент республики не отвечает за свою деятельность и не может быть судим, за исключением случаев государственной измены. По словам Вондрака, «это противоречит самому прими-

тивному правовому инстинкту, чтобы кто-либо мог, имея статус неприкосновенности, просто, без всякого наказания ранить чувства отдельных граждан, хотя бы и своих политических оппонентов»²⁷. Поэтому он обратился к министру юстиции с просьбой о совете и защите: «Так как я стою перед лицом закона нашей республики бесправный и беззащитный»²⁸.

Более обширен меморандум Вондрака, отправленный в 1927 г. председателю правительства Антонину Швегле в связи с новыми президентскими выборами. Вондрак справедливо полагал, что в руках Швеглы находилось решение о выборах президента, поэтому послал ему предостережение «Пока еще не поздно»²⁹. Вондрак уговаривал Швеглу не выдвигать Масарика на новый срок, так как это создало бы в мире ложное представление, «подтверждающее грустную действительность, что Чехословакия представляет собой страну настолько бедную государственными талантами, что и при смене направления внутренней политики нет никого, способного представлять ее на международной арене»³⁰. Он настаивал на создании новой правительственной чехословацко-немецкой гражданской коалиции без участия социалистов и указывал, что предыдущие выборы Масарика в 1920 г. проходили «под грохот революционных лозунгов, когда страна была на грани переворота. Сейчас уже совсем другое дело, республика недвусмысленно проявила желание к консолидации и совершенно определенно отвергла дальнейшие эксперименты в большевистском духе»³¹. В своем меморандуме он утверждал, что «скорее всего, во всей республике не найдется ни одного чеха и ни одного словака, настолько чуждого нашему национальному характеру и одновременно более неспособного для исполнения функций президента, чем проф. Масарик»³².

Д-ра Вондрака раздражали некоторые высказывания Масарика в «Мировой революции» о чехословацком сопротивлении в России. Масарик подверг критике позицию киевских чехов во главе с Вондраком, которые в январе 1915 г. требовали, чтобы российское правительство признало Союз чехословацких обществ на Руси в качестве представителя чешского народа. Масарик писал: «Им не приходило в голову, что у них должны быть какие-то полномочия от народа, хотя они и обладали авторитетом в России, российское правительство не может определять, кто должен представлять наш народ. Они могли представлять лишь наших колонистов, российских подданных, являясь и сами российскими гражданами»³³.

В «Мировой революции» Масарик критиковал позицию Союза во главе с Вондраком после Февральской революции, когда Союз отстаивал точку зрения, согласно которой он являлся представителем всех чехов и словаков в России, а Чехословацкий национальный совет Масарика представлял народ в международных делах. Вондрак критиковался и за то, что весной 1916 г., опасаясь больших потерь, высказывался за создание небольшого чешского войска. О военной комиссии Союза, которой руководил Вондрак, Масарик написал, что «члены комиссии были настроены к нам недружелюбно»³⁴.

В своем меморандуме Вондрак сравнивал свою деятельность, с первых дней войны направленную на создание чешского войска как основы будущего самостоятельного государства, с первоначальной нерешительностью Масарика, который лишь спустя десять месяцев после объявления войны начал свою публичную заграничную акцию. Вондрак осудил Масарика за то, что он якобы «постоянно интриговал против Союза чехословацких обществ на Руси, против национальной и демократической организации, которая с самого начала более двух с половиной лет организовывала, финансировала, направляла и вела наше заграничное сопротивление. Одновременно успехи Союза в дипломатической области и огромный размах его военных акций, особенно в 1916 г. были камнем преткновения в глазах покушавшихся на руководство движением из милости Божьей, а не от воли и послания народа!»³⁵ По словам Вондрака, даже Дюрих никогда не опускался до закулисных интриг против Союза. Напротив окружение Масарика постоянно старалось развалить и растоптать Союз, видя в нем опасного соперника в своем стремлении к власти. Оно не упускало ни одной возможности навредить Союзу, неустанно подрывало его авторитет среди соотечественников и успевало очернить Союз и в глазах российского правительства...»³⁶

Вондрак твердил, что ни необходимость концентрации всех сил, ни корректность и лояльность Союза не предотвратили его смещение после Февральской революции, когда руководство сопротивлением перешло в руки Масарика и его сторонников. Он обвинял последнего в том, что он якобы «систематически и энергично способствовал перерастанию национального сопротивления в социальную революцию. Когда войско пополнилось более чем наполовину людьми с левацкими взглядами, которые записались в легионеры, и когда они увидели, что в них единственная защита от посягательств большевистского правительства, Масарик

выиграл»³⁷. Вондрак обвинил оппонента в том, что тот предал не только национальную Россию, но и союзников тем, что не оказал помощь ген. Л.Г. Корнилову в организации антибольшевистских сил в тот момент, когда сила чехословацких легионеров намного превышала силы большевиков, особенно в период с марта по август 1918 г.: «Если бы Масарик остался верен России, той России, которой мы благодарны за создание нашего независимого войска, за всестороннюю дипломатическую поддержку идеи самостоятельности чешского и словацкого народа перед союзниками и всем миром, если бы он обеспечил формировавшейся Добровольческой армии организационную основу, как его просили Корнилов и Алексеев, и как о том настойчиво просили мы, русские чехи, то, несомненно, еще летом 1918 г. Добровольческая армия была бы в Москве»³⁸. Он обвинил Масарика, что его действия были продиктованы личными и партийными интересами: «Вполне достаточно поставить вопрос, на какое место в Чехии мог бы претендовать Масарик, если бы национальная Россия победила большевиков, и поэтому он дружески пожимал руки, которые только что подписали Брест-Литовский мир, при этом нисколько не принимая во внимание смертельную угрозу, которую этот договор представлял для союзников и для нашего войска»³⁹.

Корнилов и Алексеев, которых он считал «испытанными генералами-демократами»(!), по словам Вондрака, стремились не только сохранить Россию, но и воссоздать Восточный фронт против Германии и Австро-Венгрии, и поэтому для чехословацких легионеров не стоял вопрос, с кем им идти. Чехословацкое войско, «если оно хотело остаться верным своим обязательствам и долгу, своей чести и исторической миссии, не могло поступить иначе, чем сохранить верность союзникам и идти с национальной Россией, которая, имея обеспеченный тыл, играючи поразила бы большевиков и сразу же организовала бы новый фронт против Германии, хоть и продвинутый глубоко на восток, но тем и опасный для нее с точки зрения коммуникаций и связи. В любом случае дальнейшее снабжение немецкого блока на Украине было бы невозможно и вынудило бы немцев сосредоточить на новом фронте хотя бы половину тех сил, которые после Брест-Литовского мира они бросили против Франции. В этом и состоит ужасное предательство Масарика... он провозгласил фальшивый и просто невозможный лозунг нейтралитета, и тем самым не только уничтожил национальную Россию, но и продлил войну как минимум на полгода...»⁴⁰

По словам Вондрака, Масарик хорошо знал, что творилось в Киеве после большевистского переворота, и при этом «спокойно разговаривал с киевским палачом Муравьевым, и ему нравилось, что этот Муравьев о нем слышал и питал к нему искреннюю симпатию»⁴¹. Вондрак обвинял Масарика в том, что тот сознательно дезориентировал США, уверяя их, что русское монархическое движение слабое и союзники не должны его поддерживать. Он считал, что Масарик свои организационные способности в Америке поставил на службу большевикам, так как отговаривал союзников от вмешательства в русские дела, аргументируя это тем, что после Брест-Литовского мира у союзников нет никаких обязательств перед Россией. Здесь Вондрак сходил с американским историком польского происхождения Ричардом Пайпсом, утверждавшим, что «Масарик питал такую сильную симпатию к большевикам, что советовал Антанте де-факто признать их правительство»⁴². Согласно Вондраку, это очень импонировало Дэвиду Ллойд Джорджу, который очень быстро усвоил идею, что «диктатура большевиков возможно и является ужасным несчастьем для России, но ни в коей мере не является таковым для Великобритании»⁴³. На заседании военного кабинета 22 июля 1918 г. Ллойд Джордж вообще заявил, что для Великобритании совершенно безразлично, какое правительство возникнет в России: республиканское, большевистское или монархическое⁴⁴.

Меморандум д-ра В. Вондрака был впервые опубликован в 1958 г. в Колине над Рейном после трех десятилетий его эмиграции во Францию и в Чили. При всей своей субъективности он заставляет нас задуматься над возможностями и ограниченностью тогдашней чехословацкой политики в отношении России. Чехословаков надо было использовать в первых рядах, но кому и для кого? Антанта не собиралась прийти к ним на помощь, хотя щедро раздавала поучения и советы. С помощью не спешили и антибольшевистские силы русских. Под давлением Антанты чехословаки попытались объединить русское политическое представительство в Поволжье и в Сибири, но безуспешно. Взаимные споры между антибольшевистскими силами (Комучем и Сибирским правительством) раздражали чехов⁴⁵. С другой стороны, большевистское правительство получило немецкую поддержку согласно трем секретным статьям дополнительного соглашения от 27 августа 1918 г. В соответствии с этими статьями, немцы, в свою очередь, ожидали от русских немедленного задействования всех доступных средств к подавлению восстания ген. М.В. Алексея и чехос-

ловаков⁴⁶. В этой ситуации представления д-ра Вондрака кажутся нереальными, а критика Т.Г. Масарика – несправедливой, так как линия последнего была более реалистической. Масарик прежде всего заботился о сохранении чехословацкого войска, чтобы оно не развалилось в хаосе всеобщей разрухи.

Еще одним волынским чехом, которому обязано успехом первое сопротивление в России, был журналист Венцеслав Швиговский.

После неудачной попытки стать специалистом на чешском пивоваренном заводе в Олшанце под Житомиром Венцеслав уехал в 1891 г. в Николаев Херсонской губернии, где к тому времени его брат наладил собственное садоводство⁴⁷. Брат Франтишек имел много знакомых в кругах оппозиционной интеллигенции, прежде всего тех, кто вернулся из сибирской ссылки. Им было запрещено проживание в Одессе, поэтому они и осели в Николаеве. Под их влиянием Венцеслав экстерном закончил 6 классов тамошней Александровской реальной гимназии. В тайном просветительном социал-демократическом кружке Венцеслав познакомился со ставшим позднее народным комиссаром иностранных дел и позднее наркомвоенмором Львом Бронштейном (Троцким).

Из-за политической неблагонадежности он не мог продолжить обучение в горной академии и вернулся на Волынь, где работал домашним учителем. Тогда у него возникла мысль издавать для русских чехов чешскую газету. Чтобы хорошо подготовиться к выполнению этой задачи, он отправился изучать журналистику в Париж, где прожил 9 лет. Он работал служащим в частной фирме и посещал лекции на юридическом факультете, в школе политических наук и в школе журналистики. Позднее он познакомился с тамошней русской и чешской колонией, когда читал им лекции. С 1902 г. Швиговский трудился в качестве корреспондента чешских и русских газет и журналов. В русском кружке он познакомился с будущим чехословацким президентом Эдвардом Бенешем и содействовал его сближению с будущей первой дамой ЧСР Анной (Ганой) Влчковой (Бенешевой).

В 1908 г. Швиговский оставил Париж и перебрался в Прагу, где вошел в редакцию журнала «Čas» («Время»), который издавал Томаш Г. Масарик. А затем после 10-летних скитаний вернулся домой на Волынь, где перешел в православие и женился на дочери помещика Людмиле Шмоликовой. Вместе с чешскими предпринимателями Вацлавом Клихом и Йиндржихом Йиндржишком он создал товарищество по изданию чешских публикаций и стал ру-

ководителем и редактором новой чешской газеты «Чехослован» («Čechoslovan»), первый номер которой вышел в январе 1911 г. Издание стремилось к тому, чтобы чехи в Киеве и на Волыни действовали совместно с прогрессивными либерально-демократическими партиями против русских националистов и клерикально-монархического Союза русского народа. Лозунгом газеты было: «Все для чешской ветви на Руси». В период Балканских войн «Чехослован» выходил 2 раза в неделю, а позже стал выходить через день. Попыткам превратить газету в ежедневную помешала Первая мировая война, а 30 декабря 1914 г. Швиговский был вынужден прекратить издание. В 1915 г. вышел сборник «Чехослован» и два номера журнала «Чешско-русска еднота» («Česko-ruská jednota», единство), Лишь в феврале 1916 г. издание газеты «Чехослован» было возобновлено, а в декабре 1917 г. ее тираж достиг 15 тыс. экземпляров. Последний номер газеты вышел в конце января 1918 г. накануне занятия Киева немцами. Писатель Ярослав Гашек в 1917–1918 гг. публиковал в этом печатном органе свои фельетоны⁴⁸. В одном из них он утверждал, что Иосиф II в своих заметках написал: «Чехи ленивые и непослушные подданные, поэтому их надо принуждать к исполнению своих обязанностей ремнями»⁴⁹ Швиговский в газете «Чехослован» поддерживал антиавстрийское сопротивление Масарика. Он также информировал читателей о пребывании Масарика в Киеве, например, о его выступлении на собрании киевского торгового института 23 ноября 1917 г., где рассказывалось об идеологии тогдашней войны. В ходе часовой лекции, прочитанной по-русски, Масарик отметил мировой характер войны и подчеркнул демократичность плана союзников по освобождению малых народов⁵⁰.

На учредительном I съезде Союза чешских обществ на Руси, проходившем в феврале 1915 г. в Москве, он сформулировал резолюцию, в которой подчеркивалось значение освобождения чешского народа и воссоздания чешского государства для славян и всего мира. Согласно постановлению московского съезда, вместо газеты Швиговского «Чехослован» в Петрограде должна была выходить газета с тем же названием под редакцией В. Швиговского и Б. Павлу. Но Швиговский от первоначального соглашения отказался. На II съезде Союза чехословацких обществ, состоявшемся на пасхальной неделе 12–20 апреля (25.04– 02.05) 1916 г., Швиговского избрали в руководство Союза. Но после Февральской революции на III съезде организации в 1917 г. ему пришлось вместе с другими видными представителями русских чехов уйти с поли-

тической сцены. В газете «Чехослован» Швиговский поддерживал стремление Украины к независимости. После создания Чехословакии его назначили заместителем председателя украинской дипломатической миссии в Праге, на этом посту он старался помочь украинским чехам, особенно тем, кто хотел реэмигрировать в ЧСР.

После ликвидации Украинской народной республики он остался в Праге, где основал агентство печати Центропресс, задачей которого было объяснять европейским газетам чехословацкую политику. В этом направлении Швиговский действовал как председатель польско-чехословацкого, болгарско-чехословацкого, прибалтийско-чехословацкого и бюро печати стран Малой Антанты (Югославии, Румынии, ЧСР), объединенных в Центральном комитете чехословацкой печати. В мае 1938 г. его избрали действительным членом экономического отдела Славянского института⁵¹.

60-летний юбилей Швиговского в 1935 г. привлек к нему большое внимание. Председатель сената Национального собрания Франтишек Соукуп писал ему из отпуска, который проводил в Ницце: «Спешу принести тебе самые искренние поздравления. Ты знаешь, дорогой приятель, как мы тебя всей душой любим и желаем тебе долгих лет новой важной и успешной деятельности»⁵². На поздравления генерального инспектора вооруженных сил ген. Яна Сыровы Швиговский ответил: «Кто бы мог подумать 20 лет назад, когда мы там на Владимирской улице (в Киеве. – *Я.В.*) в полутемной комнате говорили о Чешской дружине, что сегодня генеральный инспектор вооруженных сил ЧСР будет поздравлять с днем рождения редактора „Чехослована“!»⁵³ В ответе на поздравления председателя палаты депутатов Национального собрания Богумила Брадача Швиговский оценил, что «первое после президента республики лицо, глава нашего Национального собрания нашего свободного государства отметил мой труд»⁵⁴. Заместитель председателя сената Вацлав Клофач писал В. Швиговскому: «Вы выполняете у нас важные функции, а потому я желаю Вам долгих лет в здравии и успехах»⁵⁵. Швиговский пообещал, что «пока хватит сил я буду работать во имя дела, которое всем нам дорого и которому мы посвятили большую часть своих жизней»⁵⁶. Письма с поздравлениями В. Швиговский получил также от министра социального обеспечения социал-демократа Яромира Нечаса, писательницы Марии Майеровой и главы канцелярии президента республики д-ра Пршемысла Шамала. За свою деятельность он был отмечен рядом отечественных и иностранных наград: являлся обладателем Чехословацкой революционной медали за первое

сопротивление, польского офицерского креста «Полония рести-тута» 4-й степени, югославского Высшего креста св. Саввы 2-й степени со звездой, Высшего креста румынской короны 2-й степени со звездой, Рыцарского креста румынской звезды 3-й степени и Латвийского рыцарского креста 3-й степени⁵⁷.

После основания Чехословацкого заграничного института в 1929 г. В. Швиговский стал его замдиректора. В годы нацистской оккупации деятельность института была прервана, но после войны В. Швиговский возглавил его (1946–1949). Так же как в 1919 г., когда он руководил делегацией волынских чехов к президенту Т.Г. Масарику, так и в 1946 г. он стал главой делегации к президенту Э. Бенешу. На последнем приеме речь шла об ускорении чехословацко-советских переговоров о реэмиграции.

В 1947 г. он являлся главным организатором 6-го дня памяти Масарика среди чехов и словаков за границей, где произнес заключительную речь: «В благодарность соотечественникам, которые первыми предоставили помощь Т.Г. Масарику в его сопротивлении, был основан Чехословацкий заграничный институт как орган, призванный заботиться о своих соотечественниках, разбросанных по всему миру. После Мюнхена Институт стал первой жертвой как яркий носитель прогрессивных тенденций демократической Чехословакии. Многочисленные жертвы фашистского террора были и среди работников заграничных чехословацких организаций... Заграничный институт стремился создать в Праге достойный центр для соотечественников со всего мира, чтобы так была бы продемонстрирована связь чехов и словаков за границей с родиной... Мы хотим, чтобы соплеменники не забывали богатые чехословацкие традиции, чтобы они были нашими помощниками и представителями ЧСР перед мировой общественностью»⁵⁸.

Под руководством В. Швиговского Чехословацкий заграничный институт содействовал в 1946–1949 гг. реэмиграции 200 тыс. чехов и словаков из-за рубежа и обновлению контактов с оставшимися за границей. В ходе послефевральских чисток он был вынужден оставить пост директора и занялся историей русских чехов.

Источником изучения этой темы является переписка, которую В. Швиговский вел в 50-е годы XX в. с киевским чехом Ладиславом Грундом, отсидевшим два года в большевистской тюрьме. Грунд написал ему в ноябре 1954 г.: «У тебя было много неприятелей и противников... Но ты никогда не получил у Т.Г. Масарика полного отпущения своих грехов периода сопротивления»⁵⁹.

Русские чехи в годы Первой мировой войны были разделены на две группы – киевскую, под руководством В. Вондрака, и петроградскую во главе с Богуславом Чермаком, которая стояла ближе к пари́жскому национальному совету Масарика. Швиговский объединился с петроградской группой против В. Вондрака, но «не чувствовал себя свободно в московско-петроградском окружении, где видел фальшь и неискренность»⁶⁰. Спустя 40 лет Швиговский жалел, что не удалось заключить соглашения между ним и В. Вондраком: «Если бы Вондрак со своими ораторскими и дипломатическими способностями имел бы еще на своей стороне „Чехослован“ с его влиянием, то он смог бы добиться намного большего. Мы не поняли и не осознали, что при совместном сотрудничестве могли бы составить значительную силу, с которой бы считались. Д-р Вондрак, безусловно, мог бы послужить республике, но отношения сложились таким образом, что он не смог реализовать себя в общественной жизни, как того желал. Работа, которую он с полной отдачей вел на благо чешского дела на Руси, не была достойным образом оценена, и даже не была признана... благодарность не является врожденной чертой нашего народа»⁶¹.

Швиговский, который в свои 80 лет планировал издать сборник статей по истории волыньских чехов, хотел написать статью о периоде Первой мировой войны. Он вспоминал об этой войне и особенно о Ярославе Гашеке, который «написал о киевских чехах, особенно об Йиндржихе Йиндржишке и обо мне грубый пасквиль в своих „Похождениях...“ и который является для меня чуждым и бесхарактерным типом»⁶².

По словам Грунда, «неангажированный историк, который будет писать о нашем сопротивлении в России... остановится на личных отношениях выдающихся членов киевской колонии, будь то Вондрак либо Швиговский, Йинржишек или Дедина, Земан или Зивал, и будет выяснять причины, не позволившие этим выдающимся людям в исторический момент объединить свои усилия, пусть даже путем политического компромисса, и еще будет доискиваться, почему в 1916 г. „Чехослован“ стал личным органом его основателя, а не д-ра Вондрака, что придало бы ему политический вес!»⁶³

В своем ответе Швиговский сообщает: «Мы работали со всей отдачей и абсолютно сознательно. И это главное. Мы не ставим в вину борцам, само собой разумеется, то, что большое количество выдающихся личностей старалось воплотить собственные взгляды на наше движение на Руси и придать ему свой собственный характер»⁶⁴.

Во взаимной корреспонденции участники первого сопротивления в России В. Швиговский и Л. Грунд обменивались взглядами на события 1916 г. Л. Грунд писал Швиговскому: «Когда ты очутился в вихре политической борьбы между Союзом, Дюрихом и Штефаником, то часто был так разочарован, что хотел бежать от политики. Какая шла борьба за то, чтобы твой журнал передал руководство сопротивлением хотя бы на время войны. Я в ту пору находился в тесном контакте с Геровским, мы предполагали в Петрограде приобрести типографию. „Чехослован“ должен был вместе с тобой и Ждярским переехать, а Грунд остаться в Киеве с твоей типографией. Гашек дописывал Швейка, когда уже выходили первые его части. Но все поклонники Гашека не хотят обращать внимание на период 1916–1917 гг., когда политическая физиономия Гашека проявилась иначе, чем у сторонника сегодняшнего режима и не соответствовала сегодняшней „босаяцкой“ характеристике Гашека»⁶⁵.

Швиговский заключал: «Когда я анализирую наши взаимоотношения (с Вондраком. – *Я.В.*) на протяжении долгих лет, мне обидно, что мы были так не мудры, что не смогли прямо поговорить и выяснить наши отношения, хотя были так близко»⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Муратовы А. и Д.* Чешская дружина и ее первые добровольцы // Русское слово. 2013. № 7–8. С. 20.

² Ruský Čech. I. 1906–1907. Č. 9. S. 6–7.

³ Свято-Успенская Почаевская лавра – крупный православный монастырь в Почаеве (Тернопольская область, Западная Украина), второй храмовый комплекс и монастырь после Киево-Печерской лавры.

⁴ Národní archiv (Praha) (dalé jen NA). F. Národní rada česká (NRČ). Kart. 324/3 dopis V. Vondráka NRČ z 21.01.1908.

⁵ Ibid, dopis NRČ V. Vondrákovi z 23.02.1908.

⁶ Ibid.

⁷ Čechoslovan. 1912. Roč. 2. Č. 1. S. 3–4.

⁸ *Pospíšil A.* Československá duševní armáda na Rusi. Praha, 1925. S. 79–81.

⁹ Čechoslovan. 1914.. 11 (24).10. Č. 4.

¹⁰ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (dale jen VÚH-VHA). F. Svaz československých spolků na Rusi. Kart. 6. II sjezd.

¹¹ *Beneš E.* Svetová válka a naše revoluce. III. Praha, 1931. S. 566–572.

¹² Ibid. S. 589.

¹³ Národní osvobození. 1924. 25.05.

¹⁴ *Понов А.* Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. // Красный архив. 1929. № 33. С. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Věstník Ústředního svazu Čechů a Slováků z Ruska (ÚSČSR)*. Roč. 16. Č.12. S. 101–103.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ *Понов А.* Указ. соч. С. 25.

¹⁹ *Beneš E.* Op. cit. Sv. 1. S. 295–296.

²⁰ Цит по: *Beneš E.* Op. cit. III. S. 613–614.

²¹ *Věstník ÚSČSR*. 18. 1937–1938. Č. 1. S. 3–4.

²² *Vondrák V.* Z doby bojů o samostatné české vojsko. Praha, 1925. S. 9–25.

²³ *Čechoslovák*. 1922. Roč. 2. S. 79–80.

²⁴ *Věstník ÚSČSR*. 1925. Roč. 5. Č. 9.

²⁵ *Masaryk T.G.* Světová revoluce. Praha, 1925. S. 192.

²⁶ *Fronta*. 1927. Č.8. S. 1.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ *Vondrák V.* Vondrák contra Masaryk. Köln, 1958. S. 19.

³⁰ Ibid. S. 30.

³¹ Ibid.

³² Ibid. S. 20.

³³ *Masaryk T.G.* Op. cit. S. 181.

³⁴ Ibid. S. 194.

³⁵ *Vondrák V.* Vondrák contra Masaryk...S. 21.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 22.

³⁸ Ibid. S. 23.

³⁹ Ibid. S. 23–24.

⁴⁰ Ibid. S. 24.

⁴¹ Ibid. S. 25.

⁴² *Pipes R.* The Russian Revolution. New York, 1990. P. 495. Как писал Й. Ковтун «его идея спокойного сотрудничества с большевицким правительством не нашла понимания». Сравни: *Kovtun J.* Masarykův triumf. Praha, 1990. S. 190.

⁴³ *Vondrák V.* Vondrák contra Masaryk... S. 26.

⁴⁴ *Pipes R.* Op. cit. P. 519.

⁴⁵ Ibid. P. 520.

⁴⁶ Ibid. P. 525.

⁴⁷ Архив Павла Тарнавского. Автобиография Швиговского Из моей жизни.

⁴⁸ *Čechoslovan*. 1917. Č. 2–7, 10, 16, 43–53; 1918. Č. 1–3.

⁴⁹ Ibid. 1917. Č. 53. S. 2.

⁵⁰ Čechoslovan. 1917. Č. 51. S. 12.

⁵¹ Архив П. Тарновского, письмо Славянского института В. Швиговскому от 01.06.1938.

⁵² Там же, письмо председателя сената В. Швиговскому от 29.07.1935.

⁵³ Там же, письмо В. Швиговского Я. Сыровы от 25.07.1935.

⁵⁴ Там же, письмо В. Швиговского Б. Брадачу от 25.07.1935.

⁵⁵ Там же, письмо В. Клофача В. Швиговскому от 25.07. 1935.

⁵⁶ Там же, письмо В. Швиговского В. Клофачу от 25.07. 1935.

⁵⁷ Там же, список наград В. Швиговского.

⁵⁸ Český dialog. 2003. Č. 3.

⁵⁹ Knihovna Náprstková muzea, archiv SSSR 1/7-3, Grund Švihovskému 04.11. 1954.

⁶⁰ Ibid, dopis Švihovského Grundovi z 26.02.1955.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. Švihovský Grundovi 27.02.1955.

⁶³ Ibid Švihovský Grundovi. 12.04. 1955.

⁶⁴ Ibid. Švihovský Grundovi. 12.04 1955.

⁶⁵ Ibid. Grund Švihovskému 17. 10. 1955.

⁶⁶ Ibid. Švihovský Grundovi. 17.12. 1955.

З.С. Ненашева (Москва)

Трагическая судьба русского протоиерея Н.Н. Рыжкова – политической жертвы Великой войны

Судьба протоиерея Николая Рыжкова, русского православного священника в Чехии, может являть собой пример, когда все успехи и достижения, получившие общественное признание в мирной жизни, в определенный момент стечения неблагоприятных обстоятельств могут трагически обернуться против самого человека.

Изучение деятельности отца Николая требует заметных усилий. Если его сравнивать с великим предшественником – Михаилом Федоровичем Раевским, протоиереем русской посольской церкви в Вене, служившим в 1843–1884 гг., то следует признать, что они в чем-то похожи. Оба были великолепно образованными, энергичными людьми, глубоко понимающими предназначение места и роли своего служения. Вместе с тем эти фигуры заметно отличаются. Интересы Рыжкова, в основном, ограничивались все-таки границами Чешских земель и лишь частично затрагивали славянские регионы Австро-Венгрии. Не оставил он после себя и огромного архива, поскольку по свидетельству его дочери, большинство наиболее важных документов было уничтожено еще до начала Первой мировой войны. Часть из них была конфискована во время ареста. Подлинные свидетельства о его деятельности, так же как и в случае с М.Ф. Раевским, рассыпаны по многим хранилищам. Бумаги Архива Рыжкова¹, который находится в Славянской библиотеке в Праге, были собраны его дочерью. Они различны по своему содержанию, типу и характеру. Часть из них вторичны по своему происхождению, представляют собой копии более поздних публикаций и свидетельств о жизни отца Николая. Бесспорный интерес представляют его дневники. Чрезвычайно важны несколько тетрадей с записями. Так, в седьмом конверте фонда Рыжкова находится тетрадь с собственноручными записями отца Николая и его пометами на некоторых документах. В частности,

они были сделаны им в ходе рассмотрения в суде уголовного дела. В его финале был вынесен приговор с назначением подсудимому наказания в виде смертной казни. В тексте врученной осужденному копии приговора имеются пометы отца Николая. Подсудимый тщательнейшим образом записывал показания всех допрошенных на процессе свидетелей. Поскольку он обладал прекрасной памятью и помнил все события и даже разговоры со своими гостями до мелочей, то весьма аргументировано мог возражать против многих доводов обвинения.

Интересна и россыпь вырезок из различных чешских и российских органов печати, выходивших на протяжении первых двух десятилетий XX в., в которых в том или ином контексте упоминалось имя протоиерея. Там же собраны и первые, очень разные по объему и по сути, его жизнеописания. Использование всего этого комплекса источников с привлечением официальных документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, позволило приоткрыть завесу забвения этого деятеля².

В свою очередь обнаруженные в фондах Святейшего синода Российского государственного исторического архива новые материалы позволяют более подробно остановиться на наиболее тяжелых моментах его жизни. Некоторые весьма важные детали его деятельности на новом этапе изучения позволяют уточнить и материалы Архива храма св. апостолов Петра и Павла в Карловых Варах.

За 14 лет пребывания в Праге и Карлсбаде отец Николай приобрел огромную популярность. Все знавшие его сохранили самые светлые воспоминания о доме Рыжковых, где побывали многие чехи и большинство россиян, приезжавших в Прагу или Карлсбад. Нет ни одной публикации, в которой бы не говорилось, что «он снискал себе всеобщее уважение и любовь, а его дом в Карлсбаде был всегда центром, куда стекались все русские, лечившиеся в Карлсбаде, без различия чинов и званий».

Фигура Рыжкова действительно заметно отличалась от других настоятелей, действовавших до него в Чехии. В 1895 г., он, уже будучи кандидатом богословия, был назначен на должность псаломщика русской посольской церкви в Вене. Кроме того, с 1897 по 1901 г. он состоял нештатным секретарем консульского отделения российского посольства в Австро-Венгрии. В это же время (1897–1901) священник закончил философский факультет Венского университета как ординарный слушатель в семинаре у профессора Ягича.

Можно предположить, что Рыжков получил назначение в Прагу исключительно благодаря стечению обстоятельств. Настоятель храма св. Николая и храма Петра и Павла в Карлсбаде – Апраксин был очарован его голосом, образованностью и обаянием и не видел никакого другого кандидата на свое место. Согласно наиболее трогательной версии Рыжков дал свое согласие на должность священника в минуту кризисного состояния его маленькой дочери. Как бы то ни было, он в кратчайшие сроки продвинулся по карьерной лестнице³. В Праге он приобрел новое обширное поле для деятельности и раскрытия своих талантов. Весьма легко влился в культурную и отчасти общественную жизнь. Затем он приобрел известность в Чехии и за ее пределами благодаря своей интеллигентности и широте души.

О том, насколько органично он себя чувствовал в Праге, Карлсбаде и, отчасти, Вене свидетельствует, например такой факт. Еще в конце 1904 г. в связи с организацией Санкт-Петербургского телеграфного Агентства (СПТА) обсуждался вопрос о том, чтобы назначить Рыжкова его представителем в Австро-Венгрии. В этой связи корреспондент в Вене Альберт Генрихович Фихтенгольд (на запрос начальника Канцелярии СПТА – П. Миллера) писал, что он «лучшего корреспондента в Праге не мог себе представить, но это немыслимо». По мнению этого весьма сведущего человека, отец Николай «и без того негласный консул в Праге, а летом в Карлсбаде»⁴.

Все направления деятельности протоиерея Н. Рыжкова оказались чрезвычайно продуктивными. Он получил признание не только общественности, но и официальных российских властей. 6 мая 1913 г. протоиерей Николай Рыжков был награжден («сопричислен ...Указом к Императорскому Орденому...») орденом святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени⁵. Соответствующая «грамота о сопричислении» к ордену была направлена в Прагу только 29 апреля 1914 г.⁶

Однако его деяния затмила трагедия, которую пережил этот превосходный человек и российский патриот сразу же после начала Первой мировой войны.

На момент объявления Австро-Венгрией войны России 24 июля (6 августа) 1914 г. отец Николай находился в Карлсбаде, «утешая и ободряя застигнутых войной русских». В день тезоименитства императрицы Марии Федоровны он служил литургию и молился о «православном христолюбивом воинстве и о даровании ему победы»⁷. Уже на следующий день он был арестован и

доставлен в Вену, где был посажен в одиночную камеру в «башне смерти». Следствие длилось почти два года. В этой же венской тюрьме сидели известные чешские общественные деятели Карел Крамарж, Алоис Рашин, Вацлав Червинка, Йозеф Сватоплук Махар и другие жертвы преследований австрийских властей. С 19 апреля по 5 мая 1917 г. шел процесс по делу Рыжкова. 7 мая 1917 г. Ополченским (военным) дивизионным судом в Вене Н.Н. Рыжкову был вынесен смертный приговор через повешение «за панславистскую пропаганду и чешско-русские связи».

Изучение обвинительного заключения, содержащего 14 глав⁸, показывает, что, с точки зрения следственной бригады, не было ни одной сферы общественной жизни чехов, которой бы не интересовался отец Николай. И, безусловно, он был причастен к развитию всех направлений чешско-российских связей. Если отечественные публицисты и исследователи во всех его начинаниях видят исключительно позитивное начало, то прямо противоположную оценку им дала следственная бригада. По мнению следователей, отец Николай, используя свой несомненный талант к углублению русофильских начал у чехов, вел активную пропаганду панруссизма и панславизма и тем самым всеми силами способствовал их отчуждению от государства, культивировал настроения сепаратизма.

В частности, он обвинялся в самых простых вещах, которые входили в круг его непосредственных обязанностей. Даже характер совершения им богослужения был квалифицирован как преступный. По мнению следователей, протоиерей Н. Рыжков служил излишне ярко, и потому богослужения в Праге и Карлсбаде вызывали слишком большой интерес у чехов. Тем самым, отец Николай пытался «внедрить в них симпатии к православным церковным обрядам». При этом его прямые священнические обязанности были «лишь внешней личиной» опытного пропагандиста.

В этом контексте поражает прямо противоположный пассаж в другом месте обвинительного акта. Там говорится, что Рыжков и вовсе оказался неспособен заниматься пастырской деятельностью, выполнять свои «священнические обязанности». Более того, он их запустил до такой степени, что прихожане были вынуждены писать жалобы. Однако заключение и из этого посыла, было однозначно негативным. Широкий масштаб политических интересов протоиерея якобы мешал ему достойно выполнять порученное дело. Оно было прикрытием, ибо вся его энергия была направлена на реализацию политических целей «со стороны работодателей»⁹.

В качестве агентов, с которыми был связан Рыжков в процессе его антигосударственной деятельности, следственной группой было названо огромное число лиц, с которыми отец Николай когда-либо встречался. Практически все более или менее активные чешские политические деятели и деятели культуры, сотрудничавшие с любыми российскими организациями и центрами, прошли через сито следственной бригады. Кроме того, в круге ее интересов оказались и те, кому был просто интересен Рыжков как действительно яркая фигура. Они также вызывались на допрос и их показания получили пристрастную оценку следователей.

В качестве доказательной базы широко использовались пражские полицейские донесения за все 14 лет пребывания отца Николая в Чехии. И буквально по каждому эпизоду он давал свои объяснения. А ведь у него не было ни дневников, ни ежедневников.

Например, на многочисленные, постоянно повторяющиеся обвинения в политической деятельности он весьма эмоционально пишет: «Rus. organisationenbestandenkeine» (подчеркнуто в оригинале. – З.Н.). Далее в скобках он добавляет: «Если бы я был акт. полит. деят., то разве бы не постар. устроить р. организ. при поср. чеш. полит. С 1901 до 1913 г. не было никакой деят. в этом направл. В Пр. Б. я не допуск. полит. речей (свид. Брабинек). Рус. Центр – возб. Жук. я б. приглаш., как советующий и даже не интересов.».

Конечно, в некоторых случаях обвиняемый пользовался тем, что российский генеральный консул в Праге Владимир Григорьевич Жуковский (1871–1922) находился в России и часть инициатив, в которых Рыжков играл не последнюю роль, можно было переложить на него.

Так, на протяжении нескольких лет Рыжков вынашивал мысль о создании «Русского дома» в Карлсбаде или Праге. Она очень глубоко завладела протоиереем. Для реализации данной идеи он упорно искал единомышленников. Этот план постепенно приобретал более конкретные очертания. Некоторую конкретизацию он получил в мартовском донесении Жуковского за 1911 г.¹⁰ Дипломат писал о перспективе появления в Праге русского клуба «с серьезным направлением, чуждым каких-либо политических тенденций». В данном случае его устроители хотели опереться на традицию «Русских кружков», существовавших здесь уже более 30 лет. Их непосредственной задачей было изучение русского языка. С открытием консульства их деятельность заметно оживилась. Однако российского официального представителя в Праге чрезвычайно смущала «демократическая постановка» их форми-

рования. Открытость и доступность для всех желающих явно претитла этому чиновнику. Такой подход привел, по мнению консула, к появлению в них «элементов незрелых и увлекающихся», что явно вредило делу. Консул отказывался присутствовать на собраниях их членов, поскольку сообщения о России носили «явно тенденциозный» характер. В частности, полное негодование Жуковского вызвало чтение реферата о крестьянской реформе.

Остается не ясным, по чьей инициативе из кружка «устранились лучшие элементы». Однако именно они выступили с предложением основать в чешской столице новую институцию. Конечно же, встает вопрос, на какой идеологической основе она должна была формироваться. Ведь консул настаивал на «строгом выборе» членов клуба. Его конечной целью должно было стать постепенное создание крупного русского культурного центра.

В данном контексте неминуемо возникает параллель между умонастроениями российского консула и отца Николая. Стремление Жуковского после прибытия на место назначения установить, прежде всего, «самые ясные, доверчивые отношения с австрийским элементом» не могло не настораживать протоиерея. Свое желание принимать широкое участие в общественной жизни «немецкого, официального общества» сам консул рассматривал как отличный маневр, который бы отвлекал всякие подозрения «в особых симпатиях» к славянам с его стороны. Другим условием плодотворной деятельности консульства было установление тесных отношений с коммерческим миром Праги, поскольку именно он мог обеспечить расширение торговых связей с Россией¹¹.

Желание уйти от любых, хотя бы виртуально носящих политический оттенок, акций определяло линию поведения российского консула. Как иначе можно трактовать его отказ участвовать в торжественном собрании, которое предлагал провести «славянский клуб» по случаю открытия консульства. Жуковский боялся «выступить в довольно щекотливой роли» и отверг оба предложенных им плана. Причем один предполагал присутствие заместника, а другой «собрание – митинг». Не согласился он и с предложением провести «интимное славянское торжество». Оно также противоречило «правильному пониманию» роли консульства, могло придать ему политическую окраску. По собственному признанию консула, он больше всего боялся негативной реакции австрийских властей¹². Более того, Жуковский даже «уклонился» (так написано в секретном донесении) от участия в приеме городского головы доктора Гроша, поскольку там присутствовало чешское общество¹³.

Думается, не без участия отца Николая произошла определенная коррекция в представлениях о месте консульства в общественной жизни чехов. Осенью того же года барон Корф, секретарь консульства, писал о Праге как столице «самой культурной из всех западно-славянских национальностей». Он делал акцент на том, что именно чешское общество играло главную роль в ее общественной жизни. Конечно, явная иллюзия стоит за утверждением Корфа, что все чешское население Богемии «без различия политических взглядов» питает глубокие симпатии к России, «на которую смотрит как на страну, стоящую во главе всего славянства»¹⁴.

В 1912 г. отец Николай пытался склонить на свою сторону российского консула Владимира Григорьевича Жуковского в крайне важном проекте. В письме, написанном 8 (21) июня, он уговаривал его купить участок земли «напротив русской церкви» – «угловое место» между «новым зданием ратуши и Капровой улицей». Тем самым Рыжков хотел осуществить «давнишнюю мечту – основать «Братство» («Общество»). На протяжении нескольких лет он «интимно и доверительно», буквально по грошам собрал «некоторый капитал». Анализ материалов показывает, что этот проект им был продуман весьма обстоятельно. Правовую сторону создания подобной организации обеспечило бы «Общество». Оно должно было взять на себя урегулирование отношений с австрийским правительством. Его устав (в переводе на чешский и немецкий языки) следовало представить на утверждение австрийским чиновникам. «Все это отпало бы, если бы «Дом» создало Министерство наше (подчеркнуто в оригинале), – пишет отец Н. Рыжков. – Но сего не дождемся», – с горечью заключает он.

В таких условиях единственной силой, способной реализовать задуманный проект были «люди сочувствующие». Отец Николай предстает не только как целеустремленный и чрезвычайно энергичный человек, но и как весьма азартная натура. «Момент подходящий. Если Вы сообразовите приложить старание – искреннее, живое, то я убежден, что создастся «дом», где учредим и школу, и гимназию, и русский клуб, и помещение для всех нас и для русских учреждений», – рисует отец протоиерей радужные перспективы. «Не могу сказать, что это фантазия. Нужно действовать живо, пока оно горячо. А всякую бухгалтерию – в сторону»¹⁵, – пытается увлечь он своей идеей русского консула. Отец Николай даже нарисовал эскиз будущего здания, и очень сожалел, что не мог сделать это более качественно¹⁶.

Думается, что эти примеры весьма красноречиво показывают, насколько активную роль играл Рыжков во взаимоотношениях с генеральным консулом. Конечно, находясь в тюрьме, ему нельзя было признать, что именно он инициировал ряд акций и тем самым создал повод для обвинения в антигосударственной деятельности.

Способом своей защиты отец Николай избрал полное отрицание не подкрепленных документально фактов, а также зачастую умозрительных умозаключений. Он решительно настаивал на утверждении о своем невмешательстве в чешский политический процесс. В лучшем случае протоирей позиционировал себя в качестве стороннего наблюдателя. Такой способ защиты раздражал следственную бригаду, уверенную в неоспоримости собранных доказательств и сделанных из них выводов.

Как уже отмечалось, следователи собирали их по всем возможным направлениям чешско-российского сотрудничества. А оно действительно в эти 14 лет переживало заметный подъем. Достаточно вспомнить неославистское движение, несмотря на последовавший его крах. Чрезвычайно интенсивными были и связи в сфере культуры, науки, спорте и др.

Основой же для предъявления обвинения протоирею стали материалы, обнаруженные во время обыска в его доме, информация СМИ, а также материалы австро-венгерского министерства иностранных дел, австрийского министерства внутренних дел, военного ведомства и, разумеется, Пражского полицейского управления. Именно они и были положены в основу доказательной базы.

Часть обвинений нуждалась в очень серьезных обоснованиях. Такой, в частности, была проблема перехода чешских старокатоликов в православие и деятельность созданного в 1903 г. общества «Православная беседа», объединявшего на тот момент 27 человек. Следует признать, что у следователей к Рыжкову были вполне резонные вопросы о росте числа чехов, принявших православие. К 1914 г. в «Православной беседе» состояло уже около 100 человек¹⁷. Казалось бы, что речь шла о крайне незначительных цифрах. Ведь по переписи 1910 г. всего в Чешских землях проживало 1063 православных. Однако сама тенденция вызывала крайнее беспокойство у австрийских властей.

Вполне традиционным стал вопрос о финансировании или оказании финансовой помощи нескольким русофильским изданиям, с трудом удерживавшимся на плаву в море печатной продукции, выходившей в монархии в начале XX в. К такой под-

держке официальные структуры относились крайне негативно, а деятельность в этом направлении квалифицировалась как преступная.

В качестве не менее криминальной, направленной на ослабление Австро-Венгрии рассматривалась и идея создания в Праге «Русско-чешского центра». Эта инициатива консула Жуковского (1913 г.) трактовалось как придание всей дипломатической работе исключительно политического характера.

Идея создания «Русского дома, к строительству которого должны были приступить в начале 1914 г., была расценена как вынашивание мысли о создании центра шпионажа против Австрии¹⁸. В качестве антигосударственной деятельности трактовалось и покровительство Рыжкова специальному комитету по приему русских учителей и студентов в Праге¹⁹.

Даже переселенческое движение в Россию расценивалось как движение, целью которого, в конечном счете, был разгром Австрии. Для этого Рыжковым якобы велась активная пропагандистская работа среди чехов, чтобы представить русскую жизнь «достойной их устремлений». Он же занимался внедрением в них симпатий к русским православным обрядам.

Что касается переселенческого движения, то оно подверглось глубокому анализу практически со всех сторон. В центре внимания следственной группы оказался Сватоплук Коничек-Горский (1866–1931). Он находился в России достаточно долго. В 1909 г. он возглавил общество «Славия», а в августе 1914 г. создал Чешский комитет в Москве. В представлении следователей Коничек-Горский являлся особо опасным преступником после того, как стал участником аудиенции у Николая II. Этот активный пропагандист русофильского начала в чешском освободительном движении в декабре 1914 г. уехал в Париж, где основал комитет Национального совета чешско-словацкой колонии и журнал «*l'Indépendance*». Коничек-Горский пытался пропагандировать свою позицию и в США. В декабре 1915 г. он вернулся в Россию.

Рыжков в своих возражениях на обвинительный акт пытался показать реальное положение и значение этой весьма одиозной фигуры. В тетради отец Николай замечает следующее: «А с Кон. встрет. 20 лет назад; в 1911 wandteersichbrieflich, но я не отвечал, wejlichnichtneurlich. Bezich. mibihmanknupfenwolle. В 1913 или 1914 обрат. снова Кон. Я ответ открыткой, где уклончиво писал. Когда он написал по-чешски и прислал статуты Гусова общ., но я уже не отв. И К. оставил меня в покое. О целях К. я ничего не знаю.

Его письма меня не интересовали, поэтому и не продолжал сношений»²⁰.

Протоирей обвинялся в способствовании оттока в Россию наиболее активной части чешского населения, части, умеющей вести хозяйство на высоком уровне. За самой возможностью любого чеха стать образцом для русского крестьянина виделось усиление экономического потенциала будущего противника. Общий вывод был просто иррационален: все чехи, покинувшие Австрию, «непременно являлись государственными изменниками». В данном случае отец Николай представал как агент русского правительства, «сворачивавший» чехов в политических целях и сделавший все возможное для того, чтобы «пересадить их на русскую почву». В результате под покровом «невинных целей» скрывалась серьезнейшая опасность. Именно переселенцы стали «фундаментом чешских легий» в России во время Первой мировой войны. Можно себе представить, какие возможности для мотивирования обвинительного приговора предоставили письма Рыжкову чешских торговых служащих с просьбами об их переводе в Россию.

В центре расследования оказалась и деятельность российского общества «Русское зерно», во главе которого стоял брат П.А. Столыпина – Александр. Непосредственной целью общества было ознакомление российских крестьян с более высокой аграрной культурой в Чешских землях. Следователи обвиняли Рыжкова в том, что он являлся «орудием» этого общества, поскольку подыскал для одного из бывших русских военнослужащих место «для практического обучения в образцовом хозяйстве» недалеко от Праги. Аргументом против него был и тот факт, что русские агрономы ориентировались на Моравию, а не на другие регионы Австрии, прежде всего немецкие. Австрийские чиновники отрицали возможность лучшего взаимопонимания славянами друг друга, указывая на большую разницу в русском и чешском языках. Вызывала подозрение даже «особенная интеллигентность» приезжавших молодых агрономов из России. Вывод следователей был один: сближение с чехами, в конечном счете, должно было привести к росту симпатий к выходцам из России. В случае появления русской армии в Чехии и Моравии она была бы встречена как братское воинство. Проведение же инспекционных поездок со стороны членов руководства общества, регулярно посещавших курорты Карлсбада, наводило на мысль об их интересе к австрийским железнодорожным артериям.

Отец Николай также обвинялся в том, что он прославлял «чуждый православию культ Яна Гуса», использовал «гуситское движение для панруссистских целей».

Надуманность приведенных обвинений, на наш взгляд, достаточно очевидна. Однако они далеко не исключительны. Ведь обвинительный акт составляет более 287 машинописных страниц. Там в качестве «фактов» антигосударственной деятельности Рыжкова, например, фигурируют проявленный им интерес к поездке хора моравских учителей в Санкт-Петербург, организация «русского концерта» в Праге и многое другое.

Попытки протоиерея Н. Рыжкова противостоять напору следователей, его тщательная работа с протоколами допросов свидетелей, подготовка аргументированной апелляционной жалобы на незаконный и необоснованный приговор, как и следовало ожидать, не дали никакого результата²¹. Мучительные дни в одиночной камере (а в одиночке он провел 22 месяца) отец Николай ждал решения своей судьбы. Военный суд пришел к заключению, что все его действия были направлены на то, чтобы чехи считали Австрию своим врагом, а на Россию смотрели как на своего освободителя. В результате приговор был оставлен без изменения. К счастью, он не был приведен в исполнение благодаря решительным действиям российского правительства и вмешательству международной общественности, а также испанского короля.

Как только началась Первая мировая война и был арестован протоиерей Н. Рыжков, российские власти обратились к испанскому посольству в Вене с просьбой представлять интересы Российской империи и ее подданных в Австро-Венгрии. Одновременно через посредничество испанцев австрийскому правительству было предложено произвести обмен отца Николая на униатского митрополита Андрея (графа Шептицкого). Он оказался в плену после взятия русскими войсками Львова²². Однако во время революционных событий в России в феврале 1917 г. Шептицкий был выпущен из заключения без каких-либо условий. Вместе с тем оставалась надежда, что австрийское правительство последует этому примеру. Но, как уже говорилось, в мае 1917 г. в отношении отца Н. Рыжкова был вынесен смертный приговор. Только энергичное вмешательство испанского короля в условиях нараставшего кризиса в самой Австро-Венгрии воспрепятствовало приведению приговора в исполнение²³.

Теперь уже с полной уверенностью можно сказать, что самое непосредственное, как говорится в документах «горячее», участие

в его судьбе принимало Министерство иностранных дел России. Следует обратить внимание и на формулировку – имелось в виду «освобождение его из плена», а не из тюремного заключения. Однако долгое время предпринимавшиеся попытки были безуспешными.

Австро-венгерское правительство отказывало в просьбе об обмене о. Николая на австрийских священников, находившихся в плену в России. Изначально оно настаивало на обмене Рыжкова на униатского митрополита Шептицкого. Однако этот вариант не «признавался возможным» российскими властями.

В этой связи о крайне любопытных действиях говорится в «весьма спешной» депеше Анатолия Анатольевича Нератова, товарища министра иностранных дел. Он занимал эту должность с 1910 г., а в ноябре – декабре 1916 г. временно исполнял обязанности министра. Соответственно А.А. Нератов самым тщательным образом был осведомлен обо всей предшествующей деятельности Н. Рыжкова. В обращении к Владимиру Николаевичу Львову – обер-прокурору Священного синода от 4 мая 1917 г.²⁴ Нератов свидетельствует, что МИД действительно предпринял целый ряд акций по его освобождению.

Переписка, которая велась в течение мая между этими ведомствами, свидетельствует о том, что военными властями были «переведены на особый тюремный режим» австро-венгерские военнопленные. Такая тяжелая участь «в виде репрессии за проявленный австро-венгерскими властями в отношении о. Рыжкова образ действий» постигла двух священников «Дрекслея и Гавеля». Впрочем, последнему удалось избежать длительного заключения, поскольку он оказался «польского» – подчеркнуто в оригинале З.Н.) происхождения».

Как показывают документы, весьма сложной оказалась ситуация и с Шептицким. Как уже указывалось, Временное правительство освободило его «без каких-либо условий и компенсаций». Тем самым МИД, по его собственной оценке, лишилось и «последней возможности освободить о. Рыжкова из плена». Российское внешнеполитическое ведомство, сообщив об этой гуманной акции австро-венгерскому правительству, выразило надежду, что с его стороны будет предпринят такой же шаг. Однако в действительности события развивались в угрожавшем для Рыжкова направлении.

Российский поверенный в делах в Копенгагене в секретных телеграммах сообщал об аргументах, которыми воспользовались австрийские власти для отказа в освобождении Рыжкова. Наибо-

лее существенным стал тот факт, что против о. Николая «ведется процесс». В подтверждении своей объективности и гуманности они пообещали разрешить выехать в Швейцарию дьякону Соловьеву, арестованному в один день с Рыжковым.

Следующая телеграмма была убийственной по своему содержанию. В ней сообщалось, что Рыжков был приговорен к смертной казни за государственную измену. Оставалась надежда на апелляцию. Но для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки это дело, Рыжков просил «ускорить предложением его обмена и присылкой 10 000 р. судебных издержек».

В этом контексте следует признать, что МИД предпринял достаточно решительные шаги. На тот момент министр иностранных дел Павел Николаевич Милюков (в день собственной отставки) 2 мая за своей подписью отправил в Копенгаген телеграмму российскому поверенному в делах. Ему поручалось передать испанскому послу в Вене «принять самые энергичные меры к освобождению о. Рыжкова и пригрозить австрийцам репрессиями». Что касается обвинения священника в государственной измене, то МИД отказывался даже касаться этого вопроса в виду его «явной бессмысленности».

Чрезвычайно любопытен следующий поворот. Министерство иностранных дел просило обер-прокурора дать срочное распоряжение о переводе 10 000 рублей²⁵. И эта просьба была не только услышана, но и поддержана. Уже на следующий день 5 мая Святейшим Правительствующим Синодом было принято соответствующее определение²⁶. В его резолютивной части было 2 позиции. Во-первых, обер-прокурор должен был просить МИД о принятии экстренных мер к освобождению Рыжкова. Следовало активизировать действия по обмену. Причем никаких конкретных фамилий не называлось. Претендентом мог стать любой «из имеющихся в России военнопленных австрийцев». Во-вторых, без каких-либо колебаний членами Синода было одобрено решение о выделении денежных средств. Хозяйственному управлению синода поручалось «немедленно перевести испанскому послу в Вене 10 000 руб.». Соответствующая выписка отправлялась в Синодальный контроль.

Это распоряжение в тот же день, т. е. 5 мая было исполнено и Рыжков смог обратиться в испанское посольство в Вене за получением денег. Именно эту сумму составлял гонорар защитника отца Николая за ведение дела (последние слушания проходили с 28 февраля по 3 июня 1917 г.)²⁷.

Между тем ряд членов Св. синода, не возражая против немедленного перевода денег, высказал свое особое мнение. В частности, один из епископов считал, что эту сумму следует «собрать» – подчеркнуто в оригинале *З.Н.*) с православных боголюбцев по особому воззванию», что было бы полезно «для церковного сознания православных». Группа священнослужителей считала целесообразным самым широким образом «оповестить всю Русь» о том, что делается по отношению к российским военнопленным «во вражеских странах». Помимо призыва к православным делать пожертвования, для епископов было не менее существенным сообщить населению об оперативности и решительности действий синода²⁸.

В самом определении Синода его члены отдавали должное инициативам российских властей. При этом они сделали акцент на том, что австро-венгерское правительство не только отклонило все предложения об обмене, но и не ограничилось тем, что протоиерей Рыжков продолжал удерживаться в плену. Их искренне возмутило то, что он оказался «в крайне унижительных и беспощадных условиях тюремного режима»²⁹. Австрийские власти обвинялись в том, что они приравнивали «исполнение православным пастырем своего долга – возвещать истину православия везде, где бы он ни находился, к государственной измене». Вопиющим признавался не только сам факт судебного преследования, но и то обстоятельство, что деятельность Рыжкова в пользу православия велась в «родственной нам и еще окончательно не забывшей о св. Кирилле и Мефодии Чехии».

В свою очередь долг пастырей русской церкви, несших службу в городах и весях, состоял в том, чтобы придти на помощь «своему доблестному, но и многострадальному собрату»³⁰. Речь шла о посильном участии в сборе средств самих священников. Однако, учитывая их бедственное положение, рекомендовалось привлечь к пожертвованиям «щедродателей из паствы».

Следует подчеркнуть, что стремительная реакция российских властей на крик о помощи Рыжкова дала результат. Этому немало содействовало вмешательство испанского короля Альфонса. Как в своих воспоминаниях пишет Ю.Я. Соловьев, во время его работы в посольстве в Мадриде поступило указание Петрограда «обратиться лично к королю» по поводу решения австрийских властей приговорить Рыжкова к смертной казни. Это предписание было выполнено. Король «немедленно отправил личную телеграмму императору Карлу австрийскому»³¹.

22 мая 1917 г. А.А. Нератов направил обер-прокурору синода срочную депешу с давно ожидаемой вестью. Сообщалось, что после «многочисленных и усиленных настояний» Министерства иностранных дел перед австро-венгерским правительством «через испанского представителя в Вене, а также чрез испанское правительство», отец Николай был помилован. Это известие передал министру иностранных дел испанский посол в России. Власти Австро-Венгрии обещали отпустить Рыжкова домой «как только граф Шептицкий прибудет в Швецию» (подчеркнуто в оригинале.– З.Н.)³².

Однако эпопея на этом не закончилась. В очерке дочери Рыжкова – Ариадны Николаевны – говорится о том, что она добилась приема у министра иностранных дел Терещенко. В это же время она «навестила» и А. Щептицкого, «который в ту пору проживал на свободе и никак не торопился возвращаться в Австрию». Митрополит якобы обещал Ариадне свое содействие в деле освобождения отца и «вскоре покинул русскую территорию». В результате отец Николай из тюрьмы был выпущен. Ему было разрешено выехать в Россию³³. После 3-х лет нахождения в австрийском плену, «большой частью в суровом тюремном одиночном заключении» он незамедлительно был вывезен из Австрии.

19 июля 1917 г. он прибыл на Финляндский вокзал в Петроград и был встречен делегацией представителей городского духовенства.

Однако освобождение и приезд в революционную Россию не принес священнику желанного облегчения. Оказавшись в принципиально новой реальности, ему предстояло сконцентрировать свои усилия на иных жизненно важных вопросах.

Отца Николая постоянно беспокоила мысль о судьбе вверенных ему православных храмов в Чехии. Ведь в 1916 г. пражский Городской совет расторг договор, заключенный с Петербургским отделением Славянского благотворительного комитета о продлении аренды Никольского храма на 30 лет (то есть до 1930 г.). Фактически храм был отобран у Русской Православной Церкви и обращен в католический военный (гарнизонный) костел³⁴. Значительная часть богатого убранства была или расхищена или реквизирована. Колокола, подаренные храму Московской Городской думой, были сняты.

В своей докладной записке, адресованной патриарху Тихону, отец Николай пытался объяснить, что он был лишен всякой «возможности предпринять что-либо для охраны от вражеских

насилий и захватов» вверенных ему храмов в Праге и Карлсбаде. Он ничего не мог сделать для «спасения церковного имущества и церковных организаций» (подчеркнуто в оригинале. – З.Н.)³⁵. В точно такой же ситуации он оказался и после возвращения на Родину. Причем сам протоиерей свято верил, что был все-таки обменян на униатского митрополита Шептицкого.

Он был уверен, что «при существующем правительстве» также исключена возможность предпринять что-либо дипломатическим путем по этому делу «вследствие декрета об отделении церкви от государства». Выход из критического положения протоиерей видел в том, чтобы действовать через нейтральные дипломатические представительства. «В виду этого преосвященным митрополитом Петроградским» Рыжков был командирован в качестве настоятеля церквей в По и Биариццу, в южную Францию. Вопрос об этом назначении был решен 21 февраля 1918 г.

Однако и этому проекту было не суждено сбыться. На этот раз главной причиной стало отсутствие средств на проезд и «первоначальное прожитие», пока не наладилось бы «дело о содержании заграничных церквей». В данном же случае отец Николай получил отказ на просьбу оплатить дорожные расходы от вице-председателя Хозяйственного комитета при Биариццкой церкви С. Елисева. Хождение по инстанциям самого Рыжкова не имело успеха. Тогда митрополит Петроградский высокопреосвященный Вениамин и обратился к патриарху Тихону.

Вопрос об отпуске необходимых денежных средств рассматривался на совместном заседании, в котором участвовали Святейший патриарх, Священный синод и Высший Церковный Совет Православной Российской церкви³⁶. Требовалась весьма значительная сумма: 4000 рублей на поезд и 6000 на проживание.

Между тем в распоряжении Высшего Церковного Управления имелось всего лишь 2000 рублей «свободного страхового сбора». Таким образом, ходатайство митрополита Петроградского не могло быть удовлетворено. Тем самым проект, с которым связывались большие надежды всей семьи Рыжковых» не нашел поддержки.

В виду затруднительного материального положения протоиерея ему было назначено единовременное пособие в размере 1500 рублей. (До такого размера была уменьшена первоначально названная сумма в 2000 рублей). В свою очередь митрополит Вениамин должен был подыскать ему место в одном из Петроградских приходов³⁷. Им стал храм Вознесения Господня³⁸.

Итак, летом 1918 г. стало очевидно, что вопрос об отъезде за границу не имел под собой никаких реальных оснований.

Подорванное здоровье давало о себе знать. Выдержать новые испытания в Советской России оказалось практически невозможным. Силы уходили на борьбу за простое человеческое существование. 24 января 1920 г. (по старому стилю) Н.Н. Рыжков скончался. Это произошло на 51 году жизни. Отец Николай был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петрограде³⁹. Во вторник 6 февраля (по старому стилю) в храме святого Миклулаша состоялась литургия и после нее панихида «по усердному священнику и другу чешского народа». Так закончилась жизнь этого выдающегося человека и российского патриота.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Slovanská knihovna. Archiv N.N. Ryžkova (далее Archiv N.N. Ryžkova).

² См. об этом подробнее: *Ненашева З.С.* Протоиерей Николай Николаевич Рыжков (1868–1920) // Русский православный храм святых апостолов Петра и Павла в Карловых Варах. М., 2007. С. 136–148.

³ 13 июня 1901 г. он был рукоположен в диакона, а уже на следующий день в священника. В 1907 г. Рыжков был возведен в сан протоиерея. – Archiv N.N. Ryžkova. Картон № 1. Obal 1. Životní dílo protoiereje Nikolaje Ryžkova.

⁴ Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 1358. Оп. 1. Д. 928 часть 1. Переписка с корреспондентом в Вене. См. переписку: Л. 20–20об. П. Миллер – А. Г. Фихтенгольцу. Оригинал. Письмо Альберта Генриховича Фихтенгольца – П. Миллеру. Вена 1 (14) декабря 1904 г. Л. 41–42.

⁵ Архив русского православного храма святых апостолов Петра и Павла в Карловых Варах (Далее – Архив русского храма в Карловых Варах). Копия Указа его императорского величества, самодержца все-российского, царя польского, великого князя Финляндского и прочая, и прочая, и прочая. 1-я Экспедиция С.-Петербургской Духовной Консистории. № 9206. Любопытно, что для получения ордена Рыжков должен был направить денежный взнос в размере 40 руб. во Вторую Экспедицию Консистории. Об этом правиле или казусе Рыжкову было сообщено 16 декабря 1913 г. членом Консистории протоиереем Моколовым.

⁶ Там же. Исходящий номер документа 3268.

⁷ Archiv N.N. Ryžkova. Картон № 1. С. Савинов. К десятилетию со дня смерти прот. Н.Н. Рыжкова.

⁸ Archiv N.N. Ryžkova. Картон № 1. Обвинительный акт против Николая Рыжкова в преступлении в государственной измене. Дока-

зательство: панславизм; личность Николая Рыжкова, деятельность в Вене; Перевод Рыжкова в Прагу. Его положение. Связь с русскими кругами; Политическая осведомленность Рыжкова; Православное движение в Чехии; Вильгельм Ваксман. Пропаганда среди военных чехов; Святоплук Коничек. Чехи в России перед войной. Переселенческое движение; Общество Русское Зерно; Роман Геровский; Штепанек, отец и сын, политические сообщения, поездки и экскурсии. Общество Русский кружок в Праге; Славяно-русские общества. Русско-чешский центр; Странствующие пропагандисты: Иероним Ш. Луцик, Вячеслав Маршалек; Пражский конгресс 1908 года; Гуситское общество; Следствие, затруднение в доказательствах, юридическая квалификация.

⁹ Обвинительный акт. С. 71.

¹⁰ Архив Внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1085. 1910–1913. Л. 56. Копия донесения консула в Праге. 12 марта 1911. № 10.

¹¹ АВПРИ. Фонд Посольство в Вене. 1910. Дело 1791. Консульство в Праге. Л. 26. Копия докладной записки консула в Праге надворного советника Жуковского от 26 мая 1910 г.

¹² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1085. 1910–1913. Л. 40. Жуковский – Н.Н. Гирсу. № 222. Приложение 3. Секретно.

¹³ Там же. Приложение 4. Секретно.

¹⁴ АВПРИ. Фонд Посольство в Вене. 1910. Дело 1791. Консульство в Праге. Л. 43. № 1608. 30 сентября (13 октября) 1910 г.

¹⁵ Archiv N. N. Ryžkova. Karton 1. Письмо написано на бланке «Настоятель русской православной церкви в Праге и Карлсбаде». Текст письма занял буквально обе стороны листа, заняты все свободные места на полях, на нем масса зачеркиваний, исправлений. Скоропись.

¹⁶ Archiv N. N. Ryžkova. Karton 1. Материалы первого конверта. Папка корреспонденция.

¹⁷ См. подробнее: Русский православный храм святых апостолов Петра и Павла в Карловых Варах. М., 2007. С. 139–141.

¹⁸ Archiv N.N. Ryžkova. Karton № 1. Синяя тетрадь. Значительная сумма денег, собранная на его строительство, была конфискована австрийскими властями.

¹⁹ Летом 1909 г. в Прагу прибыло 8 групп русских учителей и 1 группа студентов, всего 384 человека. Их принимал специальный комитет, образованный под эгидой Центрального земского союза учительских обществ и Славянского комитета Чешского национального совета.

²⁰ Подготовительная работа над 4-м томом обвинительного акта (с. 130–182). С ним он начал знакомиться 21 сентября 1916 г. В качестве панславистских агитаторов в обвинительном заключении были названы Коничек-Горский, Бобринский, Геровский, Рейман, Марков, Клецанда и др., т.е. деятели, заявившие о себе в России в начале Первой

мировой войны, когда там активизировалась деятельность «русских чехов» и начался процесс формирования чешских воинских подразделений. Рыжков вынужден был искать объяснения как в отношении действительно имевшейся переписки, так и аргументировано отрицать какие-либо контакты с деятелями, с которыми он не общался.

²¹ Archiv N.P. Ryžkova. Конверт № 7.

²² Он был интернирован в начале войны, поскольку во время торжественного богослужения во Львове в присутствии генерал-губернатора оккупированной русскими войсками Галиции произнес молебен в честь Франца-Иосифа. – *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 281.

²³ Archiv N.P. Ryžkova. Картон № 1. Синяя тетрадь.

²⁴ РГИА. Ф.796. Оп. 204. 1 стол. VI отделение. 1917. Д. 59. Л. 1, 1 об., 2. Бланк. Товарищ министра иностранных дел. Отдел о военнопленных. 4 мая 1917. № 2531 –В. Н. Львову. Обер-прокурору Св. Синода. Весьма спешно. На документе вверху на 1-й странице помета: Должено Синоду.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. Определение Святейшего Правительствующего Синода. Копия. Исходящий номер 2802Л. 4–4 об.

²⁷ Всего было 4 слушания дела. С 12.X. 1915 до 30.6 1916; а затем с 1.7 по 31.12 1916 и с 01.01.1917 по 28. 02. 1917. Archiv N.P. Ryžkova. Конверт № 8.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1 Стол. Отделение VI. 1917. № 59. 5 мая. Л. 5. Приложение к Определению Святейшего Правительствующего Синода. Рукопись.

²⁹ Там же. Л. 6–7об. Определение Святейшего Правительствующего Синода. Копия. № 2846.

³⁰ Соответствующее развернутое и аргументированное определение Святейшего Правительствующего синода Российской Православной церкви следовало опубликовать в Церковных ведомостях, что и было сделано 6 мая 1917 г. Об этом свидетельствует помета на документе.

³¹ *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 282. Автор воспоминаний утверждает, что «после Февральской революции наше правительство освободило Шепетицкого (так в тексте. – *ЗН.*) в обмен за настоятеля православной церкви в Праге Рыжкова», причем русские власти разрешили митрополиту выехать за границу, не дождавшись, как это полагалось, известия о приезде нашего подлежащего обмену пленного в пределы нейтральной страны.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1 стол. VI отделение. 1917. Бланк. Товарищ министра иностранных дел. Отдел о военнопленных. 22 мая 1917. № 2918 –В. Исх. 1059.

³³ Рыжкова Ариадна. Мой отец – протоиерей Николай Николаевич Рыжков (К 50-летию со дня смертного приговора над ним в Вене) // Хранители веры православной. Из жизни двух представителей Русской Православной Церкви в Чехии – священника Николая Рыжкова и владыки Сергия. Прага, 2004. С. 27.

³⁴ См.: *Nový chám vojenské posadky u sv. Mikuláše na Starém Městě Pražském*. Praha, 1916.

³⁵ РГИА. Ф. 831. Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода. Оп. 1 Д. 152. Л. 5–6. Докладная записка настоятеля русских православных церквей в Праге и Карлсбаде протоиерея Николая Рыжкова его Святейшеству Святейшему Патриарху Тихону. Петроград. 30 мая / 12 июня 1918 г. Регистрационный номер 4872. 8 (21) июня 1918.

³⁶ Там же. Д. 19. Л. 169–169об. Святейший Патриарх, Священный синод и Высший церковный совет Православной Российской Церкви. Постановление 12–15 июня 1918 г. № 47. Машинопись. На документе имеется личная подпись патриарха Тихона.

³⁷ Там же. Л. 169об.

³⁸ Архив русского храма в Карловых Варах. Удостоверение о кончине протоиерея Николая Рыжкова. 28 ноября (11 дек.) 1922 г. № 123.

³⁹ Там же. «Выписка из книги алфавита» кладбища Новодевичьего монастыря от 3 февраля 1920 г. Номер похоронного свидетельства № 398 2-го городского района порядковый № 182.

Н.С. Пилько (Москва)

Роль личности в истории: Рудольф Майстер

Рудольф Майстер, словенский генерал, поэт, интеллигент, сыграл важную роль в борьбе за Марибор в 1918 г. Благодаря его усилиям земли Нижней Штирии, заселенные словенцами, стали территорией Королевства СХС. В истории бывают моменты, когда исход той или иной ситуации зависит от инициативы и действий одного человека или, выражаясь словами Л.Н. Гумилева – пассионария¹. Таковым и явился Майстер.

Он родился 29 марта 1874 г. в городе Камник в семье финансового служащего Франца Майстера. В 1887 г. его отец скончался. И спустя три года семья переселилась в Люблян, где он продолжил обучение в гимназии. На становление его личности большое влияние оказала мать Франья, отец которой был учителем, органистом и народным поэтом. Именно она сумела привить ему любовь к своему народу, познакомила с его традициями и культурой. Уже в юные годы Майстер проявил большой интерес к поэзии. Его первые стихотворения на словенском языке были опубликованы в юношеской газете «Вртец». Лишившись кормильца, семья переживала не лучшие времена и находилась в довольно стесненных финансовых обстоятельствах. Возможность обучения в университете выглядела иллюзорной, поэтому в 1892 г. Рудольф, последовавший примеру своих друзей, поступил в кадетскую школу в Вене (Landwehr kadettenschule), которую закончил через два года и был направлен младшим офицером на службу в 25-й домобранский батальон в Любляне. Из сорока выпускников по успеваемости он занял одиннадцатое место.

В 1892 г. гимназисты Любляны создали тайное общество «Задруга», Майстер стал его «удаленным» членом, куда регулярно посылал свои стихи и наблюдения. Служба в армии не повредила его литературной деятельности. Его произведения регуляр-

но печатались в газете «Люблянски звон» (Ljubljanski zvon). А в 1904 г. вышел первый поэтический сборник «Поэзии». Он явился предсвадебным подарком его невесте Марице Стрегер, дочери известного люблянского врача. Это была образованная девушка, впоследствии ставшая одной из «первых дам» Марибора. Она занималась благотворительностью, детским образованием, возглавляла Словенское женское общество. В 1905 г. и в 1908 г. у молодой четы родились сыновья. В 1907 г. Майстер закончил офицерскую школу в Граце и получил чин капитана, но в 1908 г. был переведен в Пржемысль. Это назначение расценивалось им как ссылка, поскольку Галицию в Австро-Венгрии в шутку называли «Сибирью», и служба там не сулила ничего хорошего. Произошло это после событий в г. Птуй, где в сентябре 1908 г. состоялось заседание словенского общества Кирилла и Мефодия. Немецкие националисты напали на его участников, что вызвало волну протестных демонстраций в Любляне 18–20 сентября, на подавление которых была брошена армия. В итоге два демонстранта были убиты и десятки ранены². После расследования наказанию подверглись словенские офицеры, хотя они и не участвовали в означенных событиях. Среди них был и Майстер, которого перевели на службу в Галицию. В 1912 г. после серьезной болезни и годового лечения в Далмации и Египте он был переведен в Целье в Ландштурм. В Целье он органично влился в словенское общество. Особо теплые отношения у него сложились с Рафаэлем Салмичем, который был душой Драматического общества в Национальном доме³. Майстер также принимал активное участие в деятельности юношеского литературного общества «Кондор», которое издавало литературные листки «Савинья». Майстер способствовал изданию первого номера, подбирал статьи, написал передовицу. В дальнейшем, вплоть до 1914 г., он тесно сотрудничал с председателем общества Сречко Пунцером. В 1914 г. «Кондор» подвергся различным проверкам, началось расследование и изучение его деятельности австрийскими властями. Факт причастности Майстера к этому обществу установлен не был. В противном случае это могло стоить ему карьеры.

В 1914 г. его назначили управляющим военными складами в Мариборе. Немецкие мариборские шутники дали ему в связи с этим кличку «король моли». В 1916 г. он стал командиром окружного командования в Мариборе. В марте 1917 г. его перевели в Грац, где он получил чин майора. В Марибор вернулся летом 1917 г., где и оставался вплоть до распада монархии. На протя-

жении всех этих лет Майстер продолжал свою литературную деятельность. Общался со словенскими писателями и поэтами. Его дом стал одним из центров словенской культурной жизни, который посещал Иван Цанкар, Иван Хрибар, Йосип Стритар и другие представители словенской интеллигенции. Это был своего рода салон, где словенские художники, скульпторы, писатели и актеры всегда находили теплый прием.

Однако Майстер не оставался безучастным к событиям, происходившим в империи и на внешнеполитической арене. Он с воодушевлением принял Майскую декларацию, поддерживал стремление словенцев к независимости. После провозглашения 14 пунктов Вудро Вильсона Рудольф Майстер под псевдонимом Крайнци в мариборской газете «Словенски господар» (Slovenski gospodar) опубликовал стихотворение «Югославянский гимн».

Братья! На Триглаве пожары горят,
Жаркие костры, кровавые огни,
Словно сами архангелы
Обнажили огненные мечи!
Братья! Весна грядет наша,
Как буря быстра, мощна как волна.
На Родину нашу пришла она!
Тьму распылила, солнце открыла,
Солнце: Короля Матьяша день!
Братья! В строй и вперед!
День правды старой зовет!
Зовет нас стон Дравы и Адрии рев,
Черные кони подковами блещут,
Братья, в седло и поводья в ладонь,
И, Маккавейцы⁴, вперед!⁵

28 сентября был создан Национальный совет в Штирии. В него было избрано 9 представителей Всесловенской народной партии (ВНП) и 6 представителей Югославянской демократической партии (ЮДП). Председателем стал Карел Верстовшек (от ВНП), профессор мариборской классической гимназии, его заместителем – Франьо Росина (от ЮДП), адвокат, председатель словенского читательского клуба и глава мариборского кредитного банка, секретарем – Фран Воглар, профессор мариборской классической гимназии, казначеем – Франц Ковачич, профессор богословия. После создания Государства СХС Национальный совет стал

главным механизмом, который способствовал установлению словенского местного управления в Нижней Штирии⁶. Национальному совету в ближайшее время предстояло решить следующие задачи: создать специальный отдел по установлению границ с немецкой Штирией и Венгрией; в Нижней Штирии образовать отряды национальной охраны; создать специальный финансовый отдел; составить кадастр словенской и иностранной собственности; распространить деятельность Национального совета повсеместно⁷.

Несмотря на создание Национального совета, положение словенских земель оставалось весьма неопределенным. 16 октября вышел императорский манифест «К моим верным народам Австрии», в котором говорилось о новом внутреннем устройстве Цислейтании. В нем отмечалось, что «Австрия станет союзным государством, в котором каждый народ на землях где проживает, создаст свою собственную государственность. Город Триест с пригородом получит особый статус согласно желанию его населения. Это новое устройство никоим образом не касается целостности земель святой венгерской короны... Правительству приказано немедленно подготовить все дела для обновления Австрии. Что касается народов, на самоопределении которых будет создано новое государство, обращаюсь с призывом, чтобы они в этом великом деле сотрудничали с Национальными комитетами, которые должны быть созданы из представителей каждого народа»⁸. Но о словенской государственности в границах Австрии говорить не приходилось. Немцы, проживавшие на территории Каринтии и Штирии, не собирались расставаться со своими территориями и выступили против основных положений манифеста императора⁹. В газете «Марбургер цайтунг» (Marburger Zeitung) о словенцах написали, что они ненавидят немцев как самых злейших врагов¹⁰. Немецкие депутаты отметили, что «идея союзного государства... ошибочна. Трудности подобного вида государства увеличились бы в геометрической прогрессии. Лучше бы этот манифест вообще не был опубликован и остался бы в качестве последнего ошибочного рецепта австрийских государственных врачей». Манифест вызвал негативную реакцию и у словенцев. Югославянские депутаты заявили, что «ни на волос не отступят от своих требований».

Весть о создании Государства словенцев, хорватов и сербов застала Майстера в Мариборе. Образование Государства стало переломным моментом в истории словенского народа, который

впервые получил независимость. 29 октября верховный законодательный орган – Народное вече – заявил о выходе из Австро-Венгерской монархии. Государство провозглашалось суверенным с включением в его состав портового города Риека и югославянского населения бывшей империи Габсбургов, независимо от того на какой территории оно проживает. Вопрос о формах государственной власти и внутреннем устройстве югославского государства должно было решить Учредительное собрание. Временная же верховная власть в стране передавалась Народному вече словенцев, хорватов и сербов с местом пребывания в Загребе. Однако главной проблемой нового государственного образования стало то, что оно не получило и не могло получить официального признания, а следовательно, и границ. 31 октября Народное вече официально заявило о выходе из войны и о своей нейтральной позиции, однако силы Антанты не считали Государство СХС союзническим, несмотря на заверения в союзнической лояльности его политической элиты. Общую напряженность усиливало довольно агрессивное поведение Италии. Помимо этого у Государства СХС не было полноценного государственного аппарата и главное – армии, которая могла бы в случае агрессии защитить границы. Начался поиск пути для выживания. Хотя его рецепт был известен уже давно.

29 октября в типографии «Кирилла» состоялось заседание Национального совета Штирии, на котором присутствовал Майстер. На этом заседании он довольно резко отчитал Национальный совет за уступчивость немцам, особенно за то, что Национальный совет представляет немцам продовольственные квоты. Майстер писал: «Мне показалась наша услужливость неуместной, и в ходе заседания Национального совета 29 октября я еще раз подчеркнул, что мы должны, прежде всего, обеспечить Марибор, а уже потом предоставить немцам концессии»¹¹. На следующий день председатель Национального совета Верстовшек предложил немецким представителям обсудить национальный вопрос, однако получил отказ, который был мотивирован необходимостью решить экономические вопросы и проблемы безопасности. Переговоры о переходе власти к Национальному совету продолжались и 31 октября. Местные областные управы в Нижней Штирии уже находились под контролем словенцев, в то время как Марибор с немецким общинным советом и армией в любой момент мог перейти в наступление и уничтожить словенские завоевания. Кроме того, представители Национального совета никак не могли

решить, стоит ли свое влияние распространять на другие органы власти, поскольку они продолжали оставаться в руках немцев¹². Нерешенным оставался вопрос и о том, кому должны подчиняться военные подразделения в Мариборе и Нижней Штирии.

На заседании общинного совета Марибора, состоявшего из немцев, 30 октября было заявлено, что «свободно избранный общинный совет немецкого города Марибор, основываясь на инициативе президента Вильсона о праве народов на самоопределение, провозглашает частью нового немецко-австрийского государства город Марибор вместе с прилегающим к нему немецким экономическим предместьем»¹³, и что Марибора и Нижней Штирии без боя не отдаст¹⁴.

Жители города отреагировали на эти события весьма бурно. По свидетельству газеты «Словенски народ», словенская молодежь с воодушевлением восприняла весть о создании нового государства и провела мирную манифестацию. В ответ немецкая молодежь также вышла на улицы, но эта демонстрация имела весьма агрессивный характер: были разбиты окна в словенском ресторане «При ягнету», в домах словенцев, словенскую типографию «Кирилла» и Национальный дом забросали камнями¹⁵. В ответ на это лейтенант Иван Гранчер организовал словенскую манифестацию в которой приняли участие как военные, так и гражданские лица. Придя к Национальному дому, словенские солдаты сорвали с формы имперские знаки отличия. В связи с этим в газете «Истина» (Istina), политическом органе до последнего преданных Австрии словенцев, 2 ноября 1918 г. было написано: «Немцы, вытаращив глаза, смотрят, как происходит переворот. Не так давно они не хотели дать нам автономию, тормозили любое решение югославянского вопроса. Поэтому немцы стали могильщиками Австрии. Немецкая неуступчивость породила нашу свободу!»

1 ноября военный комендант полковник Антон Голик (Anton Holik) созвал командиров и старших офицеров мариборских военных частей для обсуждения сложившейся ситуации. Голик говорил о том, что городу угрожает опасность в лице возвращающихся с фронтов военных частей, армия грабит склады у железных дорог. Он также отметил, что для Марибора наступают тяжелые времена, поскольку через него проходит значительная часть поездов. Полковник предложил план, согласно которому можно было бы сохранить мир и порядок в городе. Однако в преамбуле говорилось, что Марибор принадлежит немецкой Австрии. Против подобной формулировки выступил Рудольф Майстер. Он заявил:

«Не признаю этого! Марибор провозглашаю югославской собственностью и от имени своего правительства беру в свои руки все военное командование в городе и во всей Нижней Штирии! Тот, кто будет на этой территории сопротивляться моей власти, предстанет перед моим военным судом!»¹⁶ После этих слов, как пишет Майстер в своих воспоминаниях, он осознал, что судьба Марибора теперь зависит от него. Он обратился к словенским военным, сказав, что взял на себя верховное командование и надеется, что, когда понадобится, солдаты встанут на службу Югославии. Эти слова вызвали высокую степень воодушевления¹⁷. По мнению заместителя бургомистра Карла Наско (Karel Nasko) тот факт, что Национальный совет Штирии получил свои военные подразделения, явилось существенной проблемой¹⁸. Его возмущал тот факт, что словенцы самовольно определили территории, на которых немецкие войска не могли функционировать. В итоге немецкий общинный совет пришел к заключению, что в любом случае в Мариборе должны остаться немецкие войска с тем, чтобы обеспечить безопасность немецких городских органов власти. В тот же день Майстер водрузил на здании областного правления словенский флаг. Поскольку звание майора не соответствовало тому уровню ответственности, который он возложил на себя, Майстер обратился к Национальному совету с просьбой возвести его в чин генерала, что вскоре и было осуществлено. Таким образом, он перескочил сразу две ступени на карьерной лестнице. Позднее Карел Верстовшек имел объяснение с Национальным правительством в Любляне.

Численность словенских солдат была невелика, а угроза, которую несли прибывающие с фронтов солдаты, становилась реальностью. Общинный совет также был обеспокоен вопросом обеспечения порядка в городе. Бургомистр Йохан Шмидерер (Johan Schmiderer) обратился к военному командованию и попросил, чтобы в городе осталась хотя бы часть немецких солдат для обеспечения безопасности. С этой целью было решено из добровольцев создать службу безопасности (Schutzwehr). 3 ноября Майстер заключил договор с немцами об объединении усилий по охране города. При этом немецкая сторона рассчитывала использовать этот шаг в свою пользу. Член исполнительного отдела нового военного объединения Хенрик Вастиан заявил следующее: «Мы должны вступить в отношения с противоположной стороной, с генералом Майстером, хотя это нам очень неприятно»¹⁹. Майстер понимал опасность подобного рода сотрудничества: «Мне с само-

го начала было ясно, что, создавая службу безопасности, местные власти имели в виду только одно: сохранить Марибор для себя»²⁰.

7 ноября Майстер пригласил к себе на службу 150 сербов, возвращавшихся из австрийского плена. Это привело к тому, что часть немецких железнодорожников объявила о забастовке, потребовав отстранить сербов. Забастовки железнодорожников стали в те дни обычным явлением. Так, например, немецкие служащие объявили забастовку, когда словенские студенты на вокзале сбили надписи на немецком языке. Она продолжалась до тех пор, пока «нанесенный ущерб» не был устранен.

9 ноября без одобрения Национального совета в Любляне Майстер провозгласил своего рода мобилизацию: «Граждане, югославяне! Мы получили новую, свободную и сильную родину. Но это не означает, что пришел конец нашим трудностям. Возвращаются к себе домой солдаты армий всех национальностей. Они тысячами проходят через наши земли, сжигая и грабя всех и вся на своем пути. Поэтому наш долг защитить свою родину, имущество и жизнь наших близких. С тем призываю всех мужчин, жителей Нижней Штирии, рожденных в 1879–1900 гг., явиться в Марибор и Целье к 18 ноября. Того, кто не явится в указанные сроки, мы будем считать дезертиром и предателем родины»²¹. Проведенная мобилизация значительно укрепила положение словенцев. Но Национальный совет СХС в Любляне подверг критике действия Майстера.

12 ноября 1918 г. была провозглашена Республика немецкая Австрия, в нее вошли территории, оставшиеся после распада Австро-Венгерской монархии. 15 ноября отдел по внешним делам Республики написал протестную ноту, осудив генерала Майстера и его действия в Нижней Штирии. Кроме того было отмечено, что Марибор, Птуй и Целье должны остаться в составе Австрии. В Люблян у посылались протесты, в которых говорилось и о незаконности мобилизации, которую 9 ноября 1918 г. начал проводить Майстер²². Однако численность немецких солдат возрастала. К 23 ноября она составила 1,5 тыс. солдат и 100 офицеров²³. Все это, несомненно, несло угрозу словенским интересам. К 20 ноября по городу распространились слухи, что немцы Марибора готовят манифестации с целью захватить власть в городе в свои руки. Для предотвращения этого Майстер разместил по городу и его окрестностям отряды с целью разоружения службы безопасности.

22 ноября временный парламент в Вене принял закон о землях и границах Республики, который определил: «Граница в Штирии

на востоке идет по языковой границе, затем по восточной границе Ленартского и Птуйского округов, до выхода р. Дравы из страны, оттуда через Прагерско на вершину Похорья и затем вдоль него до границы Каринтии южнее Дравограда, так что бассейн реки остается в границах немецких земель»²⁴. Это означало, что словенцы, проживавшие в Нижней Штирии и Каринтии, оставались в составе нового немецкого государственного образования. 23 ноября Майстер начал проводить разоружение немецких частей. Был захвачен почтамт и все почтовые отделения и телеграфы. Вскоре сложила оружие и служба безопасности. В тот же день часть 26-го сербского пехотного полка захватила г. Шпилье, что побудило австрийскую сторону перейти к переговорам о демаркационной линии. В Марибор прибыл полковник Рудольф Пасси. 27 ноября он заключил с Майстером договор о демаркационной линии, которая предусматривала, что части Штирийского пограничного командования займут линию Радгона – Придова – Шентвид при Вогаве – Ивник – Шентпавел – Словенски Шмихел – Крнски град – Бельяк – Шмохор. Но эта граница не была одобрена ни Веной, ни Любляной²⁵. Майстера обвинили в превышении своих полномочий и запретили вести переговоры относительно границ.

В начале декабря в Нижней Штирии началась всеобщая забастовка немецких железнодорожных служащих, что сделало практически невозможной связь между Марибором и другими словенскими землями. Майстер обратился за помощью в Любляну, которая предоставила в его распоряжение служащих словенской Южной железной дороги, что позволило быстро восстановить сообщение между Любляной и Марибором. Тем не менее, эта забастовка не помешала Майстеру 1 декабря захватить Радгону, 3 декабря Цмурек, Лучане, Радле у Дравы, Дравоград, Лабот и Шентпавел²⁶.

Последнее значительное событие, связанное с взаимоотношениями немцев и словенцев в Штирии произошло в конце января 1919 г., когда в Марибор прибыла делегация во главе с американским подполковником Шерманом Милесом для переговоров о границе. Помимо Милеса в делегацию входили, полковник Ле Рой Кинг, географ из американского генерального штаба майор Лоренс Мартин и профессор из Колумбийского университета в Нью-Йорке Роберт Кернер. В ходе своей работы комиссия пришла к заключению, что словенская часть населения не настроена проюгославски. В одном из своих сообщений о деятельности

комиссии Милеса, предназначенных Ивану Жоглеру, Эрлих сообщил, что из-за снежных заносов комиссия не посетила большей части словенских поселений в основных районах и передвигалась только по дорогам, вдоль которых проживает немецкое или онемеченное население. Кроме того, комиссия не посетила три района, населенных словенцами: долину реки Зила, территорию к северу от железной дороги Целовец–Бельяк и территорию севернее и северо-западнее от Целовца²⁷. Комиссия предложила провести границу по вершинам Караванк, а словенским вооруженным частям предписывалось покинуть Каринтию, пока не будет окончательно установлена государственная граница между Австрией и Королевством СХС. Реализация этого плана привела бы к тому, что 70 тыс. словенцев остались бы в Австрии. Выводы комиссии в итоге не были приняты во внимание, и они легли мертвым грузом в архив и были извлечены оттуда только в 1953 г.²⁸. Несмотря на то, что заключения Милеса, не были приняты во внимание, американская сторона продолжала настаивать на проведении границы по Караванкам.

Известие о приезде Милеса вызвало волнения немецкого населения. Люди покидали свои рабочие места и собирались на главной площади. Многие из них украшали себя немецкими символами. К часу дня площадь была полностью заполнена, туда прибыли ударные немецкие силы – железнодорожные служащие из Марибора и Студенец. Им противостояли незначительные словенские полицейские силы²⁹. Постепенно толпа начала выходить из под контроля, угрожая полиции отнять у них оружие. Раздались первые выстрелы, стрельба продолжалась не более половины минуты. Однако этого оказалось достаточно, чтобы породить панику. По некоторым данным, было убито пять человек, более тридцати ранено. Вскоре прибыло два военных патруля. Они должны были разобраться в том, что произошло. Венская пресса и пресса Граца трактовали эти события как лишнее доказательство неспособности словенских властей контролировать ситуацию, а также как словенскую национальную незрелость³⁰. На следующий день Майстер издал указ, в котором подчеркнул, что имевшие место волнения – это сопротивление его власти. Ввел чрезвычайное положение, комендантский час, запретил собрания и демонстрации. Был назначен срок 24 часа для сдачи оружия. Начались массовые увольнения немецких и пронемецки настроенных служащих, учителей, преподавателей.

Подобного рода действия не являлись чем-то новым, только раньше они проводились против словенцев Каринтии, Дравской долины с Похорьем и Штирии с Марибором³¹. Однако следует отметить, что так называемое «онемечивание» касалось не столько населения, сколько самих территорий. Словенцы сопротивлялись германизации в культурном плане, поэтому ассимиляция в основном осуществлялась при помощи экономического давления. В первую очередь, путем переселения на эти земли немецкого населения. Вопрос по Штирии был окончательно решен 29 августа 1919 г. Река Мура становилась границей между Австрией и Королевством СХС. Кроме того было решено, что Радгона переходит к Австрии, а Марибор к Королевству. С тем и была установлена граница в Штирии.

Что касается Каринтии, то здесь вопрос о границе решался несколько иным способом. Каринтийский ландтаг 25 октября 1918 г. принял решение, что Каринтия неделима. Несмотря на объединение Государства СХС и Королевства Сербии в декабре 1918 г., в Каринтии продолжались вооруженные столкновения. Главную вооруженную силу австрийцев составляли отряды Народной армии Австрии (Volkwehr), которая в феврале 1919 г. была пополнена добровольцами. 5 декабря 1918 г. Каринтийский ландтаг принял решение сопротивляться всем попыткам «югославских отрядов» продвинуться вперед³². Первое наступление по всей линии австрийские силы начали 5 января 1919 г. 7 января они перешли реку при Боровлье и оттеснили словенские части до подножья Караванк, тем самым были потеряны значительные территории. 19 января было подписано перемирие, согласно которому граница проходила по линии, на которой были остановлены сражения. После того, как стало ясно, что Королевство СХС не получит тех территорий в Каринтии, на которые рассчитывало, 29 апреля 1919 г. перемирие было нарушено. В результате проведенной в начале апреля мобилизации, было образовано пять отрядов: лаботский, каринтийский, езерский, любельский и есеницкий. Лаботским командовал Майстер. Словенские части перешли демаркационную линию. 2 мая австрийцы начали контрнаступление. В итоге словенские части распались и отошли в Межишскую долину. Австрийцы продвинулись до Словень Градца. В июне началось новое наступление словенцев, в котором также участвовал Майстер. Оно закончилось тем, что был захвачен Целовец и Госпосветское поле.

Споры об установлении границы продолжались довольно долго. 12 мая 1919 г. «Совет Четырех»³³ принял решение провести границу между Австрией и Королевством СХС по Караванкам, судьбу Целовецкой котловины должны были решить путем плебисцита. Югославская сторона приняла решение создать альтернативный вариант установления границы, который был разработан Жоглером, О. Рибаржем и Л. Эрлихом³⁴, в котором они предложили территорию, где будет проведен плебисцит разделить на две части по черте от вершины Малошко Полдне в Караванках, далее западнее от Башкега озера до Дравы, по Драве до Рожека, по Глинице и Глини до устья Крки и по Крке вверх. Территориальная комиссия этого предложения не одобрила. 30 мая 1919 г. было принято решение провести плебисцит во всей Целовецкой котловине. Это предложение все же было более выгодным для югославской стороны, поскольку больше не поднимался вопрос о проведении границы только по Караванкам³⁵. В этом районе немцы имели большинство и исход плебисцита был предрешен. 31 мая югославская делегация отметила, что не может избавиться от ощущения, будто великие державы любым путем хотят изгнать югославы из Каринтии. Кроме того, указывалось, что за все время работы конференции не было принято ни одно из многочисленных югославских предложений³⁶.

4 июня «Совет Четырех» принял решение разделить Целовецкую котловину на две зоны: «А» и «В». Зона «А» включала в себя юго-восточную часть Целовецкой котловины, что составляло 1768 кв. км. с 73 488 людьми, из которых 69,18% считали словенский языком общения, и зона «В», куда вошел Целовец с окрестностями, что составило 352 кв. км. В этой зоне голосование должно было состояться только в том случае, если бы большинство в зоне «А» проголосовало за Королевство. Таким образом, плебисцит сначала должен был пройти в зоне «А», потом в зоне «В». В этом районе продолжало функционировать прежнее руководство под контролем международной плебисцитной комиссии, что полностью исключало словенцев из управления этими территориями³⁷.

Плебисцит состоялся 10 октября 1920 г. Проголосовало почти 96% жителей, обладавших правом голоса. В пользу Австрии выступило 22 025 человек, что составило 50,04% от числа голосовавших. За присоединение к Королевству СХС – 15 279 человек или 40,96%. Поскольку на территории зоны «А» до войны проживало свыше 50 тыс. словенцев (что составляло более 69%) и менее 31% составляли немцы, то, по крайней мере, 10 тыс. словенских голо-

сов было отдано за Австрию³⁸. Каринтийские словенцы в 1920 г. окончательно решили остаться в Австрии. «Признать результаты плебисцита, – писал Б. Графенауэр, – значит признать все то насилие и те ошибки, которые свершили немецкие империалисты в Каринтии за последние сто лет над словенским населением»³⁹.

Дальнейшая карьера Майстера была не столь яркой. Генерал покинул Каринтию незадолго до плебисцита и вернулся в Марибор, где с 18 сентября 1919 г. в течение года был военным комендантом города. С 1921 по 1923 г. он был председателем комиссии по установлению границы с Италией. В 1923 г. – Майстер отправлен на пенсию. Скончался Майстер в июле 1934 г. Проводить генерала в последний путь пришли 25 тыс. человек.

Становление северной границы Королевства проходило весьма сумбурно. Тот, факт, что земли Нижней Штирии оказались в составе нового югославского государства, явился результатом инициативы Рудольфа Майстера, который, не желая мириться с пассивностью Национального совета в Любляне, взял ситуацию под свой контроль. Что касается границы с Каринтией, то она была практически сразу взята под надзор международных сил, хотя это не сумело удержать стороны от кровопролития. Решение словенского населения Каринтии остаться в составе Австрии в первую очередь объясняется сугубо экономическими интересами. В новом Королевстве СХС не было железнодорожной связи между словенскими землями и Белградом. Словенское население, которое было представлено, прежде всего, крестьянством, не видело для себя иного рынка сбыта, кроме как австрийского, неизвестность, которая их ждала в новом государстве, пугала. Поэтому ни национальная идея, ни страх перед ассимиляцией не могли перевесить чашу весов, на которой покоилось экономическое благосостояние, пусть и относительное⁴⁰. Несомненно, что со стороны австрийских властей, словенское население испытывало притеснения, но здесь действовала логика: если на протяжении нескольких столетий словенцев не удалось ассимилировать, то почему это должно произойти сейчас? Несмотря на то, что согласно Сен-Жерменскому договору, Австрия обязалась обеспечить словенцам языковые права, эти обещания были выполнены лишь частично. Словенцы продолжали подвергаться притеснениям, многие в итоге были вынуждены переселиться в Королевство СХС. Немалую роль в давлении на словенское население сыграла организация «Отечество – Каринтия» (Kertner Heimatdienst).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2008. С. 334.
- ² *Hartman R.* Rudolf Maister. Ljubljana, 1989. S. 82.
- ³ *Ibid.* S.33.
- ⁴ См.: Библия. Первая книга Маккавейская. 2, 66.
- ⁵ Перевод Пилько Н.С.
- ⁶ *Jenuš G.* Avstrijski odzivi na Maistrov prevzem oblasti v Mariboru in na Spodnjem Štajerskem v letih 1918–1919 // Arhivi 36. 2013. Št. 2. S. 222.
- ⁷ *Hartman B.* Rudolf Maister, general in pesnik. Ljubljana, 1998. S. 35.
- ⁸ *Ude L.* Voj za Mariborin Štajersko Podravje 1. 1918–1919 // Zgodovinski časopis. XV. 1916. S.72.
- ⁹ *Ibid.* S.73.
- ¹⁰ Marburger Zeitung. 18.10.1918.
- ¹¹ Slovenec.1928.01.11. Št. 251.
- ¹² *Jenuš G.* Op. cit. S. 223.
- ¹³ Marburger zeitung. 1918. № 51.
- ¹⁴ *Jenuš G.* Op. cit. S. 222.
- ¹⁵ *Ude L.* Op. cit. S.78.
- ¹⁶ *Jenuš G.* Op. cit. S. 224.
- ¹⁷ Slovenec. 1928. 01.11. Št. 251.
- ¹⁸ *Jenuš G.* Op. cit. S. 224.
- ¹⁹ *Ude L.* Op. cit. S. 96.
- ²⁰ *Ibid.* S.101.
- ²¹ *Ibid.* S.103.
- ²² *Jenuš G.* Op. cit. S. 225.
- ²³ *Ibid.* S. 226.
- ²⁴ *Нечак Д., Рене Б.* Перелом 1914–1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне. Любляна, 2012. С. 374.
- ²⁵ *Guštin D.* Sporadi za meje//Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S.198.
- ²⁶ *Ude L.* Op. cit. S. 81–88.
- ²⁷ *Perovšek J.* «V zaželjeni deželi». Ljubljana, 2009. S. 95.
- ²⁸ *Ibid.* S.91.
- ²⁹ *Jenuš G.* Op. cit. S. 229.
- ³⁰ *Ibid.* S. 231.
- ³¹ *Ude L.* Op. cit. S.68.
- ³² *Guštin D.* Op. cit. S.215.
- ³³ Или Большая четвёрка – лидеры ведущих стран-союзников, встретившихся в январе 1919 г. после окончания Первой мировой войны на Парижской мирной конференции. В неё входили Вудро Вильсон (США), Дэвид Ллойд-Джордж (Великобритания), Витторио Орландо (Италия) и Жорж Клемансо (Франция).

³⁴ *Grafenauer B.* Slovenska Koroška v diplomatski igri 1919. S. 327.

³⁵ *Perovšek J.* Op. cit. S. 103.

³⁶ *Ibid.* 104.

³⁷ *Grafenauer B.* Op. cit. S.350.

³⁸ *Нечак Д., Пене Б.* Перелом 1914–1918... С. 382.

³⁹ *Grafenauer B.* Op. cit. S. 31.

⁴⁰ *Пилько Н.С.* Распад Австро-Венгерской империи и вопрос о югославской границе после Первой мировой войны // *Slovenika III.* Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. М., 2014. С. 249.

Ю.В. Лобачева (Москва)

Общественная и благотворительная деятельность Михаила Пупина в США накануне и в начале Первой мировой войны

Начало Первой мировой войны вызвало большой отклик в кругах славянских эмигрантов в США. Уже в сентябре 1914 г. российский консул в Неме и Сиэтле Н. Богоявленский писал в МИД: «Настоящая европейская война вызвала громадный патриотический подъем и среди русских, и среди наших соплеменников славян; вызвала к жизни именно племенной, славянский патриотизм... Хорваты, черногорцы и сербы, как из Сербии, так и австрийские вполне на нашей стороне и все время находятся в приподнятом настроении»¹.

Со временем прославянские патриотические симпатии югославянских эмигрантов² (в первую очередь сербов) получили выражение в организации ими широкой гуманитарной и иной помощи Сербии, а позднее и в оформлении политического движения сербских, хорватских и словенских переселенцев в пользу государственного объединения югославянских народов.

Данная статья посвящена рассмотрению малоизученного в отечественной историографии сюжета – общественно-политической и благотворительной деятельности в 1914–1915 гг. видного американского ученого сербского происхождения, профессора и общественного деятеля Михаила Пупина. А между тем исследование жизни и деятельности этого незаурядного человека представляет немалый научный интерес уже хотя бы потому, что в то время он являлся одним из наиболее выдающихся и известных представителей сербов в США как среди самих переселенцев, так и в кругах американского общества, был активным организатором гуманитарных и иных акций в пользу Сербии в годы Первой мировой войны, а весной 1919 г. помогал делегации Королевства сербов, хорватов и словенцев в ее работе на Парижской мирной конференции.

Заметим, что о М. Пупине и его деятельности более или менее подробно, с различными акцентами и характеристиками, писали многие его современники³. Статьи о нем не были редкостью на страницах американских и эмигрантских периодических изданий⁴.

Некоторые свидетельства о Пупине, относящиеся ко времени Первой мировой войны, обнаружены нами и среди документов московских архивов (Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)). А его жизнь и деятельность до сих пор привлекают к себе пристальное внимание исследователей из разных стран⁵.

В качестве небольшой предыстории к основной теме статьи приведем некоторые биографические сведения о нашем герое⁶. Михаил Пупин родился 4 октября 1858 г.⁷ в селе Идвор, в Банате, являвшемся тогда частью Австрийской империи (Военной Границы), в сербской крестьянской многодетной семье. Родители – Константин и Олимпиада – воспитывали его в духе поддержания и сохранения старых сербских традиций, а также дали ему представление о ценности знаний и необходимости получения образования, хотя сами они были неграмотными. Сначала Михаил учится в школе в Идворе, затем в Панчево и Праге, и, наконец, в 1874 г. отправляется в Нью-Йорк.

Оставив позади лишения первых месяцев в чужой стране и несколько лет испытаний, упорного труда и подготовки, в 1879 г. М. Пупин поступает в Колумбийский колледж в Нью-Йорке (с 1912 г. – Колумбийский университет). Он заканчивает его с отличием в 1883 г. и одновременно с этим – буквально за один день до получения диплома – успешно сдает экзамен и получает американское гражданство. Для продолжения образования в области точных наук Пупин едет в Европу – сначала в университет в Кэмбридже, а затем – в Берлинский университет, откуда, защитив докторскую диссертацию, возвращается в 1889 г. в Колумбийский колледж в качестве преподавателя математической физики на Отделении электротехники. В 1901 г. он становится профессором и продолжает свою научную и преподавательскую деятельность в нем до 1929 г.⁸.

За 40 лет научной работы Михаил Пупин запатентовал 24 изобретения (преимущественно в области телеграфии, телефонии и радиотехники) и опубликовал несколько книг. В течение всей жизни он получил много медалей и дипломов в знак признания его заслуг в сфере инноваций. Вклад Пупина в науку был отмечен

еще и тем, что он неоднократно избирался членом и главой американских научных учреждений и объединений, являлся членом французской, сербской и югославской академий наук, а также носил звание почетного доктора наук ряда американских и европейских университетов. Наконец, его автобиографическое произведение под названием «От иммигранта к изобретателю», увидевшее свет в 1923 г., было годом позже удостоено Пулицеровской премии⁹.

Со времени отъезда в США М. Пупин только шесть раз (1883, 1884, 1886, 1902, 1919, 1920) был на родине. Однако он никогда ее не забывал, чтит родные места и сербские традиции и, как мог, помогал Идвору, Сербии и Югославии¹⁰. Вот, к примеру, фрагмент из его воспоминаний о первой поездке на родину (в 1883 г.): «К заходу солнца показался Белград. Его величественный вид наполнил меня каким-то воодушевлением, и моя речь потекла плавно. Я приветствовал Белград, как акрополис всех сербов, и выразил надежду, что, может быть, в недалеком будущем он станет столицей всех южных славян... Все, что я видел в Австро-Венгрии, казалось мне маленьким и неприглядным, но Белград предстал предо мной таким, как будто его гордая голова собиралась коснуться звезд. История многострадального сербского народа была связана с Белградом, и это поднимало его в моем воображении ввысь. Мне очень хотелось остановиться там и взобраться на вершину горы Авалы, вблизи Белграда, и оттуда послать приветствия героической Сербии...»¹¹.

Уже живя в Америке, он изменил свое имя на Михаил Идворский Пупин, подчеркивая свое происхождение. И именно верность Сербии и сербскому народу характеризует его общественную и гуманитарную деятельность. М. Пупин умер 12 марта 1935 г. в Нью-Йорке, где и был похоронен.

* * *

Благотворительную и общественную деятельность М. Пупина в пользу сербских переселенцев можно проследить еще до Первой мировой войны. Так, в 1906 г. он пожертвовал деньги на организацию Сербской православной церкви в Америке, а позже принял в этом и более активное участие¹². Кроме того, Пупин входил в состав «Североамериканской Гражданской Лиги для иммигрантов», деятельность которой была направлена на улучшение положения переселенцев в Нью-Йорке. Он также поддержал инициа-

тиву обратившихся к нему чехов, словаков и литовцев совместно основать организацию для оказания помощи славянским эмигрантам и в 1907 г. стал председателем «Славянского переселенческого общества». Канцелярия Общества находилась в Нью-Йорке, а в 1909 г. с помощью и на средства Хэлен Хартли Дженкинс, американской благотворительницы и знакомой М. Пупина, там же был открыт для него и «Славянский переселенческий дом», содержание которого ими и финансировалось¹³.

Известие об аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. послужило стимулом для всплеска национально окрашенных акций сербских эмигрантов в Америке, тогда началось и участие в их общественной жизни М. Пупина¹⁴. Благодаря своей деятельности, он скоро становится авторитетным и известным представителем сербов в США. В 1909 г. Пупин был избран председателем единой сербской организации – Савеза Сједињених Срба «Слога» (Союза объединенных сербов «Согласие»)¹⁵. А в 1911 г. – назначен Почетным генеральным консулом Королевства Сербия в США и Канаде (и оставался им до 1920 г.)¹⁶.

В качестве консула Пупин достаточно много сделал для Сербии и американских сербов. Для начала он открыл и содержал на свои средства канцелярию консульства в «Сербском доме» в Нью-Йорке¹⁷.

Во время Балканских войн М. Пупин и возглавляемый им союз «Согласие» занимались организацией добровольческого движения сербов и черногорцев из США в Европу¹⁸ и сбором пожертвований для Сербского Красного Креста в Белграде и Цетинье¹⁹. Вместе с этим сербский консул развернул большую работу по ознакомлению американцев с ситуацией в Сербии и Черногории. Он регулярно давал американским журналистам информацию об этих странах, готовил статьи для сербской и американской прессы, читал лекции в известных клубах, больших церквях и школах. Его статьи печатались в ведущих американских газетах и имели известное влияние на американское общество²⁰. Наконец, по его инициативе начала выходить ежедневная сербская газета – «Српски Дневник» («Сербская ежедневная газета»), она печаталась в типографии «Сербского дома» в Нью-Йорке и рассылалась по всем сербским колониям в США²¹.

Таким образом, обретя признание и прочное положение в научной среде и американском обществе, М. Пупин за короткое время получил известность и как сербский общественный лидер, де-

тельность которого в пользу сербов и Сербии продолжилась и в годы Первой мировой войны.

Обращаясь к событиям лета 1914 г., заметим, что известия об убийстве 28 июня в Сараево австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда сразу же вызвали реакцию в среде югославянских эмигрантов в Америке. Сербские переселенцы – как из Сербии, так и из австро-венгерских югославянских земель – встали на сторону Сербии. Когда же Австро-Венгрия объявила Сербии войну, некоторые из них поспешили отправиться в качестве добровольцев в ряды сербской армии. Сербский союз «Согласие» в Нью-Йорке вновь предоставил им всю возможную помощь. Поддержал это мероприятие и Центральный комитет «Сербской народной обороны в Америке» («Српска Народна Одбрана у Америци»). М. Пупин и секретарь Комитета Вид Вуйич договорились о льготных условиях отправки волонтеров. По данным «Согласия», с августа до конца декабря 1914 г. в Европу отправилось без малого 4000 человек²².

Одновременно с этим М. Пупин призвал сербов в Америке начать сбор пожертвований для Сербского Красного Креста, обратившись к сербской прессе за поддержкой в агитации добровольцев и оказании помощи Красному Кресту. Эмигранты и их газеты откликнулись на этот призыв. В Нью-Йорке был образован упомянутый выше Центральный комитет «Сербской народной обороны в Америке», который разместился в «Сербском доме», а его председателем избран М. Пупин. Все члены комитета выполняли свои обязанности бесплатно, заседания проводились еженедельно. Центральный комитет функционировал с августа 1914 г. до февраля 1917 г., принимая и передавая пожертвования для Сербского Красного Креста. Общая их сумма составила около 275 000 долларов. Деятельность Комитета освещалась в сербской печати и была доступна контролю каждого, кто сделал пожертвование. На протяжении существования Комитета его работу активно поддерживали газеты «Србобран» («Защитник сербов») и «Српски Дневник» в Нью-Йорке, а также «Српски Гласник» («Сербский вестник») в Сан-Франциско, постоянно публикуя призывы к переселенцам об участии в добровольческом движении и сборах помощи для Красного Креста²³.

В феврале 1917 г., по предложению Милана Прибичевича, представителя сербского правительства в США²⁴, и Любомира Михайловича, сербского посланника в Вашингтоне²⁵, Центральный комитет в целях повышения эффективности работы был преоб-

разован в Главный комитет «Сербской народной обороны». Вскоре после этого М. Пупина попросили оставить пост его председателя, что он и сделал, а организацию возглавил Милош Тривунац²⁶. Документы Главного комитета показывают, что в 1917–1918 гг. в пользу Сербского Красного Креста были собраны и переданы существенные финансовые средства²⁷.

Кстати сказать, благотворительную помощь Сербии из-за океана с начала войны оказывал Американский Красный Крест, а также некоторые другие организации и сочувствовавшие сербскому народу видные американские общественные деятели (Х.Х. Дженкинс, Джон Фротингхам и другие)²⁸.

Вместе с уже отмеченными мероприятиями в пользу сербского народа во время войны М. Пупин взял на себя еще и роль публичного выразителя и представителя его национальных интересов в кругах славянских эмигрантов и американской общественности, ознакомление которой с сербским вопросом имело большое значение.

Летом 1914 г. он впервые выступает с публичными речами в связи с военными событиями – в печати, на собраниях переселенцев и перед американской аудиторией. Его выступления в американской прессе в ходе войны были посвящены в основном двум большим темам: 1) причины, перспективы и последствия войны; 2) конкретные действия в целях оказания помощи Сербии, пропаганды ее военных целей и борьбы с пропагандой ее врагов. Так, 27 июля 1914 г. «Нью-Йорк Таймс» опубликовала заявление М. Пупина о причинах международного июльского кризиса и его возможном дальнейшем развитии. Та же газета 2 августа поместила отчет своего корреспондента о съезде сербов, чехов, герцеговинцев, боснийцев, черногорцев, хорватов и представителей других славянских народов, состоявшемся накануне в Опера Хаус в Нью-Йорке и отличавшемся антиавстрийскими настроениями, и выступлении на нем М. Пупина²⁹.

В автобиографии Пупин мало пишет о своей общественной и гуманитарной деятельности, однако упоминает речь, произнесенную им в Принстонском университете в связи с австрийским ультиматумом Сербии. «В 1914 г., – вспоминает он, – я был первым, кто был приглашен в Принстон выступить с речью по поводу австрийского ультиматума Сербии. Я был гостем ныне покойного Мозеса Тейлора Пайна³⁰... Студенты приняли мою речь с энтузиазмом. Две недели спустя перед ними выступил с речью Дернбург³¹. Они приняли его в штыки и сорвали собрание»³². Наконец, 17 ноя-

бря 1914 г. в Нью-Йорке Пупин читает лекцию об участии сербов в войне³³.

Заметим, что накануне и в начале войны югославянские переселенцы за океаном поддерживали различные политические опции. Некоторые из них встали на сторону Австро-Венгрии, другие – немногочисленные хорваты и большинство сербов – разделяли общие идеи народного единства и объединения югославян, третьи выступили в защиту собственных национальных (сербских, словенских или хорватских) интересов. Михаил Пупин отстаивал, прежде всего, интересы сербского народа. Не удивительно, что его позиция и некоторые заявления – например, в «великосербском» духе – подвергались критике оппонентов, в частности, на страницах хорватских газет³⁴.

Впрочем, противники М. Пупина нередко встречались и в кругах сербов³⁵. Так, в марте 1916 г. Б.Т. Мартинович, предположительно, редактор сербской газеты «Србобран», направил обширное письмо в Российское посольство в Вашингтоне, в котором сербский консул представлен в весьма сомнительном свете³⁶.

* * *

Как и в начале войны, в 1915 г. основным содержанием деятельности М. Пупина являлись организация благотворительной помощи Сербии и отправка добровольцев в Европу, а также публичные выступления в поддержку сербов. Однако в ней появились и некоторые новые компоненты, о которых будет сказано ниже.

Говоря о благотворительной активности М. Пупина, следует назвать несколько мероприятий. Во-первых, в феврале 1915 г. по инициативе Пупина и американки Мабел Груйич (супруги сербского дипломата С. Груйича) в Нью-Йорке был образован специальный комитет помощи сербскому населению «Сербский земледельческий комитет помощи» (Serbian Agricultural Relief Committee), который вскоре расширил свою деятельность и изменил название на «Комитет помощи Сербии» (Serbian Relief Committee). Этот комитет действовал под покровительством княгини Елены, супруги русского князя Иоанна Константиновича³⁷, и жен британского, французского и российского послов в Вашингтоне. В его состав входили выдающиеся представители научной и академической среды США, преимущественно специалисты в области медицины. Центр этой организации находился в Нью-Йорке, но сам Комитет действовал и собирал пожертвования на всей территории Америки³⁸.

В рамках работы Комитета особо отметим деятельность М. Груйич и Елены Лозанич³⁹, не раз объехавшей США и Канаду, знакомя американскую общественность с историей и нуждами сербского народа и собирая для него помощь. Полученные Комитетом средства передавались в Сербию на благотворительные и другие цели – в пользу сирот, беженцев, на подъем сельского хозяйства и др. Например, во время эпидемии тифа была выделена немалая сумма на проекты Американского Красного Креста в Сербии⁴⁰.

Подчеркнем, что М. Пупин не только основал, но и участвовал в работе этого Комитета. Возможное содействие оказали и сербские организации – в частности, «Согласие» и Центральный комитет «Сербской народной обороны»⁴¹.

Во-вторых, к слову о помощи Американского Красного Креста сербам, в марте 1915 г., в связи со вспышкой эпидемии тифа в Королевстве, он выступил с предложением направить туда на собственные средства и при поддержке Фонда Рокфеллера санитарную миссию. Об этом плане уведомили и М. Пупина, попросив его получить в Министерстве иностранных дел Сербии официальное приглашение для нее от сербского правительства. И как только оно было получено, 17 марта 1915 г. совместная миссия Американского Красного Креста и фонда Рокфеллера отбыла из Нью-Йорка в Салоники. В нее вошло 34 врача, позже ее состав расширился до 45 человек. Первые участники прибыли в Сербию 9 апреля 1915 г. В течение следующих месяцев миссия оказывала существенную помощь в лечении тифа и других болезней медицинским организациям на местах и прилагала усилия для улучшения общих санитарных условий в армии и среди населения⁴².

В своей книге М. Пупин с гордостью писал об Америке, в частности, отмечая ее гуманитарную помощь сербам во время войны: «Она является той единственной великой державой, которая проповедует умеренность и безоговорочно требует полной справедливости к маленьким странам... Мужчины и женщины Америки спешили на фронт и там, среди опасностей и тяжелых условий войны, ухаживали за больными и ранеными. Они кормили голодных и одевали раздетых и нуждающихся. Они делали это еще до вступления Америки в войну. Нужно ли мне напоминать вам, что американская миссия спасла в 1915 г. Сербию от ужасной эпидемии тифа, во время которой погибло несколько американцев, похороненных теперь на сербской земле»⁴³.

И, наконец, упомянем еще одно событие в связи с гуманитарной деятельностью М. Пупина. 27 июня 1915 г. в Сербию при

финансовой поддержке «Комитета милосердия» (Committee of Mercy) направилась миссия Колумбийского университета. Сама идея отправки этой миссии, состоявшей в основном из студентов-медиков, принадлежала М. Пупину и привлекла к себе определенное внимание американской прессы⁴⁴.

В 1915 г. он был задействован и в деле организации добровольческого движения югославян. Интерес к нему проявило еще в 1914 г. черногорское правительство. В январе 1915 г. из Нью-Йорка в Европу отправились 254 человека. С апреля по октябрь 1915 г. в США действовала специальная черногорская миссия, которой удалось за это время набрать около 1900 добровольцев, проследовавших через Канаду в Сербию и Черногорию⁴⁵.

* * *

Михаил Пупин был, несомненно, человеком с широким кругом интересов и занятий. Так, среди материалов АВПРИ нам встретилось несколько документов, в которых говорилось об идее организации «курсов практического изучения России» и участии в этом Пупина. В телеграмме от 26 марта 1915 г. российский посол в Вашингтоне Ю.П. Бахметев сообщал министру иностранных дел С.Д. Сазонову следующее: «Проявлявшееся здесь с начала войны сознание необходимости развить торговые сношения с Россией и освободиться от контроля этих сношений Германией на днях получило новый толчок благодаря статьям Сыромятникова⁴⁶, постепенно подавшего, между прочим, мысль об учреждении здесь курсов практического изучения России. Профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке – Пупин и Принс⁴⁷ – деятельно поддерживают эту мысль.

Первый из них – сербский генеральный консул в Нью-Йорке, пользующийся выдающимся положением в научных кругах, надеется собрать среди заинтересованных в развитии русской торговли предприятий все необходимые на это средства, и задача эта была бы в значительной степени облегчена ему, если бы он мог получить от Вашего Высокопревосходительства письмо с выражением сочувствия делу открытия в Америке курсов практического изучения России, о чем он убедительно просит. Считаю долгом со своей стороны, поддержать эту просьбу профессора Пупина, которого могу лично рекомендовать, как преданного и талантливого сторонника России, держащегося при этом самых хороших убеждений»⁴⁸.

С.Д. Сазонов, в свою очередь, одобрил идею открытия этих курсов. «Разделяя Ваше мнение по изложенному в ней вопросу, – отвечал он, – прошу Вас написать Пупину, что, по ознакомлении с его предложениями, я поручил Вам выразить ему полное мое сочувствие делу открытия в Америке курсов практического изучения России и надеюсь, что они будут способствовать укреплению дружественных отношений между Америкой и Россией»⁴⁹. О дальнейшей судьбе этого начинания нам известно, увы, только то, что курсы должны были начаться летом 1915 г.⁵⁰.

* * *

Рассказ об общественной и национально-политической деятельности М. Пупина в 1915 г. предполагает и прояснение вопроса о его отношении и участии в югославянском движении, зародившемся в Европе в начале Первой мировой войны и имевшем целью освобождение австро-венгерских югославын от власти Габсбургов и их государственное объединение с Сербией. Инициировали и направляли это движение сербское правительство во главе с премьер-министром Николой Пашичем и Югославянский комитет – политическая организация югославянских деятелей, эмигрировавших из Австро-Венгрии в Европу, председателем которой стал Анте Трумбич⁵¹. Они рассчитывали на идеологическую и практическую поддержку дела объединения и со стороны югославянских переселенцев в Америке.

При содействии сербского руководства в январе 1915 г. в США оправляется делегат Комитета Франко Поточняк для установления связи с югославянскими эмигрантами и пропаганды среди них интеграционных идей. Его намерением было получить от сербских, хорватских и словенских переселенцев единогласное заявление в поддержку тезисов о народном единстве югославын и их стремлении к государственному объединению хорватов, сербов и словенцев из Австро-Венгрии с сербами из Сербии, что подтвердило бы легитимность деятельности Комитета в пользу югославянского объединения⁵².

24 января, на следующий день по прибытии в Нью-Йорк, Ф. Поточняк встретился с М. Пупиным и рассказал ему о цели своей командировки в Америку и участии в этом сербского правительства и Югославянского комитета. По словам Поточняка, Пупин ответил ему, что «сербы в Америке, все без исключения, душой и телом стоят вместе с Сербией и за нее». И среди них, со-

ответственно, нет необходимости проводить дополнительную агитацию, они и так охотно откликнутся на любой призыв, поступающий из Сербии. Сам Пупин отнесся с симпатией к деятельности Поточняка, обещав поддержку и других сербов, и посоветовал ему сосредоточиться на агитации в крупных колониях хорватов и словенцев, что он и сделал⁵³.

Уладив все вопросы с видными представителями хорватов и части словенцев в ходе поездки по США, Поточняк снова встретился с Пупиным, изложив ему ситуацию и план созыва съезда делегатов от сербских, хорватских и словенских обществ и видных югославянских деятелей в Америке, не принадлежащих к каким-либо организациям. По словам Поточняка, тот одобрил идею югославянского съезда, а также подготовленный им текст обращения к эмигрантам, а затем и резолюцию будущего конгресса⁵⁴.

10–11 марта 1915 г. в Чикаго состоялся первый съезд представителей югославянских колоний США и Канады, выступивших в пользу государственного объединения сербов, хорватов и словенцев из Австро-Венгрии с сербами Королевства Сербия⁵⁵. Делегаты единогласно утвердили резолюцию, включавшую пункты о народном единстве сербов, хорватов и словенцев; необходимости освобождения югославян, проживавших в Австро-Венгрии, от власти Габсбургов и их стремлении к объединению в одном государстве с сербами из Сербии. Эти положения резолюции стали основой первой политической программы югославянского объединительного движения в США. И именно такая демонстрация поддержки югославянских идей – сам конгресс югославян и их коллективное заявление – и была нужна Югославянскому комитету для обоснования его деятельности.

В силу некоторых обстоятельств М. Пупин не присутствовал на конгрессе, но прислал приветственную телеграмму Ф. Поточняку и другим участникам, в которой, в частности, говорилось: «Хотя меня лично не будет с Вами, я буду с Вами сердцем и душой. Я уверен, что наши братья на Югославянском съезде с достоинством и героически выразят свое желание, которое есть в сердце свободного человека и каждого югославянского патриота. Оно заключается в том, что серб, хорват и словенец должны получить каждый для себя свою политическую, экономическую и духовную свободу, и тогда действовать вместе как три равноправных брата. В этом объединении заключается не только единственное спасение Югославян, но и светлая надежда на славное и блестящее будущее»⁵⁶. Как видим, здесь М. Пупин выступает за югославянское

объединение на основе обретения полной свободы всеми народами и равноправия сербов, хорватов и словенцев. Мысль же о народном единстве югославян он, похоже, не разделял.

Добавим, что 12 марта 1915 г. участники конгресса образовали «Народный югославянский комитет», задачей которого было способствовать реализации принятых положений, организовывая деятельность переселенцев в пользу интеграции. Его состав формировали по 11 человек от сербов, хорватов и словенцев, а председателем был избран Анте Бьянкини⁵⁷. В списке членов этого комитета значился и М. Пупин⁵⁸.

Югославянский комитет не только способствовал формированию политического объединительного движение югославян за океаном, но и в дальнейшем поддерживал его. По возвращении в Европу Франко Поточняк предложил кооптировать в состав Комитета некоторых югославянских лидеров из США, что и было сделано. В ряды Югославянского комитета были приняты А. Бьянкини, Нико Гршкович⁵⁹, Йосип Марохнич⁶⁰ и Михаил Пупин, охотно на это согласившиеся⁶¹. Это произошло летом 1915 г., а «Народный югославянский комитет» стал «отделом» Югославянского комитета в Лондоне⁶².

Как было отмечено, М. Пупин с симпатией отнесся к деятельности Ф. Поточняка, высказался в поддержку югославянского объединения и вошел в состав Югославянского комитета. Все это говорит о том, что деятельность югославян из Европы, направленная на достижение государственной интеграции всех югославян, в целом вызывала его одобрение. Это, однако, не мешало ему придерживаться своих убеждений и не разделять все предлагаемые югославянские идеи.

Летом 1915 г. для подъема объединительного движения среди югославян в США сербское правительство и Лондонский комитет направили туда сербского священника и проповедника Николая Велимировича. Отец Николай прибыл в Нью-Йорк 18 июля, а покинул Америку в сентябре 1915 г. В своих выступлениях он был призван показать приверженность Сербии югославянской идее и разъяснить эмигрантам смысл югославянского объединения. Он устраивал лекции и собрания, стараясь привлечь как можно больше хорватов и словенцев. По его инициативе на собраниях присутствовали представители местных властей, о них писала и американская пресса, знакомя широкую общественность с югославянским вопросом. Сербский священник упорно отстаивал идеи Чикагской резолюции, а особенно утверждение, что сербы,

хорваты и словенцы – один народ. Хотя нередко эта программа вызывала возражения переселенцев (например, М. Пупина, сторонника национального принципа и федеративного устройства государства⁶³), Велимировичу во время его пребывания в США удалось склонить на сторону югославянского объединения часть югославянских эмигрантов⁶⁴. Заметим, что, несмотря на определенные идейные расхождения, М. Пупин оказывал Н. Велимировичу всевозможную помощь в его деятельности⁶⁵.

К слову сказать, годом позже Ю.П. Бахметев оценил деятельность сербского проповедника весьма скептически. В телеграмме от 7 ноября 1916 г., передавая отрицательное отношение архиепископа Алеутского и Североамериканского Евдокима к «возможности командировки сербского епископа Варнавы в Америку», он замечал: «Вопрос о нем возник не столько из религиозных побуждений, сколько из-за попыток образовать Югославию⁶⁶ из сербов всех стран; для этой цели уже приезжал иеромонах Николай Велимирович, который вместе с известным с весьма подозрительной стороны сербским консулом Пупиным занимался этим делом, но безуспешно, и должен был покинуть страну»⁶⁷. Мнение российского посла в Вашингтоне о работе Велимировича, на наш взгляд, не вполне верно – некоторый положительный, хоть и временный, результат она все же принесла. На перемену же (по сравнению с 1915 г.) его отношения к М. Пупину могла повлиять упомянутая выше записка Б.Т. Мартиновича.

В завершение сюжета о югославянском движении упомянем еще одно событие и отклик на него М. Пупина. В течение 1915 г. австро-венгерские консулы стремились склонить на свою сторону «Хорватское народное сообщество», самую большую благотворительную организацию хорватов в США. Но им это сделать не удалось. На конвенции организации, состоявшейся в сентябре 1915 г. в Кливленде, делегаты подтвердили свою приверженность идеям югославянского объединения. М. Пупин отправил участникам конвенции свое приветствие: «От себя лично, от имени Союза объединенных сербов „Согласие“ и от имени всего сербского народа я приветствую конвенцию „Хорватского народного сообщества“ и желаю ей самого большого успеха в патриотической деятельности. Да здравствует хорватский народ во славу и гордость славянского Юга!»⁶⁸.

Приведенные сведения об отношении и участии М. Пупина в югославянском движении говорят о том, что в 1915 г. он выступал на стороне объединения сербов, хорватов и словенцев в одном

государстве, построенном на основе национального принципа и федеративных началах.

В заключение еще раз отметим большой вклад Михаила Пупина в организацию благотворительной помощи сербскому народу и добровольческого движения сербских и черногорских эмигрантов из США в Европу, а также в ознакомление американской общественности с интересами и нуждами Сербии. Уже после войны младший современник Пупина югославский государственный деятель Божидар Пурич справедливо напишет о нем: «В Америке Пупин, как наша национальная пропаганда, ценится выше всех миссий и консульств, и... нас по нему знают больше, чем по нашим военным победам»⁶⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. Посольство в Вашингтоне, № 170. Оп. 512/1. Д. 364. 1914 г. Л. 53об.–54.

² Речь пойдет, прежде всего, о сербских, хорватских и словенских переселенцах из югославянских областей Австро-Венгрии и Королевства Сербия в США.

³ См., например: *Павић Ч.* Срби и српске организације у Америци. Chicago, 191.; *Јевтић М.* Мала Србија. Српско усељеништво у Америци. Њујорк, 1916; *Слијенчевић П.* Срби у Америци. Женева, 1917; *Potočnjak F.* Iz emigracije. D. III. Zagreb, 1926; *Лозанић-Фротингхам Е.* Добротворна мисија за Србију у I светском рату. Писма из Америке и Канаде 1915–1920. године. Београд, 1970 и др. Также см., например, сборники документов: *Građa o stvaranju Jugoslovenske države / Prired. D. Janković, B. Krizman.* Knj. 1, 2. Beograd, 1964; *Југословенски добровольци 1914–1918. Србија, Јужна Америка, Северна Америка, Аустралија, Француска, Италија, Солунски фронт. Зборник докумената / Приред. Н. Поповић.* Београд, 1980 и др.

⁴ См., например: *Остојич-Фејић У.* Михајло Пупин у огледалу јавности САД током првог светског рата // Научни скуп «Србија 1918. године и стварање југословенске државе». Београд, 1989. С. 163–169.

⁵ См., например: *Govorchin G.* Americans from Yugoslavia. Gainsville, 1961; *Čizmić I.* Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1974; *Ivanović D.M.* Mihajlo Pupin življenje in delo. Ljubljana, 1982; *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina.* Novi Sad, 1985; *Marinčić A.* Mihajlo Pupin // *Vojnoistorijski glasnik.* № 1–2. 1994. God. XLIV. S. 301–307; *Ostojić-Fejić U.* Sjedinjene Američke Države i Srbija. 1914–1918. Beograd, 1994; *Калабућ Р.* Српска емиграција. При-

лози за историју српског исељеништва (1830–1992). Београд, 2001 и мн. др.

⁶ Подробнее о жизни М. Пупина см., например: *Pupin M.* From Immigrant to Inventor. London, 1924 (В переводе на русский язык: *Пупин М.* От иммигранта к изобретателю. Нью-Йорк, 1953.); *Ivanović D. M.* Op. cit.; *Marinčić A.* Op. cit.

⁷ *Govorčin G.* Op. cit. P. 222. Заметим, что нередко авторами приводятся и другие даты рождения М. Пупина. Можно встретить, например, 4 октября 1854 г. (*Marinčić A.* Op. cit. S. 301), 9 октября 1858 г. или иные между 1854 и 1858 гг. (*Ivanović D. M.* Op. cit. S. 5–6).

⁸ *Пупин М.* Указ. соч.; *Govorčin G.* Op. cit. P. 222–226; *Marinčić A.* Op. cit. S. 301–305.

⁹ *Marinčić A.* Op. cit. S. 305; *Ivanović D. M.* Op. cit. S. 25–26, 91–92.

¹⁰ *Marinčić A.* Op. cit. S. 306.

¹¹ *Пупин М.* Указ. соч. С. 168.

¹² Извештај Главног Одбора Савеза Сједињених Срба «Слога». Лос-Анђелес, 1920. С. 5, 16.

Об участии М. Пупина в организации Сербской православной церкви в США см. также: *Јевтућ М.* Указ. соч.; *Калабућ Р.* Указ. соч.

¹³ Извештај Главног Одбора... С. 7–8.

¹⁴ Там же. С. 10–11; *Grečić V.* Uloga Mihajla Pupina u organizovanju srpskog iseljništva u SAD // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina.* Novi Sad, 1985. S. 282–283; *Petrovič M. B.* Pupin u srpsko-američkom životu pre prvog svetsko grata // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina.* S. 292.

¹⁵ Извештај Главног Одбора... С. 11–15. См. также: *Јевтућ М.* Указ. соч.

¹⁶ Извештај Главног Одбора... С. 15; *Grečić V.* Op. cit. S. 285.

¹⁷ Извештај Главног Одбора... С. 15; *Petrovič M. B.* Op. cit. S. 293.

¹⁸ Извештај Главног Одбора... С. 17; *Ђојнућ В.* Црногорци у Америци. Подгорица, 2002. С. 355.

¹⁹ Извештај Главног Одбора... С. 17–18; *Karanović M.* Doprinos Mihajla I. Pupina Srbiji i Crnoj Gori za vreme Balkanskih ratova // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina.* S. 328–330.

²⁰ *Grečić V.* Op. cit. S. 285–286; *Karanović M.* Op. cit. S. 333.

²¹ Извештај Главног Одбора... С. 17; *Grečić V.* Op. cit. S. 285.

²² Извештај Главног Одбора... С. 21.

²³ Там же.

²⁴ В октябре 1916 г. сербское руководство направило в США военную миссию во главе с подполковником М. Прибичевичем для рекрутирования добровольцев на Салоникский фронт.

²⁵ С 1917 г. в Вашингтоне действовала сербская дипломатическая миссия во главе с Л. Михайловичем.

²⁶ Извештај Главног Одбора... С. 28.

²⁷ Архив Србије. Ф. А/53. Главни одбор српске народне одбране у САД (СНОА). Фасц. 23, 29, 45 и др.

²⁸ Извештај Главног Одбора... С. 22–23. Подробнее о гуманитарной помощи Сербии американскими, сербскими и другими организациями и деятелями во время Первой мировой войны см., например: *Ostojić-Fejić U.* Op. cit.; *Лозанић-Фротингхам Е.* Указ. соч.

²⁹ Подробнее см.: *Остојић-Фејић У.* Указ. соч. С. 163–166.

³⁰ Мозес Тейлор Пайн (Moses Taylor Payne) (1855–1921) – американский финансист и филантроп; один из самых влиятельных благотворителей и покровителей Принстонского университета.

³¹ Бернхард Дернбург (Bernhard Dernburg) (1865–1937) – банкир, германский политический и государственный деятель.

³² *Путин М.* Указ. соч. С. 85.

³³ *Остојић-Фејић У.* Указ. соч. С. 166; *Ћизмић I.* Op. cit. S. 40.

³⁴ Так, в упомянутой выше лекции о сербах в войне (17 ноября 1914 г.) он назвал Боснию и Герцеговину, Далмацию, Хорватию и Славонию сербскими землями, вызвав тем самым ответную реакцию хорватов (*Ћизмић I.* Op. cit. S. 40).

³⁵ Подробнее см., например: *Јевтић М.* Указ. соч.

³⁶ АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1916 г. Л. 167–168; Д. 419. Л. 93–107.

³⁷ Елена Петровна (1884–1962) – супруга князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова (1886–1918) (сына великого князя Константина Константиновича – известного поэта К.Р.), урожденная принцесса Сербская, дочь Петра I Карагеоргиевича и прицессы Зорки Черногорской.

³⁸ *Ostojić-Fejić U.* Op. cit. S. 72–73.

³⁹ Елена Лозанич-Фротингхам (1885–1972) – дочь Симы Лозанича (профессора, первого ректора Белградского университета, министра иностранных дел, посланника Королевства Сербия в Лондоне); во время Первой мировой войны вела большую гуманитарную работу в пользу сербского народа, за которую была отмечена орденом Белого орла и Святого Саввы высшей степени. Подробнее о ее деятельности в США и Канаде во время войны см.: *Лозанић-Фротингхам Е.* Указ. соч.

⁴⁰ *Ostojić-Fejić U.* Op. cit. S. 73.

⁴¹ Извештај Главног Одбора... С. 22, 23.

⁴² *Ostojić-Fejić U.* Op. cit. S. 63–65.

⁴³ *Путин М.* Указ. соч. С. 334.

⁴⁴ Подробнее см.: *Ostojić-Fejić U.* Op. cit. S. 74.

⁴⁵ *Ћизмић I.* Op. cit. S. 82. О добровольческом движении черногорцев и участии в его организации М. Пупина см., например: Извештај

Главного Одбора... С. 23–24; *Živojinović D.* Nacionalno-politički rad Mihajla Pupina u Sjedinjenim Američkim Državama 1914–1915. // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina*. S. 359–370; *Rakočević N.* Pupin i Crna Gora u Prvom svjetskom ratu // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina*. S. 339–344.

⁴⁶ Сыромятников Сергей Николаевич (1860–1934) – русский писатель и журналист, общественный деятель.

⁴⁷ Джон Дайнели Принс (John Duneley Prince) (1868–1945) – американский лингвист, дипломат и политик.

⁴⁸ Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М., 1999. С. 607.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 134. Архив «Война». Оп. 473. Д. 42. 1915 г. Л. 11.

⁵⁰ В частности, 13 мая Ю.П. Бахметев в связи с оценкой деятельности агента МВД С.Н. Сыромятникова сообщал в МИД: «Между прочим, учреждаемые по его мысли курсы практического изучения России начнутся лишь 24 июня, а Славянское бюро (вероятно) открыто будет еще позднее, и было бы крайне нежелательно, чтобы они на первых же порах остались без руководства Сыромятникова». – Россия и США: дипломатические отношения... С. 608.

⁵¹ Впервые сербское правительство обнародовало свою объединительную или югославянскую программу в Нишской декларации от 7 декабря 1914 г., а Югославянский комитет, формально образованный 30 апреля 1915 г. в Париже, открыто выразил свои политические идеи относительно объединения югославян в мае 1915 г. в «Меморандуме Югославянского комитета». См.: *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 10; 24–35.

⁵² Подробнее см.: *Potočnjak F.* Op. cit. S. 22–27.

⁵³ Ibid. S. 41–42.

⁵⁴ *Potočnjak F.* Op. cit. S. 42–48, 57–60.

⁵⁵ Подробнее о конгрессе см., например: *Potočnjak F.* Op. cit. S. 75–109, 159–162; *Čizmić I.* Op. cit. S. 56–61.

⁵⁶ *Potočnjak F.* Op. cit. S. 93–94.

⁵⁷ Издатель и редактор газеты «Hrvatska Zastava» («Хорватское знамя»).

⁵⁸ *Potočnjak F.* Op. cit. S. 105–106.

⁵⁹ Председатель политической организации хорватов – «Хорватского союза» («Hrvatski savez»), редактор газеты «Hrvatski Svijet» («Хорватский мир»).

⁶⁰ Председатель «Народного хорватского сообщества» страхования и взаимопомощи («Narodna hrvatska zajednica»), владелец газеты «Hrvatski Glasnik» («Хорватский вестник»).

⁶¹ *Čizmić I.* Op. cit. S. 69.

⁶² *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S. 22–23.

⁶³ Идеи относительно устройства югославянского государства на федеративных началах М. Пупин развивал, в частности, в своих статьях за 1915 г. См.: *Bulajić M.* Doprinos Mihajla Pupina u stvaranju Jugoslovenske Države // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina*. S. 375.

⁶⁴ Подробнее см.: *Čizmić I.* Op. cit. S. 69–71.

⁶⁵ *Grečić V.* Op. cit. S. 286.

⁶⁶ В документе – Юго Слав /iu/.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра иностранных дел, № 133. Оп. 470. Д. 55.1916 г. Л. 175.

⁶⁸ *Čizmić I.* Op. cit. S. 92–93.

⁶⁹ *Пупић Б.* Наши исельеници. Београд, 1929. С. 111.

Е. Шкорванкова (Братислава)

Игор Бронислав Штефаник
и его воспоминания
о Первой мировой войне

Первая мировая война принесла смерть миллионам солдат на фронтах и несчастья гражданским людям в тылу. Военные усилия Австро-Венгрии отразились на каждом ее подданном. Мобилизация, реквизиции, недостаток снабжения населения сильно сказались на жизни в Словакии. Правящая элита монархии решила принять радикальные меры против действительных или вымышленных противников режима. Многие известные политические представители чешского, словацкого, сербского и румынского народов и члены их семей подверглись интернированию, заключению под стражу либо над ними установили надзор. Под полицейским контролем оказались и семьи деятелей национальных движений, действовавших за границей. В поле внимания репрессивного аппарата попал и брат Милана Растислава Штефаника¹, Игор Бранислав Штефаник, которого близкие и друзья называли Бранко².

Он родился 11 ноября 1873 г. в Кошарисках и стал вторым ребёнком в семье Павла Штефаника и его жены Альбертины. После окончания учёбы стал капелланом в Сарваши и Липтовском Микулаше, а затем священником на Мияве. Наконец в июле 1903 г. он занял вакантное место настоятеля в Паланке (в Бачке, ныне – Автономный край Воеводина в составе Сербии). С переездом туда началась его деятельность среди местных словаков. Игор освоил сербский язык и завязал контакты с представителями сербской интеллигенции. Среди словаков этой местности он нашел себе супругу Зузану (Зунку) Шустерову, происходившую из известного словацкого рода Шустеров, с которой и обвенчался 27 апреля 1904 г. Ее отец Павел Шустер был торговцем, а младший брат Михал служил священником в Силбаши. Свадьбу сыграли в Пивнице.

Среди гостей на свадьбе был и пражский студент младший брат жениха Милан Растислав Штефаник³.

Кроме духовной службы Игорь Бронислав Штефаник занимался политической и культурной деятельностью среди воеводинских словаков. Национально сознательная интеллигенция Воеводины (священники, учителя, юристы) объединялась вокруг Словацкой национальной партии с центром в Мартине, поддерживала и распространяла ее политическую программу в Воеводине. Штефаник активно включился в предвыборную кампанию 1905 г. по таворишскому избирательному округу (Паланка, Силбаш и Пивница), в которых от Словацкой национальной партии (СНП) избирался серб Б. Попович⁴. В ходе предвыборной кампании на собрании в Пивнице выступал и д-р Людовит Мичатек⁵, призывавший словаков голосовать за сербов, чтобы тем самым поддержать совместную борьбу невенгерских народов Венгрии за свои права (национальный язык, свободу вероисповедания, национальную школу)⁶. Несмотря на то, что общий сербско-словацкий кандидат не прошел на выборах, в Пивнице 8 октября 1905 г. было собрано большое народное собрание. На собравшихся самое большое впечатление произвело выступление Игоря Штефаника, который лучше других выразил чувства присутствовавших и потребовал чтобы «тот, кто работает на этой земле, тот бы и командовал. Если наши хлопцы годятся, чтобы стрелять из пушек, где их трясут как дикие груши, то они должны годиться и для того, чтобы участвовать в выборах»⁷, – заявил он.

Удача не сопутствовала кандидатам от СНП и в 1906 г. Чтобы привлечь избирателей, партия выбрала своим кандидатом на выборах в 1910 г. Игоря Бронислава Штефаника. Большинство верило, что, так как он пользуется любовью и словаков, и сербов, то его изберут в венгерский парламент. Штефаник активно включился в избирательную кампанию. На собрании в Пивнице он в своей решительной речи «проанализировал отчаянное положение невенгерских национальностей и потребовал реального осуществления закона о национальностях с тем, чтобы невенгерские народы могли развиваться в экономическом плане и в области образования. Он требовал, чтобы они могли использовать свой национальный язык в суде и в школах»⁸. Несмотря на всеобщую любовь и мощную поддержку, депутатом его не избрали.

Перспективная политическая деятельность Игоря Бронислава была прервана начавшейся Первой мировой войной, после которой он опять продолжил политическую деятельность в рядах

Словацкой национальной партии, чтобы активизировать словаков Воеводины и восстановить добрые сербско-словацкие доверенные отношения. Штефаник и вся словацкая политическая элита активно способствовали развалу Австро-Венгрии и созданию единого Государства словенцев, хорватов и сербов. Они избрали своих делегатов в Национальное вече Государства СХС, но, что удивительно, нашего героя опять среди них не было⁹. Словацкая национальная элита всю включилась в борьбу за мандаты во Временное народное представительство Королевства сербов, хорватов и словенцев, которое должно было подготовить условия для созыва Учредительного собрания. Среди кандидатов в депутаты Временного народного представительства Королевства СХС находим имя Игора Бранислава Штефаника¹⁰. Словацкая национальная партия в конце-концов решила отказаться от мандата во Временное народное представительство из-за споров о мандатах между сербскими политическими партиями, радикалами и демократами. Выборы депутатов состоялись 27 февраля 1919 г. без участия словацких делегатов. Сербская Народная радикальная партия выдвинула в качестве своего представителя во Временное народное представительство в Белград представителя словаков Воеводины, Игора Бранислава Штефаника, который вопреки протестам Словацкой национальной партии этот мандат принял. Он считал это правильным, так как его депутатская деятельность в парламенте отвечала бы интересам и словаков¹¹. Спор о депутатском мандате словацкого деятеля длился все время его пребывания во Временном народном представительстве. Позднее он перерос в личный конфликт с Людовитом Мичатком и привел к расколу в СНП. В августе 1919 г. Штефаник отказался от своего членства в партии¹². Несмотря на не прекращавшиеся нападки на него и тот факт, что его мандат подвергали сомнению, он целиком включился в работу Временного парламента, начавшего свою деятельность 1 марта 1919 г.¹³ В качестве депутата он даже выступил 23 марта 1919 г. по-словацки¹⁴. Во Временном народном представительстве он публично выступал от имени чехов и словаков Королевства сербов, хорватов и словенцев и как национальный депутат¹⁵. В его политической повестке дня большое место занимали интересы словацкого (чехословацкого) меньшинства, особенно вопросы аграрной реформы, образования на словацком языке и самостоятельность Словацкой евангелической церкви в Королевстве СХС¹⁶. Штефаник активно включился в организацию словацкой культурной и обществен-

ной жизни. Он подчеркивал необходимость культурного центра словаков в Югославии, и таким центром стал Петровец. Он поддерживал создание Матицы Словацкой, Национального дома и инициировал сбор художественных и музейных экспонатов для устройства Словацкого музея и библиотеки в Петровце¹⁷. Штефаник сам дарил «книги, документы, древние предметы» создаваемому музею¹⁸.

Деятельность Игора Бранислава в Белграде была ограничена действием депутатского мандата Временного народного представительства. Первые регулярные парламентские выборы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев были назначены на 28 ноября 1920 г., и избранная Народная скупщина должна была в первый раз собраться 12 декабря 1920 г.¹⁹ Штефаник, который из-за разногласий со Словацкой национальной партией вышел из ее состава, в выборах не участвовал. В Скупщину Королевства СХС не был избран ни один словацкий кандидат²⁰. И.Б. Штефаник так и остался первым и единственным словацким депутатом в межвоенной Югославии. Политические и личные разногласия с председателем СНП Людовитом Мичатком привели к полной изоляции Игора Бранислава Штефаника, который с 1920 г. перестал заниматься политикой. Он оставил место священника в Паланке по семейным обстоятельствам. В 1920–1923 гг. жил попеременно то в Воеводине, то в Чехословакии, где ухаживал за матерью и заботился об архиве брата Милана. В Паланке Штефаник еще немного работал в 1923–1924 гг., а потом переехал в румынский Надлак. В 1927 г. он был вынужден быстро покинуть Надлак из-за спора с руководством немецкой евангелической церкви и вернуться в Новый Сад. Он несколько раз пытался уговорить Матицу Словацкую в Мартине помочь ему перевезти его оставшиеся в Надлаке книги и документы, которые он вынужден был там оставить из-за внезапного отъезда (ему грозил арест). Несколько книг, включая важные научные работы и книги Милана Рагислава Штефаника, сохранила Альжбета Мотёвска родом из Надлака, которая нашла себе место учительницы в своем родном местечке лишь в 1935 г. Книги и документы, которые первоначально было сложены в ящиках на чердаке, были уже частично утеряны, их пускали на растопку и использовали в качестве игрушек для детей²¹. Из имущества Штефаника в Надлаке остались лишь книги, которые сохранила Альжбета Мотёвска.

После возвращения в Югославию Штефаник с супругой жили попеременно в Петровце, Новом Саде и в Белграде. К участию

в общественно-политической жизни словаков Игор Бранислав Штефаник вернулся ненадолго, после того как 21 ноября 1929 г. на совещании словацких политических представителей в Новом Саде его избрали от этого города в Постоянный совещательный комитет словаков Дунайской бановины²². Он работал журналистом, учителем Закона Божьего в средних школах, настоятелем церкви в Бингули²³. Они с женой жили очень скромно, не имея никаких средств кроме пенсии, Штефаник был всеми забыт. В 1934 г. из-за проблем со здоровьем его поместили в дом инвалидов. Умер он 25 апреля 1940 г. в Новом Саде, где и был похоронен. После него остался небольшой архив, который находится в частном владении Яна Губы из Пивницы (Сербия) и который буквально спас его от уничтожения. Сохранившиеся документы отражают яркую жизнь Игоря Бранислава Штефаника и его деятельность среди словаков Воеводины и Румынии, а также во время его пребывания в Братиславе. Архив состоит из религиозных сочинений и проповедей, политических трактатов и статей, воспоминаний о своей жизни (интернирование в годы войны, судебные процессы), просветительных работ и различных кратких литературных произведений. В него входят также мемуары Штефаника о жизни в годы Первой мировой войны. Таким образом, сохранились его впечатления о кратком пребывании в заключении в Новом Саде²⁴ и о судебном процессе 1914 г.²⁵

* * *

После начала Первой мировой войны Игор Бранислав Штефаник попал под полицейский надзор. Его политическая деятельность до войны и контакты с сербскими политиками вызывали подозрения у австро-венгерских властей. Согласно его воспоминаниям, уже в августе 1914 г. его доставили в Новый Сад, где он должен был предстать перед военным судом. Начальник новосадского пограничного гарнизона, имея ввиду масштаб и содержание обвинительного акта, решил передать дело в постоянный земский суд (седрию) в Новом Саде. Обвинение было весьма распространенным для того времени – государственная измена. Обвинительное заключение являлось, вероятно, результатом длительного полицейского наблюдения, изложенного в отчетах. Документ, как сообщалось в воспоминаниях, подготовил д-р Имре Фёлдес, а информацию о деятельности и взглядах Штефаника предоставил ему местный учитель в Паланке, словак по происхождению, но

ставший агентом и предателем²⁶. Штефаник в своих воспоминаниях пощадил этого учителя, не очень-то его критикуя, написав, что он появился в Паланке женатым, но, вероятно, «бедным как церковная мышь». Хотя гневаться Штефаник имел тем большие основания, что помогал ему решить экономические проблемы, организовав совместную предпринимательскую деятельность, они вместе посадили хмель, выращивали его и продавали²⁷. В заключении воспоминаний он написал и о судьбе этого учителя после войны. После распада Австро-Венгрии и занятии Бачской Паланки добровольческими военными отрядами сербских комитатов²⁸, учителю, обличавшему его, грозила смерть, так как у него нашли венгерский гимн и всю не уничтоженную символику старого режима. Штефаник в сложное время переворота сохранил ему жизнь. Вероятно, он поступил так, будучи добрым человеком и священником, и потому что ему было жаль жену учителя и его двоих детей²⁹. Штефаник не переусердствовал и с критикой в адрес д-ра Имре Фёлдиса, которого он считал инициатором своего ареста, заключения, обвинения в измене и возможного вынесения смертного приговора³⁰. В своих воспоминаниях Штефаник пишет, что Фёлдес прямо требовал, чтобы его судил за измену военный суд, а в условиях военного времени это однозначно означало бы смерть. Фёлдеса он назвал мадьяризованным евреем³¹. По словам Штефаника, деятельность информаторов мотивировалась стремлением получить «хазафиос» – подтверждение патриотических заслуг, своеобразную альтернативу наградам, или другие выгоды – повышение в чинах или освобождение от мобилизации³². В своих воспоминаниях он особо позитивно оценивал личность своего адвоката д-ра Виктора Коссаи, с которым он поддерживал долголетние дружеские контакты еще до начала Первой мировой войны. По мнению Штефаника, он был «гордым соколом из Трансильвании»³³, так как позволил себе в условиях военного времени критиковать венгерскую национальную политику и прогерманскую ориентацию Габсбургской монархии. Штефаник первоначально собирался использовать в качестве защитника словацкого адвоката д-ра Милоша Крна³⁴ из Нового Сада. Но у Милоша Крна самого были проблемы с полицейским надзором и следствием. Вскоре он был интернирован и из-за плохих условий содержания безвременно скончался.

После ареста Штефаника поместили в тюремную камеру, где он должен был ожидать дальнейшего расследования. У него отобрали все ценности, даже бумагу, конверты, марки, письменные

принадлежности и перочинный ножик³⁵. Его также несколько раз тщательно обыскивали, даже раздевали, что было очень унизительно для евангелического священника³⁶.

Любопытной частью воспоминаний является описание повседневной жизни в тюремном заключении и самой камеры. Камера «длинной в семь и шириной в три шага» обставлена весьма просто: военная постель из соломы с соломенной подушкой и шерстяным одеялом. Вся мебель составлял старый деревянный умывальник с металлическим тазом внутри, прикрытый крышкой и одновременно служивший столом. На полу стояли две небольших деревянных ёмкости, одна для воды, а другая в качестве туалета. В углу камеры помещалась железная печка, которую топили из-вне. В камере была также метла и деревянный совок. Двери были обиты грубым листом металла, посередине находилось отверстие с маленькими железными дверцами, через которое в полдень заключенному подавали обед и сквозь которое в течение дня за ним следили надзиратели³⁷. Частью интерьера был и один маленький стул. Окно с решетками находилось высоко, почти под потолком. Через окно Штефаник видел небесный свод, ночью рассматривал небо над городом и верхушки деревьев³⁸. Чистоту в камере поддерживал сам арестант. День начинался с раннего подъема в половине пятого. Заключенные должны были застелить постель, подмести и вымыть пол остатками воды. Затем вынести мусор и туалет, а в другую емкость набрать воды, около 4 литров. Воду надо было экономить, так как ее должно было хватить для питья, умывания, мытья пола на целый день до следующего утра. В летние месяцы вода в ёмкости нагревалась, и ее приходилось пить теплой. В пять часов двери камер опять отпирали и выводили заключенных на 20-ти минутную прогулку на небольшом пустом дворе тюрьмы, посыпанном гравием и мелкими камешками. Заключенных строили определенным порядком, чтобы между ними сохранялось расстояние, им запрещалось оглядываться и разговаривать друг с другом³⁹. Остаток дня заключенные проводили в камере. Около 9 часов вечера они могли лечь на постель, если свет уже был погашен. Лишение свободы вело Штефаника к размышлениям о ценности жизни и свободы. Если бы возникла дилемма, что выбрать «жизнь или свободу, я, – писал он, – выбрал бы свободу даже ценой жизни. Свобода – это наивысшее благо человека, которое ничем нельзя заменить». Как он сам констатирует, он всегда ценил волю, но полностью почувствовать ее значение смог лишь будучи лишенным всякой личной свободы, в тюрьме⁴⁰.

Во время заключения Штефаника несколько раз допрашивали судебные приставы и прокурор, в том числе и по ночам. Его обвиняли в государственной измене, поэтому он ожидал смертельного приговора и скорой казни. Основой обвинительного акта и самыми важным обвинением были тайные контакты Штефаника с тогдашним сербским премьером Николой Пашичем⁴¹. Такие подозрения в августе 1914 г. после объявления Австро-Венгрией войны Сербии действительно могли представлять большую опасность. Но Штефанику с помощью адвоката д-ра Кассаи удалось опровергнуть эти обвинения и выйти из тюрьмы. Освобождение из заключения позволило ему на свободе готовиться к гражданскому судебному процессу, во время которого должна была решиться его судьба⁴².

В тюрьме Штефаник в основном горевал о трагическом будущем жены Зузуны и матери Альбертины, которая после начала войны приехала в Бачскую Паланку. Он опасался за их судьбу, если бы его осудили и казнили. В воспоминаниях он упоминает и о младшем брате Ладиславе Штефанике, который служил клерком в адвокатской конторе в Бачской Паланке. Очень тяжело Игорь Бронислав Штефаник перенес и домашний обыск с конфискацией его личных вещей, книг, документов, которые венгерское правосудие считало подозрительными и опасными⁴³.

Штефаник тщательно готовился к суду, который должен был состояться в Новом Саде. Обвинение ему не было представлено⁴⁴. Но судья по вызванным свидетелям, его должны были судить за панславизм, подстрекательство, антигосударственную деятельность и измену. Конкретно суд попытался инкриминировать ему организацию и поддержку совместной манифестации с участием словацкой делегации в Белграде по случаю юбилея Косовской битвы 28 июня 1914 г. в день покушения на наследника престола Франца Фердинанда фон Габсбурга эрцгерцога д'Эсте в Сараеве⁴⁵. Другое серьезное обвинение состояло в том, что он якобы отговаривал призывников служить в австро-венгерской армии и советовал им оставить родину и эмигрировать в Сербию⁴⁶. Суд на основании аргументов защиты освободил Штефаника от обвинений, но прокурор выступил против решения суда. И Штефанику предстояло ждать решения своей судьбы еще восемь-десять месяцев. Протест прокурора должен был рассмотреть суд в Сегеде⁴⁷, куда ни обвиняемого, ни его защитника д-ра Кассаи не вызвали. Согласно его воспоминаниям, решение апелляционного суда ему так и не передали, и он предположил, что дело было временно

отложено. Ему не удалось даже выяснить, была ли какая-то связь между судебным процессом и интернированием, которое последовало через несколько месяцев⁴⁸. Он предполагал, что пограничные военные службы и местная венгерская политическая администрация делали все возможное, чтобы заставить его замолчать. Далее Штефаник находился под домашним арестом, под постоянным полицейским надзором. Это положение продолжалось до 2 июля 1915 г., когда он должен был выехать к месту своей высылки в Зирц (местечко в современной Венгрии). Оттуда его послали в близлежащую деревню Баконибел⁴⁹. А оттуда он попал в область Бакони (Баконьский лес), горную, поросшую лесом территорию к северу от озера Балатон. В этой области в лагеря были интернированы многие пленные с Восточного фронта и лица, обвиненные в антигосударственной деятельности. При попытках к бегству охранники и жандармы имели право стрелять. В этих трудных условиях Игор Бранислав Штефаник прожил, возможно, самые тяжелые дни своей жизни. В деревне Баконибел он помогал по хозяйству в местном бенедиктинском монастыре, основанном еще королем Штефаном I. Во время своего интернирования был занят при сборе урожая, помогал косить, вязал корзины, измерял, записывал. Деревня во время турецкой оккупации была уничтожена, но затем туда потянулось словацкое и немецкое население. Возможно, что Штефаник встретил здесь достаточно дружелюбную атмосферу. Но подробности его интернирования нуждаются еще в дальнейшем исследовании.

В Паланку Штефаник вернулся в июне 1916 г. Он нашел приход в крайне запущенном состоянии, а жену Зузанку и мать голодающими. До конца войны семья находилась под полицейским надзором. К своим воспоминаниям о пережитом в годы войны он вернулся после ее окончания. Интересно, что вспоминая о тюремном заключении и о судебном процессе, он ни словом не упоминает своего брата Милана Растислава Штефаника, который за границей активно действовал против Австро-Венгрии. То, что сам он подвергся политическому преследованию, аресту и интернированию, однозначно представлялось ему лишь в контексте политики венгерских властей и его контактов с невенгерскими политическими деятелями, особенно с сербскими (и он никак не связывал это с братом). В мемуарах Игор Братислав описал встречи на суде в Новом Саде со своими знакомыми сербскими политиками, которые, так же как и он, были осуждены, а затем интернированы как антигосударственные элементы⁵⁰. В частности, Штефаник пишет

об учителе, своем близком друге Мите Клицине⁵¹, которого после окончания войны и возникновения Королевства сербов, хорватов и словенцев избрали, также как и Игора Бранислава, депутатом Временного парламента. Глубоко потрясла автора воспоминаний и встреча со своим близким другом Яшей Томичем⁵². На суде он увидел его в сопровождении вооруженного конвоя закованным в тяжелые кандалы. По словам Штефаника, именно заключение, тяжелые физические и психические испытания сломили Яшу Томича и ослабили его душевное здоровье. В воспоминаниях упоминается и знакомый сербский юрист из Воеводины д-р Коста Хаджи⁵³, с которым он также очень дружил. Во время процесса над Штефаником Коста Хаджи был еще на свободе и занимался защитой Яши Томича, но вскоре и сам подвергся интернированию⁵⁴.

Травма от пережитого глубоко врезалась в память Игора Бранислава Штефаника. Даже спустя долгие годы он снова и снова возвращался к воспоминаниям о заключении, судебном процессе, страхах за свою жизнь и переживаниям за будущее жены Зузанки и матери Альбертины. А письме к приятелю⁵⁵ в 1931 г. Штефаник с горечью признавался, что его переживания, бедствия, заключение и интернирование остались, как ему казалось, недооцененными словацкой интеллигенцией Воеводины и в целом в Королевстве Югославия. Но это мнение могло быть и следствием глубокого разочарования в словацкой политике в межвоенной Югославии, раздоров внутри словацкого политического лагеря, а также объясняться самой противоречивой натурой Штефаника.

Перевод со словацкого языка Е.П. Серапионовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Милан Растислав Штефаник (Milan Rastislav Štefánik, 1880–1919) – ученый, астроном, путешественник, лётчик и политик, генерал французской армии и заместитель председателя Чехословацкого национального совета (ЧНС), организатор чехословацких легионеров, один из основателей чехословацкого государства и военный министр Чехословацкой республики.

² За предоставленную информацию о жизни и деятельности Игора Бранислава Штефаника и возможность работать с его архивом благодарю Яна Губу, обладателя фонда этого выдающегося словацкого деятеля.

³ Свидетельство о присутствии Милана Растислава Штефаника на свадьбе у брата в Пивнице содержится в муниципальном реестре. Воспоминания об особом посещении пивницкой свадьбы опуб-

ликовал на страницах словацкого еженедельника «Национальное единство» («Národná Jednota») чехословацкий легионер Эмил Грейсингер. – *Greisinger E. Ešte rozpomienka na najväčšieho Slováka, generála a ministra vojny Česko-slovenskej republiky Dr. Milana Rastislava Štefánika* // *Národná Jednota*. 1920. Roč. 1. Č. 35. S. 3.

⁴ В этих выборах в венгерский сейм участвовал и был избран от кулпинского избирательного округа выдающийся словацкий политик Милан Годжа.

⁵ Д-р Людовит Милош Мичатек (Dr. *Ludovít Miloš Mičátek*, 25.08.1874 – 06.07.1928) был политиком, редактором, издателем, публицистом и адвокатом. Он издавал журнал «Словак Воеводины» («*Dolnozemský Slováč*») и был организатором культурной и политической жизни тамошних словаков. Он основал финансовое учреждение, являлся первым покровителем Словацкой евангелической церкви в Югославии, председателем Чехословацкого союза и Словацкой национальной партии в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

⁶ *Dolnozemský Slováč*. 1905. Roč. 3. Č. 10. S. 80–81.

⁷ *Ludové zhromaždenie v Pivnici* // *Dolnozemský Slováč*. 1905. Roč. 3. Č. 10. S. 81.

⁸ *Ludové zhromaždenie v Pivnici* // *Dolnozemský Slováč*. 1912. Roč. 10. Č. 6. S. 45.

⁹ Список избранных делегатов опубликовал журнал «*Dolnozemský Slováč*» (*Dolnozemský Slováč*. 1918. Roč. 13. Č. 1–2. S. 2–3). Игор Бранислав Штефаник накануне Первой мировой войны был одним из наиболее выдающихся представителей словацкого политического лагеря в Воеводине (наряду с Людовитом Мичатekom и Милошем Крном). – *Gubová G. Slovenská menšina v kontexte politických udalostí v Kráľovstve SChS 1918–1929. Doktorandská dizertačná práca – Univerzita Komenského. Bratislava : [s.n.], 2009. S. 43.*

¹⁰ *Gubová G. Slovenská menšina v kontexte politických udalostí... S. 49.*

¹¹ *Lilje K. Príspevky k histórii Slovákov v Juhoslávii* // *Náš život*. 1940 (Petrovec). Roč. 8. Č. 3. S. 116; 206–208.

¹² На этом совещании обсуждались накопившиеся проблемы в руководстве Словацкой национальной партии. Мичатек попросили занять пост председателя партии, что он, «считая это своим моральным и национальным долгом, и сделал, хотя и сознавал, что во многом этот венец терновый». – *Porada SNS* // *Dolnozemský Slováč*. 1919. Roč. 14. Č. 16. S. 2.

¹³ *Šesták M., Tejchman M., Havlíková L., Hladký L., Pelikán J. Dějiny jihoslovanských zemí*. Praha, 1998. S. 396.

¹⁴ *Príveta I.B. Štefánika. Slovenská národná knižnica, Archív literatúry a umenia v Martine. Sign. 94 T 32. S.*

¹⁵ Так он был представлен редакцией еженедельника «Национальное единство» («Národná Jednota»). Например, *Štefánik I.B. Národný poslanec Odpoved' na dopis v Slobode* // *Národná Jednota*. 1920. Roč. 1. Č. 8. S. 3.

¹⁶ *Československé listy (Záhreb)*. 1920. 3. Januára. S. 1 Цит. по: *Glgorijević B. Politická istupanja i organizacija Slovaka i Čeha u Kraljevini SHS*. // *Zbornik za istoriju*. Novi Sad : Matica Srpska, 1981. Č. 24. S. 139–140.

¹⁷ *Štefánik I.B. List «Bl. p. Jánovi Čajak redaktorovi Národnej Jednoty»*. // *Národná Jednota*. 1920. Roč. 1. Č. 35. S. 2.

¹⁸ *Čajak J. Súvaha nášho národného života z roku 1920*. // *Národná Jednota*. 1920. Roč. 1. Č. 46. S. 1–2.

¹⁹ *Dimić L. Istorija srpske državnosti : Srbija u Jugoslaviji*. Novi Sad, 2001. S. 68–69; *Izborni zakon primljen* // *Politika*. 1920. 3. Septembra. Roč. 17. Č. 4441. S. 2; *Sastanak konstituante* // *Politika*. 1920. 4. Septembra. Roč. 17. Č. 4442. S. 2.

²⁰ *Glgorijević B. Politická istupanja i organizacija Slovaka i Čeha u Kraljevini SHS...* S. 143.

²¹ *Thurzo I. Alžbeta Móťovská* // *Biografické štúdie*. 1996 (elektronická verzia 2009). Zv. 23. Martin. Biografický ústav. S. 185.

Доступné на http://www.snk.sk/swift_data/source/NbiU/Biograficke%20studie/23/bs23_184_190.pdf.

²² *Gubová G. Slovenská menšina v kontexte politických udalostí...* S. 212.

²³ Уточнение деталей его жизни является предметом дальнейших исследований.

²⁴ *Štefánik I.B. V zátvore*. Rukopis. Nespracovaná pozostalosť. Bez datovania.

²⁵ *Štefánik I.B. Hlavné ročište*. Rukopis. Nespracovaná pozostalosť. Bez datovania.

²⁶ *Štefánik I.B. V zátvore...* S. 3.

²⁷ *Ibid.* S. 3–4.

²⁸ Административная единица.

²⁹ *Ibid.* S. 4.

³⁰ *Ibid.* S. 1.

³¹ *Ibid.* S. 3.

³² *Štefánik I.B. V zátvore...* S. 2–3.

³³ *Ibid.* S. 19.

³⁴ Д-р Милош Крно (Dr. Miloš Krno, 1869–1917) – словацкий адвокат, работал в Новом Саде редактором и издателем газеты «Словак Воєводины» («Dolnozemský Slovák»), занимался просветительной и культурной работой.

³⁵ *Štefánik I.B. V zátvore...* S. 8.

³⁶ Ibid. S. 10.

³⁷ Ibid. S. 9.

³⁸ *Štefánik I.B. V zátvore... S. 9.*

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. S. 10.

⁴¹ Ibid. S. 18.

⁴² Ibid. S. 26.

⁴³ *Štefánik I.B. V zátvore... S. 27.*

⁴⁴ *Štefánik I.B. Hlavné ročište... S. 5.*

⁴⁵ Ibid. S. 5–7.

⁴⁶ Ibid. S. 7.

⁴⁷ Ibid. S. 10.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Баконибел (Bakonybél) – деревня в районе Зирц, жупа Веспрем (Венгрия).

⁵⁰ *Štefánik I.B. Hlavné ročište... S. 3.*

⁵¹ Дмитрий – Митя Клицин (Dimitrije – Mita Klicin, 1869–1943) – сербский учитель из Воеводины, журналист, издатель журнала «Застава» («Zastava»), политик, государственный деятель.

⁵² Яша Томич (Jaša Tomić, 1856–1922) – сербский интеллектуал из Воеводины, журналист, публицист и политик, активно способствовал присоединению части Срема и Баната (сегодняшней Воеводины) к Сербскому королевству и созданию Королевства сербов, хорватов и словенцев.

⁵³ Коста Хаджи (Kosta Hadži, 1868–1942) – известный сербский юрист и политик из Воеводины, который выступал в пользу невенгерских национальностей во времена Австро-Венгрии, после возникновения Королевства сербов, хорватов и словенцев он стал известным политиком в Воеводине, а после провозглашения (6 января 1929 г.) диктатуры короля Александра перешел в оппозицию и вскоре эмигрировал в Прагу. После 1935 г. политикой уже не занимался.

⁵⁴ Подробнее см.: *Popov D. The progenitor of a Timisoara and Novi Sad family, the lawyer and politician Dr Kosta Hadži // Temišvarski zbornik. 2002. № 3. S. 219–228.*

⁵⁵ *Štefánik I.B. List priateľovi. Rukopis. Nespracovaná pozostalost'. Datované 18. oktobra 1931.*

РАЗДЕЛ VI

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ

Н.Н. Станков (Волгоград)

Фриц фон Гебзаттель и становление германо-чехословацких отношений (октябрь 1918 г. – январь 1919 г.)

Первая мировая война сыграла особую роль в истории чехов и словаков. Поражение держав центрального блока привело к крушению империи Габсбургов и образованию Чехословацкой республики. С первых дней ее существования в центре внимания чехословацких лидеров оказались взаимоотношения с соседними государствами, в первую очередь, – с Германией. В это же время в Берлине встал вопрос о том, как строить отношения с вновь образовавшимся чехословацким государством. Опубликованные в последние годы в ФРГ и Чешской Республике документы позволяют в значительной степени восполнить имеющиеся пробелы в истории германо-чехословацких отношений и персонифицировать дипломатический процесс.

В 2009 г. профессор Кельнского университета М. Александер завершил издание дипломатических документов германского посольства в Праге, охватывающих период с 1918 по 1932 гг.¹. Эта трехтомная публикация включает 752 новых документа, не считая многочисленных фрагментов в примечаниях, и насчитывает в общей сложности 2049 страниц. Значительную часть документов составляют записи бесед германских дипломатов с президентом, главами правительств, министрами ЧСР, представителями политических партий, деловых кругов и др. Дипломатические представители Веймарской республики стремились выявить все факторы, влиявшие на формирование германо-чехословацких отношений. В их донесениях в Берлин отражены события политической жизни ЧСР, состояние экономики и финансов, армии, образования и культуры, межнациональные и межконфессиональные отношения, положение в отдельных регионах, особенно в пограничных областях, населенных немцами, а также в Словакии и Подкарпатской Руси.

Первый том рассматриваемой документальной публикации открывают донесения в Берлин генерального консула Германской империи в Праге барона Фрица фон Гебзаттеля (1868–1939). Гебзаттель был карьерным дипломатом. Вскоре после завершения юридического образования, в возрасте 25 лет он поступил на службу в рейхсминистерство иностранных дел. Гебзаттель служил в германских консульствах в Варшаве, Кейптауне, Дурбане, Шанхае и Нанкине. В 1903 г. он возглавил консульство в Нанкине, затем – в Фиуме, а в сентябре 1909 г. был назначен консулом в Прагу. С февраля 1915 г. Гебзаттель – генеральный консул². Он был очевидцем развития национально-освободительного движения в чешских землях в период Первой мировой войны и становления чехословацкого государства.

В настоящей статье предпринимается попытка показать роль Гебзаттеля в становлении германо-чехословацких отношений в первые месяцы существования ЧСР, когда в Центральной Европе происходили радикальные изменения, вызванные поражением в войне стран Четверного союза, ноябрьской революцией в Германии, образованием на развалинах империи Габсбургов новых государств.

Первые сообщения Гебзаттеля, опубликованные профессором М. Александером, относятся к середине октября 1918 г., в них содержится анализ ситуации в чешских землях, характеристики деятелей чехословацкого освободительного движения Т.Г. Масарика, К. Крамаржа, В. Клофача и др., а также профессора Сорбонны Э. Дени, которого германский генеральный консул прочил в президенты Чехословацкой республики³. В своих донесениях Гебзаттель рассматривал положение в Немецкой Богемии и других пограничных регионах, населенных немцами. Он предупредил Берлин, что чехи, решив сохранить всю территорию Чехии и Моравии, никогда не примирятся с аннексией Германией приграничных округов. В своем сообщении рейхсканцлеру принцу Максу Баденскому от 25 октября Гебзаттель предостерегал, что населенные немцами области в Чехии и Моравии легко могут стать новой «Эльзас-Лотарингией на востоке». Даже если Германия смогла бы заполучить их, Чехословакия и другие славянские страны безусловно отомстили бы Германии разрывом торговых отношений. По мнению генерального консула, было бы лучше не прибавлять себе хлопот, втягиваясь в споры о приграничных территориях. Гебзаттель предлагал, в частности, чтобы Немецкая Богемия осталась в составе чехословацкого государства. Учитыв-

вая его положение в Центральной Европе и поддержку чехов союзниками, конфликт с ними был бы бесполезным для богемских немцев. Генеральный консул выразил пожелание, чтобы богемские немцы ради своего собственного благополучия как можно быстрее добились компромиссного соглашения с чехословацкими властями. Тем более, что и чехословацкие лидеры были заинтересованы в этом. Такая позиция определялась и осознанием того, что чем более стабильной с самого начала окажется Чехословакия, тем прочнее будет ее международное положение. Предложение чехов гарантировать национальные и политические права немцев в чехословацком государстве, по мнению Гебзаттеля, свидетельствовало о том, что они были готовы к немедленным переговорам. Он считал, что, учитывая приближавшуюся мирную конференцию, момент для переговоров был исключительно благоприятным для немцев, которые могли бы рассчитывать на значительные уступки. Поэтому Гебзаттель полагал, что чем раньше немцы примирились бы с существованием нового чехословацкого государства и сели бы за стол переговоров, тем охотнее и на большие уступки пошли бы чехи. Каждой стороне с самого начала было выгодно проявить умеренность и готовность к сотрудничеству⁴. Таково было мнение генерального консула Германии в Праге за три дня до провозглашения Чехословацкой республики. Это донесение Гебзаттеля в Берлин, а также его деятельность в последующие дни в Праге, свидетельствовали о реализме генерального консула, сориентировавшегося в сложившейся обстановке гораздо раньше, чем рейхсминистерство иностранных дел.

В последние дни октября, когда Германская империя неуклонно шла к своему закату, генеральный консул в Праге вынужден был принимать решения по своему усмотрению. На следующий день после провозглашения Чехословацкой республики, 29 октября 1918 г., он по своей инициативе, не дожидаясь инструкций из Берлина, нанес визит в Национальный комитет, чтобы прежде всего позаботиться о безопасности 40 тыс. подданных Германской империи в Чехословакии. Гебзаттель был первым иностранным дипломатом в Праге, посетившим Пражский Национальный комитет. В беседе с его представителями А. Швевлой, А. Рашиным, Ф. Соукупом и Й. Стршибным генеральный консул выразил надежду, что в будущем между чехословацким государством и Германской империей установятся добрососедские отношения. В Национальном комитете Гебзаттеля приняли дружелюбно. В тот же день он сообщил в Берлин, что посещение оставило впечатление,

что «новые господа» искренне настроены к «местному представительству кайзера и, вероятно, будут поддерживать с нашим правительством самые дружественные отношения». «Национальный комитет, по-видимому, намерен признать меня представителем Германии», – отмечал Гебзаттель⁵.

Сообщения Гебзаттеля в Берлин день ото дня звучали все оптимистичнее. «Я убежден, что чехи не помышляют об открытой враждебности к нам, и нахожусь под впечатлением, что они настроены установить с нами хорошие отношения», – писал Ф. фон Гебзаттель 31 октября принцу Максу Баденскому⁶. На следующий день он сообщал рейхсканцлеру, что в Праге немцы – подданные Германской империи не испытывают каких-либо притеснений. Напротив, с ними предупредительно обращаются. «В провинции также не произошло никаких эксцессов», – подчеркивал генеральный консул⁷.

Когда в начале ноября в приграничных городах Немецкой Богемии вспыхнули продовольственные бунты и ландесгауптман Немецкой Богемии Р. Лодгман обратился за военной помощью к Германии, Гебзаттель предостерегал, что направление туда войск или даже полицейских и жандармских подразделений вызовет в Праге «крайнее раздражение» и разрушит его усилия по установлению доверительных отношений с Национальным комитетом. Он считал целесообразным посоветовать властям всех немецких городов в Чехии, чтобы они обратились со своими просьбами к Национальному комитету⁸.

Берлин отказался посылать войска в Северную Чехию, конечно, не только прислушиваясь к мнению генерального консула в Праге. В начале ноября 1918 г. Германия в сущности не в силах была предпринять серьезное военное наступление. Кроме того, государственный секретарь по иностранным делам Австрии В. Адлер призывал Берлин не вводить войска в пограничные районы Немецкой Богемии, чтобы в ответ Прага не оккупировала все немецкие области Чехии и Моравии⁹. Эти опасения оказались не напрасными. Но даже, несмотря на сдержанность Берлина, чехословацкие войска под предлогом поступления военной помощи из Австрии и Германии в Немецкую Богемию, Судетскую область и Немецкую Южную Моравию¹⁰ в ноябре заняли ряд пограничных городов и блокировали немецкие провинции.

Гебзаттеля в Праге убедили, что в скором будущем Чехия и Моравия будут заняты войсками Антанты¹¹. Генеральный консул опасался, что в связи с этим германские подданные как «граждане

враждебного государства» могут подвергнуться принудительной высылке из Чехословакии или интернированию¹². 2 ноября он снова нанес визит в Национальный комитет, чтобы получить гарантии их безопасности. Однако по сравнению с прежним посещением прием был более холодным. Консулу ответили, что пока власть находится в руках Национального комитета подданным Германии ничто не грозит, после же вступления войск Антанты или чехословацких легионеров, Национальный комитет не может ничего гарантировать, так как верховное военное командование будет распоряжаться по своему усмотрению. Гебзаттеля спросили, не было ли новостей из Берлина. Он понял, что ему намекают на официальное признание чехословацкого государства Германской империей, и вернулся в консульство, чтобы оценить ситуацию. Опасаясь за безопасность германских подданных в Чехословакии и считая, что официального признания нового государства все равно не избежать, генеральный консул решил взять на себя ответственность и от лица своего правительства заявить о признании ЧСР. Однако, видимо, его смущал вопрос о границах Чехословакии и, в частности, судьба немецких провинций. Гебзаттель позвонил в Национальный комитет и спросил у одного из его сотрудников, Б. Павловского, претендует ли Чехословакия на пограничные области, где преобладало немецкое население, на что получил утвердительный ответ. Тем не менее, после полудня генеральный консул вновь посетил Национальный комитет и был принят А. Швеглой и А. Рашиным. Он официально заявил, что правительство Германской империи признает самостоятельное чехословацкое государство и будет радо как можно скорее приветствовать его посланника в Берлине. После этого заявления члены Национального комитета дали Гебзаттелю все уверения, какие он хотел получить, относительно безопасности подданных Германии в Чехословакии¹³.

Самостоятельно приняв решение о признании нового государства, генеральный консул значительно превысил свои полномочия. Тем более, что это создавало двусмысленное положение во взаимоотношениях Германии с Австрией, на что обращал внимание германский посол в Вене Б. фон Ведель. 3 ноября он запросил министерство иностранных дел как быть с признанием Чехословакии Гебзаттелем, поскольку Германия до сих пор официально не признала австрийское государство. Дело осложнялось также и территориальным вопросом. Вена рассматривала немецкие провинции в Чехии и Моравии как составные части австрийской

территории. Действия же Гебзаттеля в Праге могли расцениваться Веней как признание Германией этих областей частью Чехословакии. И не без оснований, так как сам Гебзаттель предупреждал Берлин, что признание австрийского государства с включением в него Немецкой Богемии и других областей, «здесь ... было бы понято как враждебный акт»¹⁴.

Учитывая эти проблемы, Берлин не намерен был торопиться с признанием Чехословакии, о чем, в частности, свидетельствует телеграмма статс-секретаря министерства иностранных дел В. Зольфа Ф. Гебзаттелю от 7 ноября 1918 г. Зольф отмечал, что невозможно было признавать чехословацкое государство, отказав в признании Австрии, когда она обращалась с этой просьбой к Германии. «Хотя и желательно иметь хорошие отношения с новым чешским государством, однако на переднем плане для нас стоит Австрия», – сообщал Зольф. Он советовал Гебзаттелю проявлять «осмотрительную сдержанность» до тех пор, пока после возвращения из Швейцарии председателя Национального комитета К. Крамаржа более отчетливо не определится отношение чехословацкого правительства к Германии. Касаясь вопроса о признании Чехословацкой республики Гебзаттелем, статс-секретарь рекомендовал следующим образом трактовать его заявление от 2 ноября в Национальном комитете: германское правительство готово признать чехословацкое государство, если его дипломатический представитель направится в Берлин. С этого момента де-факто будут установлены дипломатические отношения между Германией и Чехословакией. Зольф также подчеркивал что «территориальный вопрос этим не был бы предрешен»¹⁵. Такая интерпретация заявления Гебзаттеля о признании Чехословакии вносила в него существенные коррективы и позволила выйти из щекотливой ситуации с Австрией. Во-первых, Зольф увязывал признание Германией Чехословацкой республики с ответным шагом из Праги и оттягивал этот акт до прибытия в Берлин чехословацкого полномочного представителя. Во-вторых, статс-секретарь разделил вопросы дипломатического признания и признания границ Чехословакии. В тот же день, 7 ноября, заместитель Зольфа В.А. Штумм направил германскому послу в Вену телеграмму, в которой подчеркивалось, что перед официальным признанием австрийского государства желательно прибытие в Берлин австрийского посланника. Кроме того, посол Ведель должен был посоветовать австрийскому правительству выступить с протестом против попыток Праги связать времен-

ную оккупацию ряда населенных пунктов Немецкой Богемии чехословацкими войсками с предрешением территориального вопроса¹⁶. Тем самым Берлин выражал свою поддержку позиции Австрии. 9 ноября австрийское правительство передало чехословацкому представителю в Вене В. Тусару ноту, в которой протестовало против занятия «городов в Немецкой Богемии и Судетской области чехословацкими войсками», являвшихся «неотторжимой составной частью немецко-австрийского государства», и подчеркивало, что своими действиями правительство ЧСР предвосхищает решение мирной конференции¹⁷. Вскоре в Берлин прибыл полномочный представитель Австрии Л. Хартманн¹⁸. «Оплошность» Гёбзаттеля была исправлена.

После возвращения К. Крамаржа 5 ноября из Швейцарии Ф. Гёбзатталь вновь посетил Национальный комитет, и, как он сообщал в Берлин, не заметил каких-либо «перемен в благоприятном отношении к нам»¹⁹. Вдохновившись этим, Гёбзаттель во время следующего посещения Президиума Национального комитета 9 ноября поставил вопрос о направлении в Берлин дипломатического представителя Чехословакии. Генеральный консул указал на ряд неотложных дел, затрагивавших чехословацкие интересы, которые быстро и успешно он мог бы решить в Берлине (возвращение чехословацких солдат с западного фронта, выплата пособий жившим в Германии чехам, вопрос о чешских вагонах и локомотивах в Германии и т.п.). Вероятно, намекая на необходимость своего признания в качестве официального представителя Германии, Гёбзаттель сказал, что он готов, «несмотря на перегруженность служебными делами», передать соответствующие предложения чехословацких властей своему правительству.

Как отмечал генеральный консул в сообщении в Берлин, господа из Президиума Национального комитета хотя в целом и согласились с его предложением, тем не менее, заявили, что Национальный комитет занимается лишь внутривнутриполитическими проблемами. Внешней политикой ведает Национальный совет в Париже, с которым до сих пор не удалось установить связь²⁰.

В действительности ни новые власти в Праге, ни Национальный совет в Париже не имели конкретной программы отношений с Германией. Оказавшись в водовороте большой европейской политики, они не были готовы к столь решительным действиям. Формально Чехословакия с Германией находилась в состоянии войны. Э. Бенешу стоило больших усилий, чтобы Антанта признала молодое чехословацкое государство своим союзником, учас-

твовавшим в войне против Германии, с которой только 11 ноября 1918 г. было подписано соглашение о перемирии²¹. Далеко не последнюю роль играли и опасения, что какие-либо попытки установления отношений с Германией вызовут негативную реакцию со стороны Антанты, и, прежде всего, Франции, сотрудничество с которой было основой чехословацкой внешней политики. Бенеш не скрывал в своих мемуарах, что Франция была против официальных контактов Праги с Веной, Будапештом и Берлином²². Париж же рассматривался чехословацкими политиками как гарант безопасности республики и незыблемости ее исторических границ. Французское правительство, подписав 28 сентября 1918 г. договор с Чехословакией, обязалось «поддерживать восстановление независимого Чехословацкого государства в границах его бывших исторических земель»²³. Как отмечал Э. Бенеш, после провозглашения республики вся его деятельность была направлена на поддержание тесных связей с союзными государствами, в первую очередь, с Францией и на подготовку к Парижской мирной конференции²⁴. Вместе с тем, пребывание Гебзаттеля в Праге для чехословацкой стороны в то время было выгодно, так как благодаря консулу можно было поддерживать контакты с Берлином²⁵. Тем более, что Прага опасалась оккупации Германией части чешских земель²⁶.

В этой связи, очевидно, не случайно члены Национального комитета в беседе с Гебзаттелем 9 ноября коснулись немецко-богемского вопроса. Желая узнать возможную реакцию Германии, и вместе с тем стремясь упредить введение германских войск под предлогом пресечения беспорядков в пограничных округах, представители Национального комитета заявили, что не исключено введение туда чехословацких войск. Однако, отмечали они, это может произойти лишь с целью пресечения там беспорядков и грабежей и при отчетливо выраженном желании местных властей²⁷.

Немецко-богемский вопрос обсуждался также Гебзаттелем с Крамаржем, которого он посетил тогда же, 9 ноября, на вилле. Это была первая их беседа, поскольку К. Крамарж после возвращения из Швейцарии был нездоров и в Национальном комитете не появлялся. Крамарж подчеркнул, что новое правительство намерено создать благоприятные условия для национального и культурного развития немцев в Чехословакии. При обсуждении вопроса об отношении чехословацкого государства к Германии, председатель Национального комитета отметил, что он не видит

никаких препятствий для развития хороших отношений. Однако, когда Гебзаттель заговорил о направлении в Берлин чехословацкого дипломатического представителя, Крамарж, как и его коллеги в Национальном комитете, сослался на отсутствие связи с Национальным советом в Париже, который ведает внешнеполитическими делами. На этот раз Гебзаттель был готов к такому ответу и предложил через Баварию направить курьера. Крамаржу ничего не оставалось, как «с явной радостью» принять это предложение²⁸.

В то время как 9 ноября генеральный консул Германской империи в Праге вел переговоры в Национальном комитете и на вилле Крамаржа, в Берлине произошли большие перемены. Революция смела кайзеровский режим, и Германия была провозглашена республикой. Правительство социал-демократа Фридриха Эберта вскоре продемонстрировало свое желание обменяться с Прагой дипломатическими представителями, проявив таким образом в вопросе признания Чехословацкой республики меньшую осторожность, чем кабинет принца Макса Баденского. Правительство Ф. Эберта стремилось представить Германскую республику как новое государство, созданное в результате демократической революции, выступающее за мирные и добрососедские отношения и свободное от старых имперских традиций²⁹. Установление дипломатических отношений с Чехословакией могло бы стать первым шагом к прорыву дипломатической изоляции Германской республики и к ее признанию западными державами. В связи с предстоящей мирной конференцией правительство Эберта прилагало большие усилия в этом направлении.

Чехословацкое правительство со своей стороны также было заинтересовано в том, чтобы произвести благоприятное впечатление на будущей мирной конференции. Поэтому важно было урегулировать немецко-богемский вопрос. По мнению правящих кругов Чехословакии, наилучшим способом его решения могло бы стать компромиссное соглашение с немецко-богемскими лидерами. Такое соглашение способствовало бы и внутривнутриполитической стабилизации, и повышению международного престижа нового государства. Немецко-богемский вопрос обсуждался во время переговоров Э. Бенеша с представителями Пражского Национального комитета в Женеве в конце октября 1918 г. Бенеш призывал действовать осмотрительно, чтобы на международной арене не возникло осложнений при определении границ чехословацкого государства, основывавшихся на требованиях старых

исторических границ чешской короны, а, следовательно, включавших территории с немецкоязычным населением³⁰. Т.Г. Масарик, находившийся тогда в США, призывал не торопиться с установлением чешского языка в качестве государственного, не провоцировать немцев, не допускать никакой «мелочности», способной вызвать их раздражение³¹.

В то же время правительство ЧСР готовилось к введению войск в немецкие провинции. Поводом к этому послужили призывы проживавших там чехов, оказавшихся в сложном положении: с одной стороны, они испытывали притеснения со стороны местных немецких властей, а с другой – несли все тяготы и лишения в результате блокирования этих провинций Прагой³². С оккупацией «Северной Чехии, немецкой части Моравии и Силезии» правительство торопило также и представительство ЧСР в Австрии. Заместитель полномочного представителя Чехословакии в Вене Р. Флидер писал К. Крамаржу, что эти области чехословацкие войска должны занять до парламентских выборов в Немецкой Австрии, назначенных на январь 1919 г. В противном случае, если бы немецкое население приграничных областей приняло участие в австрийских выборах, Чехословакия на мирной конференции столкнулась бы с множеством проблем, и Антанга ничем не могла бы помочь³³.

Чехословацкое правительство медлило с развитием отношений с Германией. Бенеш, правда, допускал возможность ведения переговоров с соседними странами на неофициальном уровне³⁴. К тому же Чехословакия была чрезвычайно заинтересована в развитии экономических контактов с Германией. 7 декабря в Берлине и 15 декабря 1918 г. в Праге были подписаны временные торговые соглашения между Германией и Чехословакией, но их реализация встретила сильное сопротивление со стороны Франции. Французы были сторонниками блокады Германии и настаивали, чтобы экономические связи Чехословакии с Германией были прерваны³⁵.

Вопрос об экономических отношениях с Германией обсуждался на заседании правительства ЧСР 28 декабря 1918 г. Министр торговли А. Странский доказывал, что зависимая от импорта сырья и экспорта товаров чехословацкая промышленность без торговых отношений с Германией остановится. Многие предприятия вынуждены будут прекратить производство и уволить рабочих, что чревато их деморализацией и опасностью социального взрыва. А. Странский предлагал заключить соглашения о торговле с

Германией не на правительственном уровне, а между экспортно-импортными комиссиями двух стран. Крамарж отклонил предложение министра торговли, мотивируя тем, что Франция настаивала на том, чтобы Чехословакия до подписания мирного договора не заключала никаких соглашений с Германией. Но все же он согласился с тем, чтобы Странский подготовил меморандум и проекты соглашений, которые министерству иностранных дел следовало согласовать с Парижем³⁶.

В связи с настойчивыми требованиями Франции свернуть все отношения с Германией Гебзаттель оказался в сложной ситуации. Вопрос о его статусе рассматривался на заседании правительства ЧСР 13 декабря 1918 г. Было принято решение, что после назначения в Чехословакию французского посланника Гебзаттель может оставаться в Праге лишь как частное лицо, а не как германский консул. От него требовалось снять консульские знаки, отказаться от права пользования шифром, пока этот вопрос не будет решен с французским посланником³⁷.

В этих все более стеснявших его условиях Ф. Гебзаттель несмотря ни на что стремился проводить политику примирения. Когда во второй половине ноября 1918 г. чехословацкие власти готовились к занятию Немецкой Богемии и других немецких провинций, Гебзаттель настойчиво остерегал Берлин от поддержки богемских немцев. В своем меморандуме по немецко-богемскому вопросу, направленном 27 ноября в министерство иностранных дел, генеральный консул отмечал, что попытка присоединения богемских немцев к Германии вызвала бы крайне негативную реакцию в Чехословакии и стала бы навсегда «неиссякаемым источником вражды между нами и чехами». Из-за этого были бы совершенно невозможны в будущем хорошие отношения между Германией и Чехословакией. «Вместо моста, который [для Германии] чехи должны были бы построить к другим славянам, а именно, югославам, они стали бы пропастью между нами и славянским миром». Гебзаттель предостерегал, что пропаганда за присоединение Немецкой Богемии к Германии разрушит все усилия по налаживанию отношений с Чехословакией и «даст чехам новое доказательство нашей враждебности и так часто отмечаемой ими «двуличной, коварной германской политики», что сильно ухудшило бы позиции Германии на предстоящей мирной конференции. Гебзаттель считал, что при случае следует подчеркнуть «нашу официальную незаинтересованность богемскими немцами» и это впоследствии можно будет использовать. «Известно,

что у чехов находятся ухо Антанты и сердце Вильсона. Поэтому на мирной конференции их слово станет более весомым. Вполне вероятно, что может представиться возможность через посредничество чехов навести мост к Вильсону и Антанте». Генеральный консул просил у Берлина согласия действовать в соответствии с изложенными положениями³⁸.

Рекомендации Гебзаттеля совпадали с представлениями о немецко-богемском вопросе в германском министерстве иностранных дел. Советник политического отдела МИД барон Вернер фон Райнбабен в меморандуме от 9 декабря 1918 г. поддержал предложения Гебзаттеля. Райнбабен также считал, что Прага, опираясь на поддержку США и Франции, достигнет своих целей, и Немецкая Богемия неизбежно станет составной частью Чехословакии. Берлин же, заняв античешскую позицию в немецко-богемском вопросе, стал бы для Чехословакии врагом, но не добился бы присоединения Немецкой Богемии ни к Германии, ни к Австрии. Советник предлагал по возможности прилагать усилия, чтобы прийти к добрососедским отношениям с чехословацким государством. По его мнению, этого можно было достичь в обозримом будущем, если пойти навстречу Праге. Райнбабен предлагал не только удовлетворить претензии Чехословакии на пограничные области, но и на предстоящей мирной конференции использовать аргументы Праги о необходимости единства земель чешской короны на национальной, географической и экономической основе в своих интересах, чтобы оградить себя от притязаний Польши на значительную часть Верхней Силезии, Познань и Западную Пруссию. «Ссылаясь на переустройство чехословацкого государства и проводя прочешскую политику, мы имели бы ясный и хороший аргумент, чтобы выступить против незаконных притязаний поляков на немецкую область». В этой связи Райнбабен считал возможным использовать в интересах Германии и чехословацко-польские противоречия из-за Тешинской Силезии, поддержав в этом споре Чехословакию. Райнбабен разделял также мнение Гебзаттеля о пользе хороших отношений с Чехословакией для будущих отношений с Королевством сербов, хорватов и словенцев: «Можно с уверенностью считать, что мы также никогда не придем к хорошим отношениям с югославянами, если будем проводить античешскую политику. Без сомнения Прага станет центром славянского мира». Хорошие же отношения с Югославией, по мнению советника, могут быть полезны германской экономике, а также принести еще большую пользу в

будущей итальянской политике Германии. В связи с вышеизложенным Райнбабен предлагал дать соответствующие инструкции генеральному консулу в Праге Ф. Гебзаттелю, чтобы в немецко-богемском вопросе он официально вел себя сдержанно и содействовал установлению добрососедских отношений с чехословацким государством³⁹.

Германия спокойно отнеслась к занятию в декабре 1918 г. чехословацкими войсками пограничных областей. Не оказала она поддержки и эмигрантскому правительству Немецкой Богемии, которое надеялось обосноваться в Саксонии или Баварии. Единственное, что вызвало беспокойство Берлина в связи с занятием чехословацкими войсками Немецкой Богемии, это случаи их проникновения на германскую территорию. Были опасения, что они оккупируют часть Верхней Силезии⁴⁰. Однако из Бреслау поступили успокаивающие сообщения: в ходе занятия чехословацкими войсками населенных пунктов в Немецкой Богемии и Судетской области вторжения в Верхнюю Силезию не последовало⁴¹. Относительно же отдельных случаев проникновения чехословацких войск на германскую территорию правительство Чехословакии ответило, что ему чужды какие-либо агрессивные устремления, и имевшие место инциденты являются исключительно делом рук «безответственных лиц»⁴².

Берлин насторожили также публикации в чешской прессе, в которых выдвигались требования присоединения к ЧСР серболужицких земель, входивших в XIV – первой трети XVII вв. в состав Чешского королевства. 13 ноября 1918 г. в Баутцене был создан «Сербский национальный комитет» как орган «политического руководства движения за освобождение Верхних и Нижних Лужиц и создания объединенного государства»⁴³. Председателем комитета был избран Арношт Барт, который впоследствии утверждал, что «целью чехословацкого министерства иностранных дел было вновь объединение Лужицы с Богемией». Чтобы побудить лужицких сербов выступить с соответствующим требованием 17 ноября 1918 г. в Баутцен прибыл основатель «Чешско-лужицкого союза»⁴⁴ Адольф Черны⁴⁵. На следующий день, 18 ноября, он получил из рук А. Барта требуемое письмо, в котором «Сербский национальный комитет» заявлял, что «будущее серболужицкой нации может быть обеспечено только путем присоединения к чехословацкому государству»⁴⁶. Но Гебзаттель призывал Берлин не придавать серболужицкому вопросу слишком большого значения. Он уверял германское правительство, что «никто в серьез-

ных политических кругах не помышляет» о передаче Лужиц ЧСР. Правда, по мнению некоторых чехословацких политиков, сообщал Гебзаттель, этот вопрос может быть использован на предстоящих мирных переговорах как «объект компенсации»⁴⁷. Сведения германского консула соответствовали действительности. 7 ноября 1918 г. Т.Г. Масарик предлагал Э. Бенешу при обсуждении немецко-богемского вопроса, оставить Германии лужичан в обмен на богемских немцев⁴⁸.

Гораздо большую обеспокоенность Ф. Гебзаттеля вызвали попытки ЧСР установить особые отношения с Баварией и Саксонией. В ноябре 1918 г. в Прагу прибыл «уполномоченный дипломатический представитель Народного государства Бавария» профессор Мюнхенской высшей торговой школы Артур Вайсс. По поручению правительства Баварии он должен был вести переговоры с чехословацким правительством о поставках сырья для текстильной промышленности и угля, недостаток которого грозил полным расстройством баварской экономики⁴⁹. Переговоры Вайсса в Праге увенчались успехом, и 22 ноября 1918 г. было подписано чехословацко-баварское соглашение об экономическом сотрудничестве. Вслед за Баварией интерес к отдельным переговорам о торговле с ЧСР проявила Саксония. 13 января 1919 г. в Прагу прибыл государственный министр Вальтер Кох как уполномоченный саксонского правительства для подписания соглашения о поставках угля. Гебзаттель считал, что отдельные переговоры Баварии и Саксонии с ЧСР имели для Берлина неблагоприятные последствия. Он жаловался, что самостоятельные торговые сделки Саксонии и Баварии сильно тормозят все его усилия по развитию межгосударственных германо-чехословацких отношений. Крамарж и другие чехословацкие политики совершенно открыто высказывались, что они чрезвычайно заинтересованы в таких обособленных переговорах с Баварией и Саксонией, поскольку они позволяли, минуя Берлин, получить из Германии все, в чем нуждалась ЧСР⁵⁰. Особые подозрения у Гебзаттеля вызывала деятельность баварского представителя в Праге, который в отличие от Коха даже уклонялся от сотрудничества с германским консульством. Гебзаттель опасался, что обособленные отношения между Баварией и ЧСР служат поддержкой баварскому сепаратизму⁵¹.

Германский дипломат был недалек от истины. Отношения между Прагой и Мюнхеном не ограничивались только торговыми сделками. Как писал 28 декабря 1918 г. Т.Г. Масарик Э. Бенешу, ми-

нистр-президент Баварии К. Эйсер искал с ним встречи и хотел приехать инкогнито в Прагу, чтобы, очевидно, заручиться поддержкой ЧСР в своей сепаратистской политике против Берлина⁵². Если бы о такой встрече стало известно, это имело крайне неблагоприятные последствия для Чехословакии. Поэтому Масарик направил с тайной миссией в Мюнхен профессора Й. Шусту, который должен был выяснить намерения Эйсера. При этом Масарик призывал Шусту проявлять чрезвычайную осторожность, чтобы не вызвать подозрений в нелояльном отношении к Германии⁵³. Шуста встречался с Эйсером и по возвращении в Прагу доложил Масарику, что «дело», затеваемое министром-президентом Баварии, «неверное»⁵⁴. Уклонившись от союза с Эйсером в противостоянии Берлину, Масарик тем не менее был заинтересован в сохранении чехословацкого влияния на Баварию. Одним из средств такого влияния он считал экономическое сотрудничество и, в частности, поставки угля⁵⁵.

В германском министерстве иностранных дел имелись подозрения, что Франция поощряет усилия баварского премьер-министра К. Эйсера к установлению особых отношений между Баварией и ЧСР⁵⁶.

Еще большую обеспокоенность в Берлине вызвали попытки Франции, используя Чехословакию, создать в Восточной и Юго-Восточной Европе «антигерманский барьер» и воспрепятствовать аншлюсу Австрии. В министерство иностранных дел Германии поступала из посольств тревожная информация, что Масарик хочет по примеру Соединенных Штатов Америки объединить земли бывшей Австро-Венгрии, а также Сербию, Болгарию, Румынию, Польшу и, возможно, все страны, которые возникнут на территории бывшей Российской империи, в «Соединенные Штаты Восточной Европы» – государственный союз с общей денежной системой и без таможенных барьеров⁵⁷. Как сообщал Ф. Гебзаттель в Берлин, президент Т.Г. Масарик в своем первом послании, с которым он обратился к Временному Национальному собранию сразу же после возвращения в Прагу 22 декабря 1918 г., открыто высказался за «сближение всех государств от Балтийского моря до Адриатики» и создание «прочного барьера против Германии, если она не откажется от политики «Дранг нах Остен»⁵⁸. Масарик действительно говорил, что во время пребывания за границей он установил дружественные отношения с поляками, украинцами, югославами, румынами, литовцами и латышами, финнами, греками и албанцами. Он подчеркнул, что интересы безопасности ЧСР

подталкивают ее к тесному сотрудничеству с соседями на Востоке и Юго-Востоке⁵⁹. Президент был убежден, что такое объединение стран Центральной и Юго-Восточной Европы будет «мощным барьером против Германии до тех пор, пока она не откажется от своей политики агрессивного давления на Восток, и одновременно он послужит защитой для России, которая таким образом будет отделена от Пруссии»⁶⁰. За словами Масарика о «защите России от Пруссии», оказании ей помощи со стороны союзников таилась одна из главных целей чехословацкой внешней политики, которую президент сформулировал в доверительном письме Бенешу 7 ноября 1918 г.: разьединить Германию и Россию, исключить прямое влияние Берлина на Москву⁶¹.

Т.Г. Масарик также преследовал цель привлечь на свою сторону Австрию и ослабить ее связи с Германией⁶². Поэтому в послании Национальному собранию Масарик подчеркивал стремление Праги к дружескому сосуществованию с австрийскими немцами, если бы последние отказались от своего господства, от пангерманских планов, были бы лояльны к Чехословакии и не вмешивались в ее внутренние дела⁶³.

Одновременно чехословацкие власти усилили давление на Гебзаттеля, к которому, очевидно, как к многолетнему представителю кайзеровской Германии в Праге, не питали большого доверия. 25 января 1919 г. представитель министерства иностранных дел ЧСР Б. Штепанек по поручению Бенеша, участвовавшего в то время в работе мирной конференции в Париже, сообщил Гебзаттелю, что, поскольку Чехословакия является союзником Антанты, которая до сих находится в состоянии войны с Германией, чехословацкое правительство не может признать официальное представительство Германии и вынуждено лишить консульство прав, которыми пользуются официальные представительства других государств, в частности, права шифровки телеграмм. Все попытки Гебзаттеля убедить Штепанека в том, что поддержание отношений через него соответствует как интересам Германии, так и – Чехословакии, не увенчались успехом. Штепанек лишь выполнял инструкции Бенеша, который, в свою очередь, вынужден был считаться с требованиями Франции⁶⁴. Гебзаттель оставался в Праге еще более месяца. Но в конце февраля 1919 г. чехословацкие власти арестовали по обвинению в шпионаже вице-консула Германии П. Шварца и предложили Гебзаттелю покинуть Прагу. Бенеш в письме председателю правительства Франции Ж. Клемансо обвинял Гебзаттеля и Шварца в шпионаже и революционной

пропаганде⁶⁵, хотя никаких официальных доказательств их вины германской стороне представлено не было. 3 марта Гебзаттель отбыл в Берлин.

Несмотря на то, что десятилетнее пребывание Гебзаттеля в Праге завершилось столь скандально, его деятельность в период образования ЧСР и в первые месяцы ее существования способствовала поддержанию мирных и бесконфликтных отношений Германии с новым восточным соседом. Большинство предложений Гебзаттеля были положены в основу внешнеполитического курса Веймарской республики в отношении Чехословакии, которому она продолжала следовать до начала 1920-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. Innenpolitik und Minderheitenprobleme in der Ersten Tschechoslowakischen Republik (Далее – DG). Т. 1. Von der Staatsgründung bis zum ersten Kabinett Beneš 1918–1921. Ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von Manfred Alexander. München; Wien, 1983 (2. Aufl. München; Wien, 2003); DG. Т. 2. Vom Kabinett Beneš bis zur ersten übernationalen Regierung unter Svehla 1921–1926. Ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von Manfred Alexander. München; Wien, 2004; DG. Т.3. Von der ersten übernationalen Regierung unter Svehla bis zum Vorabend der nationalsozialistischen Machtergreifung in Deutschland 1926–1932. Ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von Manfred Alexander. München; Wien, 2009.

² DG. Т. 1. S. 709.

³ Подробнее см.: Ibid. S. 545–547. Dok. A 2; S. 551–553. Dok. A 4; S. 554–555. Dok. A 5.

⁴ DG. Т. 1. S. 557–561. Dok. A 6.

⁵ Ibid. S. 35–37. Dok. 2.

⁶ DG. Т. 1. S. 42. Dok. 4.

⁷ Ibid. S. 46. Dok. 6.

⁸ Ibid. S. 54–55. Dok. 10.

⁹ Brügel J.W. Tschechen und Deutsche 1918–1938. München, 1967. S. 57–58; Campbell F.G. Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia. Chicago; L., 1975. P. 58.

¹⁰ Archiv Národního muzea. Praha. (Далее – ANM) К. Kramář. Karton 23. Relace – 1918. 2.6.861. (Сообщение верховного командования чехословацких вооруженных сил в МИД о поступлении оружия из Германии в Немецкую Южную Моравию. Прага, 23 ноября 1918 г.); Ibid. 2.6.863. (Выписки из донесений верховного командования чехословацких вооруженных сил о военных транспортах из Австрии в Немецкую Южную Моравию. Прага, 15–17 ноября 1918 г.); Ibid. 2.6.864.

(Выписки из доклада в министерство национальной обороны о переправке оружия и боеприпасов из Австрии в Немецкую Богемию и Немецкую Южную Моравию. Прага, 28 ноября 1918 г.).

¹¹ DG. T. 1. S. 43–44. Dok. 5.

¹² Ibid. S. 47. Dok. 7.

¹³ Ibid. S. 50–53. Dok. 9; *Peroutka F.* Budování státu. Praha, 1933. Sv. 1. S. 366.

¹⁴ *Brügel J.W.* Tschechen und Deutsche 1918–1938... S. 199.

¹⁵ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. (Далее – ADAP). 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen, 1982. Bd 1. S. 5. Dok. 3.

¹⁶ Ibid. S. 8. Dok. 4.

¹⁷ Aussenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938. (Далее – ADÖ). Wien; München, 1993. Bd. 1. S. 127–128. Dok. 1/13.

¹⁸ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 1. S. 72.

¹⁹ Ibid. S. 5. Dok. 3.

²⁰ Ibid. S. 5–6. Dok. 3.

²¹ *Alexander M.* Německá říše a vznik Československa // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě. Praha, 1999. D. 2. S. 522.

²² *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Praha, 1927. D. 2. S. 493–494.

²³ *Beneš E.* Der Aufstand der Nationen. Berlin, 1928. S. 562; Dokumenty československé zahraniční politiky. (Далее – DČZP). Vznik Československa 1918. Praha, 1994. S. 282. Dok. 130.

²⁴ *Beneš E.* Der Aufstand der Nationen. S. 668–669.

²⁵ *Alexander M.* Německá říše a vznik Československa. S. 522.

²⁶ *Beneš E.* Der Aufstand der Nationen. S. 608.

²⁷ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 1. S. 6. Dok. 3.

²⁸ Ibid. S. 6–7. Dok. 3.

²⁹ См.: Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/19. Düsseldorf, 1969. T. 1. S. 155–201. Dok. 30.

³⁰ *Beneš E.* Der Aufstand der Nationen. S. 614.

³¹ *Šolle Z.* Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání. Vzájemná neoficiální korespondence T.G. Masaryka s Eduardem Benešem z doby pařížských mírových jednání (říjen 1918–prosinec 1919). Praha, 1994. Č. 2. S. 136. Dok. IX.

³² ANM. K. Kramář. Karton 23. Relace – 1918. 2.6.887–889. (Отчет о положении в округах Врхлаби и Трутнова. Председатель национального комитета в округе Врхлаби (подпись неразборчива) – Крамаржу. Дата не указана.).

³³ DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Praha, 2001. Sv. 1. S. 90. Dok. 22.

³⁴ Ibid. S. 91. Dok. 23.

³⁵ Подробнее см.: *Gajan K. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918–1921*. Praha, 1962. S. 129–130.

³⁶ Národní archiv České Republiky. Předsednictvo ministerské rady. Karton 4364. Č. 24. (Протокол заседания совета министров 28 декабря 1918 г.).

³⁷ *Ibid.* Č. 18. (Протокол заседания совета министров 13 декабря 1918 г.).

³⁸ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 1. S. 67–70. Dok. 44.

³⁹ *Ibid.* S. 90–92. Dok. 58.

⁴⁰ Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/19. T. 2. S. 56. Dok. 76.

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 215. Оп. 1. Д. 213. Л. 195об. (Шенборни Гросс. Информационное сообщение № 53. Берлин, 27. XII. 1918).

⁴² ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 1. S. 134. Dok. 84; S. 136–137. Dok. 86.

⁴³ *Remes F. Die Sorbenfrage 1918/1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung*. Bautzen, 1993. S. 29.

⁴⁴ «Чешско-лужицкий союз» – общественная организация, объединявшая многих известных чешских деятелей культуры. Создан в 1907 г. в Праге и назван в честь его основателя «Адольф Черны». Подробнее см.: *Bobáč Z. České země a Lužice*. Tišnov; Budyšín, 1993. S. 63–64.

⁴⁵ *Remes F. Die Sorbenfrage 1918/1919*. S. 108.

⁴⁶ DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Sv. 1. S. 104. Dok. 32.

⁴⁷ DG. T. 1. S. 566. Dok. A 9.

⁴⁸ *Šolle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání*. Č. 2. S. 134. Dok. IX.

⁴⁹ Die Regierung Eisner 1918/19: Ministerratsprotokolle und Dokumente. Düsseldorf, 1987. S. 19. Dok. 5a.

⁵⁰ DG. T. 1. S. 601–604. Dok. A 19; *Gajan K. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918–1921*. S. 128–129.

⁵¹ DG. T. 1. S. 604. Dok. A 19.

⁵² *Šolle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání*. Č. 2. S. 145. Dok. XVI.

⁵³ *Ibid.* S. 147. Dok. XVII.

⁵⁴ *Ibid.* S. 158. Dok. XXA.

⁵⁵ *Ibid.* S. 148. Dok. XVII.

⁵⁶ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 1. S. 133. Dok. 84.

⁵⁷ *Ibid.* S. 134–135. Dok. 84.

⁵⁸ DG. T. 1. S. 127. Dok. 44.

⁵⁹ *Masaryk T.G. Cesta demokracie*. I. Projevy – články – rozhovory. 1918–1920. Praha, 2003. S. 28.

⁶⁰ Ibid. S.29.

⁶¹ Šolle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání. Č. 2. S. 134. Dok IX.

⁶² Ibid. S. 145. Dok. XVI; S. 147. Dok. XVII.

⁶³ Masaryk T.G. Cesta demokracie. I. Projevy – články – rozhovory. 1918–1920. S. 30–31.

⁶⁴ См.: DG. T. 1. S. 602–608. Dok. A 20.

⁶⁵ DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Sv. 1. S. 250. Dok. 143.

А.О. Пеганов (Минск)

Чехословакия в политике Будапешта на завершающем этапе Великой войны (от Белградского перемирия 1918 г. до Трианонского мира 1920 г.)

Принято считать, что Первая мировая война завершилась осенью 1918 г. серией перемирий, подписанных странами Центрального блока с Антантой. Однако с точки зрения тогдашнего права и решений Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. (далее – ПМК), состояние войны между сторонами продолжалось вплоть до вступления мирных договоров в силу¹. Применительно к Венгрии, «юридическая» точка была поставлена 26 июля 1921 г., когда подписанный ею с Антантой Трианонский мир от 4 июня 1920 г. приобрел силу. Кроме того, по мнению французского историка Поля Градволя, обозначение 1918 г. как «конца войны» для Венгрии может показаться провокацией². Так, вплоть до лета 1920 гг., Венгрия неоднократно возобновляла боевые действия против союзников Антанты (прежде всего – Румынии и Чехословакии) и не отказывалась от возможности «освобождения» силовым путем ее оккупированных районов. В этом ключе, кажется правомерным рассматривать период 1918–1920 гг. как фактически завершающий этап Великой войны с точки зрения Будапешта.

Задача данной статьи – проанализировать политику Венгрии по отношению к одному из ее главных противников – Чехословацкой республике (далее – ЧСР) в 1918–1920 гг. В качестве основных источников были использованы протоколы заседаний венгерского правительства, опубликованные сборники венгерских, чехословацких и французских дипломатических документов, а также релевантные наработки венгерской, чешской и словацкой историографии.

Появление «чехословацкого вопроса» в политической перспективе Венгрии в 1914–1918 гг.

Первая мировая война, вызвав обострение социальных и национальных противоречий в лагере воюющих сторон, запустила

в 1918–1921 гг. радикальную политическую трансформацию центрально-европейского пространства, где процесс «балканизации» Австро-Венгрии играл ключевую роль.

Вместе с тем, до войны венгерская половина Дунайской монархии казалась одним из самых монолитных государственных образований в Европе. В годы ПМВ венгерские элиты лелеяли имперские замашки и при удачном завершении конфликта рассматривали варианты расширения площади королевства за счет Румынии, Сербии, Боснии и Герцоговины, Далмации, а также создания колоний в Африке (в Киренаике, Сомали и французском Конго)³. В то же время, лозунги независимости Венгрии были подхвачены ее демократическими партиями. «Объединенная партия Независимости и 1848 г.» – стала лидирующей оппозиционной силой королевства, а ее глава – граф Михай Каройи – секретно установил контакты с представителями Антанты. Тем не менее, деятельность Каройи одобрялось австро-венгерским императором Карлом I (согласно венгерской традиции король Карл IV) Габсбургом, рассчитывавшим использовать Каройи при необходимости осуществления радикального политического маневра⁴.

В случае поражения в войне для Венгрии существовала угроза значительных территориальных потерь. Румыния претендовала на Трансильванию, Сербия – на Хорватию, Славонию и Воеводину, Россия угрожала захватить Подкарпатье. Возрастающую опасность для Венгрии представляло чехословацкое движение, выступавшее за объединение проживавших в Австрии чехов со словаками в Венгрии⁵. За годы войны 1914–1918 гг., чехословацкая программа эволюционировала от идеи создания из чешских и словацких территорий автономной части Дунайской империи в требование образования отдельного государства.

Чехословакисты развернули деятельность как внутри Австро-Венгрии, так и в эмиграции, где под руководством Томаша Гаррига Масарика сложился их основной организационный центр – Чехо-Словацкий Национальный Совет (ЧНС). Антанта явно поддерживала эту инициативу и разрешила формирование чехословацких легионов из чешских и словацких военнопленных австро-венгерской армии, которые к концу войны насчитывали приблизительно 100 тыс. легионеров. Согласно плану Масарика, озвученным в 1915 г., будущая Чехословакия должна была включать Чехию, Моравию, чешскую Силезию, Северную Венгрию, включая Прессбург (с 1919 г. – Братислава) и Кошицы, а также полосу приграничных австро-венгерских территорий, которые со-

единяли бы Чехословакию с Сербией (т.н. славянский коридор)⁶. Венгрию, по представлениям генсека ЧСНК Эдварда Бенеша, предлагалось сократить до этнических мадьярских территорий, с населением в 8 миллионов человек⁷.

К моменту окончания ПМВ территориальные амбиции чехословакистов увеличились и распространились на Подкарпатье. Таким образом, сочетая этнические и стратегические доводы, к концу 1918 г. чехословацкая зона интересов в Венгрии включала территории проходящие к северу от линии Прессбург–Комарно–Эстергом–Вац–Римавска Субота–Кошице–Чоп и заканчивая Сигету–Мармарицей на востоке и дополнялась «славянским коридором», проходящим по Западной Венгрии (Дьекениш, Надьканижа, Сомбатхей, Кишбер, Папа, Дьёр). Предельным пунктом чехословацких претензий на юго-востоке был Мишкольц. Максимальный («стратегически идеальный») план территориальных претензий предусматривал включение вплоть до 1,1–1,6 млн венгров в состав в ЧСР⁸. Чехословацкие притязания охватывали географически нечеткий субрегион Северной Венгрии, традиционно называемый «Фельвидек» («Верхняя провинция», венг. Felvidék) или же «Верхняя Венгрия» (венг. Felsőmagyarország).

Деятельность ЧСНК не оставалась незаметной в Будапеште. Венгерское правительство пыталось ограничить распространение чехословацкой пропаганды, запрещая ввоз в страну чехословацки ориентированной иностранной печати, которая трактовалась как «антигосударственная» или «направленная против территориальной целостности Венгрии»⁹.

Вместе с тем, первоначально исходящей от «чехословацкого проекта» угрозе не придавалось надлежащего значения в Будапеште. До осени 1918 г. в Венгрии считали, что Антанта не собиралась идти на полное расчленение Дунайской монархии. Программа заключения мира с Центральным блоком, сообщенная президентом США Вудро Вильсоном в январе 1918 г., принесла надежду, что целостность Венгерского королевства могла быть обеспечена при предоставлении автономии национальным меньшинствам. Эту иллюзию усиливал факт непризнания государствами Антанты статуса временного правительства у ЧСНК вплоть до лета 1918 г.

Ситуация изменилась летом 1918 г., когда Франция, Великобритания и США, пересмотрев свое видение центрально-европейского послевоенного устройства, признали ЧСНС основой будущего чехо-словацкого правительства¹⁰. С другой стороны, позиция

Великих держав по вопросам более детальной архитектуры Центральной Европы оставалась несогласованной и ее решение откладывалось до мирной конференции.

Политика компромисса Михая Каройи:
установление контакта с Прагой и потеря
Словакии (ноябрь 1918 г. – март 1919 г.).

Военный коллапс осени 1918 г. детонизировал политический кризис империи Габсбургов. На фоне федерализации Австрии, венгерское правительство Шандора Векерле приступило к разработке проекта провозглашения Венгрией независимости и преобразования австро-венгерского союза в персональную унию¹¹. Вместе с тем Векерле терял способность контролировать ситуацию: оппозиция и национальные меньшинства образовывали «национальные советы», требуя власть.

Под давлением начавшейся 23 октября 1918 г. «революции астр» в Будапеште 31 октября 1918 г. император Карл I Габсбург поручил Михайю Каройи возглавить новый кабинет министров Венгрии. Объявив нейтралитет Венгрии в войне, Каройи форсировал начало мирных переговоров с Антантой. Также новое правительство провело серию демократических реформ, введя всеобщее голосование, свободу слова и организаций. Венгрия провозгласила отделение от Австрии, и 16 ноября 1918 г. была объявлена «народной республикой». Для удержания немадьярских окраин предусматривалось введение автономии для этнических меньшинств¹². Было создано Министерство национальностей, главе которого – Оскару Яси поручалось ведение переговоров с национальными советами.

В отличие от предшествующих властей, для правительства Каройи «чехословацкий вопрос» трансформировался из маргинальной темы в важный комплекс проблем, связанных с созданием в октябре-декабре 1918 г. реального государства – Чехословацкой Республики, не только претендующей, но и распространившей свою власть на большую часть Чехии и Фельвиедека.

Первоначально группа Каройи соглашалась признать независимость Чехии (а также Украины, Польши, Югославии и немецкой Австрии), в обмен на уважение территориальной целостности Венгрии¹³ и еще до окончания «революции астр» 23–31 октября 1918 г. попыталась завязать контакты с чехословацкими политиками. 29–31 октября один из лидеров венгерских социа-

листов Мано Бухингер встретился в Вене и Цюрихе с «чешскими товарищами» Властимилом Тусаром и Моржищем Хрубаном. При этом чехи, указывая, что соглашение между Прагой и Будапештом должно быть частью скорых мирных переговоров, добавляли, что национальная программа группы Каройи их не удовлетворяла и из рук Антанты они рассчитывали получить больше¹⁴. В свою очередь, в Будапеште также надеялись, что Антанта удержит ЧСНС, сербов и румын от вторжения в Венгрию и что споры между ними будут решены на мирной конференции¹⁵. Налаживание связей с ЧСНС получило, кроме того, важное экономическое содержание, поскольку чехословакисты, блокировав идущие из Германии поставки угля, угрожали прервать движение железнодорожного транспорта и отключить отопление в Венгрии¹⁶.

Вскоре правительство Каройи одержало первую дипломатическую победу. В результате прошедших 7–13 ноября 1918 г. переговоров в Белграде Венгрия и Антанта подписали конвенцию, которая, зафиксировав оккупацию юго-восточной Венгрии Сербией и Румынией, обошла молчанием, к удовлетворению Будапешта, статус Фельвидека. Также конвенция подтверждала право прежней администрации сохранить гражданское управление на всей территории Венгрии¹⁷.

Первые прямые контакты между Будапештом и Прагой в ноябре 1918 г. обещали сохранить корректный характер. Чехословацкая сторона отправила в Будапешт своего представителя Эмила Стодолу, который приступил к обсуждению с Каройи «угольного вопроса»¹⁸. Вскоре Прага согласилась пропустить причитающийся Венгрии уголь в обмен на ответные поставки продовольствия¹⁹. Тем не менее, последовавшее продвижение чехословацкой армии в Северо-Восточную Словакию привело к сворачиванию «угольных переговоров» в середине ноября²⁰.

Несмотря на то, что посланным из Будапешта войскам удалось быстро «выбить» чехословаков, правительство Каройи не решалось оказывать сопротивление в случае дальнейшего чехословацкого наступления. Вместо этого оно попытался внести раскол между Прагой и ее основным политическим партнером в Фельвидеке – Словацким национальным советом (далее – СНС), который провозгласил в Мартине 31 октября 1918 г. объединение словаков с чехами²¹. 20 ноября 1918 г. правительство Каройи решило предложить Стодоле в обмен на эвакуацию чехословацких войск продовольственные концессии и введение словацкой автономии²².

Любопытно, что СНС согласился на проведение самостоятельных переговоров в Будапеште и поставил, таким образом, под вопрос окончательность объединения чехов и словаков. Новый представитель ЧСР в Венгрии и одновременно член СНС, Милан Годжа, предложил Каройи 27 ноября 1918 г. признать за СНС полную власть на словацкой территории²³, Каройи с удовлетворением принял это предложение за основу переговоров²⁴. Дальнейший обмен мнениями показал, что СНС настаивал на создании отдельного парламента, обладавшего полной властью на территории Словакии. Вместе с тем СНС соглашался на кооперацию с венгерским правительством в военной сфере, экономике и транспорте. Территорию Словакии СНС предлагал определить на основе «исправленных» данных переписи 1910 г.²⁵

В Будапеште считали, что пакт с СНС мог сохранить Словакию в составе Венгрии, послужить примером для аналогичных соглашений с другими меньшинствами и продемонстрировать Антанте, что Венгрия «жизнеспособна» внутри старых границ. Одновременно правительство пыталось сократить площадь территорий управляемых СНС (например, разделив западных и восточных словаков) и обязать словацких депутатов вступить в венгерский парламент, что якобы должно было удержать Словакию в составе Венгрии²⁶. В правительстве Каройи понимали, что Прага будет противодействовать отдельному соглашению между Будапештом и СНС. Тем не менее, Будапешт рассчитывал на извлечение политического капитала даже в случае срыва переговоров, так как сам факт их проведения демонстрировал неопределенность позиции словаков и таким образом служил аргументом в пользу проведения плебисцита о самоопределении в Фельвидеке²⁷.

Ход дальнейших переговоров СНС с правительством Каройи остается неясным. После того, как чехословацкие войска заняли большую часть современной Словакии, О. Яси был вынужден признать 28 декабря 1918 г., что «со словаками и румынами договориться стало невозможным». Следующей мерой в борьбе за окраины, по его мнению, должно было стать оказание неофициальной правительственной поддержки локальным этнонациональным движениям, например, «акции восточных словаков» или секеев в Трансильвании²⁸.

Венгрия пыталась завязать как можно больше связей с великими державами, которые потенциально могли сдерживать территориальные аппетиты ее соседей. Демонстрируя дружественную позицию к Советской России, правительство М. Каройи отказыва-

лось от ратификации Брестского мира 3 марта 1918 г. и аккредитовало советского посланника Христиана Раковского²⁹. В ноябре 1918 г. О. Яси попытался разыграть «советскую карту» на переговорах в Араде с Румынским национальным советом. Призывая румын умерить свои пожелания, Яси советовал учесть, что послевоенный мир будет диктоваться не Антантой, а «европейской советской республикой». При этом, по словам Яси, назначение Раковского в Будапешт, знатока румынской проблематики, должно было послужить им предостережительным сигналом³⁰.

В лагере Антанты наиболее удачно у Каройи складывался диалог с Италией. Рим, предложив Будапешту свое покровительство на ПМК, помог ликвидировать в первой половине 1919 г. проект чехословацкой экспансии к Адриатике через Западную Венгрию³¹. Итальянская дипломатия последовательно выступала также за проведение чехословацко-венгерской границы на основе этнических данных переписи 1910 г. с тем, чтобы Житный остров, г. Римавска Субота и г. Комарно, на которые претендовала чехословацкая сторона, остались в Венгрии³². Венцом венгеро-итальянских переговоров стало согласие Каройи весной 1919 г. на создание союза с Румынией под эгидой Италии при сохранении за Венгрией Трансильвании, Словакии и Воеводины³³.

Отношения Венгрии с другими членами Антанты не получили развития. Их симпатии в споре за Фельвидек склонялись в пользу чехов. Несмотря на условия Белградского перемирия, 3 декабря 1918 г. Антанта потребовала у Каройи вывести венгерские войска из Словакии, подлежащей оккупации ЧСР³⁴. Поскольку границы «Словакии» до этого не были четко определены, глава миссии Антанты в Будапеште подполковник Фердинанд Виск рекомендовал венгерскому правительству определяя линию демаркации на переговорах с ЧСР взять за основу этнические данные³⁵. В итоге 6 декабря 1918 г. Милан Годжа согласовал с венгерским министром обороны Альбертом Бартой линию временной демаркации между продвигавшимися чехословацкими и отступавшими венгерскими войсками. Линия проходила к северу от Прессбурга (Братиславы) и тянулась на востоке до Ужгорода, далее поворачивая на север и оставляя эти города на венгерской стороне³⁶. 17 декабря 1918 г. эта демаркационная линия была утверждена правительством Каройи, которое одновременно одобрило обмен чехословацкими и венгерскими пленными³⁷.

23 декабря 1918 г. Антанта направила Каройи ноту, указав новую линию демаркации между ЧСР и Венгрией, согласно кото-

рой ЧСР получала больше территорий, нежели по соглашению Барта – Годжа. Новая граница шла вдоль Дуная, р. Ипой, далее до Римавской Суботы, заканчивая р. Уж³⁸. Каройи попытался опротестовать такой раздел «Верхней Венгрии», указывая, что под чехословацкую оккупацию, кроме 1700 тыс. словаков, попадали 725 тыс. мадьяров и 200 тыс. немцев³⁹. Будапешт также оспаривал легальность «объединения» Словакии с Чехией на основе Мартинской декларации 30 октября 1918 г., принятой без проведения выборов и не признанной Будапештом⁴⁰. Но Венгрия, практически лишённая армии, была не способна оказывать вооружённое сопротивление. Быстро продвигающиеся на восток чехословацкие войска заняли к 20 января 1919 г. территории согласно линии 23 декабря 1919 г.⁴¹. Покорность Каройи, фактически принявшего новую границу, позволила сохранить корректные отношения между Венгрией и ЧСР и открыть в Праге венгерское дипломатическое представительство. С другой стороны, официально Будапешт продолжал настаивать на своих правах на Фельвидек и старался минимизировать контакты с чехословацкими властями⁴².

Поставленная Антантой в условия экономической блокады Венгрия в течение зимы 1918–1919 гг. быстро оказалась на пороге истощения своих продовольственных ресурсов. В результате в начале 1919 г. правительство постановило начать экономические переговоры с Чехословакией и Королевством сербов, хорватов и словенцев (далее – КСХС)⁴³. 24 января 1919 г. глава венгерской дипломатической миссии в ЧСР, Режю Крейчи (венг. Krejcsi Rezső) предложил президенту ЧСР Т.Г. Масарику выработать временное экономическое соглашение между ЧСР и Венгрией на основе обмена продуктов питания и промтоваров⁴⁴.

Одновременно правительство Каройи предприняло ряд мер для укрепления своего влияния на севере страны: в ноябре 1918 г. был создан пост комиссара Фельвидека, совмещавшего военную и гражданскую власть⁴⁵; помимо того, Будапешт продолжал выплату окладов в районах занятых чехословацкими войсками, только тем служащим, которые отказались от сотрудничества с новыми властями⁴⁶. Кроме того, как определенный «противовес» Словацкого совета в Мартине, в Кошицах 2 ноября 1918 г. был создан Восточнословацкий национальный совет (по-словацки⁴⁷ *Východoslovenská národná rada*, по-венгерски *Keleti Tótok Nemzeti Tanácsa*), придерживавшийся концепции этнической самобытности славянского населения Восточной Словакии. После окончания переговоров Каройи с СНС, кошицкий совет провозгласил

11 декабря 1918 г. создание Восточнословацкой республики. Это «государство», тем не менее, было вскоре ликвидировано чехословацкими войсками⁴⁸.

Несмотря на продвижение чехословацких войск к Кошице, в Будапеште продолжали считать политически выгодным реформировать правовое положение Словакии, официально предоставив ей автономию в составе Венгрии. Соответствующий закон был принят 6 марта 1919 г., по которому Словакия наделялась парламентом, отдельным министерством, в чье ведение входили местная администрация, суд, образование и религия, а словацкий язык получал официальный статус⁴⁹.

Более удачно Каройи справлялся с удержанием контроля над Подкарпатьем. Для разработки русинской автономии в ноябре 1918 г. правительство создало в Будапеште «Русинское агентство»⁵⁰. 21 декабря 1918 г. правительство одобрило законопроект по созданию автономной Руской крайны с русинским языком делопроизводства⁵¹. Тем не менее, организация автономных органов власти на практике проходила медленно, и долгое время русинское министерство оставалось в Будапеште. Его глава Орест Сабо настаивал на скорейшем введении действительного самоуправления в Подкарпатье для воспрепятствования сепаратистским тенденциям, поддерживаемым чехами и украинцами⁵². 8 апреля 1919 г., незадолго до оккупации края чехословацкими и румынскими войсками, парламент Руской Крайны собрался в Мукачево⁵³.

Кризисная дипломатия Белы Куна: необъявленная война с Чехословакией и потеря Подкарпатской Руси (апрель – август 1919 г.)

20 марта 1919 г. Антанты потребовала у Венгрии согласие на расширение оккупационной зоны Румынии. М. Каройи, намерившись отклонить ноту, решил пригласить в правительство социалистов⁵⁴. При их помощи он надеялся получить поддержку от большевистской России⁵⁵. Новое правительство, тем не менее, отеснило Кайрой от власти, и 21 марта было объявлено о создании Венгерской советской Республики (далее – ВСР).

Советский режим в Венгрии осмелился не только отклонить ультиматум Антанты, но и приступил к формированию новой Красной армии. В первые дни ВСР ее народный комиссар иностранных дел Бела Кун отказывался выполнить требования ноты от

20 марта 1919 г., надеясь, что Белградское перемирие останется в силе⁵⁶. Вместе с тем Б. Кун не настаивал на сохранении территориальной целостности Венгрии, а предлагал определить ее новые границы с помощью плебисцитов⁵⁷. Предполагается, что одновременно с этими пацифистскими декларациями Кун надеялся на организацию совместных военных операций армий ВСР и Советской России против Румынии и Чехословакии⁵⁸.

Приход коммунистов к власти в Венгрии дал повод министру иностранных дел ЧСР Эдуарду Бенешу требовать у ПМК изменить характер и площадь контролируемых ЧСР территорий. Бенеш настаивал на оккупации Подкарпатской Руси, расширении словацких границ, а также гарантий, что эта линия станет в будущем государственной границей⁵⁹.

Не получив от Будапешта признания демаркационной линии от 20 марта 1919 г., румынские войска начали наступление против ВСР 15 апреля. ЧСР, намереваясь стратегически улучшить свои позиции на юго-востоке, также начала операцию против ВСР. 27 апреля 1919 г. чехословацкие войска перешли в наступление на Мишкольц и на Подкарпатскую Русь.

Советская Венгрия оказалась не способна к сопротивлению. Уже 1 мая 1919 г. Кун заявил о принятии ультиматума Антанты⁶⁰. Венгерский наркоминдел также отправил телеграмму чехословацкому, румынскому и сербскому правительствам, где он без возражений признавал их «территориально-национальные» требования. В ответ Кун требовал прекращения интервенции⁶¹. Отдельно Кун предложил президенту ЧСР Масарику заключить договор о свободном транзите транспорта, а также договор об охране национальных меньшинств⁶². Удовлетворив свои претензии, великие державы направили Венгрии приглашение на ПМК на 15 мая 1919 г.⁶³.

Тем временем, чехословацкие и румынские войска продолжали наступление, заняв Подкарпатскую Русь, Мишкольц и выйдя к р. Тиса. 10 мая 1919 г. венгерские войска начали контр наступления против румын, после чего ВСР стала рассматриваться как «агрессор» и ее приглашение на ПМК потеряло силу⁶⁴.

20 мая 1919 г. армия ВСР контратаковала чехословаков в трех направлениях: на Мишкольц-Кошицы, на Лученец и на Левицы. К концу мая 1919 г. Красная армия заняла Восточную Словакию. Параллельно в структурах ВКП начал разрабатываться план создания суверенного советского режима в Словакии, который также отражал поступавшие из Москвы рекомендации⁶⁵. Существовали

подозрения, что успехи венгров при наступлении в Словакии во многом были обязаны помощи итальянской военной миссии в ЧСР, возглавлявшей группу чехословацких войск в Словакии. В результате этих обвинений итальянская военная миссия в ЧСР была ликвидирована в мае 1919 г.⁶⁶.

Прага попыталась использовать венгерское наступление в Словакии для оправдания новых территориальных претензий. 5 июня 1919 г. Масарик предложил Бенешу согласовать на ПМК расширение зоны чехословацкой оккупации до г. Вац, а также на правый берег Дуная (между Братиславой и Комарно). Президент ЧСР даже рассматривал вариант временного занятия Будапешта и считал актуальным вновь поднять перед ПМК проект «славянского коридора»⁶⁷.

Тем не менее, великие державы удовлетворили возросший аппетит Праги только частично. 13 июня 1919 г. Верховный Совет ПМК направил ноту Чехословакии и Румынии с описанием окончательной линии демаркации в Венгрии. Нота уполномочивала чехословаков занять Подкарпатскую Русь⁶⁸.

16 июня 1919 г. Кун сообщил Антанте и ЧСР о начале вывода венгерских войск из Словакии⁶⁹. В тот же день, в занятом венгерской армией Прешове была провозглашена Словацкая советская республика, которая, тем не менее, была ликвидирована после завершения эвакуации венгерских войск 1 июля 1919 г. Вероятно Будапешт признал независимость советской Словакии, поскольку в принятой 29 июня 1919 г. конституции ВСР помимо русинской и немецкой автономии Словакия как отдельная область не упоминалась⁷⁰.

Невзирая на протесты ПМК, наступление румынской армии вглубь Венгрии продолжалось. 1 августа 1919 г. правительство Куна подало в отставку, передав власть социал-демократам, которых возглавил Дюла Пейдль. В Праге приветствовали уход коммунистов с политической сцены Венгрии. Премьер-министр ЧСР Властимил Тусар встретившись с венгерским посланником Крейчи, передал ему, что в случае стабилизации власти социалистов и укрепления республиканского режима в Венгрии, ЧСР будет готова установить с ней дружественные дипломатические и экономические отношения⁷¹. Вместе с тем, чехословацкие войска, пользуясь «венгерским хаосом», заняли правый берег Дуная напротив Братиславы (в Петражалках)⁷², а также Шальготарьян, нарушив, таким образом, линию от 13 июня 1919 г., что вызвало недовольство ПМК⁷³.

Внешняя политика переходных правительств Венгрии:
на грани конфликта и компромисса
с Чехословакией (август 1919 – март 1920 гг.)

В начале августа 1919 г., территория («исторической») Венгрии оказалась разделена на шесть зон. В Словакии и Подкарпатской Руси утвердилась чехословацкая администрация, румынские войска контролировали венгерские территории к востоку от Дуная (Трансильванию и Альфёльд⁷⁴), сербские власти закрепились к югу от линии р. Драва–Печ–Бая–Сегед. На западном берегу Дуная главенствовала Национальная армия адмирала Миклоша Хорти⁷⁵.

При помощи вошедших в Будапешт румынских войск 4 августа 1919 г. эрцгерцог Йозеф Август Габсбург назначил Иштвана Фридриха председателем кабинета министров. Фактическая реставрация Габсбургов в Венгрии вызвала негодование ПМК и чехословацкой дипломатии⁷⁶. Их энергичные протесты вскоре заставили Й. Габсбурга отойти от власти. И. Фридрих, тем не менее, сохранил свой пост.

В середине августа 1919 г. румынское правительство Иона Братиану предложило правительству Фридриха объединить две страны на основе персональной унии⁷⁷. В этом случае Бухарест обещал вернуть территории с преимущественно мадьярским населением, намекая даже на всю Трансильванию⁷⁸. Тем не менее, правительство Фридриха колебалось. По информации МИД Франции, И. Фридрих склонялся к созданию венгеро-румыно-польского союза под предводительством Италии. Этот блок планировалось направить против ЧСР и вернуть Венгрии Словакию⁷⁹.

В конце сентября 1919 г. венгерское правительство начало новую «словацкую акцию». Для ее обеспечения в Министерстве национальных меньшинств был образован Главный словацкий отдел (венг. *Tót főosztály*, слов. *Slovenské hlavné oddelenie*)⁸⁰. В его задачи входило распространение провенгерской пропаганды среди словаков ЧСР и Венгрии, а также ведение переговоров со словацкими политиками в целях обеспечения возвращения Словакии в состав Венгрии. Под опекой отдела в декабре 1919 г. в Будапеште была создана Венгеро-словацкая народная партия (венг. *Magyarbarát Tót Néppárt*, слов. *Uhorsko-slovenská ľudová strana*), выступавшая за сохранение единства словаков и венгров⁸¹. Также в конце сентября 1919 г., демонстрируя свои симпатии к словацкой культуре и языку,

правительство Фридриха постановило создать кафедру словацкого языка и литературы в Научном университете Будапешта⁸².

Благодаря договоренности с Польшей Венгрия приступила к формированию в Галиции «словацких легионов», которые должны были стать ударной силой при «возвращении» Фельвидека. При этом Будапешт был согласен передать Польше в будущем словацкие города Спиш и Орава. Правительство также начало финансирование словацких политиков, сплотившихся вокруг Карола Булиussy. В конце сентября 1919 г. Булисса приступил к формированию «словацкого правительственного совета» (венг. *Tót kormányzó tanács*)⁸³.

И. Фридрих также надеялся повлиять на решения ПМК через отправляемые делегации национальных меньшинств с территории «исторической» Венгрии. Для этих целей русинам было выделено 1 млн венг. крон, а словацкие и немецкие политики получили по 500 тыс. крон⁸⁴. Вероятно, что путешествие в Париж словацких депутатов чехословацкого революционного парламента Андрея Глинки и Франтишка Йеглички в сентябре 1919 г. также было спонсировано Будапештом. Глинка и Йегличка намеревались представить ПМК меморандум, критикующий «чешскую оккупацию» и требующий проведения плебисцита о самоопределении Словакии⁸⁵.

Осенью 1919 г. проект унии Венгрии и Румынии потерял актуальность. Франция, Великобритания и США не одобрили эту инициативу. После отставки правительства Брэтиану в Бухаресте, а также ввода Национальной армии М. Хорти в Будапешт 14 ноября 1919 г. вопрос объединения двух стран был закрыт⁸⁶. 24 ноября Антанты «мотивировала» И. Фридриха уступить власть новому коалиционному правительству Каройи Хусара⁸⁷, которое 2 декабря 1919 г. было приглашено на ПМК.

В коалиционном правительстве Хусара по отношению к ЧСР высказывались два противоположных подхода: или противостоять оккупации Фельвидека или налаживать экономические отношения с Прагой без признания новых границ. Учитывая приближение зимы, получение чехословацкого угля приобретало первостепенное значение и «дружественный» подход к Праге временно одержал верх. 28 ноября 1919 г. Венгрия заключила с ЧСР соглашение о поставках угля. Опасаясь его аннулирования, К. Хусар призвал членов правительства воздерживаться от ревизионистских заявлений, которые могли вызвать критику Праги⁸⁸.

В ноябре 1919 г. Венгрия, выразив желание возобновить дипломатический контакт с ЧСР, направила в Прагу запрос об аккредитации Альфреда Драше-Лазара своим посланником. Однако чехословаки решили отложить обмен посланниками до подписания мирного договора. Как временная мера было решено открыть «паспортные агентства» в обеих столицах. Глава чехословацкого агентства Вацлав Лейханец прибыл в Будапешт 5 декабря 1919 г.⁸⁹. В свою очередь, ЧСР одобрила открытие венгерского агентства в Праге только в конце февраля 1920 г.⁹⁰.

Одним из противников сближения с ЧСР стал глава Национальной армии Миклош Хорти. 28 ноября 1919 г. он представил правительству Хусара собственную внешнеполитическую программу, нацеленную на восстановление «исторических» границ Венгрии. Хорти предлагал провести первую акцию против Чехословакии. Играя на ее внутренних противоречиях, он собирался использовать словацких автономистов (напр., Андрея Глинку), согласных на возвращение Словакии в состав Венгрии. Также организуемый в Польше 10 тысячный добровольческий словацкий легион должен был ударить по ЧСР с севера. Вдобавок Хорти предлагал сформировать второй словацкий легион в Венгрии. После атаки словацких легионов на ЧСР, венгерская армия могла напасть на Братиславу, Комарно и Штурово. Параллельно Хорти предлагал установить контакт с судетскими немцами⁹¹.

Казалось, что точка зрения сторонников сближения с Прагой перевешивала в Будапеште. Этому курсу также способствовала новая политика Франции. Ее представители передали в декабре 1919 г., что боясь укрепления венгеро-румынских связей, Париж был готов содействовать чешско-мадьярскому примирению⁹². Тогда же посланник Венгрии в Австрии Густав Грац установил контакт со своим чехословацким коллегой Робертом Флиедором. Оба дипломата сошлись во мнении, что их странам следует развивать торговые отношения⁹³. Разворот в сторону оси Париж–Прага–Белград был обсужден в Будапеште на уровне правительства 19 декабря 1919 г. Эта ориентация якобы сулила Венгрии хорошие отношения с Антантой, возвращение Баната, поставки продовольствия из Сербии, получение угля, а может быть и некоторых территорий от ЧСР. Противоположная точка зрения предполагала сближение с осью Рим–Бухарест⁹⁴. Итоги дискуссии неизвестны, но 20 декабря 1919 г. министр иностранных дел Венгрии Йожеф Шомшич, впервые приняв главу чехословацкого агентства в Будапеште Лейханца, попытался убедить его в венгерском желании

установить доброжелательные отношения с Прагой⁹⁵. 21 декабря Шомшич телеграфировал в Варшаву о своем намерении начать торговые переговоры с чехами⁹⁶. Вместе с тем, открытие торговых переговоров между Венгрией и ЧСР затягивалось: в начале марта 1920 г. Грац передал Флиедеру, что переговоры будут отложены до подписания мирного договора⁹⁷.

С началом 1920 г. Будапешт вернулся к попыткам возвратить Фельвидека. 7 января 1920 г. Хусар констатировал на заседании правительства, что ситуация в Словакии «взрывоопасна» и словацкие политики все больше склоняются к идее вернуться в состав Венгрии⁹⁸. Идя навстречу словацким ожиданиям, а также желая оправдать на ПМК проведение плебисцита о самоопределении на оккупированных ЧСР территориях, 9 января 1920 г. правительство приняло закон об автономии Словакии в ее этнографических границах, с самоуправлением в сферах образования, суда, религии, социального обеспечения и гарантией создания отдельного парламента и полиции⁹⁹.

16 января 1920 г. глава венгерской делегации на ПМК граф Алберт Аппоньи представил великим державам два основных тезиса к заключению мирного договора. Исходный постулат сводился к требованию уважения «исторических» границ Венгрии. Тем не менее, в случае их изменения, Венгрия настаивала на проведении новых границ с помощью местных плебисцитов. Аппоньи уделил особое внимание занятым ЧСР территориям. В противоположность ЧСР, созданной как централистское государство, Венгрия обещала предоставить автономию Словакии. Аппоньи подчеркнул, что предлагаемые Венгрии границы передавали большое число этнических венгров иностранным государствам, а также нарушали транспортные и экономические связи региона¹⁰⁰.

Амбивалентная тактика хортистов:
попытки возвращения Словакии
и Подкарпатской Руси, несмотря на подписание
Трианонского мира (март – август 1920 г.)

1 марта 1920 г. новоизбранный венгерский парламент объявил о восстановлении в стране монархии и назначил Миклоша Хорти регентом. 15 марта правительство К. Хусара было заменено кабинетом Шандора Шимоньи-Шемадама, который вплоть до апреля также удерживал портфель главы МИД.

Новые власти активизировали попытки возвращения оккупированных ЧСР территорий. Во-первых, уже 15 марта 1920 г. было подтверждено, что закон о словацкой автономии вступил в силу¹⁰¹. Вместе с тем, правительство предполагало, что в случае возвращения Словакии в состав Венгрии действительные рамки автономии могли быть уменьшены¹⁰². Во-вторых, была усилена подготовка «словацкой акции». В начале апреля в Будапеште был сформирован Верхневенгерский комитет (слов. Hornouhorský komitét, венг. Felvidéki komitét), который занялся созданием подпольной военной организации в Словакии, кооперацией с подобными частями в Польше, а также распространением пропаганды в ЧСР. Кроме того, 17 апреля 1920 г. бывший чехословацкий депутат Йегличка создал в Кракове Словацкий национальный совет (слов. Slovenská národná rada), которому отводилась роль временного правительства Словакии после ее «освобождения»¹⁰³. В-третьих, Будапешт начал тайно поддерживать организацию официальных венгерских политических партий в ЧСР. Решение было связано с проводимыми в апреле 1920 г. первыми парламентскими выборами в Чехословакии. Особенно активно Венгрия финансировала избирательную кампанию Краевой христианско-социалистической партии (венг. Országos keresztényszocialista párt), которая набрав 10% (140 тыс.) голосов в Словакии, получила 5 депутатских мандатов в парламенте ЧСР. В свою очередь, стараясь свести число венгерских оппозиционных депутатов к минимуму, чехословацкие власти предприняли контрмеры, отменив регистрацию Венгерской Национальной Партии (венг. Magyar Nemzeti Párt)¹⁰⁴ и арестовав 200 венгерских политиков. Реагируя, Будапешт пытался обратить внимание великих держав на репрессии в ЧСР. По венгерским подсчетам, к концу мая 1920 г. более 2500 мадьяр ЧСР находились в заключении¹⁰⁵.

На фоне продолжавшейся с 1919 г. польско-советской войны Будапешт намеревался использовать заинтересованность Франции в недопущении разгрома Польши в своих целях¹⁰⁶. В связи с этим Прага постоянно обвинялась Будапештом в панславизме, большевизме и симпатиях к Берлину и Москве¹⁰⁷. Премьер-министр Шимоньи-Шэмадам настойчиво обращал внимание французов, что установление общей венгеро-польской границы за счет возвращения Фельвидека упрочило бы складывающийся в Центральной Европе антисоветский и антигерманский блок¹⁰⁸. 23 апреля 1920 г. новый министр иностранных дел Венгрии Пал Телеки инструктировал венгерскую делегацию на ПМК начать перегово-

ры с Францией. Он указывал, что Венгрия была согласна принять профранцузскую ориентацию в случае возвращения Подкарпатской Руси, Житного острова, мадьярских районов медьи¹⁰⁹ Хонт и Ноград (в ЧСР), частей Бачки и Бараньи, а также создание автономии в Трансильвании. Помимо того, Телеки предлагал обсудить возвращение Восточной Словакии и Братиславы, а также немецкой части Баната¹¹⁰.

Отражением определенных успехов венгерской дипломатии стал вопрос о границах Венгрии, вновь поднятый великими державами весной 1920 г. Британцы и итальянцы подвергли особой критике передачу Житного острова ЧСР. Несмотря на решение оставить принятые в июне 1919 г. границы неизменными, великие державы 6 мая 1920 г. сопроводили текст мирного договора декларацией («письмо Мильерана»), в которой говорилось о возможности коррекции границ после подписания мира¹¹¹.

Античешские планы Телеки особо поддерживались в Варшаве, которая обещала в мае 1920 г. способствовать созданию общей границы с Венгрией¹¹². Согласно планам Хорти, Варшава должна была также обеспечить нейтралитет Румынии на случай венгеро-чешского конфликта и помочь с организацией словацких легионов в Польше. Венгрия, в свою очередь, планировала предоставить Польше 30 тыс. армию для борьбы против Советской России¹¹³. Параллельно в Будапешт поступали предложения протекции от Италии. В Риме были готовы поддерживать венгерский ирредентизм и словацкий сепаратизм внутри ЧСР, а также способствовать предоставлению автономии Трансильвании¹¹⁴ и сохранению Румынией нейтралитета в случае конфликта Венгрии с ЧСР¹¹⁵.

В обстановке подготовки нападения на ЧСР венгерские уполномоченные подписали в версальском дворце Большой Трианон 4 июня 1920 г. мирный договор, который постулировал отказ Венгрии от ряда территорий, в том числе Словакии и Подкарпатской Руси (в пользу ЧСР). Площадь королевства сокращалась с 325 тыс. км² до 93 тыс. км², а население (учитывая перепись 1910 г.) с 20 млн до 7,6 млн человек, в том числе – на 3,3 млн этнических венгров. Однако, подписывая мирный договор, Будапешт не отказывался сиюминутно от этих территорий. Вплоть до вступления Трианонского мира в силу (что произошло 26 июля 1921 г.) Будапешт продолжал считать, что юридически Венгрия продолжала существовать в своих довоенных границах, несмотря на то, что ее две трети были под иностранной оккупацией.

С приближением польско-советского фронта в июле 1920 г. к Карпатам, Будапешт предложил Антанте задействовать свою армию против Советов, транспортировав ее в Польшу или используя для охраны горных перевалов в ЧСР. 7 июля 1920 г. ключевые министры Венгрии согласились с необходимостью проведения военных операций на границах Карпат¹¹⁶. И в Праге, и в Париже догадывались, что венгерские войска, оказавшись в Словакии и Подкарпатской Руси, постарались бы присоединить эти территории к Венгрии¹¹⁷. Тем не менее, Франция не отвергла венгерские предложения¹¹⁸.

Однако с отступлением Красной армии в августе 1920 г., венгерская помощь Польше потеряла актуальность, и вместе с тем исчезла надежда на возвращение Фельвидека. 12 августа 1920 г. Телеки, занявший кресло премьер-министра, призвал правительство отказаться от официальной поддержки Польши и «не лязгать саблями»¹¹⁹. Помимо того, чехословаки подписали 14 августа 1920 г. договор с сербами, который гарантировал обеим сторонам взаимную поддержку против нападения Венгрии.

Эти события заставили Будапешт урезать свою ревизионистскую программу и приступить к нормализации отношений с Прагой. В августе 1920 г. оба государства заявили о взаимном признании де-факто. 11 августа в Праге был аккредитован венгерский посланник Ласло Тахи¹²⁰. В сентябре 1920 г. Бенеш предложил Венгрии начать переговоры по делимитации границы и даже повысить отношения на уровень де-юре¹²¹. Второе предложение было принято в Будапеште 8 октября¹²². Ратификация Трианонского договора Венгрией 15 ноября 1920 г. подтвердила, что страна была (временно) согласна признать новое размежевание в Карпато-Дунайском регионе.

Новый подход Венгрии к ведению внешней политики привел к улучшению отношений с ЧСР и трем раундам переговоров на уровне министров иностранных дел в марте, июне и сентябре 1921 г., которые, тем не менее, не смогли решить весь узел накопившихся проблем между двумя дунайскими странами. Вместе с тем, сравнительно спокойный период чехословацко-венгерских отношений продолжался до конца 1920-х гг., когда Будапешт, упорчив свое международное положение, вновь стал открыто призывать к пересмотру Трианонского мира. Осенью 1938 г., когда ЧСР оказалась во внутри- и внешнеполитическом кризисе, Будапешту удалось принудить Прагу к передаче южнословацких и южноподкарпаторусских районов с мадьярским большинством

(12 тыс. км² с 1 млн населения). В дальнейшем хортистский режим добился еще нескольких ревизионистских успехов: в марте 1939 г. было аннексировано Подкарпатье, в августе 1940 г. присоединена Северная Трансильвания, а в апреле 1941 г. оккупирована Барань. Тем не менее, все эти территориальные наращивания были ликвидированы после Второй мировой войны, и Венгрия вновь получила трианонские границы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dinstein Y.* The Initiation, Suspension and Termination of War // *International Law Studies*, 75/2000. P. 131–159.

² *Gradwohl P.* Novembre-décembre 1918: le début de guerre à la Hongrie // *Revue historique des armées*. 251/2008. P. 47–60.

³ *Romsics I.* *Múltról a mának.* Budapest, 2004. O. 121–122.

⁴ *Uslu A.* «Nous sommes les amis de l'Entente». Le comte Mihaly Karolyi dans les années de la Grande Guerre // *Öt Kontinens*. 2007. № 5. O. 273.

⁵ *Пеганов А.О.* Территориальные интересы и амбиции Венгрии в Первой мировой войне // *Первая мировая война в истории и культуре России и Европы.* Калининград, 2014. С. 167–174.

⁶ *Romsics I.* *Trianonská mierová zmluva.* Bratislava, 2006. S. 45–47.

⁷ *Beneš E.* *Détruisez l'Autriche-Hongrie! Lemartyre des Tchéco-Slovaques à travers l'histoire.* Paris, 1916. P. 70.

⁸ *Československo na pařížské mírové konferenci. 1918–1920 / Ed. J. Dejmek.* Sv. I. Praha, 2001 (далее – *ČPMK. Sv. I.*). S. 52–55, 68–72, 131–142.

⁹ *Magyar Országos Levéltár* (далее – *MOL*). K. 27. *Magyar Minisztertanácsnak Jegyzőkönyve* (далее – *jkv.*). 1916.01.15/§31; 1916.10.13/§18; 1918.02.07/§28, 29; 1918.08.31/§23.

¹⁰ *Romsics I.* *Trianonská mierová zmluva...* S. 67.

¹¹ *jkv.* 1918.10.20/§1.

¹² *jkv.* 1918.10.31/§1.

¹³ *Romsics I.* (szerk.). *Magyar történeti szöveggyűjtemény. 1914–1999.* K. I. Budapest, 2000. O. 63–65.

¹⁴ *Buchinger M.* *Tanúvallomás. Az Októberi forradalom tragédiája.* Budapest, 1936. 79–90.

¹⁵ *jkv.* 1918.11.05/§4, 5.

¹⁶ *jkv.* 1918.11.05/§ 7, 10.

¹⁷ *jkv.* 1918.11.08/§ 9.

¹⁸ *jkv.* 1918.11.08/§ 13.

¹⁹ *jkv.* 1918.11.09/§ 21.

²⁰ *jkv.* 1918.11.18/§ 13.

²¹ 28 октября 1918 г. образованный в Праге Национальный комитет опубликовал Закон и создании самостоятельного чехословацкого

го государства.–Dokumenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa 1918. Praha, 1994. S. 332–333 (прим. ред.). Следует сказать, что члены СНС, принимая Мартинскую декларацию, еще не знали про провозглашение Чехословакии в Праге 28 октября, но при этом им было известно про объявленную в Париже независимость Чехословакии 16 октября.

²² jkv. 1918.11.20/§ 10.

²³ ČPMK. Sv. I. S. 85–87.

²⁴ jkv. 1918.11.29/§ 1.

²⁵ jkv. 1918.12.01/§ 6.

²⁶ jkv. 1918.11.28/§ 1.

²⁷ jkv. 1918.12.01/§ 6.

²⁸ jkv. 1918.12.28/§ 4.

²⁹ jkv. 1918.11.12/§ 21.

³⁰ Szarka L. Iratok az 1918. novemberi aradi magyar-román tárgyalások történetéhez // Regio. Kisebbség, politika, társadalom.1994. № 5:3 O. 140–166.

³¹ Nagy L. Zsuzsa. “Italian National Interests and Hungary in 1918–19”/ Eds. Bela K. Kiraly and Peter Pastor // Essays on War World I: Total War and Peacekeeping: A Case Study on Trianon. New York, 1982. P. 201–226.

³² Romsics I. Helyünk és sorsunk a Duna-medencében. Budapest, 2005. O.141; Ádám M. (szerk.). Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről (1918–1919). K. I. Budapest, 1999 (далее – FDI. K. I.). O.154–158.

³³ Romsics I. Helyünk és sorsunk a Duna-medencében... O.138–140.

³⁴ jkv. 1918.12.03/§ 4.

³⁵ jkv. 1918.12.04/§ 3.

³⁶ ČPMK.Sv. I.S. 104–105.

³⁷ jkv. 1918.12.17/§ 6, 7.

³⁸ FDI. K. I.O. 53–54.

³⁹ Ibid. O. 68–69; Romsics I. Helyünk és sorsunk a Duna-medencében... O.138–140.

⁴⁰ FDI. K.I.O. 115–117.

⁴¹ Boros F. Magyar-Csehszlovák kapcsolatok 1918–1921-ben. Budapest, 1970. O. 49.

⁴² jkv. 1919.02.12/§ 67; 1919.02.19 /§ 21.

⁴³ jkv. 1919.01.23/§ 16.

⁴⁴ MOL. F. KÜM. K. 96. Cs. 1. 1919. 2 tétel., I-II. Письмо Р. Крейчи. 17.02.1919. O. 325–329.

⁴⁵ jkv.1918.11.15/§ 11.

⁴⁶ jkv.1918.11.13/§ 7; 1918.11.14/§ 6.

⁴⁷ Восточные словаки – «словаки» (самоназвание).

⁴⁸ *Michela M.* Pod heslom integrity. Slovenská otázka v politike Maďarska 1918–1921. Bratislava, 2009. S. 26–27.

⁴⁹ *Krajčovičová N.* Slovensko na ceste k demokracii. Bratislava, 2009. S. 53–54.

⁵⁰ jkv.1918.11.23/§ 4.

⁵¹ jkv. 1918.12.21/§ 5.

⁵² jkv. 1919.03.08/§ 11.

⁵³ jkv.1918.11.15/§ 11.

⁵³ jkv.1918.11.13/§ 7; 1918.11.14/§ 6.

⁵³ *Michela M.* Pod heslom integrity... S. 26–27.

⁵³ *Krajčovičová N.* Slovensko na ceste k demokracii... S. 53–54.

⁵³ jkv.1918.11.23/§ 4.

⁵³ jkv. 1918.12.21/§ 5.

⁵³ jkv. 1919.03.08/§ 11.

⁵³ *Fedinec C.* A kárpátaljai magyarság történeti kronológiája 1918–1944. Galánta – Dunaszerdahely, 2002. O. 11.

⁵⁴ jkv. 1919.03.20/§ 1.

⁵⁵ *Romsics I.* Trianonská mierová zmluva... S. 103–104.

⁵⁶ FDI. K. I. O. 221–222.

⁵⁷ *Boros F.* Magyar-Csehszlovák kapcsolatok 1918–1921-ben... O. 61–63.

⁵⁸ *Pastor P.* Major trends in Hungarian Foreign Policy from the Collapse of the Monarchy to the Peace Treaty of Trianon // *Hungarian studies.* 2003. № 17:1. P. 7–8.

⁵⁹ ČPMK. Sv. I. S. 268–271.

⁶⁰ FDI. K. I. O. 287–288.

⁶¹ FDI. K. I. O. 288–289.

⁶² ČPMK. Sv. I. S. 303–304.

⁶³ FDI. K. I. O. 291.

⁶⁴ *Romsics I.* Trianonská mierová zmluva... S.136–137.

⁶⁵ *Đurišín M.* K otázke štátoprávneho postavenia Slovenskej Republiky Rád v roku 1919 // *Annales Historici Presovienses.* 2010. № 9. S. 378.

⁶⁶ *Nagy L.* Zsuzsa. “Italian National Interests and Hungary in 1918–19”... P. 201–226.

⁶⁷ ČPMK. Sv. I. S. 346, 352–353.

⁶⁸ ČPMK. Sv. I. S. 361–365.

⁶⁹ ČPMK. Sv. I. S. 374.

⁷⁰ *Pastor P.* Major trends in Hungarian Foreign Policy... P. 7.

⁷¹ MOL. F. KŮM. K 96. Cs. 1. 1919. 2 tétel. I-II. Доклад о встрече Р. Крейчи с В. Тусаром. Август 1919 г. О. 428.

⁷² *Hronský M.* Maďarská republika rád a československo-maďarský konflikt v roku 1919 / Jindrich Dejmek a kol // *Zrod nové Evropy.* Praha, 2011. S. 176.

⁷³ *Ádám M.* (szerk.). Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről (1919–1920). K. II. Budapest, 2004. (Далее – FDI. K. II.). O. 62–63.

⁷⁴ Альфёльд – часть Среднедунайской равнины.

⁷⁵ *Zeidler M.* Revizios gondolat. Pozsony, 2009. O. 25–26.

⁷⁶ FDI. K. II. O. 30–32, 43–45.

⁷⁷ jkv.1919.08.16/§ 1.

⁷⁸ jkv. 1919.08.19/§ 2.

⁷⁹ FDI. K. II. O. 86, 114–115, 120.

⁸⁰ jkv. 1919.09.22/§ 2, 10.

⁸¹ *Michela M.* Pod heslom integrity... S. 67.

⁸² jkv.1919.09.22/§ 10.

⁸³ jkv.1919.09.22/§ 2.

⁸⁴ jkv. 1919.09.20/§ 11.

⁸⁵ *Michela M.* Pod heslom integrity... S. 48–49

⁸⁶ *Romsics I.* Helyünk és sorsunk a Duna-medencében... O.142–159.

⁸⁷ FDI. K. II.O.131–139.

⁸⁸ jkv. 1919.11.28/§ 2.

⁸⁹ *Československo na pařížské mírové konferenci. 1918–1920.* / Ed. J. Dejmek. Sv. II. Praha, 2011 (Далее – ČPMK. Sv. II.). S. 219–222.

⁹⁰ jkv. 29.02.1920/2.

⁹¹ *Nemes D.* (szerk.). Az ellenforradalom hatalomrajutása és rémuralma Magyarországon 1919–1921. K. I. Budapest, 1953 (Далее – EHRM). O. 239–248.

⁹² *Papers and Documents Relating to the Foreign Relations of Hungary /* Ed. Deák F. Budapest, 1939 (Далее – PDFPH). P. 94–96.

⁹³ Ibid. P. C. 86–90.

⁹⁴ jkv. 1919.12.19/§ 1.

⁹⁵ ČPMK. Sv. II. S. 219–222.

⁹⁶ PDFPH. P. 92.

⁹⁷ Ibid. P. 184–185.

⁹⁸ jkv. 1920.01.07/§ 14.

⁹⁹ jkv. 1920.01.09/§ 3.

¹⁰⁰ *Michela M.* Pod heslom integrity... S. 82–83, 86.

¹⁰¹ jkv. 1920.03.15/§ 7.

¹⁰² jkv. 1920.04.30/§ 3.

¹⁰³ *Michela M.* Pod heslom integrity... S. 110–115, 129–130.

¹⁰⁴ *Angyal B.* Érdekvédelem és önszerveződés. Fejezetek a csehszlovákiai magyar pártpolitika történetéből 1918–1938. Galánta – Dunaszerdahely, 2002. O. 56–62.

¹⁰⁵ PDFPH. P. 243–244, 315–316.

¹⁰⁶ FDI. K. II. O. 275.

¹⁰⁷ Ibid. O. 220–221.

- ¹⁰⁸ FDI. K. II. O. 270–272.
- ¹⁰⁹ медь – комитат, административная область.
- ¹¹⁰ PDFPH. P. 250–252.
- ¹¹¹ FDI. K. II. O. 286–288.
- ¹¹² FDI. K. II. O. 285.
- ¹¹³ *Boros F. Magyar-Csehszlovák kapcsolatok 1918–1921-ben...* O. 224–225.
- ¹¹⁴ PDFPH. P. 421–423.
- ¹¹⁵ EHRM. O. 414–416.
- ¹¹⁶ jkv. 1920.07.07/§ 2.
- ¹¹⁷ FDI. K. III. O. 14, 23.
- ¹¹⁸ FDI. K. III. O. 22–25.
- ¹¹⁹ jkv. 1920.08.12/§ 1, 2.
- ¹²⁰ PDFPH. P. 571.
- ¹²¹ PDFPH. P. 623.
- ¹²² PDFPH. P., 675–676.

И.В. Михутина (Москва)

Украинская народная республика:
от замысла Украинского фронта
против Четверного союза
до украинского Брестского мира
(ноябрь 1917 – февраль 1918)

К концу XIX в. сформировалась в общих чертах программа украинского национального движения, построенная на идее «сборной Украины» – создания самостоятельного украинского государства на землях украинцев, по официальному названию в Российской империи – малороссов и украинцев, по самоназванию – русинов, в тех областях Австро-Венгрии, в которых они составляли этническое большинство. В дореволюционной России украинское движение не было многочисленным (в отличие от Австро-Венгрии, где сплочение восточнославянского населения на этно-национальной основе приобрело массовый характер). Потому активисты Товарищества украинских прогрессистов (ТУП) – единственной перед Первой мировой войной легальной украинской организации либерально-демократического толка (лидером ее считался профессор М.С. Грушевский¹) первоочередной задачей считали расширение движения путем воспитания в массах сознания принадлежности к украинству.

Свободы, провозглашенные Февральской революцией, позволили членам ТУП в первые же дни образовать в Киеве из представителей национальных общественных, корпоративных, культурных и др. организаций коалиционный совет – Украинскую центральную раду (УЦР) и в согласии с Временным правительством приступить к организации школьного обучения украинских детей на родном языке, к развитию украинской печати, книгоиздания, театра, к введению национального языка в практику местной администрации. Грушевский, отбывавший в Москве последние дни своей административной высылки, сначала тоже рассуждал, что «это работа на целое десятилетие», прежде чем украинское движение наберется сил для претворения в жизнь

стратегической цели – создания самостоятельного государства. Однако, по воспоминаниям профессора, левая молодежь в московских украинских кружках раскритиковала за умеренность «старые украинские организации» и, чтобы «не отстать от событий», заявила о готовности к незамедлительным революционным действиям. Грушевский усмотрел в такой горячности опасность распыления в общероссийском революционном потоке «малых и слабых кадров сознательного украинства» и счел за лучшее, не дожидаясь необходимой зрелости национального движения, «направить энергию молодости на украинские цели»². По возвращении его в Киев в текущую повестку украинского движения было поставлено государственное строительство с начальной стадией – национально-территориальной автономией Украины в составе России, но с собственными вооруженными силами и самостоятельной внешней политикой. Россию же предполагалось превратить в договорную федерацию – конгломерат сепаратистских новообразований, заявивших о выделении из единого государства³.

Тема национально-территориальной автономии и образования федерации заняла центральное место на Украинском национальном съезде в апреле 1917 г. Так, в докладе по территориальному вопросу с размахом были начертаны пределы будущей автономии, выведенные якобы из численного преобладания украинского этноса: это Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Херсонская и Черниговская губернии, Донская область и Кубань, а также части Люблинской, Седлецкой, Гродненской, Курской, Воронежской, Ставропольской, Бессарабской и Таврической губерний, последняя – без Южного берега Крыма⁴. Заметим: когда вопрос о принадлежности Крыма приблизился к практическому рассмотрению, УЦР вообще отказалась от претензий на полуостров⁵, возможно, не в последнюю очередь из-за отсутствия там украинского этнического большинства.

Решения съезда обозначили переход украинского движения в оппозицию к Временному правительству, которое относило изменение форм российской государственности строго к ведению Учредительного собрания. Но правительству недоставало авторитета, чтобы твердой рукой остановить самочинное движение украинских активистов к автономии. В июне последние огласили I Универсал (акт конституционного значения) об учреждении национально-территориальной автономии с УЦР как высшим представительным органом власти и Генеральным секретариатом

(ГС) в качестве правительства. Временное правительство не отменило этого решения, лишь предложив отсрочить его реализацию до утверждения будущим Учредительным собранием, а ГС стало трактовать как подчиненную себе структуру местной администрации. Киевские политики ответили на это изданием II Универсала с информацией о разработке для ГС именно правительственного статута. Наконец, факт свержения Временного правительства лидеры украинского движения использовали для принятия Малой радой (постоянно действующим комитетом УЦР) 7 ноября 1917 г. III Универсала, в котором ключевая декларация выглядела так: «Во имя создания порядка в нашем крае, во имя спасения всей России оповещаем: Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов»⁶.

Федерация в понимании украинских политиков могла приобрести причудливые свойства: в ее формировании не предусматривалось участия центральной российской власти – ни старой, чьи сторонники еще не отказались от борьбы за возвращение Временного правительства, ни большевистского Совета народных комиссаров (СНК), учрежденного 2-м Всероссийским съездом Советов в качестве нового общероссийского правительства. Непризнание последнего УЦР оформила специальной резолюцией от 26 октября 1917 г. По замыслу киевлян в федерацию должны были объединиться государственные новообразования народов и областей – особенно казачьих, которые заявили об отделении от России. В остальном программа, обнародованная в Универсале, напоминала мотивы и действия потерпевшего крах Временного правительства: политическая демократия парламентского типа с преимущественным участием левоцентристских партий, ограниченность и неспешность социальных преобразований, во внешней политике – выполнение союзнических обязательств перед державами Согласия.

Несмотря на разительное несходство этой программы с задевавшими массы за живое лозунгами большевиков, советское правительство сочло за лучшее не поднимать «перчатку» отчуждения, брошенную Центральной радой. Оно приняло как данность факт провозглашения УНР, не без основания рассчитывая, что неизбежная политическая и социальная конвергенция поможет гармонизировать отношения Петрограда и Киева. Первым благожелатель-

ным жестом северного соседа стало опубликованное 16 ноября в печати постановление СНК о возвращении украинских исторических реликвий, которое «непреклонно будет приведено в действие после обмена мнений с Украинской радой»⁷.

Рада и ГС как государственные институты не приняли предложенного «обмена мнений». Но 17 ноября на разговор по прямому проводу с наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным и представителем Киевского областного комитета РСДРП(б) согласился как член руководства Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), один из генеральных секретарей Н.В. Порш. Предоставленная им в ходе разговора информация о системе власти в УНР выявила в ней существенное отклонение от ключевой демократической процедуры – проведения всеобщих выборов для получения мандата на власть: УЦР же поспешила сразу объявить себя органом высшей власти республики до проведения назначенных на 27 декабря выборов в Украинское учредительное собрание, функции которого заранее свела лишь к принятию конституции. Сталин со своей стороны заметил, что легитимность СНК в качестве центрального российского правительства опирается на избрание его Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов, что Чрезвычайный съезд советов крестьянских депутатов решил присоединить свой Исполнительный комитет к Всероссийскому ЦИК Советов, отчего Советы стали самой массовой формой народного представительства. Опираясь на эти факты, большевистское руководство рассчитывало, что его украинским единомышленникам удастся таким же образом превратить УЦР в составную часть системы Советов. Киевский областной комитет большевиков уже начал подготовку съезда Советов Украины для избрания нового состава УЦР, и Сталин высказал своему собеседнику из УСДРП пожелание, чтобы украинская власть не препятствовала деятельности Советов. Порш от себя лично высказался за сотрудничество между Петроградом и Киевом, но, при сохранении «организации центрального органа демократии» в УНР на уже принятых Центральной радой началах⁸.

Принципиальные различия между Петроградом и Киевом обнаружались и в отношении к проблеме выхода из Первой мировой войны. Большевистское руководство решилось на сепаратный мир, чтобы не допустить произвольного развала фронта и беспорядочного бегства солдатских масс в тыл. Эта опасность стремительно нарастала, потому что провозглашенная революцией в феврале свобода в чаяниях солдат была свободой от «того ве-

ликого ужаса, который именуется войной», особенно той реально продолжавшейся войны, цели и пафос которой остались за пределами понимания и чувств большинства российских солдат. А метафора о «великом ужасе» войны принадлежала боевому генералу, командовавшему одним из корпусов Северного фронта. Осенью 1917 г. он, как и многие военачальники, остро ощутил необходимость скорейшего выхода России из войны, не раз обращаясь в дневнике к этой теме. 23 октября он так написал относительно проблемы сепаратного мира: «С точки зрения верности слову предложение, конечно, коварное, ну, а с точки зрения эгоистических интересов России, быть может, единственно дающее надежду на спасительный исход»⁹.

Неустойчивость войск на переднем крае грозила всей стране необратимо разрушительными последствиями. Недаром генерал Н.Н. Духонин, отстраненный народными комиссарами от должности главнокомандующего по формальным причинам, за несколько дней до своей трагической гибели спешил передать штабам фронтов последние директивы о мерах предупреждения военной катастрофы и стихийной демобилизации армии. «Людей, покидающих самовольно фронт... не пропускайте вглубь России или обезоруживайте их. В этой крайней обстановке мы должны спасти Москву и пол-России от гражданской войны», – писал он 15 ноября в штаб Северного фронта¹⁰.

Киевские политики избрали для оценки ситуации иную оптику. Они заранее избрали формулу о принуждении к миру равным образом союзников и противников, позволявшую, как им казалось, сколь угодно бездействовать. Видно поэтому Порш 17 ноября пропустил мимо ушей напоминание Сталина о приостановке военных операций на фронте и скором начале переговоров о перемирии. По той же причине ГС оставил без ответа переданное ему 24 ноября предложение наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого «включить представителя Генерального секретариата в состав общероссийской мирной делегации»¹¹. Лишь 28 ноября, после дополнительного напоминания начальника штаба Верховного главнокомандования, ГС назначил украинских представителей, но не делегатов, а наблюдателей «для информации и контроля, чтобы перемирие было заключено не во вред Украинской Народной Республике»¹².

Между тем западным союзникам важно было, чтобы Восточный фронт продержался, оттягивая на себя силы Центральных держав, хотя бы до весны. Когда большевистское правительство не оправ-

дало их ожиданий, Лондон и Париж обратили внимание на двойственную позицию новообразованного государственного центра на берегах Днепра. Известный экономист, профессор Петербургского университета М.И. Туган-Барановский, некоторое время заочно возглавлявший генеральный секретариат финансов, в ноябре письмом сообщил в Киев, что французский посол в России через него предложил украинскому правительству финансовую помощь. ГС тут же поручил профессору разработать «план финансовых операций между Украиной и Францией»¹³. К сотрудничеству на почве сохранения хотя бы части Восточного фронта киевское правительство склоняли и военные представители держав Соглашения, перебравшиеся в украинскую столицу после захвата Ставки большевиками. Французы, кроме финансово-кредитной поддержки, предлагали прислать инструкторов для реорганизации украинских воинских частей и разрешения транспортных проблем¹⁴. Еще важнее финансовой и военно-организационной поддержки киевским политикам представлялась международно-политическая, правовая сторона дела: практическое сотрудничество с западными державами давало шанс на официальное признание самопровозглашенной УНР. ГС 23 ноября без долгого обсуждения принял резолюцию о разделении Восточного фронта с тем, чтобы Юго-Западный и Румынский фронты составили единый Украинский фронт с последующим уведомлением об этом Ставки¹⁵.

Готовность Киева присоединиться к военным планам держав Соглашения была ими замечена. В декабре представитель французской военной миссии генерал Ж. Табуи письменно сообщил председателю ГС В.К. Винниченко о своем назначении «Комиссаром (а не послом. – *И.М.*) Французской республики при правительстве Украинской республики». 29 декабря генерал сделал заявление, что с этого дня Франция вступила в официальные отношения с Украиной. Примерно в те же дни заверения в поддержке задач, поставленных перед собой украинским правительством, выразил Пиктон Баги, назвавший себя в письме к главе ГС официальным представителем Великобритании на Украине¹⁶.

Однако вскоре между намерениями украинского правительства и их воплощением открылась непреодолимая пропасть. Для осуществления проекта Украинского фронта, способного поддерживать союзников на полях Мировой войны, нужны были боеспособные, идейно мотивированные части. На деле было иначе: по данным работавших в войсках большевиков, на Юго-Западном и Румынском фронтах этнических украинцев насчитывалось са-

мое большее – одна треть¹⁷. Неудивительно поэтому, что на Румынском фронте вся 8-я армия не признала своей государственную принадлежность к УНР; чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта, хотя и направил приветствие киевским властям, но не согласился перейти в их подчинение, высказавшись за власть Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в центре и на местах¹⁸. Исполнявший должность командующего Юго-Западным фронтом генерал Н.Н. Стогов, обеспокоенный шатким положением на передовой, телеграфировал в Киев, что «русские части угрожают бежать с Украинского фронта. Катастрофа не за горами»¹⁹. Настроение в украинизированных частях мало чем отличалось от описанного. По свидетельству И.П. Мазепы, главы правительства УНР в 1919–1920 гг., «антивоенные настроения в 1917 г. играли большую роль в психологии народных масс: никто не хотел войны, все были против регулярной армии и мобилизации»²⁰. Неудача в деле восстановления фронта лишила почву расчет киевского правительства на покровительство держав Согласия в деле международного признания УНР.

Одновременно испытанию, что называется, на разрыв подвергся украинский проект договорной федерации: потенциальные кандидаты в федерацию молчали в ответ на многократные обращения киевского правительства, а власти казачьих областей, чье присутствие в будущем федеративном союзе считалось особенно желательным, усиливали у себя кастовую систему, исключавшую любые признаки демократии. 2 ноября атаман Всевеликого войска Донского генерал А.М. Каледин ввел военное положение на территории войска, включавшей значительную часть Донецкого угольного бассейна, где еще до Октября утвердилась власть Советов рабочих и солдатских депутатов. Казачьи отряды, заняв промышленные центры, разогнали рабочие организации, а активистов стали в трех- или семидневный срок с семьями высылать за пределы области. В Ростове военные порядки калединовцев вызвали стихийное возмущение трудовых «низов», оказавших в рядах Красной гвардии отчаянное сопротивление казакам. Страна, при всей полярности политических симпатий, с ужасом следила за первыми вспышками боев, на глазах превращавшимися в пожар Гражданской войны. «30 ноября. На Дону кровь и дым, – сделала запись в дневнике Зинаида Гиппиус. – 4 декабря. На Дону кровавая бойня. Неизвестно, кто одолеет»²¹.

Официальный Петроград готов был прийти на помощь своим единомышленникам. 24 ноября в три часа дня Троцкий передал

верховному главнокомандующему Н.В. Крыленко предложение «немедленно двинуть по направлению к Москве, Ростову-на-Дону и Оренбургу (где поднял мятеж казачий атаман Дутов. – *И.М.*) такие силы, которые, не колебля линии нашего фронта, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контрреволюционный мятеж казачьих генералов и кадетской буржуазии»²². Но путь отрядов с севера на юг лежал через территорию, которую Киев объявил принадлежавшей Украине. Хотя границы последней были намечены произвольно, в одностороннем порядке, и никем еще не признаны, советское правительство, как видно, решило, что обсуждение создавшейся ситуации поможет налаживанию отношений с УНР, в правительстве которой решающее слово принадлежало социалистам – украинским социал-демократам и эсерам. В упомянутом дневном разговоре Троцкий поручил Крыленко «запросить Украинскую раду, считает ли она себя обязанной оказывать содействие в борьбе с Калединым, или же намерена рассматривать продвижение наших эшелонов на Дон как нарушение своих территориальных прав»²³. Вечером Крыленко напомнил вызванному к проведению генеральному секретарю военных дел С.В. Петлюре: «Вам известны обостренные отношения и роль, которую занял в настоящее время Каледин. Быть может, буду поставлен в необходимость активных мероприятий. Продвижение войсковых частей будет связано с правами Украины... Ваш ответ ясный и точный мне необходим»²⁴. Петлюра пообещал, что сможет сообщить решения по всем поставленным вопросам по окончании проходившего допоздна заседания правительства²⁵. ГС постановил отказать в пропуске советских войск. При этом казачьим частям было позволено через Украину возвращаться с внешнего фронта на Дон, где они по мобилизации пополняли боевые ряды каледиинцев. Троцкий, еще не зная отрицательного решения ГС, посоветовал Крыленко «ответ опубликовать во всеобщее сведение. Вся армия, в том числе и украинцы, должны знать, что обеспечение Донецкого бассейна от каледиинской анархии есть вопрос жизни и смерти для революции»²⁶. В понимании большевистского руководства такова была цена возникшей ситуации. По-видимому, подобным образом – только со своей «колокольни» – оценивали значение борьбы за Донбасс каледиинцы и другие противники большевизма. Лишь государственные мужи в Киеве не принимали в расчет, как важен был бы Донецкий промышленный район, остававшийся на протяжении десятилетий индустриальным сердцем всей евро-

пейской России, для становления украинского государства. Административно часть бассейна принадлежала к Екатеринославской губернии, то есть находилась в составе УНР. Донецкие рабочие обращались в Киев, ища защиты от бесчинств калединских войск. Винниченко признавал, что «на Дону фактически организуется реакция, с которой нам придется бороться», но практичный Порш возражал: «Менять сейчас курс политики нельзя, армии у нас нет, в снабжении углем мы зависим от Дона, все патронные заводы находятся вокруг Дона. Казаки имеют 250-тысячную армию, с которой бороться очень трудно»²⁷. Иными словами, правительство УЦР из текущих тактических выгод готово было разделить с донским войсковым правительством свои суверенные права и обязанности по защите тружеников Донбасса.

Генеральные секретари, отказав Петрограду в пропуске советских отрядов на юг, принялись за чистку рядов украинской армии – этническую и политическую. Из тыловых частей и гарнизонов увольнялись русские военнослужащие, арестовывались выборные командиры, ликвидировались отряды Красной гвардии. В Киеве несколько неукраинизированных пробольшевистски настроенных полков в ночь на 30 ноября внезапно были разоружены, лишены армейского имущества и под конвоем вывезены за пределы края. Советская пропаганда заклеяла эту операцию в Киеве как акт шовинизма и оскорбление воинской чести²⁸. В те же дни в Одессе шло сражение между отрядом Красной гвардии, которому городская рада запретила отправку на Дон против Каледина, и войсками округа – помощью им оказались прибывшие с фронта четыре эшелона украинских солдат²⁹. Одновременно Киевское правительство санкционировало вторжение украинских военно-политических структур в непосредственное управление фронтом. 4–11 декабря украинские войсковые рады захватили штабы всех подразделений фронта, арестовали членов ВРК и комиссаров-большевиков. Некоторых из них расстреляли. Все это парализовало аппарат командования войсками. 7 декабря генерал Стогов сообщал в Ставку: «Я хотя номинально и не освобожден от должности, но фактически сделать ничего не могу, и распоряжается всем у нас фронтовая рада... Все это ставит фронт в ужасное положение»³⁰.

Тем временем большевистское руководство выработывало линию действий в обострившихся отношениях с УНР. Обсуждение этого вопроса Совнаркомом 2 декабря завершилось кратким постановлением: «Дать соответствующую инструкцию Крылен-

ко по телеграфу»³¹. Суть инструкции находим в сохранившемся отрывке секретарской черновой записи: «Войска против Каледина продвин[уть] через Украину, не считаясь с последствиями. Офиц[иально] признавать независимость Украинс[кой] республики Советов, с конфискацией земли у помещиков»³². Иными словами, применение военной силы против УНР признавалось допустимым лишь для обеспечения транзита красных отрядов на Дон. В остальном предполагалось воздействовать на киевское правительство средствами пропаганды, целясь в самое уязвимое место его политики – непозволительную медлительность при решении важнейшего в аграрном крае земельного вопроса.

Чтобы окончательно выяснить отношение властей УНР к вооруженной борьбе на Дону, СНК 3 декабря утвердил составленный Лениным и Троцким документ, срочно направленный в Киев – «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде». В первой его части дружественно декларировалось признание Украинской республики и ее права на отделение от России. Во второй объявлялось о непризнании УЦР из-за ее «двусмысленной буржуазной политики» подавления советов, дезорганизации фронта и поддержки кадетско-калединского заговора. Предъявлялось требование изменить политику на противоположную, иначе СНК «будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине»³³.

Ответ ГС, отправленный 4 декабря, был так же поспешен, непримирим и воинственен³⁴. Ультимативный тон советского документа не понравился не только правительству, но и широким кругам украинцев. На фоне возбуждения общественности национальным функционерам удалось внести сумятицу в организацию намеченного на 4 декабря Всеукраинского съезда Советов и сорвать его работу в Киеве³⁵. Но делегаты-большевики, часть украинских левых эсеров и украинских социал-демократов выехали в Харьков, где вместе с участниками Областного съезда Советов Донбасса и Криворожья 11–12 декабря 1917 г. провели Всеукраинский съезд Советов, который объявил о лишении полномочий УЦР и ГС и создании вместо них ЦИК Советов Украины и правительства – Народного секретариата³⁶. В телеграмме, направленной в СНК 15 декабря, ЦИК Советов Украины декларировал стремление к «полному единению украинской и великороссийской демократии»³⁷. Так образовался альтернативный УЦР, дружественный советскому правительству в Петрограде центр власти на Украине.

5 декабря СНК принял очередное постановление по украинскому вопросу: «Признать ответ Рады неудовлетворительным. Считать Раду в состоянии войны с нами»³⁸. В черновике осталась запись о важной практической детали – организации под началом В.А. Антонова-Овсеенко «боевого центра, действующего против контрреволюции»; в числе задач центра впервые были названы «боевые действия с Радой»³⁹, которые, впрочем, начались значительно позже: большевистское руководство предпочитало все-таки ликвидировать конфликт путем переговоров. Они завязались еще до ультиматума при посредничестве Украинского революционного штаба Петроградской войсковой рады. Для связи с ГС штабу была предоставлена линия прямого провода. Петроградские украинцы расценили все это как слабость СНК и передали в Киев, будто «в среде комиссаров чувствуется неуверенность и... растерянность, каковые проявляются в быстрой готовности и даже в стремлении найти пути и способы разрешения кризиса... Настроение Смольного подавленное. Возможны уступки»⁴⁰. Воодушевленные такого рода информацией генеральные секретари сформулировали максимальные требования к СНК, добавив, что только после их принятия сообщат о своем отношении к донской контрреволюции⁴¹.

Между тем у самого ГС дела шли из рук вон плохо: не удалось наследовать прежним внешнеполитическим союзам России, федералистское прожектерство разбилось о равнодушие умозрительно намеченных партнеров, украинизированные войска не стали опорой киевской власти. Один из старейших деятелей украинского движения Е.Х. Чикаленко так объяснил последнее обстоятельство: «Они так рвались... с Северного фронта спасти “родную Украину”, а тут для них не были готовы ни казармы, ни довольствие, и они добывали себе помещения, порой выбрасывая больных из госпиталей, самовольно забирали из интендантских складов имущество и припасы»⁴². В результате одни, оставшись на военной службе, проникались идеями большевизма; другие, заспешив по домам, чтобы вернуться к крестьянским занятиям, заставляли все еще неразрешенным земельный вопрос. Когда же в середине декабря ГС представил проект закона о земле с неотчуждаемой нормой собственности в 40 десятин, возмущению земледельцев не было предела. Старый крестьянин, депутат УЦР с трибуны Рады предупредил «высокое собрание»: «Когда с фронта вернутся наши вояки, они штыками своими промеряют эти 40 десятин»⁴³.

Тем временем конфликт с Петроградом перешел в военную стадию, приносящую Киеву неутешительные результаты. Спустя два года Винниченко дал этому классическое по четкости объяснение: «Это была борьба влияний. Ни большевики, ни мы не имели регулярной дисциплинированной армии... Наше влияние было меньше. Их (большевиков) перевес был в том, что все наши широкие солдатские массы не оказывали им никакого сопротивления или даже переходили на их сторону; что почти все рабочие... были за них; что в селах сельская беднота явно была большевистской; что, словом, огромное большинство именно украинского населения было против нас... Город за городом, губерния за губернией переходили в руки большевиков. Единственной нашей активной военной силой была наша интеллигентная молодежь и часть национально сознательных рабочих»⁴⁴. Но в декабре 1917 г. председатель Генерального секретариата объяснял трудности непопулярной власти происками политических оппонентов, якобы заслуживающих драконовских мер подавления. Он требовал, чтобы УЦР предъявила народным комиссарам ультиматум с вопросом, воюют они с Украиной или нет: «Если воюют, то мы объявляем их сторонников врагами. Те, кто не уедет, будут считаться шпионами и лазутчиками. Война так война!»⁴⁵.

В обстановке нараставшего неблагополучия украинское руководство стало искать некую линию обновления своей политики. Направление поисков подсказали украинцы-эмигранты, сотрудничавшие в течение Мировой войны с разведками Австрии и Германии. Они объяснили киевлянам: если правительство УНР останется в стороне от мирных переговоров, то мир будет подписан Центральными державами с Совнаркомом, который укрепитя как единственно правомочное правительство бывшей Российской империи⁴⁶.

Посланцы Киева, назначенные на мирную конференцию как наблюдатели, опоздали к подписанию 2 декабря договора о перемирии, но все-таки на следующий день прибыли в Брест-Литовск, где в неофициальных разговорах с представителями Четверного союза заявили, что Киев не считает СНК правомочным заключать мир от имени всей России. На это немецкие представители возразили, что не имеют формального уведомления о существовании УНР, и только в случае получения официального подтверждения самостоятельности украинского государства станут с киевлянами вести переговоры отдельно от России⁴⁷.

Первый раунд официальных переговоров о мире выдался коротким – с 9 по 11 декабря: сразу же возник вопрос, состоится ли их продолжение, ибо Центральные державы отказались от прежней договоренности с делегацией СНК перенести конференцию на нейтральную почву, заблокировали реализацию принципа самоопределения, и заявили, что об очищении оккупированных территорий можно будет говорить только после подписания мирного договора. Советские лидеры были близки к отказу от дальнейших переговоров, однако в конечном счете решили продолжить их, не допуская спешки и развернув пропаганду против экспансионизма⁴⁸.

Дипломаты Центральных держав тоже опасались разрыва. В таком случае они видели выход в проведении «быстрых и энергичных переговоров» с УНР⁴⁹. Киеву это тоже было на руку. Несмотря на то, что в правительстве преобладали антантофилы – украинские социал-демократы и федералисты, ГС составил, а УЦР утвердила ноту о самостоятельном участии УНР в мирных переговорах, направленную всем воюющим и нейтральным государствам. В ответ представители Центральных держав 18 декабря прислали уведомление, что мирная конференция возобновит работу 22 декабря. Украинские делегаты засобирались в путь и на следующий день уже были в Бресте, где дипломаты Центральных держав начали с ними предварительные неофициальные разговоры. 22 декабря в полной секретности состоялись аж три таких заседания, в том числе с участием глав немецкой и австрийской делегаций⁵⁰. Германский статс-секретарь Р. Кюльман интересовался возможностью возобновления прежних торговых и экономических обязательств, «попранных войной». Министр О. Чернин предостерег от претензий на Восточную Галицию, которую в УНР считали неременной составной частью «сборной Украины». В речах же киевлян еще присутствовали тезисы о самоопределении, о федерации в пределах России и проч.⁵¹ – все то, что австро-германская сторона считала неприемлемым.

Требование дипломатов Центральных держав к украинскому правительству определиться с самостоятельным статусом УНР вызвало в ГС разногласия, окончательно подорвавшие его устойчивость. На заседании 26 декабря генеральный секретарь по иностранным делам федералист и антантофил А.Я. Шульгин высказался против полного суверенитета республики именно потому, что его «подсовывают... немцы... [чтобы] выторговать себе все экономическое влияние». В своих дальнейших рассуждениях он спрогно-

зировал события, которые через неполные три месяца сделались для УНР явью: «Самостоятельность настроения масс не поднимет и армии нам не создаст. Одновременно придется расширить войну с Россией. [Для этого] надо будет опереться на Германию... В результате Украина будет оккупирована Германией... В ее интересах расколоть Россию на части»⁵². Но приведенные доводы не подействовали. Самая большая фракция в Раде – украинские эсеры – в расчете получить признание УНР со стороны Четверного союза высказалась за отказ от федерализма и провозглашение государственной самостоятельности республики.

Советская делегация во главе с Троцким прибыла в Брест 25 декабря и первым делом встретилась с представителями Киева. Нарком заверил, что не предлагает им составить общую делегацию, но ожидает согласованных выступлений по определенным вопросам. Украинцы вроде бы согласились⁵³. Однако вскоре Троцкий узнал из немецких газет о германо-украинских переговорах, которые хотя и не официальные, но идут «вполне благоприятно»⁵⁴. Уличенные в утаивании этого факта украинцы пообещали, что с разрешения Киева смогут показать стенограммы неофициальных переговоров. Заметим: до развязки «брестской истории» обещанное так и не было выполнено.

С утра 27 декабря Троцкий ознакомил украинцев с содержанием своей речи на пленарном заседании вечером – о признании их в качестве представителей правительства независимой Украины, полномочных для ведения мирных переговоров. Но в течение дня наркому, как видно, стало известно о «граничащем с издевательством», по словам Ленина, отказе Киева от предложения СНК начать «деловые переговоры» по урегулированию советско-украинского конфликта⁵⁵. Реакция Троцкого оказалась растерянной и хаотичной. 28 декабря он выступил с укороченным заявлением, в котором от обещания о полном признании правительства УНР и его делегации, осталось лишь согласие на присутствие в Бресте посланцев Киева⁵⁶.

Тем временем появилось сообщение некоего информационного агентства, будто власть на Украине перешла к Советам. На запрос делегации СНК из Бреста Сталин ответил: «Сообщение... не точно, Рада еще не свергнута, но близка к этому. Ее власть ограничивается пределами Киевской губернии... Изнутри Раду взрывают левые эсеры, действующие в контакте с петроградскими коллегами. У них уже две трети в головной Раде... В ближайшем будущем Винниченко будет сменен левым эсером»⁵⁷. Приведенные Ста-

линым данные без преувеличения отражали действительность. Но случилось непредвиденное: немцы, хозяйничавшие в Бресте, тайно и незаконно контролировали шедшие по прямому проводу сообщения участников конференции. Информацию Сталина они тотчас передали в Киев, где ГС, прямо процитировав первоисточник, произвел превентивные аресты своих левоэсеровских оппонентов⁵⁸.

В начале января 1918 г. делегации Центральных держав, несмотря на плачевное положение киевского правительства, начали официальные переговоры с его представителями. Австрийцы добивались отказа УНР от претензий на Восточную Галицию и другие области своей империи, населенные восточными славянами. Как и немцы, они интересовались доступом и возможностями вывоза украинского продовольствия и минеральных ресурсов и хотели поставить факт признания УНР в зависимость от содержания будущего мирного договора, а в сам текст этого международно-политического документа включить условия экономических соглашений. Но украинские делегаты так старательно защищали свои позиции, что искушенные германские и австрийские дипломаты пока оставались в неуверенности, удастся ли им добиться желаемых результатов⁵⁹.

А в это время у Троцкого, не преуспевшего в дипломатическом искусстве, зрела мысль одним эффектным жестом покончить с трудностями переговоров – помпезно заявить об одностороннем выходе из войны. Ленин имел к тому времени военно-правовое заключение, что односторонняя декларация такого рода «оставит Россию в состоянии войны и возможности занятия русских земель в том размере, в каком пожелают этого... противники»⁶⁰, и был против плана Троцкого. Но при обсуждении вопроса в ЦК он оказался в меньшинстве и смог лишь провести решение о затягивании переговоров, а возвращавшемуся в Брест Троцкому «предложил совершенно определенно мир подписать», условившись с ним о тактике: «Мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем»⁶¹.

В Петрограде большевистское руководство мучительно размышляло, принять ли тяжкие условия выхода из Мировой войны, а в Киеве руководящее ядро УЦР силилось предотвратить полное крушение своей власти. Ждать нужных результатов внутри страны от начатого ранее сближения с державами Согласия уже не осталось времени. Пришлось искать спасения в прямо противоположной стороне, соглашаясь на императивные условия Центральных

держав. 11 января 1918 г. УЦР приняла IV Универсал, в котором объявила республику полностью самостоятельным, свободным от всяких федеративных планов государством⁶². При этом адепты австро-германской ориентации – украинские эсеры, правые и центр – потребовали отставки ГС и формирования правительства с большинством портфелей для себя. В свою очередь украинские левые эсеры в коалиции с киевскими большевиками сочли момент подходящим для совершения левого поворота в политике УНР: преобразования УЦР в представительный орган власти советского типа и прекращения вооруженного конфликта с советской Россией. Плану украинских левых эсеров помешал ушедший в отставку ГС, арестовав и обвинив в государственной измене его авторов.

Но это не разрядило политического и социального напряжения. 16 января под угрозой потери заработка восстали рабочие подготовленного к закрытию военного завода «Арсенал». К ним присоединились труженики других предприятий и солдаты некоторых украинизированных полков с говорящими названиями Шевченковский, Богдановский и т.д. 18 января красногвардейцы с Подола по Андреевскому спуску поднялись к центру города и с небольшого расстояния начали обстрел здания Центральной рады. Пули пробивали ее стеклянный купол, а депутаты, прижимаясь к стенам, утверждали состав правительства В.А. Голубовича. Восстание подавили сечевые стрельцы – галицийцы из бывших военнопленных Австро-Венгрии под командованием ставших широко известными в последующие десятилетия националистов Е.М. Коновальца и А. Мельника⁶³. В результате штурма «Арсенала» полегло около трехсот его защитников. Много жертв оказалось среди мирного населения. Всего, по некоторым данным, в ходе этих событий погибло свыше полутора тысяч человек⁶⁴. Считалось, что 22 января восстанию наступил конец. Но вечером этого дня телеграфист, дежуривший на правительственной линии в Киеве, рассказал своему коллеге в Бресте, что повстанцы еще сражаются, сам он утром попал под пулеметный обстрел и часа полтора пролежал во рву, укрываясь от пуль. Внезапно рассказ киевлянина превратился в репортаж о новости текущего момента: из-за Днепра «послышался гул артиллерии»⁶⁵. Это на левый берег вышли первые части российских и харьковских советских отрядов. Накануне стоявший во главе этих войск бывший подполковник старой армии левый эсер А.М. Муравьев доложил Антонову-Овсенко: «Мы страшно спешим на выручку [повстанцам в Киеве], но техни-

ческие препятствия мешают, вторые сутки двигаемся пешими и на подводах, так как мосты все взорваны [киевскими] войсками, [железнодорожные] пути разобраны... Нам приходится восстанавливать... и дорогу, и телеграф»⁶⁶.

На очередной раунд мирной конференции советская делегация, пополненная представителем левых эсеров и двумя членами правительства харьковского ЦИК Советов (они намеревались навести мосты с киевскими представителями, чтобы «остановить братоубийственную войну на Украине»⁶⁷), прибыла в Брест 16 января. Делегация УЦР выехала из Киева накануне восстания, тайком пробиралась через территорию, занятую украинскими и российскими советскими отрядами, и добралась в Брест 18 января, удрученная как положением в Киеве и появлением в Бресте харьковских делегатов, так и унижительным условием австро-германских дипломатов зафиксировать факт признания УНР не отдельным документом первоочередного порядка, а включить его в текст мирного договора, то есть поставить в зависимость от содержания последнего. Чтобы сделать киевлян более уступчивыми, немецкое командование допустило к ним в качестве неофициального советчика одного из ранее упомянутых украинцев-эмигрантов⁶⁸.

19 января глава делегации УНР выступил на пленарном заседании с ключевым заявлением о новом статусе республики как «совершенно самостоятельном независимом государстве»⁶⁹. В свою очередь Троцкий и взявший вслед за ним слово харьковский делегат, опираясь на факт катастрофического сокращения подвластной УЦР территории, доказывали, что ЦИК Советов в Харькове является подлинно национальной украинской властью, и что суть возникшего двоевластного положения заключается «в незавершенности, текучести процесса государственного становления Украины», потому справедливым было бы в переговорах согласовывать позиции Киева и Харькова, и что действительными станут лишь те решения киевского правительства, которые получают признание харьковских делегатов⁷⁰.

Но дипломатам Центральных держав было не до политической логики и чистоты юридических форм. У них, особенно в Австрии, начался настоящий голод и социальные волнения. Следовало спешить с украинским «хлебным» договором, пока было еще с кем его подписывать. На этом заседании они, отступив от некоторых прежних постулатов, заявили о неограниченном признании киевской делегации и ее правомочии представлять УНР⁷¹. После засе-

дания Чернин пригласил к себе главу делегации УЦР и в присутствии Кюльмана с холодной миной вручил киевлянину готовый проект договора из трех уместившихся на одном листке пунктов: об окончании состояния войны; об установлении дипломатических и консульских отношений и о поставках УНР Центральным державам одного миллиона тонн хлеба, предложив подписать все это на следующий день до полудня⁷².

Немцы тоже спешили с украинским договором, чтобы после подписания его загнать российскую дипломатию в угол и, по словам генерала Э. Людендорфа, «опрокинуть ненавистного Троцкого... с военной точки зрения разрыв с ним был бы счастьем»⁷³. Однако киевляне в Бресте к утру подготовили вместо предложенного Черниным – свой проект договора. Началось спешное урегулирование оставшихся спорными вопросов. 25 января был подписан секретный протокол по объему подлежавшего вывозу из Украины продовольствия. Выполнение его стало условием ратификации мирного договора⁷⁴. Муравьев в тот день рапортовал своему командованию о продолжении в Киеве ожесточенных уличных боев⁷⁵.

26 января (8 февраля) Чернин записал в дневнике и поставил в известность Троцкого, что в этот день должен быть заключен мир с Украиной⁷⁶. Счет времени пошел на часы и минуты. Правительство Голубовича в тот день оставило свою столицу и двинулось в Житомир, откуда городские власти попросили сановных беженцев поскорее уехать, чтобы не подвергать жителей обстрелу со стороны большевиков⁷⁷.

А Муравьев в 10 часов вечера того же числа направил в Харьков и в Петроград сообщение о ликвидации в Киеве последних очагов сопротивления и овладении всеми правительственными зданиями⁷⁸. В одиннадцатом часу харьковское правительство по радио сообщило в Петроград и «всем, всем, всем» о своем переезде в Киев и о том, что «Украина твердо вступает в круг федеративных Советских республик». Но это сообщение распространилось с опозданием на четыре часа⁷⁹. Троцкий, оставаясь в неведении, требовал от Петрограда сведений о киевской Раде. Сталин одну из своих ответных записок, сославшись на проверенную информацию Муравьева о взятии Киева, закончил словами: «Делегация киевской Рады в Бресте представляет пустое место», в следующей записке среди прочего добавил: «Если немцы затевают... договор с [политическими] мертвецами, то пусть знают, что они сделаются посмешищами [для] всего мира»⁸⁰.

Однако делегаты Четверного союза не убоились предсказанного им осмеяния и в ночь на 27 января (9 февраля), около 2-х часов (как раз, когда Сталин рассуждал о «фиктивном договоре с мертвецами») прежде, чем неудобная для них информация о последних киевских событиях получила бы широкое распространение, подписали договор с представителями УЦР⁸¹.

Троцкий сразу же попытался дезавуировать договор на том основании, что Центральные державы признали независимость Украины в тот момент, когда она, по заявлению ЦИК Советов Украины, вошла в состав Российской федерации. Но Кюльман и Чернин отказались рассматривать информацию об изменении внутреннего положения на Украине⁸². Покончив с украинским договором, они сочли почву готовой для «энергичного» разговора с большевиками. Вечером 27 января Кюльман представил проект договора с Россией, содержащий еще более тяжкие, чем прежде, не подлежащие смягчению территориальные условия⁸³. Ленин и Сталин, оба – сторонники подписания договора, 28 января на запрос Троцкого ответили: «Наша точка зрения Вам известна. Она только укрепилась за последнее время...»⁸⁴.

Глава советской мирной делегации, как известно, поступил по своему, вызвав возобновление военных действий, остановленных лишь подписанием 3 марта 1918 г. еще более тяжелого мирного договора с признанием всех произведенных противниками захватов. Среди прочего в нем были условия о выводе российских войск с украинской территории и о замирении СНК с правительством УЦР⁸⁵.

Украине мир тоже не принес облегчения. Центральной раде и ее правительству для возвращения к власти потребовалась серьезная военная помощь. Германия и Австро-Венгрия охотно предоставили ее в виде 450-тысячной армии, которая по-военному должна была обеспечивать выполнение предусмотренных договором поставок украинского продовольствия и сырья. Немецкая тщательность в осуществлении поставленной задачи вызвала массовое сопротивление украинских крестьян, а робкая попытка правительства защитить их перед всевластием австро-германского командования привела к падению Центральной рады и ее правительства. 28 апреля 1918 г. рота немецких солдат окружила здание Рады и с оружием наизготовку и с криками «руки вверх» ворвалась в зал заседаний. Приказ выполнили все, кроме председателя Грушевского; последовал арест нескольких украинских министров; остальных присутствовавших после личного обыска по одному выпустили из зала⁸⁶.

29 апреля проходивший в Киеве при поддержке немецкого командования съезд земельных собственников упразднил республику, избрав архаическую форму единоличной власти – гетманат. Германский вице-канцлер, комментируя в рейхстаге совершенный на Украине государственный переворот, объяснил бесцеремонный разгон Центральной рады якобы раскрытым в ней заговором украинских депутатов против немецких военных, а ликвидацию республиканского строя изобразил как «чисто внутренний переворот»⁸⁷.

С поражением Четверного союза в мировой войне и бегством гетмана была восстановлена Украинская народная республика. Однако республиканские лидеры не смогли обеспечить ей полнокровного существования в своей системе социальных и политических ценностей и в 1920 г. согласились на восстановление вновь утраченной в конце 1919 г. государственной территории, на этот раз – с помощью военной силы соседней Польши. Результат оказался отрицательным, как и предыдущий опыт австро-германского военного покровительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В течение 20-ти лет Грушевский преподавал историю Украины в университете Львова; в 1914 г. из Австро-Венгрии, вступившей в войну против России, с трудом выехал в Киев, откуда по подозрению в австрофильстве был отправлен в административную ссылку.

² *Грушевський М.* Спомини // Київ. 1989. № 6. С. 122–124.

³ *Грушевський М.* Якої ми хочемо автономії і федерації // Великий українець. Київ. 1992. С. 124.

⁴ Цит. по: *Хміль І.В.* На шляху відродження української державності. Київ, 1994. С. 31–32.

⁵ Українська центральна рада. Документи і матеріали (в дальшому – УЦР). Київ, 1996. Т. 1. С. 400, 407, 413.

⁶ Там же. С. 408.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

⁸ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928. С. 529–534.

⁹ *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции (АРР). Берлин, 1923. Т. 12. С. 199, 226.

¹⁰ Подробно см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 208, 209–210, 225.

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 1.

- ¹² УЦР. Т. 1. С. 482.
- ¹³ Там же. С. 492.
- ¹⁴ Там же. С. 448, 459; *Христюк П.* Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. Відень, 1921. Т. 2. С. 92.
- ¹⁵ УЦР. Т. 1. С. 471–472; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 9–11.
- ¹⁶ *Винниченко В.* Відродження нації. Київ – Відень, 1920. Ч. 2. С. 232–243 (документальні приложення).
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2446. Л. 9.
- ¹⁸ УЦР. Т. 1. С. 574; *Соколов Б.* Защита Всероссийского учредительного собрания // АРР. М., 1992. Т. 13. С. 21.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 73.
- ²⁰ *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Прага, 1942. Т. 1. С. 42.
- ²¹ *Питиус З.* Черные тетради // Звенья: Исторический альманах. М.–СПб., 1992. Вып. 2. С. 29, 32.
- ²² АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 2–3.
- ²³ Там же. Л. 4.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 13.
- ²⁵ Там же. Л. 6.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 4.
- ²⁷ УЦР. Київ, 1997. Т. 2. С. 53, 54.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 15. Л. 10–10 об.
- ²⁹ УЦР. Т. 1. С. 577–578.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 289–290.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- ³² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
- ³³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 143–145.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 45. Документ опублікован з заменою однією з підписей на другу – УЦР. Т. 1. С. 512–514.
- ³⁵ УЦР. Т. 1. С. 502–512; *Затонський В.* Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис Революції. 1929. № 4. С. 154–156; *Христюк П.* Указ соч. Т. 2. С. 69–74.
- ³⁶ Образование СССР. Сборник документов 1917–1924. М.–Л., 1949. С. 70–72.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 82. Л. 87.
- ³⁸ Там же. Д. 1. Л. 72 об.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 15, 16.
- ⁴⁰ Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО). Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 50, 56.
- ⁴¹ Там же. Арк. 59–60.
- ⁴² *Чикаленко Є.* Уривок з моїх споминів за 1917 р. Прага, 1932. С. 30.
- ⁴³ УЦР. Т. 2. С. 27.

- ⁴⁴ Винниченко В. Указ. соч. Т. 2. С. 215–217.
- ⁴⁵ УЦР. Т. 2. С. 33.
- ⁴⁶ Ковалевський М. При джерелах боротьби. Інсбрук, 1960. С. 446.
- ⁴⁷ УЦР. Т. 1. С. 522–523.
- ⁴⁸ АВР РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 22. Л. 1 об.
- ⁴⁹ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.–Пг., 1923. С. 527–529.
- ⁵⁰ ЦДАВО. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 3. Арк. 2.
- ⁵¹ Там же. Арк. 43–47.
- ⁵² УЦР. Т. 2. С. 68–70.
- ⁵³ АВР РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 69. Л. 9.
- ⁵⁴ Там же. Л. 12.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5064. Л. 1. Опубликовано с небольшими сокращениями: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 211–212; УЦР. Т. 2. С. 67.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 109. Л. 3.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Л. 4548. Л. 1–1 об.
- ⁵⁸ УЦР. Т. 2. С. 110, 112.
- ⁵⁹ ЦДАВО. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 8. Арк. 9; ГАРФ. Ф. 8321. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–4, 7–8.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 26.
- ⁶¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 173; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.
- ⁶² УЦР. Т. 2. С. 102–104.
- ⁶³ Ковальчук М. На чолі Січових стрільців. Військово-політична діяльність Євгена Коновальця в 1917–1921 рр. Київ, 2010. С. 33–34.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5332. Л. 2.
- ⁶⁵ Цит. по: *Рубач М.А.* К истории украинской революции // *Летопись революции.* Харьков, 1926. № 6. С. 29–31.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8115. Оп. 1. Д. 12. Л. 242.
- ⁶⁷ АВР РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 87. Л. 13; ЦДАВО. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 16. Арк. 11.
- ⁶⁸ *Залізняк М.* Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському // *Берестейський мир. Спомини та матеріали.* Львів, 1928. С. 90–93.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 414. Л. 1–8.
- ⁷⁰ Там же. Л. 8–15.
- ⁷¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9 (22) декабря 1917 г. по 3 (16) марта 1918 г. М., 1920. Т. 1. С. 156.
- ⁷² *Залізняк М.* Указ соч. С. 121–123.
- ⁷³ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сборник документов М., 1968. Т. 1. С. 289.

- ⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 104–105.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1448. Л. 12–13.
- ⁷⁶ Чернин О. Указ. соч. С. 267.
- ⁷⁷ Христюк П. Указ. соч. Т. 2. С. 137–138.
- ⁷⁸ АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 20.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 585. Л. 16; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4546. Л. 1.
- ⁸⁰ АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 52; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 45–46. Л. 1.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 489. Л. 3 об.
- ⁸² Мирные переговоры в Брест-Литовске... С. 176.
- ⁸³ Там же. С. 182–184.
- ⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 332. Подробнее см.: *Михутина И.* Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 213–261.
- ⁸⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 117–119.
- ⁸⁶ УЦР. Т. 2. С. 314–325; Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М., 1936. С. 53–58.
- ⁸⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 987. П. 70. Л. 32.

Т.А. Покивайлова (Москва)

Российско-румынские отношения в годы Первой мировой войны и проблемы взаиморасчётов

Первая мировая война породила много сложных, а порой и трудноразрешимых во взаимоотношениях России и Румынии проблем. Такими проблемами стали судьба румынского золота, перемещённого в годы войны из Румынии в Россию, и тесно связанная с ней проблема взаиморасчетов между Россией и Румынией, а после Октябрьской революции 1917 г. между советским и румынским государствами.

Румыния, вступив после долгих колебаний летом 1916 г. в войну на стороне Антанты, вскоре начала терпеть военные неудачи. Германские войска и их союзники по Четверному союзу, разгромив румынские войска, оккупировали большую часть территории Румынии. В связи с положением на фронте на северо-восток, в г. Яссы, переехали королевская семья, центральные учреждения страны – парламент, правительство, Национальный банк Румынии и частные фирмы. Золотой запас Румынии был также отправлен в Яссы. Здесь же находилось командование Румынским фронтом во главе с генералом Д.Г. Щербачёвым и российское посольство.

21 ноября (4 декабря) 1916 г. немцам был сдан г. Бухарест. Румынская армия перестала существовать как организованная сила. На спасение Румынии была брошена 500 тысячная русская армия (35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий)¹. Но условия, в которых шла переброска русской армии, были крайне тяжёлыми: зимние холода, отсутствие поставок продовольствия, плохое обмундирование и т. д. Тем не менее, до лета 1917 г. Румынский фронт удерживался русскими войсками. На тот момент на Румынском фронте находилось до миллиона русских солдат, а к сентябрю 1917 г. в рядах русской армии было около 2 миллионов военнослужащих².

Февральская революция, начавшаяся в Петрограде, докатилась до окраин России и оказала самое непосредственное влияние на русскую армию, сражавшуюся на фронтах. Армия начала разва-

ливаться, в том числе и на Румынском фронте. Солдаты массами покидали фронт и устремлялись на восток, домой. Воспользовавшись ситуацией, румынские власти начали разоружать русских солдат, учинять расправы над ними, захватывать склады с оружием и продовольствием. Грабежи и разрушения стали характерной чертой того времени.

Мы так подробно говорим об этом, чтобы показать, в каких условиях проходила эвакуация румынских ценностей и золота в более надёжное место. Выбор пал на Россию, хотя были и другие предложения. Так, румынский финансист Морисиу Бланк предложил в качестве места размещения румынского золотого запаса Англию. Он утверждал, что Россия находится на пороге революции и является ненадёжным государством³. Руководство Национального банка Румынии понимало, что в условиях мировой войны любая транспортировка золотого запаса являлась делом рискованным. Однако транспортировку золота в Англию оно считало ещё более рискованным, чем в Россию, поскольку коммуникации с северными странами были прерваны, а транспортировка должна была проходить, в том числе и по морю, которое контролировалось германскими подводными лодками.

2 декабря 1916 г. было созвано заседание Генерального совета Национального банка, которое приняло постановление об отправке румынского золотого запаса в Россию, которое должно было там находиться до окончания войны. Причём, как подчёркивалось в постановлении, румынское имущество остаётся собственностью Национального банка, и он может самостоятельно им распоряжаться. Кроме того, было решено отправить в Россию бумаги Министерства финансов и Сберегательной кассы. Впоследствии ассортимент отправленного в Россию имущества был расширен за счёт государственных и частных учреждений. Для контроля за отправляемым имуществом была создана специальная комиссия из румынских представителей, состоявшая из председателя, контролёра и кассира. 8 декабря 1916 г. руководство Национального банка обратилось к правительству с тем, чтобы оно дало разрешение на вывоз золотого запаса в Россию, и получило одобрение. 12 декабря Совет министров Румынии своим постановлением утвердил это решение Национального банка⁴.

Одновременно начались переговоры с царским правительством. Переговорщиком со стороны России стал российский посол в Румынии генерал А. Мосолов, временно заменивший посла России в Румынии Станислава Поклевского-Козелла. С румынской

стороны переговоры вели представители Национального банка Румынии. Россия обязывалась предоставить для транспортировки румынского золотого запаса и других ценностей свои вагоны и организовать охрану. Золото было упаковано в специальные мешки, затем помещено в специальные контейнеры. Были составлены описи в 3-х экземплярах, а затем контейнеры были опечатаны и опломбированы. Одновременно в Россию отправлялись также драгоценности королевы Марии, которые были помещены в два специальных железных ящика. В своём письме к министру финансов Румынии от 11 декабря 1916 г. российский посол А. Мосолов подчеркнул, что царское правительство России гарантирует Румынии сохранность ценностей, направляемых в Россию⁵. Он также сообщал, что в России доставленный груз будет размещён в отдельном помещении, ключ от которого будет передан румынским представителям. Двери кладовой будут иметь также и второй замок, ключ от которого будет находиться у российской стороны. Поэтому попасть в помещение можно будет только в присутствии двух представителей: от румынской и российской сторон. 14 (27) декабря был подписан протокол об отправке золотого фонда и драгоценностей королевы Марии в Россию. От имени правительства России протокол подписал посол России в Румынии А. Мосолов, от имени руководства Румынии тогдашний министр финансов Виктор Антонеску, а также члены румынской делегации, направлявшиеся в Москву: Т. Капитонович (глава делегации), А. Салиньи (контролёр) и М.З. Деметреску (кассир). По документам Национального банка груз оценивался в 314 580 456 золотых лей, а драгоценности королевы Марии – ещё в 7 млн (наиболее приемлемая оценка золота и драгоценностей – авт.). Каждый вагон был закрыт на два замка и опломбирован печатью Национального банка Румынии⁶.

В телеграмме, направленной 16 (29) декабря 1916 г. русским посланником А. Мосоловым в Петроград, говорилось о 1738 ящиках золота около 4-х пудов каждый и 2-х ящиках драгоценностей королевы Марии⁷.

Однако погрузка в вагоны проходила в спешке, что наводит на мысль о возможных погрешностях при оценке этих румынских ценностей. Кроме того, исходя из ситуации, сложившейся на фронтах, нельзя говорить с уверенностью о полной сохранности золотого фонда и другого отправленного из Румынии багажа. 21 декабря 1916 г. (2 января 1917 г.) груз прибыл в Москву, где в присутствии румынского консула П. Гуерена началась его разгрузка. 4 февраля была закончена инвентаризация этого груза, и он был размещён в кладо-

вых Оружейной палаты московского Кремля. Но что настораживает: при размещении груза в Кремле обнаружилось, что на некоторых ящиках были сорваны пломбы, а некоторые были повреждены. Но и это не стало поводом для пересчёта комиссией содержимого в ящиках груза. Повторная оценка груза, прибывшего в Москву, не производилась. Выборочно взвешивался лишь каждый десятый мешок и ящик, а затем всё это суммировалось.

Второй эшелон с румынскими ценностями был отправлен в Москву 27 июля 1917 г. К этому времени Яссы покинул генерал А. Мосолов и туда вернулся С. Поклевский-Козелл. Именно он и Н. Титулеску, сменивший к тому времени министра финансов В. Антонеску, подписали протокол относительно транспортировки второй партии румынских ценностей в Москву. Под протоколом также стояли подписи сотрудников Национального банка Румынии. Вторая партия румынского имущества состояла из 188 ящиков, размещённых в трёх вагонах, на сумму примерно в 1 594 836 721,09 лей, причём собственно золото оценивалось лишь в 574 523,57 золотых лей, а остальное приходилось на бумаги Национального банка. Достаточно сказать, что только бумажные архивы Национального банка оценивались в 500 000 золотых лей. Кроме того, в Москву были отправлены драгоценности в виде ювелирных изделий, картины, старинные иконы и книги, архивы Румынской Академии и королевской семьи, документы из государственного архива, а также имущество монастырей и частных лиц. Весь груз оценивался в золотых лях. Трудно сказать, каким образом определялась стоимость всего этого имущества. Стоимость картин также оценивалась в золотых лях. Поэтому в целом набегала огромная сумма, достигавшая 6,5 миллиарда лей, но лишь часть этой суммы приходилась на золото и драгоценности⁸. Поезд прибыл в Москву 3 августа 1917 г. Ящики с румынскими ценностями были так же, как и в предыдущий раз, размещены в кладовых Кремля.

Заметим, что транспортировка второй партии груза осуществлялась в условиях глубочайшего политического кризиса в России и крайне неблагоприятной военно-политической обстановки на фронте, где продолжалось наступление немецко-австрийских войск. Румынская армия, по сути, перестала существовать, несмотря на огромные усилия России. На помощь Румынии была направлена русская армия⁹. Кроме того, российское правительство помогало Румынии в снабжении румынской армии продовольствием и обмундированием. 25 апреля 1917 г. российским и румынским

правительствами было подписано соглашение и создана русско-румынская комиссия под председательством А. Поливанова.

В соответствии с этим постановлением, русское интендантство для пополнения складов, находившихся на территории Румынии, поставило до 15 июня 1917 г. два миллиона коробок консервов, затем с 5 июля российская сторона обязалось поставлять ещё по миллиону коробок консервов в месяц; пять вагонов чая; десять вагонов хлопкового масла для замены сала, а также жир для изготовления 40 вагонов мыла. В целях обеспечения трёх румынских складов, находившихся в городах Бакэу, Тыргу-Фрумос и Бырлад, их запасы должны были пополниться за счёт русских складов или за счет выделения Россией необходимых продуктов, чтобы таким образом установить между русскими и румынскими складами, как и в отношении другого продовольствия, пропорциональность соответствующую наличности обеих армий.

Наряду с этим, русское интендантство обязалось поставить следующее обмундирование: 1) 100 000 палаток и 100 000 шинелей, которые будут отправлены немедленно; 2) 250 000 рублей; 250 000 кальсон, 200 000 пар обуви и 5 вагонов жира, необходимого для содержания обуви, а также сбруи, которые будут доставлены в Яссы в течение 2-х месяцев. 3) Будут поставлены немедленно из русских складов 8000 сёдел. Русское военное министерство поставит Румынии также немедленно 500 походных кухонь кавалерийского образца. Оно также даст 5000 лошадей для кавалерии и других разных надобностей и ещё 2400 кавалерийских лошадей. На некоторое время были отложены следующие вопросы: 1) О поставках остальных лошадей числом до 33 000, запрашиваемых Румынским Генеральным Штабом. 2) Об упряжи для походных кухонь, а также лошадей для них. 3) О просимой артиллерийской упряжи. 4) О повозках, необходимых для румынской армии. 5) О ссуде 200 грузовых автомобилей для перевозки продовольствия в Румынии. 6) Об удовлетворении потребностей румынских железных дорог¹⁰.

Я так подробно привожу эти данные, чтобы показать несостоятельность появившихся впоследствии заявлений румынского правительства – которые затем были подхвачены также и румынскими историками – об огромных долгах России перед Румынией за содержание русской армии, находившейся на территории Румынии. В связи с этими утверждениями хотелось бы напомнить, что русская армия спасла Румынию от её полного разгрома и, находясь на территории Румынии, защищала, прежде всего, интере-

сы Румынии. Кроме того, Россия осуществляла в Румынии строительство железных дорог, поставляла румынскому правительству вооружение, оказывала помощь больницам и лазаретам медицинским персоналом, оборудованием, медикаментами и т.д. В это же время германская армия продолжала грабить оккупированные ею румынские территории. Только золота было здесь захвачено Германией на сумму 80 миллионов марок¹¹.

Между тем, положение в самой русской армии на Румынском фронте было чрезвычайно сложным. Румынская армия продолжала терпеть поражения. Продолжались разоружения румынами русских частей и захват их имущества. Передвижение русских полков задерживалось силой оружия¹². Начальник 49-й революционной дивизии передал следующей протест относительно поведения румынских властей: «Румынские власти не хотят вступать в контакт с избранными начальниками и председателями комитетов, но и захватывают фуражные запасы нашей армии... Лошади 49 дивизии остались без фуража. Передвижение полков задерживается силой оружия. Один из полков 49 революционной дивизии был окружён румынами, подвоз провианта отрезан, полк разоружён румынами и отведён в тыл. Румынские власти арестовали избранный комитет 195 полка и австрийских офицеров, приглашенных как гостей в штаб 195 полка»¹³. И в этих условиях правительство Румынии решилось на отправление второго эшелона с румынскими ценностями в Москву. Условия транспортировки нам не известны. Исходя из ситуации, сложившейся на фронтах, нельзя с уверенностью утверждать о полной сохранности румынских ценностей. Всё это даёт возможность говорить о несоответствии описей румынских ценностей, сделанных в Яссах, и содержимого прибывшего в Москву груза.

Первые инвентаризации румынских ценностей, размещённых в кладовых Кремля, проведенные в 1922–1923 гг. подтверждают это предположение.

В 1922 г. в ходе первой инвентаризации румынских ценностей, находившихся в кладовых московского Кремля, которая была проведена по инициативе наркома по иностранным делам РСФСР В.Г. Чичерина и по решению ЦК ВКП(б), констатировалось: все двери и замки оказались в исправности, печати в целостности, каких-либо повреждений с внешней стороны не было. Тем не менее, ящики лежали в беспорядке. При первоначальном осмотре было обнаружено, что наряду с драгоценностями, а часто и вперемежку с ними находились меховые вещи, уже изъеденные молью и

покрытые плесенью, одежда, белье, старая, поношенная обувь; металлическая, стеклянная и фарфоровая посуда; бумага для печатанья дензнаков (168 ящиков), ящики с типографской краской и т.д. Всего таковых насчитывалось 280 мест. Здесь же находились 8 ящиков с вином и даже 2 ящика с порохом. Комиссия решила принять меры для сохранения румынского имущества, ящики с вином обвязать веревкой и опечатать, а ящики с порохом изъять и передать по назначению. Золота среди ящиков обнаружено не было. Не было и сундучков с драгоценностями королевы Марии. Что же могло с ними случиться? Достоверных сведений на этот счёт нет. Хотя имеются сведения об изъятии в 1918 г., по крайней мере, дважды, российской стороной 8 ящиков, якобы принадлежавших России и оказавшихся в кладовых Кремля случайно вместе с румынским имуществом. О том, что же происходило с румынскими ценностями в беспокойное время нахождения у власти правительства Керенского, нет никаких сведений. Известно лишь, что, по данным «Отчёта по золотому фонду», который подготовила специальная комиссия «Совета труда и обороны» (СТО) в 1921 г., на октябрь 1917 г. румынское золото оценивалось в 117 миллионов золотых рублей. Отчёт также даёт сведения о количестве румынских золотых монет, что свидетельствует о том, что к началу 1922 г. румынское золото всё ещё имелось в наличии¹⁴.

Необходимо отметить, что судьба румынского золота в после-революционные годы была тесно связана с судьбой Бессарабии.

В декабре 1917 г. румынскими войсками по соглашению с российской ставкой под командованием Д.Г. Щербачёва, находившейся в г. Яссах, начался захват Бессарабии, входившей в состав Российской империи с 1812 г.¹⁵. 16 декабря (29 декабря) 1917 г. советское правительство направило ноту протеста в адрес румынского правительства с требованием «прекратить преступные действия румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившихся поднять руку на Русскую революцию»¹⁶.

31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) последовала нота советского правительства за подписью председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина к румынскому правительству с требованием «освобождения арестованных, наказания произведших аресты, незаконные и бесчинные действия румынских властей, и гарантий, что подобные действия больше не повторятся»¹⁷.

В тот же день в Петрограде были арестованы румынский посланник К. Диаманди и другие члены посольства. Однако уже 2 (15)

января их освободили, потребовав, чтобы они приняли «все меры для освобождения окружённых и арестованных русских войск на фронте»¹⁸.

В январе 1918 г. под предлогом, якобы, исключительно защиты железных дорог и румынских продовольственных складов началась полномасштабная оккупация румынскими войсками Бессарабии. 13 (26) января румынские войска заняли Кишинёв. Причем во всех заявлениях румынского правительства говорилось о временном характере нахождения румынских войск на территории Бессарабии. Занятие Бессарабии румынскими войсками сопровождалось обширным захватом российского имущества. В тот же день, т.е. 13 (26) января 1918 г., Совет народных комиссаров принял постановление, в котором говорилось: «Покрытая преступлениями румынская олигархия, открыла военные действия против Российской республики... Преступлениям румынских военных и гражданских властей нет числа...». В связи с этим Совет народных комиссаров постановил: «1. Все дипломатические отношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путём. 2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берёт на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа. 3. Восставший против революции бывший главнокомандующий Румынского фронта, Щербачёв объявляется врагом народа и ставится вне закона»¹⁹.

Вооруженное сопротивление румынским войскам в Бессарабии и наступление Красной армии на Украине, а также её продвижение в направлении Бессарабии заставило румынское правительство вступить в переговоры с представителями советской власти. 5–9 марта 1918 г. было подписано соглашение, по которому румынское правительство обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии. Это давало шанс урегулировать после освобождения румынскими войсками Бессарабии вопрос о румынском золоте. Однако советско-румынское соглашение, подписанное с румынской стороны главой румынского правительства А. Авереску, в условиях оккупации австро-венгерскими войсками Украины было сорвано, и румынские войска продолжали оставаться в Бессарабии. В условиях присутствия румынских войск в Бессарабии, «невиданного и недопустимого шантажа, насилия и фальсификаций» решением «Сфатул Цэрий» («Совета страны») Бессарабия была присоединена к Румынии, сначала

ла 27 марта (9 апреля) 1918 г. на правах автономии, а 27 ноября (10 декабря) 1918 г. и это право, сохраненное за ней, было ликвидировано. Советское правительство и рабоче-крестьянское правительство Украины заявили решительный протест против включения Бессарабии в состав Румынии и не признали этого акта. 18 апреля 1918 г. советское правительство направило протест румынскому правительству против присоединения Бессарабии к Румынии и его заявления в европейской печати о том, что Бессарабия является неотъемлемой частью Румынского королевства, что, по мнению советского правительства, является не только вызовом РСФСР, но и вопиющим нарушением заключённого соглашения с Россией об очищении в течение 2-х месяцев Бессарабии от румынских войск. В связи с присоединением Бессарабии к Румынии советское правительство закрыло вопрос о возвращении румынского золота.

Впоследствии проблема румынского золота перешла в плоскость вопроса о взаиморасчетах между советским и румынским правительствами. Причём советское правительство рассматривало проблему взаиморасчетов, включая и вопрос о румынском золоте, в тесной связи с вопросом о возвращении Бессарабии, «находящейся во временной фактической оккупации Румынии»²⁰. Об этом свидетельствуют документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), касающиеся советско-румынских переговоров на конференции в Варшаве, проходившей с 22 сентября по 25 октября 1921 г. В то время, как Румыния на этой конференции на передний план выдвигала вопрос о золоте, российская сторона – обо всем объёме долгов, накопившихся за годы войны, включая имущество, оставленное на территории Бессарабии, и возвращение России самой Бессарабии. Так, 8 апреля 1918 г. в Румынский отдел Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) из отдела по Румынии Главного управления пограничному снабжению (Главзагранснаб) Народного комиссариата внутренних дел поступило следующее распоряжение: «Ввиду обращения румынского генерального консула к Комиссару по иностранным делам о возвращении Румынии находящихся в России румынских продовольственных складов, имею честь сообщить вам, что, по приблизительным подсчетам, за всё время войны Румыния должна нам около 300 миллионов рублей за отпущенные ей нами различные материалы по снабжению их армии, заводов и населения. Советская республика должна себя гарантировать в отношении возмещения Румынией нам этого долга, а

посему я рекомендую немедленно издать распоряжение о том, чтобы из предметов, заказанных у нас до сего времени, ничего не было вывезено в Румынию без соответствующего разрешения Отдела по ликвидации снабжения Румынии при Главзагранснабе. Вместе с тем впредь, до выяснения финансовых отношений между Россией и Румынией во всей их полноте в старое время, Советской республике не следует снимать запрета, наложенного на золотой фонд румынского правительства, выдачу какого-либо временно задержать в видах обеспечения этим способом уплаты нам Румынией своего долга»²¹.

25 мая 1919 г. правительства РСФСР и УССР заявили, что «Румыния захватила и использовала по своему усмотрению имущество русских войск Румынского фронта и имущество, находящееся в Бессарабии. Значительная часть захваченного распродана или передана в распоряжение белых... Советские правительства России и Украины, сохраняя за собой право предать суду революционного трибунала виновников грабежей», снимают с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, привезенных из Румынии в Россию в годы Первой мировой войны»²². Кстати, по оценке генерала Н. Монкевича, возглавлявшего демобилизационную комиссию русских войск Румфронта и инвентаризацию его имущества, стоимость конфискованного имущества достигала 3–4 миллиардов франков. Причём генерал Монкевич заявлял, что эти подсчеты являются приблизительными, так как румыны всячески мешали проведению инвентаризации русского имущества. К этому необходимо также добавить долги за неоплаченные военные поставки в Румынию, о чём говорилось выше. Не отрицая наличия долга перед Россией, румынское правительство, тем не менее, заявило, что «берёт эти материалы в залог, гарантирующий возмещение убытков, понесённых Румынией, ибо большевики захватили в Москве румынский золотой запас и румынские склады на юге России»²³.

Начиная с 1918 г. советское правительство создало целую сеть учреждений при разных ведомствах, которые занимались выявлением документов, касающихся выяснения претензий РСФСР к Румынии и подсчёта задолженности Румынии России. При Главном управлении по заграничному снабжению был создан Румынский отдел, задачей которого являлся сбор материала по сумме долга румынского правительства российской республике. В записке, направленной 8 апреля 1918 г. комиссару Румынского отдела НКВД В. Шеншину, указывалось на необходимость подчинить

все учреждения, имевшие отношение к румынским делам по экономическим и финансовым вопросам. Была организована также Особая межведомственная комиссия по разрешению вопросов, связанных с определением общей задолженности Румынии, с приглашением в состав этой Комиссии не только довольствующих военных и гражданских ведомств, но всех заинтересованных учреждений. Регулярно проводились заседания этой комиссии с подробными отчётами о результатах работы. Были организованы командировки сотрудников вышеупомянутых организаций в города на юге России и Украины – Одессу, Тирасполь, Николаев, Кременчуг, Полтаву, Феодосию и другие города, с целью выявления документов, связанных с румынскими долгами. Особое внимание в этом отношении уделялось сбору данных по Бессарабии, где было захвачено или оставлено огромное имущество, как военное, так и гражданское, принадлежавшее России²⁴.

При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать внешнеполитические и внутривнутриполитические условия, связанные с изменением международных отношений в начале 20-х годов и оказавших влияние на отношения между Советской Россией и Румынией. После окончания гражданской войны Советской России нужна была мирная передышка. К этому располагало также урегулирование отношений с Великобританией и другими европейскими странами. Советская сторона была крайне заинтересована в заключении договора с Румынией как соседним государством. Немаловажную роль играл и тот факт, что Россия опасалась создания единого антисоветского фронта Румынии и Польши²⁵. В начале 1921 г. между Советской Россией и Румынией начались переговоры об организации встречи с целью подготовки конференции для обсуждения наиболее важных вопросов, накопившихся к тому времени во взаимоотношениях двух стран. По инициативе румын местом встречи была названа Варшава, хотя она была неудобна для российской стороны из-за сложных отношений между Советской Россией и Польшей, сложившихся после советско-польской войны.

В связи с предстоящими переговорами активизировалась работа по выяснению расчетов между Россией и Румынией. В частности, замнаркома НКВД Л. Карахан и заведующий Экономическо-правовым отделом А.В. Сабанин направили 12 января 1921 г. помощнику начальника Главснаба Акимову письмо, в котором говорилось: «Имея все основания ожидать в сравнительно близком будущем открытия переговоров с румынским правительством,

считаю необходимым просить Вас принять все зависящие меры к тому, чтобы производимая подготовительная работа по выявлению расчётов между Россией и Румынией была немедленно двинута в самом срочном порядке. Скорейшее выяснение результатов этой работы настолько необходимо, что, по мнению Наркоминдела, было бы желательным усилить на это время Румынское отделение Главснаба привлечением сотрудников из других отделов этого учреждения. Кроме того, будучи непосредственно заинтересованным в этом деле, Наркоминдел со своей стороны мог бы содействовать ускорению работы путём оплаты из своих средств сверхурочных или отдельных занятий, которые для этого были бы Вами признаны необходимыми. Прошу Вас осведомить Наркоминдел о положении упомянутых работ в настоящее время...»²⁶.

Кроме того, в Отдел заграничных снабжений была направлена просьба доставить из г. Феодосии документы Ясского архива, в котором должны были находиться материалы политического характера, а также документы по взаимным расчётам между Румынией и Россией, которые, по имевшимся сведениям, находились до того в Киеве и Одессе. Также было направлено обращение к начальнику военных сообщений Киевского района Куни с предписанием разыскать архивные документы по железнодорожному строительству и строительству широкой и узкой железнодорожной колеи, постройке шоссе и мостов и грунтового строительства в пределах Румынии и Бессарабии²⁷.

Из переписки Чичерина с советским полпредом в Варшаве Л. Караханом следует, что советское правительство намерено было вести переговоры с румынским правительством о возвращении Румынии ценностей только в согласовании с возвращением долгов Румынии России, накопленных ею за годы Первой мировой войны и вопросом о статусе Бессарабии²⁸. Однако ситуация требовала дипломатических маневров. Перед началом конференции, чтобы склонить румын к переговорам, Л. Карахан во время частных бесед с румынским представителем Г. Филалити, возглавлявшим румынскую делегацию на конференции, делал ему всякого рода намеки на возможность смягчения позиции советского правительства по Бессарабии. Но, как подчеркивал он в письме к Г.В. Чичерену, «старался делать это таким образом, чтобы в нужный момент дать им разъяснение, уничтожающее этот смысл»²⁹. А после конференции в связи с её безрезультатным завершением Л. Карахан писал Г.В. Чичерину о необходимости разоблачения «вранья о Бессарабии»³⁰.

Действительно, ход обсуждения вопросов, которые выдвигались на конференции, подтверждает, что «советская программа конференции никогда не допускала» даже косвенного признания захвата Бессарабии»³¹. Подобные заявления, возможно, Л. Карахан делал и по поводу румынского золота. По информации, которую сообщил румынской прессе Филалити, во время одного из заседаний Карахан, якобы, отозвал его в соседнюю комнату и шепнул ему, будто румынского золота и румынских ценностей больше не существуют. 17 ноября, по сведениям заведующего 2-м Отделом балканских стран НКВД Г. Сандомирского, румынская газета «Эндепендус» опубликовала этот материал. В связи с этим он писал, «что касается возвращения румынского золотого фонда уверяют (румыны), что советская делегация избегает всяких дебатов по этому вопросу и не хочет брать на себя никаких обязательств, почему румынская делегация подозревает, что румынского золотого фонда более не существует»³². Сандомирский назвал заявления румын измышлениями³³.

Действительно, если бы золотого фонда и драгоценностей не существовало, о каких переговорах могла бы идти речь. Сандомирский в своей записке к Чичерину также писал, что румынский представитель Филалити, который вел переговоры с румынской стороной о предстоящей в Варшаве конференции, искажал суть позиции советского правительства³⁴. Как отмечал Сандомирский, «по словам Филиалити, русские предлагают нам (т.е. румынам. – ТЛ) следующее решение вопроса: взамен признания Россией присоединения Бессарабии к Румынии, последняя должна отказаться от всяких претензий на возвращение её вклада, эвакуированного в Москву, или от всяких взаимных расчетов».

Анализируя позицию румынского правительства, заместитель наркома НКВД М.М. Литвинов писал в письме к Чичерину: «Предложение Филалити означало бы, насколько мы понимаем, заранее обещать не касаться вопроса о Бессарабии и в центре споров оставить денежные претензии. Нам оставалось бы в таком случае либо уступить, либо уже разойтись из-за золота... Нужно, стало быть, повернуть вопрос таким образом, что мы от Бессарабии нисколько не отказываемся, но что согласны бы соответствующее предложение румын рассматривать в том случае, если бы можно было бы обеспечить быстрое обеспечение мира отказом обеих сторон от взаимных претензий».

19 ноября 1921 г. Чичерин в телеграмме, разосланной в российские миссии за границей, опроверг информацию, появившуюся

юся в румынской прессе по поводу исчезновения в России румынского золотого фонда. Чичерин имел в виду заметку, появившуюся в румынской газете «Адэверул», которая сообщала, что во время одного из заседаний Л. Карахан, якобы, отозвал Филалити в соседнюю комнату и шепнул ему, что румынского золота и ценностей больше не существуют. Опровергая сообщение газеты, Чичерин писал: «В румынской печати распространяются ложные сведения о варшавских переговорах Карахана с Филалити... Это всё выдуманно. Мы всё время ставили вопрос для полного примирения о Бессарабии и вопрос о финансовых расчетах. Но, если Румыния в настоящее время ни в коем случае не хочет говорить о Бессарабии, мы согласны на чисто практическое решение по текущим практическим вопросам, таким как судоходство, военнопленные, торговля, но ни в коем случае нельзя рассматривать также вопрос о взаимных финансовых расчётах, ибо рассматривать его можно только в том случае, если решение окончательное, то есть, если рассматривать вопрос и о Бессарабии. Другими словами, мы требуем, чтобы на конференции с Румынией или были поставлены все вопросы, включая и Бессарабию, и финансовые расчёты, или были поставлены только текущие вопросы, т.е. без Бессарабии и без финансовых расчётов»³⁵. «Надо опровергать в печати у вас и в тех странах, где вы имеете возможность это сделать, румынские выдумки по поводу этих переговоров»³⁶.

Однако сомнения по поводу того, что к 1921 г. весь золотой фонд полностью сохранился, всё же остаются. В записке по поводу оценки румынских ценностей, находившихся в Советской России, направленной Литвинову, говорится о том, что их общая стоимость (по заявленным румынами претензиям – 2,5 миллиарда лей) «частично изменилась ввиду того, что часть их была нами частично изъята». «Точная сумма изъятых нами ценностей и состояние оставленного нам на хранение румынского архива выясняется Наркоминделом и тот час же, по окончанию его работы, будут Вам сообщены телеграфно»³⁷.

22 сентября 1921 г. в Варшаве началась советско-румынская прелиминарная конференция, основной задачей которой являлась подготовка программы будущей российско-румынской конференции, а также определение места и даты её проведения. В связи с этим предполагалось предварительное обсуждение вопросов, которые должны были быть вынесены на обсуждение будущей конференции. Каждая делегация имела чёткие инструкции от своих правительств. Румынская сторона в качестве основно-

го вопроса предлагала обсудить вопрос о румынских ценностях, находящихся в России, и категорически отказывалась обсуждать вопрос о Бессарабии, считая его решённым. Российская сторона настаивала на обсуждении всего комплекса вопросов, включая вопрос о Бессарабии и взаиморасчетов по долгам, накопившихся за годы Первой мировой войны. Правительство Советской России настаивало также, чтобы Украина была признана в качестве официальной и полноправной участницы будущей конференции. В данном случае имелась в виду Советская Украина, правительство которой во главе с Хр. Г. Раковским находилось в г. Харькове. В связи с этим Литвинов писал: «Это необходимо и по существу, чтобы лишить румын возможности считаться с Петлюрой как с единственным национальным украинским правительством»³⁸. В конечном итоге Румыния приняла это предложение российской стороны, но в остальном по существу ни на какие уступки не шла. 21 октября 1921 г., когда дебаты на конференции грозили зайти в тупик, коллегия НКВД приняла следующее постановление: «Применить взаимное погашение претензий или в форме постановки на конференции вопросов, как о Бессарабии, так и о расчетах, или же путём устранения и того, и другого...». «Решено: в случае отказа румын от взаимного погашения претензий не останавливаться перед разрывом»³⁹. И, действительно, взаимоприемлемых решений найдено не было, и конференция не достигла своих целей.

Вопрос о статусе Бессарабии был вынесен для обсуждения на Парижскую мирную конференцию (1919–1920 гг.), на которой представители РСФСР отсутствовали⁴⁰. Как отмечает в своей книге молдавский учёный И.Э. Левит, ныне эмигрировавший в США, на решение этого вопроса в пользу Румынии оказали влияние сложные международные отношения, неблагоприятно складывающиеся для Советской России. Правительства Западных держав, напуганные ростом революционных выступлений в Западной Европе, прилагали все усилия, чтобы ликвидировать власть большевиков и расчленить территорию Советской России. С этой целью в борьбе против Советской России подключилась Румыния и получила Бессарабию, 28 октября 1920 г. был подписан документ, получивший название Парижский (Бессарабский) протокол присоединении Бессарабии к Румынии. Документ подписали представители правительств Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии. Среди подписавших отсутствовала подпись представителя США Р. Ланцинга, позиция которого в ряде случаев отли-

чалась от позиции других участников конференции. Заметим, что Парижский протокол подлежал ратификации парламентами государств, подписавших его, и только после этого он считался вступившим в силу. Однако Япония договор не ратифицировала и, следовательно, он не вступил в силу⁴¹. Советская Россия не признала присоединение Бессарабии к Румынии. Впоследствии в изменившихся международных условиях начала Второй мировой войны 26 июня 1940 г. Правительство СССР направило ультиматум Румынии с требованием возвратить Бессарабию Советскому Союзу и Румыния в отсутствие поддержки со стороны Германии и других Западных стран приняла этот ультиматум. Бессарабия вошла в состав СССР. Однако вопрос о долгах, накопившихся за годы Первой мировой войны и взаиморасчетах, не потерял своей актуальности. Более того, после Второй мировой войны он приобрёл новый смысл в связи с участием Румынии на стороне гитлеровской Германии в войне против СССР.

Таким образом, можно согласиться с выводом авторов коллективной работы «Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии» о том, что, «если имеют основания претензии румынской стороны на возврат ценностей, сданных на хранение в Россию, то столь же естественным представляется право другой стороны на возмещение убытков, связанных с захватом имущества, оцениваемого (рубли, леи, франки) миллиардами»⁴².

К сожалению, об этих претензиях Советской России в работах румынских историков даже не упоминается. В связи с претензиями Румынии необходимо заметить, что дважды, в 1935 и 1956 гг., Румынии были переданы румынские ценности: в 1935 г. – архивные документы и материалы Румынской Академии, а также ряд ценных вещей, в том числе, платиновые изделия (эталонные весы и мер). В 1956 г из кладовых московского Кремля в Румынию были переданы все хранящиеся там ценности: золотые, платиновые и серебряные изделия, иконы, церковная утварь, картины и т.д. по описи, соответствующей описи 1923 г. Все вещи были тщательно сохранены и отреставрированы. Что же стало собственно с частью золота и двумя ящиками драгоценностей румынской королевы Марии? Одну из версий озвучил на встрече с румынской делегацией в 1965 г. первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Золотой запас Румынии вместе с российским золотом в годы гражданской войны в целях безопасности был отправлен в Самару, затем в Казань, где был захвачен Колчаком, затем белочехами, частично отбит Красной армией, частично исчез, и следы его потерялись.

Возможно, какая-то часть его оказалась в Японии, Китае и Чехословакии. Но это лишь предположения. Имеются данные, почерпнутые из документов французских архивов, что некоторые драгоценности (золотые и платиновые) из числа румынских изделий, хранившихся в Москве, появлялись в начале двадцатых годов на европейских аукционах, но подтверждений этому не нашлось. Пока в руках историков нет достоверных сведений, трудно делать определённые выводы о судьбе румынского золота. В заключение еще раз подчеркнем, что существуют взаимные претензии, а не только претензии одной из сторон, и их нужно рассматривать во взаимосвязи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 15.

² Там же. С. 20.

³ *Romnișcani M.Gr.* Tezaurului Român dela Moscova. București, 2000. P. 24.

⁴ Ibid. P. 24–25.

⁵ *Romnișcani M.Gr.* Op. cit. P. 27–28.

⁶ Ibid.

⁷ *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке международных отношений. Документы и материалы. М., 1996. С. 258.

⁸ *Romnișcani M.Gr.* Op. cit. P. 43.

⁹ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 36–36 об.

¹¹ См: *Михалевский Ф.И.* Золото в период мировых войн. М., 1945. С. 57.

¹² АВП РФ. Ф. 125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации. М., 2009. С. 524.

¹⁵ См. подробнее: *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 29–30.

¹⁶ *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 194.

¹⁷ Там же. С. 195.

¹⁸ Там же. С. 196; *Bistreami I.* În ianuarie fierbinte. Arestarea ministrului României la Petersburg. 1918. // Magazin istoric. 2012. N. 8. P. 51–56.

¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. Док. 52; *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 198–199.

- ²⁰ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 36.
- ²¹ *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 280–281.
- ²² *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 82.
- ²³ *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 259–260.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 1–2, 8, 15–15 об, 16–18, 21, 38–46.
- ²⁵ См.: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 133.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 24.
- ²⁷ Там же. Л. 26, 28, 29, 33.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 82. Л. 142–144.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 150.
- ³¹ *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 252, 276.
- ³² АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 5. Л. 37.
- ³³ Там же. Л. 52.
- ³⁴ Там же. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 85. Л. 81.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 60.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 2. Л. 143–143 об.
- ³⁸ Там же. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 85. Л. 81.
- ³⁹ Там же. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. Л. 6; Д. 5. Л. 6, 15, 17.
- ⁴⁰ См подробнее: *Левит И.Э.* Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920). Тирасполь. 2012.
- ⁴¹ *Левит И.Э.* Указ. соч. С. 190.
- ⁴² *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 260–261.

Е.С. Сергеевко (Москва)

Проблема Косово в контексте Первой мировой войны

Первую мировую войну и ее причины изучают под разными углами зрения и в разных плоскостях. Важнейшим аспектом остаются события на Балканском полуострове с 1914 по 1918 гг. Но наибольшее внимание привлекают взаимоотношения между Сербией, Австро-Венгрией, Болгарией и Италией, а именно то, какой была расстановка сил в регионе и каковы были интересы упомянутых стран. Вопрос о принадлежности Косово являлся тогда по-прежнему актуальным, поскольку эта область была важна как для Сербии в историческом и геополитическом плане, так и для остальных участников конфликта, которые, стремясь удовлетворить свои геополитические интересы, старались помешать расширению сербского влияния в регионе. Хотя в литературе о Первой мировой войне вопрос о проблемах Косово чаще всего не ставится напрямую, многие авторы, тем не менее, рассматривают события войны, связанные именно с этим регионом, в общем контексте, поскольку он оставался точкой соприкосновения интересов Балканских государств в начале XX в.¹

Еще в 1903 г. английский журналист Генри Брейлсфорд написал о будущем Косово следующее: «Сербам не хватит силы, чтобы заставить уважать свои правила; а албанцам не хватит цивилизованности, чтобы сделать свое правление выносимым»². Пожалуй, одним этим высказыванием можно описать ситуацию в Косово и до, и во время Первой мировой войны.

Начиная с обретения независимости по итогам Берлинского конгресса 1878 г., Сербия активно воплощала в жизнь план, по которому все земли, населенные сербами, должны были быть объединены в одно сербское государство³. И хотя в конце XIX в. сербы проживали на многих территориях, в том числе и в Австро-Венгрии, их наибольший интерес вызывали земли Старой Сербии (Косово и Метохия). Долгая и трудная политическая работа, а так-

же военное вмешательство помогли Королевству Сербия в 1912 г. присоединить «исконно сербские земли».

Но радость, связанная с внешнеполитическими успехами, продлилась недолго. В 1914 г. грянула Первая мировая война и конфликт вокруг Косово, который не исчез, а лишь затих на время, разгорелся с новой силой.

Ситуация в Косово в годы Первой мировой войны была сложной. Основная проблема состояла в том, что албанцы, проживавшие в Косово, встали на сторону сербских врагов и всю войну поддерживали все их акции против сербов. К примеру, даже в конце войны, в 1918 г., из Охрида приходили сообщения о том, что «среди албанцев ощущается стремление к грабежам и резне христиан»⁴.

Однако недовольство албанцев новыми сербскими властями и их акции против сербского правительства и населения не были единственными проблемами. Международная ситуация перед и во время войны была непростая, особенно в Балканском регионе. Противостояние Сербии и Австро-Венгрии, попытки Италии усилить свое влияние, а также нестабильная ситуация в соседней Албании: все это создавало новые, еще более трудноразрешимые проблемы.

Как было сказано выше, сербам в 1912 г. удалось получить то, к чему они стремились с 1878 г., а именно получить земли Старой Сербии (а также и Македонии), и таким образом значительно усилить свое влияние в регионе. Подготовительная работа велась в течение долгих 35 лет. В нее входила сербская пропаганда в Косово, экономические меры, военная подготовка, а также работа на дипломатическом уровне по устранению препятствий к воплощению в жизнь своих геополитических замыслов. И все же до конца устранить все препятствия не удалось, так как в Косово все еще оставалось многочисленное албанское население, которое не всегда принималось в расчет. По некоторым данным, за счет присоединения новых земель в 1912 г. население Сербии «выросло с 2 812 тыс. до 4 444 тыс.»⁵, причем значительную часть составляло несербское население.

Албанское недовольство и попытки навредить сербам во время Первой мировой войны объясняются событиями, которые предшествовали войне.

Особенно показателен период Первой балканской войны. Неудовольные итогами Берлинского конгресса и его решениями в территориальных вопросах балканские государства решили вос-

становить справедливость и вернуть то, что по праву должно было принадлежать им, а именно территории, на которых проживали представители их народов. Если говорить о Сербии, то основным объектом ее притязаний была территория Косово, которой она была столь несправедливо, с точки зрения Белграда, лишена. Заметно ослабевшая к тому моменту Османская империя не смогла отразить атаку набиравших силу балканских государств, и, в конце концов, Болгария, Черногория, Сербия и Греция смогли получить то, что хотели.

По итогам Первой балканской войны Сербии удалось получить косовские земли и начать проводить в них свою политику. Еще во время войны сербы начали активную работу в своих «исконных» землях.

Газета «New York Times» 31 декабря 1912 г., ссылаясь на австро-венгерские данные, писала, что «в Ускюбе (Скопье. – *Е.С.*) безоружные албанцы были просто застрелены сербскими офицерами на улице, а если в доме был найден хотя бы охотничий нож, то его владелец так же был застрелен»⁶. По словам автора статьи, опьяненные победой сербские офицеры не щадили никого, даже «безоружных и беззащитных людей, стариков и женщин, детей и младенцев»⁷.

Несколькими месяцами позднее немецкая газета «Frankfurter Zeitung» начинала свой рассказ о событиях Первой балканской войны в Косово такими словами: «Наш частный корреспондент в Ускюбе (Скопье) принес нам шокирующие новости, что 300 албанцев были расстреляны сербами, и снова без суда»⁸. Статья, начатая в таком тревожном тоне, и далее не сообщает ничего позитивного. В ней говорится, что «факты говорят громче, чем любое другое подтверждение вины»⁹. А факты, представленные в статье, таковы: «С того момента, как сербские войска пересекли границу прошлой осенью и заняли территории, где проживают албанцы, случалось одно кровопролитие за другим. В отдельных случаях возможно для того, чтобы защитить себя, завоеватели были вынуждены реагировать с военной строгостью на коварные выстрелы в их войска из албанских деревень. Но никакие законы войны или попытки самообороны не оправдывают снос до основания сотни деревень и убийство десятков тысяч мужчин, женщин и детей, не принимавших участие в боевых действиях»¹⁰.

Нельзя сказать, что подобные заявления в периодической печати были беспочвенными. К примеру, австрийский вице-консул Кольрусс писал министру иностранных дел Леопольду Берхтольду о ситуации в Призрене в январе 1914 г. следующее: «Когда око-

ло года назад сербы взяли Призрен, они объявили “освобожденному” населению региона, что там будет полное равенство всех национальностей и религий. Мир, порядок и правосудие с этого времени будут царить во вновь завоеванной стране»¹¹. Но, по мнению вице-консула, сербские правящие круги не выполнили своих щедрых обещаний. Далее в своем донесении Кольрусс сообщает, что «мусульман дискриминируют повсюду», что «из 32 мечетей в Призрене выполнять свои функции разрешили лишь двум» и «остальные используются в качестве стойл, амбаров для сена, бараков и складов». К негодованию консула «муэдзины больше не смеют призывать верующих на молитву с минаретов, так как их призывы провоцируют издевательства сербских солдат и прохожих»¹².

Но не только австрийцы имели сведения о том, что сербы жестоко себя вели по отношению к албанцам. Комиссар в Албании А.М. Петряев написал следующее в секретной телеграмме: «Сегодня ко мне явилась делегация албанцев из Охрида, Дибры, Струги и Приштины и умоляла о заступничестве России против жестокостей сербов в занятых ими местностях. По их словам, экзекуции производятся массами без разбора пола и возраста»¹³.

Официальные сербские власти часто открыто выражали свое негативное отношение к новому населению. К примеру, министр внутренних дел С. Протич «при обсуждении в сербской скупщине вопроса о введении конституции в Вардарской Македонии цинично заявил, что монархия не собирается этого делать, так как “имеет право поступать с завоеванными землями, как она считает нужным”»¹⁴, а также добавил, что «королевское правительство вообще не собирается советоваться с народом вновь приобретенных земель о форме управления ими»¹⁵.

Подобные заявления подкреплялись законодательно. В начале войны, а именно 9 декабря 1914 г., в сербской газете «Политика» появилось сообщение, касающееся «новых граждан», следующего содержания: до 1 января 1915 г. мусульмане имели особое положение в Сербии, имели право не служить в вооруженных силах и даже могли уехать. Но с указанного времени все, кто остался, имели те же обязанности перед страной, что и остальные граждане¹⁶.

Понятно, что после всех указанных выше событий албанцы не могли поддерживать сербов в Первой мировой войне. Но, наряду с этим, были и другие причины, которые заранее превращали сербов во врагов албанского народа. Имеются в виду позиции других держав по этому вопросу, прежде всего, Австро-Венгрии, Германии, Италии и Болгарии.

Выше были приведены примеры австрийских и германских взглядов на события в Косово до Первой мировой войны. И не случайно именно они. Дело в том, что Сербия, мешавшая австрийским и позднее немецким планам по распространению и укреплению влияния на Балканах, после потери Османской империей влияния на Балканах автоматически превращалась в основного соперника этих держав. Следовательно, требовалось использование всех механизмов по превращению сербского государства в главного агрессора европейской политики и поджигателя войны. Австрийцам и немцам удалось подорвать репутацию сербов с помощью прессы того времени и даже подключить к своей работе американские газеты, которые вообще не имели никаких особых интересов на Балканах¹⁷.

Возвращаясь же к австрийцам и немцам, стоит сказать, что их позиция тоже существенно изменилась. Если в конце XIX – начале XX в. дипломаты, путешественники, репортеры и другие современники событий все время писали о необузданности албанцев и их неоправданных жестокостях по отношению к другим народам, то после того, как основной соперник, то есть Сербия, начал заметно крепнуть и даже преуспевать в военных операциях, призванных помочь присоединению «исконных» земель, тон австрийских и немецких заявлений изменился. В том числе стали появляться статьи с заголовками вроде: «Балканская война. Истребление албанцев» и «Кровавый суд»¹⁸.

Сербское правительство реагировало соответствующим образом и, как писал в секретной телеграмме российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг, говорило, что подобные заявления «умышленно создаются австрийскими агентами»¹⁹ и доказательств австрийцы предоставить не могут.

Более того, тот же Гартвиг писал чуть позднее, что сербское правительство получило сведения будто «австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки по 30–40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны производить нападения на новую Сербскую границу, вызвав волнение среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их Сербским режимом»²⁰.

Борьба на Балканах во время Первой мировой войны велась на всех уровнях – и военном, и политическом. Первое время Сербии удавалось сдерживать противника, но вскоре Сербия начала терять свои позиции и ей пришлось отступить. Австрия, Италия и Германия старались ослабить своего соперника и сделать так, чтобы Сербия потеряла и земли, и влияние.

Любопытно, но в уже упомянутой статье в газете «Frankfurter Zeitung», написанной еще в 1913 г., была выдвинута следующая мысль: «Настало время великим державам объяснить им (сербам. – *Е.С.*), что к государству, управляемому варварским инстинктом, относиться будут иначе, чем к цивилизованному государству»²¹. Из этого следует, что замыслы по сдерживанию сербских амбиций вынашивались еще до войны.

В том числе следовало «выдавить» сербов из Косово и создать противовес неуголному государству. Противовесом могла стать Албания, которую начиная с 1912 г. активно поддерживали Австро-Венгрия, Германия, Италия и Болгария.

Австрия не хотела усиления сербского влияния на Балканах и расширения ее границ по нескольким причинам. Во-первых, после ослабления Османской империи Австро-Венгрия оставалась в регионе единственным по-настоящему сильным государством, которое могло влиять на более мелкие, и соперник в лице Сербии ей был ни к чему. Более того, аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. значительно увеличила ее шансы возвыситься до статуса главного балканского гегемона. Во-вторых, в самой Австро-Венгрии проживало значительное число сербов, а по небезызвестному плану Сербия стремилась собрать все населенные сербами земли в одно государство – «Великую Сербию». Как писал в 1914 г. российский посланник в Черногории А.А. Гирс: «Австрия, по-видимому, решила вступить в систематическую борьбу с тем, что ее государственные деятели и общественное мнение в лице австрийских немцев разумеют под “великосербством”, очагом идеи и деятельности которого венское правительство считает Сербское королевство»²². После присоединения Косово и Македонии процесс построения «Великой Сербии» был запущен, и риск потерять населенные сербами земли был велик. Более того, за сербами могли потянуться и другие славянские народы Австрии, и империя бы развалилась (что и произошло после Первой мировой войны). В-третьих, пребывание сербов в Косово и их дальнейшее продвижение к морю вели к другой опасности, а именно получению Сербией нового статуса, статуса морской державы, что также не импонировало австрийским правящим кругам.

Германия, активно проникавшая на Балканы, также не хотела видеть здесь мощное сербское государство и поддерживала планы своего австрийского союзника. Тот факт, что во главе Албании был поставлен прусский принц Вильгельм фон Вид, является весьма показательным. Вражда с Россией, которая встала на сторону

Сербии в самом начале войны, также создавала для Германии благоприятные условия для вступления в войну против Сербии. Еще одним фактором выступления Германии против Сербии были ее собственные геополитические интересы. Есть мнение, что в планы Германии входило расширение экономического влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это подтверждает член Рейхстага Германн Вендель, который написал в статье о Сербии, вышедшей во время войны, следующее: «Экономические интересы обязывают Сербию продавать свою продукцию Центральным державам и покупать у них вещи, в которых она нуждается». Вендель пишет далее, что «через этот трафик она (Сербия. – *Е.С.*) неизбежно будет подчинена германскому влиянию в других сферах»²³.

Италия же, которая, как и Германия, завершила процесс объединения лишь во второй половине XIX в., также стремилась укрепить свои позиции, в том числе на Адриатике. Италия довольно успешно начала расширять свое влияние здесь в начале XX в. и одержала ряд внешнеполитических побед, которые подготовили почву для дальнейшего укрепления итальянского государства. Первый важный шаг был сделан в 1908 г. в период младотурецкой революции, когда «Италия участвовала в военном демарше европейских держав против Турции»²⁴. Начиная с этого времени «итальянские дипломаты и финансисты на международных конференциях разрабатывали международные проекты экспансии и раздела сфер влияния на Балканах, в Малой Азии, в Африке. Формально следуя курсу «собирания сил» и ограничиваясь «мирным освоением» двух колоний в Африке – Эритреи и Сомали, Италия все громче заявляла о своих претензиях на влияние в Черногории, Сербии, Болгарии, Албании, добивалась упрочения позиций в Адриатике»²⁵. Логическим следствием такой политики было объявление войны Турции в сентябре 1911 г. с целью захвата ее североафриканских владений.

В октябре 1912 г. итальянские усилия были вознаграждены подписанием Лозаннского мирного договора, положившего конец войне между Италией и Турцией в Триполитании. «Согласно договору, итальянское правительство выплатило Турции денежную компенсацию (около 2 млн лир) за ее отказ от североафриканских владений»²⁶. Подобные внешнеполитические успехи давали Италии основание думать, что ей удастся и дальше расширить свое влияние, но теперь уже на Балканах. Сильная Сербия для Италии в данном случае также являлась помехой.

Было еще одно государство, которое желало получить себе часть сербских земель – Болгария, имевшая притязания на Македонию. Сербо-болгарские разногласия по поводу Македонии упоминает еще в 1913 г. в качестве фактора, влияющего негативно на отношения двух государств, тайный советник А.А. Гирс, который назвал это противостояние «взаимоистребительной борьбой»²⁷.

В период Первой мировой войны Болгария оказалась в лагере сербских врагов. Наличие в Македонии болгарского населения, а также ее стремление расширить свое влияние в регионе способствовали возникновению конфликта между Сербией и Болгарией вокруг новых сербских земель. Еще до Первой балканской войны между Сербией и Болгарией возник спор о распределении территорий. В центре спора находились земли «между Шар-Планиной и рекой Струми»²⁸. Как известно, в итоге Сербия получила все земли, на которые претендовала Болгария, что дало последней повод снова начать борьбу за них. Уже в начале Первой мировой войны было ясно, что наличие дополнительного соперника в лице Болгарии существенно осложняло положение дел для Сербии. Российские дипломаты тогда считали, что есть способы сделать Болгарию союзником и видели решение в принуждении сербов «отдать болгарам часть Македонии по схеме договора 1912 года, с некоторыми поправками в пользу сербов на севере и северо-западе этой области»²⁹. Тем не менее, Сербия не хотела терять свои новые, с трудом обретенные земли и поэтому не использовала этот шанс для избавления от одного из врагов. Болгария выступила на стороне Австро-Венгрии, которая пообещала ей и Македонию, и даже Косово, ранее обещанное Албании³⁰.

Так называемые Центральные державы в течение всей войны старались поощрять любые албанские акции против сербов, а чаще всего сами создавали провокации, так как албанское государство и сами албанцы к тому моменту не были достаточно сильными, чтобы принимать подобные решения. У Албании, которая тогда была слабейшим и беднейшим балканским государством, было и без того много внутренних проблем, и участие в войне для нее было совсем некстати. Тем не менее, Центральные державы и, прежде всего, Австро-Венгрия давали албанцам весьма заманчивые обещания, связанные с перспективами получения албанским государством косовских земель в качестве вознаграждения. Что же касается албанцев в Косово, то им не нужно было лишний раз напоминать о том, как сильно мешает их развитию наличие сербского элемента в крае. Учитывая же нерешенность вопроса с албанским меньшинс-

твом, который все еще существовал в сербском государстве, можно говорить, что «албанское население Косово, Метохии и западной Македонии ожидало со своей стороны большую войну как удобный случай для отделения от Сербии и Черногории»³¹.

В 1915 г. после стремительного наступления германцев, австрийцев и болгар сербам пришлось отступить на территорию Косово и Албании, где их не ждал радушный прием. Знаменитая «Албанская голгофа» унесла жизни многих сербов. «Во время отступления через Албанию сербские войска и народ подвергались нападениям, о которых нельзя говорить, что они были “партизанского” характера: их целью был только грабеж. Голодные и замерзшие люди были раздеты догола и убиты или оставлены “белой смерти” в снегу»³².

По опубликованным свидетельствам можно получить представление о том, что именно происходило с сербами в Косово в период Первой мировой войны. К примеру, уже после войны, в 1920 г., от секретаря префектуры округа Тетово Михайло Алимпиевича поступила письменная жалоба о том, как он и его семья пострадали во время отступления в 1915 г. в монастыре Св. Марка Коришког, что рядом с Призреном. «Около 4 пополудни мы слышали громкий артиллерийский огонь из пушек Призренского фронта, которые защищали город от врага»³³, – пишет Алимпиевич. Затем он рассказывает, что монастырь окружили и всех его обитателей взяли в заложники, в том числе его сестру. Албанцы, которые захватили монастырь, «дали им честное слово, что с ними ничего не случится»³⁴. Тем не менее, всех заложников обыскали, отобрали у них ценные вещи, а утром пообещали отправить их к командиру, который, что особенно интересно, был болгарин³⁵. Позднее обобраным до нитки заложникам сказали, что они могут быть свободными «при условии, что они не вернуться ни в Призрен, ни в Косово, а поедут домой в Сербию или Боснию»³⁶.

Все вышесказанное доказывает, что косовская проблема не исчезла с присоединением Косово к Сербии, а в период Первой мировой войны все события, предшествовавшие 1914 г., получили свое логическое продолжение.

Возможно, не только поведение сербов по отношению к албанцам явилось основной причиной враждебного отношения к ним албанцев во время Первой мировой войны. Как писал еще в 1903 г. Г. Брейлсфорд, много путешествовавший по Македонии и наблюдавший за албанцами, цель борьбы албанцев изначально не была ясна никому³⁷. С одной стороны, албанцы боролись за ав-

тономию, а позднее и независимость от Османской империи. Но если посмотреть на это с другой стороны, то при турках албанцам жилось не так уж и плохо, так как им разрешалось быть полными хозяевами в тех районах, где они проживали. Следовательно, когда сербы заняли территорию Косовского вилайета и попытались установить там свои порядки и законы, албанцы оказались на непривычных для них вторых ролях, что не могло не отразиться на их дальнейшем поведении и действиях. Ситуацией не преминули воспользоваться Центральные державы, которым была на руку сербоалбанская вражда. По стечению обстоятельств именно земли Косово оказались в центре конфликта балканских участников войны.

Таким образом, не стоит искать причины отказа косовских албанцев поддерживать сербов в Первой мировой войне только в действиях новых сербских хозяев. В данной ситуации мы имеем перед собой сложную и многогранную проблему, которая была вызвана множеством факторов, в том числе и тем, что малый народ с внутренними проблемами, как это часто случается, оказался инструментом в руках более мощных держав, имевших свои собственные интересы в балканском регионе и в Европе в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Батаковић Д.Т.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд, 2006; *Богдановић Д.* Књига о Косову. – http://www.kosovo.net/sk/rastko-kosovo/istorija/knjiga_o_kosovu/index.html (08.06.2015).

² *Brailsford H.N.* Macedonia: its Races and their Future. London, 1906. P. 280.

³ См.: И. Гарашанин «Начертаније». – http://www.rastko.rs/istorija/garasanin_nacertanije_c.html#_Точ412529203 (08.06.2015).

⁴ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1 (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 65.

⁵ Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 44.

⁶ The New York Times, 31 December 1912.

⁷ Ibid.

⁸ Frankfurter Zeitung, 14 März 1913.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Austrian State Archives), Vienna, PA XXXVIII 405.

¹² Ibid.

¹³ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии... С. 61.

¹⁴ Балканы в конце XIX – начале XX века... С. 44.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Политика, 9 децембар 1914.

¹⁷ Справедливости ради следует отметить, что шестью годами позднее, а именно 28 июля 1918 г., президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон произнесет свою знаменитую речь «Когда сербский флаг развевался над Белым домом», в которой выразит уважение «храброму и доблестному» сербскому народу (См.: Речь Вудро Вильсона «When the Serbian flag flew over the White House», 1918. – <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12225> (15.12.2014)).

¹⁸ См.: The New York Times, 31 December 1912; Frankfurter Zeitung, 14 März 1913.

¹⁹ Цит. по: Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии... С. 58.

²⁰ Там же.

²¹ Frankfurter Zeitung, 14 März 1913.

²² Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. Петроград, 1917. С. 22.

²³ Marcovitch L. Serbia and Europe 1914–1920. London, 1920. S. 307.

²⁴ Яхимович З.П. Итальянское государство и общество: модернизация и внешняя политика // Новая история стран Европы и Америки / Под ред. И.М. Кривогуза. М., 2004. С. 640.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 642.

²⁷ Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция... С. 14.

²⁸ Табурно И.П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 14.

²⁹ Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция... С. 59.

³⁰ См.: Stamova M. Kosovo u Prvom svetskom ratu. – <http://konferencija2014.com.ba/wp-content/uploads/Mariana-Stamova-paper.pdf> (15.12.2014).

³¹ Богдановић Д. Книга о Косову...

³² Там же.

³³ Шиптарски геноцид над Србима у 20. веку: документа Архива Епархије призренске и косовско-метохијске. Београд, 2011. С. 20.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 24, 26.

³⁷ Подробнее см.: Brailsford H.N. Macedonia... P. 282.

РАЗДЕЛ VII

ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Л.Ф. Широкова (Москва)

Образ офицера Первой мировой войны в словацкой прозе XX века

Войны, социальные катаклизмы, связанные с ними драматические судьбы людей всегда становились объектом художественного осмысления в искусстве. Литература дает яркие примеры воплощения этих тем в самых разных стилях и жанрах, а герои произведений нередко становятся для читателей убедительным олицетворением характеров и личностных черт человека переломного времени. Это в полной мере относится и к словацкой прозе, посвященной Первой мировой войне, не столь богатой по своему объему, но, вместе с тем, представленной достойными именами и произведениями.

Любомир Липтак в своей книге «Словакия в XX веке» справедливо отмечал недостаточную изученность жизни австро-венгерской армии, солдат и офицеров, воевавших в ее составе на фронтах Первой мировой войны. Причина, по его мнению, состоит в том, что они были представителями проигравшей стороны, распавшейся монархии. Основное внимание уделялось другой стороне фронта, той части военнослужащих, которые составили затем чехословацкие легионы в России, Франции, Италии. «Поэтому, – писал он, – мы знаем сравнительно мало о настроениях солдат, об их жизни в первые годы войны. Примечательно, что даже в словацкой литературе, которая сумела так ярко отразить жизнь словацкой деревни в годы войны, нет попытки создать книгу “из окопов”, которая могла бы сравниться с “Живым бичом” Мило Урбана»¹.

Еще одно справедливое замечание историка: в австро-венгерской армии словаки были представлены преимущественно рядовым составом (около 400 000 человек), каста офицерства была для них труднодоступна (как и образование в целом). При этом образованные словаки, представители интеллигенции, врачи, юристы, будучи призванными на военную службу, становились вольнооп-

ределяющимися, имели определенные привилегии, а после сдачи экзамена получали офицерское звание и возможность некоторого карьерного роста. Однако высших чинов они, как правило, не достигали. Самый известный словацкий офицер Первой мировой войны – генерал Милан Рагислав Штефаник – был генералом французской армии, противника Австро-Венгрии, его активная деятельность способствовала развалу империи и образованию суверенной Чехословацкой республики.

Во время войны на фронте оказались и известные словацкие писатели, отразившие затем свои впечатления и переживания в послевоенном творчестве – в воспоминаниях о фронте, плене, жизни в революционной России – в них присутствуют и типы военнослужащих, офицеров.

Янко Есенский (1874–1945) ко времени начала войны был уже не только юристом и политиком, но и известным литератором, автором рассказов и стихотворных сборников. За ним, активным общественным деятелем, русофилом, закрепилась слава «панслависта». В книге воспоминаний «На пути к свободе» (1933) он пишет о преследовании властями Австро-Венгрии, о своем аресте и встреченных им в тюрьме венгерских офицерах, нередко в характерном для себя сатирическом ключе: «Меня передали офицеру-гонведу², некоему Яну Дробному; тогда он наверняка еще не знал, что в недалеком будущем станет красивым президентом Словакии. В окошко камеры то и дело кто-то заглядывал. По большей части это были офицеры-гонведы. Некоторые из них, видимо, чтобы позлить меня, а может и для того, чтобы выразить свои патриотические чувства, кричали мне из-за дверей венгерские ругательства. [...] Капитан Чомаи сказал мне как-то раз: “Вы даже и не думайте просить о повышении до звания офицера, это у вас не пройдет, с вашими-то политическими убеждениями”»³. Попав в 1915 г. на русский фронт, Есенский сразу же сдался в плен, работал в чехословацких печатных органах на территории России, вел политическую деятельность. После образования независимой Чехословакии он стал крупным государственным чиновником, однако наибольшую славу принесли ему литературные произведения.

Йозеф Грегор-Тайовский (1874–1940) – один из крупнейших словацких писателей-реалистов, к началу войны уже был автором многочисленных рассказов и пьес. Будучи на фронте, он также перешел на сторону русских, в России вел журналистскую и редакторскую работу, стал легионером и даже получил звание капитана. Его воспоминания отражены в книгах «Рассказы из России»

(1919), «На фронт и другие рассказы» (1920), «Рассказы о чехословацких легионах в России» (1920) и др. Оставил свои мемуары («Сибирские записки», 1936) и Микулаш Гацек (1895–1971), легионер, ставший позднее писателем, переводчиком русской литературы.

Тема Первой мировой войны прозвучала не только в мемуарной литературе, но и в прозаических художественных произведениях словацких писателей разных поколений и разного жизненного опыта – как участников военных событий, так и литераторов, наблюдавших за этими событиями в тылу, находясь в гуще народа, оценивая войну с точки зрения словацкого социума.

Среди них была и Тимрава (Божена Сланчикова, 1867–1951) – писательница, которая к тому времени принадлежала уже к зрелому поколению так называемой второй, психологической волны словацкого реализма. В 1918 г. вышла в свет ее повесть «Герои», центральной темой которой стала война, перевернувшая жизнь тихой словацкой провинции. С объявлением войны и началом мобилизации социальное неравенство выразило себя с особой остротой, национальный признак (антагонизм «словак» – «венгр») при этом отходит на второй план. Оппозиция «господа» – «народ» становится в повести основной, наполняется противоположными характеристиками: у крестьян – от страха первых дней войны до покорности судьбе, у «господ» – от «ура-патриотизма» вначале до панического страха быть отправленным на фронт. Самый яркий пример такого рода «героев», раскрывающий иронический смысл названия новеллы, – малодушный нотариус Балань, который симулирует тяжелую болезнь, пытается подкупить врача, а получив, наконец, «белый билет», устраивает шумную пирушку вместе с приятелями, которым также удалось улизнуть от призыва. Офицеры в новелле встречаются лишь эпизодически: они вместе с «господами» – чиновниками отбирают для отправки на фронт самых молодых и крепких сельчан: «По улице шла вереница господ с пачками документов под мышками, среди них мелькали офицерские мундиры»⁴. Единственный положительный персонаж из социальной среды «господ» – местный молодой интеллигент, помощник нотариуса Штефан Ширицкий – сохраняет внутреннее достоинство, не унижается; разочаровавшись в неприглядной действительности, в своем окружении, он подчиняется общей с односельчанами судьбе и уходит на фронт, где вскоре гибнет.

Автору уже упоминавшегося романа «Живой бич» (1927) Мило Урбану (1904–1982) в начале войны было около десяти лет, а этот

свой знаменитый роман он написал в двадцать три года (издав до этого две книги рассказов). Основное содержание романа – упадок и обнищание словацкой деревни вследствие войны, приведшее к народному бунту. Социальные противоречия здесь также главные, оппозиция и здесь, как у Тимравы: «народ» – «господа»; примечательно, что в этом романе о войне нет сцен противостояния на русском фронте («свой» – «чужой» солдат). Бесправие и трагизм судеб бедняков контрастирует с алчностью и беспринципностью «господ»; в романе Урбана они представлены традиционными для словацкой литературы критического реализма фигурами аморального нотариуса, ханжи-священника венгра, жадного еврея-корчмаря. Стихийный протест народа против войны также направлен, по сути, против господ: «Если паны хотят драться, пускай дерутся, а нас пусть в покое оставят. У нас и другие дела есть»⁵. Крестьянскую сходку разгоняет «пан жандарм», направляя на сельчан оружие. В немногочисленных сценах фронтовой жизни Мило Урбан также подчеркивает этот социальный контраст, – здесь очевидно противоречие между бесправными рядовыми и муштрующими их безжалостными командирами. В характеристике жестокого унтер-офицера Рона, человека «с черной душой», «без совести», отражены представления военачальников об идеале солдата: «Благодаря этим его качествам офицеры считали его истинным образцом солдата как человека не рассуждающего, не чувствующего, этакой машины для убийства людей. Он и его винтовка были единым целым»⁶. Урбан показывает обезличивание человека на войне, обесценивание прежних представлений о морали: «Разум и сердце оказались лишними, совесть, человечность – вредными. Здесь нужны были только животные со здоровыми мускулами, разъяренные быки, которые слепо неслись бы вперед»⁷. Взбунтовавшийся новобранец Илчик убивает унтер-офицера («все его существо протестовало против окружающей его неслыханной жестокости»), и его расстреливают. Основное же действие романа Урбана сосредоточено на драматических событиях в тылу, в небольшой словацкой деревне, где стихийный народный бунт возглавил солдат-дезертир Адам Главай.

Наиболее глубоко и развернуто тема войны представлена в творчестве Яна Грушовского (1892–1975). Ее пагубность и бесчеловечность показана через восприятие молодого словака-интеллигента – участника войны, офицера австро-венгерской армии, участника боевых действий на фронтах России и Италии. Свои заметки о войне Грушовский начал писать, а затем и публиковать

в периодической печати в г. Мартин (журнал «Живена» и др.) уже в конце 1914 – в начале 1915 г. «Я был весьма горд, – писал он позднее, – когда выяснилось, что это была здесь у нас, по сути дела, первая прозаическая литература, бравшая сюжеты из войны»⁸.

В 1919 г. Я. Грушовский издал книгу «С мировой войны», написанную на основе своих автобиографических заметок. Это своего рода хроника жизни молодого офицера австро-венгерской императорской и королевской армии (автор выступает под своим именем), в которой описываются события первых месяцев войны. Вначале, так же, как и в повести Тимравы, описываются восторги местных зальцбургских горожан, на улице и в кафе звучат их воинственные возгласы «Да здравствует армия!», «Да здравствует император!» и даже «Да здравствует война!». Полк, где служил Грушовский, направляют «на русские границы, на Львов, а оттуда прямо на Москву», и молодые офицеры испытывают перед отправкой на фронт отнюдь не воодушевление, а совсем другие чувства – растерянность, уныние: «Мы молимся всемилостивому богу о своем спасении, ... стоим молча, склонив головы, с тяжелым сердцем. Мы обручаемся со смертью»⁹.

В дальнейшем описании быта и нравов офицерства поначалу также звучат легкие, часто иронические ноты. Некоторые сценки живо напоминают «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека. Так, например, начальство распекает вольноопределяющегося: «Вы, одногодка! Думаете, если сейчас война, то вы можете у меня на голове плясать? Но я вас научу порядку!»¹⁰ и др. События приобретают драматизм, когда военные действия разворачиваются «на вражеской территории», в Галиции. Автор, убежденный потомственный русофил, патетически восклицает: «Мы вошли на святую землю матушки России», при этом подмечая здесь и резкие социальные контрасты, нищету деревни и пышность барских усадеб. Поражает его и национальная пестрота австрийской армии («Три батальона остановилось лагерем в деревне – настоящий муравейник»), и демагогия старших офицеров, которые призывают подчиненных к новым победам и лаврам накануне кровавых сражений и бесславного отступления. Меняются настроения молодых офицеров, наступает отрезвление: «Каждый представлял себе войну другой, более яркой, пусть и кровавой, но зато приправленной веселыми моментами, даже галантными историями. А сегодняшняя война не такая. В ней нет блеска белоснежных мундиров, сверкания сабель, – все серое, грязно-зеленое»¹¹. К тяжелым условиям военного быта добавляются болезни, эпидемия дизентерии,

от которой чуть не погибает сам Грушовский. Записки завершаются картинками панического бегства славных зальцбургских полков, бросающих оружие и боеприпасы.

Заметки Яна Грушовского, сделанные по горячим следам событий, при большей или меньшей степени документальности, уже сами по себе отличались художественной образностью, умением автора видеть и изображать не только события, но и характеры, прежде всего – характеры военных, офицеров. Многие мотивы, фигуры, человеческие типы получили развитие в нескольких его последующих, более зрелых художественных произведениях – в повести «Человек с протезом» (1925), романе «Петер Павел на пороге нового мира» (1930), в рассказах «Происшествие в воздухе», «Матта mia» и др.

Герой повести «Человек с протезом» – кадровый офицер австро-венгерской армии Максимилиан фон Зееборн, место действия – тихий тыловой Зальцбург в разгар Первой мировой войны. Композиция, мотивы и персонажи повести напоминают повесть М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», прямые аллюзии на которую содержатся в тексте. Бывший сослуживец офицера, поручика фон Зееборна, незадолго до этого погибшего в бою, разбирает, а затем и публикует оставленный им дневник. Дальнейшее повествование идет от лица Зееборна: он подробно и обстоятельно пишет в дневнике о своем пребывании в отпуске, о запутанных отношениях с женщинами, и при этом все более очевидной становится болезненность его рассуждений. Пережитые военные потрясения и особенно – измена в его отсутствие любимой девушки, обручившейся с местным адвокатом, – все это надломило его личность. Поручик Зееборн уверен, что в его груди вместо живого сердца теперь бесчувственный металл: «Умелые лекари вынули израненное, измученное сердце и вложили взамен его протез»¹². В повести звучит встречающийся и в других произведениях Грушовского мотив рока, предопределенности судьбы, предчувствия скорой смерти, которое посещает Зееборна.

В повести убедительно показана офицерская среда, представлена целая галерея типов офицеров – наряду с большим душой, но отважным и по-своему благородным Зееборном, это злоречивый тупой майор Ганзе, старый генерал Мандл («известный своим бессердечием, особенно к резервистам»), легкомысленные гуляки из офицерского клуба и др. В финале Зееборн отправляется с маршевым батальоном на фронт с уверенностью, что найдет там, что ищет – свою смерть, о которой читатель узнал еще в начале повести.

В 1920–1930-е гг. Ян Грушовский становится одним из самых ярких представителей экспрессионизма в словацкой литературе – направления, возникновение которого было во многом связано с ужасами и потрясениями Первой мировой войны. В следующем своем произведении – романе «Петер Павел на пороге нового мира» он еще более развил ярко-эмоциональную составляющую картины военных бедствий и разрушений, не только материальных, но и нравственных.

Действие происходит вначале в Австрии, в окрестностях Зальцбурга, где базируется полк надпоручика словака Петера Павела, а затем – на итальянском фронте, об ужасах которого Петер узнает вначале из рассказа своего однополчанина, офицера Блюмла. Тот описывает апокалиптические картины опустошений после тяжелых боев, горы трупов и реки крови. Основа сюжета романа – злоключения надпоручика Павела, которому его командир, полковник барон Буолл, дает опасное секретное задание – организовать в частях борьбу с подрывной «большевистской пропагандой». Ее активизацию полковник связывает с притоком в армию бывших военнопленных, которые стали очевидцами революции в России: «Эти сто тысяч человек собственными глазами видели, как взбунтовалась армия, как свергли династию, как перебили почти весь офицерский корпус»¹³. Особую опасность, по убеждению барона, представляет «панславистская агитация среди рядовых из словацких полков». Услышав от него о существовании «вражеской организации» – Чехословацкого национального совета, надпоручик, будучи горячим словацким патриотом, в душе ликует: «Что за потрясающая весть! Чехословацкий национальный совет! Независимое чехословацкое государство! Новая, свободная отчизна!»¹⁴. Петеру Павелу вскоре пришлось напрямую столкнуться с последствиями внутреннего разложения австро-венгерской армии, со стихийными солдатскими бунтами, насилием, убийством офицеров. Он одновременно и сочувствует солдатам как жертвам безжалостной военной машины, и в то же время видит в агрессивной массе враждебную своему миру разрушительную силу. Герой теряет в этой исторической мясорубке многое, видит гибель близких ему людей. Однако завершается роман все же на позитивной ноте – война заканчивается, на обломках Австро-Венгерской империи возникают новые государства, и войска расходятся по домам – по своим национальным территориям; перед Петером Павелом брезжит рассвет «нового мира».

Так масштабно ни тема Первой мировой войны, ни образы офицеров в словацкой прозе 1920–1930-х гг. уже не рассматривались – в литературе шли уже другие процессы, возникали другие художественные течения и явления. Однако отзвуки прежних тем и образов все же можно встретить и в более поздние периоды.

Так, в новелле Гейзы Вамоша (1901–1956) «Кавалеристская легенда» (1932) представлена среда офицерства, сложившаяся уже после окончания войны, но все еще связанная с прежними представлениями о качествах офицера. Писатель основывался здесь на собственном опыте военной службы: по сюжету четверо молодых военных врачей проходят обязательный курс верховой езды у опытных офицеров-кавалеристов, среди которых выделяется фигура старого полковника с фронтовой закалкой. Юмористический оттенок повествованию придают фигуры неумелых новичков на фоне «старых», кадровых офицеров.

Последствия войны отразились и на судьбе героев рассказа «Дуэт Чарли» (1937) Доброслава Хробака (1907–1951), писателя, чье творчество по большей части относится уже к другому литературному направлению – натуразму, неоромантическому по своему характеру. Однако в этом, и в нескольких других рассказах Хробак и тематически, и стилистически ближе к экспрессионизму. Сюжет рассказа – это трагически закончившаяся встреча двух бывших возлюбленных, танцоров-акробатов, разлученных войной. «Русская пуля», застрявшая в позвоночнике ветерана Первой мировой – догнала и убила и его, и партнершу в тот момент, когда пара попыталась вновь повторить свой прежний рискованный танцевальный номер.

Примечательно, что уже спустя много лет, после множества разнообразных перипетий и поворотов и в истории словацкой литературы, и в судьбе всего общества, эта тема вновь всплыла в двух произведениях Павла Виликовского (писателя, принадлежащего к поколению, которое дебютировало в 1960-е гг.). Виликовский оживил тему Первой мировой войны в специфической форме – иронической, пародийной, коллажной. Новелла 1989 г. «Вечно зеленеет» – написана в форме своего рода потока сознания – монолога старика, бывшего офицера разведки австро-венгерской армии; его сбивчивый рассказ – это переплетение реальных событий с фантазиями, поучение молодому слушателю и беззастенчивое хвастовство.

Постмодернистский, коллажный характер имеет и вторая книга – «Чистка старого серебра» (2006), стилизованная под ста-

ринный дневник братиславского гимназиста накануне Первой мировой войны. Юноша пишет о своем взрослении, об отношении к женщинам, родителям, товарищам, при этом сквозной мотив – это его мечта стать офицером и уйти сражаться с врагами отечества. Сам образ офицера выглядит у него по-детски наивно: «Офицера без усов даже представить себе нельзя. А у полковников и генералов еще и бакенбарды»; «врагов убивают простые солдаты, а офицер только отдает приказы и руководит сражением»¹⁵. Коллажность книги усиливается визуальным рядом – сочетанием текста с многочисленными иллюстрациями в виде старинных открыток, в том числе и с изображениями офицеров, солдат в окопах, сестер милосердия в госпиталях.

Тема первой войны, а вместе с ней и образ офицера трактовались в словацкой прозе XX и XXI вв. по-разному – в зависимости и от личного опыта писателя, и от общей направленности его творчества. Пик развития этой темы пришелся на период экспрессионизма, однако пунктирно, как мотив, сюжетная деталь, характерный типаж, она присутствовала в литературе еще долго, приобретая черты символа определенного времени и человека в его координатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 2000. S. 51.

² Гонвед (*венг. honvéd*, буквально – защитник отечества) – военный служащий венгерской армии во второй половине XIX – первой половине XX вв. (прим. ред.)

³ *Jesenský J.* Spisy I. Bratislava, 1977. S. 568.

⁴ *Timrava.* Hrdinovia. Bratislava, 1977. S. 106.

⁵ *Urbán M.* Živý bič. Bratislava, 1970. S. 16.

⁶ *Ibid.* S. 72.

⁷ *Ibid.* S. 74.

⁸ *Hrušovský J.* Stála vojna, stála. Bratislava, 1971. S. 215.

⁹ *Ibid.* S. 27.

¹⁰ *Ibid.* S. 87.

¹¹ *Ibid.* S. 207.

¹² *Hrušovský J.* Prípád poručíka Seeborna. Bratislava, 1976. S. 23.

¹³ *Hrušovský J.* Peter Pavel na prahu nového sveta. Bratislava–Praha, 1930, II. S. 26.

¹⁴ *Ibid.* S. 29.

¹⁵ *Vilíkouský P.* Silberputzen. Leštenie starého striebra. Bratislava, 2005. S. 20.

И.А. Герчикова (Москва)

Чехословацкие писатели-участники Первой мировой войны: герои, интервенты, жертвы...

С началом Первой мировой войны чехи и словаки – подданные Австро-Венгрии – были мобилизованы для войны против государств, входивших в состав Антанты. Активные призывы звучали и в австрийских консульствах за границей, но к ним не особенно прислушивались десятки тысяч австро-венгерских граждан, живущих в России. Те, кто к тому времени стали подданными России, были мобилизованы в русскую армию. Начинает формироваться чешская воинская часть в России. В августе 1914 г. в Киве, где находится достаточно большая община чехов, формируется Чешская дружина, и 28 сентября первые 700 ее добровольцев приносят присягу. В 1915 г. на основе восьми рот дружины возник Чехословацкий стрелковый полк. 14 ноября 1915 г. Т.Г. Масарик объявил об организации Чешского заграничного комитета, который летом 1916 г. переименовали в Чешкословацкий национальный совет (ЧНС). Заграничное сопротивление начиналось как чешское движение, ставившее перед собой цель – создание независимого чехословацкого государства. Многие из призванных в австро-венгерскую армию чехов, оказавшись на русском фронте, стремились при первом удобном случае сдать в плен. Этому содействовала и пропагандистская компания, развернутая русскими властями, обещавшими братьям-славянам избавление от австрийского владычества и скорое возвращение домой. Руководство чехословацким движением сопротивления ожидало большого прилива солдат из числа военнопленных. Однако сначала добиться разрешения на их зачисление в состав чехословацких воинских частей было сложно. Но в 1915 г. такое разрешение было получено с условием, что солдат должен заявить о желании стать добровольцем и воевать на стороне России непосредственно после сдачи в плен. Способ «набора» был странным: военнопленным

не хватало информации об условиях, поэтому сориентироваться было трудно. Позднее разрешили вступать в воинские части и словакам. Постепенно чехословацкое формирование разрослось до 50–60 тыс. человек. В июле 1917 г. после битвы у Зборова* авторитет «чехословаков» возрос, и 9 октября 1917 г. возник Чехословацкий армейский корпус. Легионы возникли, прежде всего, как средство борьбы за независимость чехов и словаков, и данную задачу они выполнили, их боевая деятельность стала главным аргументом в ходе переговоров Т.Г. Масарика о чехословацкой самостоятельности. В октябре 1917 г. большевики взяли власть в свои руки и в марте 1918 г. подписали в Брест-Литовске мирное соглашение с Центральными державами. В новой обстановке Масарик заключил с советскими представителями договор о выводе Чехословацкого корпуса через Сибирь во Францию. Однако Л.Д. Троцкий договор саботировал и пытался привлечь Чехословацкий корпус в Красную Армию. В связи с этим в мае 1918 г. произошло вооруженное столкновение чехословацких легионеров с Красной армией, переросшее в открытую борьбу легионеров с большевиками с целью пробиться через Сибирь на Дальний Восток для эвакуации на Западный фронт. Чехословацкие легионеры захватили много крупных городов (Самара, Казань, Челябинск, Екатеринбург, Красноярск, Иркутск, Харбин, Владивосток), овладели всей транссибирской магистралью и продолжали двигаться на восток. Немцы настаивали на соблюдении положений Брестского мира, разоружении и роспуске чехословацких формирований. После развала и демобилизации царской армии, выхода России из войны, чехословацкий корпус, насчитывавший, по разным источникам, около 30–40 тыс. человек, оказался чуть ли не единственным в стране боеспособным воинским формированием. В феврале 1919 г. возникла еще одна, третья дивизия, однако, в то время задачей чехословацкого корпуса стала уже лишь охрана и обеспечение пропускной способности магистрали. Постепенно началась эвакуация 60 тыс. солдат на Родину. Последний корабль отбыл из

* Зборов – местечко на Западной Украине, где 2 июля 1917 г. состоялось победоносное сражение с австрийской армией, и началось новое наступление русских. На стороне России выступили чехи и словаки, стратегия битвы была также разработана чехословацкими офицерами. Следствием этой победы стало не только огромное воодушевление и готовность чешских солдат к дальнейшей борьбе на территории России, но и изменение отношения к чехословацкому легиону со стороны русских политиков.

Владивостока в сентябре 1920 г. Таковы некоторые вехи создания чехословацкого легиона в России.

Истории чехословацкого легиона посвящено множество различных исследований, в том числе научных монографий. До сих пор к ней существует большой интерес и в самой Чехии, и в России. В марте 2003 г. в пражской галерее «Писецкие ворота» прошла выставка, отразившая долгий путь, пройденный легионерами, начиная с того времени, когда под знамена чехословацких легионов по призыву Т.Г. Масарика встали добровольные дружины во Франции, России и Италии, и заканчивая их возвращением на родину. Выставка имела большой успех и стала очередным свидетельством того, что эта тема далеко не исчерпана, «белые пятна» все еще не ликвидированы, а многие, казалось бы, общепризнанные факты ждут своего дальнейшего осмысления и отказа от сложившихся стереотипов. И сейчас по прошествии более десяти лет можно констатировать, что все еще остается много неясного в связи с ролью чехов и словаков в Гражданской войне в России. Кем они были? Чем было для них участие в военных действиях, за что они воевали и как сложилась их жизнь после войны? Разнообразные факты представлены в литературных источниках. И, конечно, судьбы самих писателей являют собой интереснейшие страницы истории.

В составе легиона служили писатели: Ярослав Гашек, самый известный чех, рассказавший о Первой мировой в бессмертных «Похождениях бравого солдата Швейка», Франтишек Лангер, Рудольф Медек, Вацлав Каплицкий, Йозеф Копта, для которых пребывание в России оказало судьбоносное влияние на их дальнейшее литературное творчество. Были там и художники, графики: Индржих Влчек, Отакар Чила, Петр Пиштелка. Из рядов военнопленных, а позднее чехословацких солдат, создавались театральные ансамбли. Так уже в 1916 г. возник «Первый королевский чешский театр», в лагере военнопленных во Владимирской губернии возникла и будущая знаменитая «Империя марионеток». Существовали многочисленные музыкальные ансамбли, возводились даже театральные здания, например, в Иркутске. Так что в легионе, можно сказать, велась активная культурная жизнь. После окончания войны легионеры вернулись в новую независимую республику, и их встречали как героев. Они стали в новом государстве силой, они пользовались огромным авторитетом. Их уважали, принимали на ответственные государственные посты и осыпали наградами.

Я. Гашек, без сомнения, самая известная фигура. Мистификатор, насмешник, герой, награжденный за бой у Зборова георгиевским крестом четвёртой степени. Впрочем, и Йозеф Швейк не совсем вымышленный персонаж. С.В. Никольский документально подтвердил существование реального Швейка, воссоздал его биографию, реконструировал замысел тех частей комической эпопеи, которые Гашек не успел написать сам¹. 24 сентября 1915 г. Гашек добровольно сдался в плен, содержался в лагере под Киевом в Дарнице. Позднее он был переведён в аналогичный лагерь в Тоцком в Самарской губернии. В лагере разразилась эпидемия тифа, во время которой погибло множество пленных. Гашек также заболел, но выжил и вскоре, подобно многим другим соотечественникам, вступил в Чехословацкий легион. Однако, медкомиссия признала его негодным к строевой службе, и в июне 1916 г. он стал сначала писарем 1-го добровольческого полка имени Яна Гуса, а затем – сотрудником газеты «Чехослован», выходившей в Киеве. Гашек активно занимался агитацией в лагерях военнопленных в пользу Легиона, публиковал в газетах юморески и фельетоны. Австрийские власти объявили его изменником за оскорбительные рассказы (именно в то время появился фельетон «Рассказ о портрете Франца-Иосифа I»), а затем и руководство Чешского национального совета в Париже возмутилось его фельетоном «Клуб чешских Пиквигов». Гашека отправили на фронт и предали суду чести, где обязали принести письменные извинения руководству совета. Гашек воевал не только пером, но и участвовал в боевых действиях. После заключения сепаратного мира между Россией и Германией и начавшейся эвакуации Чехословацкого корпуса в Европу через Владивосток Гашек порывает с легионом и отправляется в Москву. Там он вступает в коммунистическую партию. В апреле 1918 г. его отправили на партийную работу в Самару, где он вёл среди чехов и словаков агитацию против эвакуации во Францию, а также призывал их вступать в Красную Армию. К концу мая отряд Гашека насчитывал 120 бойцов, которые принимали участие в боях с частями Белой армии и успешно подавили анархистский мятеж в Самаре. Однако уже в июне 1918 г. в ходе мятежа Чехословацкого корпуса легионеры, выступившие против Красной Армии, взяли Самару. Среди противостоявших им частей Красной Армии были и три взвода добровольцев, которыми командовали Ярослав Гашек и Иосиф Поспишил. Однако силы были неравными, пришлось отступить. Деятельность Гашека в качестве агитатора Красной Армии в чешской среде была недолгой, но весьма за-

метной. В июле, то есть спустя всего три месяца после прибытия в Самару, в Омске полевой суд чехословацкого легиона выдал ордер на арест Гашека, как предателя чешского народа. Несколько месяцев он был вынужден, прикрываясь справкой, что он «полоумный сын немецкого колониста из Туркестана», скрываться от патрулей.

До определенного времени Гашек с его нонконформизмом считался личностью оригинальной, противоречивой, но в целом позитивной. Любопытно, какие данные приводятся в Википедии: «Гашек активно вёл агитацию среди чешских легионеров, выступая против отправки во Францию, был заместителем коменданта Бугульмы, в 1920 г. занимал пост „заведующего иностранной секцией политического сыска 5-й армии” и даже участвовал в „красном терроре”². Основанием для подобного высказывания послужил появившийся в начале 2000-х гг. ряд статей, в которых утверждалось, в частности, что «красный комиссар Ярослав Гашек собственноручно отправил на тот свет не одну сотню русских людей»³. А статьи эти, в свою очередь, основывались на собственных воспоминаниях Гашека об этом периоде, которые легли в основу цикла рассказов «Как я был комендантом Бугульмы» (хотя на самом деле он не был комендантом, а лишь одним из трех помощников коменданта). Часто приводятся и цитаты оттуда: «У одного попа мы нашли пулемёт и несколько бомб. Когда мы его вели на расстрел, поп плакал» или «Ввиду того, что верёвка у нас отменена, предлагаю всех этих предателей иванов ивановичей на месте расстреливать»⁴. Еще в 1960 г. Н.П. Еланский (1908–1992), профессор Тверского государственного университета, доктор филологических наук обратил внимание на то, что период пребывания Гашека в Бугульме неполно отражен архивными и другими данными, а привлекать в качестве источников цикл из девяти «бугульминских юморесок» Гашека следовало бы с большой осторожностью, ведь в этих юморесках много шаржированного, иногда просто вымышленного, и этот вымысел и преувеличения надо отсеивать⁵. По словам К. Косика, «для всех война связана с революцией, для каждого по-своему. Для Гашека мировая война означает наложение войны в обычном понимании на войну гражданскую. Мировая война кончается распадом Австрии, катастрофой Германии, но также и поражением революции. Рассказы цикла „Бугульмы” представляют собой литературное описание этого поражения»⁶.

В апреле 1920 г. Гашек перебрался в Иркутск, где его избрали депутатом городского совета. Начинается бурная деятель-

ность по укреплению советской власти в городе. Он издает газеты «Штурм»-«Рогам» («Наступление») на немецком и венгерском языках, «Бюллетень политработника», на русском. Тогда же Гашеку выпала честь издавать первую в мире газету на бурятском языке, выходявшую под заголовком «Юр» («Рассвет»), для чего он в спешном порядке освоил бурятский. Впоследствии, рассказывая об этом периоде пребывания в России, Гашек упоминал, что ему пришлось осуществить некую сверхсекретную миссию в Монголии, где он от имени командующего армией вел переговоры с китайским генералом. Биографы писателя до сих пор не нашли документального подтверждения этой эпопеи. Достоверно известно только, что китайский язык он действительно учил.

Итак, кто же был Гашек? Герой или злодей, потопивший в крови сотни невинных людей? Или просто великий мистификатор? Видимо, эта личность всегда будет привлекать биографов, литературоведов, историков. И, может быть, обнаружатся новые данные о деятельности этого шутника, разделившего народ в Чехии на два непримиримых лагеря. Одни его не любят, считая, что писатель пародировал чешский национальный характер. Сторонники этой точки зрения ссылаются на то обстоятельство, что чехи мужественно воевали в составе австро-венгерской армии, а Гашек в романе о Швейке фактически представил их миру, говоря его словами, «как одну большую банду симулянтов». (Кстати, миф о легионерах, как о «выдающихся» военных не выдержал испытания временем: чехословацкие вооруженные силы, в которых бывшие легионеры занимали многие командные должности и которые считались одними из наиболее боеспособных и технически оснащенных в Европе (у них на вооружении находилось чуть меньше танков и самолетов, чем у фашистской Германии), в 1938 г. без боя капитулировали перед гитлеровцами. Хотя, надо отметить, решение о капитуляции было политическим, и многие военные требовали обороняться). Другие же отдают ему должное как творческому человеку, не как политику или общественному деятелю, а именно гениальному писателю. Гашек был увлекающейся натурой, но никогда не следовал до конца никаким убеждениям. Он был анархистом и анархо-синдикалистом, прежде чем стать вдруг большевиком. И из партии большевиков он вышел так же легко, как туда вошел, как только вернулся из России на родину. Кстати, в апреле 2013 г. в чешском городе Липнице-над-Сазавой был открыт монумент писателю, который представляет из себя голову из восемнадцатитонной глыбы песчаника высотой в три метра с названием

«Голова 22» с аллюзией на антивоенный роман Джозефа Хеллера «Уловка 22» – фантазмагорическое произведение об армии, мире бюрократических уловок и бессмыслицы, где военная машина парализует здравый смысл и превращает личности в безликую тупую массу.

Еще один известный писатель-легионер Франтишек Лангер (1888–1965) вместе с Гашеком был одним из инициаторов создания анархистской «Партии умеренного прогресса в рамках закона». Он служил военным врачом в австро-венгерской армии на галицком фронте, а в 1916 г. попал в плен к русским и был интернирован в Поволжье. Впоследствии, вступив в чехословацкий легион, вместе с ним прошёл путь от Зборова до Сибири и дослужился в чехословацкой армии до генеральского чина, что говорит о его несомненных способностях. В 1920–1930-х гг., после возвращения на родину он остался на военной службе и продолжил писать пьесы и рассказы, основанные на впечатлениях легионера и очевидца революционных событий – сборники рассказов «Железный волк» (1920), «Мечтатели и убийцы» (1921) и «Сука второй роты» (1923). Число «легионерских» произведений Лангера хоть и невелико, относится к числу лучших, а его пьесы, в частности, «Конный патруль» (*Jízdní hlídka*, 1935), где он прославлял подвиг и братство легионеров, часто ставились в театрах. В России он практически неизвестен, переведено лишь две его небольшие по объему книги. Имя Лангера всплывает в связи с вопросом о «русском золоте», якобы похищенном чехословацкими легионерами. То, что Легиобанк (банк Легиона) якобы обязан своим процветанием богатству российской империи уже десятки лет обсуждается в печати⁷. Однако, каждый раз подобные публикации оборачиваются не более чем очередными догадками и ничем не подтвержденными умозаключениями. Бесспорно одно – эта одна из самых загадочных страниц истории Первой мировой войны. Среди легионеров, которые первыми увидели это золото, был тогдашний делегат Первого полка при казанском штабе, полковой врач Франтишек Лангер. Позднее его впечатления отразились в книге «За чужой город». Писатель вспоминает чувства, испытанные им в подвалах казанского государственного банка, где он собственными глазами видел дубовые ящики, наполненные золотыми кирпичами, слитками и монетами, приблизительная стоимость которых составляла полмиллиарда⁸.

Многие литературоведы придерживаются мнения, что самым талантливым из легионеров и одновременно самой интересной

личностью был генерал, поэт и прозаик Рудольф Медек (1890–1940). Во всяком случае он был самым запрещенным писателем, так как полный запрет издания его книг пришелся на год его смерти и был отменен почти пятьдесят лет спустя, лишь в 1989 г. Его путь в легион не был оригинальным. Как и многие, он был призван в австрийскую армию, получил офицерский чин, в конце 1915 г. на галицком фронте перешел к русским. Весной 1916 г. вступил в чехословацкие легионы и сразу проявил мужество и отвагу, отличившись в легендарной битве у Зборова. Медека в 1919 г. назначили начальником военного управления чехословацких легионов. В декабре того же года он вернулся на родину. Первые два сборника стихов «Полночь богов» и «Перстень» он опубликовал еще до войны, после войны вышли сборники «Зборов», «Львиное сердце», «Живой круг», «Речь судьбы» и многие другие. Кроме того, в течение 1920-х гг. вышел в свет монументальный цикл из пяти романов писателя, военная пенталогия «Огненный змей», «Великие дни», «Остров в буре» «Могучий сон» и «Анабазис». Его романы и стихи были несколько раз отмечены государственной премией. Переломным моментом в его жизни стала немецкая оккупация Чехословакии. Генерал Медек считал, что врагу необходимо противостоять. Из-за этого он серьезно поссорился с президентом Эдвардом Бенешем, который после определенных колебаний решил капитулировать. Гестапо считало Медека особо неблагонадежным лицом. От ареста Медека спасла лишь болезнь и последовавшая за ней смерть в 1940 г. Фашистская цензура запрещала издавать книги Медека, после Второй мировой войны положение не улучшилось, так как для коммунистов Медек тоже был врагом, т.к. он обвинял коммунистическую историографию в искажении исторических фактов. Так что наиболее храбрый, принципиальный, талантливый писатель из легионеров имел самую трагическую судьбу.

Наименее известный из когорты легионеров писатель Ян Вайсс (1892–1972), как и другие его соотечественники, был мобилизован на фронт в 1914 г., отучившись всего два семестра на юридическом факультете Венского университета. Вайсс оказался в составе австро-венгерской армии сначала на итальянском, затем на русском фронтах, в 1916 г. попал в плен и почти три года находился в лагере под Оренбургом. Затем была Сибирь и вступление в чехословацкий легион весной 1919 г., и лишь в феврале 1920 г. – возвращение домой. Не вернулись из России более четырех тысяч человек – погибшие и пропавшие без вести. Среди возвративших-

ся был чудом выживший после тяжелейшего тифа Я. Вайсс – несомненная жертва войны с искалеченной психикой. Пройдя фронтами Первой мировой он оказался в лагере военнопленных у поселка Тоцкое, где около полугода находился и Ярослав Гашек. В 1920 г. Гашек возвращается в Чехословакию и практически сразу приступает к созданию своей знаменитой эпопеи о похождениях Швейка. Вайсс вступил в легион весной 1919 г., прошел спецподготовку в Житомире, но в боевых действиях не участвовал, так как к этому времени был уже инвалидом. Ему понадобится еще несколько лет, чтобы оформить свои военные впечатления. Первый рассказ «Сон» появился лишь в 1924 г. и был опубликован в журнале «Независимость Чехословакии». А в 1927 г., когда автору исполнилось 35 лет, выходят сразу три его книги. Что касается отношения к России, к революционным событиям, то оно у Вайсса было далеко не столь однозначным, как у Гашека. Гашек сразу и безоговорочно принял революцию. Он знал Россию и сам творил ее историю, активнейшим образом участвуя в событиях. Он прекрасно говорил по-русски, привез из России русскую жену. Вайсс не мог особенно близко узнать Россию, так как большую часть пребывания там провел в бараке для пленных, а позднее в должности писаря в конторе. И это оказало решающее влияние на всю его последующую жизнь и творчество. Страна, где он стал инвалидом, Россия, которую он в общем-то не знал, в отличие от Гашека, стала для него катализатором, манящим символом огромной силы. Идея коммунизма, воплощенная в жизнь, оказала решающее влияние на его мировоззрение, в известном смысле явилась основой жизненного восприятия и опыта, открыла для него новый, ни с чем не сравнимый мир. Вайссу абсолютно чужда была богемная жизнь, он не выставлял напоказ свои геройские похождения в России. Он и события 1948 г. воспринял как осуществление своей давней мечты и не разочаровался в ней до самой смерти, за что его уже в наше время стали не слишком-то жаловать.

Первая книга была названа автором «Барак смерти». Этот сборник, состоящий из девяти рассказов, навеян воспоминаниями о пребывании в лагерях военнопленных, где Вайсс переболел тифом, лишился пальцев ног в результате обморожения. Два рассказа посвящены чехословацким легионерам в России. Автор еще не смог преодолеть определенные штампы. Обилие впечатлений, тяжесть пережитого как будто мешали ему сосредоточиться на главном. Ему можно предъявить много претензий по части композиционной рыхлости, обилия повторов, злоупотребления стан-

дартным набором русских слов типа «водка», «самовар», «валенки», «махорка». Но «Барак смерти» при всех его художественных просчетах, неравноценности отдельных рассказов, тем не менее, явился весьма симптоматичным и ярким произведением. Все мотивы, приемы, неразрывная связь сна и реальности станут для автора в его последующем творчестве основополагающими, и тема России, плена, пограничного состояния человека станет звучать у Вайсса постоянно. Он будет моделировать одну и ту же ситуацию.

Муки физические и душевные из-за себя и находившихся рядом, голод, бессилие, болезни, опускающие человека на самое дно, доводящие до животного состояния (рассказ «Голод»), галлюцинации и ночные кошмары, приходящие из глубины сознания человека, балансирующего на грани жизни и смерти, – вот мотивы большинства рассказов «Барака смерти». Два рассказа сборника стоят несколько особняком, так как их основной темой становится не пребывание в лагере, а выбор пути чехом, заброшенным волей судьбы в Россию, переживавшую в тот момент эпохальные события. Герой первого рассказа «австрияк» Лойза Блажку пытается остаться в стороне от страстей, обуревавших пленных. Большинство из них уже приняло решение вступить в дружину, ибо им хочется видеть Прагу «метрополией славянства», а не умирать за австрийского императора. Лойза не желает вновь воевать и проливать кровь. И все же в последний момент он успевает вскочить в вагон уходящей «теплушки», которая увозит чехов помогать братьям-славянам. Судьба этого юноши достаточно типична – она противоречива, как судьбы практически всех простых чехов и словаков, оказавшихся втянутыми в большую игру европейских государств. Как отмечал историк И. Савицкий, роль, которую сыграли чехословацкие легионеры в российской истории, весьма значительна⁹. До и после Зборова чехословацкие солдаты воевали за независимую родину, а вот после Октябрьской революции ситуация резко изменяется в связи с началом гражданской войны. Надо сказать, многие из них прошли весьма сложный путь самоопределения. Они воевали в армии Франца-Иосифа, потом сдавшись в русский плен, воевали против этой армии, потом воевали в Сибири – то против большевиков, то против белогвардейцев. Чехословацкий корпус к 1918 г. образовал сплошной фронт на огромном расстоянии от Самары до Казани, и это, как считают некоторые историки, явилось началом гражданской войны, так как страны Антанты не решились бы на открытую интервенцию и поддержку Белого движения, не имея такого авангарда, как

80-тысячное войско. Среди легионеров не было единства, после возвращения в Чехословакию они также разделились на разные лагеря, где были и крайне левые, и крайне правые. Вайссовский Лойза пока делает единственно правильный выбор в своей жизни, а вот Франтишек Колиандр в рассказе «Удивительный пес и чемпион мира» уже не стоит перед выбором: он вступает в захваченную Самару в июне 1918 г. в качестве победителя и подобно Наполеону прохаживается с чувством собственного достоинства по улочкам города. Его распирает гордость от величия миссии, ведь чехословаки легко разбили большевиков, обратив их в бегство! И вот теперь по берегам Волги гуляют «худосочные русские самки под руку с холёными чешскими самцами», а герой Франта готов «показать всем русским людям, вбить им в башку, что такое есть Чехословак»¹⁰. Но только комичным и жалким оборачивается в конце концов его бахвальство. Вайсс посмеивается над своим героем, над всеми его потугами казаться Наполеоном. Автор прекрасно понимал уже после возвращения из России, что простые чешские солдаты были лишь пешками в большой игре политиков. Их исковерканные судьбы – на совести демагогов, стремившихся склонить легионеров то на одну, то на другую сторону. В результате проливалась кровь, в захваченных Самаре, Пензе, Омске расстреливали невинных, как грибы после дождя возникали многочисленные правительства, советы, комитеты, совершались сомнительные коммерческие операции. Вайсс был удивительно чуток ко всякого рода фальши, пустословию и не признавал никакого геройства за легионерами, которых превозносили после образования Чехословакии.

В один год со сборниками рассказов «Барак смерти» и «Зеркало, которое опаздывает» вышел и самый его известный, неоднократно изданный и переведенный на русский язык роман «Дом в тысячу этажей». И здесь вновь основой стал сон военнопленного времен Первой мировой войны.

В произведениях, вышедших уже после Второй мировой войны – роман «Крик о помощи» (1946), сборники рассказов «Страна внуков» (1957), «Спутники и звездолеты» (1960), «Гадания о будущем» (1963), Вайсс оставался русофилом, он безоговорочно принял изменения, произошедшие после 1948 г., и до последнего дня хотел верить и верил в светлое будущее. Фантазия автора оказалась настолько скованной идеологией, что произведения его оказались слабыми и неубедительными. Но Ян Вайсс вошел в историю чешской литературы, прежде всего, своим «Баракком смер-

ти» и «Домом в тысячу этажей», ведь именно Первая мировая война оказалась отправной точкой в его творчестве. Эта война стала событием огромного значения в истории XX века. По масштабу и последствиям она не имела себе равных во всей предыдущей истории человечества. Это был рубеж, перевернувший мир. Война унесла 10 млн. жизней. Она сделала одних героями, других жертвами, а кого-то писателями, поэтами, драматургами, оставившими нам бесценное свидетельство о прошлом, которое нельзя забыть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Никольский С.В.* История образа Швейка: Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%E0%F8%E5%EA_%DF%F0%EE%F1%EB%E0%E2 (Дата обращения: 08.04.2015).

³ *Врангель В.* Красный комиссар Ярослав Гашек отправил на смерть сотни русских людей // газета «Русская Чехия» (Прага). 26.01.2001. URL: <http://www.hudlle.narod.ru/arhive/07ufa/hasek/antyha.html> (Дата обращения: 08.04.2015); см. также: *Егоров В.Е.* Как Ярослав Гашек «помог» ВЧК // Военно-исторический архив. 2005. № 7 (67). С. 154–162.

⁴ *Гашек Я.* Комендант города Бугульмы // Искатель. 1961. № 1.

⁵ *Еланский Н.П.* Ярослав Гашек в революционной России. (1915–1920 гг.). М., 1960.

⁶ *Kosík K.* Švejk a Bugulma neboli Zrození velkého humoru // Století Markéty Samsové. Praha, 1993. S. 140.

⁷ *Motl S.* Ukradli Češi ruské zlato? // Reflex. 2006. № 43. S. 44–46.

⁸ *Langer F.* Za cizí město. Irkutsk, 1919.

⁹ *Savický I.* Osudová setkání: Češi v Rusku a Rusové v Čechách. Praha, 1999. S. 9–13.

¹⁰ *Weiss J.* Barak smrti. Praha, 1927. S. 116.

А.В. Усачева (Москва)

Первая мировая война в румынском романе межвоенного периода

Теме Первой мировой войны посвящено довольно много произведений румынской литературы, не все одинакового качества, однако среди них есть романы «первого ряда», позволяющие составить довольно полное представление о том, как писатели воспринимали события тех лет, какие вопросы их волновали. В 1927 г. литературный критик Помпилию КонстантINESКУ открыл свою статью, посвященную Ч. Петреску, такими словами: «Наша эпическая война еще не нашла своего певца. ...Это и понятно: мы все еще связаны невидимыми нитями с недавним прошлым; для нас оно соединено в одну цепочку с настоящим. Обычно мы вспоминаем исключительно те события, которые выскользнули из сетей окружающей действительности; война входит в литературу после того, как она окончательно вошла в историю; в противном случае, мы плаваем в мутных водах, путая историю с выдумками; искусство живет, однако, иллюзией полной реконструкции»¹. В данной работе речь пойдет о трех романах межвоенного периода, очень разных, но в то же время неуловимо похожих, отражающих дух своего времени: дневнике военных действий и журнале воспоминаний «Последняя ночь любви, первая ночь войны»² Камила Петреску, психологическом романе одного героя «Лес повешенных»³ Ливиу Ребряну и социальном романе-эпопее Чезара Петреску «Крушение»⁴.

Романы К. Петреску и Л. Ребряну являются своего рода взглядом на одну линию фронта с двух сторон: герои первого входят в Трансильванию на стороне Антанты, герой второго, румын из Трансильвании, воюет в составе армии Тройственного союза; героев первого с распростертыми объятиями встречают румыны по ту сторону границы, герой второго сталкивается с дилеммой: исполнять воинский долг, сражаясь с соотечественниками, или

стать дезертиром, поставив на кон свою жизнь. Произведение же Ч. Петреску охватывает десятилетие из жизни Румынии и описывает надежды и чаяния людей разных сословий, связанные с войной. Однако, прежде чем говорить о каждом романе, следует вкратце охарактеризовать обстановку в Румынии в Первую мировую войну.

В 1914–1916 гг. Румыния сохраняла нейтралитет. Страна не была готова к войне, с одной стороны, а с другой – политическая элита выжидала, кто будет одерживать верх, Антанта или Тройственный союз, чтобы примкнуть к победителям, а также кто пообещает Румынии Трансильванию, входившую тогда в состав Австро-Венгрии, – получение этой области (наряду с Северной Буковиной и Южной Добруджей) было основной причиной для вступления страны в войну. В течение этих двух лет румынское правительство решало неотложные вопросы: рамки действия нейтралитета, выбор союзников, время начала военных действий. Предоставленная передышка была использована с целью обеспечения экономических, военных и дипломатических условий для вступления в войну. 4 (17) августа 1916 г. было подписано соглашение с Антантой о территориях, которые отойдут к Румынии по окончании Первой мировой войны, и в ночь с 14 (27) на 15 (28) августа 1916 г. румынская армия вошла в Трансильванию. В первые дни было захвачено несколько городов, боевой дух солдат питался энтузиазмом, с которым их принимали соотечественники по ту сторону Карпат. Однако вскоре ход событий изменился не в пользу Румынии: Тройственный союз перебросил на румынский фронт более опытные части с лучшим вооружением, было проиграно несколько крупных сражений, румынская армия понесла серьезные потери, и 23 ноября (6 декабря) 1916 г. противник занял Бухарест. Столицу перенесли в Яссы, куда перебрались все, кто смогли выехать с оккупированных территорий, включая правительство. Армии Тройственного союза несколько раз предпринимали попытки прорвать новую линию фронта, прошедшую через долину Ойтуз, но ценой героизма румын ее удалось удержать. Первая мировая война закончилась перемирием 29 октября (11 ноября) 1918 г., однако румынской армии еще почти год пришлось защищать западную границу от Венгрии, не признававшей решения об объединении Трансильвании с Румынией⁵.

Роман «Последняя ночь любви...» написан в 1930 г. и в определенном смысле является автобиографичным, поскольку К. Петреску сам участвовал в военных действиях (был ранен в 1917 г. и

попал в плен, освобожден 10 апреля 1918 г. – на родине все это время считался погибшим). Как следует из названия, основное действие начинается в ночь на 14 (27) августа 1916 г., когда Румыния вступила в войну, и заканчивается примерно за месяц-полтора до сдачи Бухареста. Роман разделен на две книги, написанные от первого лица: «Последняя ночь любви» и «Первая ночь войны». Герой, Штефан Георгидиу, молодой выпускник философского факультета, получивший хорошее наследство от дяди, призван на фронт офицером: «Весной 1916 года я, свежееиспеченный младший лейтенант, впервые призванный на военные сборы в составе столичного пехотного полка, принимал участие в фортификационных работах в долине реки Праховы, между Буштень и Предялом»⁶. Из первой главы нам становится известно, что вот уже несколько месяцев он находится на границе, проводя время в учениях и одновременно пытаясь выяснить, изменила ли ему жена. Первая книга является рассказом о том, как Штефан жил до момента вступления Румынии в войну, как складывались его отношения с женой Эллой и почему он ее подозревает. В этой части мы знакомимся со Штефаном, узнаем его поближе. В целом, это герой своего времени: высокомерный интеллеktуал, тайно презирающий женщин и открыто – деньги (но, тем не менее, не отказавшийся от наследства!), считающий себя умнее и мудрее многих, уверенно рассуждающий о жизни, анализирующий и рационализирующий каждую свою эмоцию. Однако война меняет все. И вот мы видим его бегущим в атаку августовской ночью: «...Я нахожусь посреди всей Румынии, вступившей в войну. Передо мной – шоссе, заборы, тьма и смерть, блуждающая где-то рядом»⁷.

Теперь смерть и сражения – это все, что занимает его мысли, разговоры первых военных дней ведутся практически только о том, были ли уже «большие, настоящие сражения»: «– Я утверждаю, что для нас, которые стоят на передовой и будут сражаться непрерывно еще Бог знает сколько времени, для нас это – просто война. А для всей страны, для тех, кто разгуливает сейчас по Бухаресту, ожидая, после чашечки кофе, последних известий, для всей румынской армии это, конечно, совсем другое дело... – Но дома все это не произведет никакого впечатления? – С точки зрения человеческого рода ты интересен лишь в том случае, если тебя убивают вместе с десятками тысяч других. Если какой-нибудь писатель опишет только стычки патрулей, его книгу просто не станут читать»⁸. Несмотря на все тяготы, Штефан, однако, остается верен своей главной привычке смотреть на себя со стороны, чтобы по-

нять, действует ли он наилучшим, по его мнению, образом: «...Задаю себе вопрос, который ни на минуту не оставлял меня во время войны, а сейчас мучает особенно сильно: достойнее ли вел бы себя на моем месте кто-нибудь другой. ...Этот вопрос преследовал меня и раньше, в другой, параллельной этой, жизни, примерно с последнего класса гимназии: не ниже ли я других, моих сверстников? Как они бы вели себя на моем месте?»⁹. Кроме того человек ко всему привыкает – и вот Георгидиу уже забывает про свой страх, который он постоянно испытывал с начала войны, и начинает рассуждать о людях, которых встречает на фронте, к примеру, о том, что там нет «тех “живописных” типов, которыми полна литература»¹⁰. Заканчивается роман размышлениями о том, что боевые товарищи ближе и роднее, чем мать и сестра, «потому что лишь там, перед лицом смерти и высокого неба, ты можешь узнать человека»¹¹. Штефан ранен, вернулся в Бухарест, где, уже равнодушный к жене, перевел на ее счет крупную сумму денег и передал ей их дом в Констанце со всем имуществом, «другими словами, все прошлое»¹².

Интересно, что в обеих частях появляются выделенные курсивом ремарки длиной до нескольких страниц, написанные также от первого лица: «К этому дню, в самом деле самому ужасному для меня ...я постоянно возвращался даже после войны, как убийца на место преступления»¹³, – то ли от имени самого автора, то ли от имени Штефана Георгидиу в будущем, ставшего писателем (до конца книги так и не понятно, чьему именно перу они принадлежат по задумке, сам Петреску тоже не проясняет данный вопрос). В этих ремарках анализируются сражения, а собственные впечатления сравниваются с записками офицеров. В любом случае, они косвенно подтверждают высказанное выше предположение об автобиографичности произведения. Там же встречается и критика военных кампаний, слова о бездарности командования и разведки¹⁴ и о плохом оснащении армии¹⁵.

Критик и писатель Дж. Кэлинеску в своей «Истории румынской литературы от истоков до наших дней», написанной в 1941 г., высказал мнение, что главы, посвященные Первой мировой войне, лишние и только утяжеляют повествование, что лучше было бы обойтись без них¹⁶. Но так ли это? На наш взгляд, две части дополняют одна другую, они являются взаимосвязанными составляющими на пути самопознания главного героя. Эти два разных опыта: любви, разрушенной ревностью, и войны – одинаково важны для душевного поиска. Война – это ситуация предельного

напряжения человека, это «прежде всего искренность, близость к земле и камню»¹⁷. Это тот опыт, который позволяет пересмотреть отношение к миру и понимание своего места в нем, ведь «драма войны – не столько постоянная угроза смерти, убийство и голод, сколько это непрерывное душевное испытание, этот постоянный раздор с твоим собственным „я“, которое видит теперь по-другому все то, что знало раньше»¹⁸. Это новое видение заставляет Георгидиу воспринимать любовь и ревность, которыми он мучился всю первую книгу, как «временное помешательство»¹⁹, подернутое дымкой, словно смутное воспоминание из далекого детства. Кроме того, в первой части, говоря о себе, герой часто использует метафоры, связанные со смертью: «сохранял мертвенное спокойствие»²⁰, «он увидел в моих глазах смерть, безжизненность лунных пространств»²¹, «со смертью в душе понял истинный смысл всего этого подлого дня»²². В начале же второй книги, после отъезда от Эллы и за несколько часов до начала войны, Георгидиу «чувствовал себя как больной после острого кризиса»²³, осознав впервые в жизни собственное тело, крепкое и здоровое²⁴.

В целом, в данном романе война предстает не столько историческим событием, сколько переломным моментом в жизни Георгидиу, заставляющим по-другому взглянуть на печали и тревоги, пересмотреть ценности и, возможно, повзрослеть. Переоценка благодаря войне происходит и в жизни двадцатилетнего Апостола Бологи, главного героя романа «Лес повешенных», но по-другому. Эта книга, писавшаяся с 1919 по 1922 гг., посвящена брату Л. Ребряну, приговоренному к казни австро-венгерским военным трибуналом по обвинению в дезертирстве и шпионаже. Эмиль Ребряну был повешен в Гимеше 14 мая 1917 г. Роман является своего рода попыткой писателя представить, как могли складываться события. Осталось очень интересное признание автора: «Когда я писал в гнетущей тишине, я вдруг услышал легкий стук в окно, словно невидимыми пальцами. Я открыл окно, вглядывался в темноту. Там не было никого и ничего... Когда стук стал настойчиво повторяться несколько ночей кряду, я, будучи верующим и суеверным, сказал себе, что это дух моего брата, жаждущий христианского погребения, которого так и не был удостоен»²⁵. По словам Ребряну, текст не складывался до тех пор, пока он не поехал в Гимеш, чтобы найти могилу брата и перезахоронить, согласно последней воле, за ручьем, когда-то бывшем границей, которую тот пытался перейти, дезертировав²⁶. Однако, по признанию автора, Эмиль не стал прототипом Апостола Бологи, наоборот, его

прототипом было все молодое поколение, «его колебания – это наши колебания, всех нас без исключения»²⁷. Название было вдохновлено фотографией с изображением чешских солдат, повешенных в лесу на итальянском фронте австрийцами. Эта фотография долго не давала покоя писателю, который слышал о том, что румын в Трансильвании тоже часто приговаривали к казни через повешение²⁸.

«Лес повешенных» был назван румынскими критиками (например, Дж. Кэлинеску и Н. Манолеску) первым психологическим романом в национальной литературе²⁹. Кроме того, Н. Манолеску отмечает³⁰, что Ребряну одним из первых заменил aukториальное повествование (когда читатель смотрит глазами рассказчика) на акториальное (события показаны глазами героев). Это дает новый тип объективности – не авторской резонерской, а составленной из точек зрения и мнений разных персонажей, – приближая происходящее к опыту восприятия действительности, который нам знаком из реальной жизни. Предтечей данного произведения стали повести, в которых Ребряну затрагивал тему Первой мировой войны и ее влияния на человека: «Ицик Штрул, дезертир» (1920 г.), «Катастрофа» (1921 г.), «Пляска смерти» (1921 г.)³¹.

Роман имеет кольцевую структуру: он начинается и заканчивается сценой повешения. Это книга о жизни и смерти, свете и тьме, любви и долге, людях и «призраках» (Ребряну). Смерть входит в роман уже с первых страниц: на русском фронте за попытку дезертирства казнен младший лейтенант австро-венгерской армии, чех с говорящим именем Свобода. В последней главе за попытку перейти к румынам повешен сам главный герой. Ирония судьбы состоит в том, что трансильванец Болога, умерший отец которого наказал ему «никогда не забывать о том, что ты румын»³², отправился в австро-венгерскую армию добровольцем, чтобы впечатлить невесту Марту, питающую симпатии к мужчинам в форме. В начале романа мы видим его убежденным в том, что война – «это настоящий генератор энергии»³³, «настоящий источник жизни и самый эффективный инструмент естественного отбора»³⁴. Первые сомнения закрадываются в момент казни Свободы, а когда часть, в которой служил Болога, переводят в Трансильванию, происходит психологический надлом героя, понявшего, что воевать придется с соотечественниками. Он решает дезертировать к русским, но ранен и отправлен на лечение. Выздоровев и приехав в Трансильванию, он влюбляется в венгерку Илону, семнадцатилетнюю крестьянку, дочь местного гробовщика. Болога

разрывает помолвку с Мартой и через некоторое время женится на Илоне, им обещают собственный дом с садом, а Бологу вновь назначают судьей в военном трибунале. Казалось бы, счастливый конец близок, но тут герой узнает, что он должен судить и приговорить к смерти за шпионаж 12 крестьян-румын. Услышав эту новость, Болога оказывается перед дилеммой: выполнить долг офицера в нарушение наказа отца или перейти через линию фронта к соотечественникам – вариант, который Болога рассматривал в течение всего времени пребывания на румынском фронте. Илона, выросшая в тех местах, предлагает себя в качестве проводницы, но, не желая рисковать ее жизнью, герой отказывается. Он идет один, начинает плутать, попадает в руки собственных сослуживцев и теперь должен сам предстать перед трибуналом. Находясь под стражей, Апостол говорит претору важные для понимания его внутреннего состояния слова: «Иногда страшнее судить других, чем самому быть судимым»³⁵. Друзья пытаются убедить судей, что герой просто заблудился в помутнении рассудка, но тот сам отрицает эту версию. Идя на казнь, Болога уже не различает голоса, думая только о том, что надо сделать еще один шаг. За миг до смерти он видит небо, сияющие вершины гор, утреннюю звезду, предвещавшую скорый восход, и слышит, как священник говорит: «Прими, Господи, душу раба Твоего Апостола... Апостола... Апостола...»³⁶.

Первая мировая война в романе – это война в сознании, исторические потрясения становятся событием, произошедшим в душе человека. Военные действия разворачиваются не в траншеях, а в человеческой психике: тьма вытесняет свет, а люди превращаются в «призраки» (Ребряну), буквально – умирая, и фигурально – выгорая внутри. Образ повешенных встречается в романе 20 раз, слово «долг» – 9. Как и для Штефана Георгидиу, война для Бологи становится испытанием на пределе человеческих возможностей. Он вынужден постоянно делать выбор между долгом перед государством и преданностью народу, к которому принадлежит³⁷. В записках к роману Ребряну отмечал: «Апостол – гражданин: частичка большого «Я» государства; винтик в государственном механизме; гражданин – не что иное как функция»³⁸. По мнению писателя, государство требует не любви, а выполнения долга, преданности и дисциплины, тогда как принадлежность к народу предполагает привязанность и братскую любовь, мысль о которой проходит через весь текст. Недаром, обдумывая дезертирство, Болога хочет уйти именно к румынам: «для русских он был бы просто дезертиром, а для румын – братом»³⁹. Пронзитель-

на сцена, в которой герой выступает переводчиком при допросе пленного соотечественника и слышит от того: «Будь ты настоящим румыном, ты бы не стрелял в братьев. Ты был бы с той стороны, а не с этой»⁴⁰. Именно эти слова заставляют Апостола задуматься о том, что же он делает на этой войне, ведь еще отец учил его, что «чувства должны совпадать с мыслями, мысли со словами, а слова с делами»⁴¹, а ход событий, тем не менее, заставляет нарушать равновесие между внутренним и внешним миром.

Таким образом, Первая мировая война по-разному показана в романах «Последняя ночь любви...» и «Лес повешенных», она воздействует на жизни героев различным образом. Если в первом романе война фактически является катарсическим переживанием Георгидиу, то Бологу она ставит перед нравственным выбором, помогающим осознать, что любовь к соплеменникам – «выражение вселенской любви ко всем людям»⁴².

От вышеописанных книг разительно отличается двухтомный роман Ч. Петреску «Крушение», вышедший в 1927–1928 гг. Если «Последняя ночь любви...» и «Лес повешенных» описывают, в первую очередь, внутреннюю жизнь героев и как на них отразилась война, то «Крушение» представляет собой, помимо прочего, зеркало событий и людских настроений в Румынии в период с 1916 по 1925 гг. «Если и возможно назвать один роман, ...икону нашей войны во всех ее проявлениях, ...с героизмом нашего народа, это, без сомнения, будет обширный роман “Крушение” Чезара Петреску»⁴³. Это уникальное для своего времени произведение, занявшее пустующую нишу в национальной литературе⁴⁴. В нем выведены все социальные типы, которые можно было найти в указанное десятилетие в стране, действие переносится из столицы в провинцию: читатель видит богатые особняки и бедные, опустошенные войной и болезнями деревни, гибель солдат на фронте и попойки и кутежи офицеров в тылу, националистический угар первых дней войны сменяется ужасом поражений и картинами деморализованной армии и верениц беженцев из Бухареста, который вот-вот оккупируют враги. «С такими персонажами и такой атмосферой роман Чезара Петреску является правдивым зеркалом румынского общества. Прежде всего, это очень качественный документ [времени]»⁴⁵.

Действие романа начинается летом 1916 г., примерно за месяц до вступления Румынии в войну. Главный герой, молодой адвокат Раду Комша, отдыхает на курорте в Констанце, счастлив и доволен жизнью: у него есть невеста Луминица, любовница, с которой он

собирается вот-вот порвать, партнерство в адвокатской фирме будущего тестя Александру Вардару, блестящее будущее. Все это, правда, несколько омрачено тем, что старые друзья по разным причинам отдаляются от него, но не настолько, чтобы серьезно озаботиться этим фактом. Когда объявляют мобилизацию, Комша узнает, что тесть уже договорился о тепленьком местечке в министерстве, и это заставляет его мучиться угрызениями совести. Поэтому в конце концов он идет на фронт, где получает ранение, видит смерть племянника Вардару Михая и возвращается в Яссы временно ослепшим. В госпитале Комша знакомится с молодым учителем Василе Могрей, с которым обсуждает несправедливость текущего мироустройства, заражаясь революционными идеями. После выписки он разрывает помолвку, увольняется из адвокатской фирмы и начинает посещать кружок революционеров. Однако вскоре герой понимает, что обескровленная страна не готова к революции, и осознание этого наполняет его душу озлобленностью и безразличием. В эпилоге он снова возвращается в Констанцу, чтобы поправить здоровье, и встречает там призраки из прошлого: Луминицу, замужнюю и с детьми, своего старого друга с сыном (которого Комша в свое время бросил ночевать на дороге под дождем, забыв обещание посодействовать с ночлегом) и других людей. Эти встречи ввергают его в отчаяние, и темнота (возможно, зависть к тем, кто смогли оправиться и жить дальше?) окончательно наполняет его душу⁴⁶.

Некоторые критики (например, Дж. Кэлинеску, А. Пиру, Н. Манолеску) были недовольны тем, что характеры практически всех героев в романе статичны, нет духовного роста и развития. И в самом деле, в отличие от толстовских персонажей, с «Войной и миром» которого часто сравнивают «Крушение», действующие лица Петреску в эпилоге предстают такими же, какими были в прологе. Они повзрослели или состарились, возможно, стали более циничными, но по сути – остались неизменными. Те изменения, которые мы наблюдаем по ходу действия (скажем, на первый взгляд кажется, что главный герой Раду Комша пересмотрел свои взгляды, многое понял на войне) – изменения не человека, а социальной ментальности. Однако теперь, почти 100 лет спустя, это видится не недостатком, а наоборот, достоинством произведения, гениальной находкой талантливого писателя. Ведь в этом, по мнению автора, и состоит трагедия жизни: меняются обстоятельства, декорации, случаются великие потрясения – но затем мир и человек стремятся обратно к точке равновесия. Симптоматично также,

что те герои романа, которые определенным образом выросли над собой-прежними, погибли. Не зря темнота заполняет душу Раду Комши, не зря в 36 лет он ведет себя и мыслит, как старик, не зря поколение, к которому он принадлежит, называют «потерянным»: происходит крушение идеалов, которыми люди загорелись на войне, приходит понимание, что никто на самом деле не изменился, что большинство живет страстями и сиюминутной выгодой, что переворот и создание справедливого общества, в котором все равны, на данном этапе невозможны. И концовка романа тоже не дает никакой надежды: Комша бросается в озеро в попытке утопиться, но «вода в проклятом озере так тяжела, что не принимает даже тело утопленника»⁴⁷.

Можно сказать, в определенной мере, что главное действующее лицо «Крушения» – это Первая мировая война. Она воздействует на персонажей, ломает их и деформирует, награждая шрамами и меняя все планы. Например, в начале книги, в прологе, Раду Комша «чувствовал себя здоровым, бодрым, сильным, и жизнь казалась ему простой, ясной, не таящей в себе никаких опасностей»⁴⁸. С войны же он вернулся с двумя шрамами на лице, раной в груди и темнотой в душе, которые вынудили его порвать с невестой. Юный Михай Вардару, перед уходом на фронт убеждавший родных в том, что война – это «высвобождение скрытых жизненных сил, это высшее проявление жизни»⁴⁹, плачет, совершив свое первое убийство, а потом и погибает, смертью опровергнув собственные мальчишеские воинственные теории.

Роман «Крушение», будучи социальным, отображает и общественное мнение по поводу войны. В целом, участие страны в ней оценивалось самими румынами как «справедливое» и легитимное, с целью освобождения соотечественников из Трансильвании от австро-венгерской оккупации и бессарабцев – от русской. Таким же «справедливым» и «легитимным», даже «героическим» они считали решение короля Фердинанда I, немца по происхождению, выступить на стороне Антанты⁵⁰. «– Все! Война! – воскликнул со счастливой улыбкой Сакеларие⁵¹, пожимая Комше обе руки. – Наконец-то мы будем воевать за нашу Трансильванию!»⁵², «...мы переживаем знаменательный день! Исторический момент! Наши дети попросят, чтобы мы им рассказали»⁵³, «...для меня Трансильвания становится жизненным вопросом! Объявлена мобилизация, – я бросаю ...то, что мне дороже всего, – и делаю я это... потому, что на сей раз понятие свободы и справедливости я ощущаю через души тех нескольких миллионов людей, с которыми я солида-

рен!..»⁵⁴ – все это в радостном запале твердят, узнав о мобилизации, молодые люди, ушедшие на войну добровольцами. Но вскоре запал проходит, сменяясь осознанием ужасов войны: «Эта военная зима заморозила им души, они превратились в гонимых, трусливых животных, эгоистично довольных тем, что остались в живых, что у них есть крыша над головой»⁵⁵, «Умереть – это закономерно. Выжить – вот где случайность! Подсчитано, что на европейском фронте каждые десять секунд умирает в среднем один человек, то есть шесть человек каждую минуту, триста шестьдесят каждый час, восемь тысяч шестьсот сорок каждый день. Я уже не говорю о раненых и искалеченных, о бесконечных страданиях тех, кто остался в тылу... Что заставило людей согласиться на такое массовое самоубийство?»⁵⁶.

Показывает Петреску и жизнь в тылу. Богачи, переехавшие в Яссы из Бухареста, не спешат расстаться с красивой жизнью, к которой они привыкли, их единственное неудобство – теснота и большое количество бедных и больных вокруг. В отличие от страдающих простых людей, от солдат и офицеров, находящихся в гуще битвы, для них война – это досадное недоразумение, заставившее переселиться из столицы в глушь: «Бухарестские бездельники, с Каля Викторией и Шоссе, завсегдатаи пивных, переселились сюда со своей свитой. Это разнузданное, шумное сборище заняло все дома, заполняет собой все улицы, прогуливается, выставляя напоказ свои дорогие меха и вызывающий лоск. А рядом с ними другие люди с трудом тащат свои обмороженные тела, раненые стучатся в запертые двери, демобилизованные инвалиды вымаливают любую работу за кусок хлеба»⁵⁷. Как в нейтралитет они продавали зерно и дерево той стороне, которая за них больше заплатит⁵⁸, так и сейчас они спекулируют, наживаясь на военных поставках⁵⁹. Эту тему автор намечает уже во второй главе: «Быть может, на какое-то мгновение они смутно почувствовали, что причина войны совсем иная, недоступная их пониманию, – *что они не идут добровольно как герои* освобождать Трансильванию, а что *их посылают на смерть* те самые хищники, которые наживались во время нейтралитета и для которых сейчас война стала более рентабельной, чем лицемерные сомнения и размышления»⁶⁰.

Стремясь к объективности, Петреску не рисует врага исчезающим аэром. Наоборот, он подчеркивает бессмысленность и жестокость войны, говоря, что напротив – такие же люди, как румыны. Показательна сцена, в которой солдат рассказывает, что в дни православной и католической пасхи наступило негласное перемирие и

слышались песнопения из вражеских окопов⁶¹, немцы и румыны обменивались хлебом и сигаретами и выкрикивали поздравления: «Эй, немцы, Христос воскрес! – Воистину, камерад!» – а потом «оба снова влезли в свои окопы и стали дожидаться, когда появится возможность убить друг друга»⁶². Михай Вардару это тоже понял: «Я убил человека... Я не знал его, ничего плохого он мне не сделал. ...Он лишь носил другой мундир. Он был молод, как я, тоже младший офицер. Может быть, он пришел на фронт с такими же мыслями, как я. А я навел пистолет и выстрелил! ...Теперь я понял, что на войне есть одна-единственная истина: *тот, кто убил, никогда об этом не забудет!*»⁶³.

Подводя итоги, следует сказать, что в трех описанных романах мы видим, как война, возможно, победоносная на линии фронта, становится поражением для самих людей, поражением моральным или физическим, и в этом заключается ее главная драма. Она оставила шрам в душе всего поколения Раду Комши, Апостола Бологи и Штефана Георгидиу. Авторы намеренно изображают войну не как героический подвиг, а как трагедию, калечащую человека, который не стремился к военной карьере, а был добровольцем, сражающимся за идеалы. Поскольку Вторая мировая война в румынской литературе практически не освещалась, так как Румыния сражалась против СССР, Первая мировая война стала во времена Чаушеску субъектом пропаганды. Но и без того для современной мифологии румын эта война имеет очень большое значение, так как именно благодаря ей произошло долгожданное объединение территорий. По этой причине появилось много низкого качества литературы, посвященной данной тематике, однако романы «Лес повешенных», «Крушение» и «Последняя ночь любви, первая ночь войны», без сомнения, стоят в одном ряду с произведениями Ремарка, Барбюса и других авторов – признанных классиков европейской литературы. Недаром эти книги переиздаются раз в несколько лет, все три экранизированы (а «Лес повешенных» даже не единожды), являются обязательными к прочтению в школьной программе и, начиная с 1930-х гг., неизменно попадают во все «Истории румынской литературы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Constantinescu P. Cezar Petrescu, Scrisorile unui răzător, Întunecare, cartea I. "Viața literară". An II. 1927. № 54; также Constantinescu P. Scrieri. București, 1970. Vol. IV. P. 280.*

² *Petrescu K.* Последняя ночь любви, первая ночь войны // *Камил Петреску*. Избранное. Москва, 1979; *Petrescu Camil*. Ultima noapte de dragoste, întâia noapte de război, Iași: Institutul European, 1997.

³ *Rebreanu L.* Pădurea spânzuraților. București, 2010; *Ребряну Л.* Лес повешенных // *Ливиу Ребряну*. Избранное. Москва, 1987.

⁴ *Petrescu C.* Крушение. Москва, 1963; *Petrescu Cezar*. Întunecare. București, 2013.

⁵ См. подробнее: История Румынии / коорд. Поп И.-А., Болован И. Москва, 2005.

⁶ *Petrescu K.* Последняя ночь любви... С. 3.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ Там же. С. 249–250.

⁹ Там же. С. 276–277.

¹⁰ Там же. С. 288.

¹¹ Там же. С. 317.

¹² Там же. С. 322.

¹³ Там же. С. 278.

¹⁴ Там же. С. 258.

¹⁵ Там же. С. 308.

¹⁶ *Cristea D.* Romanul lui Camil. “Lucafăruș de dimineață”. 2009. № 27. 16.09.

¹⁷ *Petrescu K.* Последняя ночь любви... С. 288.

¹⁸ Там же. С. 297.

¹⁹ Там же. С. 213.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 161.

²³ Там же. С. 171.

²⁴ Там же. С. 215–216.

²⁵ Цит. по: *Margineanu C.* Literatură, psihologie și viață... // *Jurnalul Național*. 2010. 03.05. URL: <http://jurnalul.ro/cultura/artele-vizuale/literatura-psihologie-si-viata-542589.html>).

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ *Mamolescu N.* Istoria critică a literaturii române. 5 secole de literatură. Pitești, 2008.

³¹ *Rebreanu L.* Ițic Ștrul, dezertor; Catastrofa; Hora morții // *Rebreanu L.* Catastrofa (Trei Nuvele). București, 1921.

³² *Rebreanu L.* Pădurea spânzuraților. P. 46.

³³ Ibid. P. 28.

³⁴ Ibid. P. 55.

³⁵ Ibid. P. 284.

³⁶ Ibid. P. 314.

³⁷ Ibid. P. 50.

³⁸ *Dugneanu P.* Liviu Rebreanu. Biblioteca critică. Vol. 50. București, 1987 (цит. по: *Margineanu C.* Literatură, psihologie și viață... //Jurnalul Național. 2010. 03.05. URL: <http://jurnalul.ro/cultura/arte-vizuale/literatura-psihologie-si-viata-542589.html>).

³⁹ *Rebreanu L.* Pădurea spânzuraților. P. 116

⁴⁰ Ibid. P. 148.

⁴¹ Ibid. P. 46.

⁴² *Фридман М.В.* Идеино-эстетические течения в румынской литературе XIX–XX вв. Москва, 1989.

⁴³ Perpessicius. Mențiuni critice. Vol. III. București: Fundația pentru literatură și artă, 1936. P. 32.

⁴⁴ *Philippide A.* “Întunecare”, roman de Cezar Petrescu. “Viața Românească”. AnXXI. 1929. № 2–3.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ В переводе с румынского название означает «темнота», «ослепление».

⁴⁷ *Петреску Ч.* Крушение. С. 676.

⁴⁸ Там же. С. 47.

⁴⁹ Там же. С. 222.

⁵⁰ *Gârbea H.* Primul Război Mondial în literatura română // Apostrof. An. XXV. 2014. № 7 (290).

⁵¹ Сакеларие был трансильванцем, дезертировавшим из австро-венгерской армии с фронта в Галиции.

⁵² *Петреску Ч.* Крушение. С. 77.

⁵³ Там же. С. 79.

⁵⁴ Там же. С. 89.

⁵⁵ Там же. С. 185.

⁵⁶ Там же. С. 325.

⁵⁷ Там же. С. 189.

⁵⁸ Там же. С. 23.

⁵⁹ Там же. С. 198–199.

⁶⁰ Там же. С. 95 (курсив – Ч Петреску).

⁶¹ Там же. С. 357.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 359–361 (курсив – Ч. Петреску).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Доктор филологических наук (д.ф.н.) *Людмила Норайровна Будагова*, Зав. отделом Института славяноведения (Инслав) РАН.

Доктор исторических наук (д.и.н.) *Ярослав Вацулик*, профессор Университета им. Т.Г. Масарика (Брно, Чешская республика, ЧР).

Д.и.н. *Ярослав Валерьянович Вишняков*, доцент МГИМО (Университета) МИД РФ.

Д.и.н. *Андрей Владиславович Ганин*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

Кандидат филологических наук (к.ф.н.) *Ирина Александровна Герчикова*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

Д.и.н. *Милан Главачка*, Зав. отделом Института истории АН ЧР, проф. Карлова университета (Прага, ЧР).

Никита Сергеевич Гусев, младший научный сотрудник Инслав РАН.

Д.и.н. *Мирослав Дашиши*, Зав. кафедры всемирной истории, проф. Университета им. Я.А. Коменского (Братислава, Словацкая республика, СР).

Д.и.н. *Далибор Денда*, научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия).

Д.и.н. *Петр Ахметович Искендеров*, ведущий научный сотрудник Инслав РАН.

Кандидат исторических наук (к.и.н.) *Любовь Алексеевна Кириллина*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

Виктор Викторович Котов, аспирант Инслав РАН.

К.и.н. *Лобачева Юлия Владимировна*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

К.и.н. *Катерина Владимировна Мальшина*, доцент Дипломатической академии МИД Украины.

Д.и.н. *Ирина Васильевна Михутина*, ведущий научный сотрудник Инслав РАН.

Дина Ивановна и *Александр Александрович Муратовы*, сотрудники редакции журнала «Русское слово» (Прага, ЧР).

К.и.н. *Зоя Сергеевна Ненашева*, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Евгений Александрович Ничков, аспирант Курганского государственного университета.

К.и.н. *Максим Викторович Оськин*, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула)

Александр Олегович Пеганов, аспирант Белорусского государственного университета (Минск)

Д.и.н. *Оксана Васильевна Петровская*, зав. отделом Российского института стратегических исследований (РИСИ).

Д.и.н. *Ольга Евгеньевна Петрунина*, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова.

К.и.н. *Надежда Сергеевна Пилько*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

К.и.н. *Татьяна Андреевна Покивайлова*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

Магистр *Радован Пулко*, преподаватель географии, член муниципалитета г. Кидричево, председатель исторического общества «Кидричево» (Словения)

Д.и.н. *Галина Викторовна Рокина*, проф. Марийского государственного университета.

Д.и.н. *Елена Павловна Серапионова*, Зав. отделом Инслав РАН, проф. МГИМО (Университета) МИД РФ.

Екатерина Сергеевна Сергеенко, аспирантка Инслав РАН.

К.и.н. *Екатерина Сергеевна Скворцова*, сотрудник Историко-дипломатического отдела МИД РФ.

Д.и.н. *Ольга Владимировна Соколовская*, ведущий научный сотрудник Инслав РАН.

Д.и.н. *Николай Николаевич Станков*, проф. Волгоградского государственного университета.

Дмитрий Степанов, выпускник Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

К.и.н. *Рашид Рашиатович Субаев*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

Д.и.н. *Тимофеев Алексей Юрьевич*, научный сотрудник Института истории Сербской академии наук (САН) (Белград, Сербия)

Александр Тимашинов, аспирант Инслав РАН

Анастасия Усачева, научный сотрудник Инслав РАН.

Д.и.н. *Кирилл Викторович Шевченко*, проф. Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Д.и.н. *Андрей Леонидович Шемякин*, ведущий научный сотрудник Инслав РАН.

К.ф.н. *Людмила Федоровна Широкова*, старший научный сотрудник Инслав РАН.

Ева Шкорванкова, аспирантка Университета им. Я.А. Коменского (Братислава, СР).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Bagiński H. 96
Bérard V. 35
Bjelajac M. 50
Bogitschewitsch M. 36
Boros F. 575–576, 578
Brailsford H.N. 629–630
Buchinger M. 574
Čajak J. 533
Čejka J. 319
Čizmić I. 517, 519–521
Class H. 34
Constantinescu P. 664
Cristea D. 78, 665
Dinstein Y. 574, 665
Dolinar F. 409
Dugneanu P. 666
Đurišin M. 576
Dyboski R. 97
Dýk V. 320
Dzwonkowski W. 381
Feis H. 21, 27, 35
Fischer J. 259
Goschen E. 322
Grafenauer B. 503
Greenhalgh E. 36
Guštin D. 502
Harna J. 353–354
Hautmann H. 370
Havránek J. 325, 371
Hecker G. 34
Hejstings M. 48
Houra J. 187
Hrabak B. 134
Hronsky M. 354
Hrušovský J. 640
Ivičić V. 206
Jakešová E. 202
Jannen Jr. 35
Jarausch K. 35
Jenuš G. 502
Jesenský J. 206, 640
Knaflič V. 410
Kolar N. 260
Korzeniowski M. 381
Krajčovičová N. 576
Kučera R. 370
Kuthan P. 188
Langer F. 652
Lazarević M. 50
Lipták Ľ. 640
Lončar D. 427
Marcovitch L. 630
Marinčić A. 517–518
Mašín E. 187
McMeekin S. 48
Michela M. 576–577
Mombauer A. 35
Motl S. 652
Nagy L. 575–576
Nolte C.E. 319–320
Odziemkowski J. 97
Országh J. 203
Ostojić-Fejić U. 517, 519
Pearce R. 34
Philippide A. 666
Pichlík K. 352

- Pleterski J. 410, 427–428
Pospíšil A. 466
Prašek V. 186–187
Prunk J. 409
Rahten A. 427
Rebreanu L. 665–666
Remes F. 554
Romsics I. 574–577
Rothenberg G.E. 133
Romnişcanu M.Gr. 618
Savický I. 652
Schelking E. 35
Šedivý I. 319, 323–326, 352, 354
Šepić D. 410, 428
Šmída F. 322–323
Šolle Z. 553–555
Stawecki P. 96
Štýbnar Vit. 186
Šuligoj L. 260–261
Szarka L. 575
Talír J. 369
Thurzo I. 533
Topolovec R. 260
Ude L. 14
Urbán M. 340, 353, 640
Urban O. 340
Usher R. G. 36
Uslu A. 574
Valiani L. 428
Vilikovský P. 640
Warburg M.M. 34
Weiss J. 652
Young H. 35
Zuman F. 186–187
Агафонов А. А. 159–160
Азманов Д. 61, 66
Айзенберг А. 236
Айрапетов О. Р. 341
Аксаков И. С. 130
Алексадров В. 66–67
Александр М. 536–537
Александр I 18
Александров 57, 59–60, 66
Алексеев М. В. 87, 151, 154, 459–460
Альфеди К. 241
Аморт В. 173
Андерле О. 181
Андерс Вл. 86–88
Андреев Л. Н. 385–393
Андреевский П. 15
Анненков Б.В. 131
Антонеску В. 604
Анчев С. 62, 65
Аппольи А. 293
Аргутинский-Долгорукий В. Н. 302
Арнульд К. 236
Артамонов В. А. 44
Ашер Р. 29
Бабунский Й. 121, 128
Баденский М. 537, 539, 544
Базили Н. А. 455
Барабаш Г. 150, 155
Барбюс А. 8
Барто А. 237
Баткис Л. 18
Беллу С. 218
Белова И. Б. 278
Беляев М. 173, 187
Бендерев А. Ф. 82
Бенеш Э. 314, 455, 464, 542–544, 549, 558, 566
Бентковский А. К. 305
Берар В. 26
Бергбом Э. 108, 165
Берхтольд фон Л. 290–293
Берцеану М. 218–219
Бетман-Гольвег Т. 23
Бирман М. А. 384, 394
Бируль Г. Ю. 92
Бисмарк О. 334

- Бичерахов Л. Ф. 131
Благоевич А. 116
Бобринский Г. А. 486
Богатый Э. 241–242
Богданович И. 165, 629–630
Богоявленский Н. 504
Бойович П. 106
Борский Л. 314
Бошков М. 73
Бошкович Ст. 103
Бранкович Н. 100
Братиану Й. 31, 58, 567
Бремец К. 92
Брио Н. П. 159–160
Бркич Д. 92
Брусилев А. А. 226
Брэтиану Э. 225, 568
Брюсов В. 17, 374
Булак-Балахович С.Н. 131
Булисс К. 568
Бухингер М. 560
Бычков П. П. 241–243
Ваврох Н.И. 175
Вазов И. 15, 392
Вайсс Я. 15, 549, 648–649, 651
Ванек В. 183
Ваничек Й. 314
Ванчура В. 15
Варбург М. 22, 34
Васич М. 117–118, 128
Вачев Д. 63
Вачева Д. 68
Вемич В. 118
Венизелос В. 74
Венизелос Э. 65, 431–432, 436, 440, 441, 445
Вернер Э. 92
Веселкин М. М. 46
Вецкий С. И. 89
Вилимек И. 177
Вильгельм II 24, 59 338, 432
Вильсон В. 535, 558, 630
Винниченко В. К. 584
Виноградов В. Н. 13–15, 18, 618–619
Вирен Р. Н. 173, 175
Витте С. Ю. 16
Вишняков Я. В. 155–156
Влчек И. 643
Воинович-Косовац К. 127
Войцеховский С. Н. 91
Воликовский Л. И. 88
Волков В. К. 12, 18
Вольф Я. 172, 453
Вондрак В. 173, 184–186, 197–199, 449–461, 465
Вошняк Б. 399, 403, 405, 407, 409
Вуйич Д. 162, 507
Вукосавлевич Б. 162
Габршек А. 399
Гайс И. 40
Галки Н. 218–219
Гампл Я. 191
Гартвиг Н. Г. 38, 44–45, 284, 332, 624
Гастингс М. 39
Гацек М. 634
Гачинович В. 117
Гашек Я. 12, 15, 342, 465–466, 643–647
Гебзаттель фон Ф. 536–552
Гелинек О. 102
Генинга-Михелиса Е. М. 86
Георг I 431–433, 441
Гербель С. Н. 215–216
Герд Л. А. 71, 77
Гинденбург 62
Гишпиус З. 585, 599
Гирс А. А. 625, 627
Глинка А. 568–569
Глос Й. 181, 183

- Гойкович В. 126
Гойкович И. 102
Голубович М. 596
Гольц К. фон дер 382
Гомберг А. А. 163
Гончаренко В. М. 255
Горжейший И. 15
Городецкий С. 17
Горчинский В. 376
Гочев Я. 57–58, 66
Грабе А. 174, 190
Грабчик Ф. 93
Грасселли П. 310
Грашек Ю. 191
Грегорин Г. 399, 402–404
Грегор-Тайовский Й. 633
Грибанов Н. Г. 270
Грмела А. 183
Груйич М. 510–511
Грунд Л. 465–466
Грушевский М. С. 579–580
Грушовский Я. 635–638
Гумилев Н. С. 164, 502
Гурбан В. 196, 201
Гурко В. И. 219–220, 222–224
Гус Я. 309, 348
д' Аннунцио Г. 164
Дакснер В. 197
Дакснер И. 197
Дараган И. М. 86
Дедина Ф. 180, 465
Делев П. 64
Демидов Е. П. 437, 439, 444
Деникин А. И. 14, 85
Державин Н. С. 382, 390
Дзевановский В. А. 86
Димитриев Р. 181
Димитриевич-Апис Д. 44, 109
Димитров А. Б. 54, 65
Добровский 348
Добрышина Л. В. 269
Довбор-Мусницкий И. Р. 85, 87–88
Долежал К. 177–178
Дорои А. 236
Дузь П. Д. 158, 167
Думба К. Т. 310
Духачек Й. 177
Духонин Н. Н. 583
Дьяков И. Н. 179
Дюрих Й. 198, 453–455
Егорьев К. Н. 219, 222
Едловский Й. 399
Екмечић М. 129
Ельцин Б. Н. 16
Есенин С. 17
Есенский Я. 196, 633
Жарова А. С. 277
Жеков Н. 56, 61
Жераич Б. 117
Жерьяв Г. 399, 403, 409
Живкович М. 142, 145–147, 151–152, 154
Жильский Л. 92
Жуковский В. Г. 314, 473–475
Жупанич Н. 399
Зайдлер Э. 421
Зайончковский А. М. 231
Захариа Э. 218–219
Захаров Н. В. 233
Збинёвски И. 192–193
Зембалевский Д. Н. 176
Златева А. 64, 68
Зуман Ф. 172
Иванов И. Е. 73, 383
Иванов М. И. 172
Йегличка Ф. 568
Извольский А. П. 406
Йиндржишек Г. И. 172, 181, 449, 461, 465
Йирасек Й. 345

- Илич Й. 128
Илчев Ив. 65
Иностранцев М. А. 92
Йованович Бр. 103
Йонеску Т. 58
Йордан К. 55, 65
Ирасек А. 368
Ироушек Б. 14
Исламов Т. М. 40, 244
Иштван Я. 342
Казанский М. 344
Какиашвили И.Д. 108, 165
Калафатович Д. 126
Каледин А. М. 585–587
Каль В. Ф. 300
Канавров Д. 61
Каня Б. 93
Каплицкий В. 342, 643
Каппель В. О. 91
Карагеоргиевич А. 109, 118
Карасев А. В. 14
Карахан Л. 612–615
Кароя М. 557, 559, 561–565
Карчевский М. 92
Каширин В. Б. 113, 224
Келлер Ф. А. 24, 183
Келчевский А. К. 88
Керенский А. Ф. 200, 608
Киган Дж. 282
Кларк К. 39
Класс Г. 22, 34
Клемпа Й. 344, 348
Клецанда В. 177, 196, 198
Клещинский К. К. 86
Клих В. 180, 182
Клицин М. 531
Клофач В. 289, 294, 314, 347–348, 468, 537
Клофач К. 183
Клюев Н. 17
Кобург Ф. 383
Коверский Э. А. 85
Коканович Д. 117
Коллар Я. 348, 368
Кони А. Ф. 388
Коничек С. 173, 347, 448, 472
Коничекова М. 177
Константин I 440, 442, 444
Константинеску П. 653
Копта Й. 643
Копыткин С. 18
Корман Я. 193, 194
Корнилов Л. Г. 14, 459
Корошец А. 409, 415, 420–421
Косанович Б. 18
Косик В. И. 37, 47, 51
Костиков В. К. 16–18
Котвич-Добржанский В. 92
Котек Й. 356
Котински О. 177
Котомкин А. Е. 234
Кочегур А. 109
Крамарж К. 183–184, 311, 314, 317–318, 331, 339, 346–348, 406, 456, 472, 537, 541, 545
Краус А. 110
Крек Я. Е. 409, 413, 415, 418
Криворов И. 59, 67
Кристеско К. 218
Крлежа М. 15
Кронковский Е. К. 91
Крупенский А. Н. 284, 401
Крыленко Н. В. 586, 588
Крылова Н. В. 276
Крюкова Н. 243, 246
Кудинов М. 108, 165
Кузьмин А. 278
Куликовской Ю.И. 93
Куманов М. 59, 63
Кун Б. 564–565
Кучера Р. 357
Кыллугуреану К. 218

- Кынаньгу Н. 218–219
Кэлинеску Дж. 656, 661
Лалков М. 65
Лангер Ф. 643, 647
Лаптева Л. П. 340
Ласло А. 236
Лах И. 398–399, 403
Лемке М.К. 84
Ленард Л. 401, 407
Ленин В. И. 275, 588, 593, 597, 608
Ливен Д. 40
Лилов И. 58
Липатов А. В. 14
Лихновский М. 25
Лихтарович Л. К. 92
Лицинский В. А. 176
Лозанич Е. 510
Лозинский В. 93
Лонткевич Б. 84, 149
Лонткиевич Б. 84
Лотоцкий Н. И. 177, 179
Лукомский А. С. 149, 152
Любимов Л. Н. 266
Любомирская М. 378
Людендорф Э. 596
Людсканов-Цанков К. А. 83–84
Май М. 92–93
Майстер Р. 318, 489–501
Маклаков В. А. 179
Макмекин Ш. 39
Макмиллан М. 39
Максимович В. 84
Мандич Й. 404–405
Манолеску Н. 658, 661
Манькин А. С. 282
Маринкович М. 162
Марков Г. 53, 55–57, 61–64, 67
Маркович Г. Б. 87
Маркович И. 196–197
Маркс Н. А. 151, 154
Мартинович Б. Т. 510, 516
Масарик Т. Г. 43, 184–186, 314, 328, 342, 346, 348, 355, 452, 455–464, 537, 545, 549–551, 563, 566, 642
Матеич П. 73
Медек Р. 14, 643, 648
Мертон К. 39
Микич С. 157–158,
Миллер Е.К. 93
Милованович М. 100, 128
Милованович-Печанац К. 127
Милутинович Д. 102
Милюков П. Н. 12, 389, 481
Митрович А. 40
Михайлович Д. 129, 508
Михутина И. В. 559
Мичатек Л. 523–525, 532
Мишев Д. 57, 65–66, 388–389, 395
Мишев Р. 65–66
Мишич Ж. 289
Мишич П. 102
Младеновић Б. 134–135
Младов Н.И. 109, 165
Момбауер А. 25
Мосолов А. А. 219, 603–605
Мосцицкий И. 93
Мумуяну Г. 218
Мысльбек Й. 173
Мюллер Й. 183
Мюнх А. 401, 407
Налковская З. 15
Нейман С. К. 14
Неклюдов А. В. 438
Немирович-Данченко В. И. 384
Ненашева З. С. 470, 485, 667
Нератов А. А. 442, 453, 480, 483
Николай II 17–18, 24, 47, 56, 230, 373, 442, 449
Нилов К. П. 271

- Новакова А. 363, 370
Новинский Т.Ф. 93
Обренович М. 97, 105
Оношко Д.Г. 165
Оношко Дм. 108
Орсаг Й. 191, 196–197
Орсаг Я. 192, 197
Павич М. 430, 444
Павликянов К. 78
Павлов В. 108
Павлов Г. М. 176
Пайпс Р. 460
Палацкий Ф. 348, 368
Палеолог М. 16, 24
Палицын В. А. 218–219
Паржик К. 327
Паукер Г. О. 219, 221
Паул Ф. 172
Пашич Н. 31, 39, 42–43, 45–46, 109, 120, 123, 283, 287, 513, 529
Пејчић П. 134
Пекарж Й. 309
Пекле Г. 142–143
Петлюра С. В. 586
Петреску К. 653, 665
Петреску Ч. 653, 655, 660, 663, 665
Петржик К. 177
Петров И. 59–60, 67
Петрунина О. Е. 77, 78–79
Петряев А. М. 623
Пехливанов И. Д. 83
Пий Х 349
Пилсудский Ю. 85
Пилько Н. С. 502–503
Пильны К. 92
Пирс Р. 20
Пичега В. И. 385, 395
Пиштелка П. 643
Плазина М. 102
Плетерски Я. 407
Плетерский Я. 398, 401
Погодин А. Л. 329
Покивайлова Т. А. 618
Поклевский-Козелл С. 603, 605
Покровский М. Н. 39
Полетик Н. П. 24, 31, 39
Попеску И. 218
Поповић Н.Б. 108, 142, 523
Попович В. 118, 121
Потиорек О. 329–330
Поточняк Ф. 513–514
Препелух А. 398
Прибичевич М. 508
Принцип Г. 117, 328–329, 331
Прокоп Я. 14, 18
Протопопов В. А. 298–299
Протопопов Е. С. 298–299
Пругтмайер А. 249
Пуанкаре Р. 24
Пугель М. 15
Пульпе Э. 163
Пупин М. 504–518
Пустослемшек Р. 399
Путник Р. 101, 103, 289
Раденкович М. 101
Радко-Дмитриев Р. Д. 81–82
Радославов В. 57, 123
Раевский М. Ф. 469
Раик Р. 15
Раковский Х. 562, 616
Распутин Г. 16
Ратенау В. 22
Ратманов С. 125
Рашин А. 347, 472, 538, 540
Рейман З. 173
Ремарк Э. М. 7, 11, 664
Рибарж О. 402, 500
Рид Дж. 231
Рикса Я. 197
Риттих А. А. 220
Родионов С. К. 173–174

- Романенко С. А. 40, 44
Романов И. К. 519
Романовский Ю. Д. 87
Ронге М. 124, 133–134
Рузский Н. В. 82
Румша К. Ю. 90–91
Русян К. 163
Рыжков Н. Н. 469–482
Савельев В. Ф. 159–160
Савинский А. А. 57
Савицкий И. 649
Садовский А. П. 16, 241
Сазонов С. Д. 31, 42, 45, 298,
303–304, 310, 347, 438, 512
Сапожников А. С. 241
Сарафов И. К. 82
Сахаров В. В. 97, 218–228
Сахаров Г. 108, 165
Сахаров К. В. 97
Сванидзе Н. К. 16
Сватковский В. П. 287, 314, 347,
349–350, 404–405, 408
Светец Л. 310
Семерджиев П. 56, 66
Серапионова Е. П. 244, 324, 354
Серб А. 125–126
Синявская Е. С. 232, 244
Скороход Н. С. 387
Смольянинов М. С. 166–167
Созентович И. 178, 185
Соллогуб С. И. 86
Соловьев Ю. Я. 17, 431, 482
Сокуп Ф. 463, 538
Спалайкович М. 285
Срб А. 125
Срезовский Й. 15
Стаев П. С. 83
Сталин И. В. 27, 35, 582, 592,
597
Станек Ф. 317
Станчев С. 55, 60–61, 66
Старженский А. 88
Старков Б. А. 40
Стаценко В. 109
Стефанович М. 102, 118, 128
Стеценко В. 165
Стиннес Г. 23
Стогов Н. Н. 585
Столыпин П. А. 38, 477
Странский А. 545
Стршибны Й. 538
Супило Ф. 407, 413
Сухарев В. И. 225, 228
Сухомлинов В. 173, 375
Схинас А. 430
Табуи Ж. 584
Тавчар И. 310, 398, 399, 413
Тайовский Й. Г. 196–197
Талалай М. Г. 77
Танкосич В. 118, 121
Татаринов А. 125
Терехов В. И. 282
Тесарж П. 177
Тимофеев А. Ю. 134–135
Тоболка З. 317
Тодорович К. 118
Томме В. Э. 89
Тошев С. 61
Трбић В. 117–118, 124, 126, 128
Трепов Ф. Ф. 172
Тривунац М. 509
Троицкий П. 70, 77
Троцкий Л. Д. 20, 34, 583, 585–
586, 588, 592, 596, 642
Трубейской Г. Н. 121
Трумбич А. 413, 417
Туган-Барановский М. И. 584
Тума Л. 142
Тун Ф. А. 313
Тусар В. 542, 560
Тучек А. 173, 178, 184, 314, 347,
448

- Тырш М. 308–309
Уайт Ф. 395
Ульский А. 108
Ульский А.В. 108, 165
Унгерн–Штернберг Р.Ф. 131
Уравчев С. 108
Урбан М. 15, 634–635
Урвачев С. М. 91, 165, 169
Урусов Л. П. 285, 439
Ухтомский Н. 109
Федоров В. Г. 163
Фей С. 39
Фейс Х. 28
Феннелл Н. 71
Фигнер Й. 309
Фидлер Ф. Ф. 387, 395
Филалити Г. 613–615
Финжгар Ф.С. 15
Фихтенгольц А. Г. 471
Фишер Ф. 16, 40
Флоринский Т.Г. 172, 176
Франц Иосиф 334, 336–337, 431
Франц-Фердинанд 309, 327, 330–331, 342, 344–345, 355, 413, 417, 419, 508
Франше д' Эспере Л. 158
Фридрих И. 567–568
Хаджи К. 531, 534
Хартманн Л. 542
Хемингуэй Э. 11
Хитров А. М. 72
Хлебников В. 17
Хованчак А. 191
Ходорович Н. А. 173, 179
Холбрук Р. 39
Хорти М. 568–569, 572
Хрибар И. 398–399, 413, 491
Хрисохоидис К. 75
Хробак Д. 639
Хрубан М. 560
Хусар К. 568–570
Цанкар И. 15
Цветков П. 56, 65
Цейп К. 177
Црнянский М. 15
Чабринович Н. 328–329, 331
Чапек К. 15
Челаковский Я. 368
Червены О. 172, 181–182
Чермак Б. 465
Черчилль У. 29, 35
Чех С. 348
Чила О. 643
Чилингиров С. 389, 396
Чинтулов И. Д. 89
Чистяков П. Е. 143–145, 148
Чичерин В. Г. 607, 612, 614
Чолак-Анич Б. 123
Чуковский К. И. 386
Чума В. 93
Чучек Ф. 254, 256
Шайнович М. 219
Шалоун Л. 309
Шафарик 348
Швегла А. 457, 538, 540
Швиговский В. 172, 449, 462–467
Шебеко Н. Н. 299
Шедивы И. 343, 351–352
Шейнер Й. 308, 310, 313–315, 317–318
Шелкинг Е. Н. 24
Шемякин А. Л. 15, 36, 37, 47, 49, 110, 137, 668
Шенфельд А. 248
Шепич Д. 398, 400
Шилганова Г. 177
Шимов Я. В. 40
Шкарван Э. 197
Шкаровский М. В. 72
Шкундин Г. Д. 58, 66

- Шмида Ф. 312
Шолохов М. А. 7
Шпатны Э. 347
Шпенглер О. 12
Шрамек Ф. 15
Штарк К. 236
Штепанек Б. 43, 551
Штефаник И. Б. 522–531
Штефаник М. Р. 453, 522, 531, 633
Штрандтман В. Н. 37–42, 44–45, 47, 123, 285–286, 295
Штумм В. А. 541
Штюргк К. 418, 419
Штюрмер Б. В. 142–143
Шумов С. 241
- Шуштершич И. 412, 414–415, 418, 421, 422
Щербачёв Д. Г. 602, 608
Эйснер К. 547, 550
Экмечич М. 109
Элефтерие И. 218–219
Энгельс Ф. 23
Эрбен Ф. 311
Югнова А. 178
Югович Й. 159
Юденич Н. Н. 93
Янковский П. М. 163–164
Янушкевич Н. 173
Янчек-мл. Я. 196–197
Яси О. 561–562

Научное издание

Коллектив авторов

**Первая мировая война
и судьбы народов Центральной
и Юго-Восточной Европы: очерки истории**

Ответственный редактор *Е.П. Серапионова*

Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 10.10.2015 г.
Формат 60x90/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,5. Тираж 300 экз.

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96

ISBN 978-5-7576-0349-0

9 | 785757 | 603490